

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 16, № 4, 2023

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 16, no. 4, 2023

**The journal
was founded in 2008**

Publication frequency:
six times a year

**The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS**

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iylin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. Система олигархического капитализма в России противоречит достижению целей специальной военной операции 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Сапир Ж. Каким будет новый мировой порядок? 38

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Дементьев В.Е. Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики 57

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Наумов И.В., Никулина Н.Л. Сценарное моделирование и прогнозирование пространственной неоднородности инновационного развития России 71
- Дай Ли, Цзян Сяюй, Усков В.С. Цифровизация и развитие «умного» общества: логика и практика управления 88

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Захарова К.А., Бабурина Н.А. Развитие организаций малого и среднего предпринимательства в регионах России: кластерный анализ с учетом экономического развития территории 109
- Секушина И.А. Особенности участия населения городов Европейского Севера России в государственном и муниципальном управлении 131
- Воронина Л.В., Григоришин А.В., Яхяев Д.Б. Оценка влияния факторов на инфраструктуру образования в Арктической зоне Северного макрорегиона 153

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Леонов С.Н. Реакция муниципальных бюджетов на меры государственного регулирования: методика оценки 168

ЭКОНОМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Тихонова Т.В. Учет экосистемных функций в оценке состояния природного капитала северного региона	186
--	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. Парадигма преобразующих инвестиций в контексте социально ориентированных теорий	203
Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Моисеева И.В. К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения	218
Пасовец Ю.М. Социально-экономическая уязвимость региональных сообществ: опыт социологической интерпретации и измерения	236
Гужавина Т.А. Социальный капитал российского региона: состояние и динамика	254

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Теребова С.В., Иванов С.Л., Щербин В.К. Актуальные проблемы сотрудничества предприятий России и Белоруссии: взгляд из региона	266
Узсайылыр А., Байджан Т. Анализ тенденций деиндустриализации в Турции в рамках международного сравнения	285

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	309
Правила приёма статей	321
Информация о подписке	322

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. The System of Oligarchic Capitalism in Russia Is Inconsistent with the Achievement of the Goals of the Special Military Operation 9

PUBLIC ADMINISTRATION

- Sapir J. What Will Be the Emerging New World Order? 38

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Dementiev V.E. Communicative Concept of the Social Contract and Formation of the Course of Economic Development 57

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

- Naumov I.V., Nikulina N.L. Scenario Modeling and Forecasting of the Spatial Heterogeneity of Innovation Development in Russia 71
- Dai Li, Jiang Xiaoyu, Uskov V.S. Digitalization and the Development of a “Smart” Society: The Logic and Practice of Management 88

REGIONAL ECONOMICS

- Zakharova K.A., Baburina N.A. Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Regions of Russia: Cluster Analysis Taking into Account the Economic Development of the Territory 109
- Sekushina I.A. Features of Participation of the Population of Cities of the European North of Russia in Public and Municipal Administration 131
- Voronina L.V., Grigorishchin A.V., Iakhiaev D.B. Assessing the Impact of Factors on the Education Infrastructure in the Arctic Zone of the Northern Macroregion 153

PUBLIC FINANCE

- Leonov S.N. Reaction of Municipal Budgets to State Regulation Measures: Assessment Methodology 168

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

Tikhonova T.V. Consideration of Ecosystem Functions in Assessing the Condition of Natural Capital in the Northern Region	186
--	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Dvoryadkina E.B., Kvon G.M. The Paradigm of Transformative Investment in the Context of Socially Oriented Theories	203
Kormishkin E.D., Ivanova I.A., Moiseeva I.V. On the Issue of Poverty in Russia: Facts, Paradoxes, Specifics, and Alleviation Prospects	218
Pasovets Yu.M. Socio-Economic Vulnerability of Regional Communities: Sociological Interpretation and Assessment	236
Guzhavina T.A. Social Capital of the Russian Region: State and Dynamics	254

GLOBAL EXPERIENCE

Terebova S.V., Ivanov S.L., Shcherbin V.K. Current Problems of Cooperation between Russian and Belarusian Enterprises: Region's View	266
Uzsayılır A., Baycan T. Analysis of Deindustrialization Trends in Türkiye from an International Comparative Perspective	285

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	309
Manuscript Submission Guidelines	321
Subscription Information.....	322

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Система олигархического капитализма в России противоречит достижению целей специальной военной операции

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 23–24 июня 2023 г. Россия столкнулась с попыткой вооруженного мятежа, совершенного частной военной компанией «Вагнер», возглавляемой бизнесменом Е. Пригожиным. Несмотря на быстрое купирование кризиса, многие эксперты отмечают, что его последствия носят глубокий и долгоиграющий характер – для системы государственного управления, для Президента и страны в целом. В данной статье авторы, опираясь на собственный авторский капитал, накопленный в ходе многолетнего мониторинга эффективности государственного управления, который включает в себя анализ экспертных мнений, результаты разноплановых эмпирических исследований состояния российского общества, изучение ключевых нормативно-правовых актов и стратегических документов, принимаемых на федеральном уровне, рассматривают причины и последствия событий, произошедших 23–24 июня. Попытка мятежа связывается авторами с проявлением длительного кризиса государственности, к которому привела кланово-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Система олигархического капитализма в России противоречит достижению целей специальной военной операции // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 4. С. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2023). The system of oligarchic capitalism in Russia is inconsistent with the achievement of the goals of the special military operation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 9–37. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.1

олигархическая структура системы государственного управления, закрепившая своё господство в России в постсоветский период. Анализируются аспекты формирования мировоззрения современной крайне либеральной правящей элиты; приводятся конкретные факты, свидетельствующие о неэффективности реализации либеральным крылом власти указов и поручений главы государства; оценивается роль системы государственного управления в формировании и реализации Общественного договора как неформального института, представляющего собой набор взаимных обязательств между государством и обществом. Вывод, к которому приходят авторы, заключается в необходимости решительных действий (прежде всего, со стороны Президента) по кадровому обновлению системы государственного управления; в решении задачи её наполнения людьми, ориентированными на национальные интересы, а не либеральные ценности коллективного Запада, а также обладающими реальным успешным опытом практического решения сложных управленческих и хозяйственных задач, особенно в кризисных условиях, в том числе — в условиях специальной военной операции. Как и многие эксперты, авторы считают, что в этом случае система государственного управления сможет выработать адекватный ответ на беспрецедентный спектр внутренних и внешних вызовов, создаваемых нарастающими угрозами национальной безопасности и глобальными геополитическими изменениями, которые привели к специальной военной операции.

Ключевые слова: специальная военная операция, система государственного управления, Президент, Общественный договор, олигархический капитализм.

Специальная военная операция продолжается уже 19 месяцев. Как отметил глава государства в ходе празднования 78-й годовщины Дня Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, **сегодня нет дела важнее, чем боевая работа участников СВО; именно от её результатов зависит безопасность страны, будущее государства и российского народа.**

Однако в середине 2023 года, в период продолжающихся боевых действий и по-прежнему нарастающих угроз национальной безопасности со стороны коллективного Запада и киевского режима, Россия столкнулась с событием, которое поставило под угрозу достижение

«Мы гордимся участниками специальной военной операции, всеми, кто сражается на передовой, кто под огнём обеспечивает фронт, спасает раненых. **Нет сейчас важнее дела, чем ваша боевая работа. На вас держится сегодня безопасность страны, от вас зависит будущее нашей государственности и нашего народа**»¹.

целей СВО: 23–24 июня частной военной компанией «Вагнер», возглавляемой бизнесменом Е. Пригожиным², была совершена попытка вооруженного мятежа.

¹ Выступление В.В. Путина на Параде Победы // Официальный сайт Президента РФ. 09.05.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71104>

² Краткая биография Е. Пригожина (источник: РБК. URL: <https://www.rbc.ru/person/63d280069a79473d6f5e3ce6#p2>):

Е. Пригожин — бизнесмен, владелец группы «Конкорд» и ЧВК «Вагнер». В 1979 г. был приговорен к 2,5 годам лишения свободы за кражу. В 1981 году — к 13 годам колонии за кражу, мошенничество, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность и разбой. В 1988 году был помилован.

В начале 1990-х гг. Е.В. Пригожин стал заниматься продовольственным бизнесом. В 1991–1997 гг. управлял сетью частных продовольственных магазинов. В 2000-х гг. стал заниматься строительным бизнесом в Петербурге. В 2010-х гг. компания Пригожина начала сотрудничать с Минобороны.

Имя Пригожина связывают с созданным летом 2013 года Агентством интернет-исследований. В 2017 году стало известно о создании структурами Пригожина «фабрики медиа», в которую вошли Федеральное агентство новостей, а также другие связанные с ним издания. В США Пригожина обвинили во вмешательстве в выборы 2016 года и в политический процесс.

Пригожин является основателем частной военной компании (ЧВК) «Вагнер», о которой известно с 2015 г. Сам Пригожин признался в этом только в 2022 г. В США и Евросоюзе заявляли о действиях ЧВК «Вагнер» в Ливии, ЦАР, Судане, Мозамбике и Мали.

Многие эксперты первоначально охарактеризовали это событие³ как «удар в спину для тех, кто держит фронт»⁴; демонстрацию «слабых сторон нашей системы»⁵, «аварию российской государственности»⁶ и даже как «первый аккорд чудовишной катастрофы»⁷.

Однако сегодня, по прошествии двух месяцев после мятежа, становится всё более очевидным, что «аварии российской государственности»⁸ удалось избежать. Острая фаза кризиса была быстро купирована; органы власти всех уровней консолидировано выступили с однозначной поддержкой главы государства.

Как показывают результаты социологических опросов, проведенных федеральными и региональными социологическими центрами, попытка мятежа не привела к возникновению негативных тенденций в динамике поддержки Президента РФ со стороны общества (табл. 1).

В. Володин: «Проблемы и беды страны происходили всегда только из-за предательства, внутреннего раскола и измены элит. Депутаты Государственной Думы, представляя интересы граждан Российской Федерации, выступают за консолидацию сил, поддерживают Президента Владимира Владимировича Путина – нашего Верховного Главнокомандующего»⁹.

В. Матвиенко: «В Совете Федерации – палате регионов – есть полная поддержка Президента – гаранта Конституции – и ясное понимание того, насколько важна в текущей ситуации ответственная и консолидированная позиция всего общества, жителей и руководства всех без исключения субъектов Федерации»¹⁰.

Таблица 1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в апреле – августе 2023 г., % от числа опрошенных

Уровень одобрения деятельности Президента по данным...	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/-)	
				июнь к апрелю	август к июню
ВЦИОМ*	77,3	75,1	73,3	-2	-2
Левада-Центр**	83,0	81,0	82,0	-2	+1
ВолНЦ РАН***	60,5	61,3	61,3	0	0

* Опрашивается 1600 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ. Метод опроса – телефонное интервью. Представлены среднемесячные данные ВЦИОМ по итогам «волн» мониторинга, проведенных в периоды:

✓ с 3 по 9 апреля, с 17 по 23 апреля, с 24 по 30 апреля (апрель):

✓ с 5 по 11 июня, с 12 по 18 июня, с 19 по 25 июня (июнь);

✓ с 31 июля по 6 августа, с 7 по 13 августа (август).

** Левада-Центр включен в реестр иностранных агентов.

Опросы Левада-Центра проводились в периоды:

✓ с 20 по 26 апреля (1633 чел.);

✓ с 22 по 28 июня (1634 чел.);

✓ с 20 по 26 июля (1629 чел.; последние данные на момент подготовки статьи).

Метод опроса – личное интервью на дому у респондента.

*** Опросы ВолНЦ РАН проводились в периоды:

✓ с 21 марта по 11 апреля (апрель);

✓ с 16 мая по 13 июня (июнь);

✓ с 12 июля по 14 августа (август).

Опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондента.

³ Подробная хронология вооруженного мятежа 23–24 июня 2023 г. представлена, например, на сайте информационно-аналитического финансового издания «Банки сегодня» (<https://bankstoday.net/last-articles/myatezh-prigozhina>).

⁴ Официальный телеграм-канал А. Ходаковского. 25.06.2023. URL: https://t.me/aleksandr_skif/2747

⁵ Официальный телеграм-канал А. Дугина. 25.06.2023. URL: <https://t.me/Agdchan/10753>

⁶ Дугин А. После мятежа. Точка бифуркации // Официальный сайт Изборского клуба. 28.06.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24505>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Официальный телеграм-канал В. Володиной. 24.06.2023. URL: https://t.me/vv_volodin/659

¹⁰ Официальный телеграм-канал В. Матвиенко. 24.06.2023. URL: <https://t.me/valentinamatvienko/59>

И не менее важно отметить, что события 23–24 июня не оказали существенного негативного влияния на интенсивность темпов реализации органами власти ключевых направлений государственной политики в условиях СВО.

1. Ситуация на линии фронта принципиально не изменилась и остается под контролем российских вооруженных сил.

2. За последние два месяца был сделан ряд шагов по укреплению международных связей России с дружественными странами, прежде всего с государствами африканского континента, а также с КНДР, рядом арабских стран и др.

10 июля С. Лавров принял участие в Шестом раунде стратегического диалога между Россией и странами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

12–15 июля Министр иностранных дел РФ посетил с рабочим визитом Индонезию и Таиланд.

25–27 июля Министр обороны С. Шойгу впервые с рабочим визитом посетил Корейскую Народно-Демократическую Республику, где провел переговоры с лидером КНДР Ким Чен Ыном, а также побывал на параде в честь 70-й годовщины окончания Корейской войны.

27–28 июля в Санкт-Петербурге прошел второй саммит «Россия – Африка», а также ряд личных встреч Президента РФ с лидерами африканских государств. По их итогам эксперты отметили, что у России «появился еще один мощный союзник, почти целый континент, 54 страны»¹¹.

3. В условиях СВО, продолжающихся экономических санкций, а также нарастающих военных и террористических угроз со стороны Запада и киевского режима органы власти РФ продолжают активную законодательную деятельность по укреплению экономических, организационных и идеологических основ внутренней жизни в стране (*вкладка 1*), что, как мы отмечали ранее, имеет важное значение не только для настоящего, но и для будущего России; является по факту «контурами будущего нового Общественного договора»¹².

Таким образом, благодаря консолидированной поддержке Президента со стороны всех органов власти, армии и общества попытку мятежа удалось быстро купировать. **Однако было бы большой ошибкой игнорировать сам факт вооруженного мятежа, который фактически поставил Россию на грань гражданской войны в условиях продолжающейся специальной военной операции.**

«... давно зревший в России политический кризис прорвался наружу в форме попытки государственного переворота. К счастью, переворот удалось предотвратить, **но как выйти из породившего его кризиса, никто не говорит. Похоже, что не хватает концептуального видения сути проблемы, а также научной смелости**»¹³.

¹¹ Новый политический полюс мира: итоги саммита Россия – Африка // Рен ТВ. 31.07.2023. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1128027-novyi-politicheskii-polius-mira-itogi-sammita-rossii-afrika?ysclid=lkxm2p7nvd82769901>

¹² Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 9–34.

¹³ Гапоненко А. Сталинская революция // Завтра. 10.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_8

Вкладка 1

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 21 июня по 20 августа 2023 г.¹⁴

<p>МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, ПО МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ</p>
<p>24 июня — ФЗ № 277 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Устанавливается административная ответственность за нарушение режима военного положения в виде административного ареста на срок до 30 суток.</p>
<p>24 июня — ФЗ № 270 «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Устанавливаются правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооружённые Силы РФ (освобождение от уголовной ответственности лиц, в отношении которых осуществляется предварительное расследование; за некоторыми исключениями — лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести; имеющих судимость).</p>
<p>24 июня — ФЗ № 281 «О внесении изменений в статьи 19 и 24 Федерального закона „О статусе военнослужащих“». Детям военнослужащих, добровольцев и сотрудников Росгвардии в первоочередном порядке предоставляются места в школах, дошкольных учреждениях и летних лагерях.</p>
<p>24 июля — ФЗ № 326 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Уточняется предельный возраст пребывания в мобилизационном резерве. Для солдат, матросов, сержантов, прапорщиков, мичманов, которые относятся к первому разряду, предельный возраст повышается с 35 до 40 лет, ко второму — с 45 до 50 лет, к третьему — с 50 до 55 лет. Предельный возраст пребывания в мобилизационном резерве граждан, находящихся в запасе, увеличивается на 5 лет. Для старших офицеров он составит 65 лет, для младших офицеров — 60 лет, для имеющих иные звания — 55 лет. Предельный возраст пребывания в мобилизационном резерве для высших офицеров запаса сохраняется на уровне 70 лет.</p>
<p>31 июля — ФЗ № 388 «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона „Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооружённые Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“». Закон направлен на повышение эффективности мер социальной поддержки военнослужащих, принимающих участие в СВО. Уточняется порядок погашения обязательств по кредитному договору, заключённому в целях приобретения жилого помещения с использованием средств целевого жилищного займа, в случае гибели (смерти) при выполнении задач в период проведения СВО. В указанном случае обязательства такого военнослужащего по кредитному договору погашаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим функционирование накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.</p>

¹⁴ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Грудная дорожка после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41). Начиная с данного выпуска принятые нормативно-правовые акты разбиты на тематические блоки, касающиеся 1) хода СВО и развития ВПК; 2) регулирования информационной среды и деятельности иноагентов; 3) социально-экономической поддержки граждан и укрепления экономики страны.

Продолжение вкладки 1

<p>31 июля — ФЗ № 396 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Устанавливается уголовная ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищённости объектов (территорий). Условием привлечения к уголовной ответственности за нарушение указанных требований является факт предшествующего неоднократного привлечения лица к административной ответственности за нарушение таких требований.</p> <p>Нарушение, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или причинение крупного ущерба, наказывается штрафом до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 мес., либо ограничением свободы на срок до 3 лет. Повлекшее смерть человека — лишением свободы на срок до 5 лет. Повлекшее смерть двух или более лиц — лишением свободы на срок до 7 лет.</p>	<p>31 июля — ФЗ № 404 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Установлена административная ответственность за неказание содействия военным комиссариатам при объявлении мобилизации.</p> <p>Повышается штраф за неявку в военкомат по повестке без уважительной причины (ранее — от 500 до 3 тыс. руб.; теперь — от 10 до 30 тыс. руб.).</p> <p>Непредоставление в военкомат (или орган первичного воинского учета) сведений об изменении семейного положения, образования, места работы (учебы) или должности, места жительства без оформления регистрации будет наказываться штрафом от 1 до 5 тыс. руб.</p> <p>Штраф от 10 до 20 тыс. руб. будет назначен подлежащему первичному воинскому учету гражданину, если тот в период призыва не сообщит в соответствующую структуру о выезде с места жительства более чем на три месяца.</p> <p>Штраф за непредоставление в военкомат списка учета граждан, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, составит от 40 до 50 тыс. руб. для должностных лиц, для юридических лиц — от 350 до 400 тыс. руб.</p> <p>Повышаются штрафы и за уклонение от медицинского обследования: теперь они составят от 15 до 30 тыс. руб.; за умышленную порчу или утрату документов воинского учета штраф составит от 3 до 5 тыс. руб.</p>	<p>4 августа — ФЗ № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Приняты дополнительные законодательные меры по защите государственной тайны. Установлен порядок принятия решения об ограничении права на выезд из РФ лиц, осведомленных о сведениях особой важности или совершенно секретных сведениях. Например, такое решение в отношении сенаторов и депутатов Госдумы принимается соответственно Председателем Совета Федерации, Председателем Госдумы в порядке, определяемом соответственно Советом Федерации, Госдумой. Выезд из РФ таких лиц осуществляется с предварительным уведомлением ФСБ (его территориального органа) и СВР.</p> <p>Предусмотрен перечень обстоятельств (смерть близких родственников, необходимость экстренного лечения и т.п.), при возникновении которых граждане РФ, ограниченные в праве на выезд из страны в связи с их осведомленностью о сведениях особой важности или совершенно секретных сведениях, могут временно выехать за границу.</p> <p>Введено понятие «режим секретности», предусмотрены полномочия Правительства, в том числе по установлению порядка обеспечения режима секретности в РФ, а также по изданию актов по вопросам, связанным с выездом из РФ граждан, допущенных или ранее допущавшихся к гостайне.</p> <p>Конкретизированы полномочия Президента РФ по вопросам обеспечения режима секретности в Администрации Президента Российской Федерации.</p>	<p>4 августа — ФЗ № 437 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Внесены изменения в области ведения воинского учёта и обеспечения явки по повестке военного комиссариата. Предусмотрено, что гражданам, подлежащим призыву на военную службу, выезд из РФ запрещается со дня размещения в отношении них повестки военного комиссариата в реестре направленных (врученных) повесток. Установлен запрет на выезд из Российской Федерации в качестве временной меры, направленной на обеспечение явки гражданина, подлежащего призыву на военную службу.</p> <p>Закреплена обязанность власти субъектов РФ предоставлять в электронном виде сведения о гражданах, профессиональных образовательных организациях предоставлять в электронном виде сведения о гражданах.</p> <p>Другим ФЗ (№ 439), подписанным Президентом РФ в этот же день, с 1 января 2024 года повышена верхняя граница призывного возраста (с 27 до 30 лет).</p>
--	--	--	---

<p align="center">МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ</p>
<p>24 июня – ФЗ № 264 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации”». Внесены изменения в закон об образовании. Участие в СВО относится к индивидуальным достижениям абитуриентов, которые учитываются образовательными организациями при приёме на обучение по образовательным программам среднего профессионального образования, а также программам бакалавриата и специалитета.</p>
<p>24 июня – ФЗ № 283 «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации”». Устанавливается, что Правительство РФ ежегодно не позднее 15 мая года, следующего за отчётным годом, представляет палатам Федерального Собрания РФ национальный доклад о реализации государственной политики в сфере образования.</p>
<p>24 июля – ФЗ № 358 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Устанавливается, что органы публичной власти, их должностные лица, физические лица обязаны учитывать ограничения, связанные со статусом иностранного агента, указанные в статье 11 ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». Действия (бездействие) таких лиц не должны способствовать нарушению иностранным агентом законодательства Российской Федерации об иностранных агентах. Также предусматривается, что в отношении указанных лиц могут проводиться внеплановые проверки. Устанавливается, что иностранный агент не вправе получать государственную финансовую и иную имущественную поддержку, в том числе при осуществлении творческой деятельности.</p>
<p>24 июля – ФЗ № 379 «О внесении изменений в Федеральный закон „О российском движении детей и молодежи”». Предусматривается наделение названного движения полномочиями главного распорядителя бюджетных средств и получателя бюджетных средств, а также полномочиями по предоставлению субсидий его региональным отделениям, предоставлению грантов. Также предусматривается создание первичных отделений названного движения в образовательных организациях высшего образования. Минобрнауки РФ наделяется полномочием по координации деятельности этих отделений.</p>
<p>31 июля – ФЗ № 409 «О внесении изменений в Федеральный закон „О некоммерческих организациях”». В законодательство внесены изменения, касающиеся участия российских физических и юридических лиц в деятельности иностранных некоммерческих неправительственных организаций на территории РФ. Лицам, замещающим государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы, по общему правилу запрещается входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций, а также заниматься оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счёт средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства.</p>
<p>4 августа – ФЗ № 425 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Внесены изменения, касающиеся участия в деятельности на территории России иностранной или международной некоммерческой неправительственной организации. Участие в деятельности таких организаций влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 3 до 5 тысяч рублей; на должностных лиц – от 20 до 50 тысяч рублей; на юрлиц – от 50 до 100 тысяч рублей. Также в Уголовный кодекс РФ введена новая статья 330.3, предусматривающая наказание за данный вид преступления, в частности, в виде штрафа в размере от 100 до 200 тысяч рублей; обязательных либо принудительных работ; лишения свободы на срок до 2 лет. Повышенная ответственность устанавливается за организацию деятельности такой организации.</p>
<p>4 августа – ФЗ № 468 «О внесении изменений в статьи 97 и 98 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации”». В соответствии с ФЗ к мероприятиям по оценке качества образования, проводимым в рамках осуществления мониторинга системы образования, относятся региональные, национальные и международные сопоставительные исследования качества общего образования. Региональные сопоставительные исследования качества общего образования проводятся по решению органа исполнительной власти субъекта РФ.</p>

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ	
20 июля – Указ № 540 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100 „О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности“». До 31 декабря 2025 года продлено действие указа о применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности.	
24 июля – ФЗ № 339 «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Определяется правовой режим обращения цифровых рублей как объекта гражданских прав. В этих целях предусматривается, что цифровые рубль представляют собой разновидность безналичных денежных средств. Расчёты цифровыми рублями осуществляются путём перевода цифровых рублей Банком России в рамках платформы цифрового рубля в соответствии с законодательством Российской Федерации о национальной платёжной системе.	
24 июля – ФЗ № 369 «О внесении изменений в Федеральный закон „О национальной платёжной системе“». Внесены изменения, направленные на совершенствование механизмов противодействия хищению денежных средств со счетов граждан: уточняются признаки осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента, порядок приостановления приёма к исполнению распоряжения клиента или отказа в совершении соответствующей операции при наличии таких признаков и др.	
4 августа – ФЗ № 422 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Совершенствуется порядок применения специальных экономических мер, направленных на запрет (ограничение) совершения финансовых операций и (или) замораживание (блокирование) денежных средств и (или) иного имущества, принадлежащих блокируемому лицу, а также финансовых операций, совершаемых в интересах и (или) в пользу таких лиц. Кроме того, Федеральным законом расширяется круг лиц, в отношении которых могут применяться специальные экономические меры. К таким лицам относятся в том числе юридические лица, подконтрольные иностранным организациям, и (или) иностранным гражданам, и (или) лицам без гражданства.	
4 августа – ФЗ № 448 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об особых экономических зонах в Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Упрощен порядок получения организациями и индивидуальными предпринимателями статуса резидента особой экономической зоны.	
4 августа – ФЗ № 414 «О налоге на сверхприбыль». Закон о введении разового налога на сверхприбыль для организаций, у которых средняя величина прибыли за 2021 – 2022 гг. превысила один миллиард рублей. Объектом налогообложения признается сверхприбыль, полученная налогоплательщиком и определяемая как превышение средней арифметической величины прибыли за 2021 год и прибыли за 2022 год над средней арифметической величиной прибыли за 2018 год и прибыли за 2019 год. Налогоплательщиками налога на сверхприбыль являются российские организации, иностранные организации, осуществляющие свою деятельность в Российской Федерации. Устанавливаются порядок определения налоговой базы по налогу на сверхприбыль и налоговая ставка по данному налогу в размере 10 процентов.	

24 июня по случаю вооруженного мятежа в России состоялось специальное совещание стран G7 (на уровне министров иностранных дел), в ходе которого «обсуждался план действий на случай дестабилизации обстановки в России, а также угрозы, исходящие от российских ядерных арсеналов в случае дестабилизации... Точно так же сто лет назад западные страны обсуждали будущее России в условиях революционного хаоса, и результатом этого обсуждения стала военная интервенция десятков государств, расчленение страны на отдельные сферы влияния, британскую, французскую, американскую, японскую, оккупация и отделение от страны ряда территорий. Сейчас все те же страны вновь ждут с вожделием нового ослабления России.

Необходимо четкое понимание – любая внутренняя смута, любой антиправительственный мятеж, под каким бы флагом и с какими бы «справедливыми» целями он ни был организован, автоматически приведет к попыткам наших врагов уничтожить Россию, лишить ее суверенитета, добиться, наконец, права бесконтрольной эксплуатации наших ресурсов, разделить Россию на множество отдельных враждующих квазигосударств»¹⁵.

В одной из предыдущих статей мы подробно анализировали цели и задачи, которые ставят перед собой США и страны коллективного Запада в отношении России. Мы отмечали, что «планы по ликвидации России как государства и откровенно антироссийскую политику, причём вполне открыто, публично, страны коллективного Запада ведут на протяжении уже более 70 лет»¹⁶, и, разумеется, попытка вооруженного мятежа была воспринята ими как шанс на реализацию этих планов.

Произошедшие события имеют важное значение для объективной оценки состояния системы государственного управления и положения дел в стране. Они позволили увидеть ошибки, допущенные в практике организации системы государственного управления, и убедиться в их

«смертельной угрозе для государственности и нации» (как отметил Президент).

«...любая внутренняя смута – смертельная угроза для нашей государственности, для нас как нации»¹⁷.

В «истории с военным мятежом»¹⁸, по мнению А. Дугина, можно констатировать ряд правильных и неправильных тезисов. В частности, как отмечает эксперт, правильно было поддержать Президента и осудить попытку мятежа; но при этом следует серьезно отнестись к её причинам, чтобы глубоко и объективно понять всю ситуацию, вынести из неё соответствующие уроки и не допустить подобных событий в будущем.

¹⁵ Шаповалов В. Итоги мятежа // Комсомольская правда. 27.06.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27521/4785161/>

¹⁶ Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Непривычная ясность. Россия больше не Запад // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 9–34.

¹⁷ Обращение Президента к россиянам 24 июня 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71496/videos>

¹⁸ Дугин А. Путин – Пригожин: акценты расставлены // Завтра. 12.07.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/putin-prigozhin_aktcenti_rasstavleni

1. **Правильно было поддержать Путина в критической ситуации и встать за него горой.**
2. **Правильно было осудить мятеж.**
3. **Правильно было серьёзно отнестись к позициям Пригожина и отметить справедливость ряда его требований и положений.**
4. **Правильно было желать усиления патриотического вектора.**
5. **Правильно всегда быть на стороне русского народа и русской державы, стараясь собрать все силы воедино во имя великой Победы.**
6. **Правильно желать больше справедливости, честности и искренности в обществе и государстве.**
7. **Правильно осуждать предательство, когда для этого есть основания.**
8. **Правильно аплодировать Лукашенко стоя.**
8. **Правильно активно участвовать в творении нашей общей судьбы.**
9. **Правильно понять, что для того чтобы не ошибаться больше, иногда надо и ошибиться. Русским тоже свойственно ошибаться.**

1. **Неправильно было бросаться рвать Вагнер в клочья, особенно тем, кто чуть раньше всей душой его поддерживал.**
2. **Неправильно было заключать, что «патриотов власть распустила» и надо с этим заканчивать.**
3. **Неправильно говорить с Путиным в форме ультиматума.**
4. **Неправильно и подло быть либералом, когда страна ведёт войну с враждебной либеральной цивилизацией.**
5. **Неправильно все объяснять деньгами, битвой кланов и интригами. Всё это есть, но такие объяснения говорят только о мелочности и ничтожности самого объясняющего – история это глубже и сложнее.**
6. **Неправильно в критический момент жизни народа быть пассивным наблюдателем.**

А причины случившегося указывают, прежде всего, на изъяны системы государственного управления, созданной в предшествующие СВО 30 лет.

Напомним, что выстраиваться она начала, по сути, ещё в середине 1950-х гг., в период, когда пост Первого секретаря ЦК КПСС занимал Н.С. Хрущёв (1953–1964 гг.). Именно тогда, как отмечают эксперты, «партия отказалась от своей роли главной (концептуально-идеологической) силы развития общества, морального и интеллектуального лидера советской цивилизации», что запустило процесс внутреннего «брожения» элит и привело в конечном итоге к предательству национальных интересов и распаду СССР.

«После смерти Сталина партийное руководство не решилось продолжить дело его жизни. Партия отказалась от своей роли главной (концептуально-идеологической) силы развития общества, морального и интеллектуального лидера советской цивилизации. Партийная верхушка предпочла борьбу за власть и постепенно переродилась в новый класс «господ», что и завершилось новой цивилизационной и геополитической катастрофой 1991 года...

Советская система и хозяйство обладали такой устойчивостью, что необоснованные или вредительские действия верховной власти не могли сразу вызвать катастрофу... Однако главное Хрущёв сделал: его десталинизация, «перестройка-1» нанесли **смертельный удар по идеологической основе** советской цивилизации. Процессы разрушения были запущены и привели к катастрофе 1991 года»¹⁹.

¹⁹ Самсонов А. Как Хрущёв разрушил фундамент советского государства // Военное обозрение. 28.12.2018. URL: <https://topwar.ru/151907-kak-hrushev-razrushil-fundament-sovetskogo-gosudarstva.html>

После распада СССР эти элиты, захватившие власть, создали систему олигархического капитализма (или «кумовского», «элитарно-криминального», как его называют некоторые эксперты), к концу 1990-х фактически доведя страну до «края пропасти». Как отмечают эксперты, «правлящий класс, проводя либерально-буржуазные реформы 1990-х гг., вовсе не руководствовался стремлением к счастью для всех россиян, а руководствовался совсем иными мотивами... **самая большая часть реформаторов просто использовала либерально-рыночную фразеологию для своих корыстных целей...**»²⁰

«Одним из главных девизов первого президентского срока В.В. Путина»²¹ стало «равноудаление олигархов», а точнее «равноудаленное положение всех субъектов рынка от власти», о чем он заявил 28 февраля 2000 года на встрече с доверенными лицами.

Президенту удалось сделать систему управляемой «в ручном режиме». По крайней мере, реформы, подобные реформе «залоговых аукционов» 1995 года²², когда за бесценно в личное

В. Путин: «**Равноудаленное положение всех субъектов рынка от власти, с одной стороны, и гарантии прав собственника, с другой стороны, – один из краеугольных камней в политической и экономической сфере**»²³.

пользование олигархам «уходили» крупнейшие национальные корпорации, промышленные предприятия и т. д., стали невозможными. В итоге «**в этот период крупный бизнес утратил контроль над высшим чиновничеством (как это было в 1990-х годах)**»²⁴.

В апреле 1994 г. на вопрос «Вы одобряете или не одобряете то, как Борис Ельцин справляется с обязанностями Президента России?» положительно ответили 34% россиян.

К ноябрю 1999 г. их доля снизилась до 8% (доля отрицательных оценок возросла соответственно с 66 до 92%)²⁵.

Для внутренней политики это являлось первоочередной по необходимости задачей, поскольку без создания соответствующей «почвы» было невозможно реализовывать дальнейший национально и общественно ориентированный политический курс; фактически курс на возвращение утраченного в 90-е годы доверия общества к власти.

Однако даже после взятия под «ручное управление» государственных институтов и получения на это «кредита доверия» от населения (о чем свидетельствует тот факт, что В.В. Путин четыре раза переизбирался на пост главы государства) олигархически-клановый принцип системы государственного управления никуда не исчез и, по сути, сохраняется до сих пор.

²⁰ Бакланов В.И. Становление российского олигархического капитализма периферийного типа в 90-е годы XX века // Территория историка. URL: http://historick.ru/view_post.php?cat=11&id=201

²¹ Матвейчев О., Данилин П., Мартынов А. [и др.] (2019). Миссия Путина: доклад // Фонд реализации общественных проектов «Время». Москва. С. 45.

²² Отметим, что саму идею «залоговых аукционов» как одного из механизмов приватизации впервые выдвинул президент ОНЭКСИМбанка В. Потанин 30 марта 1995 г. на заседании Правительства РФ. А уже 31 августа 1995 г. президент РФ Б. Ельцин подписал указ «О порядке передачи в 1995 г. в залог акций, находящихся в федеральной собственности» (источник: Залоговые аукционы в России в ноябре-декабре 1995 года // ТАСС. 25.03.2016. URL: <https://tass.ru/info/3114781>).

²³ Вступительное слово на встрече с доверенными лицами // Официальный сайт Президента РФ. 28.02.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24146>

²⁴ РИА-новости. 06.12.2017. URL: <https://ria.ru/20171206/1508182139.html>

²⁵ Источник: база данных ВЦИОМ «Архивариус». Представлены данные за первый и последний раз, когда задавался этот вопрос.

Уже в 2012 году эксперты холдинга «Минченко Консалтинг» характеризовали систему государственного управления в России как **«конгломерат кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы... внутри путинского «большого правительства» заложен целый ряд структурных противоречий... причем правящая элита, помимо решения собственно управленческих задач, ориентирована на то, чтобы обеспечить свою устойчивость на длительном временном промежутке...»**²⁶ (рис. 1).

По большому счету это представление в оценках экспертов (хотя и с более сложными схемами внутриэлитных взаимодействий) сохраняется и в 2023 году (рис. 2): **«В реальном мире у каждого представителя элиты большое количество направлений бизнеса, связей, интересов, мотивов и целей... Большое количество младших партнёров, союзников, друзей и врагов создают замысловатые и сложные конфигурации, когда под каждое серьёзное решение или проект формируется новый блок поддержки»**²⁷. Все эти внутриэлитные «блоки» и «конфигурации» даже в системе, управляемой Президентом в «ручном режиме», примирить между собой крайне сложно, практически невозможно, и поэтому периодически, как отмечают эксперты, эту систему сотрясают «элитные и околоэлитные конфликты».

Таким образом, «подковерные игры» и борьба клановых интересов внутри элит были и остаются. И сегодня, в условиях СВО, они становятся более яркими, более видимыми, поскольку их последствия приводят к прямой угрозе национальной безопасности, которую ощущают и широкие слои населения.

«За те десятилетия, что Путин у власти, это, очевидно, не первый конфликт в элитных или околоэлитных кругах. Слишком много людей, слишком много сталкивающихся интересов. Президент привык быть арбитром в таких спорах... Беспрецедентность нынешнего конфликта – в степени его публичности. О прежних можно было преимущественно спекулировать. Здесь все было заявлено с военной прямотой... Наверху прекрасно понимают, что отдельных людей внутри элиты сложно примирить... гораздо проще маргинализировать амбициозного чиновника или бизнесмена, чем военизированную структуру, которой власть пользуется как важным инструментом – и собирается пользоваться дальше»²⁸.

«Основная часть олигархата была этими действиями государственников [СВО] недовольна, поскольку пострадала от введённых Западом экономических санкций. Кто-то продемонстрировал своё недовольство бегством из России и выводом из неё капиталов. А кто-то стал искать возможность отстранить государственников, и прежде всего президента В. Путина, от власти. Именно эта группировка сыграла на политических амбициях руководителя частной военной компании (ЧВК) «Вагнер» Евгения Пригожина»²⁹.

²⁶ Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад «Минченко Консалтинг». Август 2012 // Официальный сайт «Минченко Консалтинг». URL: <https://minchenko.ru/analitika/?curPos=65>

²⁷ Школьников А. Мифы о битвах кланов // Завтра. 30.07.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/mifi_o_bitvah_klanov

²⁸ О публичной трансформации мятежа во внутриэлитный спор // Независимая газета. 12.07.2023. URL: https://www.ng.ru/editorial/2023-07-12/2_8771_red.html?ysclid=lkxj9p379535508744

²⁹ Гапоненко А. Сталинская революция // Завтра. 10.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_8

Рис. 1. Члены «Политбюро 2.0» в 2012 году

Источник: Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад «Минченко Консалтинг». Август 2012 // Официальный сайт «Минченко Консалтинг». URL: <https://minchenko.ru/analitika/?curPos=65>

Рис. 2. Члены «Политбюро 2.0» в 2023 году

Источник: Российские элиты через год после начала СВО: доклад «Минченко Консалтинг». Май 2023 // Официальный сайт «Минченко Консалтинг». URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_101.html

О том, что это стало одной из главных причин кризиса государственности, выразившегося в мятеже 24 июня, говорят, например, цели так называемого «марша справедливости», озвученные самим Е. Пригожиным³⁰, и оценки независимых экспертов, указывающих на то, что лидер ЧВК «Вагнер» — **фигура не самостоятельная, а лишь представляющая интересы определенных «покровителей».**

Если быстрое купирование кризиса можно назвать своего рода «ничьей» в битве кланов, то в контексте общих целей национальной безопасности и той борьбы за суверенитет, которую продолжает вести Россия в ходе СВО, это явный «проигрыш»: для Президента, для системы государственного управления и в конечном итоге для страны в целом, поскольку он воочью (в том числе для зарубежных государств) про-

Независимая газета (редакционная статья): «Через месяц после мятежа очевидно, что Пригожин уцелел благодаря **влиятельным связям в высших эшелонах власти.** Скорее всего именно эти связи, эти люди были и остаются недовольными министром обороны Сергеем Шойгу и начальником Генштаба Валерием Герасимовым. Судя по всему, **они использовали Пригожина для беспрецедентной атаки на две ключевые фигуры руководителей Вооруженных сил России...** Можно утверждать, что Пригожин помимо собственных коммерческих интересов боролся за **чьи-то интересы в иной временной перспективе**»³¹.

П. Скоробогатый: «Нужно понимать, что Пригожин, **безусловно, не самостоятельная фигура...** еще со времен своей очень активной деятельности в Петербурге **он, безусловно, имел и партнеров, и компаньонов, и кураторов в самых разных органах государственной власти Российской Федерации, включая администрацию Президента.** И в дальнейшем, когда он начал очень крупный бизнес в Африке, который касался не только ЧВК (кампания, ассоциированная с Пригожиным, занималась там политикой, лоббированием интересов крупного бизнеса и т. д.; кампания, в которую было втянуто большое количество власть имущих и тех, кто принимает решения). **И, безусловно, после того как он вступил в СВО, эти связи никуда не делись... у него есть своя четкая роль; он в этом смысле завязан на многие, не на одну фигуру**»³².

³⁰ См., например (прямые цитаты Е. Пригожина. Источники: Информационное онлайн-издание Kun.uz. 03.07.2023. URL: <https://kun.uz/ru/news/2023/07/03/prigojin-zapisal-pervoye-obrashcheniye-za-nedelyu-i-nazval-tseli-marsha-spravedlivosti>; Сетевое издание Kurer-sreda. 26.06.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZJnDRBjKZ377W4fC>):

1. «Наш „марш справедливости“ был нацелен **на борьбу с предателями и мобилизацию нашего общества.**»
2. «Целью похода было не допустить уничтожение ЧВК «Вагнер» и **привлечь к ответственности тех лиц, которые своими непрофессиональными действиями совершили огромное количество ошибок в ходе СВО. Этого требовала общественность, все военнослужащие, которые видели нас во время марша, поддерживали нас.**»
3. «Мы шли для **демонстрации своего протеста, а не для свержения власти в стране.**»
4. «В „марше справедливости“ кроме борьбы за существование, они [мирные жители] выдели поддержку **борьбы с бюрократией и другими недугами, которые имеются в нашей стране.**»
5. «Наш „марш справедливости“ показал многое, о чем мы говорили ранее, **серьезнейшие проблемы с безопасностью по всей территории страны...**».

³¹ Месяц мятежу Пригожина // Независимая газета. 23.07.2023. URL: https://www.ng.ru/editorial/2023-07-23/2_8780_red.html?ysclid=lkto0xzc7b221294017

³² Скоробогатый П. (заместитель главного редактора, редактор отдела политики журнала «Эксперт», эксперт Центра прикладных исследований и программ). Видеоинтервью в программе «Нейтральная зона» (видеоблог израильского журналиста А. Вальдмана). 26.06.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vt2qH1Sk4dc>

демонстрировал уязвимость системы олигархического капитализма, управляемой в «ручном режиме».

«Очевиден и ущерб, который нанес российскому государству своей психопатической тягой к власти Евгений Пригожин. И речь не только о погибших летчиках и потере уникальной техники.

Во-первых, придется восстанавливать репутацию страны за рубежом, причем как на Западе, так и в дружественных странах, где возник закономерный вопрос о контролируемости внутренних процессов в России и потенциале ее вооруженных сил...

Во-вторых, могут возникнуть трудности с нашими транснациональными операциями и частными военными компаниями как их действенным инструментом... Как теперь доверять людям с оружием, прибывшим из-за рубежа, особенно властям в тех регионах, где перевороты и мятежи случаются с завидной регулярностью?»³³

Один из ведущих российских социологов Ж.Т. Тощенко³⁴ в своей статье «Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления»³⁵ провел глубокий анализ исторических аспектов формирования концепции Общественного договора. Исходя из этого анализа, можно сделать вывод о том, что фактически вся история человечества (в том числе российский опыт) показывает, что **неспособность органов власти вовремя скорректировать свою политику в соответствии с ключевыми запросами общества или чисто формальный (что называется, «на бумаге») подход государства к достижению согласия с большинством населения**

страны приводит в конечном итоге к губительным для государственности последствиям.

На наш взгляд, следует подчеркнуть тезис автора о том, что **«особенно важно согласие на моральном уровне», «моральное единство... строится на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых — функция государства».**

«ОД предполагает обеспечение согласия и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ социальными общностями и группами внутри общества, иначе говоря, **обеспечение учета многообразия интересов социальных общностей и групп** – и не только на политическом, экономическом и социальном уровнях. **Особенно важно согласие на моральном, как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную сущность и природу ОД, уровне.** Моральное единство возникает на основе соблюдения и поддержания доверительных отношений, **устранения всяких попыток противостояния, соперничества, предубежденности, строится на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых во многом – это ответственность государственной власти»³⁶.**

Именно это лежит в основе Общественного договора, в котором главное – не «фактическое или формальное участие в решении экономических, социальных и политических проблем», а **«общепризнанный всеми участниками смысл, ради которого и возможно существование государства»³⁷.**

³³ Скоробогатый П. (2023). Только бизнес или Большая «передряга» // Эксперт. № 27. С. 19.

³⁴ Ж.Т. Тощенко – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор; Почетный доктор Института социологии РАН.

³⁵ Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. № 6. С. 3–15.

Ноумен – философское понятие, обозначающее умопостигаемую сущность, предмет интеллектуального созерцания в отличие от феномена как объекта чувственного созерцания.

³⁶ Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. № 6. С. 12.

³⁷ Там же. С. 8.

Необходимо сказать, что тема Общественного договора привлекает внимание ученых всё чаще³⁸. В целом по миру, как отмечает член-корр. РАН В.Е. Дементьев, ссылаясь на данные Google Академии³⁹, если за период с 2001 по 2020 год в сети Интернет появлялось около 16 тыс. материалов каждые 5 лет по вопросам, связанным с Общественным договором, «то начиная с 2021 года всего за два с половиной года находится 15800 таких публикаций»⁴⁰. И это неслучайно, ведь, с одной стороны, «начавшаяся специальная военная операция России на Украине является поворотным событием в российской истории»⁴¹; «сама обстановка вызывает объективную необходимость в постановке задачи о формировании после СВО нового Общественного договора»⁴². С другой стороны, благодаря СВО в движение пришел весь мир, многие страны (Китай, Бразилия, Индия, Иран, государства Африканского континента и др.) начали активную борьбу за укрепление своего национального суверенитета против гегемонии США и стран коллективного Запада.

Опыт формального подхода к созданию Общественного договора в современной россий-

ской истории (после развала СССР и смены общественного строя) уже был. Это «Договор об общественном согласии», подписанный 28 апреля 1994 года Президентом РФ Б.Н. Ельциным, премьер-министром В.С. Черномырдиным, председателем верхней палаты парламента В.Ф. Шумейко, председателем нижней палаты парламента И.П. Рыбкиным, а также рядом представителей органов власти, религиозных конфессий, политических партий и общественных движений⁴³.

«Еще бы не вспомнить о согласии, когда вся власть в своих руках, можно и о мире поговорить», – отметил в одной из своих книг писатель, историк, юрист Е.М. Стригин, – ...перед самым подписанием договора в апреле 1994 года В. Зорькин констатировал: «Одна из наиболее опасных черт политической ситуации в нынешней России – **раскол ведущих, руководящих элитных слоев общества на враждующие идеологические группировки и политические кланы**»⁴⁴.

³⁸ См., например:

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // *Journal of Institutional Studies*. № 3. С. 74–90.

2. Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 31–43.

3. Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 3. С. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2

4. Тощенко Ж. Т. (2023). Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // *Социологические исследования*. № 6. С. 3–15.

5. Дементьев В.Е. (2023). Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 4.

³⁹ Google Академия – поисковая система по научным публикациям. Портал считается крупнейшей в мире академической поисковой системой, со степенью охвата до 90% всех англоязычных статей.

⁴⁰ Дементьев В.Е. (2023). Коммуникативная концепция Общественного договора и формирование курса развития экономики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 4.

⁴¹ Балацкий Е.В. Россия 2022: содержание нового общественного договора // Федеральное интернет-издание «Капитал страны». 24.06.2022. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/rossiya_2022_goda_soderzhanie_novogo_obschestvennogo_dogovora/

⁴² Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 6. С. 9–34.

⁴³ Мельникова В.А. Один взгляд назад. «Договор об общественном согласии» 28 апреля 1994 года // КПРФ-Югра. 28.04.2021. URL: <https://kprf-ugra.ru/archives/13169>

⁴⁴ Стригин Е.М. (писатель, историк спецслужб, юрист, журналист; кадровый сотрудник органов государственной безопасности, подполковник; общественный деятель, депутат Красноярского городского Совета). От КГБ до ФСБ. Книга 2. От МБ РФ до ФСК РФ. URL: <http://res.krasu.ru/kgb-fsb/?book>

Как отмечают эксперты, власти вспомнили об общественном согласии после событий «Черного октября 1993 года»⁴⁵ и принятия 12 декабря 1993 года новой Конституции (в которой, напомним, накладывался запрет на официальную идеологию в России).

Договор был рассчитан на два года, в нем, в частности, указывалось, что его участники «обязуются принимать все необходимые меры для обеспечения стабильности в стране, без которой невозможен выход из экономического кризиса»⁴⁶.

Среди первоочередных задач, которые Правительство РФ **обязалось** решить уже в **1994 году**, фигурировали следующие:

- ✓ «снизить уровень инфляции и контролировать ее»,
- ✓ «создать предпосылки для экономического подъема»;
- ✓ «принять меры по ликвидации бюджетной задолженности по выплате заработной платы»;
- ✓ «проводить активную социальную политику, направленную на **стабилизацию и последующее повышение жизненного уровня**, адаптацию трудоспособного населения к новым условиям, адресную защиту наиболее уязвимых его слоев от негативных проявлений переходных процессов, **снижение уровня дифференциации доходов населения**, реализацию принципов социального партнерства»;

✓ «разработать Федеральную программу содействия занятости населения и другие социальные программы и **организовать их выполнение**»⁴⁷.

Однако, как показала практика, «на примирение согласились многие, но не все»⁴⁸; «часть политических сил просто отказалась к нему присоединиться»⁴⁹. В частности, лидер КПРФ Г. Зюганов отметил, что это «**договор не общества, а чиновников**»⁵⁰.

«На церемонии подписания Договора общественного согласия Зюганов в соответствии с решениями фракции демонстративно отказался подписать документ, но передал требования партии и фракции правительству в письменном виде. Договор также не подписали Аман Тулеев, Григорий Явлинский и Михаил Лапшин, лидеры непримиримой оппозиции Виктор Анпилов, Виктор Тюлькин... **Отсутствие подписи Зюганова – главного оппозиционного лидера – практически дезавуировало документ и сделало его бессмысленным для власти**»⁵¹.

⁴⁵ События «Черного октября 1993 года» также известны как «Штурм Белого дома» или «Ельцинский переворот 1993 года». Под ними подразумевается разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, сопровождавшийся массовыми беспорядками, вооруженными столкновениями. По результатам этих событий произошло «насильственное прекращение действия в России существовавшей с 1917 года советской модели власти» (источник: <https://ru.wikipedia.org>) и была принята новая Конституция Российской Федерации.

⁴⁶ Текст договора. URL: <https://rulaws.ru/acts/Dogovor-ot-28.04.1994/>

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Коммерсант. 29.04.1994. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/77479>

⁴⁹ Договор отказались подписать КПРФ и Аграрная партия, «Фронт национального спасения», «Русский национальный собор», движение «Трудовая Россия» и некоторые другие организации и движения (источник: Мельникова В.А. «Договор об общественном согласии» 28 апреля 1994 года. URL: <http://poznajemvmete.ru/index.php/9-pervyj-poslednij/2202-dogovor-ob-obschestvennom-soglasii-28-aprelya-1994-goda>)

⁵⁰ Коммерсант. 29.04.1994. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/77479>

⁵¹ Стригин Е.М. От КГБ до ФСБ. Книга 2. От МБ РФ до ФСК РФ. URL: <http://res.krasu.ru/kgb-fsb/?book>

Кроме того, в конечном итоге обещания власти так и не были выполнены или были выполнены формально, так же как и сам подход к созданию в стране Общественного договора.

1. Например, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 1994 году по сравнению с 1993 годом уменьшилась на 10 п. п. (с 32 до 22%), однако уже в 1995 году вновь увеличилась (на 3 п. п., до 25%), а к 1999 году возросла ещё на 5 п. п. (до 30%; табл. 2).

2. Реальные располагаемые денежные доходы населения с момента принятия договора «Об общественном согласии» (1994 г.) к 1999 году уменьшились на 27% (со 113 до 86%). Коэффициент фондов – фактически не изменился (14–15 раз).

3. «Федеральная программа содействия занятости населения Российской Федерации

на 1994 год» действительно была разработана⁵², но, как показывают данные статистики, в стране продолжился рост доли безработных граждан (с 8 % в 1994 году до 13% в 1999 году), снизилась численность занятых в экономике (с 69 до 64%).

На формальный подход власти к решению такого острого вопроса, как достижение общественного согласия, общество отреагировало так, как, в принципе, и должно было отреагировать: в 1995 и 1999 гг. (то есть до начала президентских сроков В.В. Путина и до создания партии «Единая Россия» 1 декабря 2001 года) на выборах в Государственную Думу РФ большинство голосов избирателей (в 1995 году – 22,3%, в 1999 году – 24,3%; табл. 3) получала именно Коммунистическая партия Российской Федерации, не поддержавшая «Договор об общественном согласии» 1994 года.

Таблица 2. Динамика показателей уровня жизни населения (1992–1999 гг.)

Показатель	Год								Изменение (+ / -) 1999 к 1994
	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел.	49,7	46,9	33,3	36,6	32,7	30,7	34,3	43,8	+11
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, % от численности населения	33,5	31,5	22,4	24,7	22,1	20,8	23,4	29,9	+8
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	52,5	116,4	112,9	84,9	100,1	105,3	83,7	85,8	-27
Коэффициент фондов, раз	8,0	11,2	15,1	13,5	13,0	13,5	13,8	13,9	-1
Уровень безработицы, % от экономически активного населения	5,2	5,9	8,1	9,5	9,7	11,8	12,9	13,4	+5
Численность занятого в экономике населения, млн чел.	72,1	70,9	68,5	67,1	66,0	64,6	63,6	64,0	-5

Источник: Российский статистический ежегодник – 2000. URL: <https://istmat.org/node/23792>

Таблица 3. Первые три партии, набравшие наибольшее число голосов избирателей на парламентских выборах 1995–2003 гг.

Партия	17 дек. 1995 г.		Партия	19 дек. 1999 г.		Партия	7 дек. 2003 г.	
	%	абс. чел.		%	абс. чел.		%	абс. чел.
КПРФ	22,30	15432963	КПРФ	24,29	16196024	Единая Россия	37,56	22776294
ЛДПР	11,18	7737431	Единство	23,32	15549182	КПРФ	12,61	7647820
Наш дом – Россия	10,13	7009291	Отечество – Вся Россия	13,33	8886753	ЛДПР	11,45	6944322

Источник: официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ. URL: <http://old.cikrf.ru/>

⁵² О Федеральной программе содействия занятости населения Российской Федерации на 1994 год: Постановление Правительства РФ от 15 июня 1994 г. № 683.

Из опыта принятия и реализации «Договора об общественном согласии» 1994 года можно сделать вывод о том, что публичные заявления (в какой бы форме они ни звучали) должны быть, во-первых, согласованными не просто с большинством, а именно с теми участниками политического процесса, которые выражают мнение большинства населения; во-вторых, они должны быть не просто заявлены, но и подкреплены реальным, осязаемым для граждан выполнением.

Однако спустя почти 20 лет «Политбюро 2.0» (новая управленческая команда, администрация

Президента, которая реализовывала «майские указы» 2012 года и национальные проекты 2018 года), похоже, так и не усвоила этот урок. В предыдущих статьях мы неоднократно приводили экспертные мнения по этому поводу⁵³.

Как показывают данные статистики, многие ключевые индикаторы, обозначенные в майских указах 2012 года⁵⁴ (включая рост реальной заработной платы, ожидаемой продолжительности жизни и др.), не были достигнуты в установленные сроки и по большому счету остаются не достигнутыми в настоящее время (табл. 4).

Таблица 4. Краткие сведения по достижению целевых ориентиров, установленных майскими указами Президента РФ в 2012 году

«Увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 году в 1,3 раза относительно уровня 2011 года»						
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, %	Данные			Отклонение (+/-), раз		
	2011	2018	2022	2018 цель	2018 к 2011 г. факт	2022 к 2011 г. факт
	19,6	21,3	22,6	+1,3	+1,1	+1,2
«Создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году»						
Число высокопроизводительных рабочих мест по России в целом, тыс. ед.	Данные			Отклонение (+/-), тыс. ед.		
	2013	2020	2022	2020 цель	2020 к 2013 г. факт	2022 к 2013 г. факт
	17492,8	21 946,6	22 862,4	+7507	+4454	+5369
«Увеличение к 2018 году размера реальной заработной платы в 1,4 – 1,5 раза»						
Реальная заработная плата работников организаций, руб., в сопоставимых ценах 2022 г.	Данные			Отклонение (+/-), раз		
	2011	2018	2022	2018 цель	2018 к 2011 г. факт	2022 к 2011 г. факт
	49294,8	57325,6	65338,0	+1,5	+1,2	+1,3
«Увеличение к 2015 году внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77 процента внутреннего валового продукта»						
Внутренние затраты на исследования и разработки, % к ВВП	Данные			Отклонение (+/-), п. п.		
	2011	2015	2021	2015 цель	2015 к 2011 г. факт	2021 к 2011 г. факт
	1,02	1,1	1,0	+1,77	+0,08	-0,02
«Обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет»						
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Данные			Отклонение (+/-), лет		
	2011	2018	2022	2018 цель	2018 факт	2022 факт
	69,83	72,91	72,73	+5,17	+3,08	+2,90
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/						

⁵³ См., например:

1. Ильин В.А., Морев М.В. (2018). «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 20.

2. Ильин В.А., Морев М.В. (2019). «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 2. С. 9–35.

3. Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 9–37.

⁵⁴ См., например: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»; Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»; Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».

Причем, судя по статистике, то же самое касается перспектив их реализации с учетом корректировки в указах Президента от 7 мая 2018 года⁵⁵ и от 21 июля 2020 года⁵⁶ (табл. 5).

Приведенные факты показывают, что конкретные поручения главы государства годами не выполнялись или выполнялись неэффективно, а по оценкам некоторых экспертов — попросту «саботировались»⁵⁷ властвующей элитой, руководимой «Политбюро 2.0».

Похожая история произошла с выпуском единого учебника истории. Напомним, что поручение о его подготовке Президент дал ещё 19 февраля 2013 года, отметив важность «структурированного представления» подрастающего поколения о прошлом России, «единой концепции» и «единой логики» изучения российской истории, чтобы избежать «внутренних противоречий» и «двойных толкований».

«...у наших детей в головах есть некий фарш из учебника, телевизора, интернета и полностью отсутствует структурированное представление о прошлом нашей Родины, в том числе и по истории населяющих её народов...

Система предотвращения искажающих историческое прошлое трактовок пока, мне кажется, недостаточно выстроена. Возможно, я согласен, что единый учебник по российской истории решит эту проблему... Возможно, стоит подумать о единых учебниках истории России для средней школы, рассчитанных на разные возрасты, но построенных в рамках единой концепции, в рамках единой логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех её этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого...»⁵⁸

Таблица 5. Краткие сведения по достижению целевых ориентиров, установленных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»

Национальная цель развития «Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет»					
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Данные			Отклонение (+/-)	
	2018 г. (факт)	2022 г. (факт)*	2030 г. (цель)	2030 к 2018 цель	2022 к 2018 факт
	72,91	72,73	78,0	+5,09	-0,18
* Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.					
Национальная цель развития «Снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года»					
Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) млн чел.	Данные			Отклонение (+/-)	
	2017 г. (факт)	2022 г. (факт)*	2030 г. (цель)	2030 г. к 2017 г. цель	2022 г. к 2017 г. факт
	18,9	14,3	9,5	-9,5	-4,6
% от общей численности населения	12,9	9,8	6,5	-6,5	-3,1
* Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.					
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/					

⁵⁵ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204.

⁵⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474.

⁵⁷ См., например:

1. Подосенов С. Губернаторов, саботирующих майские указы президента, ждут отставки // Известия. 13.03.2014. URL: <https://iz.ru/news/567314>

2. Руководители ОНФ обвинили местных чиновников в саботаже указов президента // Информационный сайт 66.ru. 14.05.2015. URL: <https://66.ru/news/politic/172058/>

3. Халдей А. Почему буксуют нацпроекты? // Регнум. 04.07.2019. URL: <https://regnum.ru/article/2660159>

⁵⁸ Выступление В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17536>

Однако, как отмечают эксперты, «поручение тогда выполнить не смогли: помешали дискуссии внутри профсообщества»⁵⁹. Учебник для 10–11-х классов был презентован лишь спустя 10 лет, 7 августа 2023 года; в условиях специальной военной операции, которая проводится уже полтора года.

То есть даже в тех условиях, когда на протяжении многих лет, предшествовавших СВО, требовалась защита исторической памяти и воспитания подрастающих поколений россиян, Президенту, судя по всему, так и не удалось оказать решительного влияния на либеральную верхушку властвующих элит в реализации такого конкретного, но очень важного инструмента, как подготовка единого учебника по истории России. Это удалось сделать только во время уже начавшейся специальной военной операции.

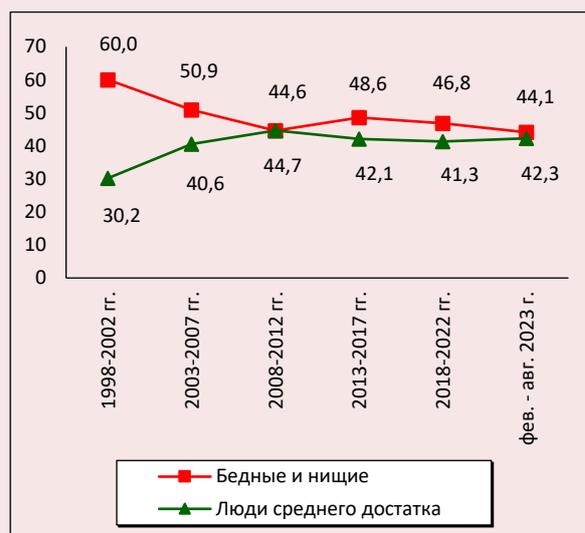
Отметим также, что в Конституции РФ зафиксировано, что «Российская Федерация – социальное государство» (ст. 7), в котором «все равны перед законом и судом» (ст. 19). В Федеральном законе «О противодействии коррупции» закреплён принцип «неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений»⁶⁰. В указе Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» устанавливается цель «снижения уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года»⁶¹. А в сравнительно недавно (уже в условиях СВО) подписанном Президентом указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁶² отмечено, что справедливость является одной из «традиционных ценностей» и «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение

граждан России» (п. 4–5), которые государство «рассматривает как основу российского общества» (п. 7).

Тем не менее социологические исследования, проводимые нами в мониторинговом режиме, наглядно показывают, что:

✓ уже много лет от 44 до 50% населения субъективно причисляют себя к «бедным и нищим» слоям (рис. 3); причем с 2013 года по настоящее время удельный вес «бедных и нищих» превышает долю тех, кто относит себя к категории людей «среднего достатка» (по данным на февраль – август 2023 года – 44 и 42% соответственно);

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «К какой категории Вы себя относите?», % от числа опрошенных*

* Приведены данные по «пятилеткам» за весь период проведения опроса (1998–2023 гг.).

Источник: данные ВолНЦ РАН.

⁵⁹ Савицкая Н. Первый госучебник после развала СССР // Независимая газета. 10.08.2023.

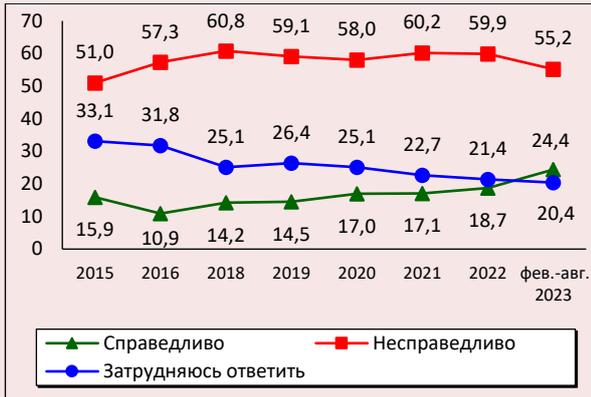
⁶⁰ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2023) // База данных «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/9c25ae5432dd35c13bb140322c13ccc304cc10cf/

⁶¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

⁶² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

✓ на протяжении последних 8 лет (2015–2023 гг.) более 50% россиян отмечали, что «современное российское общество устроено несправедливо», причем за этот период их доля увеличилась с 51 до 55% (рис. 4);

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, современное российское общество в целом устроено справедливо или несправедливо?», % от числа опрошенных*

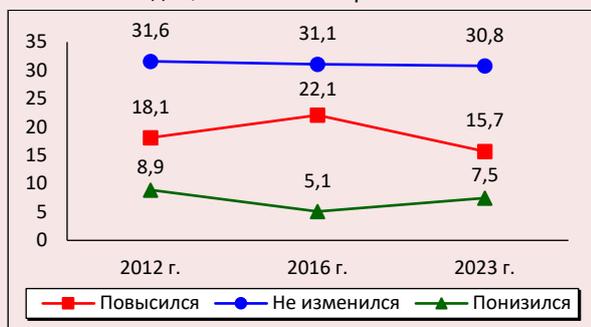

* Вопрос задается с 2015 г. Представлены среднегодовые данные.

Источник: данные ВолНЦ РАН.

✓ за последние 11 лет (с 2012 по 2023 год) фактически не изменилась доля людей, считающих, что уровень коррупции в России растет (в 2012 году – 18%, в 2023 году – 16%; рис. 5). Доля россиян, отмечающих снижение актуальности проблемы коррупции в стране, как и 11 лет назад, не превышает 10%.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменился уровень коррупции в нашей стране за последний год?», % от числа опрошенных*

* Опросы проводились в 2012, 2016 и 2023 гг. Источник: данные ВолНЦ РАН.

Указанные факты демонстрируют важность роли «Политбюро 2.0» в реализации именно неформальной сути Общественного договора, оценка которой не может быть сведена к одному лишь отношению людей к деятельности Президента РФ, а требует достижения общественного согласия по многим аспектам:

- ✓ обеспечение социально справедливой организации государства и общества;
- ✓ субъективное восприятие динамики уровня и качества жизни;
- ✓ отношение ко всей системе государственного управления, а точнее, к мировоззренческим установкам и ценностям, которыми руководствуются её представители – властвующие элиты страны.

В обществе сохраняется неудовлетворенность динамикой решения ключевых вопросов, лежащих в основе Общественного договора, таких как «требование новой идеологии», «требование к определению экономического строя страны», «требование к деbüroкратизации экономики», «борьба с крайними формами неравенства»⁶³. **А несоблюдение прав и свобод человека, «которые обычно фиксируются в Конституции страны и других официальных правовых документах», приводит, как правило, к тому, что этим «пользуются деструктивные силы»⁶⁴. Именно с этим Россия на практике столкнулась 24 июня 2023 года.**

Конечно, следует иметь в виду, что по мере реализации потребностей растет и уровень притязаний населения. «В России, – отмечают эксперты, – многие считают себя обделёнными материально и не замечают, насколько высокий стандарт потребления установился среди жителей городов... Многие (не все, а многие) на самом деле так задрали планку требований к жизни, что угодить им очень сложно»⁶⁵.

⁶³ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). № 14 (3). С. 74–90.

⁶⁴ Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. № 6. С. 3–15.

⁶⁵ Биров Э. Сознание определяет бытие // Завтра. 04.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/soznanie_opredelyaet_bitie_dokazatelstva_iz_nashej_zhizni

Поэтому так важны именно динамические изменения в решении задач снижения неравенства, повышения уровня и качества жизни и т. д. **Без ощутимой широкими слоями населения позитивной и устойчивой динамики между обществом и государством создается вакуум, преодолеть который можно разве что в условиях экстремальных, вынужденных форс-мажорных обстоятельств (например, беспрецедентного роста угроз национальной безопасности). Но это лишь временное «затягивание узлов», а не соблюдение Общественного договора.**

Мятеж 24 июня – не первое и, скорее всего, не последнее проявление системных ошибок, допущенных при выстраивании системы государственного управления на протяжении 30 лет, предшествующих СВО. Фактически система государственного управления (и вся страна в целом) сталкивалась с этим в 1917, в 1991, в 1993 годах, и практически всегда это приводило

«Кардинальный характер изменений, происшедших в советском/российском обществе в годы перестройки, а затем в 1991–2000-е годы, привел к возникновению и закреплению **новых травмирующих черт (характеристик) общественного сознания... Прежде всего произошли дезориентация и дезорганизация общественного сознания... особую значимость... приобрела его травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития**»⁶⁶.

к крайне тяжелым последствиям – к кризису государственности и «травме» общества.

«...у общества травмы отсутствуют четкая и ясная стратегия и понимание перспектив экономического развития. Намечаемые и реализуемые меры, предпринимаемые в этих обществах, обычно нацелены на решение текущих, насущных и неотложных проблем, а не на длительную перспективу...

Стихийное и/или неупорядоченное развитие общества травмы **напрямую связано с деятельностью акторов, т. е. организаций и лиц, ответственных за состояние государственного управления** и методов, применяемых для решения стратегических проблем экономического и социального характера. Однако анализ так называемой экономической элиты и ее деятельности показывает, что **на первом месте у нее стоят клановые, кастовые интересы**»⁶⁷.

К примеру, ряд экспертов похожим образом оценили действия Центробанка РФ по повышению ключевой ставки до 12% (15 августа 2023 г.)⁶⁸, причем «с возможностью дополнительного повышения в случае усиления инфляционных рисков»⁶⁹.

Они назвали это решение не иначе как «диверсией»⁷⁰, «уголовщиной»⁷¹, «испытанным способом в два приёма свергнуть экономику в состояние клинической смерти»⁷², «бунтом элиты» и «спецоперацией против рубля, которая курировалась извне»⁷³.

⁶⁶ Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. С. 19, 37.

⁶⁷ Тощенко Ж.Т. (2020). Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий Юга России. Т. 9. № 1. С. 40.

⁶⁸ Официальный пресс-релиз Банка России от 15.08.2023 // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=15082023_103000Key.htm

⁶⁹ Банк России резко поднял ставку. Как это отразится на жизни россиян // Газета.ру. 15.08.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/08/15/17430752.shtml?updated>

⁷⁰ «Это уголовщина, за такое в нормальной стране давно бы пересадили». Глазьев жестко про обвал рубля и предательство ЦБ // Яндекс.Дзен. 15.08.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZNs82nPxV0kOhfFB>

⁷¹ Там же.

⁷² Клиническая смерть в два приёма. Глазьев рассказал об убийстве русской экономики // Царьград. 15.08.2023. URL: https://tsargrad.tv/news/klinicheskaja-smert-v-dva-prijoma-glazev-rasskazal-ob-ubijstve-russkoj-jekonomiki_846820?scld=lli5i1lw1103944374

⁷³ Хазин М. Обвал рубля – бунт элиты? // Царьград. 16.08.2023. URL: https://tsargrad.tv/news/specoperacija-cb-protiv-rublja-kurirovalas-izvne-cepochku-prosledil-hazin_847657

Депутат Государственной Думы О. Дмитриева охарактеризовала действия Банка России как «крайне вредную меру», добавив, что «нынешнее руководство российского ЦБ действует в новых условиях по старым американским рецептам»⁷⁴. А руководитель думской фракции «Справедливая Россия – За правду» С. Миронов назвал сам Центробанк «крупнейшим иноагентом Российской Федерации»⁷⁵.

Причем важно отметить, что аналитики уже не первый год говорят о том, что «руководство Центрального банка России занимается подрывной работой внутри страны»⁷⁶ и что его «вредители советуется со „старшими товарищами“ из МВФ, которые очень хотят заменить Путина... на более для них приемлемого персонажа, а потому активно пакостят нашему населению. Которое, по их мнению, из-за роста инфляции и сокращения доходов устроит у нас очередной „майдан“»⁷⁷.

Исходя из регулярности подобных «бунтов элит», пожалуй, можно дать только один ответ на вопрос о том, долго ли ещё наша страна будет наступать на одни и те же грабли: в конечном итоге всё упирается в вопрос о том, какое государство мы строим; в вопросы идеологии.

Без четкого понимания, а главное – принятия идеологических, ценностных изменений, которые происходят на фоне СВО в российском обществе, культуре и, по идее, должны происходить во властвующих элитах страны, дальнейшее движение в сторону формирования

контуров нового Общественного договора представляется крайне затруднительным. Скорее, наоборот, возрастает риск появления новых внутренних кризисов, недопустимых ни в условиях СВО, ни в преддверии президентских выборов.

И если вооруженный мятеж оказался в принципе допустимым даже в условиях продолжающегося набирать ход контрнаступления ВСУ, значит, рассчитывать на какие-то существенные, качественные изменения мировоззрения внутри «старых» российских элит, скорее всего, не представляется возможным... А то, каким это мировоззрение является сейчас (по крайней мере, у значительной части элитарных кругов), убедительно показывают многочисленные оценки экспертов – компрадорское, зависимое от Запада, незаинтересованное в укреплении суверенитета Российской Федерации (*вкладка 2*).

«Наиболее одиозные представители прозападной социальной элиты эмигрировали из страны после начала СВО. Но люди, защищающие интересы олигархов, остались на государственной службе, на кафедрах, в редакциях теле- и радиостудий, за клавиатурой компьютеров, наконец»⁷⁸.

⁷⁴ Валютный кризис будет продолжаться // Независимая газета. 16.08.2023. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-08-16/1_8801_disbalance.html

⁷⁵ В Госдуме назвали Банк России «иноагентом»: выполняет западный план по обвалу курса рубля // Новый день. 03.08.2023. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/802765.html> Миронов. <https://newdaynews.ru/moscow/802765.html>

⁷⁶ Катасонов В. Центробанк ведёт подрывную работу внутри России // Рамблер. 23.08.2023. URL: <https://news.rambler.ru/science/49211433-tsentrobank-vedet-podryvnyuyu-rabotu-vnutri-rossii-ekonomist/>

⁷⁷ Хазин М. Вредители из Центробанка // Завтра. 22.12.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/vrediteli_iz_tcentrobanka

⁷⁸ Гапоненко А. Сталинская революция // Завтра. 10.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_8

Экспертные мнения о либеральном крыле властвующих элит

<p>1. «Все налоговое и таможенное регулирование ориентировано либералами от финансов на вывоз капитала из страны и подавление производства вместо развития производства добавленной стоимости и технологий... Безграмотный либеральный произвол – новое издание хрущевского волюнтаризма – является основой финансовой политики современной России. Поэтому экзистенциальные угрозы, стоящие перед Россией, требуют идеологического, концептуального (и лишь потом кадрового) оздоровления Банка России и Минфина»⁷⁹.</p>	<p>2. «Судя по политике либерального крыла нашей элиты (которая до сих пор контролирует финансовую политику в государстве), задачу остановить процесс экономического роста в России с них никто не снимал. «В финансах альтернативы нет уже более 20 лет и все попытки что-то объяснить про вредительские денежных властей в принципе невозможно легализовать в официальных документах. Официально в них нет ни Глазьева, ни Делягина, ни Катасонова, ни меня [Хазина]... реальная цель – сделать так, чтобы избежать от либералов как команды стало невозможно. Да, можно будет заменить одних на других, других – на третьих, но они попытаются сделать так, чтобы в любом случае на ключевых постах были исключительно представители либеральной ризомы. Такое уже получилось в начале 2000-х в финансовой сфере. Будем надеяться, что сейчас не получится...»⁸⁰</p>	<p>3. «...несмотря на специальную военную операцию, характер экономической системы так и не изменился: перехода от командоской системы к суверенной не произошло... командорский капитал по-прежнему удерживает системное господство над командными выстами российской экономики, что позволяет ему сохранять и подпитывать систему деиндустриализации России, препятствуя переходу к передовой экономической системе... Между тем командорская Россия исключает суверенную точно так же, как суверенная Россия исключает командорскую... Судьба России всецело предопределяется сейчас тем, каким образом будет разрешен прямой антагонизм между приватизацией и национализацией командных высов экономики. Победа приватизации равносильна поражению России: победа стратегической национализации равнозначна победе России – такова сейчас развилка. Либо – либо: третьего и впрямь не дано. Кто выступает за приватизацию, тот выступает за развал России; кто выступает за стратегическую национализацию, тот выступает за подъем России»⁸¹.</p>	<p>4. «Избирательное законодательство в нашей стране, наверное, одно из самых гибких в мире, оно меняется с завидной частотой. Проблема в том, что „изгибается“ это законодательство только в пользу одной партии. Все законодательные изменения последних десятилетий служат исключительно укреплению монополизма «Единой России». В этом русле и „муниципальные фильтры“ на выборах губернаторов, и тотальная отмена прямых выборов мэров, и сокращение партсписков на выборах в заксобрания, благодаря чему у нас в отдельных городах уже действуют однопартийные парламенты. То есть избиратели, которые не поддерживают ЕР, просто не имеют своих представителей в горсоветах... При такой законодательной базе сомневаться в „успехах“ ЕР на предстоящих выборах, к сожалению, не приходится... Вопрос в том, нужны ли эти успехи государству и обществу? Нужна ли эта безраздельная монополия, все ярче бронзовеющая, все больше напоминающая КПСС в худшие годы...? Монополизм ЕР все глубже вбивает клин между властью и обществом, и этот разрыв связей сегодня особенно опасен. Для его преодоления нужны кардинальные изменения избирательной системы»⁸².</p>
--	--	--	--

⁷⁹ Делягин М. Проводники либерально-монетаристской политики в России // Официальный блог М. Делягина. URL: <https://delyagin.ru/articles/191-materialy-mgd/109935-privodniki-liberal-po-monetaristskoj-politiki-v-rossii?ysclid=lkxs5mvt3u27707595>

⁸⁰ Хазин М. Почему Мишустин так опасен? // Завтра. 04.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/kolonka_mihaila_hazina_ot_2_iyulya_2023_goda; Мишустин ведёт войну с МВФ и ФРС // Завтра. 02.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/kolonka_ot_26_iyulya_2023_goda.

⁸¹ Губанов С.С. (2023). Странно и чудовищно: приватизация вместо стратегической национализации? // Экономист. № 5. С. 32–33, 42.

⁸² Миронов С.М. Необходим кардинальный пересмотр избирательного законодательства // Официальный сайт С.М. Миронова. 08.08.2023. URL: <https://mironov.ru/monya-positiya/neobhodim-kardinalnyj-peresmotr-izbitatel'nogo-zakonodatelstva/>

Неслучайно многие эксперты отмечают, что «текущая ситуация в России как две капли воды оказалась схожа с ситуацией середины 30-х годов прошлого века в СССР»⁸³, в связи с чем практически во всех слоях населения уже не первый год растет популярность личности И. Сталина, в том числе среди молодежи (за период с 2005 по 2021 год – на 39 п. п., с 11 до 50%), людей с высшим образованием (на 17 п. п., с 27 до 44%) и среди лиц с высоким уровнем благосостояния (на 32 п. п., с 15 до 47%; табл. 6).

Как прокомментировали результаты опроса авторы данного исследования, рост положительного отношения к Сталину – это еще и представление о «сильной руке»; не для всех, а в отношении тех, кто ворует, включая олигархов и министров.

«Что такое запрос на Сталина сегодня? **Прежде всего, это запрос на социальную справедливость**, на то, чтобы „вор сидел в тюрьме“. Помимо социальной справедливости, **это запрос на державное величие**, на то, чтобы никто не рассказывал нам, какая у нас должна быть ювенальная юстиция, как мы должны воспитывать детей, и западное общество, которое залито гноем порока, не учило нас, как нам себя вести. Это вторая вещь помимо социальной справедливости. Ну и, наконец, для многих людей это такой в общем плане реванш, **реванш за 30 лет наших проигрышей на международной арене**, реванш в смысле социально-психологического ощущения»⁸⁴.

Таблица 6. Динамика доли людей, поддерживающих установку памятнику И. Сталину, в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2021 г.	Изменение (+/-), 2021 к 2005
Возраст					
18–24 года	11	12	28	50	+39
25–39 лет	17	26	33	45	+28
40–54 года	33	20	37	46	+13
55 лет и старше	44	36	42	52	+8
Уровень образования					
Ниже среднего	40	30	43	59	+19
Среднее	23	25	31	52	+29
Среднее специальное	25	24	39	49	+24
Высшее	27	17	32	44	+17
Материальное положение					
Денег едва хватает на еду	35	27	45	56	+21
Денег хватает на одежду	24	24	38	46	+22
Денег хватает на товары длительного пользования	15	18	30	47	+32
Всего по итогам опроса					
Положительно	29	25	36	48	+19
Безразлично	28	28	29	29	+1
Отрицательно	37	36	25	20	-17
Затрудняюсь ответить	6	12	10	3	-3
Формулировка вопроса: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы к очередной годовщине Победы был установлен памятник Сталину?». Опрос проведен по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1620 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Метод опроса – личное интервью на дому у респондентов. Источник: Сталин-центр и памятник Сталину // Пресс-выпуск Левада-Центра*. 04.08.2021. URL: https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/					

⁸³ Гапоненко А. Сталинская революция // Завтра. 10.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_8

⁸⁴ Фурсов А. Почему среди молодых людей растет популярность Сталина? // Завтра. 01.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/sovetskaya_mechta_pochemu_sredi_molodih_rossiyan_rastyot_populyarnost_stalina

* Внесен в реестр иностранных агентов.

«Идет процесс изменения отношения к репрессиям. Все больше людей за последние 10–15 лет говорят, что это были единичные случаи, против людей, которые это заслужили, против верхушки, а не массовые репрессии. Сталин „хороший” в зеркальном понимании сегодняшнего дня: сегодня тот же президент, та же верхушка делает все, что хочет. Люди говорят: при Сталине не было такой коррупции, верхушка не отдыхала на Мальдивах, у них не было этих домов, комнат, набитых деньгами. Это представление еще и о сильной руке, о железном кулаке. Люди говорят: сильная рука – это же не для всех, это для верхушки. Сегодня сильная рука нужна, опять же, не для всех, репрессии нужны в отношении тех, кто ворует: олигархов, министров. Такие же представления переносятся и на тот период»⁸⁵.

И, пожалуй, это, по мнению большинства экспертов, главный урок, который должен быть вынесен (прежде всего Президентом) из данной ситуации: **крайне либеральная правящая элита**

«Война у нас ведется не только на Украине... это только один из фронтов и, быть может, даже не самый главный, **самый главный здесь, внутри страны**». Учитывая этот факт, надо быть готовыми к тому, что и в этом смысле «удары и ответы будут чередоваться всё чаще и чаще»⁸⁶.

Конституция РФ. Статья 7, пункт 1: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Конституция РФ. Статья 19, пункт 1: «Все равны перед законом и судом».

создает условия, при которых не реализуются конкретные поручения главы государства, а также поддержанные большинством населения страны законодательные нормы Основного закона – Конституции. Это означает, что элита, по сути, не нацелена на выполнение Общественного договора; не хочет или не может ему соответствовать.

А такая система олигархического капитализма в России противоречит достижению целей СВО и рано или поздно «даёт трещину», причём, как показала реальная практика, форма этого может быть самой разной, вплоть до вооружённого мятежа.

В заключение отметим, что сегодня в условиях СВО рождается новая российская элита – патриотичная, придерживающаяся общерелигиозных ценностей. Именно она будет определять судьбу России в будущем; будет создавать и реализовывать новый Общественный договор.

«По отдельной квоте для военнослужащих и детей участников боевых действий на Украине в вузы Санкт-Петербурга принято **более 800 человек**. По каждому направлению для них было выделено 10 процентов от общего числа бюджетных мест... какой станет Россия через 10–15 лет?

Разговоры о либералах, засевших во властных кабинетах, уйдут в прошлое. Эти кабинеты займут те, кто сейчас бьётся за будущее нашей страны на поле боя. Они станут депутатами федерального и регионального уровней, займут кресла в министерствах и ведомствах, в районных, областных и республиканских администрациях.

Десять процентов от общего числа бюджетных мест вполне достаточно для формирования новой элиты. Эта элита будет весьма патриотична, придерживаться общерелигиозных ценностей, именно она определит судьбу России... В этой новой стране станет очень дискомфортно тем, кого сегодня называют релокантами»⁸⁷.

⁸⁵ Комментарий результатов исследования директора Левада-Центра* Д. Волкова (источник: Возвращение гене-ралиссимуса // Пресс-выпуск Левада-Центра*. 13.09.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/09/13/vozvrashhenie-generalissimusa/>)

* Внесен в реестр иностранных агентов.

⁸⁶ Хазин М. Мишустин ведёт войну с МВФ и ФРС // Завтра. 02.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/kolonka_ot_26_iyulya_2023_goda

⁸⁷ Шипилин П. Рождается новая российская элита // Завтра. 13.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/rozhdetsya_novaya_rossijskaya_elita

Ряд экспертов связывает с ней надежды на позитивные изменения в стране через 10–15 лет. Однако это, мягко говоря, длительный срок, за который системе государственного управления наверняка предстоит столкнуться ещё не с одной проверкой на прочность. И чтобы очередного кризиса государственности не произошло, целевые индикаторы, зафиксированные в законах, указах, стратегиях и прочих нормативно-правовых и установочных документах, должны реально выполняться. Иначе не будет выполняться новый **Общественный договор** и не будет никакого общественного согласия.

А для этого новый Общественный договор (потребность в котором, по большому счету, ощущается уже сейчас, но необходимость в котором, безусловно, возникнет после окончания СВО) должен иметь не только четко сформулированные формальные «пункты» (критерии), отвечающие запросам большинства населения, но и идеологические, организационные, правовые, кадровые механизмы их самозащиты перед рано или поздно, но неизбежно возникнувшей угрозой внешнего идеологического воздействия или внутренней алчности отдельных представителей властвующих элит.

Литература

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). № 14 (3). С. 74–90.
- Матвейчев О., Данилин П., Мартынов А. [и др.] (2019). Миссия Путина: доклад // Фонд реализации общественных проектов «Время». Москва. 146 с.
- Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 31–43.
- Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 3. С. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2
- Стригин Е.М. (2004). КГБ был, есть и будет. От МБ РФ до ФСК РФ (1994–1995). Москва: Эксмо, Алгоритм. 606 с.
- Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общества травмы и их характеристика // *Гуманитарий Юга России*. Т. 9. № 1. С. 30–50.
- Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // *Социологические исследования*. № 6. С. 3–15.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

The System of Oligarchic Capitalism in Russia Is Inconsistent with the Achievement of the Goals of the Special Military Operation

Abstract. June 23–24, 2023, Russia witnessed an attempt of an armed rebellion committed by the private military company Wagner headed by businessman Evgenii Prigozhin. Despite the rapid relief of the crisis, many experts note that it has deep and long-lasting implications for the public administration system, the President and Russia as a whole. We consider the causes and consequences of the events that occurred on June 23–24, drawing on our knowledge and experience accumulated during many years of monitoring the effectiveness of public administration, which includes the analysis of expert opinions, findings of diverse empirical studies regarding the state of Russian society, and the study of key regulatory legal acts and strategic documents adopted at the federal level. We think that the attempt to start a rebellion manifests a long-term crisis of statehood, which was caused by the clan-oligarchic structure of the public administration system flourishing in Russia in the post-Soviet period. We analyze certain aspects of the formation of the worldview of the modern extremely liberal ruling elite, provide concrete facts that indicate that the liberal wing of the government does not implement the President's decrees and instructions effectively, and evaluate the role of the public administration system in the formation and implementation of the Social Contract as an informal institution representing a set of mutual obligations between the state and society. We conclude that there is an urgent need for decisive action (first of all, on the part of the President) on the personnel renewal in the public administration system; it is also necessary to staff the system with people focused on Russia's national interests rather than liberal values of the Collective West, the people that have successful experience in solving complex managerial and economic tasks, especially in crisis conditions and in the context of the special military operation. Like many experts, we believe that in this case the public administration system will be able to provide an adequate response to an unprecedented range of internal and external challenges created by increasing threats to national security and global geopolitical changes that led to the special military operation.

Key words: special military operation, public administration system, President, Social Contract, oligarchic capitalism.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Каким будет новый мировой порядок?

Жак САПИР

Высшая школа социальных наук (EHESS)
Центр исследований индустриализации (CEMI)
Париж, Франция
e-mail: sapir@msh-paris.fr

Аннотация. В настоящее время возникает новый мировой порядок. Мировой порядок – понятие, которое восходит к идее институционализации международных отношений, сложившейся в начале XVII века. Старый мировой порядок, унаследованный после окончания Второй мировой войны и по существу сосредоточенный на западных странах и США, с начала 1990-х гг. стал нефункциональным. После международного финансового кризиса 2008–2010 гг. он постепенно распался. Мы можем проследить это при изучении международной торговли, он отражается в неудачах, понесенных Соединенными Штатами Америки в ходе многочисленных военных интервенций, а также в появлении или возрождении новых экономических держав. Два крупных потрясения, вызванные пандемией COVID-19 и международным кризисом, связанным с ситуацией вокруг Украины, положили ему конец. Новый мировой порядок, скорее всего, будет формироваться на основе вероятного развития БРИКС, что могло бы привести к более сбалансированным международным отношениям и позволить заключить новый общественный договор во многих странах.

Ключевые слова: мировой порядок, глобализация, БРИКС, свободная торговля, протекционизм, суверенитет.

Для цитирования: Сапир Ж. (2023). Каким будет новый мировой порядок? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 38–56. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.2

For citation: Sapir J. (2023). What will be the emerging new world order? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 38–56. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.2

Введение

Человечество находится на заре нового мирового порядка. Об этом свидетельствуют изменения, которые затронули не только геостратегический, но и экономический баланс сил, а также правила и практику международной торговли. Мировой порядок, возникший после окончания холодной войны и характеризовавшийся ситуацией, которая предполагала безраздельное господство Американской гипердержавы¹ (Védrine, 2000), постепенно разрушается. Но что будет в результате, до конца пока не определено. Новый мировой порядок, при котором в большей мере уважаются права государств, происходит сосредоточение на общих проблемах этих государств, вопросах, варьирующих от защиты окружающей среды до социально-экономического развития, которое еще предстоит осуществить во многих странах, и, наконец, в вопросе, связанном с появлением общественного договора, о прогрессе в каждой из них, несомненно, является самым важным вызовом, с которым придется столкнуться в ближайшие годы.

В работе рассмотрены вышеперечисленные проблемы, начиная с понятия мирового порядка как такового, исследовано, как доминирующий с 1992 года мировой порядок начал фрагментироваться после финансового кризиса 2008–2010 гг. и как последовательные потрясения – от пандемии COVID-19 до новой геостратегической ситуации, разворачивающейся с февраля 2022 года – ускорили эту фрагментацию и сформировали контуры нового мирового порядка. Также рассматриваются последствия, которые могут повлиять на форму и содержание общественного договора, т. е. диалектика между внешними и внутренними факторами изменений. Будут ли эти факторы способствовать социальному прогрессу или регрессу? Ответ на этот вопрос впоследствии поможет выяснить, действительно ли сегодня мы находимся в состоянии, которое можно назвать глобальным моментом поворота великих балансов.

¹ «Гипердержавой» США назвал бывший министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин (1997–2002).

Что такое мировой порядок?

Словосочетание «смена мирового порядка», несомненно, широко используется с конца февраля 2022 года², однако оно трактуется по-разному. Понятие мирового порядка зародилось в период институционализации международных отношений, когда Гуго де Грот (Гроций) кардинально изменил видение прав в отношении государств в начале XVII века (Gurvitch, 1927). До Гроция права, по сути, рассматривались как привязанные к объектам. Он ввел понятие естественного права³, будь то моральное или физическое, что означало выражение способности действовать или наличие средств для достижения определенных целей. Таким образом, именно между окончанием религиозных войн и наступлением так называемого «классического периода» постепенно возникла идея создания международного права и, следовательно, мирового порядка (Besson, 2020). Эти идеи нашли отражение в Вестфальском мирном договоре⁴ (Blin, 2006), а позже, в XIX веке, в Венском конгрессе 1815 года (Lentz, 2013; Jarrett, 2013).

Идеи Гроция вновь стали популярны с конца XIX века: попытки ограничить насилие в вооруженных конфликтах (Boidin, 1918; Pillet, 1918), Первая мировая война, закончившаяся

² Gnesotto N. (2023). Un nouvel ordre mondial? *Blogpost*. Available at: <https://institutdelors.eu/publications/un-nouvel-ordre-mondial/>; Saint-Etienne C. (2023). Le nouvel ordre stratégique mondial. *Les Echos*, March 3, 2023. Available at: <https://www.lesechos.fr/idees-debats/editos-analyses/le-nouvel-ordre-strategique-mondial-1911771>; Husson J. (2022). Vers une probable bascule de l'ordre mondial. *La Tribune*, August 31, 2022. Available at: <https://www.latribune.fr/opinions/tribunes/vers-une-probable-bascule-de-l-ordre-mondial-928895.html>

³ Grotius H. (1724). *Le droit de la guerre et de la paix. Volume 1, 2*. Amsterdam: Pierre de Coup. Современное издание: Grotius H. (2005). *Le droit de la guerre et de la paix*. Paris: PUF.

⁴ Bely L. (2000). (dir.) (avec le concours d'Isabelle Richefort et alii, introduction de Marc Fumaroli, présentation de Louis Amigues), *L'Europe des traités de Westphalie: esprit de la diplomatie et diplomatie de l'esprit, actes du colloque tenu à Paris, du 24 au 26 septembre 1998, organisé par la Direction des archives et de la documentation du ministère des Affaires étrangères*. Paris: PUF.

подписанием Версальского договора⁵, создание Лиги Наций в 1920 году (Naakonssen, 1985), а затем создание Организации Объединенных Наций в 1944–1945 гг.⁶ Эти концепции быстро проникли в экономическую сферу с Бреттон-Вудским соглашением 1944 года (Steill, 2013), Гаванским договором (Steill, 2013) и разработкой Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Таким образом, за понятием «мировой порядок» стоят властные отношения между государствами, институционализованные и определяемые нормами международного права (Besson, 2020). Подразумевается, что применение норм, которые объединяются под термином «международное право», лучше, чем применение грубой силы. Тем не менее необходимо, чтобы эти правила применялись одинаково ко всем странам и никакая страна не принимала самостоятельного решения о создании новых правил без ведома других государств. Об этом напомнил Владимир Путин 10 февраля 2007 г. во время выступления на Мюнхенской конференции по безопасности⁷ (Levesque, 2007). На сегодняшний день подобной позиции придерживаются Китай и Индия в свете того, что они понимают как применение «двойных стандартов» в отношении позиции России⁸.

До 1914 года мировой порядок определялся Великобританией, а с 1945 года, затем с 1991 года — США. В связи с этим возникает проблема отношений между доминирующими и остальными странами. Особенно это касается международного экономического порядка, воплощением которого является Всемирная торговая организация (ВТО) (Galbraith, Choi, 2020), которая поставила в невыгодное положение ранее колонизированные (или созданные в результате колонизации) страны и менее промышленно развитые страны мира (Subramanian, Wei, 2007) и завершилась соглашением бога-

тых и могущественных государств (Gowa, Kim, 2005). Неудивительно, что политика организации оспаривалась и постоянно изменялась.

С 1949 года в ВТО входили только союзники США и не входили СССР, Китай и все коммунистические страны. В начале 1970-х гг., когда Соединенные Штаты навязали принцип плавающих валютных курсов, она снова изменилась (Glenn, 2007). Фактически, с распадом Бреттон-Вудских соглашений появилось понятие международной валютной системы или международного валютного порядка. Подобные меры приводят к концентрации внимания на роли доллара США (Eichengreen, 2011).

Идея «нового» мирового порядка возникла с начала 2000-х гг. (Sapir, 2008). Современный мировой порядок будет действительно многополярным. Первым об этом заговорил Дж. Миршаймер (Mearsheimer, 2001). Отмечается, что мировой порядок, возникший после распада СССР, оказался под угрозой с ростом могущества развивающихся экономик (Goldstein, 2005; Rosecrance, 2006; Struye de Swielande, 2008). Также возникло представление о том, что конфликт между Соединенными Штатами и Китаем возможен, а также и то, что его следует опасаться и что он даже неизбежен (Swaine, Tellis, 2000; Friedberg, 2005; Wang, 2006).

Международная торговля после финансового кризиса 2008–2010 гг. и фрагментация мирового порядка

Мировой порядок всегда отражал баланс сил, не только различия в богатстве между странами, но и их скрытую или явную геостратегическую мощь. После распада Советского Союза мировое господство сосредоточилось в США (Poirier, 1991). В последнее десятилетие XX века они обладали полным военным, экономическим, политическим и культурным превосходством. Американская власть объединила в себе все характеристики «доминирующей силы», навязывая свои явные и неявные представления (Dahl, 1957). Однако эта гегемония, которая также отражается в повсеместном принятии правил свободной торговли с переходом от ГАТТ к ВТО в 1994 году⁹, постепенно разрушается перед лицом финансовых кризисов, которые США не смогут контролировать, военных

⁵ Versailles Treaty. Available at: <https://mjp.univ-perp.fr/traites/sdn1919.htm>

⁶ Available at: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/chapter-7>

⁷ Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

⁸ Rao N. (2023). The Upside of Rivalry. *Foreign Affairs*. Available at: https://www.foreignaffairs.com/india/modi-new-delhi-upside-rivalry?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=The%20World%20Beyond%20Ukraine&utm_content=20230421&utm_term=FA%20This%20Week%20-%20112017

⁹ Available at: https://www.wto.org/french/docs/f/legal_f/marrakesh_decl_f.htm

неудач (в Ираке и Афганистане) и быстрого появления новых держав (Китай, Индия, Бразилия) или развития старых, которые умеют создавать себя заново (Россия) (Primaков, 2002).

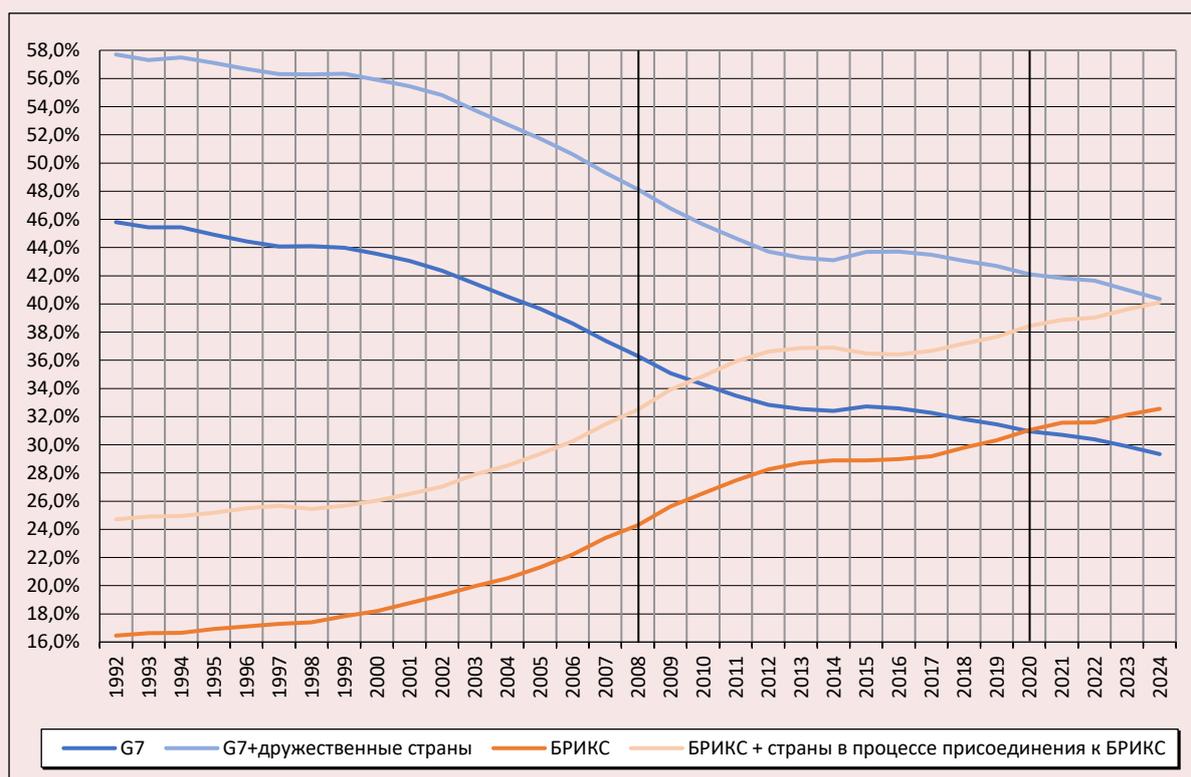
Финансовый кризис 2008–2010 гг., также известный как «ипотечный кризис», повлиял на мировой порядок, возникший в 1991–1992 гг., и стал серьезным потрясением для экономического мирового порядка (Sapir, 2009), однако он был не единственным. Финансовый кризис, известный как «Азиатский кризис» 1997–1998 гг., во многом предвещал его (Sapir, 2008). Фактически, мировой порядок, напоминавший Pax Americana («Американский мир»), быстро разрушался как из-за ошибок лидеров Соединенных Штатов, так и из-за развития других держав. Глобализация, которую принимали в

качестве единственной основы для экономической деятельности, фактически начала разрушаться и ставиться под сомнение еще до кризиса 2008–2010 гг. (Bello, 2002), и эта дезинтеграция, естественно, ускорилась после кризиса (Sapir, 2011).

Если сравнить страны, которые сегодня образуют БРИКС, со странами Большой семерки, можно заметить, что их доля в мировом ВВП (рассчитанном по ППС) в 1992 году составляла 46 и 16% соответственно.

К 2008 году, с началом «ипотечного кризиса», ВВП стран G7 вырос до 36%, БРИКС – до 24%. В период пандемии COVID-19 в 2020 году показатели стран G7 и БРИКС сравнялись – 31%. Если же посмотреть на долю «союзников» G7 и долю стран, которые официально

Рис. 1. Доля в мировом ВВП (по ППС)

Примечание. **Страны G7:** Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Великобритания, Соединенные Штаты Америки; **страны БРИКС:** Бразилия, Китай, Индия, Россия, ЮАР; **страны, считающиеся «союзниками» G7:** Австралия, Австрия, Бельгия, Греция, Венгрия, Ирландия, Южная Корея, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сингапур, Испания, Швеция; **страны, выдвинувшие свои кандидатуры на вступление в БРИКС:** Алжир, Аргентина, Саудовская Аравия, Бахрейн, Египет, ОАЭ, Индонезия, Иран.

Источники: IMF, World Economic Outlook database (данные на апрель 2023 г.).

запросили членство в БРИКС в 2023 году¹⁰, то динамика будет еще более впечатляющей. В 1992 году их доли составляли 58 и 25% мирового ВВП, в 2020 году — 41 и 39%. Трансформация отношений экономической власти стала масштабной реальностью за последние тридцать лет, знаменуя собой конец экономического порядка, в центре которого находились исключительно западные страны.

Этот экономический порядок был основан на внутреннем социальном порядке. Глобализация позволила установить особый общественный договор в 1980–1990 гг. В обмен на низкую заработную плату, оправданную низкой инфляцией, вызванной глобальной конкуренцией, возникшей в результате открытия экономик после заключения соглашений о свободной торговле, число которых увеличилось после преобразования ГАТТ в ВТО в 1994 г. (и в «единый рынок»¹¹), но также навязанную высокой безработицей (Duval, 2018; Armstrong, Taylor, 1981) (подпитываемой иммиграционными потоками), рабочим классам развитых стран предлагались недорогие потребительские товары из новых индустриальных стран (Bourguignon, 2012). Подобные меры сделали систему приемлемой, несмотря на резкий рост социального неравенства¹² (Atkinson, Piketty, 2007), вызванный доминированием финансовой сферы и связанных с ней видов деятельности. Быстрое развитие финансовой сферы с конца 1990-х гг. породило специфическую систему рантье (Ryan et al., 2014; Ratti et al., 2008; Ammable, Chatelain, 1996), которая забирает большую часть стоимости, созданной в производственной деятельности. Это искажение в распределении доходов приводит к тенденции исчезновения средних классов (Freeland, 2012) и территориальному перемещению бывших средних классов (Guilluy, 2022a; Guilluy, 2022b). Плановое уничтожение значительной части промышленности, за исключением

некоторых секторов, подпитывало безработицу, приводило к ускоренной терциаризации экономик стран и вызывало социальные изменения, которые закончились разделением общества. Это привело к возникновению феномена, названного Fourquet «обществом архипелага» (Fourquet, 2019). Возникшие протестные движения, от «желтых жилетов» (Bendali et al., 2019; Tartakowsky, 2019) до движения 2023 года против пенсионной реформы во Франции, а также Brexit в Великобритании и избрания Дональда Трампа на пост президента США (Espinoza, 2021), свидетельствуют о социальном кризисе, вызванном такой моделью развития. Тот факт, что Brexit ознаменовал начало политической реконфигурации в Великобритании¹³, кульминацией которой стала уверенная победа Бориса Джонсона на выборах в конце 2019 года¹⁴, является хорошим признаком. Рост популистской политики стал следствием фрагментации общества¹⁵. Жестокость полицейских репрессий, особенно в случае с движением «желтых жилетов» (Poupin, 2019), также указывает, насколько внутренний социальный порядок был скомпрометирован этим движением. Изменение мирового порядка бросает вызов общественному договору.

Если мы можем говорить о деглобализации мира, то ее также следует понимать и как его девестернизацию (Varma et al., 2009). В качестве примера можно привести актуальные китайские или российские инициативы в отношении Африки¹⁶. Возможно, именно поэтому такие изменения вызывают столь сильное противодействие со стороны западных стран.

Деглобализация не ограничивается только экономическими процессами. Она проявляется в отношении к правилам ВТО и в общей свободной многосторонней торговле. Кризис многосторонней торговой системы на самом деле

¹⁰ Available at: <https://www.agenceecofin.com/actualites/2504-107709-13-pays-ont-officiellement-depose-des-demandes-d-adhesion-au-groupe-des-brics-selon-l-afrique-du-sud>

¹¹ de Ruyt J. (1989). *L'acte unique européen*, Université de Bruxelles, dirigée par l'Institut d'études européennes.

¹² Piketty T., Saez E. (2006). The evolution of top incomes: A historical and international perspective. *Working paper*, 11 955. Available at: www.nber.org/papers/w11955

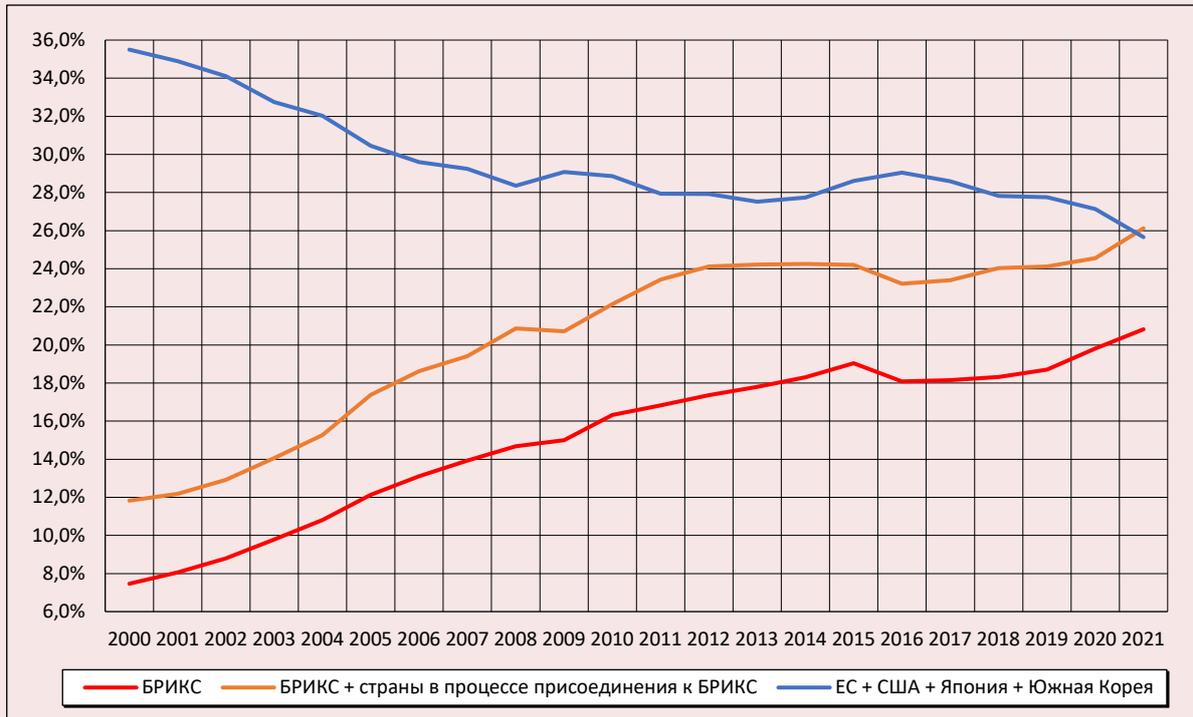
¹³ Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2019/apr/23/former-communist-claire-fox-standing-as-mep-for-farages-brexit-party>

¹⁴ Available at: <https://www.letemps.ch/monde/victoire-ecrasante-boris-johnson>

¹⁵ Silver L. (2022). Populists in Europe — especially those on the right — have increased their vote shares in recent elections. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/10/06/populists-in-europe-especially-those-on-the-right-have-increased-their-vote-shares-in-recent-elections/>

¹⁶ Available at: <https://summitafrica.ru/en/>

Рис. 2. Доля стран в мировом экспорте

Источник: WTO. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm

является глубоким и отражает сомнение в международном экономическом порядке¹⁷. Таким образом, ВТО оказывается в конкуренции с двусторонними, региональными и мегарегиональными соглашениями, в том числе в области разрешения споров, для которых предусмотрены арбитражные механизмы. Представляется, что ВТО не в состоянии адаптироваться к новым условиям проведения экономической политики, в то время как она «призвана изобрести себя заново»¹⁸. Фактически мы измеряем пределы попытки навязать форму мирового порядка с помощью правил, которые в определенный момент перестают быть приемлемыми для групп стран¹⁹ (Dunoff, Pollack, 2017).

¹⁷ Bown C. (2019). The 2018 trade war and the end of dispute settlement as we knew it. VOXeu.org Column, 13, June.

¹⁸ Basedow R. (2017). Strengthening the world trade organization – critical demands for imperative success identifying politically viable options for incremental reform. Available at: www.bertelsmann-stiftung.de/

¹⁹ Fabry E., Tate E. (2018). Sauver l'organe d'appel de l'OMC ou revenir au Far West commercial? Policy paper, 225, 1–21.

При этом доля стран БРИКС в международной торговле продолжала расти (рис. 2).

Отметим также, что страны БРИКС остаются в меньшинстве в мировом ВВП, мировой торговле и международных организациях (табл. 1), что может только ослабить легитимность (старого) мирового порядка.

Но сомнение в многосторонней торговле было фактически инициировано одной из стран, которая сделала больше всего для ее навязывания – США. Реализация различных мер, таких как Закон о коррупции за рубежом, который был принят в 1977 году²⁰, однако обрел свое значение после внесения поправок в 1998 году и агрессивного применения в конце 2000-х гг.²¹, и Закон о налоговой отчетности по зарубежным счетам 2010 года, была значительно усугублена решением американских властей

²⁰ Available at: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act>

²¹ Gauvain R. (2019). Rétablir la souveraineté de la France et de l'Europe et protéger nos entreprises des lois et mesures à portée extraterritoriale. Paris, Assemblée Nationale.

Таблица 1. Доля стран БРИКС в многосторонних организациях

Организация	Всемирный банк		МАР		МИГА		МВФ		СПЗ	
	Кол-во голосов	% от общ. числа	Млн	% от общ. числа						
Бразилия	54,264	2,11	478,0	1,66	2,83	1,3	111,9	2,22	11,0	2,32
Россия	67,26	2,62	90,65	0,31	5,752	2,64	130,5	2,59	12,9	2,71
Индия	76,777	2,99	835,2	2,89	1,218	0,56	132,6	2,63	13,1	2,76
Китай	131,426	5,11	661,0	2,29	5,754	2,64	306,3	6,08	30,5	6,41
Южная Африка	18,698	0,73	74,37	0,26	1,886	0,86	32,0	0,63	3,1	0,64
Всего	348,425	13,56	2139,1	7,41	17,44	8,0	713,2	14,15	70,6	14,84

Примечание: МАР – Международная ассоциация развития (International Development Association, IDA); МИГА – Многостороннее инвестиционное гарантийное агентство (Multilateral Investment Guarantee Agency, MIGA); МВФ – Международный валютный фонд (International Monetary Fund, IMF); СПЗ – специальные права заимствования (Special Drawing Rights, SDR).
Источник: (Liu, Para, 2022).

считать, что любое использование доллара автоматически подводит иностранные компании под действие американского законодательства. Это называется принципом экстерриториальности. В 2016 году по этой проблеме был написан Французский парламентский доклад²². Основная проблема возникает из-за того, что сделки, которые должны были быть соблюдены, – это контракты, заключенные в долларах. Однако в этом случае сделки обязательно должны проходить через американский банк, чтобы «купить» доллары, тем самым подпадая под американское законодательство. Французские компании (Alstom²³, Technip) и банки (BNP-Paribas, также Crédit Agricole и Société Générale) были осуждены через эти процедуры.

Эти меры продолжались и под руководством Дональда Трампа. Более того, в 2014 году Европейский союз поддержал политику экономических санкций против России и не отреагировал на санкции, принятые Соединенными Штатами против Ирана²⁴. Благодаря политике «экономических санкций» в отношении

²² Gauvain R. (2019). *Rétablir la souveraineté de la France et de l'Europe et protéger nos entreprises des lois et mesures à portée extraterritoriale*. Paris, Assemblée Nationale.

²³ Alstom pleads guilty and agrees to pay \$772 million criminal penalty to resolve foreign bribery charges. US Department of Justice, Office of Public Affairs, 22 December 2014. Available at: <http://archive.wikiwix.com/cache/index2.php?url=https%3A%2F%2Fwww.justice.gov%2Fopa%2Fpr%2Falstom-pleads-guilty-and-agrees-pay-772-million-criminal-penalty-resolve-foreign-bribery>

²⁴ Maitre E. (2018). *Observatoire de la Dissuasion*. FRS, Bulletin, 55. Available at: <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/programmes/observatoire-de-la-dissuasion/bulletins/2018/55.pdf>

Кубы, Ирана, России, Венесуэлы Соединенные Штаты и Европейский союз²⁵, которые находились на переднем плане в процессе глобализации, ускорили явление деглобализации.

Выход США из Соглашения по иранской ядерной программе²⁶ не был направлен исключительно на изоляцию Ирана посредством экономических санкций. Денонсация этого соглашения позволила нанести удар по Франции и Германии. Кроме Италии и Греции, которые вели переговоры напрямую с США в обход Брюсселя, ни одно европейское государство до сих пор не смогло воспользоваться американскими льготами на экспорт иранской нефти. Односторонний выход из соглашения имел тяжелые экономические последствия для европейских компаний, в частности французских, таких как PSA, Renault, Total и Airbus²⁷.

Показав, что в отношении торговли и связанных с ней стандартов можно применять манипуляцию или нарушения по сугубо политическим причинам, США продемонстрировали, что торговля и стандарты соответствуют не столько мировому порядку, сколько поли-

²⁵ This country was one of the main losers of the 2014 round of sanctions: Fast 700 Millionen US-Dollar pro Monat: Deutschland leidet unter Russland-Sanktionen, in Handelsblatt. Available at: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/krim-streit-fast-700-millionen-us-dollar-pro-monat-deutschland-leidet-unter-russland-sanktionen/25107884.html?ticket=ST-44354031-vztL3Mvyz2G7mcsrF6Tv-ap4>

²⁶ Available at: <https://www.consilium.europa.eu/fr/policies/sanctions/iran/jcpoa-restrictive-measures/>

²⁷ Available at: <https://www.capital.fr/entreprises-marches/total-abandonne-south-pars-11-en-iran-a-moins-dune-derogation-1288307>

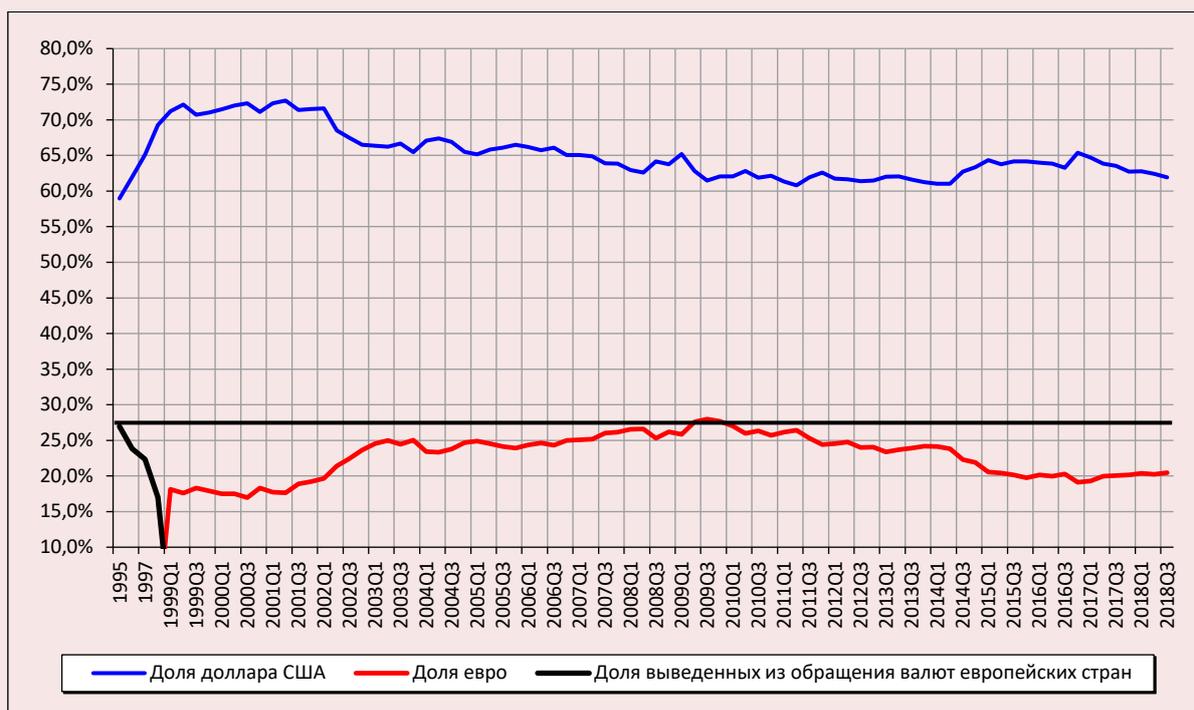
тике Соединенных Штатов (Kirshner, 2008). В записке Главного управления внутренней безопасности (ГУВБ)²⁸ говорится, что «французские компании, работающие в этих секторах (высокотехнологичные сектора, такие как авионавигация, здравоохранение и научные исследования), являются объектом целенаправленных атак, в частности, через юридические споры, попытки захвата информации и экономическое вмешательство»²⁹.

Наконец, международный порядок рухнул и в валютной сфере. После окончания Бреттон-Вудских соглашений в 1973 году он был основан на охарактеризованной как долларовой стандарт³⁰ системе, которую мгновенно раскритиковали (Ghyms, 1986). Эта система изначально была нефункциональной (Aglietta,

1986), но очевидно это стало в начале 2000-х гг.³¹ Создание евро в 1999 году не изменило ситуацию (Begg et al., 1998), поскольку доля евро в резервах различных центральных банков не превышала сумму долей валют стран, принявших данную единую валюту. Эта доля, претерпев изменения, приближающие ее к сумме существующих до евро европейских валют, значительно сократилась с 2010 года. Доля доллара США также снизилась, однако до кризиса COVID-19 она оставалась выше 60% (рис. 3).

И доллар, и евро падали из-за роста других валют, используемых центральными банками в качестве резервов. Поэтому с 2010 года стала очевидной тенденция к фрагментации международной валютной системы, частично вызванная соображениями геополитической безопас-

Рис. 3. Доля валют в резервах Центрального банка

Источники: IMF, COFER, <https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4>

²⁸ Французская разведывательная служба, занимающаяся вопросами внутренней безопасности.

²⁹ Egrelle O. (2018). Airbus espionné par les Etats-Unis. Portail de l'IE, 23 novembre 2018. Available at: <https://portail-ie.fr/analysis/1987/airbus-espionne-par-les-etats-unis>

³⁰ Goldberg L. (2011). The international role of the dollar: Does it matter if this changes? Staff Report, 522. New York: Federal Reserve Bank of New York.

³¹ Carney M. The growing challenges for monetary policy in the current international monetary and financial system. Speech at the Jackson Hole Symposium 2019, August 23, 2019. Available at: www.bis.org/review/r190827b.pdf

ности (McDowell, 2020). Тем не менее данная тенденция развивается медленно. По институциональным причинам, таким как массовое использование доллара в качестве расчетной единицы на многих товарных рынках, а также по причинам практической целесообразности (Gopinath, Stein, 2021) доллар накануне пандемии доминировал в международной валютной системе (Helleiner, Kirshner, 2009).

Глобализация в 1990-х и 2000-х гг., вполне возможно, была обречена с самого начала (Galbraith, 1999). Однако начало проблемы нужно искать еще до кризиса «Вашингтонского консенсуса» (Sapir, 2000). Стремительный рост неравенства (Atkinson et al., 2011), вызванный развитием мирового порядка, формирующегося с 1991 года, подорвал глобализацию (Galbraith, 2012). Это неравенство напрямую связано с финансовым кризисом, пошатнувшим мировой порядок (Lysandrou, 2011; Rajan, 2010).

Потрясения, вызванные пандемией COVID-19, и глубокие изменения геополитической ситуации

Эти тенденции были заметны уже в 2010 году и положили конец тому, что некоторые авторы называют гиперглобализацией³². Однако в период с 2020 по 2023 год они усилились. Мир пережил серию беспрецедентных потрясений в области здравоохранения, экономики и геополитики. Полностью осознать их последствия будет возможно только к концу десятилетия. Многочисленные сбои в цепочках поставок вследствие пандемии COVID-19 (Fulconis, Paché, 2020) подорвали глобализованную экономику и привлекли внимание многих стран к рискам, связанным с этими цепочками. Такие сбои, по-видимому, имели в 2021 году более значительный эффект для стран, в экономике которых преобладает доля промышленного производства (Германия), чем для стран с преобладанием сферы услуг (Dauvin, 2022). Показано, что кризис привел к ослаблению цепочек поставок из-за отсутствия поставщиков-заменителей за пределами обычных производственных кластеров (Derrien, Van Der Putten, 2021).

Безусловно, новые санкции, введенные в отношении России с конца февраля 2022 года в дополнение к санкциям, действующим с

³² Kilic K., Marin D. How COVID-19 is transforming the world economy, CEPR, May 2020.

2014/2015 гг.³³, вызвали новые потрясения и на этот раз затронули денежно-кредитную сферу (запрет на поставку западных валют Центральному банку России, отключение некоторых российских банков от системы SWIFT³⁴), а также сферу торговли (различные виды эмбарго)³⁵.

В дополнение к резкому сокращению товарооборота между странами Европейского союза и Россией санкции привели к сегментации мировой торговли между странами, их применяющими (США, Канада, страны Европейского союза, Япония, Южная Корея, Сингапур, Австралия и Новая Зеландия), и странами, отказывающимися их применять (Китай, Индия, Индонезия, Малайзия, страны Ближнего Востока, а также Турция, несмотря на членство в НАТО), страны Африки и большинство государств Латинской Америки. Если рассуждения об «изоляции» России кажутся фантазией Запада³⁶, то сегментация мировой торговли — это реальность. Более того, еще до введения санкций Россия, похоже, приняла меры предосторожности³⁷.

Санкции и вызванная ими постепенная сегментация международной торговли оказали значительное влияние на глобальный рост. В дополнение к росту инфляции, первоначально вызванному кризисом COVID-19, они увеличили разрыв между государствами Азии и развитыми странами.

³³ Для ЕС: Bēlin M., Hanousek J. (2019). Making sanctions bite: the EU-Russian sanctions of 2014, VoxEU — CEPR. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/fr/infographics/eu-sanctions-against-russia-over-ukraine/>; for the USA: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>

³⁴ Available at : https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en

³⁵ Для стран ЕС: <https://www.consilium.europa.eu/fr/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/#economic>; для США: <https://home.treasury.gov/system/files/126/14065.pdf>; https://home.treasury.gov/system/files/126/fr87_41589.pdf; и <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/06/fact-sheet-united-states-g7-and-eu-impose-severe-and-immediate-costs-on-russia/>

³⁶ L'isolement de la Russie, un fantasme de l'Occident. Available at: <https://mondafrique.com/lisolement-de-la-russie-est-un-fantasme-de-loccident/>

³⁷ Huileng T. It's no surprise Russia is weathering the West's sanctions: Putin has been preparing for them for nearly a decade. Available at: <https://www.businessinsider.com/russia-putin-preparing-west-sanctions-decade-since-ukraine-crimea-annexation-2022-6?r=US&IR=T>

Таблица 2. Темпы роста основных экономических групп стран после вспышки COVID-19, %

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Мир	2,80	-2,80	6,30	3,40	2,80	3,00
Развитые страны	1,70	-4,20	5,40	2,70	1,30	1,40
в том числе: Европейский союз	2,00	-5,60	5,60	3,70	0,70	1,60
в том числе: Еврозона	1,60	-6,10	5,40	3,50	0,80	1,40
США	2,30	-2,80	5,90	2,10	1,60	1,10
Япония	-0,40	-4,30	2,10	1,10	1,30	1,00
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	3,60	-1,80	6,90	4,00	3,90	4,20
в том числе:						
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Азии	5,20	-0,50	7,50	4,40	5,30	5,10
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Европы	2,50	-1,60	7,30	0,80	1,20	2,50
Примечание: 2023 и 2024 годы – прогноз; 2022 год – оценка. Источники: IMF, World Economic Outlook, Appendix A. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023#statistical						

Согласно данным *таблицы 2*, темпы роста стран Европейского союза значительно отстают (Sapir, 2021). Страны ЕС испытали сильное потрясение вследствие пандемии COVID-19, несмотря на значительные объемы государственной помощи (Sapir, 2021), и их экономическое восстановление шло медленнее. Геополитические потрясения, наблюдаемые в мире с февраля 2022 года, привели к снижению темпов роста, что отражено в прогнозах на 2023 и 2024 гг.

С этой точки зрения, применение санкций оказало по меньшей мере такое же пагубное воздействие на экономики стран, присоединившихся к санкциям (и, в частности, стран Европейского союза), как и на страну-мишень – Россию (Sapir, 2023). Это также повлияло на развитие событий в отношении валют. Похоже, что наблюдается ускоренное снижение доли доллара США в резервах Центрального банка. Фактически тенденции к дедолларизации международной торговли (Ladasic, 2017), в частности проект создания общей валюты БРИКС (Liu, Pava, 2022), по-видимому, были вызваны политической инструментализацией доллара США, а также замораживанием активов Центрального банка России³⁸ (*рис. 4*).

³⁸ Ping L. The trend toward de-dollarization become clearer as dollar weaponization damages its credibility. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1289944.shtml>

Следует отметить, что этот процесс принес фундаментальную пользу не евро, а всем другим валютам, включая конвертируемый юань, швейцарский франк или фунт стерлингов (*рис. 5*). На самом деле наблюдается движение, ставящее под сомнение международную валютную систему, другими словами, мировой валютный порядок.

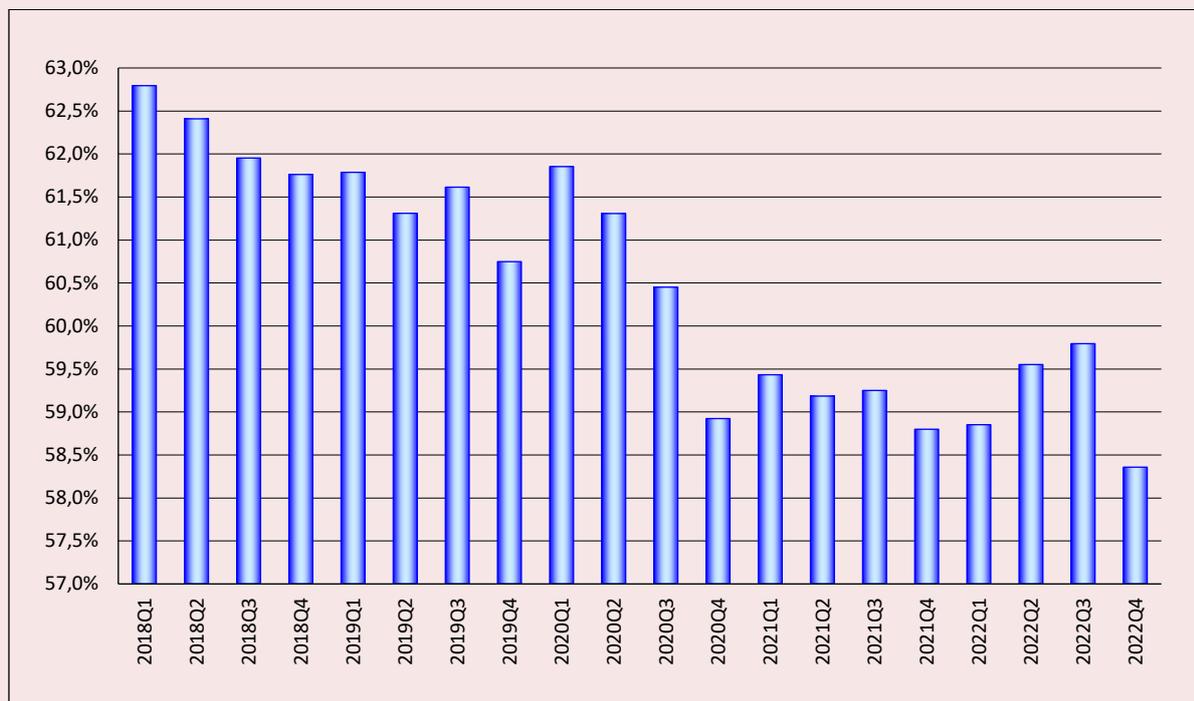
Кризис мирового порядка, начавшийся в 1992 году, стал очевиден благодаря кризису, вызванному COVID-19, и геостратегическим потрясениям, наблюдаемым с 2022 года. Главный экономист Всемирного банка Кармен Рейнхарт сама признала это, заявив, что «COVID-19 – это последний гвоздь в крышку гроба глобализации»³⁹.

Турецкий экономист и политик Кемаль Дервиш в статье, размещенной в июне 2020 года на сайте Брукингского института, одного из самых известных аналитических центров Демократической партии США, добавил: «В условиях, когда пандемия COVID-19 обнажила уязвимости, присущие гиперсвязанному и слаженно функционирующему миру, отказ от глобализации кажется все более неизбежным и в какой-то степени даже желательным»⁴⁰.

³⁹ Available at: <https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-05-21/reinhart-says-covid-19-is-the-last-nail-in-the-coffin-of-globalization-video>

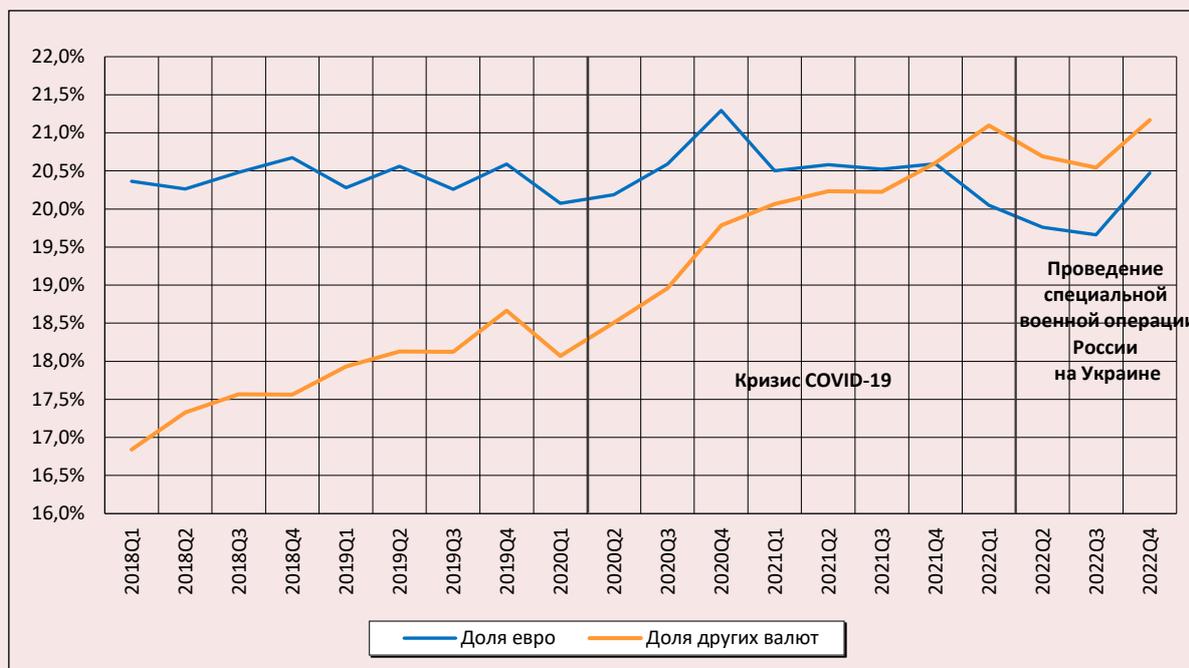
⁴⁰ Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/less-globalization-more-multilateralism/>

Рис. 4. Доля доллара США в резервах Центрального банка

Источники: Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER), International Financial Statistics (IFS). URL: <http://data.imf.org/>

Рис. 5. Доля евро и других валют в резервах Центрального банка

Источники: Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER), International Financial Statistics (IFS). URL: <http://data.imf.org/>

Это заявление важно, потому что Брукингский институт — один из центров влияния, способствующих продвижению «глобализации» в наибольшей степени. Некоторые эксперты обращали внимание на это явление еще до кризиса в области здравоохранения. Например, Гарольд Джеймс, профессор истории и международных отношений Принстонского университета, написал статью к годовщине кризиса 2008 года (James, 2018). Он говорил о «глобальном вызове», который ставит перед нами деглобализация⁴¹. В 2022 году Джозеф Стиглиц отметил явления «решоринга» и «френдшоринга», которые свидетельствуют о процессе фрагментации и деглобализации, показав, как они могут проявляться в ответ на ошибки глобализации⁴². Выступая в октябре 2022 года в Джорджтаунском университете (Вашингтон, округ Колумбия), президент МВФ Кристилина Георгиева также отметила эти трансформации⁴³. Парадигма свободной торговли была разрушена. Возвращение протекционизма, который начал открыто проявляться в ходе кризиса 2008–2010 гг., из-за санкций и контрсанкций имеет тенденцию ускоряться.

Сейчас мы сталкиваемся с явным риском сегментации мира между «коллективным Западом» и «коллективным Югом»⁴⁴. «Коллективный Юг» формируется вокруг БРИКС, что измеряется количеством заявок на членство, но также — это менее заметно — вокруг ШОС (Deng, 2021). Даже если это противостояние неизбежно из-за поведения таких стран, как США или Великобритания, чей бывший премьер-министр Лиз Трасс призвала к преобразованию G7 в экономический альянс НАТО⁴⁵, подобная ситуация явно неоптимальна в контексте решения вопросов защиты планеты и равных возможностей для развития. Если в конечном счете возникнет новый мировой порядок, вполне возможно, что, поскольку мир будет многопо-

лярен, он будет гораздо менее неравноправным, чем предыдущий.

Эволюция внутреннего общественного договора стран

Изменения в мировом порядке, наблюдаемые с конца 2019 года, положили конец внутреннему общественному договору, преобладавшему в развитых странах. Это привело к резкому росту цен⁴⁶ в основном из-за нарушения глобальных цепочек поставок⁴⁷, а также вследствие экономических санкций и вызванных ими сбоях в мировой торговле. Произошло осознание, более или менее быстрое и более или менее значительное в разных странах, что в перспективе продолжение роста, связанного с деиндустриализацией, уже невозможно⁴⁸. В большей степени оно характерно для Европы, которая оказалась под прямой угрозой вследствие разрыва экономических отношений с Россией⁴⁹ и подвергается риску растущей маргинализации (и даже вассализации) под опекой США в будущем мировом порядке⁵⁰.

⁴⁶ Harding M., Lindé J., Trabandt M. Understanding Post-Covid Inflation. IMF, Working Paper, WP 23-10, January 20, 2023. Available at: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2023/010/article-A001-en.xml>

⁴⁷ Forbes K.J., Gagnon J., Collins Ch.G. Pandemic inflation and nonlinear, global Phillips curves. Peterson Institute for International Economics. Working paper 21-15, 2021, VoxEU.org. 31; Gopinath G. How will the pandemic and war shape future monetary policy? Speech delivered at the Jackson Hole Symposium. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/08/26/sp-gita-gopinath-remarks-at-the-jackson-hole-symposium>

⁴⁸ Leseul G. et al. Commission d'enquête chargée d'identifier les facteurs qui ont conduit à la chute de la part de l'industrie dans le PIB de la France et de définir les moyens à mettre en oeuvre pour relocaliser l'industrie et notamment celle du médicament. Sénat de la République Française, rapport 4923, January 19, 2022. Available at: [https://www2.assemblee-nationale.fr/15/autres-commissions/commissions-d-enquete-de-la-xv-eme-legislature/commission-d-enquete-sur-la-desindustrialisation/\(block\)/RapEnquete](https://www2.assemblee-nationale.fr/15/autres-commissions/commissions-d-enquete-de-la-xv-eme-legislature/commission-d-enquete-sur-la-desindustrialisation/(block)/RapEnquete)

⁴⁹ Available at: <http://gasprocessingnews.com/news/2023/03/europe-facing-costly-winter-without-enough-long-term-lng-deals/>

⁵⁰ См. работу Йошки Фишера, бывшего министра иностранных дел ФРГ, в Project Syndicate. Available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/europe-biggest-loser-in-multipolar-world-by-joschka-fischer-2023-05?utm_source=Project%20Syndicate%20Newsletter&utm_campaign=649968e73b-sunday_newsletter_05_21_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-649968e73b-104930809&mc_cid=649968e73b&mc_eid=ce43353b62&barrier=accesspaylog

⁴¹ James H. (2017). Deglobalization as a global challenge. Princeton University, Center for International Governance Innovation, CIGI Papers No. 135, Princeton, NJ.

⁴² Stiglitz J.E. Getting deglobalization right. Available at: <https://www.socialeurope.eu/getting-deglobalization-right>

⁴³ Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/10/06/sp-2022-annual-meetings-curtain-raiser>

⁴⁴ См.: Sapir J. *La Démondialisation*. New edition, op. cit.

⁴⁵ Stokes B. The world needs an economic NATO. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/05/17/ukraine-war-russia-sanctions-economic-nato-g7/>

Более того, осознание экологических ограничений старой модели роста, ограничений, которые слишком часто сводятся к вопросу изменения климата, но которые на самом деле включают в себя проблемы отходов, загрязнения почвы и воды, также проявилось в результате социального шока, вызванного пандемией COVID-19.

Для других стран, включая Россию, стратегия развития, принятая с 2000-х гг. и основанная на взаимозависимых связях с европейскими экономиками, связях, образованных продажей дешевой энергии или дешевых продуктов в обмен на инвестиции в промышленность и импорт технологий, была признана недействительной. На фоне уверенного экономического роста Россия активно привлекала прямые иностранные инвестиции и локализовала производства с использованием зарубежных технологий (Adewale, 2017). Эта модель была разрушена очередным витком санкций. В новой геостратегической ситуации, складывавшейся с февраля 2022 года, новая модель развития, по видимому, должна возобладать (Gusev, 2023)⁵¹, даже если сегодня по-прежнему важны среднесрочные ограничения (и возможности) (Shirov, 2023). Яркий пример представляет автомобильная промышленность, но он далеко не единственный. Затем Россия была вынуждена ускорить развитие стратегии импортозамещения⁵²,

и это, похоже, дало положительные результаты⁵³, позволило положить начало диверсификации экспорта, более того, соответствующей классической модели международной торговли (Krugman, 1984).

Россия в этом случае не одинока. Индия вполне может в течение нескольких месяцев столкнуться с аналогичной проблемой. Наконец, Китай тоже начал переориентироваться на свой внутренний рынок⁵⁴, и его можно было бы подтолкнуть к ускорению этого процесса⁵⁵. В целом, за десять лет, прошедших после кризиса 2008–2010 гг., степень открытости стран БРИКС снижалась; они стремились уменьшить свою зависимость от международной торговли, и этот процесс, естественно, должен ускориться в нынешних условиях, характеризующихся растущей политизацией международной торговли.

Для развитых стран старую стратегию или старую модель роста можно было бы измерить по доле услуг в ВВП, которая неуклонно росла с 1970-х гг. и сегодня приобрела очень важное значение (табл. 3). Эта доля колеблется между 69 и 79%.

Показатели по Китаю и Индии представлены для сравнения. Средний показатель составляет от 49 до 58%. Согласно данным таблицы 3, в западных странах наблюдается массовая терциализация экономики (Barreiro de Souza et al.,

Таблица 3. Доля ВВП по различным секторам экономики, в среднем за 2011–2018 гг., %

Сектор экономики	Франция	Германия	Италия	США	Япония*	Китай	Индия**
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыбное хозяйство	1,8	0,9	2,2	1,1	1,0	8,6	16,4
Промышленность	14	25,6	19	15,7	23,4	35,7	18,9
Строительство	5,7	4,6	4,7	3,9	5,5	6,9	7,0
Сфера услуг	78,5	68,9	74,1	79,3	70,1	48,8	57,7

Примечание: * Среднее за 2016–2021 гг.; ** среднее за 2016–2019 гг.
 Источники: IMF; OECD (https://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=SNA_TABLE1).

⁵¹ См. также: Frolov I. Ye., Belousov D.R., Artemenko V.G. et al. (2022). On long-term scientific and technological development of Russia: Scientific report. Moscow, IEF-RAS. Available at: <https://ecfor.ru/publication/o-dolgosrochno-nauchno-tehnologicheskom-razviti-rossii/>

⁵² Adamovich A. Russia is switching to a new format of import substitution. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27289/4427120/>

⁵³ The Atlantean shrugged his shoulders: How the Russian auto industry is recovering and developing. Available at: <https://expert.ru/2022/12/18/atlant-pozhal-plechami-kak-vosstanavlivayetsya-i-razvivayetsya-rossiyskiy-avtoprom/>

⁵⁴ China's Structural Transformation: What Can Developing Countries Learn. Geneva, UNCTAD, GDS/2022/1. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/gds2022d1_en.pdf

⁵⁵ Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1286727.shtml>

2016; Greenhalgh, Gregory, 2001; Daniels, 1993). Это явление не ново (Lichtenstein, 1993) и в ряде случаев даже может быть оправдано. Но, вероятно, терциализация экономики достигла своего апогея благодаря расширению свободной торговли и неявному общественному договору, который она обеспечивала. Действительно, уровень развития Китая схож с уровнем западных стран, но доля услуг в Китае значительно ниже. Однако в сфере услуг – за исключением некоторых секторов, таких как финансовые услуги, – заработная плата ниже, чем в промышленности и строительстве.

С этой точки зрения интересно взглянуть на наблюдаемую и вероятную эволюцию России (табл. 4). В 2016 году она была близка к уровню Германии и в целом занимала промежуточное положение между развитыми странами и Китаем. Похоже, что с начала специальной военной операции Россия пошла другим путем, похожим на тот, которым сейчас идут Индия и Китай.

Политика правительства России, похоже, развивается в направлении того, что украинский социолог назвал «военным кейнсианством»⁵⁶, путем оказания значительной помощи слоям

населения, участвующим в военных действиях, а также за счет увеличения объема государственных заказов на вооружение⁵⁷ и инфраструктуру. Коэффициент загрузки производственных мощностей⁵⁸, являющийся хорошим показателем промышленной активности, достиг бы – согласно информации, предоставленной UNICREDIT⁵⁹, – 86% в начале 2023 года, а в настоящее время в целом он составляет от 78 до 82% в зависимости от страны⁶⁰. Это означает, что в России промышленная активность в настоящее время очень высока. Если к этому добавить предпринимаемые усилия, направленные на замещение части импорта отечественной продукцией, то можно было бы создать модель развития, основанную на промышленности, на переработке сырья, а не на его экспорте. Такая модель логически была бы более эгалитарной, в социальном или территориальном плане, чем разработанная ранее модель взаимной зависимости. Вероятно, это потребует некоторой формы планирования⁶¹.

Для западных стран такое изменение порождает множество проблем. Цель реиндустриализации в сочетании с целью приведения промышленности в гораздо большее соответствие

Таблица 4. Доля ВВП в различных секторах российской экономики, %

Сектор экономики	2016 г.	2022 г.**	2023 г.***
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыбное хозяйство	4,8	4,3	4,3
Промышленность*	25,7	31,1	31,6
Строительство	6,2	5,2	5,3
Сфера услуг	63,3	59,4	58,8

Примечание: *включая транспортировку электроэнергии, тепла, газа и воды; ** оценки; *** прогнозы.
Источники: OECD; ROSSTAT (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/22_20-02-2023.html)

⁵⁶ Ishshenko V. Russia's military Keynesianism. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2022/10/26/russia-military-keynesianism>

⁵⁷ Cooper J. Implementation of the Russian federal budget during January–July 2022 and the spending on the military. SIPRI Background Paper, SIPRI, Stockholm, October 2022. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-10/bp_2210_russianmlex.pdf

⁵⁸ Определение INSEE можно найти на сайте <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1275>

⁵⁹ Данные получены в ходе вебинара Ассоциации Европейского бизнеса, 27 февраля 2023 г.

⁶⁰ Исторический средний показатель составлял 83,2% во Франции в 1963–1989 гг. (источник: Bourlange, Chaney, 1990) и 83,9% в 2009–2019 гг. Он снизился до 81,8% в 2022 году (<https://www.insee.fr/fr/statistiques/serie/001586738#Telechangement>). В США коэффициент загрузки производственных мощностей на 2022 год составляет 79,8% (<https://fr.tradingeconomics.com/united-states/capacity-utilization>)

⁶¹ Sapir J. Economic planning: The Renaissance of forgotten practices and opportunities for Russia. Available at: <https://expert.ru/expert/2023/04/ekonomicheskoye-planirovaniye-renessans-zabytoy-praktiki-i-vozmozhnosti-dlya-rossii/>

экологическим требованиям действительно была принята во Франции, как и в Соединенных Штатах, о чем свидетельствует принятый Конгрессом Закон о снижении инфляции (IRA)⁶². Эта цель предполагает колоссальные инвестиции, в частности, в декарбонизацию производства энергии. Она также подразумевает постановку финансового сектора на службу экономике, сосредоточенной на производстве товаров и общественных услугах, и координацию усилий, что также представляется невозможным без какой-либо формы планирования (Sapir, 2022). Сокращение неравенства, которое могло бы возникнуть в результате, благоприятствовало бы восстановлению социальной основы демократии. Но мы видим, что между политической риторикой и реальными действиями образуется значительный разрыв. Пример пенсионной реформы во Франции в первом квартале 2023 года ясно показывает, что финансовый аспект по-прежнему очень важен в экономической политике правительства. Более того, рост авторитарного поведения в государственном аппарате, а также радикализация политических выступлений вызывают опасения по поводу иного исхода, чем восстановление общественного договора на основе реиндустриализации.

С начала 2022 года ускорились преобразования, которые уже происходили в мировой экономике по меньшей мере в течение десятилетия. Они подписывают «смертный приговор» мировому порядку, возникшему в начале 1990-х гг., приговор, который принимает форму усиления незападных объединений (БРИКС, ШОС) в международной жизни и ставит под сомнение международную валютную систему. Изменение мирового порядка происходит в направлении девестернизации мира, связанном с процессом деколонизации 1950-х и 1960-х гг.

Но эти преобразования также затрагивают общественный договор, неявный или явный, который действовал в большинстве развитых и развивающихся стран, это ставит обе группы государств перед невозможностью продолжать следовать тем путем, которым они шли с начала 1990-х гг. В обоих случаях государство будет призвано играть большую роль — прямо или косвенно — в экономической деятельности и структурировании общества. Однако нет уверенности, что это приведет к значительному социальному и демократическому прогрессу, напротив, это может закончиться — в развитых странах — установлением более принудительного и более неравноправного внутреннего порядка.

Литература

- Adewale A.R. (2017). Import-substitution industrialization and economic growth — Evidence from the group of BRICS countries. *Future Business Journal*, 3, 138–158.
- Aglietta M. (1986). *La Fin des Devises Clés*. Paris: La Découverte.
- Ammable B., Chatelain J.B. (1996). La concurrence imparfaite entre les intermédiaires financiers est-elle toujours néfaste à la croissance économique? *Revue économique*, 47(3), 765–775.
- Armstrong H., Taylor J. (1981). The measurement of different types of unemployment. In: Creedy J. (Ed.). *The Economics of Unemployment in Britain*. London: Butterworth.
- Atkinson A., Piketty T., Saez E. (2011). Top incomes in the long run of history. *Journal of Economic Literature*, 49(1), 3–71.
- Atkinson A.B., Piketty T. (Eds.). (2007). *Top Incomes Over the Twentieth Century: A Contrast between Continental European and English-Speaking Countries*. Oxford: Oxford University Press.

⁶² Available at: https://www.democrats.senate.gov/imo/media/doc/inflation_reduction_act_one_page_summary.pdf. См. также: Stiglitz J.E. Why the Inflation Reduction Act is a big deal. Available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/us-inflation-reduction-act-is-a-big-deal-by-joseph-e-stiglitz-2022-08?barrier=accesspaylog&utm_term=&utm_campaign=&utm_source=adwords&utm_medium=ppc&hsa_acc=1220154768&hsa_cam=12374283753&hsa_grp=117511853986&hsa_ad=499567080222&hsa_src=g&hsa_tgt=aud-1249316000597:dsa-19959388920&hsa_kw=&hsa_mt=&hsa_net=adwords&hsa_ver=3&gad=1&gclid=CjwKCAjwgqejBhBAEiwAuWHioOck-GaQCMtd-PKCLXS_QroDjeSzqT63WRnk3Gje9p6-hb6tcx1zOxoCh3sQAvD_BwE

- Barma N., Chiozza G., Ratner E., Weber S. (2009). A world without the West? Empirical patterns and theoretical implications. *Chinese Journal of International Politics*, 4(2), 525–544.
- Barreiro de Souza K., Quinet de Andrade Bastos S., Salgueiro Perobelli F. (2016). Multiple trends of tertiarization: A comparative input–output analysis of the service sector expansion between Brazil and United States. *Economia*, 17(2), 141–158.
- Begg D., von Hagen J., Wyplosz C., Zimmermann K.F. (Eds.). (1998). *EMU: Prospects and Challenges for the Euro*. Oxford: Blackwell.
- Bello W. (2002). *Deglobalization, Ideas for a New World Economy*. London & New-York: Zed Book.
- Bendali Z. et al. (2019). Le mouvement des Gilets jaunes: Un apprentissage en pratique(s) de la politique? *Politix*, 128(4), 143–177. Available at: <https://www.cairn.info/revue-politix-2019-4-page-143.htm>
- Besson S. (2020). The political legitimacy of international law: Sovereign states and their international institutional order. Carrying Dworkin's later work on international law forward. *Jus cogens*, 2(2), 111–138.
- Besson S. (2020). L'autorité légitime du droit international comparé. Quelques réflexions autour du monde et du droit des gens de Vico. In: Besson S., Jubé S. (Eds.). *Concerter les civilisations. Mélanges en l'honneur d'Alain Supiot*. Paris: Seuil.
- Blin A. (2006). 1648. La Paix de Westphalie ou la naissance de l'Europe politique moderne. In: *Questions à l'histoire*. Bruxelles.
- Boidin P. (1918). *Les lois de la guerre et les deux conférences de La Haye (1899–1907)*. Paris.
- Bourguignon F. (2012). *La mondialisation de l'inégalité*. Paris: Seuil.
- Bourlange D., Chaney E. (1990). Taux d'utilisation des capacités de production: un reflet des fluctuations conjoncturelles. *Économie et statistique*, 23, 49–70.
- Dahl R.A. (1957). The concept of power. *Behavioral Science*, 2(3), 201–215.
- Daniels P.W. (1993). *Services Industries in the World Economy*. Cambridge: Blackwell.
- Dauvin M. (2022). Évaluation du choc d'approvisionnement. *Revue de l'OFCE*, 2(177), 101–115.
- Deng H. (2021). 20 years of SCO, development, experience and future directions. *Contemporary International Relations*, 31(4).
- Derrien G., Van Der Putten R. (2021). Des chaînes d'approvisionnement plus résilientes après la pandémie de la Covid-19. *BNP-Paribas Conjoncture*. Available at: <https://economic-research.bnpparibas.com/html/fr-FR/chaines-approvisionnement-resilientes-pandemie-Covid-19-20/12/2021,44859>
- Dunoff J.L., Pollack M.A. (2017). The judicial trilemma. *American Journal of International Law*, 111, 226–276.
- Duval G. (2018). Travail: du plein-emploi au chômage de masse. *Alternatives Économiques*, 4(378), 72.
- Eichengreen B. (2011). *Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System*. Oxford: Oxford University Press.
- Espinoza M. (2021). Donald Trump's impact on the Republican Party. *Policy Studies*, 7-6. Available at: https://scholarworks.utrgv.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1037&context=pol_fac
- Fourquet J. (2019). *L'Archipel français*. Paris: Le Seuil.
- Freeland C. (2012). *Plutocrats: The Rise of the New Global Super Rich and the Fall of Everyone Else*. Toronto: Doubleday.
- Friedberg A.L. (2005). The future of U.S.-China relations: Is conflict inevitable? *International Security*, 30(2).
- Fulconis F., Paché G. (2020). Pandémie de COCID-19 et chaînes logistiques. *Revue Française de Gestion*, 8(293), 171–181.
- Galbraith J. (2012). *Inequality and Instability. A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis*. Oxford: Oxford University Press.
- Galbraith J., Choi J. (2020). Inequality under globalization: State of knowledge and implications for economics. In: Webster E., Valodia I., Francis D. (Eds.). *Inequality Studies from the Global South*. London–New York: Routledge.
- Galbraith J.K. (1999). The crisis of globalization". *Dissent*. Available at: <https://www.dissentmagazine.org/article/the-crisis-of-globalization>
- Ghymers C. (1986). Réagir à l'emprise du dollar. In: Aglietta M. (Ed.). *L'ECU et la vieille dame*. Paris: Economica.
- Glenn G.W. (2007). Floating the system: Germany, the United States, and the Breakdown of Bretton Woods, 1969–1973. *Diplomatic History*, 31(2), 295–323.

- Goldstein A. (2005). *Rising to the Challenge. China's Grand Strategy and International Security*. Stanford University Press.
- Gopinath G., Stein J.C. (2021). Banking, trade, and the making of a dominant currency. *The Quarterly Journal of Economics*, 136(2), 783–830.
- Gowa J., Kim S.Y. (2005). An exclusive country club: The effects of the GATT on trade, 1950–1994. *World Politics*, 57(4), 453–478.
- Greenhalgh C., Gregory M. (2001). Structural change and the New Service Economy. *Oxford Bulletin of Economic Statistics*, 63(special issue), 629–646.
- Guilluy C. (2022a). *La France Périphérique*. Paris: Flammarion.
- Guilluy C. (2022b). *Les Dépossédés*, Paris: Flammarion.
- Gurvitch G. (1927). La philosophie du droit de Hugo Grotius et la théorie moderne du droit international (À L'occasion Du Tricentenaire Du *De Jure Ac Pacis*, 1625–1925). *Revue de Métaphysique et de Morale*, 34(3), 365–391.
- Gusev M.S. (2023). Russian economic development strategy – 2035: Ways to overcome long-term stagnation. *Studies on Russian Economic Development*, 34(2), 167–175. DOI: 10.1134/S107570072302003X
- Haakonssen K. (1985). Hugo Grotius and the history of political thought. *Political Theory*, 13, 239–265.
- Helleiner E., Kirshner J. (2009). *The Future of the Dollar*. Ithaca: Cornell University Press.
- James H. (2018). Deglobalization: The rise of disembedded unilateralism. *Annual Review of Financial Economics*, 10, 219–237. DOI: 10.1146/annurev-financial-110217-022625
- Jarrett M. (2013). *The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon*. London: I.B. Tauris & Company, Ltd.
- Kirshner J. (2008). Dollar primacy and American power: What's at stake? *Review of International Political Economy*, 15(3), 418–438.
- Krugman P. (1984). Import protection as export promotion: International competition in the presence of oligopoly and economies of scale. In: Kierzkowski H. (Ed.). *Monopolistic Competition and International Trade*. London: Oxford University Press.
- Ladasic I.K. (2017). De-dollarization of oil and gas trade. In: *17th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM*, 15, 99–106.
- Lentz T. (2013). *Le Congrès de Vienne: une refondation de l'Europe (1814–1815)*. Paris: Perrin.
- Levesque J. (2007). En marge d'un fameux discours de Poutine. *Diplomatie*, 27, 38–41.
- Lichtenstein C. (1993). Les relations industrie-services dans la tertiarisation des économies. *Revue internationale P.M.E.*, 6(2), 9–33.
- Liu Z., Papa M. (2022). *Can BRICS De-dollarize the Global Financial System? Elements in the Economics of Emerging Markets*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://www.cambridge.org/core/elements/can-brics-dedollarize-the-global-financial-system/0AEF98D2F232072409E9556620AE09B0>
- Lysandrou P. (2011). Inequality as one of the root causes of the financial crisis: A suggested interpretation. *Economy and Society*, 40(3), 323–344.
- McDowell D. (2020). Financial sanctions and political risk in the international currency system. *Review of International Political Economy*, 28(3), 635–661.
- Mearsheimer J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton.
- Pillet A. (1918). *Les Conventions de La Haye du 29 juillet 1899 et du 18 octobre 1907, étude juridique et critique*. Paris.
- Poirier L. (1991). La guerre du Golfe dans la généalogie de la stratégie. *Stratégie*, 51/52, 3e et 4e trimestres.
- Poupin P. (2019). L'expérience de la violence policière dans le mouvement des Gilets jaunes. *Sociologie et Sociétés*, 51(1-2), 177–200. Available at: <https://www.erudit.org/fr/revues/socsoc/2019-v51-n1-2-socsoc05787/1074734ar/>
- Primakov E. (2002). *Mir posle 11 Sentjabrja*. Moscow: Mysl'.
- Rajan R. (2010). *Fault Lines. How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ratti R.A., Lee S., Seol Y. (2008). Bank concentration and financial constraints on firm-level investment in Europe. *Journal of Banking & Finance*, 32(12), 2684–2694.

- Rosecrance R. (2006). Power and international relations: The rise of China and its effects. *International Studies Perspectives*, 7.
- Ryan R.M., O'Toole C.M., McCann F. (2014). Does bank market power affect SME financing constraints? *Journal of Banking & Finance*, 49, 495–505.
- Sapir J. (2000). Le consensus de Washington et la transition en Russie: histoire d'un échec. *Revue Internationale de Sciences Sociales*, 166, 541–553.
- Sapir J. (2008). *Le Nouveau XXIe Siècle*. Paris: le Seuil.
- Sapir J. (2009). The social roots of the financial crisis: Implications for Europe. In: Degryze C. (Ed.). *Social Developments in the European Union:2008*. Bruxelles: ETUI.
- Sapir J. (2011). *La Démondialisation*. Paris: Le Seuil; reprinted in an augmented version (2021). Paris: Le Seuil.
- Sapir J. (2021). Is eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the Covid-19 context? *Economic Revival of Russia*, 1(67), 89–102.
- Sapir J. (2021). The economic shock of the health crisis in 2020: Comparing the scale of governments support. *Studies on Russian Economic Development*, 32(6), 579–592.
- Sapir J. (2022). Is economic planning our future? *Studies on Russian Economic Development*, 33(6), 583–597. DOI: 10.1134/S1075700722060120
- Sapir J. (2023). Wendet sich der Wirtschaftskrieg gegen Russland gegen seine Initiatoren? In: Luft S., Kostner S. (Eds.). *Ukrainekrieg. Warum Europa eine neue Entspannungspolitik braucht*. Frankfurt am Main: Westend-Verlag.
- Shirov A.A. (2023). Development of the Russian Economy in the medium term: risks and opportunities. *Studies on Russian Economic Development*, 34(2), 159–166.
- Steill B. (2013). *The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order*. Princeton, N-J.: Princeton University Press.
- Stokes B. *The world needs an economic NATO*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/05/17/ukraine-war-russia-sanctions-economic-nato-g7/>
- Struye de Swielande T. (2008). Les États-Unis et le nouvel ordre mondial emergent. *Les Cahiers du RMES*, 5(1).
- Subramanian A., Wei S-J. (2007). The WTO promotes trade, strongly but unevenly. *Journal of International Economics*, 72(1), 151–175.
- Swaine M.D., Tellis A.J. (2000). *Interpreting China's Grand Strategy: Past, Present, and Future*. Santa Monica: RAND.
- Tartakowsky D. (2019). Les Gilets jaunes, les mouvements sociaux et l'État. *L'ENA hors les murs*, 494(2), 9–10. Available at: <https://www.cairn.info/revue-l-ena-hors-les-murs-2019-2-page-9.htm>
- Védrine H. (2000). *Les Cartes de la France à l'heure de la mondialisation*. Paris: Fayard.
- Wang Y.-K. (2006). *China's Grand Strategy and U.S. Primacy: Is China Balancing American Power?* Washington: CNAPS, Brookings.

Сведения об авторе

Жак Сапир – доктор экономических наук, профессор, иностранный член РАН, директор, Высшая школа социальных наук (EHSS), Центр исследований индустриализации (CEMI) (Франция, Париж, 75006, Bd Raspail, 54; e-mail: sapir@msh-paris.fr)

Sapir J.

What Will Be the Emerging New World Order?

Abstract. A new “world order”, a notion that originated with the idea of an institutionalization of international relations that developed at the beginning of the 17th century, is emerging. The old “world order”, inherited from the end of the Second World War and essentially centered on Western countries and the United States, had become dysfunctional since the beginning of the 1990s. It had gradually fragmented since the international financial crisis of 2008–2010. We can follow the trace of this

fragmentation in the study of international trade, in the failures suffered by the United States in its multiple military interventions, but also in the emergence or re-emergence of new economic powers. The two major shocks constituted by the COVID-19 pandemic and the international crisis that has unfolded since the start of the conflict in Ukraine have put an end to it. This new world order will likely unfold based on the probable development of the BRICS. It could give rise to more balanced international relations. This could allow a new social contract to emerge in many countries.

Key words: world order, globalization, BRICS, free trade, protectionism, sovereignty.

Information about the Author

Jacques Sapir – Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, École des hautes études en sciences sociales (EHESS), Centre d'études des modes d'industrialisation (CEMI) (54, Bd Raspail, 75006, Paris, France; e-mail: sapir@msh-paris.fr)

Статья поступила 25.05.2023.

Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики

Виктор Евгеньевич

ДЕМЕНТЬЕВ

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: dementev@cemi.rssi.ru

ORCID: 0000-0001-5612-3999; ResearcherID: F-9252-2018

Аннотация. В статье представлена коммуникативная концепция общественного договора, которая ставит во главу угла не достижение компромисса, а сближение сторон в ходе обсуждения их позиций. Взаимопонимание относительно желаемого будущего социально-экономической системы — необходимая основа для определения курса развития экономики при коммуникативном понимании общественного договора. Такая его трактовка учитывает, что важен не только образ будущего, не меньшее значение имеет сам процесс его совместного осмысления, организационный аспект этого процесса. Как свидетельствует зарубежная практика, при стандартных процедурах избирательной демократии государственная политика формируется под воздействием ориентированных на бизнес групп, а влияние предпочтений рядового гражданина близко к нулю. Информационные технологии не только резко расширили коммуникативные возможности, но и привели к выделению информационной элиты. В статье анализируется дискуссия о влиянии этой элиты на общественное развитие, включая обсуждение теории информационной автократии. Когда средства массовой информации ведут к усилению поляризации общества, то повышаются инвестиционные риски, происходит замедление экономического роста. Как показывают зарубежные исследования, особую позицию по актуальным вопросам современного социально-экономического развития занимает новая технологическая элита, заинтересованная не только в технологических и экономических результатах, но и в социальном прогрессе. Решительная поддержка хайтек-элитой перераспределения доходов и прогрессивного налогообложе-

Для цитирования: Дементьев В.Е. (2023). Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.3

For citation: Dementiev V.E. (2023). Communicative concept of the social contract and formation of the course of economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 57–70. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.3

ния позволяет по-новому взглянуть на перспективы сближения позиций социальных кластеров относительно курса развития экономики. Коммуникативная концепция общественного договора — подходящая основа для синтеза идей социального кластеризма и коллаборативной демократии.

Ключевые слова: общественный договор, курс развития экономики, информационная элита, технологическая элита, социальный кластеризм, коллаборативная демократия.

Введение

Германии, Японии, Южной Корее удалось после войн совершить «экономическое чудо». Хотелось бы, чтобы такая ситуация была характерна и для России. При всей важности проработки отдельных проектов и программ ключевым фактором успеха в условиях рыночной экономики является формирование институтов, обеспечивающих конструктивное сотрудничество элит, выражающих интересы основных социальных групп. Как указывает Д. Родрик, анализ промышленной политики должен быть сосредоточен не на ее результатах, которые по своей сути непознаваемы заранее, а на правильном проведении политического процесса. «Нужно беспокоиться о том, как мы создаем условия, в которых частные и государственные субъекты объединяются для решения проблем в производственной сфере, при этом каждая сторона узнает о возможностях и ограничениях, с которыми сталкивается другая, а не о том, является ли правильным инструментом промышленной политики, скажем, целевое кредитование или субсидии на НИОКР или следует ли продвигать сталелитейную промышленность или индустрию программного обеспечения» (Rodrik, 2004, p. 3).

На создание таких условий ориентировано коммуникативное понимание общественного договора: «Оправдание существования государства состоит в первую очередь не в охране равных субъективных прав, но в обеспечении открытого для всех процесса формирования общественного мнения и воли, в ходе которого свободные и равные граждане достигают взаимопонимания относительно того, какие цели и нормы представляют общий для всех них интерес. Тем самым от гражданина республиканского государства требуется большее, нежели постоянная ориентация на собственный интерес» (Хабермас, 2001, с. 385).

Тема общественного договора все чаще фигурирует в научных исследованиях. Если, согласно данным Google Академии, в 2001–2020 гг. каждые пять лет появлялось около 16 тысяч материалов, в той или иной мере обращающихся к этой тематике, то начиная с 2021 года всего за два с половиной года зафиксировано 15800 таких публикаций. Обычно фигурирует контрактная трактовка общественного договора, в рамках которой согласие между народом и государством относительно целей, средств их достижения, идеологического обеспечения, эффективности обратной связи и участия народа в управлении делами общества и государства предстает в качестве результата своего рода торга, компромисса сторон. При этом речь может идти о балансе интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими народ стратами, социальными общностями и группами (Тощенко, 2023).

Однако контрактные отношения допускают при формальном равенстве сторон существенные различия в их переговорной силе, возможность манипулирования более слабой, менее информированной стороной. По Дж. Ролзу (Ролз, 1995), равенство исходных позиций — необходимое условие выбора справедливого общественного устройства. В связи с этим можно говорить об ограниченности контрактной трактовки общественного договора применительно к российскому обществу, поскольку справедливость относится к числу его основных ценностей. «Россия традиционно является страной, в которой запрос на социальную справедливость во все времена ее развития стоял особенно остро и имел особо важное значение» (Гречихин, 2020, с. 14).

Коммуникативная концепция общественного договора ставит во главу угла не достижение компромисса, а сближение сторон в ходе

обсуждения их позиций. Общественный договор предстает не разовым актом, а длящимся коммуникативным процессом. Процедурный аспект этого процесса имеет большое значение для сохранения взаимопонимания при меняющихся обстоятельствах социально-экономического развития.

Взаимопонимание формируется в условиях, когда «а) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; б) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений; в) мысли участников не должны расходиться с их словами; г) коммуникация должна быть настолько свободной от внешнего или внутреннего принуждения, чтобы позиции принятия или непринятия относительно критикуемых притязаний на значимость мотивировались исключительно силой убеждения более весомых оснований» (Хабермас, 2001, с. 115).

Коммуникативное понимание общественного договора предполагает, что курс экономического развития определяется и корректируется в соответствии с достигаемым взаимопониманием относительно желаемого будущего социально-экономической системы и пути его достижения. Как показала российская практика, контрактный вариант общественного договора, сосредоточенный на обязательствах власти и бизнеса, не обеспечивает необходимый для экономического роста уровень инвестиций. Имеется в виду общественный договор в редакции «лояльность в обмен на стабильность»¹. Еще в 2011 году А.А. Аузан обратил внимание на то, что партнеры федеральной власти «хотят участия в принятии решений о том, куда идет страна. Это не обязательно политическая конкуренция в том виде, в каком она существовала в 90-е. Она может быть и в других схемах и вариантах. Но все-таки и бизнес, и активная часть общества, и региональные и муниципальные власти не готовы инвестировать, если у них нет гарантий своего участия в принятии решений. Поэтому наиболее предпочтительный вариант для развития — инвестиции в развитие в обмен

на участие в принятии решений»². Можно заключить, что коммуникативный вариант общественного договора близок к запросам многих российских социальных субъектов.

Как показывает практика, страны, где экономические и политические механизмы отвечают такого рода запросам, где предпочтение сотрудничества конкуренции носит массовый характер, лидируют по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья) и существенно опережают другие государства Запада, включая США, в развитии экономических и политических институтов (Полтерович, 2022а; Полтерович, 2022б).

Военный период — не лучшее время для дискуссий, но уже сама подготовка к общественному диалогу, обсуждение его перспектив являются важным сигналом для всех, кто рассматривает изменения внутри российского общества в качестве необходимого условия для достижения страной полного национального суверенитета и конкурентоспособности в XXI веке. «Именно сегодня в России создаются предпосылки для формирования нового Общественного договора; новых критериев сосуществования и взаимодействия общества и власти, которые будут актуальны уже после достижения всех целей специальной военной операции» (Ильин, Морев, 2022, с. 9).

Некоторые общие контуры будущего России уже очерчены в виде установки на сохранение традиционных ценностей при уважении культурного своеобразия населяющих страну народов. Однако в этих границах возможны разные решения, в частности, в отношении экономической политики. Попытка обрисовать требования к обновленному общественному договору представлена в работе (Балацкий, Екимова, 2022).

Элиты призваны внести непосредственный вклад в поиски взаимоприемлемого для всего общества образа будущего, составляющего основу общественного договора. Такая роль элит соответствует самому их пониманию. Так, в трактовке Дж. Хигли, элиты — «это лица и группы, которые обладают организационным потенциалом для регулярного и сильного воздействия на политические решения» (Хигли, 2006, с. 24). Политико-административному ракурсу анализа соответствует «узкая» трактовка элиты.

¹ Александр Аузан: Бизнес ждет от общественно-го договора гарантий прав собственности // Российская Бизнес-Газета — Бизнес и власть. 2011. № 27 (809). URL: <https://rg.ru/2011/08/09/business.html>

² Там же.

Понимание элиты в «широком» смысле отражает социальную стратификацию, наблюдаемую в любой сфере деятельности, когда выделяются те, кто занимает в ней высшие статусные позиции (не обязательно формально закреплённые). Как известно, слово «элита» соответствует французскому *élite* – избранный, лучший, от лат. *eligo* – выбирать. По этому принципу в разных сферах выделяются «общности людей, получивших наивысший индекс в области своей деятельности» (Парето, 1995, с. 12).

Формирование приемлемого для всего общества образа будущего важно не только в целях более точного прогнозирования достижимости личных целей, принятия соответствующих стратегических решений. Оно служит повышению институционального и межличностного доверия, накапливанию социального капитала. Формирование объединяющего общества образа будущего – это еще и укрепление социальной идентичности населения страны. Коммуникативная трактовка общественного договора учитывает, что важен не только образ будущего, не меньшее значение имеет сам процесс его совместного осмысления, согласования взглядов участвующих сторон, их готовность договариваться при меняющихся условиях. Выработка устраивающего разные группы образа будущего – принципиальный шаг в достижении социальной справедливости, а с ней и национальной безопасности.

Важным аспектом аргументации в пользу коммуникативной концепции общественного договора выступает анализ, в какой мере учет интересов граждан обеспечивается другими концепциями формирования государственной политики, включая стандартные процедуры избирательной демократии.

Какие возможности и риски для формирования коллективной воли разных социальных групп сопряжены с развитием современных коммуникационных технологий? Какое влияние на перспективу перехода к коммуникативному варианту общественного договора может оказать формирование элиты, связанной с цифровыми технологиями? Эти технологии фигурируют среди факторов, побуждающих к обновлению условий общественного договора. «Вызванные цифровизацией изменения настолько радикальны, что людям приходит-

ся переосмысливать прежние правила общественного сосуществования. Иными словами, новый этап цифровой трансформации социума подразумевает и пересмотр условий общественного договора» (Михайленок, Малышева, 2021, с. 36).

Обзор современной литературы

В работе (Gilens, Page, 2014) представлены результаты эмпирического анализа четырех теоретических концепций относительно того, чьи интересы отражает государственная политика. Эмпирической базой исследования послужили материалы 1779 национальных опросов в период с 1981 по 2002 год, когда широкой общественности США задавался вопрос: за/против предлагаемого изменения политики. Сравнивались следующие трактовки политического процесса: мажоритарная избирательная демократия, в соответствии с которой политика правительства США подчинена коллективной воле граждан, выявляемой в результате демократических выборов; концепция доминирования экономической элиты, утверждающая, что в формировании политики основную роль играют люди, обладающие значительными экономическими ресурсами; концепция мажоритарного плюрализма, рассматривающая правительственную политику как результат соперничества разных групп по интересам; концепция смещенного плюрализма, учитывающая разные «весовые категории» таких групп.

Сопоставление рассматриваемых концепций свидетельствует, что на государственную политику влияют предпочтения экономических элит и позиции организованных групп по интересам, а влияние предпочтений среднего американца близко к нулю. М. Гиленс и Б. Пейдж выявили, что общие позиции наиболее влиятельных, ориентированных на бизнес групп негативно связаны с пожеланиями среднестатистического гражданина. Эти результаты контрастируют с выводами предшествовавших работ, утверждавших, что политика федерального правительства США согласуется с предпочтениями большинства граждан примерно в двух третях случаев (Monroe, 1998; Erikson et al., 2001). Однако ни в одной из них не оценивалось влияние таких переменных, как предпочтения богатых людей или предпочтения и действия организованных групп по интересам.

В (Gilens, Page, 2014) дается некоторая проекция полученных результатов на практические интересы, когда авторы высказывают сомнение в том, что экономические элиты и лидеры групп по интересам лучше знают, какая политика принесет пользу всем: «Несомненно, богатые американцы и руководители корпораций, как правило, много знают о налоговой и регулятивной политике, которая непосредственно влияет на них. Но много ли они знают о воздействии на человека социального обеспечения, медицинской помощи, талонов на питание или страхования по безработице, ни одно из которых, вероятно, не имеет решающего значения для их собственного благополучия? Самое главное, мы не видим оснований полагать, что информационная компетентность всегда сопровождается склонностью выходить за рамки собственных интересов или решимостью работать на общее благо. В целом, мы считаем, что общественность, скорее всего, будет более уверенным защитником своих собственных интересов, чем любая возможная альтернатива» (Gilens, Page, 2014, p. 576).

Такой оценке общественности, но применительно к предпочтениям граждан в политической сфере, фактически оппонирует в своей статье Р. Холкомб (Holcombe, 2021). Он рассматривает факторы, влияющие на политические предпочтения, которых придерживаются массы, и заключает, что люди перенимают политические предпочтения, навязываемые им политической элитой. Одно из объяснений этого заключается в том, что люди не вырабатывают самостоятельно свои политические предпочтения по отдельным вопросам. Скорее, они формируют якорные предпочтения, определяющие их политическую ориентацию. Привязавшись к политической партии, наиболее соответствующей их якорным предпочтениям, люди склонны принимать остальную часть платформы этой партии как производные предпочтения (Holcombe, 2023). Чтобы уменьшить когнитивный диссонанс, люди с готовностью принимают информацию, поддерживающую их якорь, и склонны отвергать информацию, которая ставит его под сомнение (Mullainathan, Washington, 2009). Избиратели, у которых мало стимулов для самостоятельного сбора информации, часто следуют рекомендациям групп по интересам, с которыми они себя идентифици-

руют. Люди хотят вписаться в общество своих друзей и поэтому склонны перенимать политические предпочтения своих групп сверстников (Chen, Urmitsky, 2019). Кроме того, люди могут голосовать за кандидатов и политику, способствующие перераспределению государственных средств в пользу бедных, даже если эти избиратели недоброжелательны и сами не стали бы давать деньги бедным. Голосование за помощь менее удачливым приносит таким избирателям моральное удовлетворение и не требует от них никаких материальных затрат (Holcombe, 2021).

Примером узкой трактовки экономических интересов политической власти и ее лидера является теория информационной автократии, представленная в статьях С. Гуриева и Д. Трейсмана (Guriev, Treisman, 2019; Guriev, Treisman, 2020). Разрыв между «информированной элитой» и широкой общественностью в знаниях о реальном положении дел — ключевой элемент этой теории, где лидер противопоставляется «информированной элите», которая следит за ним, и широкой общественности, которая этого не делает. Его положение в соответствии с этой теорией зависит от двух переменных — численности информированной элиты и легкости, с которой, учитывая технологические возможности, государство способно монополизировать средства массовой информации. Обе переменные связаны с уровнем экономического развития страны. «В высокоразвитых современных странах информированная элита, как правило, слишком многочисленна, чтобы манипуляции могли сработать, а цензура всех частных СМИ обходится дорого: демократия — единственный вариант» (Guriev, Treisman, 2019, p. 16–17). Однако на практике это положение теории информационной автократии наиболее впечатляюще нарушается именно в высокоразвитых современных странах. В США и Западной Европе в настоящее время действует почти полная блокада в СМИ на мнения, не желательные официальному курсу правительств.

С. Гуриев и Д. Трейсман фактически постулируют, что в модели информационной автократии должностное лицо не пытается улучшить работу государственного аппарата, а лишь стремится повлиять на общественное мнение, манипулируя информацией. Говорится, что лидер не выигрывает от роста ВВП напрямую, а только за счет увеличения ресурсов для фи-

нансирования пропаганды, кооптации информированной элиты, цензуры и/или репрессий (Guriev, Treisman, 2020).

Хотя теория информационной автократии стала довольно популярной, ее трактовка деятельности лидеров, которых С. Гуриев и Д. Трейсман относят к авторитарным, остается чрезмерно упрощенной. В качестве таких лидеров фигурируют, в частности, Реджеп Тайип Эрдоган, Ли Куан Ю, Уго Чавес, Виктор Орбан. Представление их как людей, озабоченных исключительно сохранением своих властных позиций, является весьма дискуссионным. На это уже обратил внимание профессор Нью-Йоркского университета А. Пржеворский (Przeworski, 2022). По его мнению, демократам трудно понять саму идею о том, что авторитарные режимы могут пользоваться народной поддержкой. «Если им не “промыли мозги” или не “провели идеологическую обработку”, как люди могут поддерживать автократа? Предполагается, что автократии изначально хрупки и выживают только потому, что людей вводят в заблуждение или подавляют... Безусловно, все действия государственных чиновников в какой-то мере влияют на стабильность режима. Но это не означает, что все их усилия мотивированы стремлением выжить у власти» (Przeworski, 2022, p. 1). Речь идет о том, что теория информационной автократии игнорирует усилия правителей обеспечить то, что ценят люди. Разве не имеет значения, что средние доходы китайцев выросли в шесть раз с 1978 года? — спрашивает А. Пржеворский. Он указывает на идеологическую предвзятость теории информационной автократии. «В конце концов, простое предположение о том, что автократы не могут пользоваться народной поддержкой, является чистой идеологией» (Przeworski, 2022, p. 2).

Наличие в информационном поле разных точек зрения не обязательно является угрозой власти. Об этом свидетельствуют результаты исследования, выполненного на российских материалах. На основе проведенных экспериментов показано, что независимые СМИ способствуют поляризации общества (Enikolopov et al., 2022). Было обнаружено, что доступ к бесплатным онлайн-СМИ повышает как явку сторонников режима на выборах, так и число голосов за правящую партию в избирательных окру-

гах, где поддержка была достаточно высокой. В то время как поляризация часто считается пагубной для стабильности существующих демократий (Abramowitz, McCoy, 2019), в автократиях эффект может быть противоположным (Enikolopov et al., 2022, p. 23). Фактически подтверждается, что сообщения, ориентированные на потребителей с резко противоположными предпочтениями, могут иметь обратный эффект, усиливая существующие предпочтения, а не отменяя их (Lord et al., 1979; Ditto, Lopez, 1992). Похожий вывод о возможности положительного влияния независимых иностранных СМИ на состояние автократического режима содержится в (Kern, Hainmueller, 2009).

Важно, однако, учитывать влияние поляризации общества, противостояния элит на темпы экономического развития. В работе (Azzimonti, 2011) представлена модель, показывающая, как разногласия по поводу структуры расходов в поляризованном и политически нестабильном обществе приводят к замедлению экономического роста. В указанной модели получают формализованное объяснение подобные эмпирические выводы В. Истерли и Р. Левайна (Easterly, Levine 1997) и Р. Барро (Barro, 1991). При сильной поляризации общества политика действующей власти в значительной мере диктуется политической неопределенностью и перспективой утраты властных позиций. Отсюда стремление форсировать удовлетворение финансовых запросов своего электората, пусть даже в ущерб для перспектив развития экономики, ценой сокращения инвестиций. Чем больше разногласий, отражаемых степенью поляризации, тем сильнее проявляется недальновидность в выборе политики действующей властью (Azzimonti, 2011, p. 2202).

Д. Ачемоглу и Дж. Робинсон на модели продемонстрировали, что политические элиты могут блокировать технологическое и институциональное развитие из-за «эффекта замены политиков», опасаясь вытеснения их с властных позиций новой элитой. Утверждается, что при наличии политической конкуренции элиты вряд ли будут блокировать развитие. Однако чем выше политические ставки, тем блокировка более вероятна (Acemoglu, Robinson, 2002). Этот результат — еще одно свидетельство того, что сильная поляризация общества оказывает отрицательное влияние на инвестиции и инновации.

Лидеру с амбициозными замыслами по развитию страны приходится иметь дело не только со своими сторонниками, но и с группами, как удовлетворенными существующим положением вещей и не испытывающими желания перемен, так и с ностальгирующими по утерянной власти. Когда деятельность таких групп направлена на поляризацию общества, лидер оказывается перед выбором: пытаться сдерживать эту поляризацию либо пожертвовать своими замыслами.

Наблюдаемое снижение участия граждан в выборах, падение доверия к политическим институтам, интенсификация протестных движений и массовых беспорядков свидетельствуют о кризисе современной западной демократии, основанной на межпартийной конкуренции (Полтерович, 2021). Анализ ряда трансформаций, происходящих в западных странах и служащих преодолению этого кризиса, стал основой для формирования концепции коллаборативной демократии. В.М. Полтерович определяет представительную систему принятия политических решений как коллаборативную демократию, если она: а) обеспечивает избирателям доступ к процессу принятия решений и широкие возможности выбора; б) предусматривает принятие решений на основе сотрудничества; в) нацелена на поиск эффективных решений, близких к консенсусу; г) опирается на экспертные оценки и защищена от превращения в охлократию (Полтерович, 2021).

Содержащееся в пункте в) требование поиска консенсусных решений предполагает активное использование консенсусных политических институтов (Полтерович, 2022а) и является основанием для того, чтобы представлять коллаборативную демократию как консенсусную. Установка на сближение сторон в ходе обсуждения их позиций позволяет рассматривать коллаборативную демократию как воплощение коммуникативной концепции общественного договора.

Цифровые технологии и взгляды хайтек-элиты

Технологическое развитие приводит к тому, что на роль ключевого фактора производства претендуют новые ресурсы, а на роль властвующей элиты – собственники этих ресурсов. В настоящее время радикальные изменения в технологической базе экономики связаны

с цифровыми технологиями. Собственники огромных цифровых компаний уже заметно подвинули финансовую и топливно-энергетическую элиту на экономическом олимпе. Чего ждать от новой элиты? Каковы ее предпочтения? Ответы на эти вопросы важны не только для экономики.

Цифровые технологии кардинально изменили информационную сферу. Большую роль в этой сфере играют электронные СМИ, информационно-коммуникационные платформы. На примере компании Alphabet Inc., управляющей компанией Google Inc. и её дочерними структурами, видно стремление информационной элиты к диверсификации бизнеса. Кроме различных услуг в сети Интернет деятельность Google охватывает, в частности, продажу товаров под брендами Fitbit (умные часы), Google Nest (товары для дома) и Pixel (электроника).

В теории информационной автократии информационная элита представлена в весьма упрощенном виде, фактически без собственных властных амбиций. Ее представители либо обслуживают автократа, либо отслеживают его ошибки и злоупотребления и информируют о них общественность. Не обращается внимание на готовность этой элиты манипулировать информацией, вводить собственную цензуру не только в угоду действующей власти, но и во вред ей, исходя из собственных интересов. Некооптированная властью информационная элита представлена в (Guriev, Treisman, 2020) как поборница демократии.

Совсем в ином образе выступает эта элита в книге А. Барда и Я. Зодерквиста (Бард, Зодерквист, 2004). Если в теории информационной автократии умножение информационных каналов ведет к усилению демократической направленности общественного развития, в концепции нетократии ожидается, что кризис демократии будет иметь смертельный исход, а информационная сеть выступит скорее в роли старухи с косою, чем рыцаря в блестящих доспехах. Согласно этой концепции, идеи о том, что прозрачность сети обеспечит повышение открытости общества и полную реализацию принципов демократии на всех уровнях, что информация будет в одинаковой мере доступна всем участникам сети и у них будут равные возможности влияния, следует считать не более чем нетократической пропагандой.

А. Бард и Я. Зодерквист пишут о новой властной иерархии в информационном обществе, организованной на основе членства в тех или иных сетях. По их мнению, на нижнем уровне этой пирамиды располагается консьюмтариат — те, кто только потребляет информацию. Его роль в производственных процессах вспомогательная. Процесс потребления продуктов производства регулируется вышестоящим уровнем, желания подсказываются с помощью рекламы. Внушаемая установка на самовыражение как цель бытия формирует массы занятых своими личными проблемами и не интересующихся мировым порядком. Над охватывающей консьюмтариат сетью, заполненной информационным мусором, отвлекающим от того, что важно, возвышается иерархия сетей со все более ограниченным доступом. Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, то есть способность абсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и ценной информации. На вершине иерархии находятся те, кто составляет правящий класс нетократов, наиболее искусно владеющих вниманием как ценнейшим ресурсом в новом мире. Присвоение внимания предстает новым смыслом эксплуатации, а знание истинного положения вещей — привилегией нетократии и одним из оснований ее власти. Отсутствие внимания к тому, что информационная элита является еще и хайтек-элитой, сближает концепцию нетократии с теорией информационной автократии.

Следует отметить, что выделение в концепции нетократии нескольких уровней информационной пирамиды отражает практику повышения эффективности манипулирования информацией. Промежуточным уровнем между нетократами и консьюмтариатом могут выступать лидеры мнений. Они не только помогают воспринимать транслируемую информацию, но и придают ей большую убедительность.

А. Бард и Я. Зодерквист не испытывают энтузиазма по поводу заката демократии, не принимают на себя роль капитулянтов или фаталистов. В предисловии к их книге они отмечают: «Разумеется, в любых условиях можно найти способ в той или иной степени воздействовать на ход общественного развития, но только

основываясь на более или менее адекватной модели такого развития. Благие намерения бессильны сами по себе. Возможности оказывать влияние на ход событий смогут появиться, только если мы окажемся способными создать достаточно детальную и при этом непредвзятую модель того, каковы объективные исторические предпосылки и внутренняя природа явлений, набирающих силу» (Бард, Зодерквист, 2004, с. 2).

Представленная А. Бардом и Я. Зодерквистом еще в 2000 году³ картина развития информационной сферы близка к тому, что в современной литературе фигурирует как капитализм наблюдения (Zuboff, 2015), как платформенный капитализм (Srnicek, 2016). Во всех этих концепциях асимметрия в знаниях («информация — это новая нефть») приводит к асимметрии во власти.

Деятельность информационно-коммуникационных платформ не ограничивается ролью посредников. Facebook не только объединяет больше людей, чем управляется какой-либо одной страной на этой планете, но и «знает о личных предпочтениях избирателей, политической вовлеченности и психографических триггерных точках больше, чем многие правительства в этом мире» (Helberger, 2020, р. 842). Такие знания превращают платформы в обладателей значительной политической власти над общественным мнением. Еще в 2007 году М. Кастельс обратил внимание на то, что «политика основана на социализированной коммуникации, на способности влиять на умы людей» (Castells, 2007, р. 240).

Как утверждает в работе (Helberger, 2020, р. 849), «в настоящее время в Европе нет предложений по установлению ограничений на то, как далеко платформы могут зайти в использовании искусственного интеллекта, алгоритмов и собираемых ими данных для убеждения и злоупотребления этой властью в собственных политических целях». Попытки внедрить некоторые стандарты социальной ответственности платформ еще больше усиливают влияние этих платформ на общественное мнение и, следовательно, их политическую власть.

³ На шведском языке книга А. Барда и Я. Зодерквиста была опубликована в 2000 году.

В таких условиях особенно важны исследования, которые не рассматривают экономическую элиту как однородную, а нацелены на выявление позиции по актуальным вопросам современного социально-экономического развития, занимаемой новой технологической элитой. Эти исследования фактически служат формированию модели объективных исторических предпосылок и внутренней природы явлений, набирающих силу, к чему призывали А. Бард и Я. Зодерквист.

Технологические предприниматели уже использовали свои возможности для влияния на политику США. Так, в 2012 году Google и другие интернет-компании попросили посетителей своих веб-сайтов связаться с Конгрессом, чтобы выступить против находящегося на рассмотрении законопроекта «Закон о борьбе с онлайн-пиратством», который возлагал бы на них ответственность за размещение контента, нарушающего авторские права. Конгресс столкнулся с потоком обращений, в результате чего поддержка законопроекта Конгрессом сошла на нет (Broockman et al., 2019).

Результаты исследований показывают, что технологические предприниматели США (Apple, Amazon, Alphabet/Google, Microsoft, Facebook и др.) придерживаются особого набора взглядов, необычного для любой другой массовой или элитной группы. В работе (Broockman et al., 2019) на основе проведенных опросов представлено мнение хайтек-элиты в четырех областях политики: перераспределение, регулирование, глобализация и социальные вопросы.

Технологические предприниматели сильно привержены глобализации, поддерживают соглашения о свободной торговле (87%), выступают за повышение уровня иммиграции (56%). Среди технологических предпринимателей, участвовавших в опросе, 61,3% идентифицируют себя как демократы по сравнению только с 14,1%, которые относят себя к республиканцам.

Технологические предприниматели почти единодушно поддерживают однополые браки (96%), выступают за контроль над оружием (82%) и против смертной казни (67%), рассматривают аборты как вопрос личного выбора (79%).

Такие предприниматели решительно поддерживают перераспределение и прогрессивное

налогообложение. Почти все они являются сторонниками повышения налогов для тех, кто зарабатывает более 250 000 или 1 000 000 долларов в год, 75% поддерживают федеральные расходы на программы, которые приносят пользу только бедным, а 59% считают, что такие расходы следует увеличить, 82% заявили о необходимости всеобщего медицинского обслуживания, даже если это означает повышение налогов.

Несмотря на свой либерализм в вопросах экономического перераспределения, технологические предприниматели очень консервативны в вопросах государственного регулирования. Они реже, чем демократы, поддерживают регулирование товарных рынков и гораздо чаще верят, что государственное регулирование бизнеса приносит больше вреда, чем пользы. Их консервативные взгляды на вопросы, связанные с профсоюзами и регулированием рынка труда, очень похожи на взгляды республиканцев. Сочетание консервативных взглядов технологических предпринимателей на регулирование и либеральных взглядов на экономическое перераспределение уникально.

Эти наблюдения позволяют представить возможную эволюцию политики Демократической партии США под влиянием технологических предпринимателей, а в связи с этим эволюцию американской политики в целом. Студенты, специализирующиеся в области компьютерных наук, уже придерживаются во многом тех же взглядов, что и основатели технологических компаний.

Вывод о том, что члены технической элиты придерживаются схожих мировоззрений и явно образуют отдельную фракцию капиталистического класса, получил подтверждение в исследовании, которое уже не ограничивалось предпринимателями США, а фокусировалось на определенных журналом Forbes 100 самых богатых в мире людях в сфере высоких технологий (Brockmann et al., 2021). Те, кто попал в список Forbes, заработали свои деньги в основном на компьютерных программах, аппаратном обеспечении и связанных с интернетом технологиях и услугах. Половина из 100 крупнейших технологических миллиардеров – представители США, 5 – Канады, 5 – Европы, 17 – Китая, 3 – Гонконга, 7 – других частей Восточной Азии: Южной Кореи, Японии, Тайваня и Сингапура. Трое – предприниматели из Израиля,

по двое – из Индии и Австралии и по одному – из Бразилии и России. Исследование показало, что 100 самых богатых представителей мира технологий демонстрируют особые взгляды, которые отличают их как от населения в целом, так и от других богатых элит. Поскольку созданные ими компании занимают доминирующее положение в формирующейся экономике, основанной на технологиях, взгляды хайтек-элиты имеют большое влияние на то, как расходуются экономические ресурсы. Высказывается мнение, что, несмотря на озабоченность деньгами как мерилем успеха, технологическая элита, похоже, действительно испытывает сильные позитивные чувства по отношению к идее «сделать мир лучше». В качестве аргумента приводится то, что шестьдесят технологических предпринимателей из рассматриваемой выборки имеют благотворительные фонды, которые поддерживают свои собственные веб-сайты (Brockmann et al., 2021). В какой мере такие действия самоценны для технологической элиты, в какой мере призваны ослабить сопротивление переменам со стороны старой элиты, покажет будущее.

Заключение

Представленные в работах (Полтерович, 2022а, Полтерович, 2022b) достоинства коллаборативной демократии можно дополнить более высокой устойчивостью экономики в условиях турбулентности экономической среды, что было продемонстрировано в период пандемии COVID-19 группой стран (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды), тяготеющих к такой системе управления (таблица). Совокупное снижение

ВВП по этой группе стран в 2020 году составило 2,6%, что более чем в два раза меньше, чем в целом по Европейскому союзу.

В период масштабных структурных сдвигов в экономике важным источником неопределенности будущего является существенное расхождение во взглядах на него у элит. В таких условиях совместное осмысление перспектив развития страны российскими элитами приобретает особое значение. При всей привлекательности прямого участия граждан в принятии решений для предотвращения поляризации выносимых на голосование вариантов целесообразно предварительное сближение позиций лидеров мнений, имеющих элит. На достижение баланса их интересов ориентирует концепция социального кластеризма (Макаров, 2010). С учетом изложенного ранее следует выделить подкластеры в рамках предпринимательского кластера.

Вовлеченность элит кластеров в поиски консенсусных решений открывает перспективу решения двух важнейших и связанных друг с другом трудностей коллаборативного управления. Речь идет о сложности организации продуктивного обсуждения между миллионами агентов и необходимости высокого уровня компетентности для эффективного принятия государственных решений (Полтерович, 2021).

Сотрудничество элит социальных кластеров не снимает с повестки дня вопрос о прямом голосовании, включая такое голосование в рамках кластеров. Важным предупреждением является представленная в (López, Dubrow, 2020) аргументация того, что воспроизводство политического неравенства внутри стран и во време-

Темпы изменения ВВП стран в период 2020–2022 гг., %

Страна	2020	2021	2022
Дания	-1,99	4,86	3,82
Норвегия	-1,28	3,90	3,28
Швеция	-2,17	5,39	2,64
Финляндия	-2,35	3,05	2,08
Исландия	-7,24	4,33	6,44
Швейцария	-2,38	4,22	2,06
Нидерланды	-3,89	4,86	4,48
Европейский союз	-5,67	5,47	3,54
Великобритания	-11,03	7,60	4,10
Страны OECD	-4,21	5,47	2,78

Источник: World Development Indicators.

ни выступает результатом двух ключевых взаимосвязанных механизмов: координации элит и дискоординации масс.

При любой системе управления существует опасность ее перерождения, эрозии исходных принципов. На это еще в 1911 году обратил внимание Р. Михельс, сформулировав «железный закон олигархии» (Michels, 2001). Когда в основе общественного договора лежит общее признание необходимости взаимопонимания всех сторон, такое признание должно подтверждаться и реализовываться в рамках регулярной практики. В этом смысл трактовки коммуникативного общественного договора как процесса, а не единовременного акта. Чтобы согласование интересов социальных кластеров не подменялось согласованием интересов элит, необходимо расширение прямого участия граждан в принятии решений, включая регулярные референдумы по наиболее важным вопросам. При этом возрастает роль экспертов, призванных анализировать и разъяснять гражданам возможные последствия тех или иных решений (Полтерович, 2021).

Из работ Э. Остром следует, что для эффективной совместной деятельности требуется определенная общность интересов. В исследованных ею успешных самоуправляемых институтах люди имеют общее прошлое и рассчитывают разделить будущее. Для них важно поддерживать свою репутацию надежных членов сообщества (Остром, 2013).

Как показывают исследования зарубежной хайтек-элиты, она заинтересована не только в новых технологических и экономических результатах, но и в социальном прогрессе. Решительная поддержка этой элитой перераспределения и прогрессивного налогообложения позволяет по-новому взглянуть на возможности снижения дифференциации социальных кластеров по доходам. Можно ожидать, что амбиции российского бизнеса в сфере высоких технологий со временем будут все больше выходить за рамки погони за прибылью. Остается надеяться, что одобрение некоторых инклюзивных культурных инноваций останется спецификой хайтек-элиты США.

Бизнес вынужден реагировать на меры государственной экономической политики. Однако поддержка им курса экономического раз-

вития страны станет более активной, если этот курс будет выработан при непосредственном участии бизнеса наряду с другими социальными кластерами. При этом такое совместное формирование экономического курса не сведется к выторговыванию кластерами каких-то уступок со стороны правительства.

Предварительное формулирование элитами своих представлений о будущем страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу может быть полезно для ускорения выработки совместной стратегии социально-экономического развития страны. Вместе с тем важна изначальная установка на то, что формирование коллективной воли сопряжено с изменением исходных предпочтений сторон, их замыслов на перспективу. Политические институты призваны придавать именно такой характер процессу формирования коллективной воли (Florida, 2013). Когда же на выражение такой воли претендуют разработанные вне представленного процесса кабинетные стратегии, это похоже на заявку о передаче власти меритократии. В настоящее время концепция меритократии ставится под сомнение во многих статьях и книгах (Frank 2016; Littler 2017; Markovits, 2019). Как указывают критики меритократической формулировки «равенства возможностей», она имеет позитивный смысл, но служит плутократам в качестве прикрытия неравенства. «В то время как существование элит вряд ли является чем-то новым, в какой-то степени более новым с исторической точки зрения является степень, в которой большие слои сегодняшней плутократии испытывают потребность притворяться, что они вовсе не являются элитой» (Littler, 2017, p. 115). Такая тактика имеет успех: «Чем больше неравенства в обществе, тем больше вероятность того, что его граждане объяснят успех меритократическими условиями, и тем менее важными они считают немеритократические факторы, например семейное богатство и связи человека» (Mijs, 2021, p. 7).

Усердие в учебе повышает шансы получить высокооплачиваемую работу, но 22 из 100 наиболее богатых представителей мировой хайтек-элиты никогда не учились в колледже или университете (Brockmann et al., 2021). Люди испытывают сильный психологический стресс, когда существует дисбаланс между доминирующей и

всепроникающей идеологией меритократии и их усилиями подняться по социальной лестнице с помощью упорного труда (Garrison et al., 2021).

Можно ставить «равенство результатов» выше «равенства возможностей» (Littler, 2017), при том что богатство не является универсальным измерителем результатов. Концепция со-

циального кластеризма допускает совместную выработку стратегии развития, согласование интересов кластеров, когда каждый из них руководствуется своим пониманием результатов. Коммуникативная концепция общественного договора – подходящая основа для синтеза идеи социального кластеризма и коллаборативной демократии.

Литература

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // *Journal of Institutional Studies*. № 3. С. 74–90. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090
- Бард А., Зодерквист Я. (2004). *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 256 с.
- Гречихин В.Г. (2020). Проблемы социальной справедливости и неравенства в современном российском обществе // *Теория и практика общественного развития*. № 5 (147). С. 14–17.
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 6. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.1
- Макаров В.Л. (2010). *Социальный кластеризм. Российский вызов*. М.: Бизнес Атлас. 272 с.
- Михайленок О.М., Малышева Г.А. (2021). Пандемия COVID-19 – новый этап цифровой трансформации общества // *Социальные и гуманитарные знания*. Т. 7. № 1. С. 28–39.
- Остром Э. (2013). *Управление общим. Эволюция институций коллективного действия* / пер. с англ. Т. Монтян. Киев. 400 с.
- Парето В. (1995). *История – кладбище элит* // *Политическая мысль*. № 3.
- Полтерович В.М. (2021). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // *Вопросы экономики*. № 1. С. 52–72. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>
- Полтерович В.М. (2022a). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.2>
- Полтерович В.М. (2022b). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 3. С. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2
- Ролз Дж. (2010). *Теория справедливости*. Изд. 2-е. М.: URSS; ЛКИ. 535 с.
- Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 3. С. 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2
- Хабермас Ю. (2001). *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука. 417 с.
- Хигли Дж. (2006). *Демократия и элиты* // *Полития*. № 2. С. 22–31.
- Abramowitz A., McCoy J. (2019). United States: Racial resentment, negative partisanship, and polarization in Trump's America. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 681(1), 137–156.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2006). Economic backwardness in political perspective. *American Political Science Review*, 100(1), 115–131. DOI:10.1017/S0003055406062046
- Azzimonti M. (2011). Barriers to investment in polarized societies. *American Economic Review*, 101(5), 2182–2204. DOI: 10.1257/aer.101.5.2182
- Barro R. (1991). Economic growth in a cross section of countries. *Quarterly Journal of Economics*, 106(2), 407–443.
- Brockmann H., Drews W., Torpey J. (2021). A class for itself? On the worldviews of the new tech elite. *PLoS ONE*, 16(1), e0244071. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244071>
- Broockman D.E., Ferenstein G, Malhotra N. (2019). Predispositions and the political behavior of American economic elites: evidence from technology entrepreneurs. *American Journal of Political Science*, 63(1), 212–233. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12408>

- Castells M. (2007). Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 29(1), 238–266.
- Chen S., Urminsky O. (2019). The role of causal beliefs in political identity and voting. *Cognition*, 188, 27–38. DOI: 10.1016/j.cognition.2019.01.003
- Ditto P.H., Lopez D.F. (1992). Motivated skepticism: Use of differential decision criteria for preferred and nonpreferred conclusions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63(4), 568–584.
- Easterly W., Levine R. (1997). Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 112(4), 1203–50.
- Enikolopov R., Rochlitz M., Schoors K.J.L., Zakharov N. (2022). *The Effect of Independent Online Media in an Autocracy*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4131355>. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4131355>
- Erikson R., Mackuen M., Stimson J. (2001). *The Macro Polity. Cambridge Studies in Public Opinion and Political Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/CBO9781139086912
- Florida A. (2013). *Participatory Democracy Versus Deliberative Democracy: Elements for a Possible Theoretical Genealogy. Two Histories, Some Intersections. Paper Presented at the 7th ECPR General Conference, Sciences Po, Bordeaux, September 4–7*. Available at: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/71d7f83c-3fe4-4b11-82a2-c151cd3769f4.pdf>
- Frank R.H. (2016). *Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Garrison Y.L., Rice A., Liu W.M. (2021). The American meritocracy myth stress: Scale development and initial validation. *The Counseling Psychologist*, 49(1), 80–105. DOI: 10.1177/0011000020962072
- Gilens M., Page B. (2014). Testing theories of American politics: Elites, interest groups, and average citizens. *Perspectives on Politics*, 12(3), 564–581. DOI: 10.1017/S1537592714001595
- Guriev S., Treisman D. (2019). Informational autocrats. *Journal of Economic Perspectives*, 33(4), 100–127. DOI: 10.1257/jep.33.4.100
- Guriev S., Treisman D. (2020). A theory of informational autocracy. *Journal of Public Economics*, 186(104158). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104158>.
- Helberger N. (2020). The political power of platforms: How current attempts to regulate misinformation amplify opinion power. *Digital Journalism*, 8(6), 842–854. DOI: 10.1080/21670811.2020.1773888
- Holcombe R.G. (2021). Elite influence on general political preferences. *Journal of Government and Economics*, 3(C), 1–7. DOI: 10.1016/j.jge.2021.100021
- Holcombe R.G. (2023). *Following Their Leaders: Political Preferences and Public Policy*. Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009323178>
- Kern H.L., Hainmueller J. (2009). Opium for the masses: How foreign media can stabilize authoritarian regimes. *Political Analysis*, 17(4), 377–399.
- Littler J. (2017). *Against Meritocracy: Culture, Power and Myths of Mobility*. New York: Routledge.
- López M., Dubrow J.K. (2020). Politics and inequality in comparative perspective: A research agenda. *American Behavioral Scientist*, 64(9), 1199–1210. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764220941234>
- Lord C.G., Ross L., Lepper M. R. (1979). Biased assimilation and attitude polarization: The effects of prior theories on subsequently considered evidence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 37(11), 2098–2109.
- Markovits D. (2019). *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press.
- Michels R. (2001). *Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. Kitchener: Batoche Books.
- Mijs J.B. (2021). The paradox of inequality: Income inequality and belief in meritocracy go hand in hand. *Socio-Economic Review*, 19(1), 7–35. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwy051>
- Monroe A.D. (1998). Public opinion and public policy 1980–1993. *Public Opinion Quarterly*, 68, 6–28.
- Mullainathan S., Washington E. (2009). Sticking with your vote: Cognitive dissonance and political attitudes. *American Economic Journal: Applied Economics*, 1(1), 86–111.
- Przeworski A. (2022). Formal models of authoritarian regimes: A critique. *Perspectives on Politics*, 1–10. DOI: 10.1017/S1537592722002067

Rodrik D. (2004). Industrial policy for the twenty-first century. *CEPR Discussion Papers 4767*. Available at: <https://cepr.org/publications/DP4767>

Srnicek N. (2016). *Platform Capitalism*. Wiley.

Zuboff S. (2015). Big Other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization. *Journal of Information Technology*, 30(1), 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5

Сведения об авторе

Виктор Евгеньевич Дементьев – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: dementev@cemi.rssi.ru)

Dementiev V.E.

Communicative Concept of the Social Contract and Formation of the Course of Economic Development

Abstract. The article presents the communicative concept of the social contract. This concept focuses not on reaching a compromise, but on bringing the parties closer together during the discussion of their positions. Mutual understanding regarding the desired future of the socio-economic system is a necessary basis for determining the course of economic development with a communicative understanding of the social contract. Such an interpretation of it takes into account that not only the image of the future is important, the process of its joint comprehension, the organizational aspect of this process is no less important. As evidenced by foreign practice, with standard procedures of electoral democracy, state policy is formed under the influence of business-oriented groups, and the influence of the preferences of an ordinary citizen is close to zero. Information technologies have not only dramatically expanded communication capabilities, but also led to the identification of the information elite. The article analyzes the discussion about the influence of this elite on social development, including the discussion of the theory of information autocracy. When mass media leads to increased polarization of society, it increases investment risks and causes a slowdown in economic growth. As foreign studies show, a new technological elite occupies a special position on topical issues of modern socio-economic development. The elite is interested not only in new technological and economic results, but also in social progress. The strong support of the high-tech elite for income redistribution and progressive taxation allows us to take a fresh look at the prospects for the convergence of the positions of social clusters regarding the course of economic development. The communicative concept of the social contract is a suitable basis for the synthesis of ideas of social clusterism and collaborative democracy.

Key words: social contract, course of economic development, information elite, technological elite, social clusterism, collaborative democracy.

Information about the Author

Viktor E. Dementiev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Central Economic Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: dementev@cemi.rssi.ru)

Статья поступила 06.07.2023.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.4

УДК 332.14+330.43, ББК 65.049(2)

© Наумов И.В., Никулина Н.Л.

Сценарное моделирование и прогнозирование пространственной неоднородности инновационного развития России

Илья Викторович

НАУМОВ

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: naumov.iv@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

Наталья Леонидовна

НИКУЛИНА

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: nikulina.nl@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-6882-3172; ResearcherID: J-9846-2013

Аннотация. Проблема неравномерного пространственного инновационного развития России обусловлена действием множества факторов: объемами ВРП и бюджетной обеспеченности территорий, привлекаемых предприятиями инвестиций в основной капитал, однако определяющими факторами концентрации инновационных производств в территориальных системах различного уровня являются затраты предприятий на осуществление инновационной деятельности и сформировавшийся научный кадровый потенциал. Возрастающая пространственная неоднородность локализации и концентрации данных ресурсов, согласно поставленной нами гипотезе исследования, усиливает пространственную неоднородность инновационного развития России. Для подтверждения гипотезы была поставлена цель – оценка пространственной неоднородности инновационного развития предприятий на национальном уровне и сценарное моделиро-

Для цитирования: Наумов И.В., Никулина Н.Л. (2023). Сценарное моделирование и прогнозирование пространственной неоднородности инновационного развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 71–87. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.4

For citation: Naumov I.V., Nikulina N.L. (2023). Scenario modeling and forecasting of the spatial heterogeneity of innovation development in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 71–87. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.4

вание, прогнозирование ее динамики до 2025 года. В работе представлен методический подход к сценарному прогнозированию пространственной неоднородности инновационного развития России, предполагающий ее оценку с использованием пространственного автокорреляционного анализа по методике П. Морана, регрессионный анализ зависимости объема отгруженных инновационных товаров и выполненных услуг от осуществляемых предприятиями затрат на инновационную деятельность и численности научно-исследовательских кадров в регионах, а также авторегрессионный анализ динамики их изменения с использованием скользящей средней (ARIMA-моделирование) для формирования наиболее вероятных прогнозных сценариев инновационного развития разных групп регионов. Новизной представленного подхода является системность использования методов пространственного автокорреляционного анализа по различным матрицам пространственных весов, методов регрессионного анализа по панельным данным и ARIMA-моделирования, которые в сочетании друг с другом дают возможность установить степень влияния факторов на неоднородность инновационного развития регионов и сформировать систему различных прогнозных сценариев. Результаты исследования послужат основой для формирования инновационного каркаса России. Построенные прогнозные сценарии позволят сформировать стратегии инновационного развития регионов России с учетом выявленных особенностей пространственной локализации факторов, оказывающих на него значительное влияние.

Ключевые слова: пространственная неоднородность, регионы России, инновационное развитие, затраты на инновационную деятельность, функция Кобба – Дугласа, регрессионное моделирование, пространственная автокорреляция, ARIMA-моделирование.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН на 2023 год.

Введение

В современных условиях инновационное развитие предприятий является важным фактором устойчивого, прогрессивного социально-экономического развития территориальных систем различного уровня. Внедрение технологических, организационно-экономических, социальных и других нововведений в различных сферах жизнедеятельности и их активное воплощение в виде инноваций обеспечивают не только новые технологические возможности развития предприятий и роста их конкурентоспособности, но и формируют прогрессивный облик территорий. Несмотря на значительное количество работ в научной литературе по инновационной проблематике, а исследованию тенденций и факторов инновационного развития территорий, разработке механизмов повышения их инновационной активности были посвящены труды А.Г. Гранберга, С.Д. Валентея (Гранберг, Валентей, 2006), Н.И. Комкова (Комков, 2017), И.М. Головой, А.Ф. Суховой (Голова,

Суховой, 2017), О.А. Доничева, Д.Ю. Фраймовича, С.А. Грачева (Доничев и др., 2018), А.А. Кисуркина (Кисуркин, 2012), П.А. Дегтярева (Дегтярев, 2020), С.Н. Митякова, О.И. Митяковой, Н.А. Мурашовой (Митяков и др., 2017) и др., слабо изученными остаются пространственные аспекты осуществления предприятиями инновационной деятельности. Наблюдаемая в настоящее время поляризованность инновационного развития во многом связана с пространственными особенностями концентрации научного потенциала, финансовых ресурсов, и актуальная задача заключается в оценке и прогнозировании динамики изменения пространственной неоднородности размещения данных факторов для выработки механизмов ее сглаживания.

В нашем исследовании тестировалась гипотеза о том, что возрастающая пространственная неоднородность локализации и концентрации научно-исследовательских кадров и затрат предприятий на осуществление инновацион-

ной деятельности усиливает пространственную неоднородность инновационного развития России. Основная цель работы – оценка, сценарное моделирование и прогнозирование пространственной неоднородности инновационного развития предприятий в России до 2025 года. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: теоретический обзор методов оценки, сценарного моделирования и прогнозирования пространственной неоднородности инновационного развития территорий и формирование системного подхода, учитывающего преимущества и недостатки данных методов; оценка пространственной неоднородности инновационного развития России и поиск основных центров (полюсов роста), похожих по уровню инновационного развития регионов, которые могут объединиться в пространственные кластеры, а также зон их влияния; формирование регрессионной модели Кобба – Дугласа с использованием панельных данных по регионам России для оценки эффективности организации инновационных производств в территориальных системах, влияния затрат предприятий на инновационную деятельность и научно-исследовательских кадров в регионе на объем отгруженных инновационных товаров; ARIMA-моделирование динамики факторов для формирования наиболее вероятных прогнозных сценариев инновационного развития регионов до 2025 года: инерционного с учетом наблюдаемых тенденций, оптимистичного и пессимистичного. Решение этих исследовательских задач позволит спрогнозировать динамику пространственной неоднородности инновационного развития регионов России, а построенные модели помогут выработать механизмы ее сглаживания.

Теоретико-методические подходы к оценке и прогнозированию пространственной неоднородности инновационного развития территории

Для исследования пространственной неоднородности инновационного развития применяются различные методы оценки, самым распространенным из которых является статистический анализ. Пространственные аспекты инновационного развития регионов России с помощью статистических индексов оценивались А.В. Кривчанской (Кривчанская, 2017), М.С. Гусаровой (Гусарова, 2021), М.А. Дугаржаповой и Е.А. Жалсараевой (Дугаржапова, Жал-

сараева, 2020), О.С. Москвиной (Москвина, 2019), В.Н. Маковеевым (Москвина, Маковеев, 2019), с использованием показателей плотности, структуры, концентрированности, конвергенции и связанности – Е.Ф. Никитской (Никитская, 2020), методов комиссий, «Дельфи», морфологического анализа и экстраполяции – В.В. Филатовым (Филатов, 2014), методов корреляционного анализа, стандартизации и агрегирования показателей – О.П. Смирновой, А.О. Пономаревой (Smirnova, Ponomareva, 2020), методов многомерного, факторного анализа – Е.А. Полиной и И.А. Соловьевой (Polina, Solovyeva, 2019). Данные методы исследования пространственной неоднородности чаще используются на начальном этапе ее оценки, для группировки территорий по показателям инновационного развития предприятий. Они не позволяют моделировать влияние факторов на инновационное развитие территориальных систем, формировать прогнозные сценарии разворачивания инновационных процессов в будущем.

Пространственная неоднородность инновационного развития территориальных систем оценивалась и методами пространственной кластеризации. Для этих целей А.Л. Мячин, например, использовал методы анализа паттернов кластеризации (Myachin, 2020). Методы кластеризации позволили F.A. Blanco, F.J. Delgado, M.J. Presno установить конвергенцию стран Европейского союза по расходам на науку и обосновать «необходимость пересмотра политики ЕС в области исследований и разработок в направлении большей координации использования ресурсов, а также внедрения новых инструментов» (Blanco et al., 2020). А.С. Михайлов, В.В. Горочная, Д.В. Хвалеев, И.С. Гуменюк применяли методы пространственной кластеризации по нескольким критериям. Статистическая оценка была «дополнена анализом пространственной концентрации инновационного потенциала с учетом агломерационного фактора» (Михайлов и др., 2020).

Для кластеризации регионов по уровню инновационного развития И.П. Килина использовала внутрирегиональные и пространственные инновационные параметры (индексы плотности и однородности). На их основе с помощью показателей гравитации формировался инновационный профиль регионов, который

позволил разделить субъекты РФ на типологические группы, выделить особенности, идентифицировать направления межрегиональной кооперации в инновационной сфере¹. Для оценки пространственной неоднородности инновационного развития И.В. Наумовым и А.З. Барыбиной применялся «пространственный автокорреляционный анализ по методике П. Морана и Л. Анселина с использованием различных матриц пространственных весов для поиска полюсов инновационного роста, межрегиональных пространственных кластеров, зон их влияния» (Наумов, Барыбина, 2020).

Методы кластерного анализа лучшим образом, по сравнению со статистическими методами, подходят для оценки пространственной неоднородности инновационного развития территориальных систем, позволяют объективно сформировать кластеры похожих территориальных систем. При этом, в отличие от статистических методов, при выявлении кластеров прежде всего учитываются пространственные аспекты, в кластеры включаются близко расположенные территории. В то же время и статистические методы исследования, и методы кластеризации не позволяют смоделировать и спрогнозировать изменения пространственной неоднородности инновационного развития в будущем, а формируют только основу для этого. Так, при оценке и моделировании неоднородности распространения зеленых инноваций в 30 провинциях Китая с 2009 по 2019 год P. Liu, L. Zhang, H. Tarbert, Z. Yan использовали пространственно-временные характеристики данных инноваций и факторы, влияющие на эффективность их внедрения (Liu et al., 2021). Подобное исследование провели K.-L. Wang и F.-Q. Zhang (Wang, Zhang, 2021). Авторы применяли глобальную модель измерения на основе индексов пространственной автокорреляции Морана и модели векторной авторегрессии (VAR). Используя пространственную эконометрическую модель, X. Yong Gang оценивал характеристики конвергенции и вариации региональных инноваций, изучал влияние факторов, связанных с пространством, на конвергенцию региональных инноваций (Yong Gang, 2023).

¹ Килина И.П. (2020). Инновационное развитие регионов: пространственный подход: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Челябинск. 24 с.

С использованием методов регрессионного анализа и индексов региональной пространственной структуры, эффективности инноваций и индекса разрыва в инновациях Z. Ye, C. Zou, Y. Huang исследовали влияние различных типов пространственных структур на внедрение научно-технических инноваций в 26 провинциях и автономных районах Китая с 2005 по 2019 год (Ye et al., 2022). Для исследования пространственной неоднородности регионального инновационного развития дельты Жемчужной реки Китая K. Wu, Y. Wang, H. Zhang, Y. Liu, Y. Ye комбинировали отрицательную биномиальную регрессию и геодетектор (Wu et al., 2021). Для моделирования пространственной неоднородности инновационного развития 67 европейских стран M.A.M. Antunes использовал квантильную регрессионную модель с дискретной зависимой переменной (Antunes, 2016).

Регрессионный анализ для поиска факторов, оказывающих влияние на инновационное развитие производительных сил в регионах России, применялся О.С. Мариевым, Е.Д. Игнатъевой, Е.П. Набережной и И.В. Савиным. Построенная ими модифицированная «функция генерации знаний» Кобба – Дугласа (Мариев и др., 2012) вполне может быть использована для проектирования прогнозных сценариев динамики инновационного развития регионов. Л.В. Марабаева, О.А. Соколов, И.А. Горин, А.Э. Ковалев формировали прогнозные сценарии развития территориальных инновационных кластеров в России с помощью ARIMA-модели (Марабаева и др., 2020).

Теоретический обзор работ с использованием регрессионного анализа показал большое разнообразие применяющегося инструментария для моделирования факторов инновационного развития различных территориальных систем. В то же время результаты моделирования и прогнозирования пространственных особенностей инновационного развития, пространственной неоднородности размещения инновационных производств в научной литературе слабо представлены, лишь незначительная часть сформированных моделей применялась для построения системы прогнозных сценариев инновационного развития. Сценарное моделирование и прогнозирование пространственной неоднородности инновационного развития территориальных систем является сложным

и многоэтапным процессом, требующим решения нескольких задач: проведения оценки пространственной неоднородности развития инновационных процессов и кластеризации территорий по данному признаку; оценки факторов производства инновационной продукции в разных территориальных системах с использованием регрессионного анализа; формирования многовариантных прогнозов изменения динамики факторов, оказывающих влияние на инновационное развитие территориальных систем; построения на их основе системы прогнозных сценариев инновационного развития территорий; оценки спрогнозированного уровня концентрации инновационных производств в разных группах территориальных систем. Соответственно, решение поставленных задач требует системного использования различных методов моделирования и прогнозирования.

Методический подход к сценарному моделированию и прогнозированию пространственной неоднородности инновационного развития территории

На этапе оценки пространственной неоднородности инновационного развития территорий и их кластеризации мы предлагаем использовать статистические методы исследования. Они помогут выделить группы регионов по объему отгруженных инновационных товаров: с высоким значением, превышающим стандартное отклонение от среднего; регионы со значением показателя, приближенным к среднему уровню и незначительно превышающим его, а также регионы с объемом отгруженных товаров ниже среднего уровня. Оценка концентрации отгруженных инновационных товаров в каждом регионе и по группам регионов позволит установить наличие пространственной неоднородности инновационного развития. Для ее подтверждения и проведения пространственной кластеризации предполагается использование пространственного автокорреляционного анализа по методике П. Морана с обобщением результатов по различным матрицам пространственных весов между регионами (по автомобильным дорогам и линейным расстояниям, смежным границам, по железнодорожным путям сообщений, а также их нормированным версиям). Рассчитанные глобальный и локальные индексы пространственной автокорреляции по объему отгруженных иннова-

ционных товаров позволят установить сформировавшиеся и формирующиеся полюса роста, пространственные кластеры похожих по уровню инновационного развития регионов, зоны их влияния, а также прямые и обратные межтерриториальные взаимосвязи.

На следующем этапе исследования в рамках выделенных групп регионов предполагается проведение регрессионного моделирования, целью которого является оценка степени влияния основных факторов производства (затрат предприятий на инновационную деятельность и всей совокупности научно-исследовательских кадров в регионе) на объем отгруженных в регионах инновационных товаров. Поскольку в нашем исследовании важным аспектом выступает оценка степени влияния факторов на пространственную неоднородность динамики объема отгруженных инновационных товаров, то для реализации данной задачи предполагается использование классической производственной функции Кобба – Дугласа. Для получения более корректных результатов в условиях пространственной неоднородности данных об инновационном развитии предприятий предполагается формирование квантильной регрессии (1), оценивающей степень влияния указанных факторов в трех группах регионов:

$$Q_{\tau}(V_{it}|X_{it}) = A(\tau) + \beta_1(\tau)L_{it} + \beta_2(\tau)C_{it} + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где $Q_{\tau}(V_{it}|X_{it})$ – τ -й условный квантиль V_{it} данного X_{it} ;

V_{it} – объем отгруженных инновационных товаров в регионе, млн руб.;

X_{it} – факторы L_{it} , C_{it} ;

L_{it} – численность персонала, занятого научными исследованиями в регионе, чел.;

$\beta_1(\tau)$ – коэффициент эластичности по численности персонала;

C_{it} – затраты на инновационную деятельность организаций в регионе, млн руб.;

$\beta_2(\tau)$ – коэффициент эластичности по затратам на инновационную деятельность;

$A(\tau)$ – технологический коэффициент, совокупность прочих факторов;

ε_i – ошибка регрессии.

Построенные модели для трех квантилей не только станут основой для сценарного прогнозирования пространственной неоднородности инновационного развития регионов, но и по-

зволят установить возникающие эффекты от масштабов производственной деятельности инновационных предприятий в разных группах регионов, оценить эффективность их организации. Для подтверждения отличающейся степени влияния исследуемых факторов на объем отгруженных инновационных товаров в разных группах регионов планируется построение регрессионных моделей Кобба – Дугласа для каждого региона за тот же исследуемый период (2010–2020 гг.). Для оценки вклада исследуемых факторов в формирование пространственной неоднородности инновационного развития на следующем этапе предполагается проведение пространственного автокорреляционного анализа особенностей их распределения по методике Морана, в ходе которого будут определены полюса роста, пространственные кластеры и зоны их влияния по привлекаемым предприятиями финансовым ресурсам для осуществления инновационной деятельности и численности научно-исследовательских кадров.

Для формирования прогнозных сценариев изменения объема отгруженных инновационных товаров в трех группах регионов на следующем этапе исследования предполагается проведение авторегрессионного анализа динамики изменения затрат предприятий на инновационную деятельность и численности научно-исследовательских кадров во всех регионах России за период с 2010 по 2020 год с использованием скользящей средней (ARMA / ARIMA). Данный метод позволит определить наиболее вероятный – инерционный сценарий динамики указанных факторов до 2025 года с учетом сохранения отмеченных за исследуемый период тенденций, а также обозначить крайне возможные (пессимистичный и оптимистичный) сценарии изменения их динамики в будущем. Полученные прогнозные значения изменения динамики данных факторов будут подставлены в уравнения квантильной регрессионной модели трех групп регионов (1) для формирования инерционного, а также крайне возможных прогнозных сценариев динамики объема отгруженных инновационных товаров. Представленные в работе регрессионные модели могут использоваться для формирования целой системы разнообразных сценариев благодаря комбинации прогнозных значений факторов.

Таким образом, представленный в работе методический подход к сценарному прогнозированию пространственной неоднородности инновационного развития России базируется на системном использовании различных методов исследования: методов стандартных отклонений и пространственного автокорреляционного анализа для кластеризации регионов по объему осуществляемой предприятиями инновационной деятельности, методов регрессионного моделирования для оценки зависимости объема отгруженных инновационных товаров от уровня затрат предприятий на инновационную деятельность и численности научно-исследовательских кадров в регионах, а также степени влияния данных факторов в разных группах регионов, методов авторегрессионного анализа динамики их изменения для формирования наиболее вероятного и крайне возможных прогнозных сценариев изменения динамики данных факторов в будущем, соответствующих сценариев изменения динамики отгружаемых предприятиями инновационных товаров и их концентрации в тех или иных регионах.

Результаты исследования

Рассматривая инновационное развитие страны в региональном разрезе, можно отметить сильную пространственную неоднородность инновационной деятельности предприятий. В настоящее время 54% всех отгружаемых в России инновационных товаров сконцентрированы в восьми регионах, таких как г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Пермский край, Московская, Нижегородская, Свердловская, Тюменская области (*табл. 1*).

Значительный рост концентрации инновационных товаров наблюдался в г. Москве и Тюменской области. Во вторую группу регионов, с объемом отгруженных инновационных товаров выше среднего по России, по данным 2020 года вошли Белгородская, Самарская, Омская, Тульская, Мурманская, Ростовская и Челябинская области, республики Башкортостан, Удмуртия и Мордовия, Красноярский и Хабаровский края. В 12 регионах данной группы в 2020 году было отгружено 26,8% всех инновационных товаров и услуг. Значительный рост уровня концентрации инновационных товаров зафиксирован в Красноярском и Хабаровском краях, Омской, Тульской, Мурманской и Бел-

Таблица 1. Динамика объема отгруженных инновационных товаров и уровень их концентрации в регионах России в 2010 и 2020 гг.

Регион		2010 год		2020 год	
		млн руб.	%	млн руб.	%
Основные центры инновационного развития	г. Москва	64 543	5,1	626 603	12,0
	Республика Татарстан	161 216	12,8	528 840	10,2
	г. Санкт-Петербург	84 474	6,7	448 025	8,6
	Московская область	90 231	7,2	380 965	7,3
	Нижегородская область	76 468	6,1	276 160	5,3
	Пермский край	65 317	5,2	190 630	3,7
	Свердловская область	59 748	4,8	185 485	3,6
	Тюменская область	2 789	0,2	175 458	3,4
Регионы с объемом отгруженных инновационных товаров выше среднего уровня по России	Белгородская область	9 392	0,7	158 024	3,0
	Самарская область	96 237	7,7	157 163	3,0
	Республика Башкортостан	44 702	3,6	150 638	2,9
	Красноярский край	4 957	0,4	135 373	2,6
	Омская область	9 783	0,8	132 406	2,5
	Тульская область	8 396	0,7	131 270	2,5
	Мурманская область	792	0,1	112 798	2,2
	Хабаровский край	4 557	0,4	109 696	2,1
	Ростовская область	19 185	1,5	106 740	2,0
	Челябинская область	19 352	1,5	78 108	1,5
	Удмуртская Республика	8 768	0,7	63 741	1,2
	Республика Мордовия	20 996	1,7	61 536	1,2
Регионы с объемом отгруженных инновационных товаров ниже среднероссийского уровня		403 182	32,1	997 859	19,2

Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

городской областях, а снижение – в Самарской области. На регионы третьей группы, с объемом отгруженных инновационных товаров и услуг ниже среднего по России, в которую вошли 65 субъектов РФ, в 2020 году приходилось всего 19,2%, тогда как в 2010 году – 32,1%. Таким образом, в настоящее время наблюдается возрастание пространственной неоднородности инновационного развития, значительная концентрация инновационных товаров и услуг в регионах первой и второй групп. Для оценки степени пространственной неоднородности инновационного развития России и кластеризации регионов по объему отгруженных товаров был использован и пространственный автокорреляционный анализ по методике П. Морана. Положительные значения глобального индекса Морана по всем матрицам пространственных весов и Z-оценки показали, что в России выделяются похожие по уровню инновационного развития регионы, которые при активном развитии межрегиональных взаимосвязей могут сформировать пространственные кластеры. Результаты пространственного автокорре-

ляционного анализа, отраженные в диаграммах рассеивания Морана по восьми матрицам пространственных весов, были обобщены и систематизированы в *таблице 2*.

Данный анализ проводился нами для того, чтобы подтвердить результаты выполненной группировки регионов по объему отгруженных инновационных товаров. Пространственный кластер инновационного развития с высоким уровнем пространственного взаимовлияния формируют г. Москва, Московская область, Свердловская область. Эти регионы отличаются чрезвычайно высоким объемом отгруженных инновационных товаров и входят в первую группу регионов. К регионам – полюсам роста большинством матриц пространственных весов был отнесен г. Санкт-Петербург, а формирующимся полюсам роста – Красноярский, Хабаровский края и Ростовская область, которые значительно отличаются от окружающих регионов по объему отгруженных товаров. Сформировавшийся полюс роста, согласно представленной в *таблице 1* группировке, также относится к первой группе регионов, а фор-

Таблица 2. Обобщенная диаграмма рассеивания П. Морана по объему отгруженных инновационных товаров в России в 2020 году

LH - Зоны влияния		HN - Пространственные кластеры	
Высокий уровень пространственного взаимовлияния	Низкий уровень пространственного взаимовлияния	Высокий уровень пространственного взаимовлияния	Низкий уровень пространственного взаимовлияния
Курганская, Рязанская, Владимирская, Тверская, Костромская, Калужская, Ивановская, Орловская, Смоленская, Тамбовская области	Воронежская, Брянская, Курская, Липецкая, Ярославская, Волгоградская области, ХМАО, ЯНАО	г. Москва, Московская, Свердловская области	Нижегородская, Самарская, Мурманская, Омская, Тюменская, Челябинская, Белгородская, Тульская области, Пермский край, Республика Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Удмуртия
LL		HL - Регионы - полюса роста	
Остальные регионы России		г. Санкт-Петербург	Красноярский, Хабаровский края, Ростовская область
Источник: составлено авторами.			

мирующиеся полюса роста с низким уровнем пространственного взаимовлияния – ко второй группе регионов с объемом отгруженных товаров чуть выше среднероссийского значения. Формирующиеся пространственные кластеры похожих регионов, обладающие не таким высоким уровнем пространственного взаимовлияния, как уже сформировавшиеся, вошли в первую (Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская и Тюменская области) и вторую (республики Башкортостан, Мордовия, Удмуртия, Мурманская, Белгородская, Тульская, Самарская, Омская и Челябинская области) группы регионов. Зоной влияния пространственных кластеров стали в основном регионы Центрального и Уральского федеральных округов (см. табл. 2). Большинство регионов Дальневосточного, Сибирского, Северо-Западного, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов не стали полюсами роста, пространственными кластерами и не вошли в зону их влияния. Они формируют третью группу территорий с объемом отгруженных инновационных товаров ниже среднероссийского уровня. Нахождение в данной группе 65 субъектов РФ свидетельствует о чрезвычайно высокой пространственной неоднородности инновационного развития России.

Для прогнозирования динамики ее изменения и оценки степени влияния производственных факторов использовалась квантильная регрессионная модель Кобба – Дугласа. При ее формировании применялись панельные данные по 85 субъектам РФ за период с 2010 по 2020 год (935 наблюдений). Перед ее построением были проведены анализ описательных статистик

переменных и оценка стационарности временных рядов с использованием расширенного теста Дикки – Фуллера (ADF-тест). По результатам анализа рассчитанных описательных статистик установлен высокий уровень вариации данных, что подтверждает пространственную неоднородность инновационного развития регионов. Для получения более надежных оценок данные были приведены к сопоставимому виду путем извлечения натурального логарифма. Результаты построенной модели для трех групп регионов представлены в *таблице 3*.

Коэффициенты регрессии по всем квантилям данной модели тестировались с помощью статистики Вальда, нормальность распределения ошибок проверялась с помощью статистики Харке – Бера, а стабильность параметров модели тестировалась с помощью методики Рамсея. Коэффициенты регрессии в данной модели являются статистически значимыми за исключением третьего квантиля по переменной «численность персонала, занятого научными исследованиями». Построенная квантильная регрессионная модель показала, что в группе регионов с высоким объемом отгруженных инновационных товаров основным фактором стали затраты предприятий на осуществление инновационной деятельности. Сформированный во второй группе регионов кадровый научный потенциал по результатам моделирования является второстепенным фактором, не оказывающим значительного влияния на инновационное развитие. Данный фактор оказал влияние на инновационное развитие регионов второй группы, отличающихся объемом отгруженных ин-

Таблица 3. Параметры квантильной регрессионной модели зависимости объема отгруженных инновационных товаров (V) от объема затрат предприятий на инновационную деятельность (C) и численности персонала, занятого исследованиями и разработками, по субъектам РФ

Первый квантиль регионов с низким объемом отгруженных инновационных товаров ($\tau = 0.25$)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
Const	-0,906	0,215	-4,221	0,000***
C	0,939	0,031	31,113	0,000***
L	0,214	0,042	5,109	0,000***
Pseudo R-squared	0,563	Mean dependent var		8,584
Adjusted R-squared	0,562	S.D. dependent var		2,877
S.E. of regression	1,581	Objective		407,719
Quantile dependent var	7,206	Restr. objective		933,203
Sparsity	3,591	Quasi-LR statistic		1560,783
Prob (Quasi-LR stat)	0,000			
Второй квантиль регионов со средним объемом отгруженных инновационных товаров ($\tau = 0.5$)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
Const	0,735	0,193	3,803	0,0002***
C	0,875	0,027	32,146	0,0000***
L	0,164	0,038	4,346	0,0000***
Pseudo R-squared	0,524	Mean dependent var		8,584
Adjusted R-squared	0,522	S.D. dependent var		2,877
S.E. of regression	1,440	Objective		466,497
Quantile dependent var	9,223	Restr. objective		979,038
Sparsity	2,801	Quasi-LR statistic		1463,66
Prob(Quasi-LR stat)	0,000			
Третий квантиль регионов с высоким объемом отгруженных инновационных товаров ($\tau = 0.75$)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
Const	2,541	0,174	14,601	0,000***
C	0,854	0,025	34,832	0,000***
L	0,046	0,034	1,342	0,181
Pseudo R-squared	0,498	Mean dependent var		8,584
Adjusted R-squared	0,497	S.D. dependent var		2,877
S.E. of regression	1,718	Objective		347,461
Quantile dependent var	10,381	Restr. objective		691,797
Sparsity	2,913	Quasi-LR statistic		1260,886
Prob(Quasi-LR stat)	0,000			

Источник: составлено авторами.

новационных товаров выше среднероссийского уровня. Согласно модели, прирост численности научно-исследовательских кадров в регионах, входящих во второй квантиль, на 1% способствует росту объема реализуемых инновационных товаров на 0,16%. В этой группе регионов наблюдалось и более значительное по сравнению с регионами первой группы влияние осуществляемых предприятиями затрат на инновационную деятельность. Степень значимости двух указанных факторов оказалась наиболее высокой в третьей группе регионов. Коэффициенты эластичности по факторам производства в данной группе регионов существенно выше, чем в первой и во второй группах. Эти

регионы отличаются менее развитым кадровым научным потенциалом и меньшим объемом привлекаемых предприятиями затрат для осуществления инновационной деятельности, поэтому их значимость для инновационного развития данной группы регионов значительно выше.

Производственная функция Кобба – Дугласа позволила установить и эффективность осуществляемой предприятиями инновационной деятельности в разных группах регионов: возрастающую отдачу от масштаба инновационной деятельности в регионах первой и второй групп, в которых сумма коэффициентов эластичности превысила единицу, и убывающую

отдачу в третьей группе. Низкая эффективность осуществляемой инновационной деятельности в регионах третьей группы связана с низкой концентрацией научно-исследовательских кадров и осуществляемых предприятиями затрат на выпуск инновационных товаров, услуг и ра-

бот. Модели, построенные по временным рядам за период с 2010 по 2020 год для каждого субъекта РФ, позволили подтвердить дифференцированное влияние производственных факторов на объем отгруженных инновационных товаров в субъектах РФ (табл. 4).

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа зависимости объема отгруженных инновационных товаров от осуществляемых предприятиями затрат на инновационную деятельность и численности научно-исследовательского персонала в регионах России

	Регион	Объем затрат на инновационную деятельность	Численность персонала, занятого научными исследованиями	
Регионы первой группы – центры инновационного развития	г. Москва	0,688**	0,367*	
	г. Санкт-Петербург	0,905**	0,205**	
	Свердловская область	1,105***	-	
	Тюменская область	1,212***	-	
	Пермский край	0,566*	0,654*	
	Нижегородская область	0,465***	0,659***	
	Московская область	0,521***	0,576***	
	Республика Татарстан	0,591***	0,659***	
Регионы с объемом отгруженных инновационных товаров	выше среднероссийского уровня	Белгородская область	0,649***	
		Самарская область	0,523***	
		Республика Мордовия	0,195*	
		Челябинская область	-	
		Омская область	-	
		Тульская область	0,721**	
		Ростовская область	0,748***	
		Республика Башкортостан	0,849***	
		Удмуртская Республика	1,209***	
		Красноярский край	1,006***	
		Мурманская область	1,083***	
		Хабаровский край	1,120***	
		ниже среднероссийского уровня	Ульяновская область	0,527***
			Ставропольский край	0,411***
	Кемеровская область		0,027*	
	Тверская область		0,188*	
	Курская область		0,085*	
	Новосибирская область		0,329*	
	Чувашская Республика		0,481*	
	Алтайский край		0,314*	
	Костромская область		0,576*	
	Орловская область		0,195*	
	Саратовская область		0,268*	
	Республика Коми		0,131*	
	Ярославская область		-	
	Волгоградская область		-	
	Рязанская область	-		
	Вологодская область	-		
Ленинградская область	-			
ХМАО	-			
Забайкальский край	-			
Сахалинская область	-			
Новгородская область	-			

Примечание: * – статистическая значимость на уровне 10%, ** – статистическая значимость на уровне 5%, *** – статистическая значимость на уровне 1%.
Источник: составлено авторами.

Для подтверждения высокой значимости данных факторов в становлении и углублении пространственной неоднородности инновационного развития России был проведен пространственный автокорреляционный анализ их распределения по методике П. Морана (рис. 1, 2).

Рис. 1. Пространственная кластеризация регионов по численности научно-исследовательских кадров в 2020 году

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Пространственная кластеризация регионов по объему осуществляемых предприятиями затрат на инновационную деятельность в 2020 году

Источник: составлено авторами.

В результате анализа установлены полюса роста с высокой концентрацией научно-исследовательских кадров (Томская, Новосибирская области, Красноярский край), сформировавшиеся кластеры похожих регионов по численности научно-исследовательских кадров: «Центральный» (г. Москва, Московская и Нижегородская области), «Южный» (Воронежская и Ростовская области), «Приволжский» (Самарская область, Пермский край и Республика Татарстан), «Уральский» (Свердловская и Челябинская области), а также зоны их влияния, распространяющиеся на регионы Центрального и Северо-Западного округов (см. рис. 1). Как показал пространственный автокорреляционный анализ, регионы с высокой концентрацией научно-исследовательских кадров (полюса роста и пространственные кластеры) формируют первую и вторую группу регионов с высоким объемом отгруженных инновационных товаров.

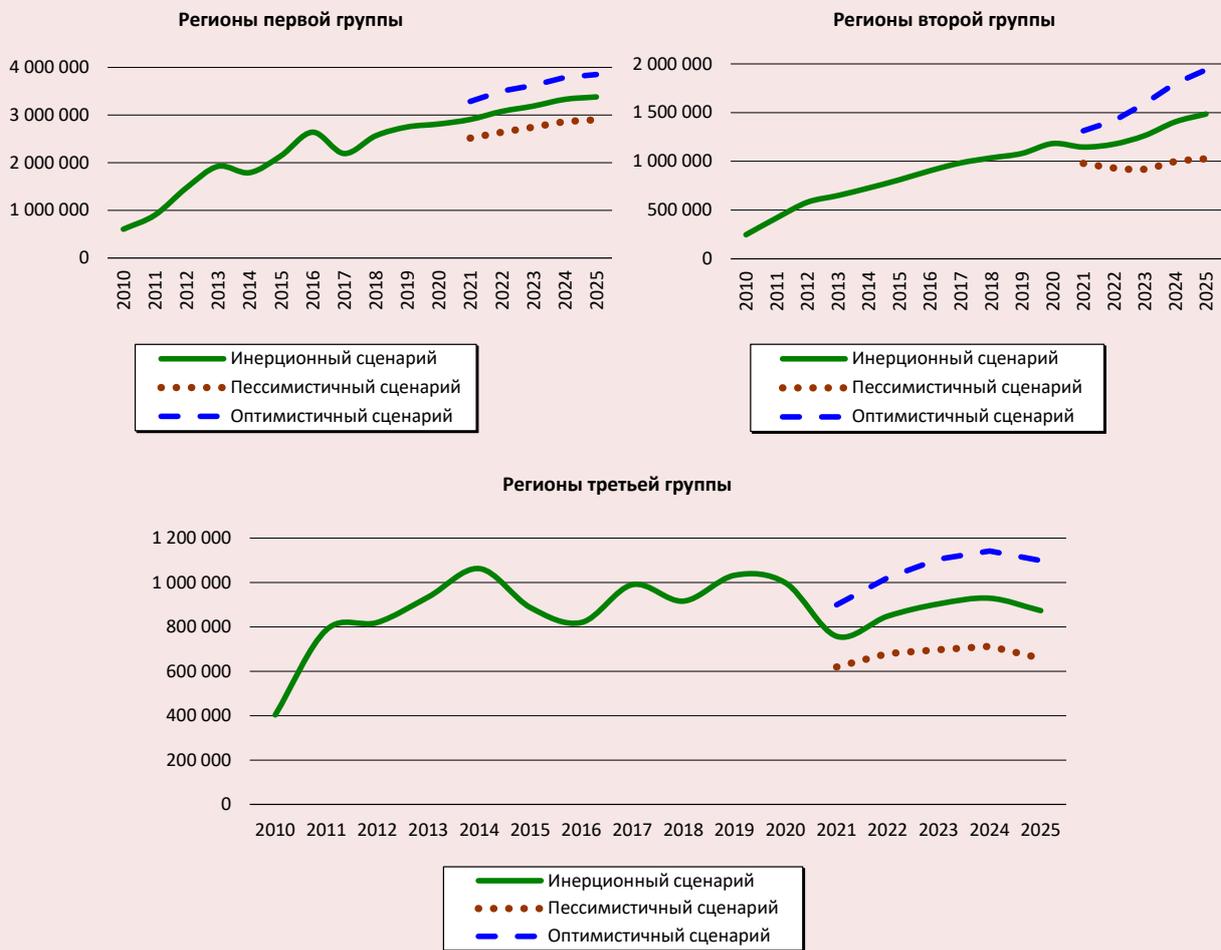
Установленные пространственные кластеры и их зоны сильного влияния по численности научно-исследовательских кадров (см. рис. 1) и по объему отгруженных инновационных товаров (см. табл. 1) практически полностью совпали. Совпали и квадранты LL регионов с низкими значениями этих показателей. В данный квадрант вошли регионы Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, то есть регионы с низким уровнем концентрации научно-исследовательских кадров и низким уровнем инновационной активности предприятий. Очень похожая кластеризация регионов была установлена в результате пространственного автокорреляционного анализа по объему затрат предприятий на инновационную деятельность (см. рис. 2). Большинство выявленных пространственных кластеров и зон их влияния по данному показателю совпали с аналогичными квадрантами диаграммы рассеивания П. Морана по численности научно-исследовательских кадров (см. рис. 1). Результаты пространственного автокорреляционного анализа по объему затрат на инновационную деятельность предприятий очень схожи с результатами анализа по объему отгруженных инновационных товаров, работ и услуг, что подтверждает нашу гипотезу о значительном влиянии данного фактора на углуб-

ление пространственной неоднородности инновационного развития России. Значительная часть финансовых ресурсов, направляемых на осуществление инновационной деятельности, сконцентрирована в регионах, входящих в Центральный, Северо-Западный, Приволжский и Уральский федеральные округа.

Для построения прогнозных сценариев инновационного развития регионов России было использовано *ARMA* и *ARIMA*-моделирование динамики рассматриваемых производственных факторов. В результате определены прогнозные значения их динамики до 2025 года по трем возможным траекториям: с учетом сохранения отмеченных тенденций в динамике показателей за период с 2010 по 2020 год, а также предельно допустимые прогнозные значения в случае реализации позитивных или негативных тенденций. Спрогнозированные значения данных факторов были использованы для проектирования трех базовых прогнозных сценариев изменения динамики объема отгруженных инновационных товаров в регионах России: инерционного, оптимистичного и пессимистичного (рис. 3).

Инерционный сценарий, предполагающий сохранение в будущем отмеченных тенденций в динамике отгруженных инновационных товаров, работ и услуг за период 2010–2020 гг., прогнозирует дальнейший умеренный рост данного показателя в первой и второй группах регионов и сохранение достигнутых значений без направленной тенденции в регионах третьей группы. По оптимистичному прогнозному сценарию возможен умеренный рост объема отгруженных инновационных товаров в первой и третьей группах и более значительный рост данного показателя во второй группе регионов. Рост инновационного развития регионов третьей группы, по нашему мнению, сдерживается недостаточно высоким по сравнению с регионами других групп уровнем концентрации научно-исследовательских кадров и финансовых ресурсов предприятий, направляемых на инновационную деятельность. Возможно, именно поэтому в регионах третьей группы не ожидается рост инновационной активности предприятий при сохранении отмеченных тенденций в будущем, то есть при реализации инерционного сценария.

Рис. 3. Прогнозные сценарии динамики объема отгруженных инновационных товаров в трех группах регионов до 2025 года, млн руб.

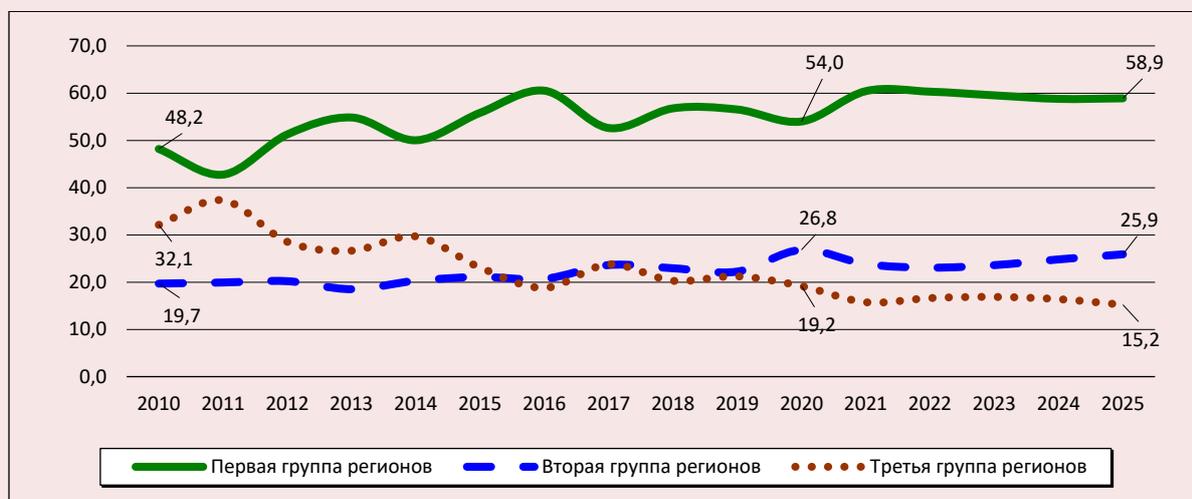
Источник: составлено авторами.

Ожидаемый в рамках оптимистичного сценария бурный рост динамики объема отгруженных инновационных товаров во второй группе регионов связан, по нашему мнению, с тем, что данные регионы относятся к формирующимся пространственным инновационным кластерам (см. табл. 1), обладающим высоким уровнем концентрации научно-исследовательских кадров и финансовых ресурсов предприятий, тесными межрегиональными взаимосвязями с научно-исследовательскими центрами. Вместе с тем в связи с наблюдающимся сегодня значительным ухудшением геополитической обстановки и санкционным давлением на российскую экономику вполне возможной становится реализация

пессимистичного сценария, предполагающего сокращение объема отгружаемых инновационных товаров во всех группах регионов (см. рис. 3).

Оценка динамики изменения уровня концентрации отгруженных инновационных товаров в трех группах регионов на протяжении 2010–2020 гг. и прогнозных его значений в рамках наиболее вероятного, инерционного, сценария показала углубление процессов возрастания пространственной неоднородности инновационного развития России (рис. 4). Если в 2010 году в первой группе регионов было сконцентрировано 48,2% всех отгруженных в России инновационных товаров, то к 2020 году уровень концентрации повысился до 54%.

Рис. 4. Инерционный прогноз изменения концентрации инновационных производств в трех группах регионов до 2025 года, %

Источник: составлено авторами.

К 2025 году возможен дальнейший рост показателя до 58,9%. Вполне вероятно сохранение высокого уровня концентрации инновационных производств и во второй группе регионов, который был достигнут к 2020 году. За период с 2010 по 2020 год уровень концентрации отгруженных инновационных товаров в данной группе регионов повысился с 19,7 до 26,8%. К 2025 году в регионах второй группы, согласно инерционному сценарию, ожидается достижение уровня концентрации всех отгруженных инновационных товаров в России в 25,9%. О значительном углублении пространственной неоднородности свидетельствует и прогнозируемое сокращение уровня концентрации отгруженных инновационных товаров в регионах третьей группы, в которую входят 65 субъектов РФ. Если в 2010 году уровень концентрации всех отгруженных в России товаров в ней составлял 32,1%, то к 2020 году он сократился до 19,2%, а к 2025 году ожидается продолжение спада вплоть до 15,2%. Это означает сворачивание инновационных производств в значительной части регионов. Таким образом, по наиболее вероятному прогнозному сценарию к 2025 году ожидается еще более значительное усиление пространственной неоднородности инновационного развития регионов, и основными факторами данного процесса, как показали

результаты исследования, являются привлекаемые предприятиями финансовые ресурсы, направляемые на осуществление инновационной деятельности, а также численность в регионе персонала, занятого научными исследованиями и разработками.

Заключение

В результате исследования была подтверждена гипотеза о том, что возрастающая пространственная неоднородность локализации и концентрации научно-исследовательских кадров и затрат предприятий на осуществление инновационной деятельности усиливает пространственную неоднородность инновационного развития России. В ходе работы установлена сильная пространственная неоднородность инновационного развития России в региональном разрезе, значительная концентрация объемов отгруженных инновационных товаров и услуг наблюдается в регионах первой и второй групп. Так, 54% всех отгруженных в России инновационных товаров сконцентрировано в восьми регионах: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Московская, Нижегородская, Свердловская и Тюменская области, Пермский край. Во второй группе регионов с объемом отгруженных инновационных товаров выше среднего по России, в которую вошли Белгородская, Самарская, Омская, Тульская,

Мурманская, Ростовская, Челябинская области, республики Башкортостан, Удмуртская и Мордовия, Красноярский и Хабаровский края, по данным 2020 года было отгружено 26,8% всех российских инновационных товаров и услуг. На регионы третьей группы, с объемом отгруженных инновационных товаров и услуг ниже среднего по России, в которую вошли 65 субъектов РФ, в 2020 году приходилось всего 19,2%.

В работе представлен оригинальный методический инструментарий, основанный на методах стандартных отклонений и пространственного автокорреляционного анализа по методике Морана, регрессионного моделирования, авторегрессионного анализа с использованием скользящей средней (ARMA, ARIMA). В результате исследования была осуществлена кластеризация регионов по объему осуществляемой предприятиями инновационной деятельности, установлена зависимость объема отгруженных инновационных товаров от уровня затрат предприятий на осуществляемую инновационную деятельность и численности в

регионах научно-исследовательских кадров, а также степень влияния данных факторов в разных группах регионов, сформированы наиболее вероятные и крайне возможные прогнозные сценарии изменения динамики данных факторов в будущем, соответствующие сценарии изменения динамики отгружаемых предприятиями инновационных товаров и их концентрации в тех или иных регионах. Расчет уровня концентрации в регионах всех отгруженных в России инновационных товаров по спрогнозированным до 2025 года значениям позволит установить дальнейшие направления пространственной локализации инновационных производств, тенденции снижения или возрастания пространственной неоднородности инновационного развития регионов. Построенные прогнозные сценарии могут быть использованы для формирования стратегий инновационного развития регионов России с учетом выявленных особенностей пространственной локализации факторов, оказывающих на него значительное влияние.

Литература

- Голова И.М., Суховой А.Ф. (2017). Формирование инновационной составляющей экономической безопасности региона // Экономика региона. Т. 13. Вып. 4. С. 1251–1263.
- Гранберг А.Г., Валентей С.Д. [и др.] (2006). Движение регионов России к инновационной экономике. М.: Наука, 402 с.
- Гусарова М.С. (2021). Проблемы инновационного развития России: анализ факторов и институциональные решения // Вопросы инновационной экономики. Т. 11. № 4. С. 1383–1402. DOI: 10.18334/vines.11.4.113870
- Дегтярев П.А. (2020). Влияние социально-экономических факторов на инновационное развитие регионов и реализацию технологических инициатив // Финансовые исследования. № 1 (66). С. 71–77.
- Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А. (2018). Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 84–99.
- Дугаржапова М.А., Жалсараева Е.А. (2020). Модели и механизмы пространственного развития: инновационный аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 8. С. 175–185.
- Кисуркин А.А. (2012). Факторы, влияющие на инновационное развитие региона, и их классификация по уровням управления // Современные проблемы науки и образования. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5762> (дата обращения 17.01.2023).
- Комков Н.И. (2017). Научно-технологическое развитие: ограничения и возможности // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 11–21.
- Кривчанская А.В. (2017). Особенности рынка инноваций // Экономика и менеджмент инновационных технологий. № 11. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/11/15430> (дата обращения 15.12.2022).
- Марабаева Л.В., Соколов О.А., Горин И.А., Ковалев А.Э. (2020). Вариантный прогноз развития территориальных инновационных кластеров РФ на основе проектного подхода // Инновации. № 1. С. 86–93.
- Маринов О.С., Игнатьева Е.Д., Набережная Е.П., Савин И.В. (2012). Эконометрическое моделирование региональных факторов инновационного развития производительных сил в ресурсозависимой экономике России // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». № 5. С. 133–145.

- Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А. (2017). Инновационное развитие регионов России: результаты мониторинга (на примере Приволжского федерального округа) // *Инновации*. № 8 (226). С. 114–119.
- Михайлов А.С., Горочная В.В., Хвалей Д.В., Гуменюк И.С. (2020). Специфика инновационного развития приморских регионов России: дивергенция севера и юга // *Балтийский регион*. Т. 12. № 3. С. 105–126. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-7
- Москвина О.С. (2019). Измерение пространственной поляризации развития инновационных процессов в РФ // *Креативная экономика*. Т. 13. № 4. С. 685–692. DOI: 10.18334/се.13.4.40602
- Москвина О.С., Маковеев В.Н. (2019). Статистический анализ пространственной неравномерности инновационного развития российских регионов // *Проблемы развития территории*. № 5 (103). С. 124–137. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.8
- Наумов И.В., Барыбина А.З. (2020). Пространственная регрессионная модель инновационного развития регионов России // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. № 52. С. 215–232. DOI: 10.17223/19988648/52/13
- Никитская Е.Ф. (2020). Пространственная неравномерность инновационного развития макрорегионов и регионов России // *Федерализм*. Т. 25. № 4 (100). С. 68–89. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-68-89
- Филатов В.В. (2014). Методы прогнозирования развития рынка инноваций отраслевой экономической системы в условиях неопределенности внешней среды // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент»*. № 3. С. 576–584.
- Antunes M.A.M. (2016). *Regional innovation heterogeneity in Europe: A Quantile Regression Analysis*. Final Work in the form of Dissertation, Católica Porto Business School, 42.
- Blanco F.A., Delgado F.J., Presno M.J. (2020). R&D expenditure in the EU: Convergence or divergence? *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 33(1), 1685–1710. DOI: 10.1080/1331677X.2020.1756371
- Liu P., Zhang L., Tarbert H., Yan Z. (2021). Analysis on spatio-temporal characteristics and influencing factors of industrial green innovation efficiency – from the perspective of innovation value chain. *Sustainability*, 14(1), 342. DOI: 10.3390/su14010342
- Myachin A.L. (2020). Innovation development: Review and estimation of heterogeneity. In: *Proceedings of the 20th International Conference on Group Decision and Negotiation*. Ryerson University, 22.1-22.10. Available at: <https://publications.hse.ru/en/chapters/369954183>
- Polina E.A., Solovyeva I.A. (2019). Methodology for comprehensive assessment of regional innovative development. *R-economy*, 5(2), 79–91. DOI: 10.15826/recon.2019.5.2.009
- Smirnova O.P., Ponomareva A.O. (2020). Assessment of innovative development differentiation of Russian regions. *International Transaction Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies*, 11(13), 11A13P. DOI: 10.14456/ITJEMAST.2020.262/. URL: <http://TUENGR.COM/V11A/11A13P.pdf>
- Wang K.-L., Zhang F.-Q. (2021). Investigating the spatial heterogeneity and correlation network of green innovation efficiency in China. *Sustainability*, 13(3), 1104. DOI: 10.3390/su13031104
- Wu K., Wang Y., Zhang H., Liu Y., Ye Y. (2021). Impact of the built environment on the spatial heterogeneity of regional innovation productivity: Evidence from the Pearl River Delta, China. *Chin. Geogr. Sci.*, 31, 413–428. DOI: 10.1007/s11769-021-1198-4
- Ye Z., Zou C., Huang Y. (2022). Impact of heterogeneous spatial structure on regional innovation – from the perspectives of efficiency and gap. *Sustainability*, 14, 12095. DOI: 10.3390/su141912095
- Yong Gang X. (2023). Research on spatial heterogeneity of regional innovation convergence. *ECIT 2022*, AHE 11, 419–426. DOI: 10.2991/978-94-6463-005-3_41

Сведения об авторах

Илья Викторович Наумов – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: naumov.iv@uiec.ru)

Наталья Леонидовна Никулина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Naumov I.V., Nikulina N.L.

Scenario Modeling and Forecasting of the Spatial Heterogeneity of Innovation Development in Russia

Abstract. Uneven spatial innovation development of Russia is due to many factors such as GRP volume, fiscal capacity of territories, fixed capital investments attracted by enterprises. However, the key factors determining the concentration of innovation industries in territorial systems of various levels are enterprises' expenditure on innovation activity and the available scientific personnel potential. The increasing spatial heterogeneity of localization and concentration of these resources, according to our research hypothesis, enhances the spatial heterogeneity of innovation development in Russia. To confirm this hypothesis, we aim to assess the spatial heterogeneity of enterprises' innovation development at the national level and carry out scenario modeling and forecasting of the dynamics of this heterogeneity until 2025. The paper presents a methodological approach to scenario forecasting of the spatial heterogeneity of innovation development of Russia. In the framework of the approach, the heterogeneity is assessed using spatial autocorrelation analysis according to P. Moran's method, regression analysis of the dependence of the volume of shipped innovation goods and services performed on the costs of innovation activities carried out by enterprises, and the number of research personnel in the regions, as well as autoregressive analysis of the dynamics of their changes using a moving average (ARIMA modeling) to form the most likely forecast scenarios of innovation development for different groups of regions. The novelty of the approach lies in the system-wide use of spatial autocorrelation analysis methods based on various spatial weight matrices, regression analysis methods based on panel data and ARIMA modeling, which in combination with each other make it possible to determine the degree of influence of the factors on the heterogeneity of innovation development in regions and to form a system of various forecast scenarios. The results of the study will serve as the basis for the formation of Russia's innovation framework. The constructed forecast scenarios will help to form strategies for innovation development in Russian regions, taking into account the identified features of the spatial localization of factors that have a significant impact on innovation development.

Key words: spatial heterogeneity, Russia's regions, innovation development, expenditure on innovation activity, Cobb – Douglas function, regression modeling, spatial autocorrelation, ARIMA modeling.

Information about the Authors

Ilya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: naumov.iv@uiec.ru)

Natalya L. Nikulina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: nikulina.nl@uiec.ru)

Статья поступила 11.04.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.5

УДК 316.77, ББК 65.29

© Дай Ли, Цзян Сяюй, Усков В.С.

Цифровизация и развитие «умного» общества: логика и практика управления

Дай Ли

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: 28363616@qq.com

Цзян Сяюй

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: ndncjx@163.com

**Владимир Сергеевич
УСКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: v-uskov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5158-8551; ResearcherID: T-6713-2017

Для цитирования: Дай Ли, Цзян Сяюй, Усков В.С. (2023). Цифровизация и развитие «умного» общества: логика и практика управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 88–108. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.5

For citation: Dai Li, Jiang Xiaoyu, Uskov V.S. (2023). Digitalization and the development of a “smart” society: The logic and practice of management. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 88–108. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.5

Аннотация. Стремительное распространение новых технологий во всех областях деятельности приводит к быстрым и глубоким изменениям структуры промышленного производства, глобальных рынков, а также экономической и социальной сфер. Накопленный к XXI веку потенциал развития информационно-коммуникационных технологий является причиной существенных перемен в функционировании экономических систем разного уровня – от мировой экономики до отдельных субъектов хозяйствования, а информатизация и цифровизация – важнейшим фактором экономического роста. Под их воздействием осуществляется переход от внедрения отдельных цифровых технологий к комплексному построению цифровой экосистемы. Быстрое развитие цифровых технологий привело к появлению модели общества, в которой взаимодействуют реальный мир и виртуальное пространство, возникает ценностная ориентация, объединяющая алгоритмы больших данных с добычей малых данных, строится сценарий, охватывающий два противоположных режима децентрализации и централизации, и возникают различные логики управления, в которых управление правилами и кодовое регулирование дополняют друг друга. Эта логика управления была реализована на практике в процессе социального строительства, в результате создана открытая и безопасная цифровая экосистема, совместный многоуправленческий круг и инклюзивный круг распределения дивидендов в рамках совместного строительства, совместного управления и совместного использования, тем самым заложена научно-техническая основа для модернизации национальной системы управления и потенциала управления. Цель работы заключается в осмыслении концепта «умное общество» в его взаимосвязи с феноменом цифровизации экономики и в изучении практики управления и развития такого общества. Научная новизна и оригинальность состоит в развитии теоретико-методологических подходов и понятийного аппарата исследования сущности «умного» общества в условиях цифровизации экономики; в разработке научно-методических основ комплексной оценки состояния, тенденций развития «умного» общества в Российской Федерации и Китае; в формировании комплекса практических мероприятий и перечня показателей, характеризующих развитие «умного» общества.

Ключевые слова: цифровизация, «умное» общество, логика и практика управления, совместное использование, Россия, Китай.

Введение

В эпоху экономической глобализации цифровая экономика стала основным двигателем экономического развития, не только способствуя более быстрому росту валового внутреннего продукта (ВВП), но и повышая производительность, содействуя трансформации структуры потребления, оптимизации структуры инвестиций, увеличению масштабов экспорта предприятий, улучшению качества человеческого капитала и развитию новых «умных» городов.

Переход от внедрения цифровых технологий к комплексному построению международной цифровой экосистемы требует новых подходов и изменений. Данная тенденция отражает необходимость эффективного трансграничного взаимодействия всех участников процесса цифровизации: органов государственной власти, бизнеса, образовательных учреждений, промышленных предприятий и финансовых структур.

Индустрия 4.0 – это не просто изменение образа жизни, не просто цифровизация коммуникаций предприятий друг с другом и с органами власти, не просто автоматизация рабочих процессов и замена человеческого ресурса программным обеспечением. Это трансформация принципов государственной деятельности и построения бизнеса, менталитета и сознания.

Углубление процесса информатизации, современные средства массовой информации и среда сделали традиционное общество «интеллектуальным», приведя человечество к «умному» обществу. Информационная революция, вызванная стремительным развитием цифровых технологий, основательно сформировала все аспекты этого общества, преобразуя и изменяя образ жизни, мышления, взаимодействия людей, а также социальный порядок. Популяризация промышленного Интернета и Интернета вещей, а также продвижение интеллекту-

альных проектов, таких как «умный город» и «умный транспорт», со временем продемонстрировали особую цифровую логику социального управления, что разнообразило концепцию совместного строительства, совместного управления и совместного использования. Все более зрелая концепция социального управления создала научно-техническую базу для модернизации национальной системы управления.

Цель работы заключается в осмыслении концепта «умное общество» в его взаимосвязи с феноменом цифровизации экономики и в изучении практики управления и развития такого общества. Ее научная новизна и оригинальность состоит в развитии теоретико-методологических подходов и понятийного аппарата исследования сущности «умного» общества в условиях цифровизации экономики; в разработке научно-методических основ комплексной оценки состояния, тенденций развития «умного» общества в Российской Федерации и Китае; в формировании комплекса практических мероприятий и перечня показателей, характеризующих развитие «умного» общества.

Материалы и методы исследования

Работа основана на применении междисциплинарного подхода, предполагающего использование единой методологической базы с целью обобщения результатов исследований научных, технологических, производственных, социально-экономических, институциональных, управленческих, политических, правовых и других направлений, с помощью которых осуществляется комплексный анализ ключевых факторов цифровой трансформации экономики и развития «умного» общества.

Информационной базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных экономистов в сфере научно-технического и инновационного развития, государственного управления; ученых, занимающихся разработкой цифровизации экономики, проблемами формирования и реализации цифровой трансформации экономики во взаимосвязи с проблемой социально-экономического развития.

В рамках исследования применялись научные методы: аналитический обзор теорети-

ческой информации; анализ и обработка статистической информации; обзор нормативно-правовой базы в сфере регулирования цифровой экономики; обобщение и представление результатов в графическом виде.

Теоретические аспекты исследования

Цифровая экономика и «умное» общество

Термин «цифровая экономика» был впервые введен американским бизнесменом Тапскоттом Доном (1996), который признан «отцом мировой цифровой экономики». Он подробно остановился на влиянии Интернета на экономику и указал, что развитие электронной коммерции будет определять дальнейшую тенденцию развития цифровой экономики, но не проводил глубокие количественные исследования последней. Цифровая экономика является важной движущей силой более справедливой и эффективной цифровой трансформации (Zuo, Chen, 2021).

С.А. Белозеров считает, что распространение и совершенствование цифровых технологий влияют на развитие производственных отношений, экономических структур и образования и определяют новые требования к связи, вычислительной мощности, информационным системам и услугам (Belozyorov et al., 2020). Ю.Н. Гузов в качестве самых значимых инноваций в цифровой экономике называет появление искусственного интеллекта и робототехники, криптовалют, формирование «умных» заводов, «умных» городов, «умных» вещей, технологии блокчейн и т. д. (Гузов, 2021). И.А. Стрелкова утверждает, что в современном деловом мире цифровая экономика понимается как быстрорастущий сектор экономики, который полностью меняет привычные деловые отношения и существующие бизнес-модели (Стрелкова, 2018).

По словам Хуан Цзе, цифровая экономика — это новая экономическая форма, в которой ресурсы данных являются ключевым элементом, современные информационные сети — основным носителем, конвергенция приложений информационных и коммуникационных технологий и цифровая трансформация всех факторов — важной движущей силой, способствующей справедливости и эффективности (Jie, Ying, 2022).

Таким образом, в современных условиях экономика претерпевает существенные качественные изменения, связанные с ее переходом с уровня индустриального развития на новый постиндустриальный уровень, который характеризуется повышением степени интеллектуализации всех видов деятельности и информатизацией всех технологических процессов.

Информатизация и цифровизация экономических процессов становятся всеобъемлющей тенденцией, охватывающей не только непосредственно информационно-коммуникационную отрасль, но и все сферы хозяйственной деятельности. Интернет-торговля, цифровое производство, «умные» электросетевые системы, беспилотный транспорт, персонализированное здравоохранение — в каждом из направлений ощущается влияние набирающей обороты цифровой революции. В итоге это находит отражение в изменении структуры трансграничных потоков ресурсов. С 2005 года ежегодные международные потоки информации возросли почти на 70% (Бублик и др., 2018). При этом потоки миграции увеличились лишь на 20%, а капитала и товаров — около 5–7%.

Технологическая революция конца XX века обусловила переход от «материального» к «информационному» обществу, основанному на превращении информации в приоритетный фактор производства, который выражается в таких социально-экономических преобразованиях, как изменение структуры ВВП, появление новых профессий, развитие инфокоммуникационной инфраструктуры общества, глобализация и цифровизация экономики, конвергенция услуг и технологий, сетей и систем передачи и обработки информации (Кузовкова и др., 2017).

Теоретический базис развития информационных технологий в контексте внедрения их в производство формировался в рамках нескольких теоретических воззрений. Их основу составляют теории информационного общества; постиндустриального общества (Bell, 2001); экономическая теория новой индустриализации; теория нового индустриального общества (Гэлбрейт, 2004) и др.

Информационное общество как концепция начало формироваться в результате развития постиндустриальной доктрины, отводившей

информации и знаниям главную роль в развитии производства и общества. Вместе с тем в научном сообществе до сих пор нет единого мнения относительно методологических подходов к определению экономики постиндустриального общества, отсутствует единый общепринятый термин.

В литературе при определении современных процессов в экономике в русле информационного общества используются термины «экономика знаний», «информационная экономика», «умное» общество.

На наш взгляд, «умное» общество — это общество, в котором эффективность социально-экономического развития зависит от производства, обработки, хранения и передачи информации. Таким образом, под «умным» обществом следует понимать качественное улучшение социально-экономического состояния общества посредством современных информационно-коммуникационных технологий. Его возникновение и развитие было бы неосуществимо без адекватной технологической базы, делающей возможным распространение кодифицированных знаний вне пространственных ограничений при минимальных затратах времени и труда.

Изменения формы «умного» общества

Наряду с ускоренным развитием цифровых технологий агрегация различных данных положила начало революции факторов производства, а инновации различных новых бизнес-моделей стали «двигателем» для восстановления социального порядка. Новая форма общества преодолела осязаемые барьеры реального мира, где люди постепенно выходят за пределы физического структурированного пространства и исследуют неструктурированное пространство цифровой формы. Итерации информационных технологий сблизили пользователей цифровой среды. Даже если люди находятся далеко друг от друга в реальном мире, они могут «встретиться в сети», почувствовать присутствие друг друга и вместе пережить какой-то опыт. Переплетение времени и пространства в конечном счете представляет собой набор путей, по которым можно обмениваться информацией и развивать социальную поддержку, ресурсы и связи (Changshan, 2020).

(1) Цифровое пространство разбавляет реальное пространство.

С одной стороны, цифровое пространство перестраивает модели поведения. В «умном» обществе уплощение или горизонтализация организационной структуры на рабочем месте имеет тенденцию превращать труд в выражение творчества, а механическая модель традиционной фабрики или компании постепенно заменяется устойчивой, интерактивной и открытой моделью (Карур, 2014).

Интерес к цифровому пространству закрепил постоянное внимание в качестве поведенческой нормы. В процессе адаптации к цифровому пространству люди все больше развивают в себе способность свободно переключаться с одного аспекта на другой.

С другой стороны, цифровое пространство меняет социальные отношения. Виртуальная реальность, появившаяся благодаря информационным технологиям, больше не зависит от фактического местоположения. Люди получают возможность пользоваться преимуществами виртуального «третьего пространства» за пределами дома и рабочего места.

В виртуальном мире они могут участвовать в добровольно выбранной, непринудительной форме. Низкий уровень обязательств позволяет им ощущать свое присутствие в масштабных беседах, даже если они принимают в них лишь незначительное участие. Такой способ ощущения межличностных отношений дает индивидам возможность почувствовать интеграцию в общество, где их жизнь важна и ценится (Chaiko, 2019).

Для некоторых чрезмерное пребывание в информационном пространстве может привести к нездоровому бегству от обязанностей вне сети, но существование и расширение «третьего пространства» благоприятно влияет на общество в целом, поскольку продолжает перестраивать социальные отношения.

(2) Потребность в расширении масштабов цифрового пространства порождает более практическое освоение реального мира.

Во-первых, вследствие доступности информации в цифровом пространстве растет число пользователей и усиливается влияние средств коммуникации на них. К декабрю 2022 года число людей, просматривающих онлайн-видео (включая короткие видеоролики) в Китае

достигло 1,031 млрд человек, увеличившись на 55,86 млн по сравнению с декабрем 2021 года, что составляет 96,5% от общего числа интернет-пользователей. Среди них число пользователей коротких видео – 1,012 млрд человек, на 77,7 млн больше, чем в декабре 2021 года, т. е. 94,8% от общего числа интернет-пользователей¹.

Между тем, аудитория погружается в свой собственный информационный кокон и постепенно теряет инициативу выйти из своей зоны комфорта. Несмотря на растущее число медиа-платформ, поиск информации становится все более однородным и ограниченным, за чем следует манипуляция общественным мнением и усиление эффекта эхо-камеры, что постоянно ослабляет суждения аудитории.

Более того, большинство социальных сообществ, которые не следуют модели «победитель получает все», имеют одну общую черту: они часто паразитируют на уже существующих социальных сетях, так что расширение влияния в цифровом пространстве порождает больше практического опыта в реальном мире (Hindmann, 2016).

(3) Реальный мир и цифровое пространство совместно конструируются и взаимно формируются реальностью и вымыслом.

Хотя между цифровым и физическим пространством существуют значительные различия, новые онлайн и офлайн аспекты человеческой жизни, обусловленные информационными технологиями, не могут существовать обособленно друг от друга. Ускоренное обновление информационных технологий, таких как Интернет, большие данные, облачные вычисления и искусственный интеллект, а также быстрое появление новых моделей и бизнес-моделей, таких как промышленный Интернет, экономика платформ и бесконтактная экономика, не только способствовали интеграции физического и цифрового пространства, широкой и глубокой интеграции элементов данных с реальной экономикой, но и разрушили отраслевые барьеры по горизонтали, сделав трансграничную интеграцию нормой и внося большой вклад в развитие «умного» общества. В 2021 году масштабы цифровой экономики Китая достигли 45,5 трлн юаней, в том числе масштаб

¹ CNNIC. The 51st Statistical Report on the Development of China's Internet.

цифровой индустриализации – 8,4 трлн юаней, что составляет 18,3%, а масштаб цифровизации промышленности – 372 000 юаней (81,7%)².

Активное развитие новых моделей и отраслей привело к появлению ряда новых рабочих мест, таких как работники по доставке электронных контрактов, операторы цифрового бизнеса, преподаватели в сфере онлайн-образования, руководители закупок общественных групп, покупатели авторских прав и так далее.

В культурном контексте, уникальном для «умного» общества, допускающем свободное участие и широкую мобильность, также наблюдается рост группы «просьюмеров» («prosumers» – неологизм, образованный от «producer – производитель» и «consumer – потребитель») (Hebblewhite, 2016). В отношении многочисленных материалов, создаваемых, конфигурируемых, потребляемых и распространяемых в Интернете, они являются как пассивными потребителями, так и цифровыми рабочими, которые очень активны и постоянно производят контент для общественного потребления, а свободное совместное использование, обмен и потребление контента стимулируют рост культуры соучастия.

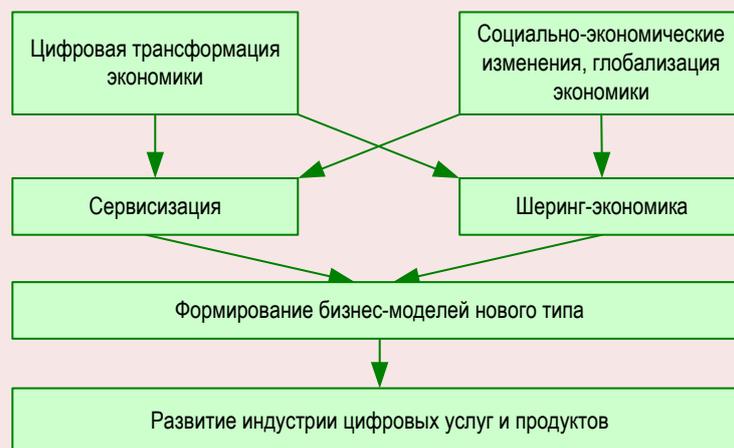
Глубокое пересечение двух слоев пространства позволило современному обществу выйти за рамки простой цифровизации, что считается «началом четвертой промышленной революции», поскольку способствует рождению глобальной платформы, тесно связанной с реальным миром (Schwab, 2016).

Цифровизация и «умное» общество

Таким образом, цифровизация меняет сам характер производства и предоставления услуг за счет внедрения совершенно новых технологий и платформ предоставления услуг, появления цифровых форматов для предоставления услуг, устранения посредников, пересмотра принципов взаимодействия с клиентами, поставщиками и партнерами, возможности создания экосистем и подключения в инфраструктуру партнеров и подрядчиков, возникновения новых схем оплаты.

Развитие цифровизации определяется сочетанием следующих ключевых тенденций (рис. 1): 1) цифровая трансформация экономики и социальной жизни; 2) социально-экономические процессы глобализации и устойчивого развития; 3) тенденции сервисизации и

Рис. 1. Тенденции, определяющие развитие цифровизации в настоящее время

Источник: (Горбашко, Ватолкина, 2019).

² China Academy of Communications. China Digital Economy Development Report (2022). Available at: https://www.toutiao.com/article/7117986854318047759/?app=news_article×tamp=1681638311&use_new_style=1&req_id=202304161745103CCEF8BCC5D549C3596E&group_id=7117986854318047759&wxshare_count=1&tt_from=weixin&utm_source=weixin&utm_medium=toutiao_android&utm_campaign=client_share&share_token=45114752-e56c-4658-9d7f-454778f82456&source=m_redirect&wid=1681638989370.

появление гибридных продуктов; 4) развитие экономики совместного потребления и экономики сотрудничества.

Опыт компаний по внедрению цифровых технологий в производство в США, странах Европейского союза и Китае показывает, что уровень цифровизации в них все еще невысок, в среднем он составляет лишь около 25% от общего потенциала сектора (табл. 1).

Мировой опыт свидетельствует о том, что в наиболее развитых в цифровом отношении секторах экономики работает принцип «победитель получает все». На сегодняшний день на 10% компаний с наибольшим доходом от цифровизации приходится до 80% дохода, полу-

чаемого в их секторе: от 60% в сфере профессиональных услуг до более 90% в средствах массовой информации и телекоммуникациях (рис. 2).

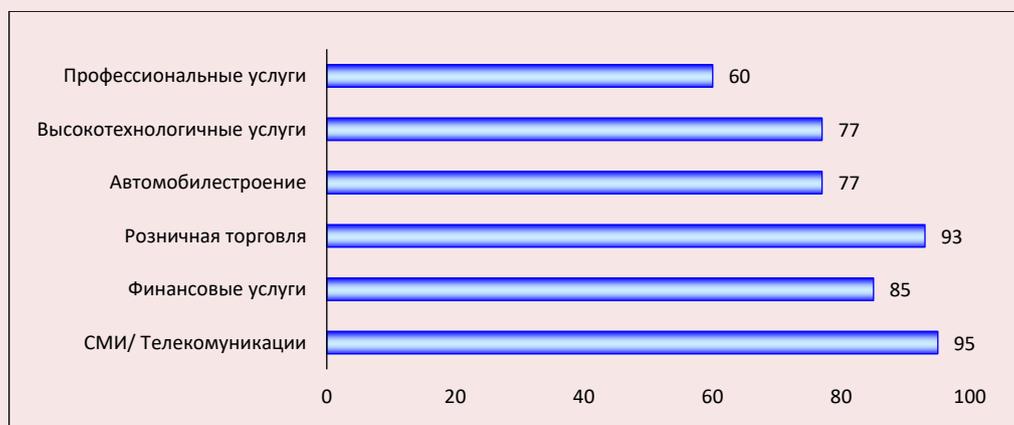
Процессы цифровизации в России получили импульс развития в последние годы. Существенных успехов в этой сфере достигли частные компании, постепенно меняется рынок труда, государство реализует крупные инфраструктурные проекты, широко внедряются Интернет, мобильная и широкополосная связь. Несмотря на предпринимаемые усилия, Россия и Китай пока отстают от стран – цифровых лидеров по ключевым показателям развития цифровизации экономики, в частности от стран

Таблица 1. Уровень использования цифровых технологий по отраслям в США, странах ЕС и Китае

Отрасль	Организации, использующие цифровые технологии, %	Факторы, сдерживающие развитие отрасли в условиях цифровизации		
		Денежные поступления	Автоматизация и цепочка поставок	Цифровая рабочая сила
Фармацевтика	13,4	+	+	+
Деловые и профессиональные услуги	17,0		+	+
Здравоохранение	24,3	+		
СМИ	25,0			+
Потребительские товары	28,5	+		
Финансовые услуги	29,7	+	+	
Телекоммуникационные услуги	31,0		+	+
Розничная торговля	46,0	+		
Туристические услуги	51,0		+	
Средний уровень по отраслям	25,0			

Источник: mckinsey.com

Рис. 2. Доля дохода 10% крупнейших компаний, использующих цифровые технологии, в секторе, %

Источник: mckinsey.com

Таблица 2. Сравнительная характеристика уровня развития цифровых услуг в России, Китае и странах ЕС в 2021 году, %

Показатель	Россия	Китай	Страны ЕС
Доля населения, совершающего покупки онлайн	42	48	75
Доля организаций, использующих CRM-системы	17	14	38
Доля электронной торговли в общем объеме розничной торговли	3,9	15,9	14,8
Доля населения, получающего госуслуги онлайн	40	23	56
Доля организаций, имеющих интернет-сайт	51	43	75
Уровень проникновения мобильного Интернета	77	98	68
Уровень проникновения Интернета	76	82	88

Составлено по: Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, О.Е. Баскакова, К.О. Вишневецкий [и др.]; Координационный центр национального домена сети Интернет, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 144 с.; Tadviser; Росстат; Комерсант; Тинькофф; Eurostat, Profit.

Европейского союза (табл. 2). Так, в России и Китае почти в два раза ниже доля организаций, имеющих интернет-сайты, наблюдается низкая активность граждан, получающих госуслуги через Интернет и совершающих покупки онлайн, а также меньшее число организаций, имеющих CRM-системы.

Уровень развития цифровых технологий оказал наиболее значительное влияние на трансформацию сектора услуг, позволив неограниченное масштабирование бизнеса. По итогам 2019 года вклад интернет-экономики в экономику России составил почти 4 трлн руб. Основную долю занимает сектор электронной коммерции (финансов и торговли) и электронных платежных услуг, который является наиболее быстрорастущим сектором цифровой экономики³.

Основным фактором развития цифровой экономики и «умного» общества принято считать уровень проникновения Интернета. В последние годы его аудитория растет медленно, в основном за счет подключения пользователей старшего поколения. Показатели, характеризующие динамику использования электронных услуг в Российской Федерации в период 2013–2020 гг. (табл. 3), позволяют сделать вывод о том, что наиболее быстрыми темпами возрастает использование сети Интернет для заказа товаров, услуг (226%), получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме (242,9%). За исследуемый период

с 12 до 59% вырос удельный вес населения, использующего мобильный Интернет с помощью смартфонов.

Показатель проникновения Интернета в предпринимательский сектор и социальную сферу также является высоким, он практически не изменился с 2013 года.

Для повышения уровня цифровизации сферы услуг в целях развития «умного» общества необходим комплекс мер по снижению их стоимости, а также повышению качества, в первую очередь простоты, полезности и безопасности. Восприятие качества электронных услуг и намерение их использования зависят от личностных, социальных и маркетинговых факторов, поэтому в настоящее время в первую очередь на увеличение аудитории пользователей и развитие «умного» общества влияют формирование положительного имиджа электронных услуг, повышение уровня информационной грамотности населения и накопление положительного опыта использования услуг.

Термин «умное» общество широко используется как девиз, который указывает на видение нации или будущий план региона по достижению высокоразвитого информационного общества.

В большинстве исследований «умное» общество описывается как состояние, при котором качество жизни граждан, а также эффективность, производительность и конкурентоспособность общества значительно улучшаются благодаря широкому применению таких передовых информационно-коммуникационных технологий, а также технологии искусственного интеллекта.

³ Казарян К., Сайкина М. Экономика рунета 2018 // Цифровая экономика России 2018. Ассоциация электронных коммуникаций. Режим доступа: https://raec.ru/upload/files/ru-ec_booklet.pdf.

Таблица 3. Выборочные показатели, характеризующие динамику использования электронных услуг в Российской Федерации в период 2013–2020 гг., %

Показатель использования электронных услуг	2013	2014	2015	2016	2018	2020	2020 к 2013, %
Удельный вес населения, когда-либо использовавшего Интернет, в общей численности населения в возрасте 15–74 лет	71,0	74,1	77,7	80,8	83,7	87,3	122,9
Удельный вес населения, использующего Интернет практически каждый день, в общей численности населения в возрасте 15–74 лет	48,0	51,6	55,1	57,7	60,6	68,8	143,3
Удельный вес населения, использующего Интернет для заказа товаров, услуг, в общей численности населения в возрасте 15–74 лет	15,3	17,8	19,6	23,1	29,1	34,7	226,8
Удельный вес населения, использующего Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в общей численности населения в возрасте 15–72 лет, получавшего за последние 12 месяцев государственные и муниципальные услуги	30,8	35,2	39,6	51,3	64,3	74,8	242,9
Удельный вес организаций предпринимательского сектора (в их общем числе), использующих:							
Широкополосный интернет	80,8	81,4	78,9	80,5	81,6	–	101,0
Облачные сервисы	11,0	13,8	18,4	20,5	22,6	–	205,5
Электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами	24,1	53,1	59,2	61,6	62,2	–	258,1
Удельный вес организаций социальной сферы (в их общем числе), использующих:							
Широкополосный интернет	75,8	79,2	79,3	81,5	83,5	–	110,2
Облачные сервисы	12,0	14,1	20,0	21,8	24,4	–	203,3
Электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами		49,8	57,6	61,0	62,6	–	125,7
Удельный вес населения, использующего мобильный Интернет с помощью смартфонов	12,0	18,0	37,0	42,0	52,0	59,0	491,7
Источники: Индикаторы цифровой экономики 2017: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.; Индикаторы цифровой экономики 2019: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, М.А. Кевеш [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 248 с.; Проникновение Интернета в России. Москва. Исследование GfK. URL: https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta- v-rossii/							

Слово «умный» часто используется в составе понятий, например «умный» телефон, «умный» автомобиль, «умный» дом и др. Слово «умный» в этих случаях означает, что автомобиль, дом, здание или сельскохозяйственный объект выполняют свои функции автономно с помощью технологий программирования или искусственного интеллекта без применения ручных манипуляций владельца. Вместе с тем понятие «общество» включает своего рода субэлементы: управление, граждане, образ жизни и т. д., поэтому для того, чтобы общество называлось «умным», разумными должны быть управление им, его граждане и их образ жизни (Нетесова, 2020).

«Умное» общество использует потенциал технологий для повышения производительности

труда людей, чтобы дать возможность использовать свои ресурсы для действительно значимых действий и взаимоотношений, в конечном счете – для улучшения состояния здоровья, благополучия и качества жизни населения.

Центр больших инноваций определил пять факторов, которые будут способствовать развитию «умного» общества, охватывая то, что для этого необходимо: использующую данные культуру; обладающих правами и возможностями и цифровой грамотностью граждан; наделяющие правами и возможностями государственные учреждения, обеспечивающие «умное» руководство; наделяющие правами и возможностями инфраструктуры; а также открытые платфор-

мы и рынки. Именно этим аспектам следует уделять основное внимание, чтобы в максимальной степени использовать перспективы, открываемые следующей волной развития «умного» общества⁴.

Формирование «умного» общества зависит от степени развития цифровых технологий. «Умные» технологии делают нашу жизнь лучше по трем основным направлениям:

- в настоящее время практически все виды деятельности осуществляются более эффективно и действенно;

- цифровые технологии изменяют нормы взаимоотношений, делая возможными новые виды взаимоотношений, расширяя и укрепляя связи людей;

- создаются новые виды бизнес-моделей, которые формируют новые ценности и способствуют их приращению путем повышения эффективности и действенности, благодаря новым формам и нормам взаимоотношений, а также новаторским и дополняющим продуктам и услугам.

Интернет также оказывает значительное влияние на хозяйственную деятельность и взаимодействие предприятий. Облачные хранилища данных, интегрированные системы заку-

пок и «социальные сети предприятий», которые улучшают связь в режиме реального времени внутри организаций и между организациями, помогают государствам повышать качество жизни своих граждан. Таким образом, «умные» цифровые технологии помогают создавать «умное» общество.

Общество включает такие составляющие, как политика, государственное управление / государственная служба, производственная/экономическая деятельность, формирование знаний (образование), культура (отношения и образ жизни) и граждане. Ввиду этого характеристики «интеллектуальных возможностей» можно описать в отношении каждого компонента общества (табл. 4).

Таким образом, «умное» общество можно описать следующим образом: это общество, в котором сферы политики, государственного управления / государственной службы, производственной и экономической деятельности, формирования знаний, культуры, а также гражданская сфера существуют и функционируют при активном участии граждан не только за счет использования перспективных ИКТ, но и благодаря изменениям в законодательной сфере и системах общества.

Таблица 4. Основные черты «умного» общества

Категория	Характеристики или черты, необходимые для того, чтобы общество могло называться «умным»
Политика	Активное участие граждан в политике (разработка законодательной базы и политики); открытость процессов разработки законодательной базы/политики
Государственное управление / государственная служба	Активное участие граждан в процессе государственного управления и предоставления услуг; открытость процесса государственного управления и предоставления государственных услуг; переход от ориентированного на государственных служащих к ориентированному на граждан государственному управлению и предоставлению государственных услуг
Производственная и экономическая деятельность	Разработка продуктов и услуг, обеспечивающих автономность работы или функционирования на основе технологий зондирования и искусственного интеллекта; реализация спроса и интереса граждан в сфере производственной и экономической деятельности
Формирование знаний (образование)	Активное участие рядовых граждан в процессе формирования знаний, например коллективный интеллект; реализация в учебных заведениях принципа, согласно которому ученик является главным участником учебного процесса
Культура (отношение и образ жизни)	Формирование культуры, направленной на содействие инновационному образу жизни, ориентированному на потребности гражданина; гармонизация разнообразных образов жизни и ценностей/взглядов путем недискриминационного отношения ко всем гражданам независимо от их статуса, в том числе расовой и гендерной принадлежности, возраста, уровня дохода, региона проживания и т. д.
Граждане	Развитие потенциала каждого гражданина для участия в создании информации и общественной деятельности

⁴ Question 1/2: Creating the smart society: Social and economic development through ICT applications. Final Report. ITU, 2017. URL: <https://www.itu.int/pub/D-STG-SG02.01.1-2017>

Логика управления «умным» обществом

Развитие Интернета вещей и зависимость людей от «умных» устройств вывели объем и тип собираемых данных на новый уровень, ускорив положительную обратную связь между большими данными и алгоритмическим анализом. Функция алгоритмов больше не ограничивается прогнозированием и обслуживанием, поскольку правительства и платформы все чаще используют их для содействия развитию цифровой экономики и построения социального порядка. Однако вместе с расширением сферы применения алгоритмического анализа возникают вопросы, которые уже не всегда связаны с простым построением и расчетом моделей. Стоит отметить, что в процессе сближения алгоритмического анализа с повседневной жизнью появились некоторые тревожные тенденции, заслуживающие нашего внимания.

(1) Ценностная ориентация сочетания алгоритмов больших данных с малыми данными

В первую очередь отметим алгоритмический сговор. В целом подробный анализ индивидов в цифровом обществе можно рассматривать как нейтральную интерпретацию объективного мира, а прозрачность рыночной среды положительно коррелирует с полезностью механизмов конкуренции. Однако вместе с углублением социальной прозрачности обычные различия между индивидами могут расширяться из-за резкого увеличения объема доступной информации, что приводит к иллюзии полностью конкурентного и равновесного рынка, но на самом деле это неявное распределение ресурсов клиентов с помощью тонких алгоритмов для принятия сознательного параллельного поведения, направленного на определенные группы (Ezrahi, Stucke, 2018). Под совместным влиянием атрибутов онлайн-рынка, легкости доступа к данным, постоянного совершенствования алгоритмов и повышения прозрачности рынка в сочетании с продвижением аналогичных алгоритмов создается платформа для алгоритмического сговора, результаты прочного сговора поддерживаются, а негативное воздействие на отдельных лиц постоянно расширяется.

Вторая тенденция касается алгоритмической дискриминации. Использование алгоритмов может в определенной степени устранить структурные двусмысленности в социальных отношениях. Например, такие платформы, как

Alipay и WeChat, могут отбирать потребителей на основе показателей среднего объема потребления, частоты ежедневного потребления и статуса заемщика, эффективно выявлять людей с низким и средним уровнем дохода или с высокой покупательной способностью, чтобы собирать данные для потенциального предложения финансовой помощи и содействия этим целевым демографическим группам. Однако результаты алгоритмического сговора могут таить в себе неявные и глубокие уровни угнетения и дискриминации. Когда высокоавтоматизированные программы проводят дифференциацию между группами населения на основе собранных идентификационных данных, их склонность к предвзятому измерению и отбору данных позволяет внедрять несправедливые предположения и ценности на каждом этапе создания алгоритма, что негативно сказывается на неблагополучных группах населения. Кроме того, чрезмерная зависимость от корреляции данных может привести к пренебрежению точностью данных при работе алгоритма. Когда ошибки систематизируются, алгоритмический контроль не работает. В случае коллективной дискриминации группы могут организовать протест, но в случае алгоритмической несправедливости и дискриминации отдельных людей они могут быть совершенно не осведомлены о причинах или испытывать трудности с эффективным протестом.

На самом деле индивидуальные потребности и ценностные предпочтения в основном вытекают из оценки ценности вещей, а «расчеты», скрывающиеся в алгоритме, делают рациональное мышление, основанное непосредственно на индивидуальных биологических инстинктах или врожденных моральных ценностях, менее устойчивым (Pentland, 2015). Далее, компьютерные системы могут эволюционировать в более сложные архитектуры и состояния связи, но это не означает, что алгоритмы в будущем целенаправленно обретут самосознание (Zarkadakis, 2017); зависимость человека от алгоритмов не равнозначна обретению компьютерами человеческого сознания. Соответственно, в новой социальной форме, созданной людьми и машинами, хотя вопросы могут становиться все более разнообразными и сложными, а спектр профессиональных навыков людей будет продолжать развиваться, направление

реагирования на призывы людей и создание более справедливого социального контракта для удовлетворения их ожиданий остается неизменным. Людям по-прежнему необходимо «быть скромными и помнить о сути человеческой природы» (Mayer-Schönberger, 2013), не впадать в «высокомерие знания», вызванное чрезмерной зависимостью от алгоритмов данных, и начать исследовать малые данные с точки зрения проявления более глубокого чувства человечности.

Если большие данные — это совокупность индивидуальных или локальных данных, протекающих в общие или целостные данные, то малые данные — это персонализированный и целевой «обратный поток» после формирования пула данных, через погружение в восприятие индивидуальных черт, наблюдение за незначительным поведением и персонализированное маркирование данных для изучения неудовлетворенных и даже неизвестных потребностей.

Взаимосвязь между алгоритмическим анализом, построенным на данных и структурированной информации, и иммерсивной добычей малых данных не является противоречивой. Во-первых, алгоритмы больших данных и добыча малых данных образуют симбиоз в принятии научных решений. Алгоритмический анализ моделей распознавания предсказывает будущее поведение на основе агрегирования данных об отдельных людях и воспринимаемых похожих сущностях, а алгоритмы, построенные на внутренних вычислениях и встроенных предпочтениях, влияют на результат поиска человека в Интернете. Ослабление привычного человеческого мышления таково, что в ближайшем будущем мы, возможно, больше не сможем наблюдать за своим истинным «я», поскольку алгоритмы будут решать за нас, «кто мы и что мы должны знать о себе» (Nagari, 2018). А добыча малых данных — это создание оплота равновесия на «полюсах», недоступных алгоритмам больших данных, и дополнение «холодных» алгоритмов ощущением «человеческого» тепла. Во-вторых, эти два понятия находятся в прогрессивных отношениях. Алгоритмы больших данных выстраивают канал связи между количеством информации и неопределенностью мира через исчерпывающее перечисление, чтобы представить значимые корреляции меж-

ду вещами в количественном анализе. Вероятность кодирует убеждения о статичном мире, в то время как причинность говорит о том, меняются ли вероятности при изменении мира и как они меняются, независимо от формы, через которую они реализуются (Pearl, Mackenzie, 2019). Малый анализ данных в пределах диапазона, определенного количественным анализом, который уже устранил неопределенность, — это способ использования качественного анализа для дальнейшего понимания закономерностей и раскрытия ценности данных с целью формирования курса действий, способствующих достижению желаемых результатов.

(2) Сценарии порядка, в которых сопоставляются децентрализация и централизация

Революция информационных технологий перестроила основу порядка и когнитивную архитектуру человеческого общества.

С одной стороны, существует логическая революция децентрализации. Интернет открыл новую эру связанных сетей и децентрализованной коммуникации, производство и распространение информации перешло от централизованного к децентрализованному, как и власть управления (Xuefeng, Ping, 2018), в результате чего традиционная структура социального управления столкнулась с серьезными проблемами. Например, в работе платформы под воздействием многочисленных влияний, вызванных растущей персонализацией потребностей клиентов, диверсификацией источников информации, каналов передачи и обработки, маркетингом внутриорганизационных отношений, а также увеличением плотности и частоты социальных связей, пирамидальная организационная структура, характерная для крупномасштабного производства, постоянно подвергается воздействию и оспаривается, границы предприятий все больше размываются, а границы различных платформ постоянно расширяются, различные участники сделок интегрируются и конвертируются, формируя тем самым многосторонний рынок с веб-подобной структурой. Распределенная сеть значительно расширила доступ людей к информации, коренным образом изменив традиционную централизованную, иерархическую и нисходящую информационную парадигму, обеспечила возможность более ценного взаимодействия между

людьми посредством детального обмена виртуальными, но универсальными и стандартизированными цифровыми идентификаторами.

Другой пример: по мере созревания и вывода на рынок 5G, искусственного интеллекта и других технологий приложения на основе сценариев искусственного интеллекта для персональных помощников, самостоятельного вождения, образования и других отраслей будут генерировать огромный спрос на ресурсы граничных вычислений⁵. Ускоренное расширение масштабов данных привело к экспоненциальному росту числа устройств, к которым необходимо получить доступ, и данных, которые необходимо обрабатывать в облачном пространстве. Краевые вычисления возникли для того, чтобы снять проблему чрезмерной централизации, появившуюся в модели централизованной обработки данных на центральных серверах, поскольку краевые вычисления развертывают узлы с возможностями кэширования и вычислительной обработки на границе сети для непосредственного удовлетворения конкретных потребностей бизнеса на местном уровне (Ligang, 2019). Обработка частных и избыточных данных на границе сети в непосредственной близости от источника данных означает развертывание новой платформы обработки данных между конечными устройствами и опорной сетью, что значительно снижает задержку отклика данных и затраты на широкополосную связь и эффективно снимает нагрузку с центрального сервера. Поэтому она подходит для различных промышленных приложений в условиях распределенной архитектуры и в большей степени соответствует реалистичным потребностям эпохи Интернета вещей.

Аналогичным образом все правила в децентрализованной сети представлены в виде смарт-контрактов, а безусловное доверие между узлами, не зависящее от третьих лиц, разрушает барьер жесткого кредитного неравенства в централизованном мире. Механизм консенсуса, представленный в виде кода или полукода, также гарантирует свободную волю двух сторон при заключении контракта.

⁵ Big Data Industry Ecological Alliance, CCID Consulting Co., Ltd. 2020 China Big Data Industry Development White Paper.

Как видим, децентрализованная сеть точно определяет полномочия доступа и участие узлов, а такие ее качества, как неизменяемость, безусловное доверие, автоматическое исполнение, связанное соединение и т. д., создают децентрализованный автономный экологический ландшафт. Важная технология, открывающая новую эру Интернета, распределенное хранилище данных, построенное на основе блокчейна, использует голографическую последовательную структуру с несколькими резервными копиями и алгоритм асимметричного шифрования в качестве предпосылки, открывая новую распределенную и общую парадигму, которая ослабляет и разделяет центральный контроль, чья архитектура с открытым исходным кодом позволяет итеративно обновлять алгоритм консенсуса и быть более совместимым, что означает конец социальной экономической и расовой гегемонии. Кроме того, это также положит конец дискриминации по состоянию здоровья и полу.

С другой стороны, существует тенденция рецентрализации. Во-первых, индивидуальные информационные данные попадают в пул данных. Чем больше объем данных, тем лучше они подходят для повышения точности предсказания алгоритма, образуя промежуточный узел, который имеет тенденцию к стабильности. В радиусе этого промежуточного узла платформы стремятся повысить скорость подключения к сети и эффективность алгоритмов больших данных в погоне за цифровой конкурентоспособностью. Они продолжают использовать алгоритмы для получения доминирующей власти на рынке и применяют инструменты данных для выяснения рыночных клиринговых цен, подавляя аналогичных конкурентов и сужая выбор пользователей. Сразу после этого ускоряется процесс разделения социальных клеток, что приводит к цифровому разрыву между группами населения из-за различий в доступе к цифровым технологиям и их использованию, а затем к постепенному формированию монопольных преимуществ некоторыми предприятиями в процессе захвата цифровой конкурентоспособности, что, в свою очередь, еще больше углубляет цифровой разрыв. Следовательно, безудержный рост алгоритмов больших данных приводит к чрезмерной концентрации

богатства и власти, что ведет к еще более трудноразрешимым проблемам цифрового неравенства.

Во-вторых, облачное пространство, в котором хранятся большие данные, стало командной позицией для компаний, за которую необходимо бороться. Очень немногие компании контролируют процесс глобального расширения сетевых центров обработки данных, и их монополия на большие данные и информационные технологии позволяет организациям и отдельным данным перемещаться в общий пул ресурсов в больших масштабах. Облачное пространство с его превосходными возможностями хранения данных и вычислительной мощностью изменило индустрию информационных технологий благодаря более эффективному объединению каналов и устройств. Именно потому что облачные вычисления предоставляют широкую, удобную формулировку сети по требованию, они позволили совершить качественный скачок в области данных, приложений, хранения, обработки и распространения информации. Облачное пространство «вовлечено в глобальную олигополию и находится на пути к глобальному «кружку избранных», все больше превращаясь в новое гравитационное поле для централизации (Mosco, 2017).

Опять же, технология блокчейн не является полностью децентрализованной или защищенной от централизации. В сети Bitcoin сначала узлы разделены таким образом, что майнеры могут получить признание ценности, превышающее ценность не-майнеров, добывая ресурсы за бухгалтерские вознаграждения, а затем конкуренция между майнерами за права на бухгалтерские вознаграждения усиливается, что приводит к разрыву в богатстве между узлами. В отсутствие внешнего регулирования вся сеть неизбежно приведет к монополизации ресурсов и отходу от первоначального замысла децентрализации. Согласно статистике по пулам для майнинга биткоина, ранжированным по принадлежащей им вычислительной мощности, в 2017 году на 10 крупнейших пулов приходилось около 85% вычислительной мощности всех пулов, а 40 крупнейших пулов собрали весь объем добычи биткоина (Rap, 2019). В биткоине в качестве механизма консенсуса используется доказательство нарузки, а в качестве ядра —

хешрейт, что обеспечивает низкий порог входа в сеть, а также справедливость и прозрачность процесса соревнования и тестирования майнеров, которые отражают процессуальную справедливость. Последующее быстрое развитие индустрии майнинга также привело к расширению арифметической власти и концентрации транзакций, что спровоцировало возникновение рецентрализованной олигополии.

В целом знамя децентрализации, поднятое в эпоху Интернета, поможет индивидам постепенно покинуть застывшее центральное поле, дав им больше власти, но в конкурентной борьбе рынка индивидам не избежать того, чтобы стать «жертвами» рецентрализации. От централизации, децентрализации к рецентрализации — это не повторение или регресс одного и того же процесса, а продвижение социальной эволюции на более высокий уровень в процессе миграции от социальных сетей к виртуальным сетям, носителем которых являются достижения интернет-технологий. В этом процессе законы децентрализации соединения и централизации узлов, децентрализации содержания и централизации способов, децентрализации коммуникации и централизации создания сопоставляются друг с другом, позволяя децентрализации и рецентрализации процветать в различных сценариях. Поэтому конституция «умного» общества — это не централизация эффективности и крайний коллективизм, не децентрализация справедливости и полный анархизм, а полицентричность, которая ищет баланс между ними на основе стабильности, то есть в общей структуре государственной организации принцип полицентричности используется для установления соответствующих весов справедливости и эффективности на разных уровнях всей системы социального взаимодействия (Sanderson, 2015).

(3) Принцип, согласно которому правила управления и регулирования кода дополняют друг друга

Интернет помог человечеству построить «умное» общество, в котором развитие информационных технологий создало новые возможности для человеческого общения и мобильности, а гетерогенная сеть приходит на смену однородной функциональной системе (Kucklick, 2018). В этой сложной сетевой системе,

где все взаимосвязано, двухуровневое пространство продолжает прорываться через уставленный шаблон времени и пространства, чтобы ускорить интеграцию, а уникальность и различия, сохраняемые членами общества, становятся связующим звеном для построения сбалансированного общества. В результате социальное доверие претерпело глубокие изменения, поскольку механизм доверия, построенный на основе информационных технологий, полностью перевернул традиционное доверие в обществе знакомых, которое опирается на географические и родственные связи, и способствовал дальнейшему скачку вперед институционального доверия в обществе незнакомцев. Оцифровка и количественная оценка доверительных отношений обеспечивают свободное волеизъявление, свободное заключение договора, прослеживаемость всего жизненного цикла и сохранность трудовой стоимости с использованием Интернета в качестве границы, кода — в качестве носителя, данных и алгоритма — в качестве основы, что постоянно растворяет ограничения географии, происхождения и социальной системы и повышает толерантность к неопределенности и ошибкам. В цифровом пространстве, возникающем на основе специфической технической архитектуры, единственное, что могут распознать компьютеры, — это правовые нормы, преобразованные в коды. Поэтому необходимо ценить важную роль технического регулирования в управлении цифровым пространством, а в определенных рамках код можно даже рассматривать как юридические правила киберпространства (Xuefeng, Ping, 2018).

На начальном этапе работы платформы количество участников продолжает увеличиваться и каждая сторона может получить определенную ценность под действием эффекта позитивной сети. Когда набирается максимально количество пользователей, отношения между платформой и ее клиентами превращаются из беспроигрышного сотрудничества «взаимной выгоды» в игру с нулевой суммой «твоя потеря — моя выгода», в которой потребительские данные образуют замкнутый цикл в экосистеме платформы, а потребители кажутся вечными «мишенями», независимо от того, в чью сторону склоняется чаша весов. Быстрое увеличение

объема и качества данных способствовало тому, что компании-платформы все больше и больше завладевают правом управления. В результате операционные платформы, занимающие доминирующее положение, начали игру в «ценовую дискриминацию существующих клиентов». Приложения и веб-сайты, предоставляющие онлайн-продукты или услуги, такие как покупки, бронирование поездок и вызов такси, стали секторами, на которые пришелся основной удар (Shouhu, 2020).

Очевидно, что конкурентное преимущество, полученное операционными платформами, полагающимися на регулирование кода, проявляется за счет благосостояния пользователей, что сопровождается ослаблением пользовательского опыта, снижением приверженности и «недовольством» пользователей при соответствующих условиях. Возникает постоянно растущее чувство социального недоверия, которое положительно связано с ненужной растущей потерей социального благосостояния. Таким образом, хотя в некоторых случаях кодовое регулирование является более простым и эффективным, чем исключительно правовое, полное приравнивание кодов к закону было бы не иначе как реализацией утопического идеала абсолютной автономии сетей. Более того, требует внимания вопрос, могут ли коды, распознаваемые компьютерами, быть самосогласованными в физическом пространстве и соответствовать требованиям правовых норм.

По мере того как человечество вступает в постпандемическую эпоху, технологическая революция будет наращивать темпы инноваций, «умная трансформация» откроет историческую веху развития, а цифровой мир достигнет решающего или даже постоянного расширения и развития (Schwab, Malleret, 2020). Однако цифровое пространство — это не беззаконное место для произвольного роста, и идея замены регулирования автоматизированным управлением так же нереальна, как летающие автомобили или колонизация космоса (Pasquale, 2015). Поэтому для достижения эффективности управления «умным» обществом необходимо усилить институциональные ограничения и государственное регулирование с помощью законов и норм, чтобы предотвратить «вакуум регулирования», а также разработать варианты дизай-

на основе Интернета и программный код, определяющий поведение пользователя, в качестве поддержки для предотвращения разрыва в управлении. Реальность развития Интернета показывает, что существующие правовые нормы, поведение операторов сетевых платформ и пользователей не полностью отделены друг от друга. И в физическом, и в цифровом пространстве никто не может быть свободен от контроля законов суверенного государства, поэтому нет необходимости создавать отдельный правовой кодекс, полностью оторванный от фактических законов в реальном мире.

Безусловно, следование принципу верховенства права заключается не в прямом копировании правил, действующих в реальном мире, и переносе их в цифровое пространство, а в формировании нормативного комплекса, сочетающего различные законы и постановления, сформулированные правительством, с нормами саморегулирования, установленными сетевыми платформами и отраслевыми ассоциациями, при этом соотношение этих двух факторов будет напрямую влиять на эффективность верховенства права. Чрезмерное вмешательство может привести к таким проблемам, как неэффективность и отсутствие стимулов к инновациям, в то время как отсутствие регулирования может вызвать такие проблемы, как недобросовестная конкуренция и олигополия, которые, в свою очередь, влекут за собой высокие социально-экономические издержки. Поэтому, придерживаясь позиции, ориентированной на спрос пользователей, следует взвешивать выгоды и издержки регулирования, добиваться положительных результатов вместо игры с нулевой суммой, а также принять принципы ограничения, согласно которым управление на основе правил и регулирование кодов дополняют друг друга, чтобы в конечном счете способствовать устойчивым социальным инновациям и управлению.

Путь практического управления «умным» обществом

Стремительное развитие информационных технологий привело к тщательному анализу «умного» общества, в котором люди формируют распределенное участие и взаимодействие, полагаясь на социальные сети, такие как Weibo, WeChat, и прямые трансляции. В

обществе такого типа односторонняя и иерархическая линейная модель больше не может отвечать практическим требованиям социального управления, а различные субъекты сталкиваются с общей целью взаимозависимости и совместного развития. Переплетение многоуровневых субъектов информационных прав и объектов данных, таких как общество, правительство, отрасли промышленности, предприятия и отдельные лица, постепенно создает модель плюралистического управления, типичной особенностью которого является вовлечение без ограничения участия множества субъектов⁶. Синергия открытого, совместного и всеохватывающего управления диверсифицированных и многоуровневых структур делает концепцию социального управления все более умеренной и зрелой, а коннотация понятия социального управления как совместного строительства, совместного управления и совместного использования становится более обширной и всеобъемлющей.

(1) Формирование открытой и безопасной цифровой экосистемы

Текущий спрос на открытый обмен данными отражает общие проблемы индустрии больших данных, которая срочно требует создания «цифровой экосистемы», в высшей степени открытой для различных технологий и устройств и имеющей хорошо организованное участвующее сообщество (Kouloroulos, 2019). Эта экосистема собирает и интегрирует фрагментированные данные с ряда устройств, которые организованы и находятся в постоянном взаимодействии, создавая пул данных, который обеспечивает актуальность данных и охватывает картину в режиме реального времени.

Прозрачность сети передачи данных, требуемая цифровой экосистемой, — это не только процесс открытия и передачи отдельных или локальных данных в совокупность или наличие общих данных, это также открытие и обмен между различными пулами данных. Только преодолев информационные барьеры и способствуя бесперебойному обмену данными, можно максимально повысить эффективность цифровой экосистемы в целом. Таким образом,

⁶ China Academy of Information and Communications Technology. White Paper on China's Digital Economy Development. 2020.

открытость данных помогает избежать чрезмерной концентрации ценности и власти, которая приводит к дисбалансу выгод и рисков, а также облегчает замену аномалий или несовместимых структур между разными городами или секторами для совместного использования ресурсов данных.

Наряду с открытостью данных возникает проблема их безопасности. С быстрым развитием Интернета вещей и других технологий объем и размерность данных, собираемых отдельными лицами в режиме реального времени, расширились как никогда прежде. В то время как технология обработки данных совершенствуется анализ данных отдельных лиц, она также усиливает риск раскрытия личной информации, и способность отдельных лиц контролировать свои собственные данные и управлять ими постепенно ослабевает. Чтобы регулировать владение данными в рамках правового управления и учитывать интересы всех заинтересованных сторон, включая субъектов данных, владение данными может рассматриваться как результат переговоров, и организациям, которые собирают данные, и частным лицам, которые являются образцами данных, рекомендуется использовать контракты как средство разделения рисков и обязанностей (Millard, 2019). С одной стороны, физическим лицам предоставляется больше прав на управление своей личной информацией, чтобы гарантировать, что они осведомлены о последствиях подписания соглашения и о том, как будут использоваться данные; с другой стороны, предусмотрена опция общей конфиденциальности, позволяющая повысить стоимость использования данных как для сборщиков, так и для пользователей за счет применения технологий, так что пользователи и владельцы данных могут быть проинформированы и взаимно контролироваться в обоих направлениях на всех этапах от сбора данных до их использования.

(2) Создание синергетического и совместного круга многостороннего управления

Вступая в «умное» общество, государство и общественные силы могут взаимодействовать, расширять возможности и трансформировать друг друга (Yongnian, 2014), используя онлайн-платформы для содействия эффективному

распределению ресурсов и персонала в рамках совместного и взаимосвязанного круга многостороннего управления.

На национальном уровне следует содействовать созданию «умного» правительства. В «умном» обществе происходят ускоренный распад и реконструкция законов и систем, сформированных в «крупномасштабном обществе» во многих областях. Усовершенствование «умного» общества делает жизнь человека больше не ограниченной простым подчинением кодексу, а подверженной всестороннему влиянию, оказываемому многогранным комплексом, состоящим из наблюдения, руководства, супервизии, прогнозирования, оценки, корректировки и других элементов. «Мобильные ожидания», возникающие в результате распространения потребительского опыта людей из одной отрасли в другую, представляют собой новое измерение, которое правительствам следует учитывать при понимании и определении стратегий создания ценности.

В отличие от обычного правительства, которое следует набору стандартов и правил, преимущество правительства «умного» общества заключается в том, что, подобно розничному торговцу, оно использует более гибкий и персонализированный подход к решению вопросов (Goldsmith, 2019), действительно ставя опыт удовлетворения потребностей жителей выше оценки правил. В такой системе управления правительство проактивно реагирует на фактические запросы о помощи до их возникновения, полностью понимая и интерпретируя сигналы городского спроса и используя социальные петли обратной связи. Хотя «видимая рука» не может решить все проблемы сама по себе, дополнительное внимание, необходимые вмешательства и гибкое управление действительно могут помочь понять и смягчить потенциальные риски в рыночной среде, основанной на данных, а также получить достаточную информацию о рынке, чтобы обеспечить ценную базу идей для инкубации новых инструментов правоприменения.

На социальном уровне фиксируется многогранное совместное участие в управлении. С одной стороны, существует индивидуальное распределенное присутствие и взаимодействие. Наряду с ускоренной интеграцией физического

и цифрового пространства усиливаются уплощение, фрагментация и мобильность в пространстве. Развивающийся индивидуализм, беспроводная связь и вездесущий Интернет способствуют развитию сетевого индивидуализма (Rheingold, 2013). Различия и уникальность индивидуального поведения усиливаются цифровыми технологиями, формируя все более обособленное и распределенное присутствие индивидов как просьюмеров в цифровом пространстве. Краеугольным камнем порядка в «умном» обществе является уже не социальный контроль, а взаимовыгодное поведение индивидов. Каким бы тривиальным ни было поведение отдельного человека по сравнению со всей сетью, оно может играть особую роль в совершенствовании алгоритмов и улучшении процессов. Индивиды формируют распределенное участие и взаимодействие через такие социальные сети, как Weibo, WeChat, и прямые трансляции, которые перестраивают поле общественного мнения и логику управления, где многочисленные узлы в публичном пространстве совместно конструируют и осуществляют управление на основе разнообразных и дифференцированных социальных отношений. С другой стороны, серьезные проблемы разделения данных, алгоритмического сговора, алгоритмической дискриминации и рецентрализации в цифровом пространстве требуют более гладких каналов для участия общественности. Платформы, люди, отраслевые организации, СМИ и другие общественные силы должны быть наделены полномочиями для совместного управления обществом, объединяя «притяжение» государства сверху вниз и «притяжение» общества снизу вверх, чтобы создать жизненно важный импульс для построения совместного и взаимосвязанного круга мультиуправления.

(3) Формирование инклюзивного круга распределения дивидендов

Основой для построения «умного» общества является экономика совместного использования, в которой сосуществуют физическое и цифровое пространства. На многостороннем рынке совместное участие различных социальных групп, таких как владельцы, операторы и пользователи, становится катализатором расширения рынка капитала, однако в настоящее время результатом множественного участия

является чрезмерная концентрация богатства. Если взять в качестве примера платформу, то и руководители, или основатели компании-платформы, и обычные производители, предоставляющие продукты и услуги на платформе, по сути, вносят свой вклад в ее стоимость, предоставляя свой индивидуальный труд. Роль потребителей, как членов этой экосистемы, столь же незаменима для активного рынка. Чтобы мотивировать производителей к добросовестному труду и побудить потребителей к активному участию, компании-платформы обычно используют систему кредитов. Однако стоимость этих кредитов может составлять лишь 1% или 0,1% от стоимости реальных продуктов и услуг на платформе (Ran, 2019). Вознаграждение пользователей за их вклад повышает частоту использования, а также внутреннюю устойчивость экосистемы, однако в то же время кредиты, исключенные из основной стоимости платформы, не только не приносят пользователям выгоды, соизмеримой с тем, что они реально вносят, но и приводят к тому, что рост благосостояния ведущих сотрудников платформы значительно превышает рост благосостояния рядовых производителей и потребителей в рамках эффекта усиления капитала.

В информационную эпоху существует тесная взаимосвязь между богатством и данными, и монополия на информационные ресурсы часто является проблемой, сопровождающей чрезмерную концентрацию богатства. Поэтому необходимо защищать людей на низовом уровне от попадания в ловушку «информационного коккона», сломать мышление «игры с нулевой суммой» и преодолеть предпочтение «технологического расширения возможностей», чтобы люди могли разделить цифровые дивиденды и вытекающие из них социальные дивиденды. Только таким образом можно гарантировать улучшение социального управления и эффективность национального управления.

Выводы

В заключение следует отметить, что под влиянием цифровизации, сетевых технологий и интеллекта сформировалась панорамная форма взаимодействия между реальным миром и цифровым пространством, а информационные технологии стали движущей силой экспоненциального расширения масштабов общества, в

то время как реализация концепции «человек + искусственный интеллект» дала толчок социальному развитию. «Умное» общество все более порождает логику управления, в которой алгоритм больших данных и получение малых данных соединены, децентрализация и централизация сопоставлены, а управление по правилам и кодовое регулирование дополняют друг друга. Эта логика существует в грандиозном процессе социального развития и питает цифровую экосистему, многоуровневый круг и круг распределения дивидендов, привносит динамизм в модернизацию национальной системы управления и потенциала управления.

Литература

- Бублик Н.Д., Лукина И.И., Чувилин Д.В. [и др.] (2018). Развитие цифровой экономики в регионах России: проблемы и возможности (на примере Республики Башкортостан) // Региональная экономика и управление. № 1 (53). URL: <https://eee-region.ru/article/5313/>
- Горбашко Е.А., Ватолкина Н.Ш. (2019). Тенденции развития сферы услуг в условиях цифровой трансформации экономики // Техничко-технологические проблемы сервиса. № 3 (49). С. 45–52.
- Гузов Ю.Н. (2021). Направления цифровизации учета и аудита. Аудит. № 4. С. 11–16. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46613909_94848458.pdf.
- Гэлбрейт Дж. (2004). Новое индустриальное общество: пер. с англ. М.: АСТ. 602 с.
- Кузовкова Т.А., Кузовков Д.В. [и др.] (2017). Методический аппарат измерения внешней социально-экономической эффективности развития инфокоммуникаций // Системы управления, связи и безопасности. № 4. С. 112–165. URL: <http://scs.intelgr.com/archive/2017-04/06-Kuzovkova.pdf>
- Нетесова М.В. (2020). Smart society: подходы и интерпретации // Векторы благополучия: экономика и социум. № 4 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-society-podhody-i-interpretatsii> (дата обращения 11.07.2023).
- Стрелкова И.А. (2018). Цифровая экономика: новые возможности и угрозы для развития мирового хозяйства // Экономика. Налоги. Право. Т. 11. № 2. С. 18–26. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-2-18-26
- Bell D. (2001). *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Belozyorov S., Sokolovska O., Kim Y. (2020) Fintech as a precondition of transformations in global financial markets. *Foresight and STI Governance*, 14(2), 23–35. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.2.23.35
- Chayko M. (2019). *Superconnected: The Internet, Digital Media, and Techno-Social Life*. Second edition. Beijing: Tsinghua University Press.
- Chen Shouhu. (2020). Curbing Big Data “price discrimination” with the rule of law. *People’s Daily*, 12, 09(5).
- Ezrachi A., Stucke M.E. (2018). *Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy* Beijing: CITIC Press.
- Goldsmith S. (2019). *The Responsive City: Engaging Communities Through Data-Smart Governance*. Hangzhou: Zhejiang People Publishing Press.
- Harari Y.N. (2018). *21 Lessons for the 21st Century*. Beijing: CITIC Press.
- Hebblewhite W.H.J. (2016). *Means of Communication as Means of Production Revisited*. Shanghai: East China Normal University Press.
- Hindmann M. (2016). *The Myth of Digital Democracy*. Beijing: China University of Political Science and Law Press.
- Huo Ran. (2019). *Blockchain on the Poker Table – Business Evolution and Opportunities in the Post-Network Era*. Beijing: CITIC Press.
- Jie H., Ying C. (2022). Research on the current situation, trends and countermeasures for the development of China’s digital economy. *Development Research*, 39(3), 72–76. Available at: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=FZYJ202203010&DbName=CJFQ2022>
- Kapur J. (2014). New economy/old labor creativity flatness and other neoliberal myths. In: McKercher C., Mosco V. (Eds.). *Knowledge Workers in the Information Society*. Shanghai: Shanghai Translation Press.
- Koulopoulos T. (2019). *Revealing the Invisible: How Our Hidden Behaviors Are Becoming the Most Valuable Commodity of the 21st Century*. Beijing: CITIC Press.
- Kucklick C. (2018). *The Granular Society*. Beijing: CITIC Press.
- Ma Changshan. (2020). The logic of governance in digital society and the development of its rule of law. *Legal Science*

- (*Journal of Northwestern University of Political Science and Law*), 5.
- Mayer-Schönberger V. (2013). *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think*. Hangzhou: Zhejiang People Publishing Press.
- Millard C. (2019). *Cloud Computing Law*. Beijing: China Legal Publishing House.
- Mosco V. (2017). *To the Cloud: Big Data in a Turbulent World*. Beijing: China Renmin University Press.
- Pasquale F. (2015). *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Beijing: CITIC Press.
- Pearl J., Mackenzie D. (2019). *The Book of Why*. Beijing: CITIC Press.
- Pentland A. (2015). *Social Physics: How Good Ideas Spread—The Lessons From A New Science* Hangzhou: Zhejiang People Publishing Press.
- Rheingold H. (2013). *Net Smart: How to Thrive Online*. Beijing: Publishing House of Electronics Industry.
- Sanderson J.W. (2015). *The Era of Everyone*. Beijing: CITIC Press.
- Schwab K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. Beijing: CITIC Press.
- Schwab K., Malleret T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Beijing: CITIC Press.
- Xiang Ligang. (2019). *5G Era: What Is 5G and How Will It Change the World*. Beijing: China Renmin University Press.
- Zarkadakis G. (2017). *In Our Own Image: Savior or Destroyer? The History and Future of Artificial Intelligence*. Beijing: CITIC Press.
- Zheng Yongnian. (2014). *Technological Empowerment: The Internet, State, and Society in China*. Beijing: Dongfang Publishing House.
- Zhou Xuefeng, Li Ping. (2018). *Governance and Legal Responsibility of Online Platforms*. Beijing: China Legal Publishing House.
- Zuo P., Chen J. (2021). Digital economy and economic growth in the perspective of high-quality development. *Research on Finance and Economics*, 9, 19–27. DOI: 10.19654/j.cnki.cjwtyj.2021.09.003

Сведения об авторах

Дай Ли – доктор наук, научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, провинция Цзянси, 330077, г. Наньчан, ул. North Hongdu Avenue, 649; e-mail: 28363616@qq.com)

Цзян Сяюй – магистр, научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, провинция Цзянси, 330077, г. Наньчан, ул. North Hongdu Avenue, 649; e-mail: ndncjx@163.com)

Владимир Сергеевич Усков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Dai Li, Jiang Xiaoyu, Uskov V.S.

Digitalization and the Development of a “Smart” Society: The Logic and Practice of Management

Abstract. The rapid spread of new technologies in all areas of activity leads to quick and profound changes in the structure of industrial production, global markets, and the economic and social sphere. The potential of information and communication technologies, accumulated by the 21st century, causes significant changes in the functioning of economic systems at different levels, from the global economy to individual economic entities; informatization and digitalization are the most important factors of economic growth. Under their influence, there is a transition from the introduction of individual digital technologies to the complex construction of a digital ecosystem. The rapid development of digital

technologies has led to a model of society in which the real world and virtual space interact, a value orientation that combines big data algorithms with small data mining is emerging, a scenario spanning two opposing modes of decentralization and centralization is constructing, and different governance logics are emerging in which rule management and code-based regulation complement each other. This logic of governance has been put into practice in the process of social construction, creating an open and secure digital ecosystem, a collaborative multi-managerial circle and an inclusive dividend distribution circle, enriching the connotation of “co-building, co-managing and sharing”, thereby laying the scientific and technical foundation for modernizing the national governance system and management capacity. The aim of our work is to comprehend the concept, the essence of the term “smart society” in its relationship with the phenomenon of the economy digitalization and studying the practice of management of development of such a society. The scientific novelty and originality of the research is reflected in the development of theoretical and methodological approaches and conceptual apparatus of studying the essence of “smart society” in the context of the economy digitalization; in the development of scientific and methodological foundations of a comprehensive assessment of the state, development trends of “smart” society in the Russian Federation and China; in the formation of a set of practical measures and a list of indicators characterizing the development of “smart” society.

Key words: digitalization, “smart” society, logic and practice of management, sharing, Russia, China.

Information about the Authors

Dai Li – Doctor, Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: 28363616@qq.com)

Jiang Xiaoyu – Master, Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: ndncjx@163.com)

Vladimir S. Uskov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Статья поступила 31.03.2023.

Развитие организаций малого и среднего предпринимательства в регионах России: кластерный анализ с учетом экономического развития территории

**Кристина Алексеевна
ЗАХАРОВА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: kr.a.zakharova@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-3603-2659; ResearcherID: B-8096-2016

**Наталья Алексеевна
БАБУРИНА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: n.a.baburina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-6970-0449; ResearcherID: O-7993-2016

Аннотация. Региональные экономические процессы определяют масштаб и результаты функционирования организаций малого и среднего предпринимательства в силу их особой вовлеченности в экономику территориального субъекта и чуткого реагирования на изменение внешней среды. Неравномерность и высокая степень дифференциации экономического развития территорий определяют неоднородность и различия в уровне развития предпринимательства в России. В связи с этим целью исследования выступает кластеризация регионов России по показателям развития организаций малого и среднего предпринимательства и макроэкономическим параметрам, характеризующим экономическую среду их функционирования, выступающую

Для цитирования: Захарова К.А., Бабурина Н.А. (2023). Развитие организаций малого и среднего предпринимательства в регионах России: кластерный анализ с учетом экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 109–130. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.6

For citation: Zakharova K.A., Baburina N.A. (2023). Development of small and medium-sized enterprises in the regions of Russia: Cluster analysis taking into account the economic development of the territory. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 109–130. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.6

драйвером или формирующую ограничения. Новизна подхода состоит не только в комплексном включении в параметры кластеризации показателей развития фирм и индикаторов внешней экономической среды их функционирования, но и в формировании итоговых кластеров с учетом группировки регионов за каждый год исследуемого периода, что позволяет определить устойчивость нахождения территории в группе или отследить перемещение между ними. Для проведения кластеризации выбран метод *k-means*. Кластеризация была проведена по данным Федеральной службы государственной статистики с 2015 по 2021 год по 85 регионам России. Получены пять кластеров, характеристики которых подтверждают предположение о том, что развитие организаций малого и среднего предпринимательства определяется экономическим развитием территории как внешней среды их функционирования. Тем не менее был выделен особый второй кластер, с наличием ограничений использования потенциала экономической среды, который включает регионы, отличающиеся средним уровнем развития организаций малого и среднего предпринимательства на фоне высокого экономического развития. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и реализации политики по совершенствованию сферы малого и среднего предпринимательства как на уровне государства в целом, так и на уровне отдельно взятого региона. Развитие результатов исследования может заключаться в изменении показателей или включении иных алгоритмов кластеризации, дальнейшей типологизации регионов или проведении корреляционно-регрессионного анализа внутри отдельных кластеров.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, организации малого и среднего предпринимательства, регионы России, группировка регионов, кластеризация, неиерархический кластерный анализ, метод *k-means*.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01690, <https://rscf.ru/project/23-28-01690/>.

Введение

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) находится в фокусе государственных программ развития как национального, так и регионального уровня. Это обусловлено прежде всего его важной ролью в обеспечении занятости и экономического роста (Аууагаи et al., 2007; Toomsalu et al., 2019). Особая значимость организаций МСП заключается в их глубокой вовлеченности в региональные экономические процессы. Они выступают ключевыми субъектами экономики региона, вносят вклад в региональное развитие, поддерживают деловой климат и конкурентную среду, влияют на рост производительности, рынок труда и повышение уровня жизни населения региона, способствуют более активной реализации импортозамещения и пр. Организации МСП в отличие от крупного бизнеса более адаптивны, чутко и оперативно реагируют на изменения внешней среды функционирования (Genc et al., 2019).

Организации МСП в силу глубокой интеграции в региональную экономику строят свою деятельность прежде всего исходя из потребностей местного рынка, объема и структуры локального спроса (Филонова, Букреева, 2013). Высокая степень дифференциации и неравномерность уровня экономического развития субъектов России определяют территориальные различия в показателях МСП (Барина и др., 2022). Изменения в потребительском поведении и деловой активности, благосостоянии экономических субъектов, занятости и других индикаторах экономического развития региона оказывают активное влияние на них. Взаимосвязь развития предпринимательства (Земцов, 2020) и предпринимательской активности (Образцова, Чепуренко, 2020) с развитием регионов неоднократно отмечалась в работах исследователей. Тем самым представляется значимым оценивать развитие МСП в контексте экономического развития регионов.

Россия является сложноструктурированным государством, объединяющим разнородные по уровню экономического развития территории, с уникальными условиями деятельности организаций МСП, характеризующимися множественностью параметров. Это порождает необходимость группировки разнородных регионов по уровню развития организаций МСП с учетом сложившихся внутри кластера детерминант. Разбиение множества объектов на однородные группы возможно осуществить с помощью кластеризации. Кластеризация позволяет различать интересующие объекты в группе по определенным критериям и играет важную роль в процессах управления и принятия решений (Sun et al., 2017). Поэтому для разработки политики и принятия грамотных управленческих решений необходимо провести кластеризацию регионов по показателям развития организаций МСП и макроэкономическим параметрам, характеризующим внешнюю экономическую среду их функционирования. Это и выступает целью настоящего исследования.

Достижение указанной цели осуществляется путем решения следующих задач:

- 1) рассмотрение теоретико-методологических подходов к проведению кластерного анализа малого и среднего предпринимательства;
- 2) определение показателей развития организаций МСП и макроэкономических индикаторов, характеризующих экономическую среду их функционирования, которые будут заложены в основу кластеризации, и их тестирование;
- 3) проведение кластерного анализа по отобраным показателям;
- 4) идентификация и описание полученных кластеров, интерпретация полученных результатов.

Новизна подхода заключается в том, что кластеризация проводится не только по индикаторам, характеризующим развитие организаций МСП, но учитывает в комплексе и показатели экономического развития территории, на которой компании осуществляют свою деятельность. К тому же предлагаемый динамический подход к проведению кластерного анализа позволяет определить устойчивость нахождения региона в определенном кластере или отследить перемещения между классификационными группами.

Идентификация групп однородных регионов на основе множества разнородных данных об уровне развития организаций МСП и экономического развития территории вносит вклад в понимание схожести регионов внутри однородного кластера и различий между самими кластерами, позволяет определить тенденции, вызовы и угрозы, детерминанты и особенности развития предпринимательства. Значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов как для планирования деятельности, так и для принятия управленческих решений по развитию организаций МСП в России и на уровне государства в целом, и на уровне отдельных регионов.

Обзор существующих подходов к проведению кластерного анализа малого и среднего предпринимательства

Применение кластерного анализа развития МСП получило распространение как в зарубежном, так и в российском поле исследований в контексте решения разнообразных исследовательских задач. Классификация развития МСП осуществляется путем применения иерархической или неиерархической кластеризации, а также через комбинирование данных подходов.

Кластерный анализ используется авторами для классификации как на основе микроданных, данных конкретных субъектов МСП, полученных из отчетности или путем проведения анкетирования, так и на основе агрегированных данных о функционировании субъектов МСП в отдельных регионах.

В зарубежном поле исследований кластеризация в первую очередь применяется при анализе данных, полученных о функционировании конкретных субъектов МСП из отчетности или опросов. В частности, кластерный анализ осуществлялся для понимания производственных стратегий (Lorentz et al., 2016), оценки факторов, определяющих склонность к экспорту (Haddoud et al., 2018), изучения влияния стратегической ориентации и механизмов управления знаниями на эффективность бизнеса (Jami Pour, Asarian, 2019), рассмотрения международной стратегии (Hagen et al., 2012), внедрения бережливого производства в деятельность (Zhou, 2016), определения проблем и ограниченный инновационной деятельности (Božić, Rajh, 2016) и т. д.

Российское поле исследований в целом представлено работами, основанными на кластерном анализе агрегированных данных по регионам. Такой подход применяется в силу сложности устройства страны и высокой степени дифференциации территорий по социально-экономическому развитию, что обуславливает возможность проведения экономико-математических расчетов на вторичных данных по регионам, собранных Федеральной службой государственной статистики. Изучение работ, посвященных оценке развития МСП в России путем применения кластерного анализа, также позволило выявить, что подходы разнятся не только выбранными методами кластеризации, но и показателями, которые закладывались в основу группировки. В целом исследователи проводят кластеризацию, либо учитывая индикаторы только развития субъектов МСП (Филонова, Букреева, 2013; Левушкина, 2015; Земцов, 2016; Шпак и др., 2019; Смирнов, 2021), либо дополняя их отдельными показателями развития региона (Образцова, Поповская, 2017; Суханова и др., 2019) или показателями государственной финансовой поддержки предпринимательства (Кузнецов, Перова, 2020).

Наиболее часто в работах исследователей применялись следующие показатели, характеризующие развитие МСП в регионе: число предприятий МСП, их оборот, инвестиции в основной капитал, сальдированный финансовый результат деятельности и пр. Тем не менее, исходя из целей, которые ставили перед собой ученые, набор показателей варьировался.

В частности, в работе Ю.А. Кузнецова и В.И. Перовой (Кузнецов, Перова, 2020) проводился анализ развития малого предпринимательства путем применения методов нейросетевого моделирования для кластеризации регионов. При осуществлении кластерного анализа использовались показатели деятельности малого бизнеса, такие как число, оборот, инвестиции в основной капитал, сальдированный финансовый результат деятельности исследуемых предприятий, объем субсидий, выделенных из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства бюджетам субъектов России. Они применялись в абсолютных значениях, без масштабирования,

но при этом денежные показатели были скорректированы на инфляцию. Были определены значительные различия в численности регионов в полученных по результатам анализа пяти кластерах, а также достаточно выраженная неравномерность в развитии малого бизнеса в регионах России.

Схожий набор показателей, характеризующих развитие субъектов МСП, в разных комбинациях был использован и в работах других авторов (Пиньковецкая, 2014; Левушкина, 2015; Сибирская и др., 2016; Шпак и др., 2019). При этом значения показателей приводились к сопоставимому для сравнения уровню, нормировались либо на субъекта МСП, либо на средне-списочную численность работников, либо на численность населения.

При выборе показателей для проведения типологии регионов России в целях развития МСП С.П. Земцов (Земцов, 2016) оптимизировал набор индикаторов, отобрал три переменные, характеризующие уровень, динамику и потенциал развития сектора МСП. В частности, для характеристики предпринимательской активности автор предложил использовать отношение числа малых и средних предприятий к численности экономически активного населения, для оценки роста сектора МСП – отношение выручки малых и средних предприятий в 2013 году к 2010 году, %; для определения потенциала роста сектора МСП – отношение инвестиций к выручке по сектору МСП, %.

Как правило, кластеризация проводится только по показателям развития субъектов МСП без учета социально-экономических параметров регионов. Единичными выступают исследования, где предпринимается попытка их комплексного учета в кластерном анализе, который при этом не является самостоятельным инструментом для обоснования направлений и выбора механизмов политики развития организаций МСП или устранения существующих диспропорций в его пространственном развитии. В частности, в статье Е.И. Сухановой, С.Ю. Ширнаевой, Е.О. Константиновой (Суханова и др., 2019) предпринимается попытка оценить развитие малого бизнеса с применением кластерного анализа и эконометрического моделирования. В качестве факторов

авторы выбрали переменные, характеризующие уровень социально-экономического развития регионов, показатели развития строительства, промышленности, торговли, образования и занятости населения, а в качестве результативного признака — один из основных показателей деятельности малого бизнеса — оборот малых предприятий. В то же время выбранные детерминанты не в полной мере характеризуют экономическую среду функционирования МСП, также в работе не представлено обоснование их выбора. При этом в качестве характеристик развития малого предпринимательства был выбран только один показатель — оборот, который, без учета других параметров деятельности фирмы, не отражает состояние и развитие исследуемого субъекта.

Изучение предшествующих теоретических и эмпирических исследований показало, что кластеризация регионов на основе критериев развития МСП не теряет актуальности, позволяет решать множество задач, но при этом крайне усеченно используется для комплексного учета не только индикаторов развития субъекта, но и среды, в которой он функционирует. Исключение составляет исследование О.И. Образцовой, Е.В. Поповской (Образцова, Поповская, 2017), которые используют многомерный статистический анализ для характеристики внешних условий развития предпринимательства. Авторы включили в состав индикаторов внешнего контекста предпринимательской деятельности широкий спектр социальных, экономических, институциональных и других условий в регионе, для оценки которых применяют 144 показателя, сворачивая их с помощью метода главных компонент. Исследователи в рамках контекстуального подхода к анализу предпринимательской деятельности отмечают, что необходимо учитывать зависимость уровня предпринимательской активности в регионе не только от рамочных условий предпринимательской деятельности в конкретный момент времени, но и от параметров их динамики. Таким образом, наряду с уровневными переменными применяют природные показатели в одной многомерной модели. Данная работа вносит значимый вклад в углубление методологии многомерного анализа примени-

тельно к оценке внешних условий предпринимательской деятельности и использование его возможностей в целях определения содержания и набора инструментов государственных программ поддержки для активизации предпринимательского потенциала населения.

Анализ представленных подходов позволяет заметить, что, несмотря на использование широкого спектра показателей за несколько лет, в том числе применение динамических показателей при кластеризации, в исследованиях не учитывается движение региона из кластера в кластер в результате изменения предпринимательской деятельности под влиянием изменения внешней экономической среды функционирования МСП. Как правило, строится одна многомерная модель за несколько лет. В нашей работе предлагается иной подход, предполагающий построение многомерной модели на каждый год исследуемого периода. Изучение перемещения регионов между кластерами имеет существенное прикладное значение для определения потенциала развития или чувствительности организаций МСП к изменению внешней экономической среды функционирования.

Методы и данные

В качестве основного метода группировки и типологизации в работе выбран метод кластеризации. Кластеризация позволяет понять структуру множества показателей по развитию организаций МСП и экономическому развитию территории путем разбиения их на группы схожих объектов. Это даст возможность в дальнейшем оптимизировать последующую обработку данных и повысить эффективность управленческих решений на основе полученных результатов по каждому кластеру в отдельности.

В основу кластеризации прежде всего был положен метод k-means (MacQueen, 1967), направленный на разделение n наблюдений на k кластеров. Данный метод относится к классу неиерархической кластеризации, отличается простотой, легкостью реализации и ясностью интерпретации полученных результатов. Большое количество наблюдений распределяется по некоторому количеству кластеров, где каждое наблюдение принадлежит к ближайшему кластеру. Принадлежность определяется с помощью кластерного среднего значения.

Кластеризация проводилась за период с 2015 по 2021 год. Кластеры строились за каждый год данного периода. Такой подход позволяет отслеживать перемещение региона между кластерами, а также выявить устойчивость нахождения региона в определенной группе. Итоговые кластеры определялись по принципу большинства лет нахождения региона в кластере. Кластеризация проводилась с применением среды для статистических вычислений и графики R.

В качестве характеристик при проведении классификации регионов путем кластеризации были использованы показатели не только развития организаций МСП, но и индикаторы экономической среды. Показатели, заложенные в основу кластеризации, представлены в *таблице 1*. При проведении настоящего исследования были использованы данные Федеральной службы государственной статистики. Для оценки развития организаций МСП данные были взяты из статистического сборника

Таблица 1. Показатели, заложенные в основу кластеризации регионов по уровню развития организаций МСП с учетом экономического развития территории

Обозначение	Наименование показателя	Обоснование
Показатели, характеризующие экономическое развитие региона		
X1	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	Инвестиционное и технологическое развитие выступает залогом экономического развития и оказывает влияние на развитие МСП (Пиньковецкая, 2018; Gherghina et al., 2020)
X2	Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	
X3	Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	Экономический рост способствует развитию МСП (Surya et al., 2021); ВРП на уровне региона, как и ВВП (ВНД) на уровне стран, выступает ключевым индикатором экономического развития и критерием роста МСП (Golikova, Kuznetsov, 2017; Tambunan, 2008)
X4	Индексы физического объема валового регионального продукта на душу населения, %	
X5	Уровень безработицы населения, %	Безработица оказывает влияние на предпринимательскую активность (Тарунина, Маврина, 2015) и создание новых фирм (Storey, 1991; Mazzarol et al., 1999); уровень безработицы выступает одним из ключевых индикаторов состояния рынка труда (Лукьянова, Ощепков, 2007); продолжительность безработицы характеризует напряженность рынка труда, является показателем, чутко реагирующим на внешние изменения, выступает чувствительным критерием изменения экономической среды, дополняющим показатель безработицы (Corak, Heisz, 1996; Нанавян, 2012)
X6	Средняя продолжительность поиска работы безработными, мес.	
X7	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Уровень жизни влияет на функционирование организаций МСП; наличие капитала и покупательский спрос, обеспеченные высокими доходами населения, выступают ключевыми факторами развития предпринимательства (Кремин, Россошанский, 2020). Сжатие спроса негативно сказывается на количестве субъектов МСП (Земцов, Михайлов, 2021), а изменение его структуры в сторону более низкого ценового сегмента в результате негативных экономических последствий в силу сокращения доходов и роста бедности негативно сказываются на деловой активности МСП в экономике (Келарев, 2021)
X8	Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, %	
X9	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	
X10	Потребительские расходы в среднем на душу населения в мес., руб.	
X11	Индекс потребительских цен, %	Инфляция как один из индикаторов макроэкономической среды рассматривается в качестве детерминанты развития МСП (Bekeris, 2012; Ipinnaiye et al., 2017)

Окончание таблицы 1

Обозначение	Наименование показателя	Обоснование
Показатели, характеризующие развитие организаций МСП		
X12	Оборот малых и средних предприятий на душу населения, руб.	Результаты деятельности фирмы наряду с такими показателями финансовой эффективности, как доходность инвестиций и доходность капитала, обычно измеряются такими индикаторами, как рентабельность продаж и маржа чистой прибыли (Li et al., 2009); рост организаций МСП определяется по росту оборота и занятости (Leitner, Guldenberg, 2010); также важно учитывать предпринимательскую активность для оценки развития организаций МСП в регионах (Земцов, 2016; Шпак и др, 2019)
X13	Численность работников малых и средних предприятий на душу населения	
X14	Число предприятий МСП на 1000 человек населения, ед.	
X15	Сальдированный финансовый результат малых и средних предприятий на работника, руб.	
Источник: составлено авторами.		

«Малое и среднее предпринимательство в России», в частности из приложения, в котором представлена информация в разрезе субъектов РФ. Все показатели приведены к сопоставимому виду. Для учета размеров территории и параметров развития МСП абсолютные показатели масштабировались на душу населения, среднюю численность работников МСП и пр.

При выборе показателей развития организаций МСП и экономического развития территорий была учтена специфика формирова-

ния статистических показателей Федеральной службы государственной статистики. Следует также отметить, что все стоимостные показатели были очищены от влияния изменения цен и приведены к уровню цен базисного года. Для повышения качества кластеризации осуществлена оценка показателей на мультиколлинеарность, по результатам которой индикатор X3 исключен из показателей, учитываемых при классификации. Описательная статистика исследуемых переменных X1–X2, X4–X15 приведена в *таблице 2*. Для оптими-

Таблица 2. Описательная статистика отобранных для кластеризации показателей развития организаций МСП с учетом экономического развития территории

Показатель	Год	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Коэффициент вариации, %
X1	2015	136385,22	16088,00	2625863,99	235,72
	2018	141093,38	25352,84	1912070,55	195,86
	2021	145858,63	32036,55	1701090,30	170,59
X2	2015	18,59	1,50	36,50	41,96
	2018	18,55	3,10	36,40	41,83
	2021	18,27	2,41	44,97	43,95
X4	2015	100,07	94,30	108,30	2,86
	2018	102,40	92,60	114,40	2,30
	2021	105,03	97,10	120,30	3,46
X5	2015	6,76	1,80	30,50	56,07
	2018	6,00	1,20	26,60	56,83
	2021	5,92	2,00	31,10	66,72
X6	2015	7,44	5,36	12,28	16,80
	2018	7,43	3,92	11,51	17,09
	2021	7,00	3,46	12,77	21,71
X7	2015	27731,35	15190,61	72146,20	39,75
	2018	27079,99	14047,65	72449,96	43,66
	2021	27649,89	14003,02	78906,49	47,39

Окончание таблицы 2

Показатель	Год	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Коэффициент вариации, %
X8	2015	271,07	158,80	426,60	21,18
	2018	275,43	156,80	500,10	22,04
	2021	288,57	165,40	568,50	23,96
X9	2015	15,18	7,10	36,90	34,19
	2018	14,26	5,80	34,40	35,83
	2021	13,08	4,60	29,30	36,09
X10	2015	20108,89	7485,00	48277,00	31,67
	2018	20532,68	8604,20	48446,49	31,79
	2021	20938,72	8081,13	47822,56	30,47
X11	2015	112,88	110,33	127,64	2,03
	2018	104,22	101,84	106,00	0,78
	2021	108,46	103,67	111,82	1,18
X12	2015	274364,80	17109,38	1150280,19	60,92
	2018	257374,50	29268,75	1179351,59	61,82
	2021	262857,79	34799,91	944921,35	58,93
X13	2015	0,08	0,01	0,18	37,50
	2018	0,08	0,01	0,15	37,50
	2021	0,07	0,01	0,18	42,86
X14	2015	13,41	1,56	31,94	40,12
	2018	14,41	1,96	42,60	48,23
	2021	12,87	2,75	33,74	43,51
X15	2015	116079,73	-387053,00	434044,07	83,83
	2018	184118,59	49975,26	1067081,26	82,46
	2021	312378,54	-150254,22	1039113,47	49,75

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.

зации размера таблицы данные представлены на начало, середину и конец анализируемого периода.

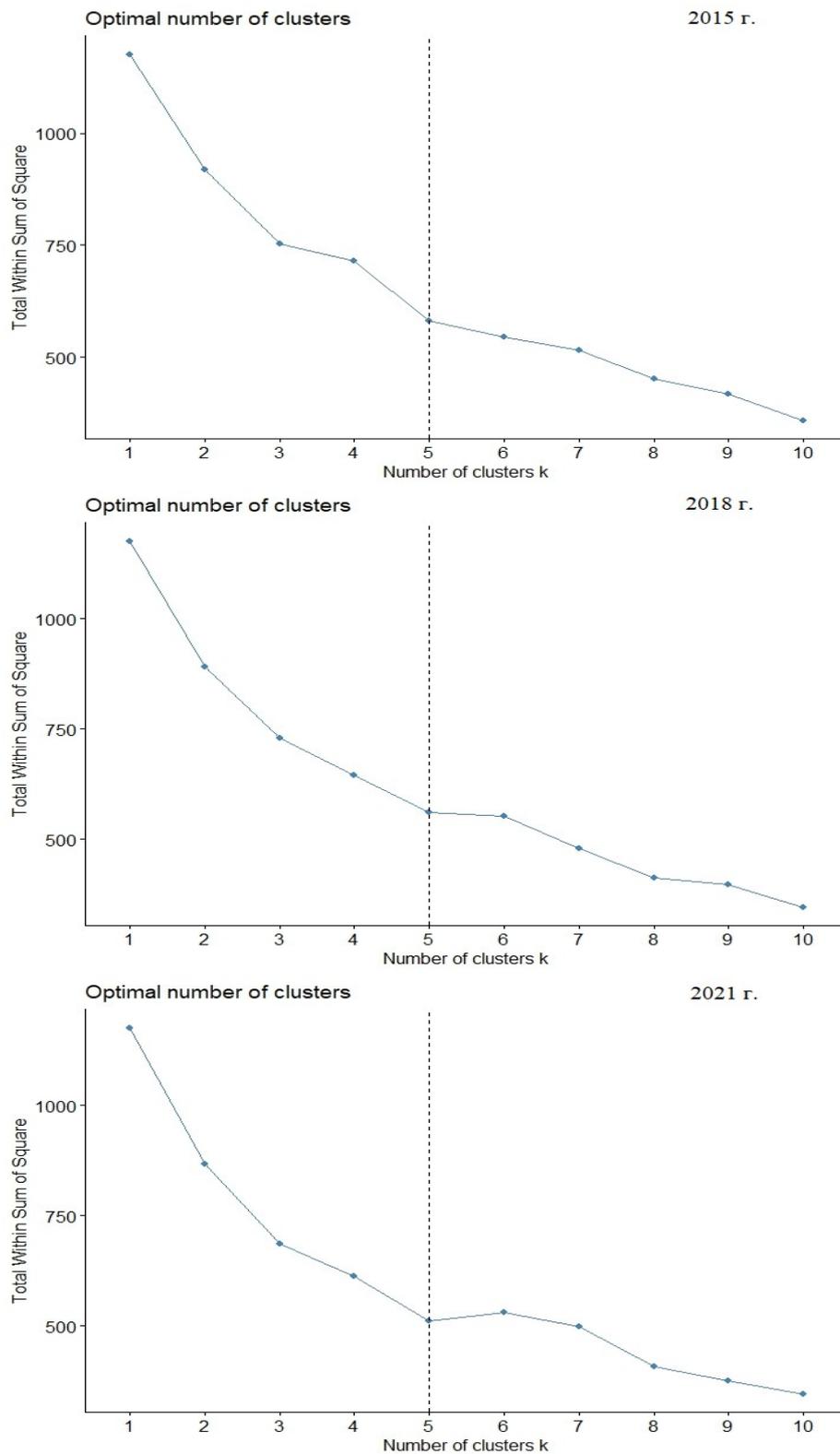
Коэффициент вариации за все исследуемые годы свидетельствует, что большинство показателей характеризуется высоким разбросом значений. Таким образом, за исключением индекса физического объема ВРП на душу населения, средней продолжительности поиска работы безработными, соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, индекса потребительских цен все другие показатели экономического развития и развития организаций МСП отличаются существенной дифференциацией по регионам России. Это является основанием для предположения о возможности формирования

кластеров в силу высокой степени дифференциации регионов по уровню развития МСП и экономической среды их функционирования.

Результаты исследования

Кластеризация методом k-means используется при заранее заданном числе кластеров, нахождение которых является первоочередной задачей. Для решения данной задачи прежде всего был применен «метод локтя» (Yuan, Yang, 2019) (рис. 1). Также для уточнения результатов осуществлено построение иерархической кластеризации методом Уорда (Ward, 1963), который рекомендуется применять на начальном этапе кластеризации (Punj, Stewart, 1983) (рис. 2). Оценка полученных результатов показала, что оптимальное количество кластеров в большинстве лет анализируемого периода – пять.

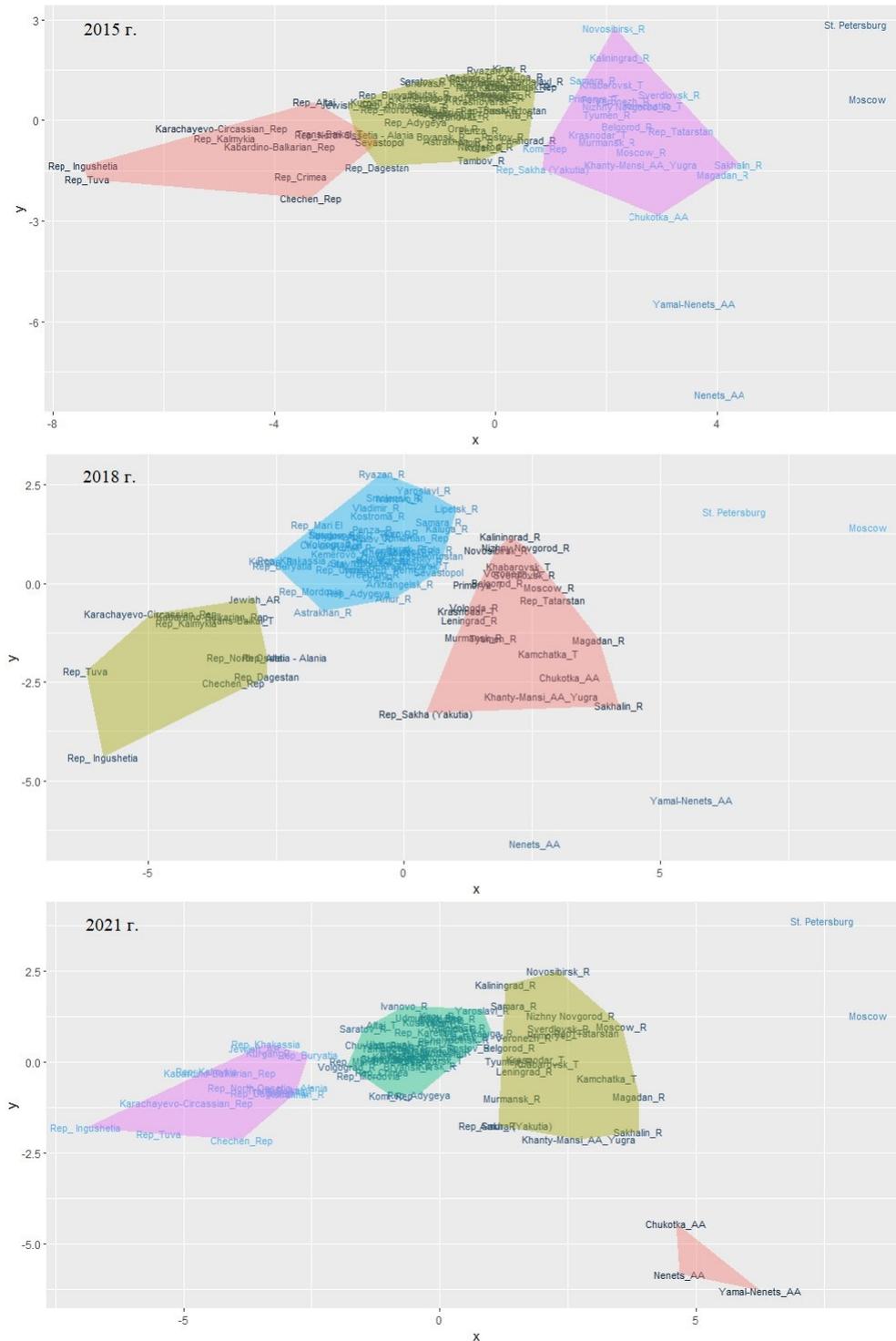
Рис. 1. Оптимальное количество кластеров «методом локтя»

Источник: составлено авторами.

Кластерный анализ методом k-means позволил определить пять групп однородных регионов за каждый год анализируемого периода. Результаты кластеризации, так же как и ранее тестов на оптимальное количество кластеров, приведены на начало, середину и конец анализируемого периода (рис. 3).

Рис. 3. Результаты кластерного анализа регионов РФ по уровню развития организаций МСП с учетом экономического развития территории методом k-means

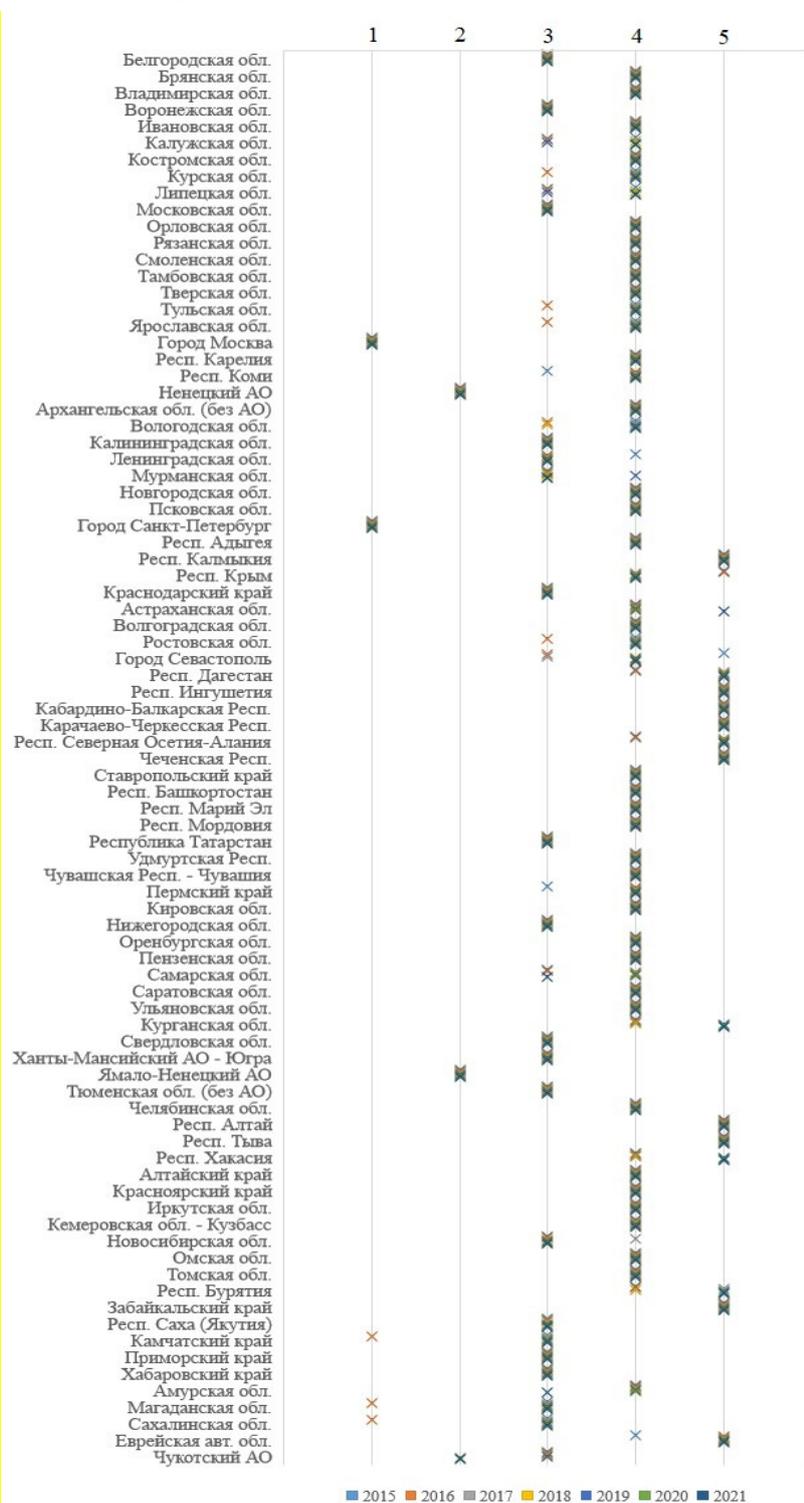

Источник: составлено авторами.

В целях визуализации движения отдельных субъектов России по кластерам или определения постоянства их нахождения в определен-

ной группе за период с 2015 по 2021 год представим свод результатов кластерного анализа на *рисунке 4*.

Рис. 4. Свод результатов кластерного анализа регионов РФ по уровню развития организаций МСП с учетом экономического развития территорий за 2015–2021 гг.

Источник: составлено авторами.

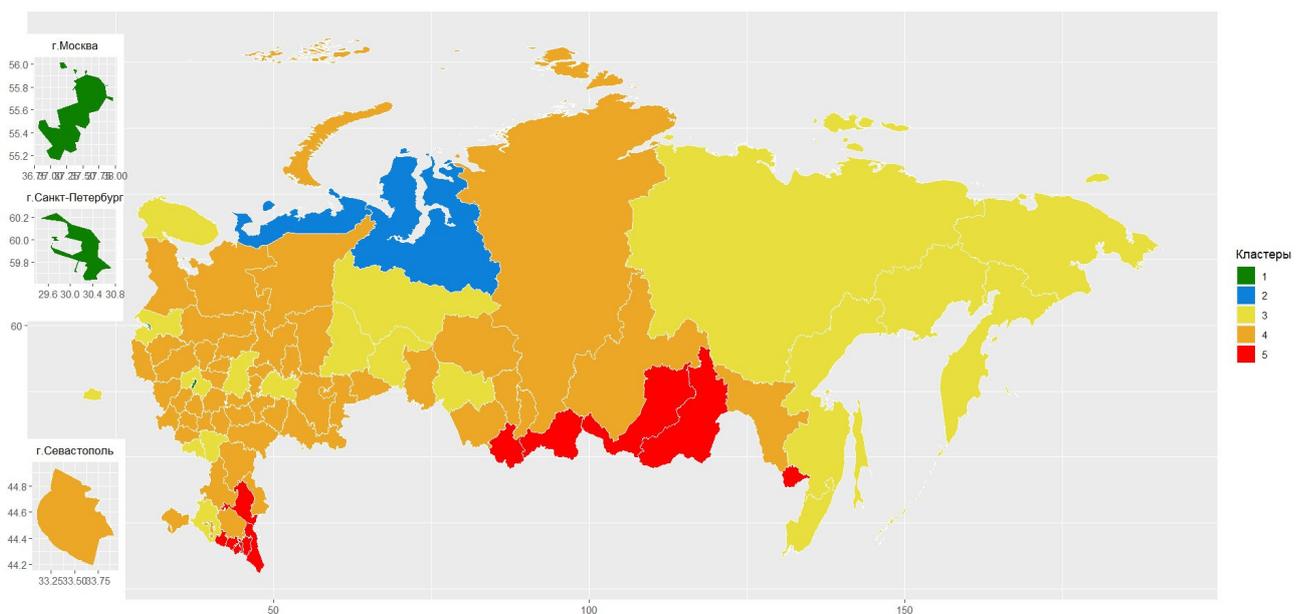
В ходе изучения регионального состава кластеров в динамике с 2015 по 2021 год были выявлены особенности траектории движения территорий по группам. В частности, регионы перемещаются только на один кластер вверх или на один кластер вниз, за исключением г. Севастополя, который под влиянием существенных инвестиционных вливаний в 2014 и 2015 гг. и значительного роста уровня жизни на фоне низкой базы уже в 2016 году перешел из пятого в третий кластер, но впоследствии закрепился в четвертом кластере. Также траектории перемещения регионов находятся, как правило, в пределах зоны двух кластеров. Перемещение происходит как следствие изменения экономических процессов в регионе и потенциала развития организаций МСП. Регион с потенциалом экономического развития и развития организаций МСП из наиболее типичного для него кластера на временной или постоянной основе перемещается в более развитый. А регион, который чувствителен к внешнему воздействию негативных факторов, переходит в кластер ниже. Отслеживать и интерпретировать необходимо именно неоднократные переходы региона из одного кластера в другой и

закрепление территории на два и более периода в группе после перехода, так как разовое движение, как правило, не подкрепляется долгосрочными тенденциями развития экономической среды и изменениями деятельности МСП, может быть вызвано спецификой сбора статистических данных в регионе или отдельными выбросами.

Итоговая кластеризация произведена по принципу большинства лет нахождения региона в определенной группе за анализируемый период. Географическое расположение полученных кластеров представлено на карте РФ (рис. 5).

Первый кластер включает в себя регионы с высоким уровнем развития организаций МСП на фоне высокого уровня экономического развития, характеризующегося очень высокими уровнем жизни и уровнем потребительских расходов. Средние по кластеру показатели развития организаций МСП более чем в два раза превышают средние показатели по третьему кластеру, который характеризуется повышенным уровнем их функционирования. В первый кластер входят город Москва и город Санкт-Петербург. Благоприятная экономическая сре-

Рис. 5. Карта кластеров регионов по уровню развития организаций МСП с учетом экономического развития территории

Источник: составлено авторами.

да, характеризующаяся очень высоким потребительским спросом в силу высокого уровня жизни, разнообразия потребительского рынка и эффективной транспортно-логистической системы его обслуживания, развитости сферы услуг, развлечения, рекреации и туризма, сосредоточения деловой и финансовой активности, выступает потенциалом развития МСП в данных регионах. Как правило, ключевыми факторами, обеспечивающими сложившееся положение рассматриваемых территорий в первом кластере, выступают агломерационный и институциональный.

Во втором кластере на протяжении всего периода стабильно находятся два региона: Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа. Данный кластер характеризуется средним уровнем развития организаций МСП на фоне высокого уровня экономического развития с доминантами инвестиций в основной капитал, обеспечиваемых преимущественно развитием топливно-энергетического комплекса, и доходов на душу населения. Доходы населения, которые более чем в два раза превышают среднероссийский уровень, с одной стороны, формируют устойчивый платежеспособный спрос, с другой стороны, являются необеспеченными предложением на потребительском рынке. Значительная часть доходов в силу сжатого потребительского сегмента рынка вывозится с территорий и тратится в крупных городах и ближайших региональных центрах: г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Екатеринбург, г. Тюмень и пр. Высокий экономический потенциал не является рычагом развития организаций МСП и сдерживается спецификой внутрирегиональной дифференциации, высокими издержками ведения бизнеса, ограниченным рынком сбыта, обусловленным изолированностью отдельных муниципалитетов, особенностями логистики, дальностью территорий, низкой плотностью населения и пр.

Третий кластер собрал регионы с повышенным уровнем развития МСП на фоне среднего уровня экономического развития с выраженными повышенными уровнями жизни и потребительских расходов. Регионы данного кластера

довольно стабильно находятся в нем. Единственный регион с потенциалом перехода в другой кластер — Чукотский автономный округ. С 2020 года он перемещается во второй кластер за счет более динамичного экономического роста, прироста инвестиций в основной капитал на душу населения, повышения уровня жизни при одновременном снижении темпов роста ключевых показателей функционирования организаций МСП относительно других регионов данной группы. Положение регионов в третьем кластере в целом обеспечивается ресурсным, институциональным, географическим факторами. В основном позиция формируется под влиянием эффектов межрегионального взаимодействия, выгодного географического положения и богатства природных ресурсов отдельных регионов, человеческого капитала, развитой инфраструктуры и институтов. Особенностью данного кластера также выступает детерминация развития МСП высоким платежеспособным спросом на фоне высокого уровня жизни населения.

Четвертый кластер формируют регионы со средним уровнем развития организаций МСП на фоне среднего уровня экономического развития. В целом они также отличаются стабильностью нахождения в группе. Тем не менее в данном кластере есть регионы, которые два и более года находились в других группах. Например, Республика Крым, переместившаяся в 2017 году из пятого кластера напрямую в четвертый, и г. Севастополь, который в 2016 году переместился из пятого кластера сразу в третий, но, не удержав заданные темпы прироста рассматриваемых показателей, в 2018 году оказался в четвертом кластере, в котором и закрепился. Переход был обеспечен высокими темпами роста ключевых индикаторов экономического развития и развития МСП в результате реализации программ развития данных территорий и формирования свободной экономической зоны, как следствие — значительного прироста инвестиций в основной капитал, снижения инфляции, повышения уровня жизни и активизации предпринимательских инициатив.

Также в четвертом кластере присутствуют регионы, характеризующиеся неустойчивостью и чувствительностью к изменениям. В частности, Курганская область и Республика Хакасия с 2019 года классифицируются в пятом кластере. Переход был обусловлен прежде всего снижением доходов на душу населения при одновременном росте инфляции, что вызвало сокращение платежеспособного спроса и сказалось на сокращении количества организаций МСП и занятых в секторе на душу населения. Будет ли передвижение данных регионов окончательным или это временное ухудшение ситуации, покажет статистика последующих лет. Исходя из выбранного принципа отнесения региона к тому или иному кластеру они пока остаются в четвертом кластере.

В пятом кластере, который включает в себя регионы с низким уровнем развития организаций МСП и низким уровнем экономического развития, находятся практически все субъекты

Северо-Кавказского федерального округа (за исключением Ставропольского края), а также республики Калмыкия, Алтай, Тыва, Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная область. Попадание большинства регионов в данный кластер обусловлено низким уровнем инвестиционного развития, невысокими темпами экономического роста, неблагоприятной институциональной средой, высоким уровнем неформальной занятости, слабым уровнем развития предпринимательства.

Более подробно характеристика итоговых кластеров представлена в *таблице 3*.

Полученные по итогам проведенного кластерного анализа результаты в целом подтверждают предположение о том, что экономическая среда выступает драйвером или формирует ограничения развития организаций МСП. Наиболее показательным является первый кластер, на который приходится 26% всех зарегистрированных организаций МСП и почти 32% оборота,

Таблица 3. Кластеры регионов по уровню развития организаций МСП с учетом экономического развития территории

№	Характеристика кластера	Регионы, входящие в кластер	Показатели функционирования организаций МСП в 2021 г.		
			% организаций	% оборота	Оборот на одну организацию, млн руб.
1.	Высокий уровень развития МСП на фоне высокого уровня экономического развития региона, характеризующегося очень высокими уровнем жизни и уровнем потребительских расходов	Город Москва, город Санкт-Петербург	26,25	32,20	36,72
2.	Средний уровень развития МСП на фоне высокого уровня экономического развития региона	Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ	0,21	0,23	32,28
3.	Повышенный уровень развития МСП на фоне среднего уровня экономического развития с выраженными повышенными уровнями жизни и потребительских расходов	Белгородская область, Воронежская область, Московская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Нижегородская область, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область (без АО), Новосибирская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ	31,11	31,48	30,29

Окончание таблицы 3

№	Характеристика кластера	Регионы, входящие в кластер	Показатели функционирования организаций МСП в 2021 г.		
			% организа-ций	% оборота	Оборот на одну организацию, млн руб.
4.	Средний уровень развития организаций МСП на фоне среднего уровня экономического развития региона	Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область (без АО), Вологодская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Крым, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, город Севастополь, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Челябинская область, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область – Кузбасс, Омская область, Томская область, Амурская область	40,02	34,68	25,94
5.	Низкий уровень развития организаций МСП на фоне низкого уровня экономического развития региона	Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная область	2,41	1,41	17,51
Источник: составлено авторами по результатам кластерного анализа, расчеты показателей произведены по данным Федеральной службы государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223) и Единого реестра субъектов МСП Федеральной налоговой службы (https://ofd.nalog.ru/index.html).					

в то время как он представлен всего двумя регионами. Привлекательность среды, высокий уровень деловой активности, наличие ресурсов для развития, развитые институты выступают ключевыми детерминантами, стимулирующими развитие предпринимательства в данных регионах. В то же время неблагоприятная эко-

номическая среда определяет низкий уровень развития организаций МСП. Пятый кластер представлен двенадцатью регионами, на которые приходится всего 2,41% зарегистрированных организаций МСП, 1,41% их оборота, а на одну организацию – наименьший из всех кластеров оборот (17,51 млн руб.).

Обсуждение

В работе был предложен подход к определению параметров для проведения кластерного анализа развития организаций МСП, основанный на использовании не только показателей развития фирмы, но и индикаторов среды, в которой фирма функционирует. Вклад настоящего исследования в развитие методологии анализа МСП заключается в использовании метода кластеризации *k-means* для учета в классификации совместно индикаторов экономического развития территории и развития организаций МСП.

Для проведения кластерного анализа в работе были выбраны ключевые показатели экономического развития региона, которые формируют внешнюю экономическую среду функционирования организаций МСП. Полученные результаты не противоречат выводам современных исследований и дополняют их, тем самым развивая представления о влиянии среды и отдельных детерминант на развитие организаций МСП.

Среди ключевых индикаторов, определяющих экономическую среду функционирования и влияющих на развитие МСП, исследователи выделяют инвестиционное развитие и экономический рост, безработицу и инфляцию, уровень жизни. Инвестиции в основной капитал оказывают влияние на региональное экономическое развитие и рост оборота организаций МСП (Пиньковецкая, 2018; Gherghina et al., 2020). На территориях с более высоким уровнем ВВП (ВРП) на душу населения зафиксированы более высокие масштабы производства организаций МСП (Golikova, Kuznetsov, 2017), реальный валовой внутренний продукт на душу населения положительно влияет на рост МСП (Tambunan, 2008) и экономический рост выступает детерминантой повышения производительности малых и средних предприятий (Surya et al., 2021). Исследователи неоднократно поднимали вопрос о влиянии безработицы и ее длительности на предпринимательскую активность (Тарунина, Маврина, 2015) и создание новых фирм (Storey, 1991; Mazzarol et al., 1999). Влияние инфляции на развитие предпринимательства также находится в фокусе современных исследований (Bekeris, 2012; Ipinnaiye et al., 2017).

Экономисты вместе с тем отмечают, что для характеристики состояния экономики важно учитывать доходы и потребление населения (Кузнецова, 2021). Уровень жизни населения оказывает непосредственное влияние на развитие МСП. Высокие доходы населения обеспечивают наличие капитала и покупательский спрос, выступающие факторами развития предпринимательства (Кремин, Россошанский, 2020), сжатие которых негативно сказывается на количестве субъектов МСП (Земцов, Михайлов, 2021). Экономическая среда важна для развития и роста предприятий, так же как и рынок, обусловленный прежде всего реальными доходами на душу населения (Tambunan, 2009). Сокращение доходов и рост бедности влекут за собой негативные экономические последствия, которые проявляются в снижении покупательной способности населения и изменении структуры спроса в сторону более низкого ценового сегмента, отрицательно сказываются на деловой активности МСП в экономике (Келарев, 2021).

Поднимаемые в работах исследователей вопросы о влиянии макроэкономических индикаторов на развитие организаций МСП являются значимыми для понимания особенностей функционирования МСП в регионах России, характеризующихся неравномерностью и высокой степенью дифференциации экономического развития. Полученные результаты кластеризации подтверждают предположение о том, что именно экономическая среда, определяемая рассматриваемым набором детерминант, выступает либо драйвером, либо ограничителем развития организаций МСП. В экономически депрессивных регионах развитие предпринимательства находится на низком уровне. В экономически развитых регионах, с высоким уровнем жизни населения, организации МСП характеризуются повышенным уровнем развития.

Представленное исследование имеет ограничения, которые формируют возможности для будущих исследований. Прежде всего, нами ставилась задача изучить группировку регионов по уровню развития организаций МСП на фоне экономического развития регионов. Но полученные кластеры содержат регионы с разным социальным, географическим, технологическим, институциональным и прочим про-

филем, индикаторы которого можно включать в анализ с целью выявления дополнительных особенностей развития организаций МСП и разработки более точечной политики по повышению результативности их деятельности. Также в работе для проведения кластерного анализа применялись вторичные данные, которые предполагают ограниченное число переменных, собираемых органами статистики, а тем самым невозможность включения в модель всесторонних индикаторов эффективности и устойчивости функционирования организаций МСП.

Помимо этого, развитие результатов проведенного исследования может находиться в плоскости применения иных алгоритмов кластеризации или их сочетания для сравнительной характеристики полученных значений. Также представляется возможным применять результаты исследования для последующего проведения корреляционно-регрессионного анализа внутри отдельных кластеров с целью выделения детерминант развития организаций МСП.

Заключение

В ходе исследования была проведена кластеризация регионов методом k-means. Для кластеризации использовались данные Федеральной службы государственной статистики, отражающие развитие организаций МСП и экономическое развитие 85 регионов России с 2015 по 2021 год. В качестве показателей, характеризующих экономическое развитие региона и влияющих на развитие предпринимательства, учитывались инвестиции в основной капитал на душу населения, доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал, валовой региональный продукт на душу населения, индексы физического объема валового регионального продукта на душу населения, уровень безработицы населения, средняя продолжительность поиска работы безработными, среднедушевые денежные доходы, соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, потребительские расходы в среднем на душу населения, индекс потребительских цен. Для характеристики деятельности организаций МСП

были выбраны следующие показатели: число предприятий МСП на 1000 человек населения, оборот малых и средних предприятий на душу населения, сальдированный финансовый результат малых и средних предприятий на работника, численность работников малых и средних предприятий на душу населения.

Для определения количества кластеров и получения более достоверных результатов одновременно использовались подход иерархической кластеризации методом Уорда и «метод локтя». Было установлено, что оптимальное количество – 5 кластеров. Проведенный не-иерархический кластерный анализ методом k-means позволил получить следующие результаты. Первый кластер включает в себя регионы с высоким уровнем развития организаций МСП на фоне высокого уровня экономического развития территории. Второй кластер – регионы со средним уровнем развития организаций МСП на фоне высокого уровня экономического развития территории. Третий кластер – регионы с повышенным уровнем развития МСП на фоне среднего уровня экономического развития с выраженными повышенными уровнями жизни и потребительских расходов. Четвертый – регионы со средним уровнем развития организаций МСП на фоне среднего уровня экономического развития территории. Пятый кластер – регионы с низким уровнем развития организаций МСП на фоне низкого уровня экономического развития территории. В целом подтверждено, что экономическая среда функционирования определяет уровень развития организаций МСП. В то же время есть особые регионы, такие как Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, в которых, несмотря на очень высокий уровень экономического развития, показатели функционирования организаций МСП находятся на среднем уровне.

Также была построена карта итоговых кластеров, которая позволяет наглядно увидеть их распределение по территории России, следовательно, визуализировать пространственные особенности развития организаций МСП на фоне экономического развития территорий и тем самым учесть их в будущих исследованиях, например при построении пространственных эконометрических моделей.

В работе был предложен динамический подход к изучению изменения состава кластеров. Анализ движения регионов по кластерам за семь лет анализируемого периода позволил определить траектории их перемещения, устойчивость или нестабильность нахождения отдельных территорий в кластере. Особенно сильно траекторий выступило движение только в пределах границ двух кластеров. Временное или постоянное перемещение в вышестоящий кластер наблюдается у регионов с наличием потенциала развития организаций МСП на фоне улучшения показателей экономического развития территории, а регионы, чувствительные к негативному изменению внешней среды, переходят в кластер ниже. Переход регионов в вышестоящие кластеры может быть обеспечен не только вследствие интенсификации экономического развития с учетом индивидуальных характеристик отдельно взятой территории и сохранения высокой динамики показателей, но и путем устранения ограничений экономической среды развития организаций МСП. Имеющиеся ограничения платежеспособного спроса в регионах четвертого кластера, тормозящие развитие организаций МСП, могут быть преодолены через его стимулирование путем повышения уровня жизни населения, реализации проектов в туристической и развлекательной сферах для привлечения граждан из других регионов, развития розничного рынка. Возможно также смещение акцента на меры поддержки организаций МСП по приоритетным направлениям для каждого региона, которые, с одной стороны,

позволят привлечь финансовые ресурсы на развитие, с другой стороны, снизят издержки и стоимость итоговых продуктов и услуг, тем самым простимулируют потребительский спрос. Например, это может быть субсидирование по кредитам и договорам лизинга, расширение субсидий для агробизнеса и пр. Для второго кластера залогом повышения результативности и уровня активности деятельности организаций МСП может выступать расширение рынка сбыта путем развития транспортной инфраструктуры и улучшения логистики, повышения качества и расширения ассортимента продукции и услуг, в том числе досуговых и бытовых, развития сервисных услуг, направленных на обслуживание крупного бизнеса, путем передачи непрофильных направлений организациям МСП и реализации крупных инфраструктурных проектов в сфере ТЭК.

Полученные результаты вносят вклад в развитие методологии анализа организаций МСП путем применения кластерного анализа и могут быть использованы в дальнейших исследованиях для более глубокого изучения причин перемещения регионов в другие кластеры. Такой анализ, дополненный профилем регионов, отражающих отличительные характеристики, сильные и слабые стороны, может быть использован для разработки точечных и дифференцированных управленческих решений, направленных на формирование и реализацию государственной политики по активизации развития и повышению эффективности деятельности организаций МСП с учетом экономической среды их деятельности.

Литература

- Барина В.А., Гладкий А.С., Демидова К.В. [и др.] (2022). Малый и средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика: национальный доклад. Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 66 с.
- Земцов С.П. (2016). Типология регионов России для целей развития малого и среднего предпринимательства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. № 4. С. 99–102.
- Земцов С.П. (2020). Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 46. № 2. С. 168–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-9
- Земцов С.П., Михайлов А.А. (2021). Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. Т. 28. № 4. С. 34–45.
- Келарев В.В. (2021). Бедность как явление российской экономики и ее отрицательное воздействие на практическое развитие малого бизнеса в стране // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 4. С. 86–92. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-86-92

- Кремин А.Е., Россошанский А.И. (2020). Малое предпринимательство и уровень жизни населения: взаимовлияние и проблемы управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 214–229. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.14
- Кузнецов Ю.А., Перова В.И. (2020). Динамика развития малого предпринимательства России в контексте гармонизации стратегий государства и бизнеса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (57). С. 28–36.
- Кузнецова О.В. (2021) Экономика российских регионов в пандемию: работают ли факторы шокоустойчивости? // Региональные исследования. № 3 (73). С. 76–87. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7
- Левушкина С.В. (2015). Методический подход к осуществлению хронотопического кластерного анализа развития системы малого и среднего предпринимательства // Фундаментальные исследования. № 5–4. С. 753–757.
- Лукьянова А.Л., Ощепков А.Ю. (2007). Функционирование региональных рынков труда: заработная плата и безработица // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 3. М.: Независимый институт социальной политики. С. 32–71.
- Наванян А.М. (2012). Оценка потоков безработных и продолжительной безработицы на российском рынке труда // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 42. С. 44–50.
- Образцова О.И., Поповская Е.В. (2017). Опыт применения многомерного статистического анализа для характеристики контекстуальных условий предпринимательской деятельности в регионах РФ // Социологические исследования. № 4 (396). С. 93–106.
- Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. (2020). Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (46). С. 198–210. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-12
- Пиньковецкая Ю.С. (2014). Малое и среднее предпринимательство в Российской Федерации: закономерности пространственного распределения // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 27–36.
- Пиньковецкая Ю.С. (2018). Факторы, влияющие на оборот малых и средних предприятий: оценка по данным регионов России // *Ars Administrandi*. Искусство управления. Т. 10. № 2. С. 199–216. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-2-199-216
- Сибирская Е.В., Иванов Х., Шеремет Н.Г. (2016). Кластерный анализ состояния малого и среднего предпринимательства в регионах России // Среднерусский вестник общественных наук. № 4. С. 127–135. DOI: 10.12737/21327
- Смирнов В.В. (2021). Содержательный анализ регионального предпринимательства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 17. № 3 (396). С. 556–584. DOI: 10.24891/ni.17.3.556
- Суханова Е.И., Ширнаева С.Ю., Константинова Е.О. (2019). Статистический анализ и моделирование влияния социально-экономических факторов на уровень развития малого бизнеса в регионах Российской Федерации // Фундаментальные исследования. № 5. С. 126–132.
- Тарунина Е.Н., Маврина Е.О. (2015). Уровень экономического развития как фактор ранней предпринимательской активности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (38). С. 9–17.
- Филонова Е.С., Букреева Ю.В. (2013). Анализ состояния регионов Центрального федерального округа по показателям предприятий малого и среднего бизнеса // Вестник Финансового университета. № 6 (78). С. 35–47.
- Шпак А.С., Шаталова А.С., Сальников К.Н. (2019) Оценка развития малого предпринимательства в Дальневосточном федеральном округе // Фундаментальные исследования. № 12-1. С. 211–217. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.42650>
- Ayyagari M., Beck T., Demircuc-Kunt A. (2007). Small and medium enterprises across the globe. *Small Business Economics*, 29, 415–434. DOI: 10.1007/s11187-006-9002-5
- Bekeris R. (2012). The impact of macroeconomic indicators upon SME's profitability. *Ekonomika*, 91(3), 117–128. DOI: 10.15388/Ekon.2012.0.883
- Božić L., Rajh E. (2016). The factors constraining innovation performance of SMEs in Croatia. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 29(1), 314–324. DOI: 10.1080/1331677X.2016.1168040
- Corak M., Heisz A. (1996). Alternative measures of the average duration of unemployment. *Review of Income and Wealth*, 42, 63–74. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1996.tb00146.x

- Cui M. (2020). Introduction to the k-means clustering algorithm based on the elbow method. *Geoscience and Remote Sensing*, 3, 9–16. DOI: 10.23977/geors.2020.030102
- Genc E., Dayan M., Genc O.F. (2019). The impact of SME internationalization on innovation: The mediating role of market and entrepreneurial orientation. *Industrial Marketing Management*, 82, 253–264. DOI: 10.1016/j.indmarman.2019.01.008
- Gherghina Ş.C., Botezatu M.A., Hosszu A., Simionescu L.N. (2020). Small and medium-sized enterprises (SMEs): The engine of economic growth through investments and innovation. *Sustainability*, 12, 347. DOI: 10.3390/su12010347
- Golikova V., Kuznetsov B. (2017). Suboptimal size: Factors preventing the growth of Russian small and medium-sized enterprises. *Foresight and STI Governance*, 11(3), 83–93. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.83.93
- Haddoud M.Y., Beynon M.J., Jones P., Newbery R. (2018). SMEs' export propensity in North Africa: A fuzzy c-means cluster analysis. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 25 (5), 769–790. DOI: 10.1108/JSBED-02-2017-0077
- Hagen B., Zucchella A., Cerchiello P., De Giovanni N. (2012). International strategy and performance – clustering strategic types of SMEs. *International Business Review*, 21(3), 369–382. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2011.04.002
- Ipinnaiye O., Dineen D., Lenihan H. (2017). Drivers of SME performance: A holistic and multivariate approach. *Small Business Economics* 48, 883–911. DOI: 10.1007/s11187-016-9819-5
- Jami Pour M., Asarian M. (2019). Strategic orientations, knowledge management (KM) and business performance: An exploratory study in SMEs using clustering analysis, *Kybernetes*, 48(9), 1942–1964. DOI: 10.1108/K-05-2018-0277
- Leitne K., Guldenberg S. (2010). Generic strategies and firm performance in SMEs: A longitudinal study of Austrian SMEs. *Small Business Economy*, 35, 169–189. DOI: 10.1007/s11187-009-9239-x
- Li Y., Huang J., Tsai M. (2009). Entrepreneurial orientation and firm performance: The role of knowledge creation process. *Industrial Marketing Management*, 38, 440–449. DOI: 10.1016/j.indmarman.2008.02.004
- Lorentz H., Hilmola O.-P., Malmsten J., Srai J.S. (2016). Cluster analysis application for understanding SME manufacturing strategies. *Expert Systems with Applications*, 66, 176–188. DOI: 10.1016/j.eswa.2016.09.016
- MacQueen J.B. (1967). Some methods for classification and analysis of multivariate observations. In: *Proceedings of 5-th Berkeley Symposium on Mathematical Statistics and Probability*. Berkeley: University of California Press.
- Mazzarol T., Volery T., Doss N., Thein V. (1999). Factors influencing small business start-ups: A comparison with previous research. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 5(2), 48–63. DOI: 10.1108/13552559910274499
- Punj G., Stewart D.W. (1983). Cluster analysis in marketing research: Review and suggestions for application. *Journal of Marketing Research*, 20(2), 134–148. DOI: 10.1177/002224378302000204
- Storey D.J. (1991). The birth of new firms? Does unemployment matter? A review of the evidence. *Small Business Economics*, 3(3), 167–178. DOI: 10.1007/bf00400022
- Sun L., Chen G., Xiong H., Guo C. (2017). Cluster analysis in data-driven management and decisions. *Journal of Management Science and Engineering*, 2(4), 227–251. DOI: 10.3724/SPJ.1383.204011
- Surya B., Menne F., Sabhan H. et al. (2021). Economic growth, increasing productivity of SMEs, and open innovation. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity* 7(1), 20. DOI: 10.3390/joitmc7010020
- Tambunan T. (2008). SME development, economic growth, and government intervention in a developing country: The Indonesian story. *Journal of International Entrepreneurship*, 6, 147–167. DOI: 10.1007/s10843-008-0025-7
- Tambunan T.T.H. (2009). SME development pattern: A theoretical consideration. In: *SMEs in Asian Developing Countries*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230250949_2
- Toomsalu L., Tolmacheva S., Vlasov A., Chernova V. (2019). Determinants of innovations in small and medium enterprises: a European and international experience. *Terra Economicus*, 17(2), 112–123. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-112-123
- Ward J.H. (1963). Hierarchical grouping to optimize an objective function. *Journal of the American Statistical Association*, 58(301), 236–244. DOI: 10.1080/01621459.1963.10500845
- Yuan C., Yang H. (2019). Research on k-value selection method of k-means clustering algorithm. *J – Multidisciplinary Scientific Journal*, 2(2), 226–235. DOI: 10.3390/j2020016
- Zhou B. (2016). Lean principles, practices, and impacts: A study on small and medium-sized enterprises (SMEs). *Annals of Operations Research*, 241, 457–474. DOI: 10.1007/s10479-012-1177-3

Сведения об авторах

Кристина Алексеевна Захарова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, ведущий научный сотрудник, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: kr.a.zakharova@utmn.ru)

Наталья Алексеевна Бабурина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, младший научный сотрудник, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: n.a.baburina@utmn.ru)

Zakharova K.A., Baburina N.A.

Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Regions of Russia: Cluster Analysis Taking into Account the Economic Development of the Territory

Abstract. Regional economic processes determine the scale of functioning and performance of small and medium-sized enterprises due to their specific involvement in the economy of a territorial entity and quick response to changes in the external environment. The unevenness and high differentiation of economic development in the territories determine the heterogeneity and differences in the level of entrepreneurship development in Russia. In this regard, the aim of our study is to arrange Russian regions into clusters according to indicators reflecting the development of small and medium-sized enterprises and macroeconomic parameters characterizing the economic environment of their functioning, which either acts as a driving force or creates obstacles. The novelty of the approach consists not only in the fact that it integrates enterprises' development indicators and indicators of the external economic environment of their functioning into the clustering parameters, but also in the formation of final clusters, taking into account the grouping of regions for each year of the period under consideration. This makes it possible to determine the stability of the territory in the group or to track the movement between groups. The k-means method is chosen for clustering. Clustering was carried out according to Federal State Statistics Service data from 2015 to 2021 in 85 regions of Russia. Five clusters have been obtained, whose features confirm the assumption that the development of small and medium-sized enterprises is determined by the economic development of the territory as an external environment of their functioning. Nevertheless, a special second cluster was identified, with the presence of restrictions on the use of the potential of the economic environment, which includes regions that differ in the average level of development of small and medium-sized enterprises against the background of high economic development. The results obtained can be used in the elaboration and implementation of policies to improve the sphere of small and medium-sized businesses at the level of the state as a whole and at the level of a particular region. Further development of our findings may consist in changing indicators or including other clustering algorithms, further typologizing regions or conducting correlation and regression analysis within individual clusters.

Key words: small and medium-sized entrepreneurship, organizations of small and medium-sized entrepreneurship, regions of Russia, grouping of regions, clustering, nonhierarchical cluster analysis, k-means method.

Information about the Authors

Kristina A. Zakharova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of department, University of Tyumen (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: kr.a.zakharova@utmn.ru)

Natalia A. Baburina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Junior Researcher, associate professor of department, University of Tyumen (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: n.a.baburina@utmn.ru)

Статья поступила 15.06.2023.

Особенности участия населения городов Европейского Севера России в государственном и муниципальном управлении

Ирина Анатольевна

СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

Аннотация. Участие населения в управлении развитием страны способствует формированию гражданского общества и выступает ключевым элементом демократии. В России, где $\frac{3}{4}$ населения являются горожанами, тематика изучения данных вопросов в городах особенно актуальна для понимания процессов, происходящих в обществе, и разработки эффективных стратегий его развития. Цель исследования заключается в изучении практики участия жителей городов Европейского Севера России в государственном и муниципальном управлении и выявлении его особенностей в различных по размеру населенных пунктах. На основе данных Центральной избирательной комиссии РФ проведен анализ явки жителей 68 городов Европейского Севера России на выборы Президента РФ (2018 г.) и выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ (2021 г.). Также дана оценка уровня поддержки избирателей, оказанной Президенту РФ В.В. Путину и партии «Единая Россия». Выявлено, что электоральная активность жителей определяется в большей степени особенностями структуры экономики города, а не его размером. На основе анализа итогов голосования за выбор объектов благоустройства городской среды выяснено, что жители малонаселенных городов сильнее замотивированы и вовлечены в данные процессы. Также установлено, что территориальное общественное самоуправление наиболее активно используется в малых, а не в крупных городах. В целях оценки неформальных механизмов участия горожан проведен анализ наличия официальных страниц органов местного самоуправления в социальной сети «ВКонтакте» и количества их подписчиков, а также данных о числе участников неофициальных городских сообществ. Выявлено, что такой способ коммуникации с

Для цитирования: Секушина И.А. (2023). Особенности участия населения городов Европейского Севера России в государственном и муниципальном управлении // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 131–152. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.7

For citation: Sekushina I.A. (2023). Features of participation of the population of cities of the European North of Russia in public and municipal administration. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 131–152. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.7

властью в большей степени применяют жители небольших населенных пунктов. Научная значимость исследования заключается в определении особенностей распространения различных механизмов участия населения в зависимости от типа города. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов органами власти при совершенствовании политики по привлечению граждан к управленческим процессам.

Ключевые слова: города, гражданское участие, политическое участие населения, местное самоуправление, выборы, ТОС, Европейский Север России.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01615 «Формальные и неформальные механизмы участия населения в развитии муниципальных образований: особенности и перспективы развития в современных условиях», <https://rscf.ru/project/23-28-01615/>.

Введение

В декабре 2023 года в России будет отмечаться 30-летие со дня принятия всенародным голосованием высшего нормативно-правового акта страны – Конституции РФ¹. В данном документе закреплены основы конституционного строя государства, в соответствии с которыми «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Референдум и свободные выборы выступают высшей формой выражения власти народа. Также граждане России имеют право участвовать в управлении делами государства как лично, так и через своих представителей; направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления. В любом демократическом обществе активное участие населения способствует формированию гражданского общества как главного условия правового государства и важного инструмента выстраивания взаимного диалога между гражданами и органами власти (Кудашова, Жукова, 2021).

В России значимость вовлечения населения в процессы управления развитием территорий отмечается на самом высоком уровне. В апреле 2023 года на заседании Совета по развитию местного самоуправления Президент РФ В.В. Путин подчеркнул важность непосредственного участия жителей в принятии

решений². В Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года в качестве одного из инструментов повышения эффективности работы органов государственной власти и местного самоуправления обозначено привлечение граждан к участию в управлении страной, повышение их гражданской ответственности при решении вопросов социально-экономического развития территорий.

Эффективность деятельности органов государственной власти и местного самоуправления также во многом обеспечивается наличием развитой системы социальных коммуникаций с гражданами, ориентированной на взаимный обмен информацией о возможных путях решения актуальных проблем. К примеру, представителям власти, в отличие непосредственно от самих жителей, не всегда удается в полной мере оценить имеющиеся сложности в работе транспортной или жилищно-коммунальной инфраструктуры. Не менее важным вопросом является выбор локаций для строительства социальных или культурно-досуговых объектов. Как показывает практика³, принятие подобных решений без учета мнений граждан может повлечь за собой возникновение конфликтных ситуаций и даже привести к протестам.

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.

² Владимир Путин в режиме видеоконференции провёл заседание Совета при Президенте по развитию местного самоуправления // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70959>

³ Строительные протесты: что удалось отстоять россиянам? // Циан. URL: <https://spb.cian.ru/stati-stroitelnye-protesty-chto-udalos-otstojat-rossijanam-301245/>

Российская Федерация отличается достаточно высоким уровнем урбанизации: почти $\frac{3}{4}$ всего населения страны проживает в городских населенных пунктах. Во многом именно они определяют траекторию социально-экономического развития российских регионов. В особенности это характерно для северных территорий страны, специфической чертой которых является концентрация населения и производства преимущественно в городах.

В научной литературе, посвященной изучению гражданского участия, проблематика вовлечения населения в решение вопросов развития территорий рассматривается главным образом на примерах крупных и крупнейших городов и в гораздо более редких случаях — средних и малых городов. При этом исследований, изучающих особенности вовлечения граждан в городах различных типов в зависимости от людности или специфики их социально-экономического развития, в российской науке представлено крайне мало.

С учетом вышесказанного *целью настоящей работы стало изучение практики участия жителей городов Европейского Севера России (ЕСР) в государственном и муниципальном управлении и выявление его особенностей в различных по размеру населенных пунктах.* Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: проведен обзор современных исследований, посвященных изучению форм и инструментов участия населения; проанализированы показатели электоральной активности жителей городов ЕСР на выборах Президента РФ и выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ; представлен анализ численности и доли населения городов ЕСР, принявшего участие в голосовании по выбору объектов благоустройства в рамках реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды»; рассмотрена активность горожан в части использования такого инструмента, как территориальное общественное самоуправление (ТОС); дана оценка количества подписчиков на официальные страницы органов местного самоуправления городов ЕСР в социальной сети «ВКонтакте», а также неофициальные городские сообщества.

Элементы научной новизны работы заключаются в проведении анализа как формальных (выборы Президента РФ и в Государственную Думу Федерального Собрания, голосование

граждан за выбор объектов благоустройства территории, территориальное общественное самоуправление), так и неформальных (социальные сети органов местного самоуправления и неофициальные городские сообщества) механизмов участия населения в государственном и муниципальном управлении, а также выявления особенностей их распространения в зависимости от размера города.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу проведенного исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в сфере региональной экономики, государственного и муниципального управления, институциональных основ формирования гражданского общества. В процессе работы применялись методы синтеза и обобщения, монографический, статистический, качественной и количественной обработки данных. Основными источниками информации послужили официальные данные Росстата, в т. ч. Базы данных показателей муниципальных образований; сведения, содержащиеся на официальных сайтах органов местного самоуправления городов ЕСР.

Общая логика исследования заключалась в рассмотрении не только формальных, т. е. законодательно закреплённых, механизмов участия горожан, но и неформальных или нерегламентированных способов проявления гражданской активности. Вместе с тем большую проблему представляет практически полное отсутствие каких-либо статистических данных в разрезе муниципальных образований, позволяющих провести подобную оценку. В годовых отчетах о деятельности глав городов или местных администраций далеко не всегда присутствует раздел, посвященный вопросам участия жителей в развитии города.

Именно поэтому в рамках настоящего исследования за основу были взяты механизмы гражданской активности, оценку которых можно было провести по всем 68 городам Европейского Севера России. Среди официальных форм участия граждан — выборы Президента РФ (18 марта 2018 г.) и выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ восьмого созыва (19 сентября 2021 г.). Материалами для анализа послужили данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК РФ) о явке на выборы и доле избирателей, проголосовавших за действующего Президента РФ В.В. Путина и партию «Единая Россия».

В дополнение к изучению электоральной активности населения был проведен анализ практики участия горожан в голосовании по выбору общественных пространств для благоустройства, осуществленном в рамках реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» нацпроекта «Жилье и городская среда».

Также рассмотрен опыт использования такого механизма гражданского участия, как территориальное местное самоуправление (ТОС). Основным источником получения информации в этом случае послужили сведения, представленные на официальных сайтах органов местного самоуправления городов, а также Ассоциаций муниципальных образований субъектов ЕСР.

Для оценки неформальных механизмов участия жителей во всех городах ЕСР был проведен анализ наличия официальных страниц органов местного самоуправления в социальной сети «ВКонтакте» и количества их подписчиков. Также были проанализированы данные о численности участников неофициальных городских сообществ в социальной сети (если их несколько, была взята самая большая по численности группа).

Теоретические аспекты исследования

Исследованию вопросов участия населения в развитии населенных пунктов посвящены многие работы как ученых-регионалистов, так и социологов. При этом в настоящее время в научной среде отсутствует консенсус в части определения самого понятия «участие населения». В основном в отечественной и зарубежной литературе современными авторами рассматривается социальное, гражданское, политическое участие. Данные понятия достаточно тесно взаимосвязаны между собой и во многом определяются масштабом вопросов, в решении которых участвуют граждане.

В одном из исследований⁴ авторы выделяют четыре уровня социальной активности населения: 1) соседство, 2) социальное (межличностное) участие, 3) гражданское участие, 4) поли-

⁴ Неинституциональная социальная активность граждан: формы реализации и возможной поддержки. Основные выводы по результатам комплексного исследования. 2018 // ЦИРКОН. URL: <https://clck.ru/PkrPg> (дата обращения 25.02.2020).

тическое участие. Если в первом случае люди готовы участвовать в решении скорее бытовых вопросов, а способы выражения активности носят в большей степени неформальный характер, то в последнем варианте речь уже идет о формализованном участии в политической жизни посредством таких форм, как выборы или собрания граждан. В качестве базовых направлений социального или межличностного участия выделяются волонтерство и благотворительность; активность в части решения общегородских проблем; культурные, спортивные, профессиональные объединения граждан; защита интересов отдельных социальных групп населения (Уханова, 2021).

Исследователями (Никовская, Скалабан, 2017) гражданское участие населения рассматривается как «процесс, при помощи которого граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы». При этом авторы выделяют целый ряд ключевых характеристик гражданского участия, в числе которых наличие мотивации, добровольность и осознанность действий участников.

В научной литературе выделяется несколько уровней вовлеченности жителей в управленческие процессы по степени увеличения интенсивности взаимодействия власти и населения: информирование, консультирование, вовлечение, делегирование и партнерство (Королева, Курникова, 2019).

По уровню влияния населения на принимаемые управленческие решения можно выделить три основные модели:

- имитация или отсутствие участия;
- символическое участие;
- реальное влияние граждан (Ревякин, 2017).

Длительное время в России в основном использовались только практики информирования и консультаций, которые относятся к символическому участию населения. В последние годы наблюдается постепенный переход к более активному привлечению граждан к принятию управленческих решений, однако не всегда эти процессы протекают беспрепятственно.

Механизмы участия населения в государственном и муниципальном управлении также условно можно разделить на формальные, т. е. законодательно регламентированные, и не-

формальные, т. е. не закрепленные с правовой точки зрения, но играющие значимую роль в управленческих процессах по развитию территорий (рис. 1).

Выборы в органы государственной власти или местного самоуправления являются формой непосредственной демократии и одним из способов политического участия населения в управлении развитием территорий, а вопросы электоральной активности населения привлекают большое количество исследователей (Ларичев, 2019; Дементьева, 2020; Никитина, 2021; Tavares, Carr, 2013; Gökçe-Kızılkaya, Onursal-Beşgül, 2017).

Среди крупных научных организаций можно выделить Global Citizenship Observatory (GLOCALCIT). Учеными данной организации опубликован целый комплекс работ, посвященных изучению особенностей участия населения в национальных и местных выборах в странах Европейского союза (Peltoniemi, 2018; Carvalhais, Oliveira, 2019; Korzec, Pudzianowska, 2021 и др.). Также проводятся исследования не только в разрезе какого-то отдельного государства, но и страновые сравнения. К примеру, в работе (Hutcheson, Russo, 2021) представлен анализ показателей явки избирателей на муниципальных выборах и на выборах в Европейский парламент по 28 странам Евросоюза.

В азиатских странах проблематика участия населения в выборах в органы государственной или местной власти также весьма актуальна. В частности, изучению особенностей политической активности населения в Китае посвящены работы (Zhang et al., 2015; Hill, 2020; Martinez-Bravo et al., 2022). Выборы в КНР коренным образом отличаются от выборов в западных демократиях, поскольку отсутствует партийная конкуренция. Однако в настоящее время Коммунистической партией Китая на низшем уровне власти разрешены конкурентные выборы: городские и сельские жители вправе выбирать своих представителей в местные комитеты (Residents' Committee и Villagers' Committee соответственно) (Xi, Wen, 2019). Следует отметить, что, поскольку длительное время вплоть до начала 2010-х гг. в КНР сельское население преобладало над городским, внимание ученых было сосредоточено преимущественно на изучении электоральной активности в китайских деревнях и селах. Это было обусловлено еще и тем, что в городах выборы были разрешены только в 2000 году, тогда как в сельской местности уже с конца 1980-х гг. Как показывают результаты исследований, одной из особенностей местных выборов в Китае является большая активность именно сельских жителей (Kennedy et al., 2018; Xi, Wen, 2019).

Рис. 1. Формальные и неформальные механизмы участия населения в государственном и муниципальном управлении

Источник: составлено автором.

Среди отечественных работ по изучению электоральной активности граждан можно выделить проводимые на регулярной основе исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)⁵ или Российского общественного института избирательного права⁶.

Одним из актуальных в настоящее время вопросов является вовлечение населения в процессы стратегического управления развитием своих населенных пунктов. Согласно ст. 13 Федерального закона № 172-ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предусматривается общественное обсуждение разрабатываемых документов, однако при этом сами жители не входят в число участников стратегического планирования. К сожалению, в российской практике органы местного самоуправления часто не заинтересованы в глубоком обсуждении разработанных проектов документов стратегического планирования и получении обратной связи от местного сообщества (Чарахчян, Бондаренко, 2017). В подавляющем большинстве случаев население привлекается в процесс стратегического планирования лишь на этапе утверждения стратегии посредством проведения процедуры публичных слушаний, которая часто носит формальный характер (Дусь, Власкина, 2018).

Вместе с тем чрезвычайно важно на самых ранних стадиях привлекать жителей к разработке стратегий социально-экономического развития территорий, поскольку в конечном итоге главной миссией этих документов является создание комфортных условий проживания и обеспечение благополучия граждан (Маркварт, 2017).

Одной из форм привлечения населения и учета его мнений выступает проведение социологических опросов о проблемах и перспективах развития территории проживания. Еще одним инструментом может быть экспертное интервью с представителями профессиональных сообществ, деятельность которых имеет большое значение для развития того или иного населенного пункта.

⁵ Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog/politics>

⁶ Сайт Российского общественного института избирательного права. URL: <https://roiip.ru/reports/>

Значимой формой участия граждан в управлении развитием территорий является их вовлечение в бюджетные процессы на местном уровне. В научной литературе последних лет все чаще стали появляться работы, посвященные изучению вопросов гражданского или народного бюджетирования (Đulabić, Jerinić, 2021; Szczepańska et al., 2022; Смолева, 2021) и краудфандинга (Stiver et al., 2015; Langley et al., 2020; Koniagina et al., 2021; Латышева, 2020) как форм участия населения в развитии городов. В первом случае граждане непосредственным образом задействованы в процессах целевого выделения государственных средств. Именно общество определяет, создание каких объектов городской инфраструктуры необходимо горожанам и на что в первую очередь следует выделять финансирование. Примером реализации данного подхода в России является инициативное бюджетирование в рамках проекта «Народный бюджет» или проведение голосований по выбору общественных пространств для благоустройства в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда».

Гражданский краудфандинг не является полноценной заменой обычному муниципальному бюджетированию, а скорее выступает в качестве дополнительного финансового инструмента (Mauger, 2016). Краудфандинговые платформы позволяют жителям городов финансово участвовать в создании важных для них инфраструктурных или культурных объектов.

Одной из форм участия населения в развитии городов выступает территориальное общественное самоуправление (ТОС), что также нашло отражение во многих научных работах (Булах и др., 2021; Гнездилова, Оганесян, 2021; Сафаров, 2022; Михайлов, 2023). В отличие от органов местного самоуправления наличие ТОС в муниципальном образовании не является обязательным и не имеет законодательно установленного перечня вопросов, решением которых данный институт занимается. Главное преимущество ТОС заключается в том, что жители даже небольшой территории внутри города (например, двора или улицы) могут достаточно в короткие сроки решить проблемы, на рассмотрение которых у органов государственной власти или местного самоуправления ушло бы гораздо больше времени.

Важной формой гражданского участия и способом взаимодействия с органами государственной власти или местного самоуправления выступают обращения граждан, которые по своему содержанию могут быть представлены в виде предложения, заявления или жалобы. При этом в эпоху стремительного развития Интернета и социальных сетей у граждан появляется все больше возможностей общения с органами власти и проявления своей гражданской позиции (Фролов, Агурова, 2019). Одним из ключевых преимуществ цифровых технологий является и повышение скорости донесения информации о существующей проблеме, а значит сокращение сроков ее решения.

Тематика влияния процессов цифровизации на активность населения нашла отражение в работах многих современных авторов. К примеру, в исследовании (Ferrucci et al., 2020) на основе анализа данных пользователей социальной сети Facebook⁷ анализируется политическая активность граждан США в онлайн-формате и взаимосвязь между частотой использования социальной сети и степенью политической вовлеченности. В исследовании (Zagidullin et al., 2021) рассматриваются вопросы применения социальных сетей как инструмента протестной активности населения в Турции.

В целом обзор литературы позволяет заключить, что изучению форм и механизмов участия населения в развитии локальных территорий, в частности городов, посвящено достаточно большое количество работ отечественных и зарубежных авторов. Вместе с тем большинство авторов в качестве объекта исследования выбирают один или несколько городов. При этом населенные пункты, как правило, либо расположены в одном субъекте РФ, либо относятся к одной категории по численности населения (например, крупные города или города-миллионники). Однако современная городская система характеризуется многообразием различных типов городов, соответственно, они могут отличаться и уровнем активности жителей. Социальные связи, скрепляющие локальное сообщество, в крупных городах значительно слабее развиты, чем в малых городах (Ларичев, 2019),

соответственно, между данными типами городов могут наблюдаться отличия в использовании тех или иных форм участия граждан в развитии населенного пункта.

В настоящем исследовании на примере Европейского Севера России как одного из российских макрорегионов предпринята попытка рассмотреть вопрос распространения практик участия граждан в разных по численности населения городах.

Основные результаты исследования

В состав Европейского Севера России входят республики Коми и Карелия, Вологодская, Мурманская и Архангельская области, включая Ненецкий автономный округ. Рассматриваемые территории полностью отвечают критериям выделения регионального пространства, поскольку характеризуются наличием устоявшихся экономических, инфраструктурных, социокультурных внутрирегиональных связей, а также отличаются от других территорий общностью природно-географических и климатических условий, преобладанием сырьевого сектора в экономике, единством транспортной и энергетической инфраструктуры, низким уровнем заселенности территории, высокими показателями урбанизации (79,8%), превышающими значения в среднем по стране (74,8%).

На территории рассматриваемых субъектов РФ имеется большое многообразие городов различных типов: крупных (Архангельск, Мурманск, Вологда, Череповец), больших (Петрозаводск, Сыктывкар, Северодвинск), средних (Котлас, Ухта и др.) и малых, в четверти которых численность населения составляет менее 10 тыс. человек (*табл. 1*).

Выбор объекта исследования был обусловлен также наличием разнообразия городов по хозяйственной специализации или особенностям структуры экономики. В частности, имеются города с преобладанием добывающей (Воркута, Ухта, Костомукша, Оленегорск и др.) и обрабатывающей (Череповец, Сегежа, Мончегорск и др.) промышленности, туристические города (Великий Устюг, Кириллов и др.) и т. д. Многие населенные пункты являются моногородами (Новодвинск, Емва, Коряжма, Сокол и др.) или относятся к категории закрытых административно-территориальных образований (Заозерск, Мирный и др.).

⁷ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Таблица 1. Количество городов в регионах Европейского Севера России / доля населения, в них проживающего, от общей численности населения субъекта РФ*, %

Регион	Численность населения					Всего
	от 250 тыс. до 1 млн чел.	от 100 до 250 тыс. чел.	от 50 до 100 тыс. чел.	от 10 до 50 тыс. чел.	менее 10 тыс. чел.	
Республика Карелия	-	1 / 44,7	-	5 / 19,1	7 / 10,0	13 / 73,8
Республика Коми	-	1 / 30,3	2 / 18,5	5 / 16,3	2 / 2,4	10 / 67,5
Архангельская область (вкл. НАО)	1 / 31	1 / 16,2	1 / 5,8	7 / 18,0	4 / 1,9	14 / 72,9
Вологодская область	2 / 54,3	-	-	5 / 8,8	8 / 5,0	15 / 68,1
Мурманская область	1 / 40,6	-	-	11 / 41,2	4 / 4,1	16 / 85,9
Всего по субъектам ЕСР	4 / 29,4	3 / 15,3	3 / 4,8	33 / 19,0	25 / 4,3	68 / 72,8

* По данным на 1.01.2023 г.
 Источник: составлено автором на основе данных Росстата: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

На первом этапе исследования нами был проведен анализ политической активности жителей городов ЕСР на основе данных Центральной избирательной комиссии РФ о результатах выборов Президента РФ, проведенных в 2018 году, и выборов в Государственную Думу Федерального Собрания, проведенных в 2021 году (табл. 2).

Таблица 2. Результаты выборов Президента РФ (2018 г.) и выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ (2021 г.), %

Город	Численность населения, чел. (2023 г.)	Выборы Президента РФ (2018 г.)*		Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ (2021 г.)*	
		Явка	Доля проголосовавших за В.В. Путина	Явка	Доля проголосовавших за партию «Единая Россия»
Петрозаводск	235793	60,2	71,4	40,5	30,6
Костомукша	25928	61,3	77,8	38,8	34,1
Кондопога	25295	61,8	69,0	44,1	26,7
Сегежа	23074	57,3	74,7	35,3	34,6
Сортавала	14787	59,9	75,1	39,9	30,4
Медвежьегорск	11737	53,9	69,4	40,3	29,3
Кемь	9712	57,4	75,1	43,2	26,1
Питкяранта	8094	54,4	71,7	33,3	33,0
Олонец	7631	56,0	73,7	39,5	35,1
Беломорск	7407	50,5	72,0	36,3	36,1
Пудож	7207	52,4	72,0	41,1	24,8
Суоярви	6819	53,7	68,7	41,0	32,5
Лахденпохья	5855	55,9	75,2	38,9	30,2
Республика Карелия	527880	57,1	73,0	39,6	31,7
Сыктывкар	220042	61,3	68,9	40,3	27,2
Ухта	78081	61,8	71,1	41,0	28,1
Воркута	56389	50,3	74,1	26,6	27,6
Печора	34383	57,8	72,6	35,8	27,3
Усинск	31358	62,4	74,2	35,7	28,7
Сосногорск	22032	62,1	68,0	41,1	26,8
Инта	19529	50,4	68,5	30,9	31,2
Емва	10779	59,6	64,8	43,1	28,7
Вуктыл	9198	62,8	70,1	41,7	26,4
Микунь	8401	63,5	69,6	42,2	29,3
Республика Коми	726434	60,4	71,4	39,5	29,4
Архангельск	298617	57,0	73,7	38,6	31,5
Северодвинск	156056	64,9	78,3	45,0	27,7
Котлас	56122	64,4	72,2	41,4	23,6

Окончание таблицы 2

Город	Численность населения, чел. (2023 г.)	Выборы Президента РФ (2018 г.)		Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ (2021 г.)*	
		Явка	Доля проголосовавших за В.В. Путина	Явка	Доля проголосовавших за партию «Единая Россия»
Новодвинск	32826	61,6	74,7	38,4	33,2
Коряжма	34002	61,8	70,9	41,0	27,6
Мирный	27174	76,4	82,0	62,0	53,5
Вельск	21406	59,8	69,4	39,2	26,4
Няндомы	18146	57,3	74,0	39,8	29,2
Онега	16449	54,2	72,8	35,3	31,8
Каргополь	8737	59,4	71,5	40,7	31,1
Шенкурск	4524	54,3	72,6	32,4	33,9
Мезень	2832	62,5	71,1	41,7	31,2
Сольвычегодск	1858	61,5	67,5	46,3	28,5
Архангельская область	964304	59,2	75,3	41,6	32,2
Нарьян-Мар	23579	60,0	71,3	40,4	25,4
Ненецкий АО	41383	63,6	71,6	42,6	29,1
Вологда	311628	66,3	69,7	42,9	30,9
Череповец	301040	69,2	73,4	42,0	33,4
Сокол	34298	58,7	73,1	40,3	34,3
Великий Устюг	28266	64,6	73,6	45,7	25,7
Грязовец	14424	64,3	72,5	46,7	33,2
Бабаево	11646	63,6	74,1	43,0	35,4
Вытегра	10292	56,2	71,9	45,2	33,2
Тотьма	8647	63,3	68,7	48,2	36,2
Харовск	8361	59,3	72,0	45,6	36,6
Белозерск	8183	56,8	69,8	43,3	32,2
Устюжна	7653	62,9	71,3	44,8	37,2
Никольск	7607	60,3	70,1	44,3	32,4
Кириллов	7069	64,1	70,3	47,0	33,3
Красавино	5460	63,8	76,5	46,0	37,3
Кадников	4022	59,4	74,5	47,0	33,7
Вологодская область	1128782	66,1	72,4	45,5	34,3
Мурманск	267422	64,8	76,9	34,9	28,8
Апатиты	48748	68,8	71,2	38,5	30,8
Североморск	43394	70,8	79,4	49,1	49,7
Мончегорск	39477	64,6	76,2	36,7	30,8
Кандалакша	28438	61,2	74,1	36,9	31,4
Кировск	24271	72,1	71,1	38,2	28,4
Оленегорск	20875	62,6	79,1	39,4	34,4
Полярный	12154	70,5	77,8	50,5	29,6
Ковдор	15423	62,6	76,3	36,3	29,2
Полярные Зори	14078	74,4	72,2	40,3	35,7
Заполярный	14231	62,4	75,4	37,5	32,4
Снежногорск	10023	65,5	76,8	34,5	27,7
Гаджиево	9088	77,8	80,1	53,6	39,8
Кола	8933	60,7	77,0	34,2	32,0
Заозерск	7760	69,0	80,6	47,2	40,8
Островной	1412	63,0	82,7	41,7	34,5
Мурманская область	658698	66,3	76,4	43,7	35,8
Российская Федерация	146447424	67,5	76,7	51,6	49,8

Явка, превышает значения в среднем по субъекту РФ

Доля проголосовавших, превышает значения в среднем по субъекту РФ

* Итоги голосования по федеральному избирательному округу (по партийным спискам).

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Центральной избирательной комиссии РФ. URL: <http://www.cikrf.ru>

На выборах Президента РФ жители городов ЕСР проявили большую активность, чем на выборах депутатов в Государственную Думу, что соответствует ситуации в среднем по регионам и стране в целом. В определенной степени это обусловлено тем, что для признания президентских выборов состоявшимися необходима явка избирателей не менее 50%, тогда как на парламентских выборах порог явки отсутствует.

Анализ электорального поведения граждан в разрезе городов в рамках отдельных субъектов РФ позволил выделить следующие особенности. В Республике Карелии высокая явка на президентских выборах зафиксирована в административном центре – г. Петрозаводске (60,2%) и в малых городах с численностью населения от 10 до 30 тыс. чел. (за исключением г. Медвежьегорска). В населенных пунктах с людностью менее 10 тыс. человек явка была ниже средних значений по региону. Высокий уровень поддержки действующего Президента РФ В.В. Путина наблюдался в городах Костомукша (77,8%), Кемь (75,1%), Сортавала (75,1%), Сегежа (74,7%), а также в малонаселенных Лахденпохье (75,2%) и Олонце (73,7%).

На выборах в Государственную Думу РФ самая высокая явка избирателей была характерна для моногорода Кондопоги (44,1%), а также небольших по людности городов Кемь (43,2%), Пудож (41,1%), Суоярви (41%). Более высокий уровень поддержки партии «Единая Россия» наблюдался в основном в городах с численностью населения до 10 тыс. человек – Беломорск (36,1%), Олонец (35,1%), а также промышленных городах Сегежа (34,6%) и Костомукша (34,1%).

В Республике Коми наиболее высокая явка на выборах Президента РФ зафиксирована в самых малонаселенных городах региона: г. Микунь – 63,5%, г. Вуктыл – 62,8%. В городах Усинск, Сосногорск, Ухта и Сыктывкар она также превысила среднерегиональные значения (60,4%). Однако лишь в трех добывающих городах: Усинск (74,2%), Воркута (74,1%), Печора (72,6%) – уровень поддержки В.В. Путина был выше показателей в среднем по республике (71,4%).

В Архангельской области в 9 из 13 городов явка на выборах Президента РФ превысила среднеобластные значения (59,2%). Среди всех рассматриваемых населенных пунктов выделяется г. Мирный, имеющий статус ЗАТО: явка

в нем составила 76,4%, а уровень поддержки В.В. Путина – 82%. Лишь еще в одном городе региона – Северодвинске – доля проголосовавших за действующего Президента РФ превысила средние значения по области (78,3%). Явка на выборы в Государственную Думу в г. Мирный также была самой высокой (62%). За партию «Единая Россия» проголосовало более трети избирателей лишь в двух городах: ЗАТО Мирный (53,5%) и г. Новодвинск (33,2%). Самый низкий уровень поддержки наблюдался в Котласе (23,6%) и Вельске (26,4%).

В единственном городе Ненецкого автономного округа – Нарьян-Маре – показатели явки и на выборы Президента РФ (60%), и на выборы в Государственную Думу (40,4%) были ниже значений в среднем по стране (67,5 и 51,6% соответственно) и по региону (63,6 и 42,6% соответственно). При этом, если уровень поддержки населением города В.В. Путина достаточно высокий (71,3%), то партию «Единая Россия» поддерживает лишь четверть избирателей.

На президентских выборах в Вологодской области наибольшая активность избирателей наблюдалась в двух крупных городах региона: в г. Вологде она составила 66,3%, в Череповце – 69,2%. В остальных городах (все они относятся к категории малых), явка была ниже среднеобластных значений (66,1%). Самая низкая активность характерна для Белозерска (56,8%) и Вытегры (56,2%).

Наиболее высокий уровень поддержки В.В. Путина наблюдался в двух самых малолюдных городах Вологодской области – Красавино (76,5%) и Кадникове (74,5%). В Череповце (73,4%) показатель также превысил среднеобластные значения. Напротив, в Вологде доля проголосовавших за действующего Президента РФ (69,7%) была одной из самых низких в регионе, ниже только в г. Тотьме (68,7%).

Несколько противоположная ситуация сложилась с явкой на выборы в Государственную Думу РФ. Наибольшая активность населения наблюдалась в малонаселенных городах: в г. Тотьме явка составила 48,2%, в Кадникове и Кириллове – по 47%. В Вологде и Череповце, напротив, явка очень низкая: 42,9 и 42,0% соответственно. Партия «Единая Россия» пользуется большей поддержкой в небольших по людности городах: г. Красавино (37,3%), г. Устюжна (37,2%) и г. Харовск (36,6%).

Среди всех рассмотренных регионов в Мурманской области отмечена самая высокая явка избирателей на президентские выборы: в среднем по региону 66,3%, что можно объяснить наличием большого количества городов-ЗАТО. Именно города данной категории являются лидерами по доле населения, участвующего в выборах. В 2018 году явка на выборы в ЗАТО Полярные Зори, ЗАТО Североморск, г. Гаджиево и г. Полярный (входят в состав ЗАТО Александровск) превысила 70%. Высокая активность жителей наблюдалась также в г. Кировске (72,1%) и г. Апатиты (68,8%). Уровень поддержки В.В. Путина также самый высокий в закрытых административно-территориальных образованиях: г. Островной (82,7%), г. Заозерск (80,6%), г. Гаджиево (80,1%). Ситуация с явкой на выборы в Государственную Думу и долей проголосовавших за «Единую Россию» в целом аналогичная.

Проведение опросов населения по вопросам развития социальной, транспортной или жилищно-коммунальной сферы города выступает одним из способов вовлечения граждан в управленческие процессы. Так, с началом реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» нацпроекта «Жилье и городская среда» у жителей городов появилась возможность принимать непосредственное участие в выборе объектов благоустройства своего населенного пункта в ходе онлайн-голосования.

В настоящее время в рамках реализации нацпроекта уже благоустроено свыше 55 тыс. объектов, включая общественные пространства и дворы⁸.

В 2023 году жители городов ЕСР также имели возможность проголосовать за объекты благоустройства или за конкретные дизайн-проекты общественных территорий. В разрезе рассматриваемых субъектов РФ следует выделить Республику Карелию и Архангельскую область, где голосование проводилось практически в каждом городе (за исключением Беломорска и Сольвычегодска соответственно). Для сравнения, в Вологодской области лишь 8 из 15 городов подавали заявки на участие в проекте по формированию комфортной городской среды.

Показатель доли горожан, принявших участие в голосовании, от общей численности жителей населенных пунктов, позволяет заключить, что население малых городов, в особенности с людностью до 10 тыс. человек, гораздо сильнее вовлечено в данные процессы. Абсолютным лидером является г. Каргополь, где в голосовании приняло участие свыше 40% населения (табл. 3). В Устюжне и Белозерске каждый четвертый житель сделал свой выбор в пользу понравившегося проекта по благоустройству. В числе средних городов на фоне других заметно выделяется Котлас, где почти треть населения проявила активность.

Таблица 3. Участие жителей городов ЕСР в голосовании по выбору общественных пространств для благоустройства

Город	Численность населения, чел.	Количество общественных пространств, выдвинутых на голосование, ед.*	Количество участников голосования, чел.	Кол-во участников голосования к численности населения города, %
Каргополь	8737	3	3567	40,8
Котлас	56122	9	17492	31,2
Устюжна	7653	3	1984	25,9
Белозерск	8183	3	2121	25,9
Мезень	2832	2	706	24,9
Пудож	7207	4	1734	24,1
Великий Устюг	28266	9	6508	23,0
Вельск	21406	3	4698	21,9
Няндама	18146	7	3979	21,9
Кириллов	7069	3	1529	21,6
Коряжма	34002	4	7344	21,6

⁸ Стартовало всероссийское голосование за объекты благоустройства // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aarpampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/startovalo-vserossiyskoe-golosovanie-za-obekty-blagoustroystva>

Окончание таблицы 3

Город	Численность населения, чел.	Количество общественных пространств, выдвинутых на голосование, ед.*	Количество участников голосования, чел.	Кол-во участников голосования к численности населения города, %
Нарьян-Мар	23579	6	5022	21,3
Кемь	9712	3	2066	21,3
Шенкурск	4524	3	962	21,3
Сортавала	14787	6	2797	18,9
Полярный	12154	3	2167	17,8
Олонец	7631	4	1329	17,4
Тотьма	8647	3	1505	17,4
Питкяранта	8094	3	1384	17,1
Оленегорск	20875	4	3543	17,0
Суоярви	6819	2	1123	16,5
Североморск	43394	7	7055	16,3
Мирный	27174	4	4380	16,1
Вытегра	10292	3	1603	15,6
Емва	10779	1	1670	15,5
Полярные Зори	14078	4	2146	15,2
Кандалакша	28438	4	4331	15,2
Ковдор	15423	2	2347	15,2
Кола	8933	2	1353	15,1
Медвежьегорск	11737	4	1770	15,1
Вологда	311628	8	46739	15,0
Северодвинск	156056	3	23275	14,9
Лахденпохья	5855	3	872	14,9
Сегежа	23074	3	3401	14,7
Кондопога	25295	4	3656	14,5
Ухта	78081	2	11163	14,3
Череповец	301040	6	42893	14,2
Мончегорск	39477	3	5557	14,1
Апатиты	48748	1	6793	13,9
Архангельск	298617	20	40943	13,7
Онега	16449	2	2249	13,7
Петрозаводск	235793	25	32237	13,7
Инта	19529	3	2644	13,5
Сосногорск	22032	4	2978	13,5
Гаджиево	9088	2	1189	13,1
Костомукша	25928	6	3203	12,4
Кировск	24271	1	2941	12,1
Сыктывкар	220042	18	26207	11,9
Заозерск	7760	3	909	11,7
Снежногорск	10023	1	1131	11,3
Усинск	31358	2	3455	11,0
Мурманск	267422	9	28069	10,5
Печора	34383	1	3596	10,5
Воркута	56389	3	5865	10,4
Новодвинск	32826	3	2878	8,8

* В случае, где указано одно общественное пространство, голосование проходило за выбор дизайн-проекта по его благоустройству. Источник: информация о количестве участников голосования получена на основе материалов сайтов о ходе реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» в Республике Карелия. URL: <https://10.gorodsreda.ru/>; Республике Коми. URL: <https://11.gorodsreda.ru/>; Архангельской области. URL: <https://29.gorodsreda.ru/>; Вологодской области. URL: <https://35.gorodsreda.ru/>; Мурманской области. URL: <https://51.gorodsreda.ru/>; Ненецком автономном округе. URL: <https://83.gorodsreda.ru/>

В группе больших и крупных городов самые высокие показатели у Вологды: порядка 15% населения участвовало в голосовании. Менее активны в данном вопросе жители Мурманска, в котором лишь каждый десятый горожанин принял участие в опросе по выбору объектов благоустройства.

Одной из форм участия населения в решении вопросов местного значения, закрепленной в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, является также территориальное общественное самоуправление (ТОС). Данный механизм базируется на взаимодействии непосредственно самих жителей, которые самостоятельно определяют перечень наиболее актуальных проблем и на добровольных началах самоорганизуются для их решения. Органы местного самоуправления в свою очередь могут осуществлять консультативную помощь ТОСам, а также оказывать поддержку в части материального обеспечения их деятельности.

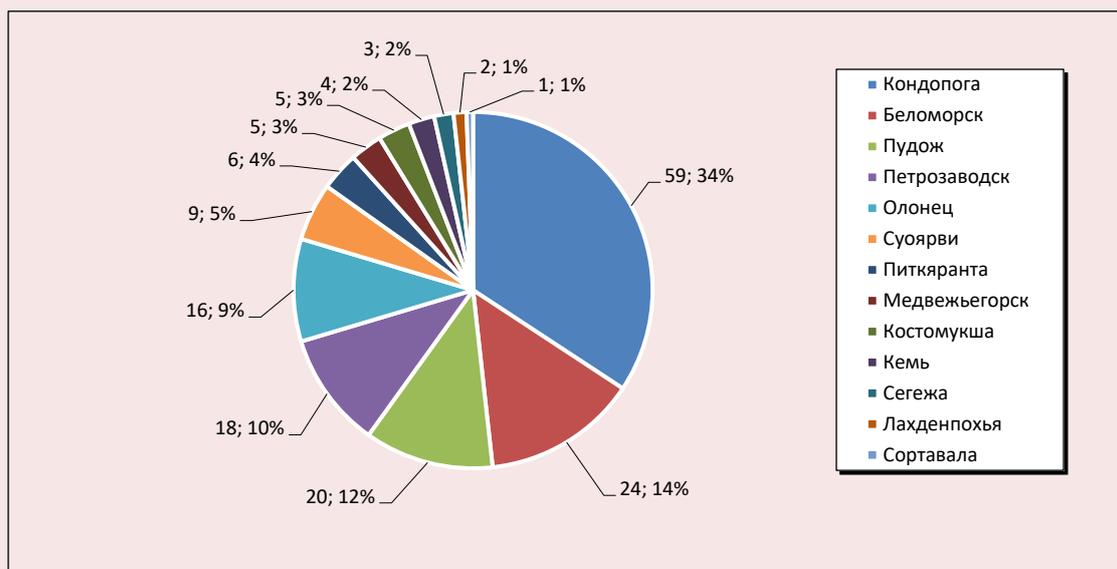
Институт территориального общественного самоуправления обладает значительным потенциалом для развития небольших по размеру территорий. Вместе с тем в настоящее время, на наш взгляд, достаточно серьезную проблему

представляет отсутствие четкой системы учета работы ТОСов. В частности, среди рассматриваемых регионов ЕСР наиболее полная информация о количестве ТОС имеется только по Республике Карелия.

По состоянию на 01.07.2023 в регионе создано 572 ТОСа, однако лишь 172 из них (30%) в городах (рис. 2). Следует подчеркнуть, что самое большое количество ТОСов функционирует в малых городах, а не в административном центре Петрозаводске. Так, в г. Кондопоге с населением менее 30 тыс. человек имеется 59 ТОСов, или треть от их общего количества в городах республики. В Беломорске и Пудож, где численность населения менее 9 тыс. чел., создано 24 и 20 ТОСов соответственно. Наименее распространена данная форма гражданской активности в следующих городах: Сортавала (1 ТОС), Лахденпохья (2 ТОСа) и Сегежа (3 ТОСа).

В Архангельской области по данным на 01.02.2023 зарегистрировано 1204 ТОСа. При этом информация представлена только в разрезе муниципальных районов, городских или муниципальных округов. Соответственно, затруднительно вычленить, сколько ТОСов имеется в городах, которые не обладают данным

Рис. 2. Количество функционирующих ТОСов в городах Республики Карелия в 2023 году; их доля от общего количества в городах республики

Источник: Реестр территориальных общественных самоуправлений Республики Карелия по состоянию на 01.07.2023. URL: <https://асмо-карелия.рф/wp-content/uploads/2023/07/Reestr-na-01.07-2023.pdf>

статусом. Вместе с тем по имеющимся сведениям можно заключить, что лидером по количеству функционирующих ТОСов являются не самые большие по людности города области Архангельск (18 ТОСов) и Северодвинск (2 ТОСа), а г. Котлас (33 ТОСа), который относится к категории средних городов⁹.

На основе материалов Ассоциации муниципальных образований Республики Коми¹⁰ можно сделать вывод, что практика применения территориального общественного самоуправления в городах используется крайне слабо. Так, из всех 87 ТОСов республики лишь один расположен в Сыктывкаре и два в Инте. К сожалению, по Вологодской и Мурманской областям актуальная информация о количестве ТОСов в систематизированном виде не представлена, поэтому по данным регионам сложно сделать какие-то определенные выводы.

В целом, на наш взгляд, ТОСы выполняют очень важную миссию по объединению и сплочению людей для решения общих проблем, поскольку в индивидуальном порядке не каждый горожанин готов проявлять свою гражданскую активность.

Далее в рамках исследования нами был проведен анализ наличия официальных страниц органов местного самоуправления городов и количества их подписчиков в социальной сети «ВКонтакте». Согласно полученным в ходе исследования данным, в настоящее время в 33 из 66 муниципальных образований¹¹ органы местной власти имеют аккаунт в социальной сети (табл. 4). При этом анализ доли подписчиков от общей численности населения позволяет сделать вывод о том, что жители крупных городов в гораздо меньшей степени активны в этом виде коммуникации с властью.

Таблица 4. Количество подписчиков официальных страниц органов местного самоуправления городов ЕСР в социальной сети «ВКонтакте»*

№ п/п	Муниципальное образование	Численность населения, чел.	Название сообщества в социальной сети «ВКонтакте»	Число подписчиков сообщества, ед.	Кол-во участников к численности населения муниципального образования, %
1	ЗАТО Мирный	27174	Мирный официальный	17407	64,1
2	МО Полярные Зори	15726	Полярные Зори	9570	60,9
3	ЗАТО Заозерск	7760	Администрация ЗАТО город Заозерск	4273	55,1
4	ГО Нарьян-Мар	23579	Город Нарьян-Мар	10368	44,0
5	ЗАТО Александровск	32232	ЗАТО Александровск	13699	42,5
6	МО Кировск	26253	Твой Кировск	10754	41,0
7	МО Ковдорский район	16763	Моногород.Ковдор	6827	40,7
8	ГО Вуктыл	10365	Администрация ГО «Вуктыл»	4157	40,1
9	ЗАТО Островной	1432	Администрация ЗАТО г. Островной	565	39,5
10	ГП Сортавала	17930	Администрация Сортавальского поселения	6326	35,3
11	МО Мончегорск	41729	Администрация города Мончегорска	13686	32,8
12	ГО Костомукша	26531	Костомукшский городской округ	8585	32,4
13	ГО Инта	21092	Администрация МО ГО «Инта»	5946	28,2
14	ГО Северодвинск	156731	Администрация Северодвинска	40784	26,0
15	ГО Котлас	67023	Администрация городского округа «Котлас»	17095	25,5
16	ГО Воркута	67702	Администрация города Воркуты	15745	23,3

⁹ Интернет-портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. URL: <https://www.tos29.ru/geografia/>

¹⁰ Официальный интернет-портал Ассоциация «Совет муниципальных образований Республики Коми». URL: http://atosrk.ru/page/tos_komi

¹¹ Рассмотрены 66 муниципальных образований, а не 68, т. к. 3 города (Гаджиево, Снежногорск и Полярный) входят в состав одного муниципального образования – ЗАТО Александровск.

Окончание таблицы 4

№ п/п	Муниципальное образование	Численность населения, чел.	Название сообщества в социальной сети «ВКонтакте»	Число подписчиков сообщества, ед.	Кол-во участников к численности населения муниципального образования, %
17	ГО Коряжма	34002	Администрация городского округа «Город Коряжма»	7775	22,9
18	ГП Вельск	21815	Администрация городского поселения «Вельское»	4563	20,9
19	ГО Усинск	36025	Администрация округа «Усинск»	7531	20,9
20	ГО Ухта	94168	Администрация МОГО «Ухта»	18629	19,8
21	МО Оленегорск	27974	Администрация города Оленегорска	4348	15,5
22	МО Апатиты	48763	Администрация города Апатиты	7205	14,8
23	ГО Североморск	50949	Администрация ЗАТО г. Североморск	7139	14,0
24	ГО Архангельск	303357	Открытый Архангельск	40796	13,4
25	ГО Петрозаводск	235793	Администрация Петрозаводского городского округа	29599	12,6
26	ГП Никольск	7607	Администрация города Никольска	903	11,9
27	ГО Новодвинск	32826	Администрация МО «Город Новодвинск»	3223	9,8
28	ГО Сыктывкар	233105	Официальный Сыктывкар	21408	9,2
29	ГП Красавино	5460	Территориальный отдел в городе Красавино	352	6,4
30	ГП Микунь	8401	Администрация ГП «Микунь»	516	6,1
31	ГО Мурманск	267422	Администрация города Мурманска	14713	5,5
32	ГО Вологда	318112	Администрация города Вологды	8785	2,8
33	ГО Череповец	301040	Мэрия города Череповца	4870	1,6

* Количество участников сообществ представлено по состоянию на 19 июля 2023 года. Подписчиками могут являться не только жители данного муниципалитета.
Источник: составлено автором на основе информации социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/>

К примеру, в Череповце лишь 1,6% жителей подписаны на сообщество «Мэрия Череповца», в Вологде 2,8% населения подписано на группу «Администрация города Вологды».

Лидерами по охвату населения являются ЗАТО Мирный Архангельской области, муниципальный округ Полярные Зори и ЗАТО Заозерск Мурманской области, где более половины жителей подписаны на официальные станицы органов местного самоуправления¹². Среди городов с людностью менее 10 тысяч человек только в трех органы местного самоуправления имеют страницу «ВКонтакте», однако количество подписчиков невелико.

¹² В состав подписчиков официальных сообществ органов местного самоуправления в социальной сети «ВКонтакте» могут входить не только жители рассматриваемого муниципального образования, поэтому представленные данные обладают определенной долей погрешности.

В г. Никольске около 12% населения являются участниками сообщества «Администрация города Никольска», в г. Красавино – 6,2% жителей подписаны на «Территориальный отдел в городе Красавино», в г. Микуне – 6,1% на «Администрация ГП „Микунь”». В целом большая активность населения в данной форме взаимодействия с местной властью характерна для городов с численностью населения от 10 до 30 тыс. человек.

Следует отметить, что практически на всех официальных страницах органов местного самоуправления присутствуют формы для обращений граждан. Любой житель города таким образом может сообщить о проблеме, задать вопрос или высказать свое мнение. Однако современные цифровые технологии позволяют отслеживать жалобы или предложения не только в официальных сообществах местной власти. К примеру, система мониторинга социальных сетей «Инцидент Менеджмент» позволяет

находить и обрабатывать сообщения, которые граждане оставляют в открытых источниках в сети Интернет, например в неофициальных городских сообществах.

В рамках исследования нами был проведен анализ количества участников подобных групп в социальной сети «ВКонтакте» (табл. 5). Как показали его результаты, практически во всех городах Европейского Севера России имеются

такие сообщества, в ряде случаев группа объединяет несколько населенных пунктов, территориально расположенных недалеко друг от друга, к примеру, сообщество «Услышано. Коряжма, Котлас» объединяет население двух соответствующих городов, или группа «Никель, Заполярный, Печенга. Доска объявлений», в которой состоят жители сразу трех поселений.

Таблица 5. Неофициальные городские сообщества в социальной сети «ВКонтакте»*

Город	Название городского сообщества	Количество участников, ед.	Кол-во участников к численности населения города, %
Островной	Гремиха, Мурманск-140, Островной	10182	В 7,2 раза
Мезень	Подслушано Мезень	14857	В 5,2 раза
Никольск	Подслушано Никольск	33973	В 4,5 раза
Шенкурск	Подслушано Шенкурск	16318	В 3,6 раза
Пудож	Подслушано в Пудож Карелия	24214	В 3,4 раза
Лахденпохья	Лахденпохья - НАВСЕГДА!	19294	В 3,3 раза
Вельск	Подслушано Вельск	61270	В 2,9 раза
Суоярви	Подслушано в Суоярви	19256	В 2,8 раза
Кадников	Подслушано Кадников	11290	В 2,8 раза
Каргополь	Подслушано в Каргополе	24392	В 2,8 раза
Тотьма	Подслушано Тотьма	22220	В 2,6 раза
Питкяранта	Подслушано в Птк. (Питкяранта)	20390	В 2,5 раза
Белозерск	Белозерск	20005	В 2,4 раза
Грязовец	Подслушано - Грязовец	34396	В 2,4 раза
Кемь	Подслушано Кемь	22660	В 2,3 раза
Микунь	ПОДСЛУШАНО МИКУНЬ In Culture	18785	В 2,2 раза
Красавино	Подслушано в Красавино	12023	В 2,2 раза
Бабаево	Подслушано Бабаево	25152	В 2,1 раза
Сольвычегодск	СОЛЬВЫЧЕГОДСК – ГЛУБИНКА РУСИ	3960	В 2,1 раза
Вуктыл	«Городок Вуктыл»	18498	В 2 раза
Сортавала	Подслушано в Сортавала	28937	195,7
Вытегра	Настроение – Моя Вытегра	19571	190,2
Онега	ТИПИЧНАЯ ОНЕГА	30423	185,0
Гаджиево	Подслушано в Гаджиево	16784	184,7
Великий Устюг	Подслушано Великий Устюг	50955	180,3
Нарьян-Мар	Подслушано Нарьян-Мар	39670	168,2
Емва	г. Емва (Княжпогостский район)	18043	167,4
Беломорск	ПБ/ Подслушано Беломорск	12002	162,0
Полярные Зори	Подслушано Полярные Зори	22175	157,5
Снежногорск	Подслушано в Снежногорске	15772	157,4
Печора	Типичная Печора	51918	151,0
Кандалакша	КАНДАЛАКША ВКУРСЕ	41265	145,1
Мурманск	Мурманск	385775	144,3
Олонец	Олонец Live Новости района	10974	143,8
Сосногорск	Подслушано Сосногорск	30583	138,8
Заполярный**	Никель, Заполярный, Печенга. Доска объявлений	40450	132,2
Апатиты	Подслушано Апатиты	63735	130,7
Североморск	Североморск Онлайн	56515	130,2
Котлас	Котлас	71744	127,8

Окончание таблицы 5

Город	Название городского сообщества	Количество участников, ед.	Кол-во участников к численности населения города, %
Оленегорск	ОЛЕНЕГОРСК ВКУРСЕ	25633	122,8
Кировск	Подслушано Кировск Хибины	28801	118,7
Кириллов	КИРИЛЛОВ ONLINE	8275	117,1
Кола	Город Кола 51 (Кольский район)	10265	114,9
Коряжма***	Услышано Коряжма, Котлас	101700	112,8
Вологда	Онлайн Вологда	346796	111,3
Северодвинск	Северодвинск life	171493	109,9
Заозерск	Подслушано Заозёрск	8356	107,7
Сокол	Подслушано Сокол	36760	107,2
Мончегорск	Подслушано Мончегорск №1	39239	99,4
Костомукша	АНТИБЕСЕДКА - Костомукша	25720	99,2
Усинск	Усинск.Онлайн	30139	96,1
Мирный	Подслушано Мирный	25306	93,1
Инта	ПОДСЛУШАНО ИНТА	18113	92,7
Новодвинск	ИПН † (Новодвинск)	30419	92,7
Устюжна	Подслушано Устюжна	6760	88,3
Воркута	Хэлоу, Воркута!	47980	85,1
Архангельск	Архангельск life	248635	83,3
Петрозаводск	Подслушано в ПТЗ Петрозаводск	193003	81,9
Кондопога	Подслушано Кондопога	18617	73,6
Харовск	Городок наш Харовск	6028	72,1
Ухта	Подслушано Ухта	56085	71,8
Полярный	Наш Полярный	8522	70,1
Сегежа	Сегежа	14793	64,1
Ковдор	КОВДОР ВКУРСЕ	9026	58,5
Няндомы	НЯНДОМА	10538	58,1
Медвежьегорск	Медвежьегорск: команда жителей. Перегрузка	5755	49,0
Сыктывкар	Подслушано Сыктывкар	86851	39,5
Череповец	Череповец	93714	31,1

* Количество участников сообществ представлено по состоянию на 19 июля 2023 года. Подписчиками могут являться не только жители данного муниципалитета. В некоторых городах имеется несколько неофициальных городских сообществ, в рамках исследования были взяты самые большие по числу участников.

** Доля участников сообщества рассчитана из общей численности населения г. Заполярный, пгт Никель, пгт Печенга.

*** Доля участников сообщества рассчитана из общей численности населения г. Коряжмы и г. Котласа.

Источник: составлено автором на основе информации социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/>

Количество подписчиков групп малых городов в разы превышает численность населения самого города. К примеру, в сообществе «Гремиха, Мурманск-140, Островной» состоит более 10 тыс. человек, что в 7,2 раза больше людности самого города Островной. Количество участников групп «Подслушано» в малых городах Мезень, Никольск, Шенкурск, Пудож, Лахденпохья превышает население в 3,3–5,2 раза. Подобную активность, на наш взгляд, можно объяснить двумя главными факторами. Во-первых, в число участников неофициальных групп могут входить люди, которые в настоя-

щее время не проживают в малом городе, но родились в нем. Во-вторых, сами группы имеют характер своеобразной «доски объявлений». В частности, там может публиковаться информация о покупке/продаже товаров и услуг, поиске попутчика для поездки в региональный центр или соседний город, имеющих вакансии в организациях и на предприятиях. То есть подписчиками сообщества могут являться люди, для которых интерес представляет публикуемая информация, в частности жители соседних городских и сельских населенных пунктов.

В средних городах количество подписчиков неофициальных сообществ приблизительно на треть превышает численность населения самого города, к примеру, в г. Апатиты — 130,7% от людности города, в Североморске — 130,2%, в Котласе — 127,8%. В отношении крупных городов отметим, что только городские сообщества г. Мурманска («Мурманск») и г. Вологды («Онлайн Вологда») имеют количество подписчиков, превышающее численность населения самого города — на 44,3 и 11,3% соответственно. В Петрозаводске, Сыктывкаре и Череповце количество участников неофициальных групп в социальной сети значительно меньше численности жителей городов.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать несколько ключевых выводов, касающихся особенностей участия жителей городов различных типов в государственном и муниципальном управлении.

1. В разрезе отдельных субъектов ЕСР присутствуют определенные различия в электоральном поведении жителей городов разной людности. В частности, в Республике Карелии и Вологодской области высокая явка на выборы Президента РФ характерна для крупных, а не малых городов. Однако на выборах в Государственную Думу РФ в этих регионах ситуация была противоположной. В целом по макрорегиону определяющее значение играет скорее не размер города, а его экономическая специализация. В регионах Европейского Севера расположено достаточно большое количество городов-ЗАТО (Александровск, Североморск, Заозерск, Мирный), а также городов с моноотраслевой экономикой (Череповец, Северодвинск, Апатиты, Кировск, Полярные Зори). Именно эти две группы населенных пунктов являются лидерами по явке избирателей, а также по уровню поддержки Президента РФ В.В. Путина. На наш взгляд, во многом это может быть обусловлено силой влияния административного ресурса, поскольку в закрытых городах значительная доля населения занята в госсекторе, а в моногородах жизнь большинства граждан тесно связана с деятельностью градообразующего предприятия, что в обоих случаях может быть использовано как рычаг для управ-

ления электоральным поведением граждан. Также в качестве одной из причин может выступать то, что в данных городах более высокий уровень заработных плат, соответственно, население в большей степени удовлетворено проводимой действующими органами власти политической и не заинтересовано в изменении ее курса.

2. Жители самых малонаселенных городов (до 10 тыс. чел.) гораздо активнее участвуют в голосовании по благоустройству городской среды. В среднем в них каждый пятый горожанин проявляет активность, тогда как в крупных и больших городах их доля составляет от 10 до 15%. Разница, на наш взгляд, может быть объяснима в целом большей готовностью жителей малых городов участвовать в обсуждении городских проблем. Так, согласно данным социологических опросов населения, менее четверти жителей Вологды и Череповца (23,7 и 23,1% соответственно) имеют желание принимать участие в дискуссиях по актуальным вопросам развития города¹³, а, к примеру, большинство жителей малых городов Кировск и Ковдор (51,5 и 50,5% соответственно) готовы обсуждать вопросы городского благоустройства (Шарова, Малеус, 2022). Второй важный фактор состоит в том, что участие в федеральных проектах по благоустройству территорий в условиях дефицита местных бюджетов часто выступает единственной возможностью для небольших населенных пунктов улучшить состояние городской среды. Очевидно, что органы местного самоуправления малых городов максимально замотивированы в плане активного вовлечения жителей в процессы голосования.

3. В городских населенных пунктах ЕСР такой инструмент гражданского участия населения, как территориальное общественное самоуправление, менее активно используется по сравнению с сельской местностью. В частности, в Республике Карелии из 572 ТОСов менее 1/3 находится в городах. Вместе с тем анализ ситуации в разрезе поселений позволяет заключить, что наиболее инициативны в данном вопросе жители не административного центра г. Петрозаводска, а малых городов, в особенности Кондопоги, Беломорска и Пудожа. Это

¹³ Данные мониторинга условий проживания населения крупных городов Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2023 году.

свидетельствует о большей готовности жителей малых городов к объединению и сплочению для решения общих проблем. На наш взгляд, существенную роль играет тот факт, что ТОСы могут претендовать на получение бюджетных средств или грантов (Гайнанов и др., 2022). Меры поддержки работы ТОС оказываются эффективными благодаря использованию такого инструмента, как инициативное бюджетирование. К примеру, в 2022 году на территории Беломорского городского поселения в конкурсном отборе на реализацию проектов участвовало 14 ТОСов, четыре из которых стали победителями и получили финансирование на общую сумму более 2,5 млн руб. Средства были направлены на проведение ремонтных работ в здании библиотеки, благоустройство парковок и детских площадок и т. д.¹⁴ Таким образом, территориальное общественное самоуправление выступает еще одним реально работающим инструментом получения финансирования на реализацию мероприятий благоустройства и формирования комфортной городской среды.

4. На основе анализа доли подписчиков на официальные аккаунты органов местного самоуправления городов в социальной сети «ВКонтакте» можно заключить, что жители малых городов, в особенности с людностью от 10 до 30 тыс. человек, более активно используют возможности данного способа коммуникации с властью, чем население крупных городов. На фоне других выделяются ЗАТО Мирный Архангельской области, муниципальный округ Полярные Зори и ЗАТО Заозерск Мурманской области, где свыше половины жителей подписаны на официальные страницы органов местного самоуправления. Во многом это объясняется особенностями структуры экономики указанных городов.

5. В малых городах ЕСР значительно выше уровень вовлеченности населения в неформальные городские сообщества в социальных сетях: в некоторых доля участников в разы превышает людность города. В средних городах количество подписчиков неофициальных сообществ превышает численность населения самого города приблизительно на треть, и лишь для двух крупных городов (Мурманск и Вологда) характерно превышение количества подписчиков над людностью самого города. Эту особенность в некоторой степени можно объяснить тем, что многие участники городских сообществ в какой-то период жизни проживали в малых городах, но впоследствии уехали из населенного пункта, однако с помощью социальных сетей поддерживают связь с «малой родиной».

Научная значимость проведенного исследования заключается в определении особенностей распространения формальных и неформальных механизмов участия жителей городов в управленческих процессах в зависимости от численности проживающего в городах населения.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов органами государственной власти и местного самоуправления при совершенствовании реализуемой политики по вовлечению граждан в процессы государственного и муниципального управления.

Безусловно, за рамками исследования осталось рассмотрение еще многих механизмов политического и гражданского участия населения, в частности вопросы инициативного бюджетирования в городах или участия граждан в волонтерских организациях. Они выступают темой дальнейших научных работ по проблемам и перспективам развития гражданской активности населения.

Литература

- Булах Е.В., Леоненко Т.П., Цой В.Г. (2021). Формы функционирования местного сообщества в рамках территориального общественного самоуправления на территории муниципальных образований Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 27. № 1. С. 34–42. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-27-1-34-42
- Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Уляева А.Г. (2022). Муниципальное управление и местное самоуправление. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН. 336 с.

¹⁴ Отчет главы муниципального образования «Беломорское городское поселение» за 2022 год. URL: https://www.belomorsk-mo.ru/omsu/dokladi_vistupleniya/

- Гнездилова М.Ю., Оганесян Т.Л. (2021). Взаимодействие территориального общественного самоуправления с городской Думой города Краснодар // Вестник экономики и менеджмента. № 4. С. 8–13.
- Дементьева И.Н. (2020). Протестные настроения жителей региона как проявление деструктивных форм гражданской активности // Society and Security Insights. Т. 3. № 2. С. 88–103. DOI: 10.14258/ssi(2020)2-06
- Дусь Ю.П., Власкина Е.Я. (2018). «Житель всегда прав», или Как вовлечь население в управление развитием территории. Т. 16. № 4. С. 612–623.
- Королева Е.Н., Курникова М.В. (2019). Современные формы участия населения в местном самоуправлении: от теории к практике реализации // Муниципальная академия. № 4. С. 125–132.
- Кудашова И.В., Жукова М.В. (2021). К вопросу об институте гражданского общества в современной России: вопросы теории и практики // Право и государство: теория и практика. № 5 (197). С. 151–153. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_5_151
- Ларичев А. (2019). Вниз по лестнице ведущей вверх: локальные сообщества и преодоление муниципального кризиса // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (130). С. 85–97.
- Латышева А.Н. (2020). Использование краудфандинга в решении социальных и культурных проблем сельских территорий России // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 1. С. 7–20. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-1-7-20
- Маркварт Э. (2017). Участие жителей в стратегическом планировании –обременительная обязанность или нераскрытый потенциал? // Вестник экспертного совета. № 2 (9). С. 26–32.
- Михайлов С.Е. (2023). Актуальный взгляд на территориальное общественное самоуправление // Вестник Российского университета кооперации. № 2 (52). С. 110–113.
- Никитина А.А. (2021). Формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в Ростовской области: правовое регулирование и практика // Государственное управление. Электронный вестник. № 88. С. 119–133. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-88-119-133
- Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. № 6. С. 43–60. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>
- Ревякин С.А. (2017). Механизмы общественного участия в процедурах стратегического планирования в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 3 (59). DOI: 10.25513/1812-3988.2017.3.62-69
- Сафаров С.М. (2022). Стратегия развития территориального общественного самоуправления до 2030 года: о первых результатах реализации // Управление городом: теория и практика. № 3 (45). С. 59–61.
- Смолева Е.О. (2021). Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хабиутализация или институционализация «сверху» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 244–260. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.14
- Уханова Ю.В. (2021). Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
- Фролов А.А., Агурова А.А. (2019). Индексный анализ гражданской активности в социальных сетях // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. Т. 29. С. 28–43. DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.28>
- Чарахчян К.К., Бондаренко И.А. (2017). Институты участия населения в стратегическом планировании социально-экономического развития муниципальных образований. Общество: политика, экономика, право. С. 37–40. DOI: 10.24158/per.2017.3.9
- Шарова Е.Н., Малеус Д.В. (2022) Потребность жителей малых городов в развитии городской среды (по материалам социологического исследования в Мурманской области) // Вестник университета. № 10. С. 223–230.
- Carvalhois I.M.E., Oliveira C. (2019). *Report on Political Participation of Mobile EU Citizens: Portugal*. European University Institute. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331043203_REPORT_ON_POLITICAL_PARTICIPATION_OF_MOBILE_EU_CITIZENS_PORTUGAL_COUNTRY_REPORT_AUTHORED_BY
- Đulabić V., Jerinić J. (2021). *Public Participation in Local Public Action in Croatia and Serbia*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3862802>

- Ferrucci P., Hopp T., Vargo C.J. (2020). Civic engagement, social capital, and ideological extremity: Exploring online political engagement and political expression on Facebook. *New Media & Society*, 22(6), 1095–1115.
- Gökçe-Kızılkaya S., Onursal-Beşgül Ö. (2017). Youth participation in local politics: City councils and youth assemblies in Turkey. *Southeast European and Black Sea Studies*, 17(1), 97–112. DOI: 10.1080/14683857.2016.1244239
- Hill J. (2020). *Voting as a Rite: A History of Elections in Modern China (Vol. 417)*. BRILL.
- Hutcheson D., Russo L. (2021). *The Electoral Participation of Mobile European Union Citizens in European Parliament and Municipal Elections*. European University Institute. Available at: <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/71159>
- Kennedy J.J., Nagao H., Liu H. (2018). Voting and values: Grassroots elections in rural and urban China. *Politics and Governance*, 6(2), 90–102.
- Koniagina M., Kokh L., Kirillova A. et al. (2021). Crowdsourcing and crowdfunding in the management of large cities. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*, 16(3), 5–22. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27035543>
- Korzec P., Pudzianowska D. (2021). *Report on Political Participation of Mobile EU Citizens: Poland*. European University Institute. Available at: <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/72561>
- Langley P., Lewis S., McFarlane C. et al. (2020). Crowdfunding cities: Social entrepreneurship, speculation and solidarity in Berlin. *Geoforum*, 115, 11–20. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2020.06.014>
- Martinez-Bravo M., Padró i Miquel G., Qian N., Yao Ya. (2022). The rise and fall of local elections in China. *American Economic Review*, 112(9), 2921–2958.
- Mayer M. (2016). *Civic Crowdfunding and Local Government: An Examination into Projects, Scope, and Implications for Local Government*. Norfolk, VA: ODU.
- Peltoniemi J.E.M. (2018). *Report on Political Participation of Mobile EU Citizens: Finland*. European University Institute. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329706638_Report_on_political_participation_of_mobile_EU_citizens_Finland
- Stiver A., Barroca L., Petre M. et al. (2015). Civic crowdfunding: How do offline communities engage online? *British HCI Conference. Association for Computing Machinery*. DOI: <https://doi.org/10.1145/2783446.2783585>
- Szczepańska A., Zagroba M., Pietrzyk K. (2022). Participatory budgeting as a method for improving public spaces in major Polish cities. *Soc Indic Res*, 162, 231–252. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02831-3>
- Tavares A.F., Carr J.B. (2013). So close, yet so far away? The effects of city size, density and growth on local civic participation. *Journal of Urban Affairs*, 35(3), 283–302. DOI: 10.1111/j.1467-9906.2012.00638.x
- Xi J., Wen F. (2019). Sustainable rural governance: How rural elections in China lead to long-term social stability? *Sustainability*, 11(22), 6196.
- Zagidullin M., Aziz N., Kozhakhmet S. (2021). Government policies and attitudes to social media use among users in Turkey: The role of awareness of policies, political involvement, online trust, and party identification. *Technology in Society*, 67, 101708. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101708>
- Zhang T., Zhang L., Hou L. (2015). Democracy learning, election quality and voter turnout: Evidence from village elections in rural China. *China Agricultural Economic Review*, 7(1), 143–155.

Сведения об авторе

Ирина Анатольевна Секушина – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Sekushina I.A.

Features of Participation of the Population of Cities of the European North of Russia in Public and Municipal Administration

Abstract. Citizens' participation in managing the country's development contributes to the formation of civil society and acts as a key element of democracy. In Russia, where three-quarters of the population are urban residents, it is especially important to study these issues in relation to cities, so as to understand the processes taking place in society and work out effective strategies for its development. The aim of the work is to consider ways in which residents of cities in the European North of Russia participate in state and municipal administration and to identify its features in settlements of different sizes. Based on the data of the Central Election Commission of the Russian Federation we analyze the turnout of residents of 68 cities of the European North of Russia for the presidential election of the Russian Federation (2018) and the election to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (2021). We also assess the level of voter support provided to President Vladimir Putin and the United Russia party. It is revealed that the electoral activity of residents is determined to a greater extent by the peculiarities of the structure of the city's economy rather than the size of the city. Based on the analysis of the results of voting for the choice of urban improvement objects, it was found that residents of sparsely populated cities are more motivated and involved in these processes. We also find out that territorial public self-government is most actively used in small, rather than large, cities. In order to assess the informal mechanisms of citizens' participation, we analyze the availability of official profiles of local self-government bodies on VKontakte social media and the number of their subscribers, as well as data on the number of participants in informal urban communities. We have revealed that this method of communication with the authorities is mostly used by residents of small settlements. Scientific significance of the study lies in determining the features of dissemination of various mechanisms of civic participation, depending on the type of city. Practical significance lies in the possibility of using our findings by the authorities in improving the policy of involving citizens in management processes.

Key words: cities, civic participation, political participation of the population, local self-government, election, territorial self-government, European North of Russia.

Information about the Author

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Статья поступила 26.07.2023.

Оценка влияния факторов на инфраструктуру образования в Арктической зоне Северного макрорегиона

**Людмила Васильевна
ВОРОНИНА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения РАН
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: Ludmila.science@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3607-0687; ResearcherID: E-6721-2017

**Алексей Викторович
ГРИГОРИШИН**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: a.grigorishin@narfu.ru
ORCID: 0000-0001-5087-7677; ResearcherID: N-3690-2018

**Дилмурад Батырджанович
ЯХЯЕВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: dilmurad-92@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3650-3924; ResearcherID: O-2610-2018

Для цитирования: Воронина Л.В., Григоришин А.В., Яхьяев Д.Б. (2023). Оценка влияния факторов на инфраструктуру образования в Арктической зоне Северного макрорегиона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 153–167. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.8

For citation: Voronina L.V., Grigorishin A.V., Iakhiaev D.B. (2023). Assessing the impact of factors on the education infrastructure in the Arctic zone of the Northern microregion. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 153–167. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.8

Аннотация. С ориентированием государственной политики на развитие Арктической зоны страны модернизация объектов сферы образования и формирование системы квалифицированных кадров стали одними из основных мер социально-экономического развития данных территорий. На основе расчета темпов изменений показателей определены негативные тенденции в развитии инфраструктуры школьного и профессионального образования в Арктической зоне Северного макрорегиона, что подтверждает актуальность исследования. Под инфраструктурой образования, с точки зрения компонентного состава, понимается совокупность инфраструктурных объектов дошкольного, школьного и профессионального образования, а также их кадровая обеспеченность квалифицированными специалистами. Цель исследования заключается в выявлении и оценке влияния комплекса факторов на изменение инфраструктуры образования в Арктической зоне Северного макрорегиона. Особенность работы состоит в изучении объекта исследования на мезорегиональном таксономическом уровне пространственно-территориальных арктических систем в привязке к конкретным местным сообществам, что повышает объективность полученных результатов. География исследования базируется на институциональном подходе и включает арктические мезорегионы Архангельской области, Ненецкого автономного округа и Республики Коми, которые в совокупности образуют Арктическую зону Северного макрорегиона. Предложен авторский методический подход к оценке воздействия факторов на социальную инфраструктуру в Арктической зоне Северного макрорегиона, содержащий систему показателей, отражающих изменение инфраструктуры образования и влияющих на неё экономических, демографических, пространственно-территориальных и социально-трудовых факторов за последние четырнадцать лет. Оценка осуществлена с помощью компаративного анализа, методов систематизации и группировки, статистического и корреляционно-регрессионного анализа. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что влияние представленных факторов на инфраструктуру образования в Арктической зоне Северного макрорегиона дифференцировано в зависимости от характера и темпов освоения и развития изучаемых территорий, реализации государственной политики на них и других факторов.

Ключевые слова: Арктика, Север, инфраструктура образования, факторы, мезорегион, методический подход.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (научный проект № 22-28-01554 «Разработка рискованных моделей устойчивого развития традиционного хозяйства коренных народов арктического региона Европейского Севера России в условиях изменения климата»).

Введение

В современном мире образование является одним из базовых параметров, влияющих на развитие человеческого потенциала. Качество образования напрямую воздействует на такие важнейшие показатели, как производительность труда, уровень безработицы, уровень оплаты труда и, в конечном итоге, на качество жизни людей. Для достижения высокого уровня образования общества необходимо не только желание людей получать знания и повышать квалификацию, но и обеспеченность населения качественными объектами образовательной инфраструктуры. Особое внимание должно уделяться качеству и доступности дошкольно-

го и школьного образования. Именно на этом уровне закладывается база для формирования ценностей человека, общей образованности и воспитания. От развития среднего и высшего профессионального образования зависит качество трудовых ресурсов.

Конституция Российской Федерации гарантирует равный доступ всех жителей государства к образовательным услугам, равные права на получение образования. На практике часто доступность и качество образования напрямую зависят от общего уровня социально-экономического и инфраструктурного развития территории. С начала XXI века одним из приоритетов

государственной политики определено социально-экономическое развитие арктических территорий. С целью сокращения межрегиональных различий в уровне и качестве жизни людей органами власти определены 12 новых макрорегионов. Одним из вновь созданных макрорегионов, все субъекты которого полностью или частично относятся к Арктической зоне Российской Федерации, является Северный макрорегион. Таким образом, возникает стратегическая необходимость исследований на арктических территориях Северного макрорегиона, характеризующихся низкой плотностью населения, слабой хозяйственной и инженерной освоенностью, недостаточной транспортной связанностью территории, негативными демографическими тенденциями. Все это негативно влияет на развитие инфраструктуры образования, ее качество и доступность для жителей Арктики.

Для достижения цели исследования был решен комплекс сопряженных задач, включающий уточнение трактовки инфраструктуры образования как объекта управления в региональной экономике, определение актуальности исследования путем обнаружения негативных тенденций в развитии инфраструктуры образования на арктических территориях, анализ отечественной и зарубежной научной литературы для выявления научной проблемы и степени ее изученности, определение и классификацию факторов развития объекта исследования, разработку и применение методического инструментария для проверки выдвинутой гипотезы и интерпретацию полученных результатов.

Анализ сущностных подходов к понятию «инфраструктура образования» позволил авторам определиться с концептуальной основой объекта изучения. В настоящем исследовании под инфраструктурой образования, с точки зрения компонентного состава, понимается совокупность инфраструктурных объектов дошкольного, школьного и профессионального образования, а также их кадровая обеспеченность квалифицированными специалистами.

Особенностью работы является изучение объекта исследования на мезорегиональном (субрегиональном) таксономическом уровне пространственно-территориальных арктических систем, т. е. в привязке к конкретным

местным сообществам (потребителям), что повышает объективность полученных результатов.

География исследования определена с помощью применения институционального подхода и включает арктические мезорегионы Архангельской области, Ненецкого автономного округа и Республики Коми¹. Эти территории в совокупности образуют Арктическую зону Северного макрорегиона (*рисунок*).

Выбранный для исследования регион характеризуется идентичностью социально-экономических проблем, имеет особый геостратегический статус и серьезный природно-ресурсный потенциал, следовательно, соответствует подходу А.Г. Гранберга к выделению территориальных систем, названному проблемным экономическим районированием (Гранберг, 2006).

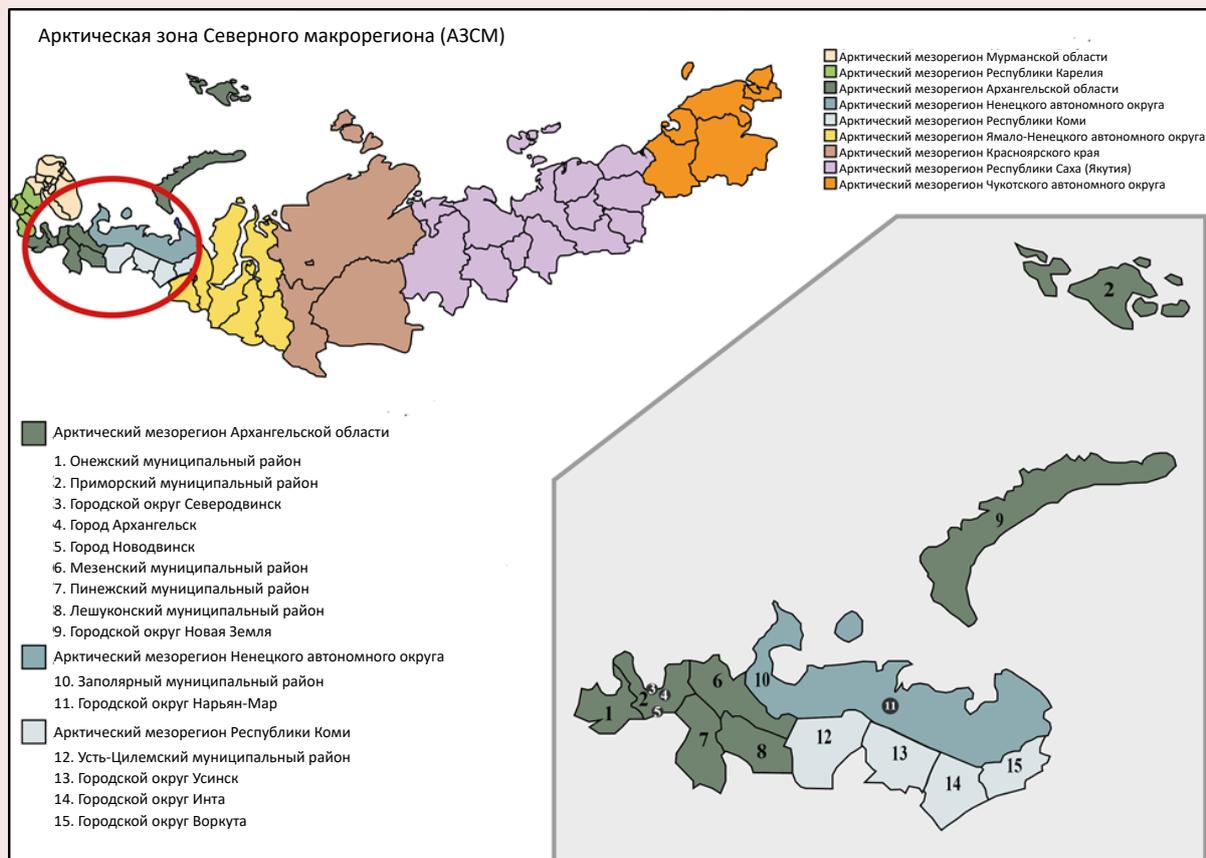
Для обоснования актуальности исследования был проведен компаративный анализ сформировавшихся тенденций развития инфраструктуры образования на выбранной территории. Система показателей для анализа объекта исследования включает как абсолютные значения показателей, так и относительные, то есть в привязке к динамике численности потребителей образовательных услуг (*табл. 1*).

Критериями отбора показателей выступали наличие и доступность статистических данных, динамика показателей и достаточная длина временного ряда. В результате отобраны 14 показателей, включающих характеристику физических объектов инфраструктуры дошкольного, школьного, среднего профессионального и высшего профессионального образования.

Также в анализ включены показатели кадровой обеспеченности инфраструктуры образования по разным уровням. Длина динамического ряда при анализе тенденций составляет 14 лет, с 2009 года, когда в России началась реализация масштабных реформ социальной сферы, в том числе путем реализации национальных и федеральных проектов и инициатив.

¹ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296; О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ; Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р).

Арктическая зона Северного макрорегиона

Источник: составлено авторами.

Таблица 1. Темпы изменения показателей инфраструктуры образования

№ п/п	Показатель, единица измерения	Арктический мезорегион								
		Архангельская область			Ненецкий автономный округ			Республика Коми		
		2009	2022	ИЗМ., %	2009	2022	ИЗМ., %	2009	2022	ИЗМ., %
1	Число мест в дошкольных образовательных учреждениях (детские сады), ед.	29468	42246	43,4	3159	3899	23,4	11986	11613	-3,1
2	Число мест в дошкольных образовательных учреждениях (детские сады) на 1 ребенка в возрасте от 1 до 6 лет, ед. на 1 ребенка	0,76*	1,05	38,2	0,89*	0,97	9,0	0,86	1,16	34,9
3	Численность педагогических работников в дошкольных образовательных учреждениях, чел.	4087	4579	12,0	448	483	7,8	1426	1092	-23,4

Окончание таблицы 1

№ п/п	Показатель, единица измерения	Арктический мезорегион								
		Архангельская область			Ненецкий автономный округ			Республика Коми		
		2009	2022	ИЗМ., %	2009	2022	ИЗМ., %	2009	2022	ИЗМ., %
4	Численность педагогических работников в дошкольных образовательных учреждениях на 1 ребенка в возрасте от 1 до 6 лет, чел. на 1 ребенка	0,09*	0,11	22,2	0,13*	0,12	-7,7	0,10	0,11	10,0
5	Число общеобразовательных организаций (школы), ед.	201	132	-34,3	40	26	-35,0	92	63	-31,5
6	Число общеобразовательных организаций (школы) на 100 учеников в возрасте от 7 до 17 лет, ед. на 100 учеников	0,25*	0,16	-36,0	0,64*	0,36	-43,8	0,36	0,28	-22,2
7	Численность учителей, человек	6050	4257	-29,6	685	496	-27,6	1625	1213	-25,4
8	Численность учителей на 100 учеников в возрасте от 7 до 17 лет, чел. на 100 учеников	6,75*	5,05	-25,2	8,88*	6,82	-23,2	6,32	5,30	-16,1
9	Число организаций среднего профессионального образования, ед.	31***	30	-3,2	3***	3	0,0	7	9	28,6
10	Число организаций среднего профессионального образования на 10 000 человек населения в возрасте от 16 лет, ед. на 10 000 чел.	0,55***	0,56	1,8	0,91***	0,89	-2,2	0,53***	0,75	41,5
11	Число организаций высшего образования, ед.	10**	5	-50,0	0**	0	0	3**	2	-33,3
12	Число организаций высшего образования на 10 000 человек населения в возрасте от 18 лет, ед. на 10 000 чел.	0,18**	0,10	-44,4	0**	0	0	0,21**	0,17	-19,0
13	Общая численность профессорско-преподавательского состава, чел.	1915**	918	-52,1	0**	0	0	18**	29	61,1
14	Общая численность профессорско-преподавательского состава на 10 000 человек населения в возрасте от 18 лет, преподавателей на 10 000 чел.	34,00**	17,53	-48,4	0**	0	0	1,28**	2,50	95,3

Примечание. В связи с отсутствием официальных данных показателя в качестве начала динамического ряда выбран год: *2012, **2013, ***2016.
Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>; Главный информационно-вычислительный центр МИПЭА. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/>

С помощью расчета темпов изменений показателей инфраструктуры образования за исследуемые периоды были выявлены тенденции в развитии объекта изучения. На основе анализа полученных данных можно сделать вывод о сформировавшихся негативных тенденциях в развитии инфраструктуры школьного и

профессионального образования во всех исследуемых арктических мезорегионах.

Регресс инфраструктуры образования на северных и арктических территориях может способствовать усилению миграционного оттока населения, особенно из сельской местности. Так, за исследуемый четырнадцатилетний пе-

риод количество жителей Арктической зоны Северного макрорегиона сократилось на 9%, что в большей степени связано с механическим движением населения. При этом система стратегического планирования развития арктических территорий предполагает сохранение постоянного населения путем создания условий для проживания и повышения качества жизни, в том числе предоставления доступа к качественным услугам образования.

В зарубежных и отечественных исследованиях часто рассматривается подход, заключающийся в том, что формирование социальной инфраструктуры оказывает влияние на социально-экономическое развитие территорий. Однако в последнее время меняются ориентиры трудоспособного населения, которое отмечает важность наличия на территории качественной социальной инфраструктуры, особенно в сфере образования. Исследователями определена важность трансформации социальной сферы в целях притяжения квалифицированных кадров и положительных демографических сдвигов, что обусловлено необходимостью перехода к экономике знания при освоении северных территорий (Пилясов, 2009). Также одним из основных факторов пространственного перераспределения человеческих ресурсов является качество жизни, которое в том числе характеризуется уровнем образования населения (Фаузер, Смирнов, 2020). Все перечисленное выше подтверждает высокую актуальность рассмотрения факторов, воздействующих на инфраструктуру образования в Арктической зоне Северного макрорегиона.

Степень изученности проблемы

С начала 1990-х годов наблюдается миграционная убыль населения (Фаузер, Смирнов, 2020) и снижение уровня рождаемости в большинстве арктических субъектов России (Логинов, 2010), что влияет на плотность населения на исследуемой территории и ведет к её «обезлюживанию» (Емельянова, 2019). М. Ларуэль раскрывает три волны «арктической урбанизации» (Laruelle, 2019). В результате данного процесса, как отмечает П.В. Сосин, увеличивается доля малых поселений, расположенных в труднодоступных местах, где социальная инфраструктура не развивается (Сосин, 2011). Происходящие на арктических территориях процессы приводят к закрытию не востребовавшихся дет-

ских садов и школ (Логинов, 2010), к острой нехватке педагогических кадров, что обусловлено высокими темпами миграции населения в трудоспособном возрасте целыми семьями (Шеломенцев и др., 2018).

Североведы указывают на наличие процесса «деинтеллектуализации северных и арктических территорий» (Фаузер, Лыткина, 2017), что, в том числе, связано с широким применением вахтового метода труда (Нуйкина, 2013) и увеличением нагрузки на трудоспособное население лицами пожилого возраста в северных и арктических регионах (Волгин и др., 2019).

Также особенностью Севера и Арктики является этничность территории (Лаженцев, 2008), что связано с проживанием на ней более 50% коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока². Как правило, коренные народы ведут кочевой образ жизни, что «сдерживает темпы развития социальной инфраструктуры» (Сосин, 2011), в том числе в сфере образования. В частности, исследователи отмечают необходимость при решении вопросов размещения образовательных учреждений учитывать особенности коренных малочисленных народов, а также знание у преподавательского состава языков коренных народностей (Емельянова, 2019).

Вышеуказанные процессы определили перечень демографических и социально-трудовых факторов, оказывающих прямое воздействие на создание, поддержание и развитие инфраструктуры сферы образования.

В большинстве муниципальных образований основной причиной миграции трудоспособного населения стало отсутствие трудовой деятельности или сложности с ней. Это обусловлено закрытием нерентабельных и устаревших производств на северных территориях, что снизило их экономическую активность (Biktemirova et al., 2015).

Крупные ресурсные и сырьевые компании остаются основой экономики арктических регионов, что связано с характером освоения последних (Селин, Вышинская, 2015). Североведы указывают на то, что крупные добывающие компании значительные средства расходуют на

² Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2006 № 536-р.

содержание объектов социальной инфраструктуры в населенных пунктах (Васильев, Селин, 2017), что выступает в некотором смысле «компенсационными» проектами (Novoselov et al., 2021). Иногда такие проекты реализуются на основе государственно-частного партнерства, когда государство привлекает частный капитал для решения общественно значимых задач (Hodge, Greve, 2007).

Также арктические субъекты характеризуются высокой долей монопрофильных населенных пунктов в структуре поселений. Исследователи отмечают, что градообразующие предприятия в монопоселениях являются центральными субъектами социальной политики, их социальные программы направлены также на развитие объектов социальной инфраструктуры и их содержание (Грачев и др., 2020). С введением государством льгот для предприятий, вкладывающихся в формирование и модернизацию социальной инфраструктуры в северных муниципальных образованиях, повышается уровень корпоративной социальной ответственности крупного бизнеса на рассматриваемых территориях. С учетом стратегических ориентиров государства крупные компании на арктических территориях в настоящее время наиболее заинтересованы в инновационных квалифицированных кадрах, что необходимо учитывать при развитии инфраструктуры образования (Лексин, Порфирьев, 2015). После принятия Правительством РФ в 2020 году пакета федеральных законов о государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне (предоставление налоговых и административных преференций) в регионах были активизированы новые инвестиционные процессы. Арктические территории стали более привлекательными для ведения предпринимательской деятельности. Приток инвестиций, в том числе государственных, оказывает воздействие на формирование инфраструктуры образования³.

Важное значение в развитии инфраструктуры образования отводится реализуемой государственной политике (Фоменко, Котелевская, 2022). Реализация государственной политики в

³ Roskrugge M., Grimes A., McCann Ph., Poot J. (2010). Social capital and regional social infrastructure investment: Evidence from New Zealand. Wellington. Working Papers from Motu Economic and Public Policy Research.

социальной сфере в последнее время в основном осуществляется на базе проектного и стратегического управления преимущественно с помощью применения финансовых механизмов. Следовательно, важным фактором устойчивого развития социальной инфраструктуры является социальная ориентированность регионального и местного бюджетов (Marmot, 2008).

Таким образом, значительное влияние на инфраструктуру образования оказывают экономические факторы, такие как отраслевая специализация, социальная ответственность и инвестиционная активность предприятий, ведущих хозяйственную деятельность на данных территориях. Стоит также учитывать роль государства, создающего дополнительные инструменты поддержки бизнеса.

Северные и арктические субъекты страны отличаются своей периферийностью (Пилясов, 2009), которая по отношению к инфраструктуре образования проявляется в проблеме транспортной доступности образовательных учреждений на удаленных территориях (Давыденко и др., 2022; Nilsson, Larsen, 2020).

Следующая особенность арктических и северных территорий заключается в суровых природно-климатических условиях, что осложняет процессы строительства зданий и сооружений, а также их инженерной обустроенности и ведет к их удорожанию (Streletskiy et al., 2019; Ramage et al., 2021). Исследователи отмечают низкий уровень инженерной обустроенности удаленных северных и арктических муниципальных образований (Рябова и др., 2013), который становится барьером для строительства объектов социальной инфраструктуры при территориальном планировании.

Специфика арктических территорий формирует пространственно-территориальные факторы, воздействующие как на сферу образования, так и на социальную инфраструктуру в целом.

Компаративный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в существующих исследованиях преимущественно рассматривается воздействие отдельных факторов на развитие объектов образования и квалифицированных кадров в данной сфере на региональном уровне, а также об отсутствии методического инструментария оценки влияния факторов на формирование и развитие

инфраструктуры образования, с позиции компонентного состава, в Арктической зоне Северного макрорегиона. Такой инструментарий даст возможность провести оценку на современном этапе социально-экономического развития после реформирования системы образования, что особенно отразилось на удаленных территориях; принять во внимание стратегические ориентиры органов государственной власти на предмет развития арктических территорий Северного макрорегиона, образующих определённый мезорегион; количественно измерить воздействие комплекса сопряженных факторов; учесть пространственно-территориальные и социально-экономические особенности освоения и развития северных и арктических территорий.

На решение данной научной проблемы направлено настоящее исследование.

Материалы и методы исследования

В результате определения степени изученности проблемы авторами была выдвинута следующая научная гипотеза – на развитие инфраструктуры образования в Арктической зоне

Северного макрорегиона оказывает влияние совокупность взаимосвязанных экономических, демографических, пространственно-территориальных и социально-трудовых факторов, и степень их влияния дифференцирована в зависимости от особенностей Севера и Арктики, присущих конкретному мезорегиону.

Для проверки гипотезы использован следующий методический подход, включающий три последовательных этапа.

1. Компаративный анализ существующих научных подходов в определении факторов развития инфраструктуры образования, с учетом специфических особенностей Севера и Арктики. Результат – система обоснованных сопряженных факторов развития объекта исследования, включающая показатели, максимально полно отображающие особенность их влияния на арктических территориях (табл. 2).

2. Корреляционно-регрессионный анализ зависимости показателей инфраструктуры образования (результативный признак) и факторных показателей (факторные признаки), включая следующие шаги.

Таблица 2. Система факторов, оказывающих влияние на развитие инфраструктуры образования на Севере и в Арктике

Наименование фактора	Особенности Севера и Арктики	Показатель (мезорегиональный уровень)
Экономические факторы		
Отраслевая специализация	Сырьевая направленность в экономической специализации	Доля добывающих предприятий в общем числе предприятий и организаций, %
Социальная ответственность бизнеса	Наличие крупных добывающих компаний на территории	Доля вложенных средств от крупных компаний, работающих на территории, в общем объеме средств на социальное развитие, %
Масштаб собственного производства	Закрытие нерентабельных и устаревших производств, высокий износ основных фондов	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на душу населения, тыс. руб.
Инвестиционная активность организаций	Высокая инвестиционная привлекательность сырьевых территорий	Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории, на душу населения, руб.
Бюджетная обеспеченность	Социальная ориентированность бюджета	Доля расходов местного бюджета на социальную политику в общем объеме расходов, %
Демографические факторы		
Изменение численности населения	Снижение численности населения	Коэффициент общего прироста населения, ‰
Миграция населения	Высокий миграционный отток населения	Коэффициент выбытия, ‰
Рождаемость населения	Снижение рождаемости населения	Общий коэффициент рождаемости, ‰
Этничность	Наличие коренных малочисленных народов Севера (КМНС)	Доля КМНС в общей численности населения, %

Окончание таблицы 2

Наименование фактора	Особенности Севера и Арктики	Показатель (мезорегиональный уровень)
Пространственно-территориальные факторы		
Природно-климатические условия	Суровые природно-климатические условия	Биоклиматический индекс суровости метеорологического режима
Урбанизация территории	Преобладание малых сельских поселений (численность населения менее 200 человек)	Доля малых поселений в общем количестве населенных пунктов, %
Обезлюживание территории	Сокращение сельского населения	Доля сельского населения в общей численности населения территории, %
Расселение населения	Низкая плотность населения	Плотность населения, чел./км ²
Периферийность территории	Низкая транспортная доступность территорий	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, на конец года, км/км ²
Степень диверсификации экономики	Большое число монопрофильных населенных пунктов (моногорода) в структуре поселений	Доля монопрофильных муниципальных образований в общем количестве населенных пунктов, %
Инженерная обустроенность территории	Низкий уровень инженерной обустроенности сельских удаленных территорий	Индекс обустроенности территории уличной водопроводной, канализационной и тепловой сетью
Социально-трудовые факторы		
Человеческий капитал	Сокращение доли высококвалифицированных кадров	Доля высококвалифицированных кадров в общей численности занятых, %
Форма труда	Широкое применение вахтового метода труда	Доля населения, работающего вахтовым методом, в общей численности занятых, %
Трудовые ресурсы	Увеличение демографической нагрузки пенсионерами	Коэффициент демографической нагрузки пенсионерами

– *Формирование системы результирующих и факторных показателей (табл. 3).*

Все факторные показатели развития инфраструктуры образования поделены на четыре группы. Экономические факторы представлены тремя показателями, характеризующими инвестиционную активность организаций и масштаб собственного производства как основу источника для осуществления расходов на социальные нужды, а фактически исполненные расходы местного бюджета на социальную политику показывают не только бюджетную обеспеченность территории, но и приоритеты в расходовании средств. Демографические показатели учитывают естественную и механическую динамику численности населения – конечных пользователей инфраструктуры образования. От демографических факторов напрямую зависит потребность в объектах образования. Особую значимость на северных и арктических территориях с учетом их обширности и низкой плотности населения имеют пространственно-территориальные факторы. Слабое развитие дорожной сети и инженерной обустроенности территории влияет на

транспортную доступность объектов инфраструктуры образования, их качество, потенциал строительства и размещения новых объектов. Сокращение численности сельского населения, в первую очередь за счет миграции молодежи, приводит к оптимизации инфраструктуры образования и в конечном итоге обезлюживанию территории. Социально-трудовые факторы представлены показателем обеспеченности трудовыми ресурсами арктических территорий, характеризующихся сокращением доли высококвалифицированных кадров, широким применением вахтового метода труда и увеличением демографической нагрузки пенсионерами.

В качестве основных критериев для отбора показателей служили наличие абсолютного значения и динамики показателя, количественное выражение показателя и достаточная длина временного ряда (2009–2022 гг., 14 лет). В результате применения перечисленных критериев из исследования были исключены показатели развития профессионального образования (отсутствие динамики показателей) и несколько факторных показателей. Также проводился

Таблица 3. Система результирующих и факторных показателей развития инфраструктуры образования в Арктической зоне Северного макрорегиона

Направление	Наименование показателя	Единица измерения
1. Результирующие показатели (инфраструктура образования)		
Дошкольное образование	1.1. Число мест в дошкольных образовательных учреждениях (детские сады)	единиц
	1.2. Численность педагогических работников в дошкольных образовательных учреждениях	человек
Школьное образование	1.3. Число общеобразовательных организаций (школы)	единиц
	1.4. Численность учителей	человек
2. Факторные показатели		
Экономические факторы		
Инвестиционная активность организаций	2.1. Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории (без субъектов МСП)	рублей
Масштаб собственного производства	2.2. Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов МСП)	рублей
Бюджетная обеспеченность	2.3. Объем расходов местного бюджета на социальную политику	рублей
Демографические факторы		
Изменение численности населения	2.4. Численность населения	человек
Рождаемость населения	2.5. Число родившихся живыми	человек
Миграция населения	2.6. Число выбывших, значение показателя за год	человек
Пространственно-территориальные факторы		
Периферийность территории	2.7. Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, на конец года	километров
Инженерная обустроенность территории	2.8. Одиночное протяжение уличной водопроводной сети на конец года	километров
	2.9. Одиночное протяжение уличной канализационной сети на конец года	километров
	2.10. Протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении	километров
Обезлюживание территории	2.11. Численность сельского населения	человек
Социально-трудовые факторы		
Трудовые ресурсы	2.12. Среднесписочная численность работников организаций	человек

анализ корреляционной матрицы на предмет исключения мультиколлинеарных показателей.

— Сбор и систематизация базы данных отобранных показателей (построение динамических временных рядов).

В связи с отсутствием показателей отдельно по исследуемым мезорегионам осуществлялись сбор и суммирование данных по муниципальным образованиям, входящим в каждый арктический мезорегион. Обособленные подразделения учреждений учтены как самостоятельные единицы инфраструктуры образования.

— Регрессионный анализ результирующих и факторных временных рядов.

Теснота связей нормировалась по значению коэффициента аппроксимации R^2 . При проверке p -значение не превышало 0,05, F -статисти-

ка — табличных значений. Таким образом, степень надежности результатов составила не менее 95%. Критерием наличия связи показателя и фактора является численное значение коэффициента детерминации выше 0,5 по шкале Чеддока. Особый акцент придается изучению влияния факторов на инфраструктуру образования, имеющих высокую тесноту связи (выше 0,7).

3. На заключительном этапе проводилась интерпретация полученных результатов влияния экономических, демографических, пространственно-территориальных и социально-трудовых факторов на развитие инфраструктуры образования в Арктической зоне Северного макрорегиона. Результатом данного этапа стала дифференциация исследуемых мезорегионов по факторным признакам.

Таким образом, в настоящем исследовании использованы теоретические и эмпирические методы. Для определения существующей проблематики применены методы статистического анализа, группировки и систематизации на основе выявления темпов изменения. Обзор степени теоретической изученности проблемы основан на компаративном анализе идей и подходов российских и зарубежных ученых. Методический инструментарий также включает эконометрические методы определения

степени влияния факторов на развитие инфраструктуры образования.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты корреляционно-регрессионного анализа подтвердили гипотезу исследования. Все исследуемые факторы влияют на развитие инфраструктуры образования в выбранных мезорегионах. Однако для разных территориальных систем характерны свои доминирующие факторы (табл. 4).

Таблица 4. Результаты корреляционно-регрессионного анализа, значение коэффициента детерминации

Факторы		Арктический мезорегион	1. Результирующие показатели (инфраструктура образования)				
			1.1	1.2	1.3	1.4	
2. Факторные показатели	Экономические	2.1	Архангельская область	-	-	0,65	0,68
			Ненецкий автономный округ	-	-	-	-
			Республика Коми	-	-	-	-
		2.2	Архангельская область	-	-	0,51	0,6
			Ненецкий автономный округ	0,92	0,88	0,95	0,72
			Республика Коми	-	-	-	-
		2.3	Архангельская область	0,92	0,89	0,77	0,83
			Ненецкий автономный округ	-	-	-	-
			Республика Коми	-	-	0,7	0,78
	Демографические	2.4	Архангельская область	-	-	0,94	0,99
			Ненецкий автономный округ	0,78	-	0,73	-
			Республика Коми	-	-	0,79	0,97
		2.5	Архангельская область	-	-	0,93	0,97
			Ненецкий автономный округ	-	-	-	-
			Республика Коми	-	-	0,81	0,93
		2.6	Архангельская область	-	-	0,75	0,84
			Ненецкий автономный округ	0,5	-	0,49	-
			Республика Коми	0,95	0,9	0,53	0,8
	Пространственно-территориальные	2.7	Архангельская область	-	-	-	-
			Ненецкий автономный округ	0,87	0,52	0,95	-
			Республика Коми	-	-	-	-
		2.8	Архангельская область	-	-	0,93	0,91
			Ненецкий автономный округ	0,77	-	0,88	0,87
			Республика Коми	-	-	0,75	0,81
2.9		Архангельская область	-	-	0,84	0,75	
		Ненецкий автономный округ	0,64	-	0,61	0,5	
		Республика Коми	0,84	0,89	0,73	0,82	
2.10		Архангельская область	0,91	-	0,86	0,92	
		Ненецкий автономный округ	0,92	0,58	0,87	0,79	
		Республика Коми	-	-	0,69	0,88	
2.11	Архангельская область	-	-	-	-		
	Ненецкий автономный округ	-	-	0,57	-		
	Республика Коми	0,57	0,59	-	-		
Социально-трудовые	2.12	Архангельская область	0,91	0,96	0,89	0,96	
		Ненецкий автономный округ	-	-	-	-	
		Республика Коми	0,84	0,83	-	0,83	

Экономические факторы оказывают значительное влияние на развитие инфраструктуры образования в Ненецком автономном округе. Это подтверждает тезис о том, что на территориях, характеризующихся вахтовым методом хозяйственного освоения (большой численностью непостоянного населения) и сырьевой специализацией, экономические факторы преобладают над социально-трудовыми. Например, масштаб собственного производства влияет на инфраструктуру дошкольного, школьного образования и их кадровую обеспеченность за счет наполняемости местных бюджетов и реализации программ корпоративной социальной ответственности хозяйствующих субъектов. Социальная ориентированность бюджета не оказывает влияния на инфраструктуру образования в Ненецком автономном округе и, наоборот, сильно воздействует в Архангельской области в связи с особенностями межбюджетных отношений между данными регионами — значительную часть социальных услуг для жителей округа оказывают учреждения области.

Анализируя полученные результаты по влиянию демографических факторов на развитие объекта исследования, стоит отметить, что основным преобладающим показателем является изменение численности населения. Именно потребность населения в объектах образования влияет на их количественный состав, так как социальная инфраструктура создается для людей. Дополнительным аргументом служит сильное влияние фактора инженерной обустроенности территории. Пространственное размещение объектов инфраструктуры образования опирается на существующие государственные нормы и стандарты обеспечения бытовыми коммуникациями тепловодоснабжения.

Негативные миграционные процессы в старопромышленных мезорегионах Архангельской области и Республики Коми оказывают непосредственное влияние на кадровую обеспеченность сферы образования — территорию среди прочих покидают высококвалифицированные специалисты социальной сферы. Например, данные зависимости в Республике Коми можно подтвердить активной миграцией с арктических территорий, связанной со снижением экономической активности или полным закрытием угольных шахт, которые составляли основу структуры экономики.

Пространственно-территориальные факторы также влияют на все показатели развития инфраструктуры образования. Особенностью Ненецкого автономного округа выступает высокая периферийность территории, что проявляется в крайне низкой транспортной обустроенности. В целом факторы периферийности и низкой инженерной обустроенности территории всех исследуемых арктических мезорегионов в большей степени влияют на инфраструктуру школьного образования, включая обеспеченность школ учителями.

Среднесписочная численность работников организаций является показателем обеспеченности территории трудовыми ресурсами, важнейшим социально-трудовым фактором социально-экономического развития территории. Данный фактор сильно влияет на развитие инфраструктуры образования в арктических мезорегионах Архангельской области и Республики Коми. Это объясняется их экономической специализацией, связанной с обрабатывающей промышленностью, потребностью в постоянном населении.

Выводы и заключение

В ходе работы выполнена оценка влияния комплекса факторов на формирование и развитие социальной инфраструктуры с позиции её компонентного состава. Особенность выполненного исследования заключается в его комплексности и проведении на мезорегиональном уровне с учетом территориальных особенностей Севера и Арктики страны и стратегических ориентиров органов государственной власти, что стало основой для разработки авторского методического инструментария. Предлагаемый авторами методический аппарат включает последовательный алгоритм и пошаговую детализацию выполнения оценки влияния обоснованных сопряженных факторов на развитие инфраструктуры образования, а также систему показателей, максимально полно отображающих особенности их влияния на арктических территориях.

В результате выполненного исследования подтверждена гипотеза о влиянии представленных факторов на инфраструктуру образования в Арктической зоне Северного макрорегиона дифференцировано в зависимости от характера и темпов освоения и развития изучаемых территорий, от реализации государственной политики.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их применения федеральными и региональными органами власти по вопросам развития инфраструктуры образования в Арктике с учетом специфики и степени влияния экономических, демографических, пространственно-территориальных и социально-трудовых факторов на развитие инфраструктуры образования в конкретном мезорегионе.

Например, на развитие инфраструктуры образования в арктическом мезорегионе Архангельской области сильное влияние оказывает объем финансирования из местных бюджетов. Данная зависимость выглядит логичной вследствие сильного дефицита местных бюджетов при вмененных полномочиях по содержанию дошкольной и школьной инфраструктуры. Этот факт необходимо учитывать региональным и местным властям на этапе планирования структуры бюджетов на плановый период и осуществления межбюджетных трансфертов. Показа-

тельным является пример сильного влияния изменения численности населения на инфраструктуру образования в арктическом мезорегионе Республики Коми, где сокращение потребности в школах и детских садах сопровождается естественным процессом их закрытия. Органам власти необходимо стабилизировать динамику численности населения, в первую очередь сократить миграционную убыль, обеспечив население занятостью и достойным качеством жизни. Решение транспортной и инженерной обустроенности Ненецкого автономного округа будет способствовать развитию социальной инфраструктуры в регионе с учетом возрастающей потребности вследствие роста численности населения.

Полученные результаты рекомендуется учитывать при разработке и корректировке стратегических и программных документов, направленных как на социально-экономическое развитие северных и арктических территорий в целом, так и в частности на сферу образования.

Литература

- Васильев В.В., Селин В.С. (2017). Анализ особенностей производства и жизнедеятельности человека на Севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 1 (52). С. 17–25.
- Волгин Н.А., Мосина Л.Л., Широкова Л.Н. (2019). Российская Арктика: социально-трудовые и демографические особенности развития // Социально-трудовые исследования. № 1 (34). С. 117–133.
- Гранберг А.Г. (2006). Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ. 496 с.
- Грачев С.Л., Филимонова И.В., Немов В.Ю. (2020). Стратегия управления социальной инфраструктурой ООО «Газпром добыча НАДЫМ» // Газовая промышленность. № 5. С. 108–116.
- Давыденко В., Колчинская Е., Яковлева П. (2022). Доступность образования для коренных малочисленных народов Севера // Образовательная политика. № 3 (91). С. 34–48. DOI: 10.22394/2078-838X-2022-3-34-48
- Емельянова Е.Е. (2019). Опорные направления развития муниципалитетов Арктики // Вестник Кольского научного центра РАН. № 2. С. 134–143. DOI: 10.25702/KSC.2307-5228.2019.11.3.134-143
- Лаженцев В.Н. (2008). Актуальные проблемы Севера России (теория и рекомендации) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. № 2. С. 67–78.
- Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2015). Новое обустройство Арктики: вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Проблемы теории и практики управления. № 6. С. 54–60.
- Логинов В.Г. (2010). Состояние и качество объектов социальной инфраструктуры в районах Севера // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации: научно-информационный бюллетень. Вып. 12. С. 61–79.
- Нуйкина Е.В. (2013). Влияние вахтового метода работы на принимающие города российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 2 (14). С. 107–116.
- Пилясов А.Н. (2009). И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либроком. 544 с.
- Рябова Л.А., Дидык В.В., Корчак Е.А. [и др.] (2013). Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра

корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. № 3. С. 34–50.

- Селин В.С., Вышинская Ю.В. (2015). Экономика арктических регионов и корпораций на современном этапе // Вестник Кольского научного центра РАН. № 4 (23). С. 90–99.
- Сосин П. В. (2011). Социальная инфраструктура стационарных и подвижных (мобильных) поселений коренных этносов Севера // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (2). С. 51–58.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С. (2017). Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. Т. 16. № 1. С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2020). Миграции населения Российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. № 4 (40). С. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
- Фоменко Н.М., Котелевская Ю.В. (2022). Направления государственной политики развития инфраструктуры образовательных учреждений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 3. С. 76–83. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-76-83
- Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В. [и др.] (2018). Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). Т. 10. № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418.
- Biktemirova M.K., Svetovtceva T.A., Rudenko L.G. et al. (2015). The social infrastructure services in the context of economic growth factors. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6, 260–267. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n2s3p260
- Hodge G.A., Greve C. (2007). Public-private partnerships: An international performance review. *Public Administration Review*, 67(3), 545–558. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2007.00736
- Laruelle M. (2019). The three waves of Arctic urbanization. Drivers, evolutions, prospects. *Polar Record*, 55, 1–12. DOI.org/10.1017/S0032247419000081
- Marmot M. (2008). Closing the gap in a generation: Health equity through action on the social determinants of health. *The Lancet*, 372(9650), 1661–1669. DOI: 10.1016/S0140-6736(08)61690-6
- Nilsson A.E., Larsen J.N. (2020). Making regional sense of global sustainable development indicators for the Arctic. *Sustainability*, 12, 1027. DOI:10.3390/su12031027
- Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. (2021). Compensation fund as a tool for sustainable development of the Arctic indigenous communities. *Polar Science*, 28, 100609. DOI.org/10.1016/j.polar.2020.100609
- Ramage J., Jungsberg L., Wang S. et al. (2021). Population living on permafrost in the Arctic. *Population and Environment*, 43, 22–38. DOI.org/10.1007/s11111-020-00370-6
- Streletskiy D.A., Suter L.J., Shiklomanov N.I et al. (2019). Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian regions on permafrost. *Environmental Research Letters*, 2, 1–15. DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6

Сведения об авторах

Людмила Васильевна Воронина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук (163020, Российская Федерация, г. Архангельск, пр. Никольский, д. 20); доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: Ludmila.science@yandex.ru)

Алексей Викторович Григоришин – старший преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: a.grigorischin@narfu.ru)

Дилмурад Батырджанович Яхьяев – старший преподаватель, заместитель исполнительного директора – начальник экспертно-аналитического отдела дирекции НОЦ мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: dilmurad-92@mail.ru)

Voronina L.V., Grigorishchin A.V., Iakhiaev D.B.

Assessing the Impact of Factors on the Education Infrastructure in the Arctic Zone of the Northern Macroregion

Abstract. Given the orientation of Russia's state policy toward the development of its Arctic zone, one of the major directions of socio-economic development in these territories is to modernize educational facilities and form a system of qualified personnel. Having calculated the rate of changes in the indicators, we reveal negative trends in the development of school and vocational education infrastructure in the Arctic zone of the Northern microregion; this confirms the relevance of the study. The education infrastructure, regarding its components, is understood as a set of infrastructure facilities of preschool, school and vocational education, as well as their staffing with qualified specialists. The aim of the research is to identify and assess the impact of a set of factors on the change in the education infrastructure in the Arctic zone of the Northern macroregion. We study the object of research at the mesoregional taxonomic level of spatial-territorial Arctic systems in relation to specific local communities; this increases the objectivity of our findings. The geography of the study is based on an institutional approach and includes Arctic mesoregions of the Arkhangelsk Oblast, Nenets Autonomous Okrug and the Komi Republic, which together form the Arctic zone of the Northern macroregion. We put forward our own methodological approach to assessing the impact of factors on social infrastructure in the Arctic zone of the Northern microregion. The approach contains a system of indicators reflecting changes in the education infrastructure and economic, demographic, spatial-territorial and socio-labor factors affecting it over the past fourteen years. We use methods of comparative analysis, systematization and grouping, statistical and correlation-regression analysis. The results of the study allow us to conclude that the influence of the factors on the education infrastructure in the Arctic zone of the Northern macroregion is differentiated depending on the nature and pace of development of the territories under consideration, state policy implemented in these territories, and other factors.

Key words: Arctic, North, education infrastructure, factors, mesoregion, methodological approach.

Information about the Authors

Lyudmila V. Voronina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, N. Laverov Federal Research Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation); Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: Ludmila.science@yandex.ru)

Aleksei V. Grigorishchin – Senior Lecturer, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: a.grigorishchin@narfu.ru)

Dilmurad B. Iakhiaev – Senior Lecturer, deputy executive director – head of the expert and analytical department of the directorate of the World-Class Scientific and Educational Center “Russian Arctic: New Materials, Technologies and Research Methods”, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: dilmurad-92@mail.ru)

Статья поступила 06.04.2023.

Реакция муниципальных бюджетов на меры государственного регулирования: методика оценки

Сергей Николаевич

ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: Leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; ResearcherID: V-3471-2019

Аннотация. Географические масштабы Российской Федерации диктуют необходимость дифференцированного пространственного осуществления экономической стратегии и тактики. Муниципальная составляющая данных процессов особо важна, поскольку на местном уровне формируется значительная часть региональных ресурсов, вызывающая мультипликативные эффекты в структурах, хозяйствующих на территории. В условиях санкционного давления и нехватки средств для финансирования развития муниципальных образований необходимо учитывать реакцию, степень активности местных бюджетов на меры государственного стимулирования. Следует понять, бюджеты каких муниципалитетов активнее реагируют на управляющие воздействия государственной политики, что позволит эффективно стимулировать развитие муниципальных образований в условиях финансовых ограничений у госорганов. В работе предложен и верифицирован методический подход к сравнительной оценке активности бюджетов муниципальных образований в части мер государственной финансовой поддержки муниципального развития. Подход базируется на максиминном критерии и реализован на примере муниципалитетов крупнейшего в России Дальневосточного федерального округа. Информационной базой выступают данные Федерального казначейства о состоянии сводных бюджетов муниципальных образований 11 дальневосточных субъектов Российской Федерации за 2011, 2015 и 2020 гг. Проанализированы сводные бюджеты всех 164 муниципальных районов и 66 городских округов, оценена их сравнительная активность к мерам государственного финансового стимулирования

Для цитирования: Леонов С.Н. (2023). Реакция муниципальных бюджетов на меры государственного регулирования: методика оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 168–185. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.9

For citation: Leonov S.N. (2023). Reaction of municipal budgets to state regulation measures: Assessment methodology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 168–185. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.9

муниципального развития. Выявлена высокая поляризация активности местных бюджетов к мерам госрегулирования. Показано, что бюджеты городских округов активнее реагируют на меры государственного воздействия, чем бюджеты муниципальных районов. Именно бюджеты городских округов в своей массе формировали группу местных бюджетов с наиболее активным откликом на меры госрегулирования. Тем не менее переход Магаданской и Сахалинской областей к 2020 году на одноуровневые, состоящие только из городских округов, системы местного самоуправления не способствовал повышению активности бюджетов городских округов в данных регионах к мерам госрегулирования в сравнении с другими муниципальными образованиями Дальневосточного федерального округа. Предлагаемый механизм позволяет обеспечить органы территориального управления методическим инструментарием для углубленного анализа и сравнительной оценки степени активности бюджетов муниципалитетов по отношению к мерам государственного регулирования.

Ключевые слова: муниципалитеты, местный бюджет, стимулирование муниципального развития.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Постановка проблемы

Российские территориальные масштабы диктуют необходимость дифференцированного пространственного осуществления экономической стратегии и тактики развития страны. При этом региональная составляющая социально-экономических процессов приобретает особую важность, поскольку именно на муниципальном уровне формируется значительная часть потенциала региональных ресурсов, включаемая в бюджетную систему и вызывающая мультипликативные эффекты в структурах, хозяйствующих на территории.

На региональном уровне создается и институционально закрепляется органами государственной власти определенная система социально-экономических приоритетов, сформулированная в виде различных видов и форм налоговых льгот, субсидий, дотаций и других бюджетных мер, стимулирующих направленную деятельность органов местного самоуправления (МСУ) по развитию подведомственных им территорий.

Вопрос количественной оценки реакции бюджетов муниципальных образований (МО) на государственное воздействие интересен как важное условие социально-экономического

развития хозяйственного комплекса региона. В теоретических построениях традиционно считается, что бюджет является основным рычагом регионального правительства по стимулированию территориального социально-экономического развития, поскольку многие финансируемые им виды экономической деятельности и предоставляемые льготы по налогообложению обладают мультипликативным эффектом¹.

Фактически бюджетные показатели отражают политику как федеральных, так и региональных и муниципальных органов власти в области социально-экономического развития территории². Не зная состояния финансовой сферы, невозможно оценить уровень развития территории, поскольку именно региональные

¹ Стимулирующая функция бюджета особо ярко проявляется в США, где перераспределение финансов между штатами, а также между муниципалитетами в пределах штата развито слабо (Лавров и др., 2001).

² Руководство по управлению региональными и муниципальными финансами (2007): в 2 т. / под общ. ред. А.М. Лаврова. М.: ЛЕНАРД. Т. 1. 540 с.; Проблемы межбюджетных отношений в России (2012). М.: Изд-во института Гайдара. 188 с.

финансы выступают базой реализации социально-экономических проектов и программ на территории.

В рамках реализации требований 172 ФЗ³ к разработке стратегических документов по развитию субъектов Российской Федерации крайне важно не только соблюсти бюджетные социальные ограничения, но и изыскать бюджетные источники финансирования стратегического развития МО.

Парадокс состоит в том, что необходимость использования общепризнанных критериев и количественных параметров при оценке активности муниципальных бюджетов к мерам государственного стимулирования регионального развития признается как исследователями (Зайцева, 2007; Михеева, Ананьева, 2011; Котов, 2022), так и практиками (Широков, Юркова, 2020), однако в реальности принятие решения о применении конкретного инструмента стимулирования регионального развития определяется зачастую не стремлением к «расшивке» региональных стратегических проблем, а оказывается нацеленным на решение проблем «выживания» муниципалитета, концентрируясь на проблемах социального блока местных бюджетов (Леонов, 2023).

Целостная система оценки сравнительной активности местных бюджетов к мерам региональной политики в настоящее время если не отсутствует, то находится в стадии формирования (Коротина, 2014; Селявина, 2015; Котов, 2020). При этом вряд ли можно определить в абсолютных показателях степень реакции бюджетов конкретных муниципалитетов, но можно попытаться оценить сравнительный уровень активности местных бюджетов по отношению к мерам государственного стимулирования, сопоставляя его с реакцией бюджетов других муниципалитетов субъекта Федерации или федерального округа.

В качестве объекта исследования выступают муниципальные образования Дальневосточного федерального округа (ДФО). В силу своего положения и геополитического значения ДФО постоянно находится в центре внимания феде-

рального правительства, выступая своеобразной «экономической лабораторией страны»⁴.

Целью работы является построение методики оценки сравнительной активности местных бюджетов по отношению к финансовым мерам государственного регулирования муниципального развития. Для этого был выполнен анализ мер государственного регулирования муниципального развития; классифицированы существующие подходы к анализу локальных характеристик состояния бюджетной системы муниципалитетов; обоснован комплексный подход к оценке сравнительной активности бюджетов муниципалитетов, учитывающий системность и сопоставимость локальных оценок; выполнена верификация предложенного подхода на примере муниципальных образований Дальневосточного федерального округа; проанализированы полученные результаты.

Источники данных

Анализ динамики сравнительной активности местных бюджетов к мерам государственного стимулирования муниципального развития проводился по данным Федерального казначейства об исполнении сводных бюджетов муниципалитетов дальневосточных субъектов Федерации⁵ за 2011, 2015 и 2020 гг. Рассматри-

⁴ Именно на Дальнем Востоке были апробированы первые федеральные региональные программы, появились свободные экономические зоны, а в настоящее время формируются территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт Владивосток (Синтез ..., 2011; Леонов, 2021). На современном этапе всплеск внимания к развитию Дальнего Востока объясняется важностью учета неопределенности влияния внешних факторов в процессе санкционной войны в условиях сложной финансовой ситуации в стране.

⁵ В соответствии с указом Президента РФ № 632 в конце 2018 года территориальный состав Дальневосточного федерального округа был расширен за счет включения двух регионов, ранее административно входивших в Сибирский федеральный округ, — Забайкальского края и Республики Бурятия. В данной работе состав ДФО рассматривается в границах названного указа и включает 11 субъектов РФ: республики Саха (Якутия) и Бурятия, Хабаровский, Приморский, Камчатский и Забайкальский края, Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области, Еврейскую автономную область (ЕАО) и Чукотский автономный округ (ЧАО) (см. Указ Президента РФ от 03 ноября 2018 № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849»). Поэтому все ретроспективные данные в статье были пересчитаны на «новый» состав дальневосточных субъектов Федерации.

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

вались все доходы местных бюджетов дальневосточных субъектов: собственные (налоговые и неналоговые), а также объем и динамика трансфертов как в целом, так и по отдельным их видам (дотации, субсидии, субвенции). Данные о состоянии муниципальных бюджетов представлены по каждому из рассматриваемых дальневосточных субъектов РФ в агрегированном по муниципальным районам и городским округам виде. Были проанализированы сводные бюджеты всех 164 муниципальных районов (МР) и 66 городских округов (ГО) одиннадцати дальневосточных субъектов РФ.

Методы государственного регулирования муниципального развития

Методы государственного регулирования муниципального развития разнообразны, используются в различных странах и охватывают систему правовых, экономических и финансовых методов.

Правовые методы включают нормативно-законодательные акты, разработанные и применяемые органами власти для регулирования процесса территориального развития и перераспределения полномочий. При этом, как отмечал Я. Корнаи, стабильность законодательной базы крайне важна в любой экономической ситуации, но в изменчивых экономических условиях единые стабильные «правила игры» для обеспечения территориального развития приобретают особую значимость (Kornai, 1986). К сожалению, современная российская правовая база, несмотря на усилия Правительства РФ по ее смягчению, остается достаточно агрессивной в части формирования благоприятных институциональных условий регионального развития. Денонсация Европейской хартии МСУ⁶ и неопределенность с принятием прошедшего первое чтение в Госдуме проекта федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой

⁶ Активизация специальной военной операции в феврале 2022 года и последовавший за этим уже в марте выход России из Совета Европы показали, что денонсация Российской Федерацией ряда европейских конвенций — лишь вопрос времени. Через год, 16 февраля 2023 года, Госдума РФ денонсировала действие 21 соглашения с ЕС. В числе прочего Россия вышла из Европейской хартии местного самоуправления (см.: Госдума одобрила прекращение международных договоров РФ. URL: <https://pravo.ru/news/245315/>).

системе публичной власти»⁷ показывают, что правовые методы воздействия на муниципальное развитие в России все еще находятся на этапе становления (Барабаш, Леонов, 2023).

В зарубежных странах, в отличие от России, отмечается определенная стабильность законодательной базы в части стимулирования развития МО, но это не умаляет важности вопросов экономической поддержки муниципалитетов, которые оказываются значимыми, хотя и в различной степени, для всех федеративных государств⁸.

При этом если в России экономические методы управления региональным развитием охватывают гомогенные (целевые региональные программы) и локальные инструменты стимулирования регионального развития, базирующиеся на концепции «полосов роста» (свободные и особые экономические зоны, зоны территориального развития, территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт Владивосток), то в зарубежных странах в последние десятилетия власти часто пытаются решать экономические проблемы муниципалитетов, поощряя укрупнение последних, что формально ведет к сокращению числа МО и к фактическому «сжатию» самой территориальной структуры МСУ⁹.

Анализ публикаций, посвященных оценке экономической эффективности произведенных укрупнений муниципалитетов в Евросоюзе (Pevcin, 2017b) и Австралии (Dollery et al., 2007), показывает, что чаще всего процесс слияния муниципалитетов приветствуется и поддерживается государственными органами власти, но базируется он не на количественных, а лишь на качественных оценках последствий. В реальности только незначительное число территориально самых мелких муниципалитетов из общей массы МО испытывает при этом эффект масштаба (Pevcin, 2017a).

⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: законопроект № 40361-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

⁸ Making Decentralization Work: A Handbook for Policy-Makers. Available at: <https://dx.doi.org/10.1787/g2g9faa7-en>

⁹ Multi-Level Governance Reforms: Overview of OECD Country Experiences. Available at: <https://doi.org/10.1787/9789264272866-en>

Фактически можно констатировать, что вопрос о количественной оценке результативности использования экономических инструментов региональной политики остается открытым, хотя результаты исследований (Михеева, Ананьева, 2011; Сухарев, 2015; Минакир, Прокапало, 2017; Леонов, 2020; Кузнецова, Бабкин, 2021; Temple, 1994; Dollery et al., 2007; Pevcin, 2017b) показывают, что без адекватной финансовой базы эффективность применения экономических инструментов регионального развития оказывается невысокой.

Финансовые методы стимулирования муниципального развития включают как меры прямого бюджетного финансирования, подразумевающие выделение средств на реализацию приоритетов региональных стратегий в соответствии с программами развития, так и меры налоговой политики и межбюджетных трансфертов, которые выделяются муниципалитетам по заданным критериям, а их объемы варьируют в соответствии с федеральными и региональными формальными методиками распределения бюджетных ресурсов. Названные методы носят в значительной мере нормативный характер, проблемам их использования посвящен целый ряд российских и зарубежных исследований¹⁰ (Белов, 2012; Левина, 2017; Fratesi, Perussa, 2014), но вопросы, касающиеся количественной оценки результативности влияния финансовых методов на территориальное развитие муниципалитетов, далеки от разрешения как в России (Котов, 2020; Кулаковский, 2019), так и за рубежом (Dollery et al., 2007; Pevcin, 2017a). Значительное число показателей и разнонаправленность их количественных оценок оставляют нерешенной проблему построения интегрального количественного показателя реакции местных бюджетов на меры государственной политики в отношении муниципалитетов.

Особо подчеркнем, что в условиях санкционного давления привлечение к стимулированию развития российских муниципалитетов средств международных финансовых институ-

тов и иностранных инвестиций, несмотря на созданные в большинстве субъектов Федерации комплексы нормативно-правовых документов¹¹, затруднено, если не сказать невозможно. Это дополнительно акцентирует значимость рационального использования бюджетных мер стимулирования муниципального развития и повышения внимания к результативности этого управления. Возникающие финансовые ограничения регионального развития актуализируют для России вопросы оценки сравнительной активности местных бюджетов в части реакции на меры государственной политики.

Существующие подходы к количественной оценке реакции (активности) местных бюджетов на меры государственного регулирования муниципального развития

Для анализа состояния муниципальных бюджетов и оценки их устойчивости к мерам бюджетной политики стимулирования муниципального развития в России используются традиционные методологические подходы, включающие анализ абсолютных и интегральных показателей, построения относительных коэффициентов, методы горизонтального и вертикального сравнения, агрегирования и построения рейтингов.

Большинство существующих методик оценки состояния местных бюджетов учитывают отдельные показатели финансовой устойчивости бюджетов (Ермакова, Болякина, 2012; Соломко, 2019), ряд методик концентрируется только на анализе сбалансированности местных бюджетов (Пинская, Зиганшина, 2015), некоторые направлены на анализ программно-целевых расходов бюджетов (Макарова, 2012). Наиболее близко к анализу ресурсов и комплексной оценке активности местных бюджетов подошли Н.И. Яшина с коллегами (Яшина, Емельянова, 2008; Яшина и др., 2012), рассматривающие в предлагаемой ими методике состояние местных финансов во взаимосвязи с эффек-

¹⁰ Report of the World Observatory on Subnational Government Finance and Investment – Key Findings. Available at: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_SNG-WOFI_REPORT_Key_Findings.pdf

¹¹ Например, в Хабаровском крае стимулирующую роль в развитии МО призваны выполнять краевой закон от 23.11.2011 № 130 «О государственной инвестиционной политике в Хабаровском крае» (с изменениями на 26.12.2022) и Постановление Правительства Хабаровского края от 14.03.2012 № 55-пр «О мерах по реализации на территории края инвестиционных проектов на условиях государственно-частного партнерства».

тивностью организации трансфертной политики муниципалитетов. Однако анализ ситуации с муниципальными бюджетами выполняется ими в составе консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Методику анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований, базирующуюся на методических подходах коллективов Н.И. Яшиной и Е.А. Ермаковой, приводит Н.Ю. Коротина (Коротина, 2014). Она предлагает оценивать бюджетные ресурсы муниципалитетов и результаты их использования по значительному числу бюджетных параметров, сведенных в пять групп. В числе оцениваемых параметров – показатели сбалансированности местного бюджета, финансовой независимости, направленности муниципальной бюджетной политики в сфере бюджетных расходов, бюджетной устойчивости, долговой зависимости муниципального образования. Однако предлагаемый Н.Ю. Коротиной подход не верифицирован как в отношении формирования интегрального показателя, так и построения сводного рейтинга восприимчивости муниципального бюджета к мерам государственного бюджетного регулирования. Это не позволило оценить эффекты налоговой и трансфертной политики государственных органов в отношении МО, а также построить сравнительный рейтинг органов МСУ по степени их реакции на деятельность государственных органов управления в отношении стимулирования муниципального развития.

В целом анализ подходов к оценке реакции местных бюджетов на меры государственного стимулирования развития МО показывает широкое использование многокритериального метода оценки рациональности управленческих решений в области бюджетной политики. При этом подчеркивается важность перехода от множества локальных коэффициентов к построению интегрального коэффициента (Яшина и др., 2012), что позволит дополнить совокупность сопоставимых данных, характеризующих те или иные аспекты реакции бюджета МО на действия госорганов управления, сводным индексом, комплексно описывающим реакцию бюджета муниципалитета на меры государственного регулирования его развития.

Главные требования, которые следует учитывать при построении сводного индекса, описывающего активность местного бюджета к мерам государственного бюджетного стимулирования развития муниципалитета, сводятся к следующим моментам:

1) количественная оценка реакции бюджета МО на действие государственных органов в отношении стимулирования его развития должна выполняться по результатам анализа динамики изменения интегрального показателя активности бюджета, комплексно учитывающего локальные бюджетные эффекты государственного регулирования муниципального развития;

2) интегральный показатель сравнительной бюджетной реакции на государственное воздействие со стороны любого муниципалитета должен учитывать уровень ресурсного обеспечения полномочий муниципалитетов (растет или снижается степень покрытия бюджетных обязательств МО в результате воздействия государственных органов управления); динамику финансовой независимости муниципального образования в результате действий госорганов, отражаемую параметрами состояния налоговой системы муниципалитета и динамикой коэффициента собственной сбалансированности местного бюджета; изменение степени финансового обеспечения социальных обязательств местных бюджетов в результате государственного регулирования муниципального развития; уровень участия органов местного самоуправления на своей территории в реализации концепции финансирования значимых государственных мероприятий (чем выше, тем лучше);

3) количественная оценка степени активности муниципального бюджета к регулируемому воздействию государственных органов осуществляется «сверткой» множества рассматриваемых показателей состояния бюджетной системы МО в единый интегральный показатель. Анализ существующих методов «свертки» локальных показателей в сводный интегральный показатель (рейтинговый, нормирования показателей, метод максимина) свидетельствует, что наиболее рациональным в подобном случае является метод максимина (Барабаш и др., 2014). Метод максимина позволяет не

только определить ранг (место) региона среди других муниципалитетов по рассматриваемому локальному показателю, но и количественно оценить величину интегрального рейтинга муниципалитета по совокупности рассматриваемых параметров.

Отметим, что существующие рейтинговые оценки, применяющиеся при определении сравнительных преимуществ регионов по тем или иным показателям¹² (Прокапало, 2003; Коротина, 2014; Яшина и др. 2020), позволяют ранжировать регионы по их месту на шкале выбранных показателей, но не дают количественной оценки величины «разрыва» между рангами (местами). С нашей точки зрения, для формирования представления об уровне активности бюджетов различных муниципалитетов недостаточно лишь указать ранг (место) муниципального образования на шкале сравнительной активности бюджета муниципалитета к мерам государственной политики. Необходимо дать ответ на важный для региональных администраций вопрос: насколько количественно бюджет конкретного МО «активнее» бюджета предшественника, по каким локальным показателям его можно «догнать и обогнать» в части реакции на воздействие конкретных мер государственной бюджетной политики?

Названные требования были реализованы в авторском подходе, базирующемся на методических подходах Н.И. Яшиной (Яшина, Емельянова, 2008; Яшина и др., 2012), Н.Ю. Коротиной (Коротина, 2014) и М.Н. Соломко (Соломко, 2019).

В силу названных выше причин методика реализуется в два этапа.

На первом этапе для каждого муниципалитета рассчитывается система локальных коэффициентов, учитывающая главные вышеназванные требования к показателям оценки реакции бюджета муниципалитета на воздействие регулирующих мер государственных органов власти.

¹² Рейтинги инвестиционной привлекательности российских регионов. 2000–2001 гг. (2001) // Эксперт. № 41. С. 97–120; Тирских Т., Галиева Г. (2022). Инвестиционная привлекательность регионов: государство поддержало статус-кво. URL: https://www.raexpert.ru/researches/regions/regions_invest_2022/

На втором этапе по каждому муниципалитету с помощью метода максимина осуществляется «свертывание» локальных бюджетных параметров, полученных на первом этапе, в интегральный показатель бюджетной активности к мерам государственного стимулирования регионального развития. Интегральные показатели рассчитываются для каждого муниципалитета в каждом из анализируемых периодов. Динамика изменения интегральных показателей бюджетной активности, полученных на втором этапе, количественно отражает степень реакции рассматриваемых муниципалитетов на бюджетные меры государственного регулирования муниципального развития.

Формальное описание методики представлено ниже.

На первом этапе для бюджета каждого конкретного муниципалитета в каждом анализируемом периоде рассчитывается ряд локальных показателей, в наибольшей степени характеризующих уровень зависимости конкретных видов деятельности муниципалитета от мер бюджетной активности государственных органов власти.

Коэффициент ресурсного обеспечения полномочий муниципалитета ($K_{\text{роп}}$) характеризует степень общего покрытия бюджетных обязательств органов МСУ (расходов муниципального образования) общими доходами муниципалитета:

$$K_{\text{роп}} = Д \times 100 / Р, \quad (1)$$

где $Д$ — общая сумма доходов местного бюджета;

$Р$ — общая сумма расходов местного бюджета.

На значение коэффициента $K_{\text{роп}}$ влияет сформировавшееся в бюджетной системе распределение расходных обязательств между уровнями власти, соотношение доходных поступлений муниципалитета и межбюджетных трансфертов, а также эффективность использования бюджетных ресурсов в целом. В силу этого коэффициент характеризует ресурсное обеспечение (исполнение) полномочий муниципального образования. Если значение коэффициента $K_{\text{роп}}$ стремится к 100, то риск возникновения проблемы финансового обеспечения расходов муниципалитета невелик.

Коэффициент собственной сбалансированности местного бюджета (K_{cc}) характеризует сбалансированность муниципального бюджета, степень покрытия общей суммы расходов бюджета на реализацию собственных полномочий (без учета субвенций) собственными доходами без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений (дотаций и субсидий)¹³.

$$K_{cc} = [Д - (БП_{\text{дот}} + БП_{\text{субс}})] \times 100 / (Р - БП_{\text{субв}}), \quad (2)$$

где $БП_{\text{дот}}$ – безвозмездные поступления в виде дотаций;

$БП_{\text{субс}}$ – безвозмездные поступления в виде субсидий¹⁴;

$БП_{\text{субв}}$ – безвозмездные поступления в виде субвенций;

$Д$ – общая сумма доходов местного бюджета;

$Р$ – общая сумма расходов местного бюджета.

Чем выше значение коэффициента K_{cc} , тем в большей мере муниципалитет покрывает собственные расходы собственными доходами. Фактически речь идет о необходимом, но недостаточном условии финансовой независимости местного бюджета от вышестоящих уровней бюджетной системы.

Коэффициент финансовой независимости ($K_{\text{фи}}$) показывает эффективность территориальной финансовой политики при прочих равных условиях и представляет долю доходов местного бюджета, зависящую от усилий

¹³ Учитывается, что субсидии выделяются муниципалитету на конкретные цели и предусматривают софинансирование со стороны региона; субвенции направляются на выполнение федеральных (региональных) полномочий, делегированных муниципалитету (например, выплата пособия по безработице и т. п.), и только дотации могут свободно использоваться регионами без оглядки на вышестоящий уровень власти.

¹⁴ Отметим, что иные межбюджетные трансферты не могут замещать собой субвенции, так как предоставляются на выполнение муниципальных полномочий, а не полномочий субъекта РФ, но близки по смыслу к субсидиям, хотя иногда и не предполагают софинансирования. Здесь и далее, если не оговорено особо, в объем субсидий муниципалитету включаются иные межбюджетные трансферты. Последние предоставляются на финансовое обеспечение публичных обязательств, возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения.

муниципальных органов власти по наращиванию поступлений от налогов и муниципальной собственности.

$$K_{\text{фи}} = (НД + ННД) * 100 / Д, \quad (3)$$

где $НД$ – налоговые доходы местного бюджета;

$ННД$ – неналоговые доходы местного бюджета;

$Д$ – общая сумма доходов местного бюджета.

Чем выше значение коэффициента $K_{\text{фи}}$, тем в меньшей мере муниципальные органы зависят от финансовых решений государственных органов.

Коэффициент прямой социальной зависимости бюджета ($K_{\text{псз}}$) характеризует степень финансового обеспечения социальных обязательств муниципалитета. Показывает удельный вес финансовой помощи из вышестоящих бюджетов в доходах муниципального образования.

$$K_{\text{псз}} = (БП_{\text{дот}} + БП_{\text{субс}}) * 100 / Д, \quad (4)$$

где $БП_{\text{дот}}$ – безвозмездные поступления в виде дотаций;

$БП_{\text{субс}}$ – безвозмездные поступления в виде субсидий;

$Д$ – общая сумма доходов местного бюджета.

Коэффициент $K_{\text{псз}}$ оценивает активность проводимой государственными органами политики горизонтального перераспределения. При его расчете учитывается соотношение принятых дотаций и субвенций (а не всех межбюджетных трансфертов из вышестоящих бюджетов) и общей суммы доходов местного бюджета¹⁵.

Чем большая часть бюджетных ресурсов аккумулируется на вышестоящих уровнях бюджетной системы для последующего выравнивания бюджетной обеспеченности муниципалитетов, тем выше значение коэффициента, то

¹⁵ Это важно, так как объем субвенций не зависит от финансового состояния территории и не влияет на уровень ее финансовой самостоятельности, а определяется только с учетом компенсации конкретных расходных обязательств вышестоящих бюджетов, делегируемых на уровень муниципалитета.

есть тем в большей степени муниципалитет зависит от политики выравнивания, проводимой в рамках бюджетной системы страны (Яшина, Емельянова, 2008).

Коэффициент зарегулированности мер господдержки (финансовой помощи для выполнения целевых задач) ($K_{змг}$) показывает удельный вес связанных перечислений в общем объеме принимаемой от вышестоящих бюджетов финансовой помощи.

$$K_{змг} = \text{БП}_{\text{субс}} \times 100 / (\text{БП}_{\text{дот}} + \text{БП}_{\text{субс}}), \quad (5)$$

где $\text{БП}_{\text{дот}}$ – безвозмездные поступления в виде дотаций;

$\text{БП}_{\text{субс}}$ – безвозмездные поступления в виде субсидий.

При получении дотаций муниципалитет не налагает на себя никаких дополнительных финансовых обязательств, но для получения субсидии муниципальное образование должно обеспечить доленое софинансирование указанных госорганами расходных обязательств. Фактически субсидии выступают косвенным инструментом финансирования региональной политики. С его помощью госорганы пытаются подтолкнуть муниципалитет к финансированию приоритетных, с точки зрения регионального центра, расходов.

При прочих равных условиях чем выше значение коэффициента зарегулированности мер господдержки, тем в большей степени местный бюджет и органы МСУ участвуют в реализации региональной концепции финансирования значимых для госорганов мероприятий на своей локальной территории. Невысокое и снижающееся значение коэффициента зарегулированности означает, что МО все в большей мере становится пассивным получателем дотаций из регионального бюджета. На значение коэффициента оказывает влияние региональная финансовая политика госорганов, которые определяют виды межбюджетных трансфертов и методику их распределения между МО, закладывая этим степень активности и принципы горизонтального распределения помощи между бюджетами.

На втором этапе для каждого муниципалитета и каждого анализируемого периода в два шага происходит «свертывание» расчетных

локальных показателей (1–5) в интегральный рейтинг¹⁶ сравнительной активности бюджета муниципалитетов к мерам государственной бюджетной политики (Барабаш и др., 2014).

Для этого на первом шаге методом максимина каждый из расчетных локальных коэффициентов (1–5) нормируется на всем множестве анализируемых муниципалитетов по формулам (6–7). Полученные нормированные локальные рейтинги обозначаются дополнительным индексом * ($K_{\text{роп}}^*$, $K_{\text{сс}}^*$, $K_{\text{фн}}^*$, $K_{\text{псз}}^*$, $K_{\text{змг}}^*$).

Конкретное нормирование максиминным методом бюджетных коэффициентов (1–5) на первом шаге осуществляется следующим образом:

– если максимальное значение расчетного показателя конкретного муниципалитета соответствует наилучшей позиции муниципалитета в списке, как это свойственно показателям (1–3) и (5), то

$$K^* = (\text{Тек}^{\text{зн.}} - \text{Мин}^{\text{зн.}}) * 100 / (\text{Макс}^{\text{зн.}} - \text{Мин}^{\text{зн.}}); \quad (6)$$

– если максимальное значение ранжируемого показателя соответствует наихудшей позиции региона в списке, подобно показателю (4), то

$$K^* = (\text{Макс}^{\text{зн.}} - \text{Тек}^{\text{зн.}}) * 100 / (\text{Макс}^{\text{зн.}} - \text{Мин}^{\text{зн.}}), \quad (7)$$

где $\text{Тек}^{\text{зн.}}$ – значение бюджетного показателя для рассматриваемого муниципалитета;

$\text{Макс}^{\text{зн.}}$ – максимальное значение бюджетного показателя из анализируемой выборки муниципалитетов;

$\text{Мин}^{\text{зн.}}$ – минимальное значение бюджетного показателя из анализируемой выборки муниципалитетов.

Рассчитанные по формулам (6–7) локальные рейтинги муниципалитетов (K^*) понимаются как величина отставания (превышения)

¹⁶ Рейтинг муниципального образования – количественное выражение сравнительной величины отклика муниципалитета на меры государственной бюджетной политики, измеряемое в п. п. от лучшего значения отклика среди всей совокупности анализируемых муниципалитетов; ранг муниципального образования – место, которое занимает муниципалитет среди множества анализируемых муниципалитетов по степени активности отклика на меры государственной бюджетной политики.

регионального значения каждого из пяти оцениваемых показателей от максимального (минимального) значения конкретного нормированного показателя (1–5) по всей совокупности анализируемых муниципалитетов. Данный разрыв – величина отставания или превышения значения параметра конкретного муниципалитета над максимальным (минимальным) значением данного параметра среди всей совокупности рассматриваемых бюджетов муниципалитетов – измеряется в процентных пунктах (п. п.) от 0 до 100, что позволяет расположить муниципальные образования на нормированной линейке значений бюджетных коэффициентов (1–5) для совокупности анализируемых муниципалитетов.

На втором шаге второго этапа методики, оперируя процентными пунктами отставания нормированных коэффициентов от наилучшего (наихудшего) значения среди показателей по всей совокупности муниципалитетов, можно рассчитать сравнительный интегральный рейтинг активности (реакции) муниципалитета на меры государственной бюджетной политики ($K_{\text{инт}}^*$).

Сравнительный интегральный рейтинг активности муниципалитетов на меры государственной бюджетной политики рассчитывается по формуле (8) как сумма его локальных нормированных рейтингов ($K_{\text{роп}}^*$, $K_{\text{сс}}^*$, $K_{\text{фн}}^*$, $K_{\text{псз}}^*$, $K_{\text{змп}}^*$), деленная на общее число оцениваемых рейтингов (в нашем случае – 5):

$$K_{\text{инт}}^* = (K_{\text{роп}}^* + K_{\text{сс}}^* + K_{\text{фн}}^* + K_{\text{псз}}^* + K_{\text{змп}}^*) / 5. \quad (8)$$

Полученный в результате расчетов для конкретного муниципалитета сравнительный интегральный рейтинг бюджетной активности ($K_{\text{инт}}^*$) будет находиться в интервале от 0 до 100 п. п. Причем чем ближе к 100 п. п. окажется расчетный рейтинг, тем выше значения локальных коэффициентов (1–5) для этого МО и тем активнее реакция данного муниципалитета на регулирующее воздействие государственной бюджетной политики в сравнении с другими муниципальными образованиями. Фактически ранжирование муниципалитетов по величине сравнительного интегрального рейтинга позволяет не только определить величину рейтинга, но и место (ранг) каждого муниципалитета на

нормированной шкале муниципалитетов по величине отклика МО на меры государственной бюджетной политики.

Результаты и дискуссия

Реализация любого методического подхода требует соответствующей информационной базы. Мы отдаем себе отчет, что прикладные результаты в части оценки отклика МО на меры государственной бюджетной политики важны как для правительств конкретных субъектов РФ, так и для сравнительной оценки реакции муниципальных образований ряда субъектов РФ на регулирующее воздействие со стороны госорганов.

Региональным правительством при использовании данного подхода могут быть получены результаты, позволяющие сделать вывод о сравнительной эффективности мер государственной бюджетной политики (дотаций, субсидий, субвенций, иных трансфертов) в отношении политики стимулирования развития того или иного конкретного вида муниципалитетов (МР или ГО).

Однако с точки зрения федерального уровня власти в современных условиях перманентного дефицита бюджетных ресурсов в прикладных и научных исследованиях требуется более агрегированный подход, позволяющий определить, местные бюджеты каких субъектов РФ более активно отзываются на меры государственной бюджетной политики. В этом случае при оценке рейтинга муниципалитетов не так важна степень дробности сетки муниципальных единиц в субъекте РФ, как наличие сопоставимой однородной базы данных по муниципальным бюджетам для всех участвующих в анализе субъектов РФ. В настоящем исследовании подобный макроподход был реализован на примере Дальневосточного федерального округа.

Верификация методики выполнялась на материалах Федерального казначейства, позволяющих оперировать данными по сводным бюджетам муниципальных районов и городских округов. Учитывая, что информация о состоянии местных бюджетов субъектов РФ за 2011–2020 гг.¹⁷ представляется Федеральным казначейством в агрегированном виде по

¹⁷ С 2021 года Федеральное казначейство перестало публиковать данные по состоянию местных бюджетов в открытом доступе.

всем МР и ГО каждого субъекта Федерации¹⁸, расчеты выполнялись для сводных бюджетов муниципальных районов и городских округов каждого дальневосточного субъекта. Апробация методики была осуществлена для 164 МР и 66 ГО ДФО. Подобный подход позволяет установить, бюджет какого из видов МО (муниципальных районов или городских округов) в каком из субъектов Федерации является более чувствительным к мерам воздействия государственной бюджетной политики.

Для сравнения интегральных рейтингов активности бюджетов дальневосточных муниципалитетов к мерам государственной политики стимулирования муниципального развития использовалась равномерная трехразрядная шкала (табл. 1).

Подобный подход позволяет выделить в дальневосточных субъектах РФ три группы муниципальных образований, отличающихся по величине рейтинга и, как следствие, по характеру реакции бюджета МО на меры государственного регулирования муниципального развития.

В I группу со значением рейтинга от 66,1 до 100 п. п. вошли муниципалитеты, показавшие наибольший отклик на меры бюджетного госрегулирования среди всего множества анализируемых бюджетов дальневосточных муниципалитетов. II группа (33,1–66 п. п.) включает МО, для которых характерен средний сравнительный уровень реакции на меры бюджетной государственной политики. Третью группу (0–33 п. п.) формируют муниципалитеты, относительно нейтральные к мерам государственного стимулирования, то есть наименее слабо среди бюд-

жетов всех дальневосточных муниципальных образований реагирующие на государственное воздействие.

Подчеркнем, что значение интегрального рейтинга активности характеризует не абсолютную величину реакции бюджета муниципального образования на бюджетные меры господдержки, а относительную, показывая, на сколько процентных пунктов активнее реагирует данный муниципалитет на государственное вмешательство в сравнении с другими муниципалитетами федерального округа.

Расчетные величины интегральных рейтингов, характеризующих активность бюджетов дальневосточных МО на бюджетные меры государственного регулирования, представлены в таблице 2.

Результаты расчетов показывают достаточно высокую поляризацию и динамичность значений интегральных рейтингов отклика дальневосточных МО на бюджетные меры государственного регулирования. Наиболее значимое влияние на состояние и динамику интегрального рейтинга активности оказывает величина показателей (3–5). Речь идет о коэффициентах финансовой независимости, прямой социальной нагрузки местного бюджета и коэффициенте зарегулированности мер господдержки (финансовой помощи для выполнения целевых задач).

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что гораздо активнее на меры государственной поддержки реагируют бюджеты городских округов, поскольку значения интегрального рейтинга ГО у большинства анализируемых субъектов РФ выше, чем величины рейтингов МР.

Таблица 1. Интервалы значений интегрального рейтинга активности бюджетов муниципалитетов к мерам государственного регулирования

Группа	Характер реакции муниципальных образований на бюджетные меры государственного регулирования	Значение интегрального рейтинга, п. п.
I	Активный отклик на меры бюджетного госрегулирования	100–66,1
II	Средний отклик на меры бюджетного госрегулирования	66–33,1
III	Нейтральный (слабый) отклик на меры бюджетного госрегулирования	33–0

Примечание: лучший показатель по рейтингу = 100 п. п.
Источник: составлено автором.

¹⁸ См.: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Таблица 2. Динамика расчетных интегральных рейтингов активности бюджетов дальневосточных муниципалитетов к мерам государственной бюджетной политики стимулирования муниципального развития, п. п.

Субъект РФ	2011		2015		2020	
	МР*	ГО**	МР	ГО	МР	ГО
Республика Бурятия	29,4	76,0	34,6	67,0	29,9	42,1
Республика Саха (Якутия)	51,4	60,7	34,1	67,4	41,8	80,5
Приморский край	74,6	53,6	64,3	66,2	91,0	81,6
Хабаровский край	62,6	79,7	53,8	70,1	46,1	56,0
Амурская область	30,3	28,8	30,0	30,9	56,0	70,9
Камчатский край	40,5	46,1	37,5	60,1	45,7	84,5
Магаданская область***	34,2	39,6	28,8	48,4	-	42,5
Сахалинская область***	14,8	9,8	52,4	30,6	-	27,0
Еврейская автономная область	54,1	86,8	36,0	64,0	45,2	72,0
Чукотский автономный округ	38,4	77,3	8,5	38,7	24,2	31,6
Забайкальский край	54,5	61,1	55,7	67,0	43,1	49,1

* МР – муниципальный район
 ** ГО – городской округ
 *** К 2020 г. в результате реформирования структуры муниципалитетов на территории Сахалинской области функционировало 18, а на территории Магаданской области – 9 ГО.
 Примечание. Лучший показатель интегрального рейтинга (100 п. п.) соответствует показателям идеального муниципалитета. Идеальным муниципалитетом выступает тот, который по каждому из пяти оцениваемых локальных параметров (1–5) показывает наилучшее значение среди множества бюджетов рассматриваемых дальневосточных муниципалитетов. Другими словами, чем ближе значение интегрального рейтинга к 100 п. п., тем выше место (ранг) бюджета данного муниципального образования в совокупности бюджетов муниципалитетов ДФО в части активности отклика на бюджетные меры государственной поддержки муниципального развития.
 Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Бюджеты ГО ДФО не только более активно реагируют на государственные меры воздействия в сравнении с бюджетами МР, но и на протяжении всего анализируемого периода именно они в своей массе формировали первую группу – группу наиболее активных муниципалитетов в части отклика местных бюджетов на меры государственного регулирования.

Если в 2011 году в I группу с показателем интегрального рейтинга 66,1–100 п. п. входили бюджеты ГО четырех субъектов РФ, то в 2015 и 2020 гг. – пяти. Из муниципальных районов только бюджеты МР Приморского края дважды продемонстрировали рейтинг, достаточный для вхождения в I группу – 74,6 п. п. в 2011 году и 91 п. п. в 2020 году (см. табл. 2).

Отметим, что муниципальные образования Приморского края на протяжении всего анализируемого периода занимали лидерские позиции в части активной реакции их бюджетов на меры бюджетной государственной политики, показывая наиболее высокие значения интегральных рейтингов как среди бюджетов ГО,

так и бюджетов МР федерального округа. Фактически это позволяет считать Приморский край лидером в эффективной реакции бюджетов МО региона на меры государственного стимулирования муниципального развития.

В противовес муниципальным образованиям Приморского края муниципальные образования Чукотского автономного округа выступили явными аутсайдерами среди дальневосточных муниципалитетов. Для МО Чукотки на протяжении всего анализируемого этапа была характерна «затухающая» реакция местных бюджетов на меры государственной поддержки. Рейтинги активности и у бюджетов ГО, и у бюджетов МР ЧАО опустились с высот I–II группы в 2011 году до уровня II–III группы в 2015 году, оказавшись одними из самых низких в III группе в 2020 году.

Расчеты показали (табл. 3), что не всегда принадлежность муниципального образования к городскому округу автоматически означает более значимый, чем у муниципального района, отклик бюджета на регулирующее воз-

Таблица 3. Распределение бюджетов дальневосточных муниципалитетов по группам значений интегральных рейтингов активности к мерам государственного регулирования

Субъект РФ	2011			2015			2020		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Республика Бурятия	ГО*		МР	ГО	МР			ГО	МР
Республика Саха (Якутия)		ГО, МР		ГО	МР		ГО	МР	
Приморский край	МР**	ГО		ГО	МР		МР, ГО		
Хабаровский край	ГО	МР		ГО	МР			МР, ГО	
Амурская область			МР, ГО			МР, ГО	ГО	МР	
Камчатский край		МР, ГО			МР, ГО		ГО	МР	
Магаданская область		МР, ГО			ГО	МР		ГО	
Сахалинская область			МР, ГО		МР	ГО			ГО
Еврейская автономная область	ГО	МР			МР, ГО		ГО	МР	
Чукотский автономный округ	ГО	МР			ГО	МР			МР, ГО
Забайкальский край		МР, ГО		ГО	МР			МР, ГО	

* ГО – городской округ; ** МР – муниципальный район.
Источник: составлено по данным таблиц 1 и 2.

действие. Так, в семи из одиннадцати дальневосточных субъектов РФ бюджеты МР демонстрировали средний или выше среднего по ДФО уровень реакции на государственные меры стимулирования¹⁹. Практически это означает, что бюджеты дальневосточных МР на протяжении всего анализируемого периода выступали своеобразными «якорями стабилизации бюджетной активности».

В анализируемый период особая ситуация сложилась с бюджетами МО Сахалинской и Магаданской областей. На рубеже 2016–2020 гг. в ходе реформы местного самоуправления данные регионы перешли от двухуровневой системы местного самоуправления («муниципальные районы – поселения») к одноуровневой, когда все муниципальные районы этих субъектов Федерации были преобразованы в городские округа (9 в Магаданской и 18 в Сахалинской области соответственно).

В 2015 году бюджеты ГО в Магаданской области имели рейтинг активности 48,4 п. п., МР – 28,8 п. п., в Сахалинской области – 30,6 и 52,4 п. п. соответственно. То есть с точки зрения сравнительной реакции на меры государственного регулирования в Магаданской области показате-

¹⁹ Речь идет о муниципальных районах Приморского, Хабаровского, Камчатского и Забайкальского краев, Еврейской автономной и Сахалинской областей, Республики Саха (Якутия).

ли рейтингов активности у бюджетов ГО были значительно выше, чем у МР, в Сахалинской области – наоборот.

По данным 2020 года изменение статуса муниципального района на городской округ в Магаданской и Сахалинской областях привело к снижению сводного рейтинга активности бюджетов городских округов (см. табл. 2). При этом в Магаданской области бюджеты городских округов хотя сохранили свое место во II группе и продемонстрировали средний по значимости отклик на регулирующие воздействия государственной бюджетной политики, но показали количественное ухудшение значения самого интегрального рейтинга (с 48,4 п. п. в 2015 году до 42,5 п. п. в 2020 году). В Сахалинской области ситуация с откликом бюджетов новых городских округов на государственные меры воздействия за это же время значительно ухудшилась. В 2020 году в Сахалинской области бюджеты ГО продемонстрировали полную нейтральность к мерам государственного воздействия и, как следствие, худший рейтинг (27 п. п.) среди дальневосточных МО.

Полученные оценки показали, что переход от двухуровневой к одноуровневой системе муниципалитетов не повысил величину отклика местных бюджетов на меры госрегулирования в сравнении с бюджетами других муниципальных образований ДФО.

Выявленная значительная поляризация муниципальных бюджетов ДФО ставит перед региональными правительствами вопрос о том, что эффективнее – поддерживать двухуровневую структуру муниципалитетов («муниципальный район – поселения») в своем субъекте Федерации или отказаться от муниципальных районов в пользу городских округов? Вопрос дискуссионный, требующий расчетов и обоснований для каждого конкретного случая и субъекта РФ (Пузанов, 2021; Барабаш, Леонов, 2023).

Следует отметить, что сравнительная реакция местных бюджетов на меры государственного воздействия у муниципальных образований ДФО за анализируемый период менялась достаточно динамично (см. табл. 2, 3), а профицитное состояние регионального бюджета не являлось гарантией активной реакции бюджетов муниципалитетов данного субъекта РФ на меры государственной поддержки, скорее наоборот. Так, в Сахалинской области, являющейся профицитным субъектом РФ, бюджеты муниципальных образований в большинстве нейтральны, если не безразличны, в сравнении с бюджетами других дальневосточных муниципалитетов, к состоянию и динамике мер государственной политики. Однако чаще в дальневосточных регионах наблюдается обратная ситуация, когда муниципальные бюджеты субъектов РФ с финансово-проблемными бюджетами активно реагируют на меры государственной поддержки. Причем данный процесс наблюдается как в северных (Республика Саха (Якутия), Камчатский край), так и в южных (Еврейская автономная и Амурская области, Приморский и Хабаровский края) дальневосточных регионах.

За десять анализируемых лет сравнительно высокий рейтинг устойчивости бюджетов МО к государственным мерам бюджетной поддержки отмечался в Приморском, Хабаровском, Забайкальском краях и Еврейской автономной области. Улучшение отклика на меры государственного регулирования в сравнении с другими муниципальными образованиями Дальневосточного федерального округа продемонстрировали бюджеты муниципалитетов Республики Саха (Якутия), Амурской области

и Камчатского края. В то же время ситуация сравнительно ухудшилась у бюджетов муниципалитетов Республики Бурятия и Чукотского автономного округа, а муниципальные образования Магаданской и Сахалинской областей за годы наблюдения реформировали свои системы местного самоуправления, перейдя к одноуровневому типу, включающему только городские округа, и в целом ухудшили бюджетные показатели в части отклика на меры государственного стимулирования муниципального развития.

Необходимо учитывать, что в процессе становления и развития местного самоуправления большинство стран сталкивается с финансовыми проблемами²⁰, и вопрос зачастую решается с помощью совершенствования налоговой сферы. В качестве целевых направлений и перспектив укрепления финансовых основ функционирования МО следует совершенствовать инструменты развития доходной базы местных бюджетов в отношении налога на доходы физических лиц (НДФЛ), налоговых доходов от имущественного комплекса, налогообложения малого бизнеса (Печенская-Полищук, 2020, с. 80). Это касается и решенной в значительном числе зарубежных стран проблемы перераспределения НДФЛ с места работы в место проживания налогоплательщика после изначальной уплаты налога по месту работы (Кузнецова, 2006). Следует внимательно отнестись и к предложениям, высказываемым научным сообществом, о придании статуса «местные» всей группе имущественных налогов, поскольку именно органы МСУ могут результативно влиять на их администрирование (Леонов, 2021).

Выводы

Предложенный в работе подход позволяет количественно рассчитать интегральный рейтинг бюджетной активности муниципалитета, а также определить ранг (место) муниципального образования на нормированной шкале значений сравнительной активности бюджетов МО в части мер государственной бюджетной политики.

²⁰ Report of the World Observatory on Subnational Government Finance and Investment – Key Findings. Available at: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_SNG-WOFI_REPORT_Key_Findings.pdf

Верификация методики осуществлена на примере муниципальных образований Дальневосточного федерального округа за 2011–2020 гг.

Выявлено, что в ДФО на протяжении всего анализируемого периода именно ГО в своей массе формировали группу муниципалитетов, наиболее активных в части отклика их бюджетов на меры государственной региональной политики.

Бюджеты МР в ДФО слабее реагировали на меры государственной поддержки. Однако на протяжении всего периода в семи из одиннадцати дальневосточных субъектов Федерации бюджеты МР показывали средний или выше среднего уровень реакции на государственные меры стимулирования, выступая своеобразными «якорями стабилизации бюджетной активности» для своих муниципалитетов.

Местные бюджеты дальневосточных субъектов РФ с финансово-проблемными бюджетами активнее реагируют на меры государственной поддержки. Причем данный процесс наблюдается как в северных (Республика Саха (Якутия), Камчатский край), так и в южных (Еврейская автономная и Амурская области, Приморский и Хабаровский края) дальневосточных регионах.

Бюджеты муниципалитетов Приморского края на протяжении всего анализируемого периода занимали лидирующие позиции среди МО ДФО, демонстрируя наиболее высокие

значения интегральных рейтингов бюджетной активности как по ГО, так и по МР. Явными аутсайдерами с «затухающей» реакцией на меры государственной поддержки стали муниципалитеты Чукотского автономного округа. Рейтинги бюджетной активности ГО и МР автономного округа опустились с высот I–II группы в 2011 году до уровня III группы в 2020 году.

Показано, что формирование в Магаданской и Сахалинской областях одноуровневых систем местного самоуправления не способствовало росту активности бюджетов вновь сформированных городских округов. Это ставит перед региональными правительствами дилемму – поддерживать двухуровневую структуру муниципалитетов в регионе («муниципальный район – поселения») или отказаться от муниципальных районов в пользу городских округов и одноуровневой системы МСУ? Этот вопрос дискуссионный, он требует расчетов и обоснований для каждого конкретного случая и субъекта Федерации.

Научная значимость выполненного исследования заключается в развитии методологии для количественной оценки сравнительной активности местных бюджетов в части мер государственной поддержки муниципального развития. Верификация методики на примере муниципалитетов ДФО показала, что предложенный подход имеет реальную практическую значимость.

Литература

- Барабаш Е.С., Леонов С.Н. (2023). Финансовые и структурные перспективы реформы местного самоуправления в России // Известия Байкальского государственного университета. Т. 33. № 1. С. 46–56.
- Барабаш Е.С., Леонов С.Н., Примаченко Л.С. (2014). Оценка результативности государственной региональной политики в отношении муниципальных образований // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 2. С. 128–136.
- Белов А.В. (2012). Эффективен ли централизм? Оптимизация бюджетных отношений в Российской Федерации // LAP LAMBERT Academic Publishing. 196 с.
- Ермакова Е.А., Болякина О.В. (2012). Подходы к определению финансовой самостоятельности местных бюджетов России // Финансы и кредит. № 12 (492). С. 2–8.
- Зайцева Ю.С. (2007). Городской барометр: система мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований. М.: Фонд «Институт экономики города». 106 с.
- Коротина Н.Ю. (2014). Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. № 17 (353). С. 17–27.
- Котов А.В. (2020). Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. Т. 16. № 2. С. 352–362.

- Котов А.В. (2022). Оценка эффективности преференциальных режимов на муниципальном уровне // Вопросы территориального развития. Т. 10. № 1.
- Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. (2021). Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития // Федерализм. Т. 26. № 4 (104). С. 35–53.
- Кузнецова О.В. (2006). Межбюджетные отношения: параллели между Россией и Германией // Казанский федералист. № 3. С. 56–67.
- Кулаковский Е.С. (2019). Индикаторы устойчивого социально-экономического развития в принятии управленческих решений на уровне муниципальных районов (на примере Воронежской области) // Региональные исследования. № 2 (64). С. 25–35.
- Лавров А., Сазерлэнд Д., Литвак Дж. (2001). Реформа межбюджетных отношений в России: «Федерализм, создающий рынок» // Вопросы экономики. № 4.
- Левина В.В. (2017). Использование финансовых инструментов регулирования регионального развития: проблемы и перспективы // Управленец. № 3 (67). С. 18–24.
- Леонов С.Н. (2020). Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 28–45.
- Леонов С.Н. (2023). Финансовые и структурные аспекты реформы местного самоуправления в России: монография / отв. редактор Н.Н. Михеева. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. 232 с.
- Леонов С.Н. (2021). Финансовые результаты реформы местного самоуправления. Опыт регионов Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 160–175. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.9
- Макарова С.Н. (2012). Методика финансового анализа и оценки программных расходов бюджета публично-правового образования // Аудит и финансовый анализ. № 6. С. 123–133.
- Минакир П.А., Прокапало О.М. (2017). Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 24–41.
- Михеева Н.Н., Ананьева Р.И. (2011). Инструменты региональной политики: оценка эффективности использования // Регион: экономика и социология. № 3. С. 39–57.
- Печенская-Полищук М.А. (2020). Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 71–88. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.5
- Пинская М.Р., Зиганшина Л.А. (2015). Сбалансированность региональных и местных бюджетов: проблемы и пути решения // Инновационное развитие экономики. № 6 (30). С. 90–98.
- Прокапало О.М. (2003). Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. 256 с.
- Пузанов А.С. (2021). Потенциал для развития муниципалитетов // Бюджет. № 10 (226). С. 56–59.
- Селявина Е.А. (2015). Оценка эффективности государственных финансовых институтов пространственного развития: опыт России // Пространственная экономика. № 1. С. 91–108.
- Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 (2011) / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Владивосток: Дальнаука. 912 с.
- Соломко М.Н. (2019). Сбалансированность бюджетов: подходы к определению и оценке // Вестник университета. № 3. С. 143–150. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-3-143-150
- Сухарев О.С. (2015). Бюджетные расходы, эффективность и приоритеты развития экономики // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. № 1 (23). С. 17–28.
- Широков А.Н., Юркова С.Н. (2020). Проблемы развития местного самоуправления на современном этапе: взгляд муниципального сообщества // Муниципальная академия. № 4. С. 77–79.
- Яшина Н.И., Емельянова О.В. (2008). Методика оценки финансового состояния консолидированных бюджетов субъектов РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5. С. 154–166.

- Яшина Н.И., Ясенев А.В., Ясенев В.Н. (2012). Совершенствование методов оценки бюджетной устойчивости муниципальных образований и субъектов РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1-1. С. 244–253.
- Яшина Н.И., Яшин С.Н., Богомолов С.В., Малова Н.Г. (2020). Методический инструментальный мониторинга кредитоспособности регионов и муниципальных образований // Научное обозрение: теория и практика. Т. 10. № 2 (70). С. 269–282. DOI: 10.35679/2226-0226-2020-10-2-269-282
- Dollery B., Byrnes J., Crase L. (2007). Is bigger better? Local government amalgamation and the South Australian rising to the challenge inquiry. *Economic Analysis & Policy*, 37(1), 1–14. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(07\)50001-9](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(07)50001-9)
- Fratesi U., Perucca G. (2014). Territorial capital and the effectiveness of cohesion policies: An assessment for CEE regions. *Investigaciones Regionales*, 29, 165–191. Available at: <https://old.aecr.org/images/ImatgesArticles/2014/10/08Fratesi.pdf>
- Kornai J. (1986). The soft budget constraint. *KYKLOS*, 39(1), 3–30. Available at: <http://www.kornai-janos.hu/Kornai1986%20The%20Soft%20budget%20Constraint%20-%20Kyklos.pdf>
- Pevcin P. (2017a). The evidence on the existence of economies of scale in local government units. In: *The Economies of Balkan and Eastern Europe Countries in the Changed World (EBEEC): Conference Proceedings*. Available at: <https://knepublishing.com/index.php/Kne-Social/article/view/673>
- Pevcin P. (2017b). Municipal mergers: Theoretical considerations, practical evidence and potential implications. In: *Future World by 2050: 8th International Scientific Conference (Croatia, Pula, 1–3 June 2017)*. Available at: https://fet.unipu.hr/_download/repository/Future_World_2050_-_Conference_Proceedings.pdf
- Temple M. (1994). *Regional Economics*. London: St. Martin's Press.

Сведения об авторе

Сергей Николаевич Леонов — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

Reaction of Municipal Budgets to State Regulation Measures: Assessment Methodology

Abstract. The geographical scale of the Russian Federation dictates the need for differentiated spatial implementation of economic strategy and tactics. The municipal component of these processes is particularly important, since a significant part of regional resources is formed at the local level, causing multiplicative effects in the structures operating in the territory. In the conditions of sanctions pressure and lack of funds to finance the development of municipalities, it is necessary to take into account the reaction and extent of activity of local budgets in relation to government incentive measures. It is necessary to understand which municipalities' budgets react more actively to the managing effects of state policy; this will effectively stimulate the development of municipalities in the conditions of financial constraints of state bodies. The paper proposes and verifies a methodological approach to the comparative assessment of the activity of municipal budgets in terms of measures of state financial support for municipal development. The approach is based on the maximin criterion and is implemented on the example of municipalities included in the Far Eastern Federal District, which is Russia's largest one. The information base comprises data of the Federal Treasury on the state of municipalities' consolidated budgets for 11 Far Eastern constituent entities of the Russian Federation for 2011, 2015 and 2020. We analyze the consolidated budgets of all 164 municipal districts and 66 urban okrugs and estimate their comparative activity in relation to the measures of state financial stimulation of municipal development. We reveal high polarization of the activity of local budgets regarding state regulation measures. We show that the budgets of urban okrugs react more actively to government measures than the budgets

of municipal districts. The budgets of urban districts formed a group of local budgets with the most active response to state regulation measures. Nevertheless, the transition of the Magadan and Sakhalin oblasts to single-level local government systems consisting only of urban okrugs by 2020 did not contribute to increasing the activity of the budgets of urban okrugs in these regions in relation to state regulation measures in comparison with other municipalities of the Far Eastern Federal District. The proposed mechanism makes it possible to provide territorial administration bodies with methodological tools for in-depth analysis and comparative assessment of the extent of activity of municipal budgets in relation to state regulation measures.

Key words: municipalities, local budget, stimulation of municipal development.

Information about the Author

Sergei N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhoookeanskaya Street, 680000, Khabarovsk, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Статья поступила 26.06.2023.

Учет экосистемных функций в оценке состояния природного капитала северного региона

Татьяна Вячеславовна
ТИХОНОВА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru
ORCID: 0000-0002-2912-1696; ResearcherID: J-8460-2018

Аннотация. Концепция природного капитала выходит за рамки понимания природы как источника сырья для производства и учитывает состояние окружающей среды и экосистем в поддержании благосостояния людей. Для неистощительного использования ресурсов в первую очередь необходимо выявлять устойчивость экосистем к разнообразным антропогенным и техногенным нагрузкам. Природный капитал лесов включает не только лесные (прежде всего древесные) ресурсы, но и весь комплекс экосистемных услуг, связанных со здоровой средой обитания. Оценка состояния экосистем зоны активного лесопользования в Республике Коми вследствие длительной эксплуатации стала целью исследования. Новизна заключается в выявлении степени устойчивости экосистем на этой территории региона. Применялись общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, инструментарий компьютерно-картографической формы, основанный на использовании программы ArcView. Оценка компонентов природного капитала позволила дифференцировать лесничества по позициям «сохранение биоразнообразия», «водорегулирование», «водоохрана», «поглощение углерода»; выявить характер ограничений и рекомендовать режим эксплуатации с учетом необходимых природоохранных мероприятий и снижения антропогенной нагрузки. Выявлена относительная стабильность состояния экосистем за период 2000–2020 гг. Угрозы выражены в незначительном сокращении биоразнообразия, ослаблении функций накопления подземного стока и аккумуляции поверхностного стока вследствие интенсивных рубок низковозрастных лесных пород. Преобладающая часть лесничеств отнесена

Для цитирования: Тихонова Т.В. (2023). Учет экосистемных функций в оценке состояния природного капитала северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 186–202. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.10

For citation: Tikhonova T.V. (2023). Consideration of ecosystem functions in assessing the condition of natural capital in the northern region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 186–202. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.10

к территории благоприятного экологического состояния, где предложены разные режимы эксплуатации. Однако в ряде лесничеств экосистема подвержена мощному прессингу, вызвавшему снижение устойчивости по трем позициям экосистемных услуг, что характеризует ее неблагоприятное состояние. Здесь рекомендуется особо строгий режим эксплуатации лесных экосистем с максимальным сокращением проведения рубок. Перспективные исследования связаны с осуществлением стоимостной оценки экоуслуг в целях анализа возможности компенсации средств для восстановления природы применительно к крупным лесозаготовителям региона.

Ключевые слова: экосистемные услуги, сохранение биоразнообразия, оценка водоохранно-водорегулирующих функций, поглотительная способность углерода, экосистемный учет, лесопользование, Республика Коми.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках НИР «Устойчивое ресурсопользование северного региона: факторы и модели» (№ государственного учета 121021800128-8, 2021–2023 гг.).

Введение

Интерес к оценке элементов природного капитала, одним из важных звеньев которого выступают экосистемные услуги, начал формироваться более 30 лет назад с пониманием необходимости соблюдения принципов устойчивого развития. Осознание ценности экосистемных функций, их воздействие на уровень жизни людей и состояние экосистемы, зачастую связанное с ее истощением, определили начало кропотливой деятельности, включающей разнообразные оценки (экологическую, экономическую, социальную) и встраивание их в экосистемный учет для принятия решений хозяйствования (Ruqian Zhang et al., 2023).

Подходы к измерению экосистемных услуг могут быть выражены денежными единицами, единицами времени и труда либо относительными показателями. Например, они включают количество людей, пользующихся этими услугами, их предпочтения, стоимость получения или сохранения доступа к услуге, а также наличие и стоимость заменителей¹.

Экосистемный учет аккумулирует комплекс информации о состоянии экосистем: измерениях (в единицах); изменениях (в динамике) и оценку влияния хозяйственной деятельности человека. В современных условиях он распространен как на пространственном уровне территориальных объектов (лесничеств, му-

ниципальных районов, особо охраняемых природных территорий), так и на уровне предприятий и корпораций и т. д.²

Научный и научно-практический интерес к подходам изучения и оценки экосистемных функций в последнее десятилетие наблюдается под эгидой ряда проектов и циклов публикаций российских и зарубежных авторов (Kripa et al., 2023; Lilford, 2023). Возникновение нескольких томов «Прототипа национального доклада», посвященных специфике состояния экосистем, оценке экосистемных функций и практике использования, подтверждает актуальность данного вопроса в России (Экосистемные услуги ..., 2016; Экосистемные услуги ..., 2020; Экосистемные услуги ..., 2021). На основе богатого международного опыта, внедрения адаптивных форм инструментария управления природопользованием учет экосистемных

¹ System of Environmental-Economic Accounting – Ecosystem Accounting (SEEA EA). Available at: <https://seea.un.org/ecosystem-accounting>

² System of Environmental-Economic Accounting – Ecosystem Accounting (SEEA EA). Available at: <https://seea.un.org/ecosystem-accounting>; Developing Corporate Natural Capital Accounts. Guidelines for the Natural Capital Committee. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/516971/ncc-research-cnca-guidelines.pdf; Natural Capital Account 2019–2020. Forestry England. Available at: https://www.forestryengland.uk/sites/default/files/documents/Natural%20Capital%20Account%202019-2020_0.pdf; UK natural capital accounts: 2022. Estimates of the financial and societal value of natural resources to people in the UK. Available at: <https://www.ons.gov.uk/economy/environmentalaccounts/bulletins/uknaturalcapitalaccounts/2022>

функций начинает применяться в России (Учет и оценка ..., 2014; Burkhard, Müller, 2013; Syrbe et al., 2013). Учету в международной практике подлежат такие категории, как потенциальный объем услуг, возможный объем использования и реальный спрос в натуральных и стоимостных единицах³ (Zegeye et al., 2023). Для этого применяются методы картирования и сценарного развития ситуации при эксплуатации экосистем (Syrbe et al., 2013; Учет и оценка ..., 2014). Разрешение конфликтных ситуаций, оценка воздействия при проектировании и строительстве объектов, негативно влияющих на состояние природной среды в долгосрочной перспективе, демонстрируют анализ состояния экосистемных функций⁴ (Тишков, 2010).

Мировая практика учета природного капитала на объектном уровне для крупных корпораций стала применяться в последнее десятилетие все чаще. Это вызвало появление Протоколов оценки природного капитала⁵, стандартов оценки финансирования в охрану окружающей среды ISO – ISO 14008 и ISO 14007 и стандартов оценки жизненного цикла ISO 14044, а также системы экосистемного учета⁶.

Лидером в практике оценки и учета активов природного капитала стала Великобритания. В 2015 году в стране была разработана методология корпоративной оценки природного капитала, в 2021 году принят стандарт BS 8632 учета

природного капитала для организаций, в 2022 году – руководство по оценке экосистемных услуг природного капитала для лесной среды УК. Стоимостному учету подлежат производственные услуги (древесные ресурсы, древесное топливо), а также большой спектр регулирующих (поглощение углерода, загрязняющих веществ, водорегулирование, охлаждающий эффект парковых зон) и культурных (туризм, оздоровительный эффект от нахождения на природе) услуг⁷.

Документы, регламентирующие оценку природного капитала, необходимы предприятиям в целях осведомления о рисках, возможностях и, в конечном итоге, управления ими. Результаты таких оценок предназначены для внутренних решений, а не раскрытия информации. Компании могут обосновано информировать заинтересованных лиц об управлении капиталом, включать его в стратегии развития. Это также позволяет бизнесу одинаково интегрировать информацию и показывать, насколько разные капиталы важны для его долгосрочной жизнеспособности (Дмитриева, 2022).

Отечественный пример внедрения анализа состояния экоуслуг (средозащитных, водорегулирующих и т. д.) в физических и стоимостных единицах демонстрируется в Лесных планах субъектов, куда включена информация на момент их составления и на перспективу.

Примеры проведения оценки отдельных экоуслуг на территории региона существуют, что лишь подтверждает многолетний интерес к ним (Лиханова, 2012; Тихонова, 2017; Птичников и др., 2019). Однако оценка их состояния не была рассмотрена в комплексе нескольких экосистемных функций и в динамике за продолжительный период воздействия на природную среду.

Республика Коми является одним из значимых регионов в сфере лесозаготовки. Для нее характерны обширные площади лесозаготовки (36,3 млн га, или 87% территории), практически вековая история эксплуатации. В настоящее

³ Technical Recommendations in support of the System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Experimental Ecosystem Accounting (2019). Available at: <https://seea.un.org/content/technical-recommendations-support-seea-eea>

⁴ Методика по определению стоимостной оценки экосистемных услуг и ценности биологического разнообразия. Технический кодекс установившейся практики (2010) / Бел НИЦ «Экология». Минск. 32 с.

⁵ Natural Capitals Coalition. Natural Capital for Biodiversity Policies: What, why and how. Available at: <https://capitalcoalition.org/wp-content/uploads/2021/04/Natural-capital-for-biodiversity-policy-%E2%80%94-FINAL-1.pdf>;

Natural Capital Coalition. Natural Capital Protocol. Available at: www.naturalcapitalcoalition.org/protocol/;

Natural Capital Coalition. Natural Capital Protocol: Forest Products Sector Guide (2018). Available at: https://naturalcapitalcoalition.org/wp-content/uploads/2018/07/NCC_ForestProductsSectorGuide_Web.pdf

⁶ System of Environmental-Economic Accounting – Ecosystem Accounting (SEEA EA). Available at: <https://seea.un.org/ecosystem-accounting>

⁷ Office for National Statistics, ONS website, methodology, Woodland natural capital accounts methodology guide. Available at: <https://www.ons.gov.uk/economy/environmentalaccounts/methodologies/woodlandnaturalcapitalaccountsmethodologyguideuk2022>

время организованы 32 лесничества, 24 из которых принадлежат к зоне наиболее активного использования лесных ресурсов⁸. Здесь сосредоточены основные площади и объемы заготовок (более 60% запаса древесины и более 90% объема заготавливаемой древесины).

Нынешние условия хозяйствования характеризуются применением современного оборудования для заготовки, а также системы ведения лесного хозяйства на принципах устойчивого использования ресурсов (Лесное хозяйство ..., 2000). В связи с этим выбран расчетный период исследования (2000–2020 гг.).

Цель исследования заключается в оценке состояния экосистем вследствие длительной эксплуатации территории зоны активного лесопользования в Республике Коми. Анализ расчетов изменения потоков экослуж, влияния разнообразных факторов воздействия позволит дифференцировать лесничества по степени благоприятности состояния экосистем и устойчивости предоставления экосистемных услуг. С помощью такой дифференциации можно будет обосновать рекомендации по характеру допустимых режимов эксплуатации ресурсов на территории исследования, что и составляет его основную задачу. Новизна работы заключается в выявлении степени устойчивости экосистем территории, характеризующейся наиболее активной лесозаготовительной деятельностью в Республике Коми. Территориальными единицами исследования выступают муниципальные районы и лесничества.

Методы исследования

Исследование основывалось на методах теоретического (обобщение, сравнение, систематизация) и эмпирического (статистическое наблюдение, графическая интерпретация) анализа. С помощью ранжирования экосистемных функций были выбраны наиболее важные для лесных систем экослужы, такие как сохранение биоразнообразия, водорегулирование, водоохрана и поглощение углерода. Анализ выбора показателей для оценки этих услуг была посвящена авторская работа (Тихонова, 2022). Вре-

менные срезы базового периода исследования (2000–2020 гг.) корректируются датами доступности необходимой информации.

Биоразнообразие оценивается по числу таксонов, которые выявлены на территории лесничеств (главным образом на территориях ООПТ). Информация содержится в изданиях Красной книги Республики Коми (1998 и 2019 гг.). В ходе анализа сохранения разнообразия видов рассматривались изменения количества редких видов, территории распространения по лесничествам, статуса редкости.

В исследовании акцент сделан на рассмотрении антропогенного и лесохозяйственного факторов. Дополнительно оценивается достоверность информации и изученность территории. Основные показатели, характеризующие антропогенный пресс, это плотность населения, плотность транспортной сети и интенсивность лесозаготовки (отношение среднегодового объема за двадцатилетний период к лесопокрытой площади). Территориальной единицей исследования факторов воздействия являются муниципальные районы. Информационной базой послужили статистические сборники по Республике Коми за исследуемый период.

Водорегулирующая функция леса рассчитывается по накоплению стока в подземных горизонтах. Производство прироста подземного стока и площади лесных насаждений на территории лесничеств определяет объем накопления воды в подземных горизонтах. Площадь лесных насаждений принимается по данным лесопокрытых площадей лесного фонда лесничеств.

Величина среднегодового прироста подземного стока ΔS (мм) вычисляется по формуле:

$$\Delta S = X \times \alpha \times K_1 \times \mu \times [C_1 \times K_2 \times K_3 \times K_4 - C_2]. \quad (1)$$

Величина среднегодовых осадков X и доля летних осадков μ принимаются по Справочнику по климату и СНиПам «Строительная климатология». Поправочные коэффициенты, использованные для расчета среднегодового прироста подземного стока, опираются на исследования Ю.В. Лебедева и И.А. Неклюдова (Лебедев, Неклюдов, 2012). Величина коэффициента речного стока (α) определяется в за-

⁸ О состоянии окружающей среды Республики Коми в 2021 году (2022): государственный доклад. Сыктывкар: Минприроды Республики Коми. 167 с.

висимости от природной зоны растительности территории и рельефа местности. Величина коэффициента C_1 зависит от лесистости, вида насаждений и механического состава грунтов (Лебедев, Неклюдов, 2012). Величина коэффициента C_2 для безлесной территории принимается на уровне 0,2. Поправочные коэффициенты K_1 – K_4 устанавливаются в зависимости от заболоченности территории, возраста, бонитета и полноты лесонасаждений. Расчет проводится по возрастным группам хвойных и лиственных насаждений. Лесорастительные характеристики для расчетов включают бонитет, возраст и полноту лесных насаждений по данным форм Государственного лесного реестра и ведомственной отчетности Минприроды Республики Коми по состоянию на 2008 и 2020 гг.

Водоохранная роль лесной экосистемы оценивается по величине изменения поверхностного стока за счет прироста или уменьшения лесистости (Экономика сохранения ..., 2002). Зависимость этих величин определяется уравнением:

$$M = -1,02 + 0,068 \times L, \quad (2)$$

где M – модуль стока с 1 км² водосборного бассейна (тыс. куб. м / га), L – лесистость территории (%).

Площадь лесных насаждений принимается по данным лесопокрытых площадей лесного фонда лесничеств, соответственно, лесистость территории лесничеств рассчитывается как доля лесных насаждений от общей площади лесного фонда лесничеств. Объем стока определяется произведением площади лесопокрытой территории лесничеств и модуля стока. Информационная база включает формы Государственного лесного реестра и ведомственной отчетности Минприроды Республики Коми по состоянию на 2000 и 2020 гг.

Анализ протяженности водоохранных полос, выполняющих роль охраны водотоков, также оценивается в качестве дополнения к расчетам. Источником информации стали отчеты Минприроды Республики Коми по состоянию на 2007 и 2021 гг.

Для лесных экосистем региона по лесничествам допустимо провести расчет *поглощения*

углерода, используя удельные показатели поглотительной способности бореальных лесов (Dolman et al., 2012). Лесопокрытые площади лесного фонда лесничеств принимаются по данным лесоустройства за базовые годы исследования (2000 и 2020 гг.).

Значения показателей экосистемных услуг экспертно разделяются на группы уменьшения экосистемной функции и разной интенсивности роста. Комплексный характер анализа составляет матрица, которая аккумулирует эти группы по лесничествам.

Результаты оценки

Биоразнообразие. В основу отбора видов для оценки состояния биоразнообразия положены уникальность, индикативность и проведение лесозаготовительной деятельности, являющейся угрозой для существования. Согласно этим критериям для 145 таксонов по данным двух Красных книг региона рассматривались следующие группы организмов: лишайники (46 таксонов), сосудистые растения (47 таксонов), грибы (23 таксона), мхи (12 таксонов), насекомые (10 таксонов), рептилии (3 таксона) и птицы (4 таксона), чей статус разнообразен (от «1» до «4»). Сохранение разнообразия видов рассматривалось через изменение числа и статуса редких видов, а также территорий их распространения по лесничествам.

Анализ ситуации показал, что эксплуатация лесных массивов незначительно отразилась на численности популяций видов и выразилась только в исчезновении редких видов лишайников на территории ряда лесничеств с высокой интенсивностью лесозаготовительной деятельности. Так, лесопользование привело к исчезновению редких видов лишайников на территории Прилузского, Кажимского, Летского, Койгородского, Сыктывкарского и Печоро-Илычского лесничеств, что фиксирует неблагоприятную ситуацию для сохранения экосистемы.

Изменение природно-климатических условий и условий комфортного существования редких видов птиц, насекомых способствовало в большинстве случаев переводу лесничеств в более мягкую категорию, что свидетельствует о распространности видов.

Несмотря на то что рыбы не принадлежат к видам, угрозой существования которых является лесозаготовка, данная деятельность все же негативно отражается на объемах речного стока, особенно малых водотоков, процессах заиливания, создавая в комплексе некомфортные условия для существования рыб. Поэтому необходимо отметить, что ареалы редких рыб с изменением численности популяций наблюдаются в водных объектах ряда лесничеств среднего течения р. Мезени, магистрального русла р. Вычегды и нижнего течения ее притоков (Выми, Сысолы, Вишеры и Локчима). И на этой территории сложилась хоть и благоприятная, но с начальным уровнем снижения устойчивости ситуация. На территории остальных лесничеств сложилась благоприятная ситуация для сохранения экосистем и биоразнообразия.

Основными факторами, определяющими сохранение биоразнообразия, с учетом интенсивной лесозаготовительной эксплуатации территории являются:

- природные (климатические, стихийные бедствия, заболевания);
- антропогенные (производство, население, транспортная инфраструктура);
- лесохозяйственные (внедрение лесной сертификации, сохранение малонарушенных лесных территорий);
- информационные (мониторинг состояния экосистем, достоверность данных).

В настоящем исследовании акцент сделан на рассмотрении антропогенного фактора.

Антропогенные факторы. Интенсивность лесозаготовительной деятельности различна по территории районов и варьирует с 25-кратной разницей от 0,06 до 1,5 куб. м / га.

Анализ статистических данных по районам за 2000 и 2020 гг. показал снижение антропогенной нагрузки плотности населения для всей территории. Необходимо отметить, что снижение плотности населения не всегда пропорционально отражает уровень изъятия ресурсов и другие негативные последствия для лесных массивов. Здесь огромное значение имеет экологическая грамотность и желание людей сберечь

природу. Экспертная оценка фиксирует повышенную нагрузку изъятия рыбных ресурсов и ресурсов охоты вне зависимости от снижения численности населения и его плотности на территории Усть-Вымского, Троицко-Печорского и Удорского районов.

Хозяйственная деятельность человека и транспортные магистрали способствуют распространению такого негативного эффекта, как внедрение заносных видов. В настоящее время в пределах лесной зоны республики отмечено 170 таких растений: щирца запрокинутая, синяк обыкновенный, клоповник широколистный и др. Особую тревогу вызывает появление опасных карантинных сорняков – амброзии полыннолистной, латука татарского, горчака ползучего. При этом рогозы, донники, пришедшие из культурных посадок люпин и борщевик Сосновского ассимилированы природной флорой.

Лесовозные дороги Республики Коми представлены автомобильными дорогами с песчано-гравийным покрытием и бетонным колеиным покрытием, а также лежневыми дорогами круглогодочного действия, снежно-ледяными дорогами зимнего действия и узкоколейными железными дорогами. Основными путями транспорта, по которым производится вывозка заготовленной древесины в лесничествах, являются дороги общего пользования и специализированные дороги, построенные лесозаготовителями.

Дороги круглогодичного действия являются важным фактором негативного воздействия на биоразнообразие в силу периода использования и нарушения почвенного покрова во время строительства. Максимальный рост плотности автодорожной сети наблюдается на территории Койгородского (в 4,9 раза), Троицко-Печорского (1,7 раза), Усть-Куломского (1,6 раза) и Прилузского (1,4 раза) районов.

Свод агрегированных показателей антропогенной нагрузки по интенсивности лесозаготовительной деятельности, плотности населения и дорожной сети за весь период исследования отражен в *таблице 1*.

Таблица 1. Характеристики антропогенной нагрузки территории интенсивного лесопользования за 2000–2020 гг.

Муниципальный район	Среднегодовая интенсивность лесозаготовки за период, куб. м / га	Плотность населения, чел. / тыс. га		Плотность автодорог, км / тыс. га	
		2000	2020	2000	2020
Сысольский	1,50	30,47	20,10	0,84	0,97
Прилузский	1,27	21,11	12,45	0,37	0,53
Сыктывдинский	1,00	37,01	32,85	0,63	0,61
Койгородский	0,70	9,60	6,91	0,15	0,71
Усть-Куломский	0,65	13,88	8,80	0,36	0,59
Корткеросский	0,51	13,17	9,01	0,29	0,36
Усть-Вымский	0,33	80,21	51,31	1,30	0,86
Удорский	0,23	8,35	4,63	0,34	0,32
Троицко-Печорский	0,09	4,85	2,54	0,09	0,15
Княжпогостский	0,06	12,80	7,52	0,29	0,24

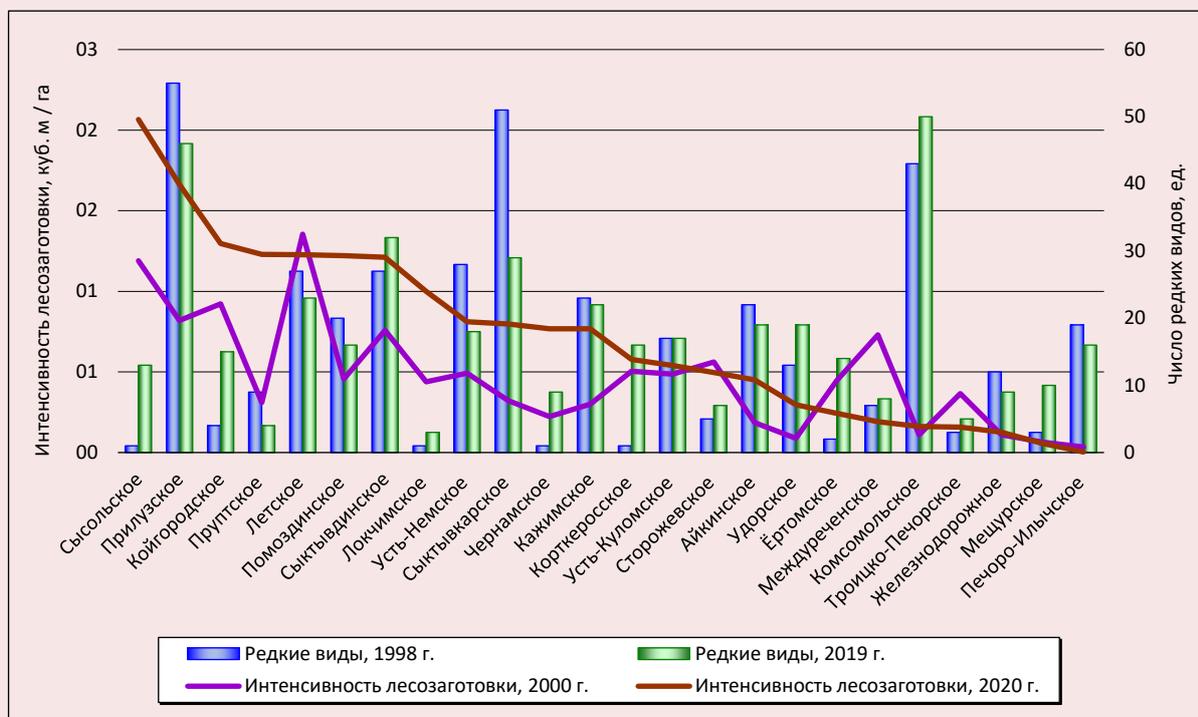
Рассчитано по: данные лесоустройства / Комитет лесов Республики Коми; Социально-экономическое положение городов и районов Республики Коми: стат. сборник / Комистат. Сыктывкар, 2001. 249 с.; Городские округа и муниципальные районы Республики Коми. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сборник / Комистат. Сыктывкар, 2021. 285 с.

Маркировка оранжевым цветом указывает на повышенную нагрузку; желтый цвет отражает среднюю нагрузку, зеленый – минимальную нагрузку. По сочетанию трех факторов можно отметить, что на террито-

рии Сысольского и Сыктывдинского районов наблюдается максимальный антропогенный пресс.

Изменение числа редких видов зафиксировано на большинстве территорий (рис. 1).

Рис. 1. Воздействие интенсивности лесозаготовительной деятельности на сохранение биоразнообразия

Источник: результаты авторского анализа.

Снижение числа редких видов наблюдается на территории лесничеств, максимально приближенных к главному центру переработки сырья г. Сыктывкару и более тщательно изученных: Прилузского, Летского, Кажимского, Айкинского, Усть-Немского, Помоздинского, Железнодорожного и Печоро-Ильчского. Влияние интенсивности лесозаготовительных работ на снижение числа редких видов наблюдается в единичных случаях долговременной заготовки (в Койгородском, Прилузском, Сыктывкарском лесничествах).

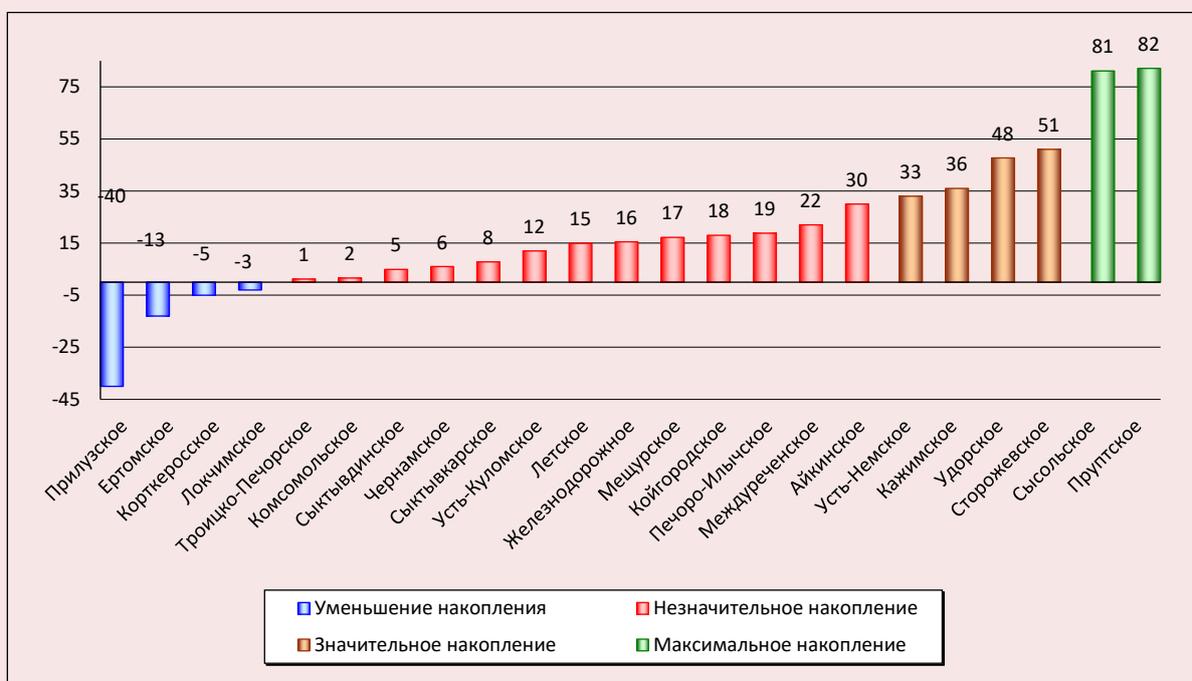
Другая категория изменений – рост числа редких видов, то есть их распространение. Основные причины такой ситуации в Сысольском, Койгородском, Чернамском, Ертомском и Комсомольском лесничествах заключаются в изученности и мониторинге территории, сравнительно низкой антропогенной нагрузке.

Результаты оценки водорегулирующей функции по районам территории активного лесопользования региона показали, что основными факторами прироста стали увеличение сред-

негодовых суммарных осадков, изменение бонитета и площадей, занимаемых молодыми и средневозрастными хвойными породами. Дифференциация прироста подземного стока по лесничествам за счет изменения лесорастительных характеристик представлена на *рисунке 2*.

Как видно на рисунке 2, уменьшение накопления стока в подземных горизонтах наблюдается в четырех лесничествах. При этом увеличение общей площади лесонасаждений не влияет на объемы стока. Основной причиной таких изменений является снижение бонитета в структуре возрастных пород, причем как хвойных, так и лиственных насаждений. Например, на территории Прилузского лесничества бонитеты молодых и средневозрастных пород перешли из II категории в III–V категорию в 2020 году, что внесло коррективы в уменьшение накопления подземного стока (-40,0 млн. куб. м). Сокращение площадей средневозрастных пород за этот период также отразилось на величине объема подземного стока.

Рис. 2. Прирост подземного стока лесничеств за период 2008–2020 гг., млн. куб. м

Источник: результаты авторского анализа.

Водоохранная функция. Приращение стока в реках происходит за счет увеличения площади лесов и лесистости в целом по лесничествам. Соответственно, уменьшение объема стока обусловлено сокращением площадей лесных насаждений. За период исследования водные объекты большинства лесничеств не выявили значительные потери стока. Однако за счет сокращения лесных площадей и лесистости на территории ряда лесничеств произошло уменьшение аккумулярования стока в водных объектах.

Дифференциация прироста поверхностного стока по лесничествам за счет изменения лесорастительных характеристик представлена на рисунке 3. Максимальный прирост поверхностного стока на территории четырех лесничеств обеспечен за счет увеличения площади лесных насаждений на 15–25 тыс. га и лесистости — на 1–1,5%.

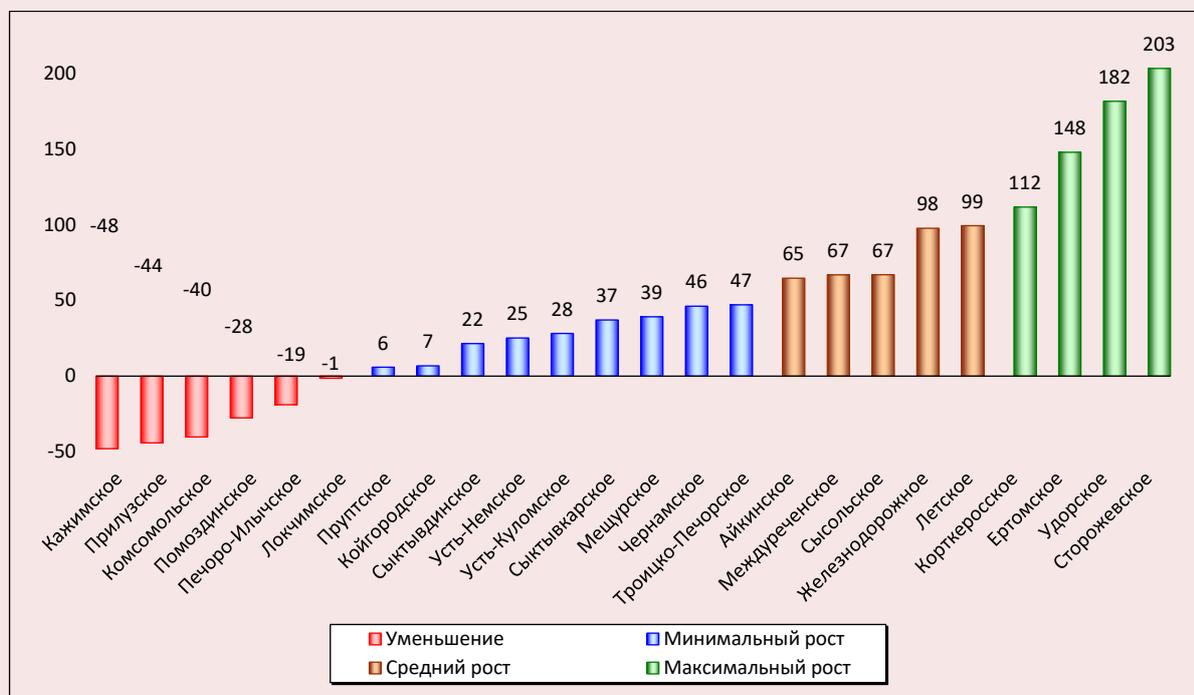
Лесозаготовительные работы и уменьшение площади лесов отражаются на водности малых притоков реки Печоры на территории Комсомольского и Печоро-Ильчского лесничеств.

Значительного ухудшения состояния накопления поверхностного стока не наблюдается. Сохранение удовлетворительного состояния поверхностного речного стока, его значительное накопление фиксируется на территории лесничеств Удорского и Корткеросского районов благодаря значительным площадям резерватов (малонарушенных территорий, в том числе и ООПТ) и средневозрастных лесов хвойных пород.

Водоохранные полосы вдоль водных объектов (рек, ручьев, а также озер) принадлежат к площадным характеристикам функции водоохраны. Однако информация по этим зонам фиксируется протяженностью их обустройства.

Проведение работ по обустройству водоохранных зон вдоль водных объектов началось в 2007 году и охватывало лишь крупные реки. С 2013 года ежегодная статистика для крупных рек и их притоков по муниципальным районам приводится в отчетах Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми.

Рис. 3. Прирост поверхностного стока в 2000–2020 гг., млн. куб. м

Источник: результаты авторского анализа.

Установление границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос на местности в приоритетном порядке осуществляется на водных объектах, которые используются для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, на участках, расположенных в границах поселений. Общая протяженность установленных водоохранных зон в 2007–2021 гг. на территории лесничеств интенсивного лесопользования составила 2448 км. Основная цель их обустройства заключается в обеспечении безопасности водоснабжения населения, поэтому доля организованных водоохранных зон чрезвычайно мала по отношению к общей протяженности речной сети. Согласно проведенным расчетам, она не превышает 1% от протяженности речной сети каждого района, за исключением Усть-Куломского (3%) и Усть-Вымского (5%). Таким образом, наиболее уязвимы малые водотоки, организация и обеспечение защитных полос которых полностью лежит на арендаторах лесных объектов, осуществляющих лесозаготовку.

На территории большинства лесничеств происходит накопление подземного стока крупных рек: Вычегды, Выми и Печоры и их притоков. Проведение рубок, которые привели к изменению бонитета и полноты хвойных и лиственных насаждений, особенно проявилось в Прилузском, Ертомском, Корткеросском и Локчимском лесничествах. На интенсивность накопления подземного стока большее влияние оказали осадки, нежели рубки, поэтому практически повсеместно произошел рост аккумуляции накопления воды в подземных горизонтах. Короткий диапазон имеющихся статистических данных (2008–2020 гг.) о состоянии лесорастительных характеристик лесов (бонитет и полнота хвойных и лиственных пород) не позволяет выявить значительные изменения или существенную восприимчивость леса к антропогенным изменениям.

Водоохранная функция лесов, выраженная в приросте накопления поверхностного стока рек, за период исследования для большинства лесничеств сохранила и прирастила свое исходное состояние. Лесозаготовка отразилась сокращением речного стока основных притоков

Сысолы и Печоры – на территории Кажимского, Прилузского, Помоздинского, Комсомольского и Печоро-Илычского лесничеств. Водоохранные зоны малых водотоков, удаленных от крупных населенных пунктов, не обустроены, что повышает возможность заиливания водных источников.

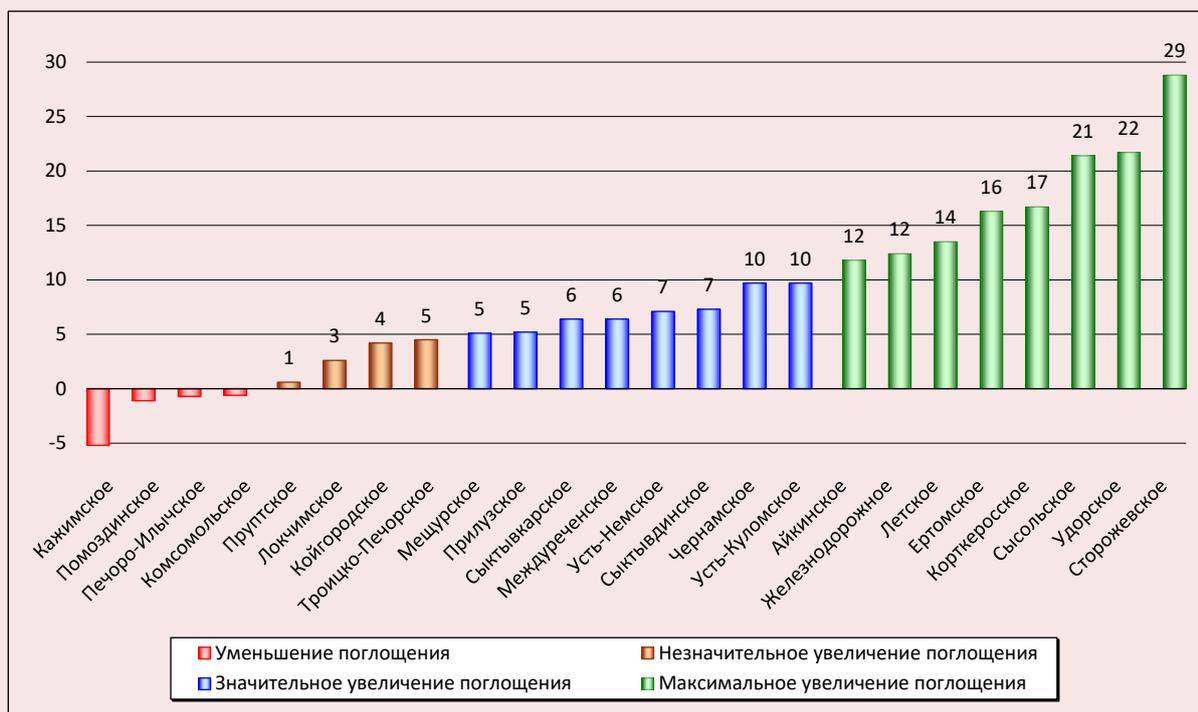
Большинство экосистем территории лесничеств одинаково отреагировали на проведение лесозаготовительных работ наращиваем объемов накопления подземного и поверхностного стоков. Такая ситуация является благоприятной и характерна для следующих лесничеств: Летское, Койгородское, Сыктывкарское, Сыктывдинское, Троицко-Печорское, Усть-Куломское, Усть-Немское, Чернамское, Сысольское, Айкинское, Удорское, Междуреченское, Мещурское и Железнодорожное. На остальной территории происходит либо сокращение накопления стока обеих функций, либо одной из экологических услуг.

Изменение поглотительной способности углерода лесными экосистемами зависит от площади лесов: приращение обусловлено ростом, уменьшение – сокращением площадей лесных насаждений. Данный подход к оценке аккумуляции углерода не учитывает качество лесонасаждений (возраст, полноту, бонитет), он отчасти отражает реальную ситуацию, позволяет выявить дифференциацию поглотительной способности лесов за двадцать лет их эксплуатации (рис. 4).

Для лесных экосистем проведен расчет поглощения углерода с использованием удельных показателей поглотительной способности бореальных лесов на уровне 1,15 т CO₂ / га (Dolman et al., 2012).

Расчеты показали, что на большей части территории лесничеств происходит прирост поглотительной способности углерода лесами. Максимальной способностью обладают леса Летского, Сысольского, Корткеросского, Сторожевского, Удорского, Ертомского, Железнодорожного и Айкинского лесничеств, что объясняется значительным приращением площади хвойной растительности. На данных территориях за период исследования произошли позитивные изменения бонитета молодых и средневозрастных хвойных и лиственных пород леса, которые обладают максимальной способностью

Рис. 4. Дифференциация аккумуляции углерода по лесничествам за 2000–2020 гг., тыс. т

Источник: результаты авторского анализа.

поглощения углерода, а также площадей, занимаемых этими породами, что усилило интенсивность поглощения углерода (табл. 2).

Таким образом, практически вся территория рассматриваемых лесничеств обладает мощной

способностью поглощения углерода, и за период исследования данная способность не только сохранилась, но и усилилась. Рост поглощения углерода служит индикатором благоприятного состояния лесных экосистем.

Таблица 2. Причины максимального поглощения углерода за период исследования

Лесничество	Изменения лесорастительных характеристик
Летское	Повышение бонитета молодых возрастных структур хвойных пород леса; увеличение площадей приспевающих возрастных структур хвойных и средневозрастных лиственных пород
Сысольское	Повышение бонитета молодых и приспевающих возрастных структур хвойных пород; рост площадей спелых возрастных структур хвойных и лиственных пород
Корткеросское	Рост площадей молодых и средневозрастных хвойных пород
Сторожевское	Повышение бонитета молодых возрастных структур пород хвойных лесов; увеличение площадей приспевающих и спелых возрастных структур хвойных и средневозрастных лиственных пород
Удорское	Повышение бонитета молодых возрастных структур пород хвойных лесов; рост площадей средневозрастных хвойных пород и спелых возрастных структур лиственных пород
Ертомское	Рост площадей средневозрастных структур хвойных и лиственных пород
Железнодорожное	Повышение бонитета молодых возрастных структур хвойных пород; рост площадей спелых хвойных пород
Айкинское	Повышение бонитета приспевающих возрастных структур хвойных пород; рост площадей средневозрастных и приспевающих хвойных и спелых лиственных пород

Источник: результаты авторского анализа.

Экспертным методом вся зона активного лесопользования разделена на территории со снижением благоприятности экосистем, а также незначительного, умеренного и значительного роста благоприятности по функции поглощения углекислого газа, водорегулирования подземного стока и водоохранной функции, а также уровня сохранения биоразнообразия лесными экосистемами.

Обсуждение

Комплексная оценка учета функций и благ природы позволяет обобщить результаты и представить общий уровень устойчивости по степени благоприятности экосистем к антропогенным на-

грузкам за длительный период хозяйствования. Такая оценка осуществлена по лесничествам в двух форматах: *матрицы* с цветовой маркировкой состояния отдельных видов услуг и *картосхемы*, отражающей территориальную дифференциацию благоприятности экосистемы и соответствующий ее состоянию режим эксплуатации. Обобщение тенденций изменения биоразнообразия и рассмотренных экосистемных функций за исследуемый период: сохранения или исчезновения редких видов, водорегулирования (прироста/убыли подземного стока), водоохраны (накопления поверхностного стока), поглощения углерода – представлено в *таблице 3*.

Таблица 3. Типы состояния экосистем территории активного лесопользования и предлагаемые режимы эксплуатации

Лесничество	Сохранение биоразнообразия	Водо-регулирование	Водоохрана	Поглощение углерода
Особо строгий режим эксплуатации (неблагоприятное состояние экосистемы)				
Прилузское				
Кажимское				
Печоро-Илычское				
Строгий режим эксплуатации (благоприятное состояние экосистемы)				
Помоздинское				
Локчимское				
Комсомольское				
Летское				
Койгородское				
Сыктывкарское				
Ертомское				
Корткеросское				
Режим эксплуатации с ограничениями (благоприятное состояние экосистемы)				
Троицко-Печорское				
Усть-Куломское				
Чернамское				
Усть-Немское				
Мещурское				
Сыктывдинское				
Междуреченское				
Пруптское				
Айкинское				
Железнодорожное				
Общий режим эксплуатации (благоприятное состояние экосистемы)				
Сторожевское				
Сысольское				
Удорское				
	Неблагоприятное состояние экосистемы, снижение устойчивости			
	Незначительный рост устойчивости			
	Значительный рост устойчивости			
	Максимальное увеличение устойчивости экосистемы			
Источник: результаты авторского анализа.				

Результаты анализа всех экосистемных услуг с учетом активизации или ослабления функций позволили обозначить благоприятные и неблагоприятные территории (лесничества) в зоне активного лесопользования. По соотношению положительных и негативных тенденций изменения экосистемных функций проведена углубленная дифференциация состояния и группировка лесничеств по характеру ограничений и рекомендуемому режиму эксплуатации с учетом необходимых природоохранных мероприятий и снижения антропогенной нагрузки. Матрица состояния экосистем лесничеств визуализирована на картосхеме (рис. 5).

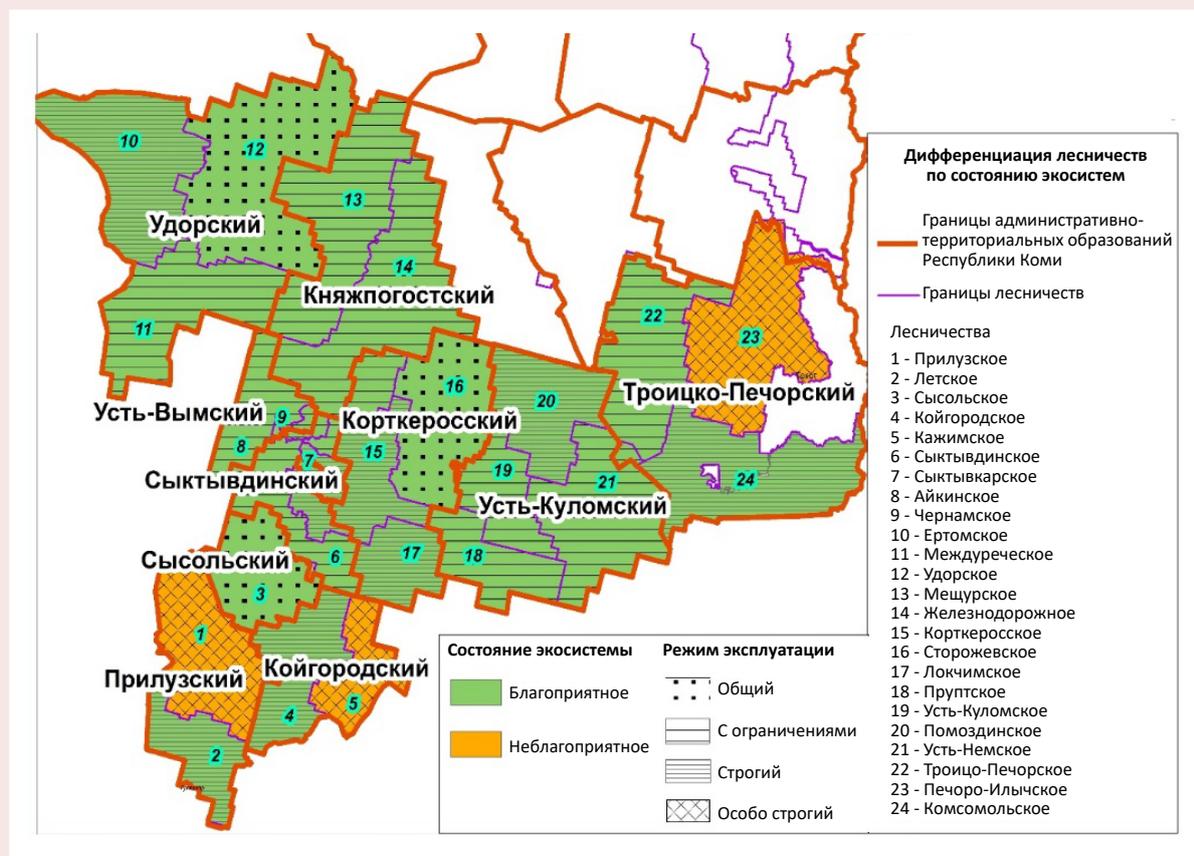
Ситуация, когда экосистема подвержена мощному прессингу, в результате которого произошло снижение устойчивости по трем позициям экосистемных услуг, характеризует неблагоприятное

состояние экосистемы. При этом рекомендуется особо строгий режим эксплуатации с максимальным сокращением проведения рубок. Такая ситуация сложилась на территории Прилузского, Кажимского и Печоро-Ильчского лесничеств.

Преобладающая часть зоны активного лесопользования отнесена к территории благоприятного экологического состояния, где предложены общий, с ограничениями и строгий режимы эксплуатации.

Строгий режим эксплуатации рекомендуется на территории тех лесничеств, где наблюдается снижение устойчивости у одной или двух экосистемных функций. Это либо снижение накопления воды в поверхностных или подземных горизонтах, либо уменьшение поглощения углерода лесными массивами, либо утрата

Рис. 5. Дифференциация лесничеств по состоянию экосистем за 2000–2020 гг. и предлагаемому режиму эксплуатации

Источник: результаты авторского анализа.

местообитаний редких видов флоры и фауны. Такой режим включает обязательное проведение лесозаготовительной деятельности в соответствии с лесной сертификацией, установку информационных щитов водоохранной зоны малых рек, повышенное внимание природоохранных органов. Эта ситуация характерна для следующих лесничеств: Помоздинское, Локчимское, Комсомольское, Летское, Койгородское, Сыктывкарское, Ертомское и Корткеросское.

Режим эксплуатации с ограничениями соответствует состоянию экосистемы, когда нет ослабления экосистемных функций, но экосистема находится в пограничном состоянии начального или среднего уровня восприятия негативных последствий. На территории Сыктывдинского, Пруптского, Усть-Куломского, Усть-Немского, Междуреченского, Железнодорожного, Мещурского, Чернамского, Айкинского, Троицко-Печорского лесничеств происходит рост поглощения углерода и аккумуляции воды в подземных и поверхностных горизонтах; сохранение редких видов животных и рыб, а также ареалов распространения сосудистых растений. Однако здесь наблюдаются признаки пограничного состояния — в характеристиках состояния превалирует незначительный рост устойчивости, что диктует ограничения антропогенного характера, в частности при проведении лесозаготовок.

Общий режим эксплуатации с выполнением всех нормативных обязательств рекомендован на территории, где благоприятная ситуация обеспечивается максимальным увеличением устойчивости нескольких экосистемных функций. Этим лесничествам присуща стабильность состояния, означающая, что экосистема справляется с фактическими или прошлыми (характерно для Удорского лесничества) нагрузками либо реальная нагрузка не превышает емкость системы. На территории Сторожевского, Удорского и Сысольского лесничеств произошло сохранение ареалов обитания ценных рыб и животных. За счет прироста площади лесов накоплен поверхностный сток воды в реках; высок уровень накопления углерода. Следует также отметить, что для этих территорий характерны высокая доля малонарушен-

ных лесов (Удорское лесничество) и объектов комплексной экологической охраны (Корткеросское лесничество).

Качественный анализ ситуации ограничили неполная информационная база лесорастительных характеристик (бонитета и полноты по всем возрастным категориям хвойных и лиственных пород), а также непродолжительный диапазон (2008–2020 гг.) наблюдения, за время которого не произошел переход лесонасаждений в другую возрастную категорию, для чего требуется, как минимум, 20–25 лет. Тем не менее множество показателей имело достаточный диапазон наблюдений (с 2000 по 2020 год) и отражает адекватную ситуацию происходящего воздействия на природную среду.

Заключение

Учет экосистемных функций при оценке состояния природного капитала на территории интенсивного лесопользования региона в динамике двадцати лет носит пионерный характер. Оценка биоразнообразия и регулирующих услуг отразила следующие позиции:

- лесозаготовительная деятельность за период исследования не привела к значительному снижению численности известных популяций редких видов;
- транспортная сеть, способствующая доступу к природным ресурсам, не оказала значительного влияния в связи с ее малой плотностью;
- снижение численности ценных рыб наблюдается в бассейнах рек Мезени, Вычегды и ее притоков из-за браконьерства и уменьшения речного стока малых водотоков, вызванного интенсивной рубкой лесов;
- на территории большинства лесничеств происходит накопление подземного стока; значительного ухудшения накопления поверхностного стока, несмотря на проведение лесозаготовительных работ и уменьшение водности малых притоков основных рек, не наблюдается;
- водоохрана малых водотоков находится в числе социально-экологических обязанностей лесозаготовителей;
- практически вся территория активного лесопользования обладает мощной способностью поглощения углерода, за период исследования данная способность не только сохранена, но и приращена.

В целом можно констатировать относительную стабильность состояния экосистемных услуг на территории лесничеств за период 2000–2020 гг. Несмотря на относительно комфортные природные условия, территории ряда лесничеств южной части региона подвержены эксплуатационной нагрузке, которая может препятствовать восстановлению лесных экосистем. Вследствие интенсивных рубок могут возникнуть угрозы снижения биоразнообразия, ослабления функций накопления подземного стока и аккумуляции поверхностного стока.

Данный алгоритм оценки состояния экосистемы может применяться для крупных лесозаготовительных компаний, больших площадей аренды лесозаготовителей в различных российских регионах. Полученные данные могут способствовать элементам планирования оптимального перечня природоохранных мероприятий. С учетом накопленного зарубежного опыта перспективные исследования могут быть связаны с проведением стоимостной оценки экоуслуг в целях анализа возможности компенсации средств для восстановления природы применительно к крупным лесозаготовителям региона.

Литература

- Дмитриева Т.Е. (2022). Подходы к оценке природного капитала: зарубежный опыт // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Экономические науки». № 3 (55). С. 35–46. DOI 10.19110/1994-5655-2022-3-35–46
- Лебедев Ю.В., Неклюдов И.А. (2012). Оценка водоохранно-водорегулирующей роли лесов. Екатеринбург: УГЛТУ. 36 с.
- Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми (2000) /под ред. Г.М. Козубова, А.И. Таскаева. М.: Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография». 512 с.
- Лиханова Н.В. (2012). Изменение биоразнообразия и массы растений напочвенного покрова ельников средней тайги после сплошнолесосечной рубки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. № 1(5). С. 1309–1312.
- Птичников А.В., Карелин Д.В., Котляков В.М. [и др.] (2019). Применимость международных индикаторов оценки нейтрального баланса деградации земель к Бореальным лесам России // Доклады Академии наук. Т. 489. № 2. С. 195–198. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-56524892195-198>
- Тихонова Т.В. (2017). Эколого-экономическая оценка водорегулирующей функции сельских территорий Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 3. С. 209–226. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.11
- Тихонова Т.В. (2022). Подходы к измерению экосистемных услуг на территории лесопользования // Известия КНЦ. № 3. С. 56–65. DOI: 10.19110/1994-5655-2022-3-56-65
- Тишков А.А. (2010). Биосферные функции и экосистемные услуги национального парка «Валдайский» // Тр. НП «Валдайский». Вып. 1. С. 70–77.
- Учет и оценка экосистемных услуг – Опыт, особенно Германии и России (2014) / сост. К. Груневальд, О. Бастиан, А. Дроздов, В. Грабовский. Bundesamt für Naturschutz. Bonn. Available at: http://www.kulunda.eu/sites/default/files/BfN_Skript_373.pdf
- Экономика сохранения биоразнообразия (2002) / под ред. А.А. Тишкова. М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия Российской Федерации», Институт экономики природопользования. 604 с.
- Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 1. Услуги наземных экосистем (2016). М.: Изд-во Центра охраны дикой природы. 148 с.
- Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 2. Биоразнообразие и экосистемные услуги: принципы учета в России (2020). М.: Изд-во Центра охраны дикой природы. 252 с.
- Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 3. Зелёная инфраструктура и экосистемные услуги крупнейших городов России (2021) / ред. О.А. Климанова. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы. 112 с.
- Burkhard B., Müller F. (2013). Indikatoren und Quantifizierungsansätze. In: Grunewald K., Bastian O. (Eds.). *Ökosystemdienstleistungen – Konzept, Methoden und Fallbeispiele*. Heidelberg: Springer Spektrum Verlag. Available at: <https://www.springer.com/de/book/>

- Dolman A.J., Shvidenko A., Schepaschenko D. et al. (2012). An estimate of the terrestrial carbon budget of Russia using inventory-based, eddy covariance and inversion methods. *Biogeosciences*, 9, 5323–5340. DOI: 10.5194/bg-9-5323-2012
- Kripa S., Bandana S., Biraj A. et al. (2023). Ecosystem services valuation for conservation and development decisions: A review of valuation studies and tools in the Far Eastern Himalaya. *Ecosystem Services*, 61. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2023.101526>
- Lilford E. (2023). Natural resources: Cost of capital and discounting – risk and uncertainty. *Resources Policy*, 80. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103242>
- Ruqian Zhang, Penghui Li, Liping Xu, Shuai Zhong (2023). *Reconciling ecological footprint and ecosystem services in natural capital accounting: Applying a novel framework to the Silk Road Economic Belt in China*. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.117115>
- Syrbe R., Rosenberg M., Vowinckel J. (2013). SzenarioEntwicklung und partizipative Verfahren. In: Grunewald K., Bastian O. (Eds.) *Ökosystemdienstleistungen – Konzept, Methoden und Fallbeispiele*. Berlin: Springer.
- Zegeye G., Erifo S., Addis G., Gebre G.G. (2023). Economic valuation of urban forest using contingent valuation method: The case of Hawassa city. *Trees, Forests and People*, 12. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tfp.2023.100398>

Сведения об авторе

Татьяна Вячеславовна Тихонова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru)

Tikhonova T.V.

Consideration of Ecosystem Functions in Assessing the Condition of Natural Capital in the Northern Region

Abstract. The concept of natural capital goes beyond nature as a source of raw materials for production and includes consideration of the environment and ecosystems condition in maintaining human well-being. For sustainable resource use, it is first necessary to determine the stability of ecosystems to a variety of anthropogenic and technogenic loads. The natural capital of forests includes not only forest (primarily wood) resources, but also the full range of ecosystem services, associated with a healthy habitat. The aim of the study is to assess the condition of ecosystems in the active forestry zone of the Komi Republic due to the long-term use. The novelty of the study lies in identifying the degree of ecosystem stability in this area of the region. We use general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, computer-cartographic form tools, based on the use of ArcView program. Assessment of natural capital components made it possible to differentiate forestry according to the positions “biodiversity conservation”, “water regulation”, “water protection”, “carbon sequestration”; to identify the nature of restrictions and recommend the operation mode, taking into account the necessary environmental protection measures and reduction of anthropogenic load. The relative stability of the ecosystem over the period 2000–2020 was revealed. Threats are expressed in a slight reduction of biodiversity, weakening of groundwater flow accumulation and surface runoff accumulation functions due to intensive logging of low-age forest species. The predominant part is classified as an area of favorable ecological condition, where different operation modes are proposed. However, in a number of forestries there is a situation, when the ecosystem is under strong pressure, which caused a decrease in the stability of the three positions of ecosystem services and characterizes an unfavorable condition of the ecosystem. In this case, a particularly strict operation mode of forest ecosystems with maximum reduction of logging is recommended. Prospective studies are related to the cost estimation of ecosystem services to analyze the possibility of compensating funds for nature restoration in relation to large loggers in the region.

Key words: ecosystem services, biodiversity conservation, assessment of water protection and water regulating functions, carbon sequestration capacity, ecosystem accounting, forest management, Komi Republic.

Information about the Author

Tatyana V. Tikhonova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center Komi NC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 26.05.2023.

Парадигма преобразующих инвестиций в контексте социально ориентированных теорий

**Елена Борисовна
ДВОРЯДКИНА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: dvoryadkina@usue.ru
ORCID: 0000-0001-5163-0334; ResearcherID: B-3564-2017

**Гульнара Магсумовна
КВОН**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: sung2002@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2093-8699; ResearcherID: B-1464-2018

Аннотация. Статья посвящена исследованию преобразующих инвестиций в контексте социально ориентированных теорий. Усиливающееся неравенство регионов, отсутствие равных возможностей при получении основных жизненно необходимых благ заставляют общество искать новые формы преодоления социальных проблем, к которым можно отнести преобразующие инвестиции. Новая парадигма инвестирования, предусматривающая вложение средств в решение социальных и экологических задач, получила широкое распространение во многих странах, потенциал данного вида инвестиций растет с каждым годом, отвечая целям устойчивого развития. Несмотря на то, что направления вложений преобразующих инвестиций предполагают инвестирование в различные сферы, в статье рассматриваются только социальные аспекты. Цель

Для цитирования: Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. (2023). Парадигма преобразующих инвестиций в контексте социально ориентированных теорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 203–217. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.11

For citation: Dvoryadkina E.B., Kvon G.M. (2023). The paradigm of transformative investments in the context of socially oriented theories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 203–217. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.11

работы – представить парадигмальное обоснование преобразующих инвестиций в контексте социально ориентированных теорий. Феномен преобразующих инвестиций может теоретически объясняться в разрезе разных теорий и концепций, в зависимости от исследовательских задач. В данной работе рассмотрены теории социальной справедливости и социальной политики, теория государства всеобщего благосостояния. Для понимания сущности преобразующих инвестиций исследованы основные характеристики, позволившие отразить их специфику и особенности оценки. Преобразующие проекты направлены на решение значимой социальной проблемы, они должны приносить финансовую отдачу и обеспечивать гарантированную рентабельность, что отличает их от проектов, обеспечиваемых за счет благотворительности или поддержки государства. Научная новизна работы заключается в том, что данная группа теорий (наряду с другими теориями) может служить теоретической платформой исследования преобразующих инвестиций, направленных на развитие социальной сферы, дополняя труды отечественных и зарубежных учёных. Результаты теоретических исследований, проведённых авторами, обуславливают выбор основных направлений и форм вложений инвестиций, позволяющих оптимизировать социальную политику государства. Сделан вывод о необходимости сохранения баланса в социальной и экономической сферах с учетом уже сложившихся институтов и недопущения резких изменений в перераспределении доходов; обеспечения населения соответствующими инструментами и его активного участия в процессах развития.

Ключевые слова: социально ориентированные теории, преобразующие инвестиции, социальная сфера, социальная справедливость, социальная политика, государство всеобщего благосостояния.

Введение

Представления общества о социальном благополучии, повышении качества жизни и способах его достижения, обеспечение равных возможностей при получении доступа к образованию, здравоохранению, справедливое распределение благ, баланс между вложением инвестиций в социальную сферу и производство не теряют своей актуальности и волнуют общество на протяжении всего периода развития экономической науки, трансформируясь в процессе развития человечества, усложнения всех сфер жизнедеятельности человека, осуществляющего деятельность в условиях усиливающихся экологических и техногенных рисков. Данные аспекты усугубляются с проблемой усиливающегося неравенства и диспропорций в социально-экономическом развитии регионов, где под неравенством, согласно Т. Пикетти, «следует понимать тот факт, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство отражает фундаментальное логическое противоречие» (Пикетти, 2015). В работе «Капитал XXI века» на основе анализа распределения богатства на протяжении трех веков

ученый делает вывод о том, что имущественное неравенство усиливается при снижении темпов экономического роста, при этом концентрация капитала в руках небольшой группы лиц приводит к снижению демократических устоев общества. Анализируя существующую тенденцию владения капиталом (одна тысячная доля населения планеты распоряжается 20% богатства)¹, он также прогнозирует, что ко второй половине XXI века та же одна тысячная доля населения планеты будет распоряжаться уже 60% национального богатства в глобальном масштабе. Негативным результатом политики сверхдоходов выступает усиливающаяся экономическая и социальная дифференциация, которая проявляется во все возрастающих темпах роста безработицы, усиления бедности. Согласно мнению Р.К. Шамилевой, она порождает обостренное

¹ Пикетти отождествлял понятия «богатство» и «капитал», в связи с чем его труд подвергался критике со стороны немецкого экономиста Штефана Хомбурга (Homburg S. (2014). Critical remarks on Piketty's Capital in the Twenty-First Century), который утверждал, что понятие «богатство» шире понятия «капитал», ввиду включения в него не только капитальных благ, созданных человеком, но и земли, природных ресурсов.

восприятие социальной несправедливости», что оказывает воздействие на важнейшие сферы жизнедеятельности человека (Шамилева, 2022).

Современная ситуация, когда темпы экономического роста замедляются, снижаются реальные доходы населения, существующее неравенство несет угрозу тяжелых социальных последствий, обуславливает необходимость инноваций в социально-трудовой сфере, требующих нового вида инвестиций – преобразующих, «объединяющих усилия различных субъектов: государства, общества, частных лиц, организаций» (Багг-Левин, Эмерсон, 2017). Данный вид инвестиций направлен на создание «комбинированной стоимости» (blended value), позволяющей учесть «интегрированное воздействие инвестиций на экономические, социальные и экологические показатели деятельности компании», помогая «сбалансировать коммерческую и некоммерческую деятельность компании» (Лыщикова, 2021).

Исследование преобразующих инвестиций расширяется в научном дискурсе в связи с тем, что они рассматриваются как решение социальных проблем, требуют более активного привлечения частного бизнеса, отвергая устоявшуюся парадигму, когда социальные (и экологические) проблемы «должны решаться исключительно государством или за счет благотворительности» (Азизи и др., 2022).

Относительно новое понятие «преобразующие инвестиции» имеет более широкую направленность, так как означает инвестиции в решение экономических, социальных и экологических проблем. Однако в нашей работе основное внимание уделяется социальной направленности, тем более что термины «преобразующие инвестиции» и «социальные инвестиции» в ряде случаев могут рассматриваться как синонимы. Именно поэтому в статье исследуются социально ориентированные теории, которые можно использовать в качестве теоретической базы для изучения преобразующих инвестиций: теории государства всеобщего благосостояния, теории социальной справедливости и социальной политики. Основные положения и направления вложения преобразующих инвестиций, такие как социальная сфера,

экология и обеспечение равных прав человека в обществе, нашли отражение в группе социально ориентированных теорий. В статье в части теории социальной справедливости и социальной политики развиваются и дополняются положения, представленные ранее в работе Г.М. Квон (Квон, 2023): обосновываются направления преобразующих инвестиций и методические вопросы их оценки. Теория государства всеобщего благосостояния в ракурсе преобразующих инвестиций рассматривается авторами впервые.

Методология исследования преобразующих инвестиций

Рассмотрение преобразующих инвестиций в контексте различных теорий предполагает их исследование в части определения сущностных характеристик, выделения отличительных черт, принципов, методики оценки, подбора теоретического базиса.

Преобразующие инвестиции как системообразующий компонент новой парадигмы инвестирования требуют выявления их сущностных характеристик, принципов реализации, признаков классификации и обоснования методических подходов к оценке их эффективности. Они рассматриваются в работах отечественных и зарубежных авторов. Так, в работе Е.Б. Дворядкиной и Г.М. Квон представлена сущность понятия «преобразующие инвестиции» и сопряженных с ним понятий (импакт-инвестиции, устойчивые инвестиции, инвестиции влияния, ответственные инвестиции и др.) (Дворядкина, Квон, 2020). Несмотря на то что все вышеперечисленные виды инвестиций имеют социальную (и экологическую) направленность, между ними имеются определённые различия, однако грань между понятиями является очень тонкой и не всегда идентифицируемой. Э. Багг-Левин и Дж. Эмерсон называют преобразующими инвестициями «инвестиции, нацеленные на максимизацию создаваемой объектами инвестирования социальной, экономической и экологической стоимости» (Багг-Левин, Эмерсон, 2017). Преобразующие инвестиции обуславливают осознанное намерение инвесторов оказать *преобразующее* влияние на окружающую социально-экономическую

систему. Выбор объектов инвестирования осуществляется сознательно, результат инвестиций должен иметь обязательную оценку (быть измерен). Хотя вложения в социальные проекты зачастую не приносят коммерческой доходности, преобразующие инвестиции должны окупаться, т. е. быть финансово состоятельными. В связи с этим актуализируются вопросы оценки данного вида инвестиций, сложность которой обусловлена необходимостью введения критерия воздействия: его следует учитывать помимо остальных ключевых, «стандартных» показателей эффективности. Однако воздействие и финансовая отдача, согласно руководству по импакт-инвестированию², не всегда дополняют друг друга. В зарубежном дискурсе делается упор на теорию изменений, которая считается ключевым элементом в оценке наряду с воздействием и намерением (Jackson, 2013).

В более раннем исследовании авторов сделана попытка на основе изучения ряда работ обобщить подходы к оценке преобразующих инвестиций (Квон, 2020). Нами указывалось, что сложность оценки зависит от следующих факторов:

- трудности прогнозирования доходности вследствие неоднозначности и большого многообразия социальных эффектов;
- трудности их измерения (например, вследствие отсутствия обратной связи от получателей эффекта: получатели могут быть не в состоянии дать обратную связь из-за болезни или быть территориально недоступны и др.);
- непрозрачности данных по социальной эффективности;
- трудности определения ставки дисконтирования, прогнозирования социального влияния (воздействия) в силу возникновения экстерналий; также не всегда можно определить, положительное воздействие возникает в результате вложения именно данного вида инвестиций или это воздействие произошло бы в силу других причин, и т. д.

² Godeke S., Briaud P. (2020). Impact Investing Handbook. An Implementation Guide for Practitioners. Available at: <https://www.rockpa.org/wp-content/uploads/2020/10/RPA-Impact-Investing-Handbook-1.pdf>

В зависимости от типа организации, в которой реализуются преобразующие инвестиции, и вида оказываемого воздействия преобразующие инвестиции могут быть классифицированы по признаку приоритетности целей: «первостепенное социальное воздействие или финансовая выгода» (Панкрухина и др., 2023).

Несмотря на обозначенные выше трудности, для оценки преобразующих (импакт)³ инвестиций приняты такие стандарты и методики, как:

- стандарты IRIS+ (Impact Reporting & Investment Standards)⁴, разработанные глобальной сетью импакт-инвестирования – GIIN (Global Impact Investing Network): осуществляется выбор показателей, применяемых к конкретным отраслям по пяти аспектам воздействия; по каждой категории воздействия (например, сельское хозяйство, здоровье и т. п.) устанавливаются метрики, на которые могут ориентироваться инвесторы;

- методика IMM (Impact measurement and management), разработанная инвестиционным фондом Rise Fund; оценка проводится в шесть этапов, разрабатывается мультипликатор IMM, устанавливается нижний порог социальной отдачи от воздействия (вложения); рекомендуется рассматривать проекты при отдаче не ниже 2,5 долл. на каждый вложенный доллар;

- непосредственно методология SROI – «социальная рентабельность инвестиций» (Social Return on Investment)⁵, учитывающая ряд принципов и предусматривающая прохождение шести этапов⁶; методология представлена в руководстве по SROI⁷; согласно мнению

³ Нами предлагается понятия «преобразующие инвестиции» и «импакт-инвестиции» рассматривать в качестве синонимов.

⁴ IRIS+ and the five dimensions of impact. Developed in partnership with the Impact Management Project. Available at: https://s3.amazonaws.com/giin-web-assets/iris/assets/files/guidance/IRIS_IMPalignment_20190510.pdf

⁵ В Великобритании сеть SROI называется теперь сетью SVI (Social Value International – Международная социальная ценность).

⁶ Методология SROI была разработана сетью SROI по поручению Кабинета министров в 2009 году, обновлена в 2012 году.

⁷ A guide to social return on investment: accounting for value (2012). Available at: https://neweconomics.org/uploads/files/aff3779953c5b88d53_cpm6v3v71.pdf (дата обращения 19.06.2023).

М. Малдонадо и др., методология «делает упор на включение в оценку проекта создаваемой социальной ценности, при этом под социальной ценностью понимается ценность, которую заинтересованные стороны испытывают через изменения в своей жизни» (Maldonado, Corbey, 2016).

Необходимо отметить, что традиционная оценка эффективности инвестиционных проектов согласно Методическим рекомендациям⁸ (учитывает экономические последствия инвестиционных проектов) также предусматривает соблюдение ряда принципов, и принципы SROI им не противоречат.

Принципы преобразующего инвестирования сформулированы, как уже указывалось, на основе требований сети импакт-инвесторов GIIN⁹, материалов отчета Фонда «Наше будущее»¹⁰, а также отчета ОЭСР¹¹, и представлены в опубликованной ранее работе авторов в соавторстве с Е.Г. Анимицей (Анимица и др., 2020). Они предусматривают инвестирование с учетом целей устойчивого развития ООН; получение рыночной доходности; максимальное социальное воздействие и др.

В преобразующем инвестировании совмещаются экономические и финансовые интересы, принятие решения осуществляется не только в случае гарантированной рентабельности инвестиций (Бондаренко, 2015). Иногда может возникнуть ситуация нулевой (и отрицательной) рентабельности, которая оправдана существенным социальным воздействием, позволяющим решить значимую социальную проблему. По мнению Е.В. Попова, значимость и роль со-

циального проекта для общества определяется его положением в соответствии с координатами систематизации: сферой деятельности, государственным участием, степенью участия, уровнем инициации и уровнем новизны (Попов, 2018).

Методология исследования преобразующих инвестиций также требует формирования определённого теоретического базиса, в качестве которого могут выступать различные теории. Нами (среди различных групп социально ориентированных теорий) выбраны теория *государства всеобщего благосостояния*, а также теории *социальной справедливости и социальной политики государства*.

Результаты исследования

Теория государства всеобщего благосостояния (Welfare State theory)

Развитие теории пришлось на вторую половину XX века, хотя вопросы решения социальных проблем, обеспечения и поддержания социальной стабильности, борьбы с бедностью, достижения счастливой и благополучной жизни, основанной на справедливом, «идеальном» общественном устройстве с равным доступом к благам, затрагивались в работах Платона, Аристотеля, Мора, Руссо, Оуэна, Фурье, Сен-Симона и др. В середине XIX века, согласно работе Т.В. Сидориной (Сидорина, 2012), Лоренцом фон Штейном было введено понятие «социальное государство», которое предусматривает «экономический и общественный прогресс всех его членов, так как развитие одного является условием и следствием развития другого». Учитывая, что в различных странах формировались различные представления о справедливом общественном устройстве в зависимости от характера государственного вмешательства, расслоения социальных групп, Г. Эспинг-Андерсен выделил три типа государства благосостояния, определивших в дальнейшем научные исследования по социальной политике (Esping-Andersen, 1990). Им, однако, не рассматривались государства с социалистической моделью, поэтому в дальнейшем (как развитие модели Г. Эспинг-Андерсена) стали формироваться другие типологии, включающие большее количество моделей (предусматривающие использование кластерного, факторного,

⁸ Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция), утвержденная Минэкономки, Минфином и Госстроем РФ 21.06.1999 № ВК 477. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=8730#h1944> (дата обращения 19.06.2023).

⁹ Сайт GIIN. Core Characteristics of Impact Investing. URL: (дата обращения 19.06.2023).

¹⁰ Мировой опыт развития импакт-инвестиций / Фонд «Наше будущее». 42 с. URL: <https://www.b-soc.ru> (дата обращения 19.06.2023).

¹¹ OECD report. Social impact investment: The impact imperative for sustainable development. Highlights. Available at: <https://static.investindia.gov.in/s3fs-public/2019-11/Social-Impact-Investment-2019.pdf> (дата обращения 19.06.2023).

булевозначного видов анализа, методов главных компонент), систематизация которых проведена в работе С. Бамбра (Vambra, 2007).

Общим для всех исследователей, сделавших попытку отнести страны к разным типам, является построение типологии, учитывающей, согласно Г. Боноли (Bonoli, 1997), уровень благосостояния («сколько») и систему социального страхования («как, каким образом»); а также финансирование социальных расходов в определённом проценте от ВВП, «процент финансирования вклада и налогового финансирования социальных расходов» (Сидорина, 2010).

В контексте данной теории особую значимость приобретает парадигма преобразующих (импакт, социальных) инвестиций, в основе которой находится идея о том, что «государства всеобщего благосостояния должны инвестировать в развитие навыков и способностей, начиная с раннего возраста», при этом политика социальных инвестиций, согласно работе (Vaines et al., 2019), усиливает социальную политику, «которая защищает и стабилизирует, устраняя некоторые причины неблагополучия и предоставляя людям инструменты для улучшения их социального положения»¹². При этом должны учитываться региональные и местные реалии политики и программ социальных инвестиций, использующих в зависимости от регионов различные источники финансирования инвестиций. Авторы вышеприведенной работы ссылаются на А. Хемерика¹³ (который обозначил критическое влияние глобального финансового кризиса на будущее государства всеобщего благосостояния), Т. Леони¹⁴ (предлагал принять подход социальных инвестиций к реформе государства всеобщего благосостояния), считавших, что расходы на социальное обеспечение в рамках государства всеобщего благосостоя-

ния являются долгосрочными инвестициями. Т. Леони также указывал на возникновение новых социальных рисков, вызванных изменившимися макроэкономическими условиями, предлагая внести корректировки в теорию государства всеобщего благосостояния.

В настоящее время концепция государства всеобщего благосостояния требует изменения в связи с трансформацией макроэкономических условий, возникновением новых социальных рисков. В работе Т.Ю. Сидориной со ссылкой на N. Rose рассмотрены альтернативы государству всеобщего благосостояния, ставится вопрос о пересмотре «социального»; «социальное» — реальность «неясная, противоречивая, воображаемая и упраздняемая своей собственной симуляцией» (Сидорина, 2012). В последние годы теория всеобщего благосостояния испытывает кризис, вызванный количественными факторами (низкие темпы экономического роста, сокращение налоговой базы (большинство стран снизили прогрессивные налоги на доходы и наследство), неблагоприятные демографические тенденции) и качественными факторами (обеспечение социальной защиты и удовлетворение новых потребностей), что привело к росту экономического неравенства. Критика новых реалий, основанных на потреблении, ограничении способности правительств удовлетворять потребности своих граждан путём предоставления комплексных социальных услуг и трансфертов доходов, привела к осознанию необходимости более динамичного подхода, предусматривающего инвестирование в возможности людей. Теория государства всеобщего благосостояния формирует парадигму «государства социальных инвестиций», ставшую необходимой в связи с пониманием структурного характера проблем в области социальной политики. Социальные инвестиции представляют собой концептуальную основу преобразования государства, нормативной идеи для руководства политикой.

Предварительное условие эффективной стратегии социальных инвестиций — минимизация бедности и гарантированный доход, т. е. должны быть созданы условия, при которых социальная защита и социальные инвестиции взаимно усиливают друг друга.

¹² Перевод авторов.

¹³ Hemerijck A. (2013). *Changing welfare states*. Oxford: Oxford University Press. Available at: https://www.researchgate.net/publication/261030281_CHANGING_WELFARE_STATES_-_by_Anton_Hemerijck.

¹⁴ Leoni T. (2015). *The social investment perspective as guiding principle for welfare state adjustment*. Austrian Institute of Economic Research (WIFO). Available at: https://www.euroframe.org/files/user_upload/euroframe/docs/2015/conference/Session%201/EUROF15_Leoni.pdf

Теории социальной справедливости и социальной политики государства

Термин «социальная справедливость», интересующий общество со времен Аристотеля, интерпретируется по-разному. В работе Ф.И. Гайнуллиной и Х.Ф. Сабирова (Гайнуллина, Сабиров, 2011) со ссылкой на труды Аристотеля («Никомахова этика») социальная справедливость рассматривается как «субъективная добродетель» и по отношению к закону, и «по отношению к другому человеку».

Развитие концепции справедливости с позиций либерализма (утилитаризма), консерватизма и марксизма, а также нормативной политической теории представлено в работе Г.Ю. Канарш (Канарш, 2019). Исследователь раскрывает особенности данной категории во взглядах как зарубежных ученых (К. Манхейм, И. Бентам и Дж. Ст. Милль, А. Сен, Дж. Роулз, К. Маркс и Ф. Энгельс, М. Янг, Ф.А. фон Хайек, М. Сэндел и др.), так и российских (Б.Н. Кашников, А.В. Прокофьев, Р.К. Шамилева и др.).

Вопросы социальной справедливости, социальной эволюции и социальных реформ, рассмотрение не только «человека экономического», но и человека социального «во всех проявлениях его социальной деятельности» нашли отражение в трудах известного шотландского философа и экономиста Джона Стюарта Милля, анализ взглядов которого дан в работе Е.Л. Шурмова (Шурмов, 2018). Являясь представителем классической политической экономики и основателем теории позитивизма, Милль ратовал за социальную справедливость, призывая правительства стимулировать (в нашей интерпретации вкладывать инвестиции) поддержание социальной сферы, обеспечивая и малоимущих. Предлагаемая им социальная реформа направлена большей частью на ограничение имущественного неравенства богатства.

В работе Р.С. Гринберга отмечается эволюция концепции справедливости различных философских школ начиная с Аристотеля и Платона (Гринберг, 2012). Автор указывает, что все представления о справедливости «связаны с представлениями о демократии и свободе».

В книге «Теория справедливости» Дж. Роулз (Роулз, 1995) отвергает идею социальной справедливости и права людей на социальные блага (в том числе получение образования, работы) в зависимости от их вклада в экономику и природной одаренности, за исключением случаев природного неравенства (например, для тех людей, которые не наделены природой определенными возможностями при рождении). Гарантии дохода людям с меньшими способностями должны быть обеспечены за счет налогообложения доходов более состоятельных граждан.

Роль государства, обуславливающего «правила игры», предусматривает решение вопросов оптимизации социальной политики: «свободный доступ граждан к здравоохранению, культуре, спорту, социальное обеспечение и другие направления» (Долгорукова, 2019), соответствующие направлениям преобразующего инвестирования.

В докладе Всемирного банка «Справедливость и развитие: доклад о мировом развитии»¹⁵ под социальной справедливостью понимается положение, при котором отдельные граждане обладают равными возможностями для строительства жизни по своему собственному выбору и застрахованы от крайних форм депривации с точки зрения достижения результатов.

В современных реалиях, когда общество вступило в постиндустриальную фазу, характеризующуюся ускоренным развитием цифровизации и сетевых структур, социальная справедливость может быть рассмотрена с позиций социальных лифтов. В работе Е.А. Гринченко социальная справедливость выступает фактором «оптимизации системы социальных лифтов», позволяет согласовать интересы различных акторов в плане «эквивалентного доступа к социальным благам и инфраструктуре» и обеспечить «политико-правовую стабильность в государстве» (Гринченко, 2022).

¹⁵ Справедливость и развитие: доклад о мировом развитии 2006 года (2006) / пер. с англ. И.П. Гурова [и др.]; ред. А.В. Бондаренко. М.: Весь Мир. 312 с. URL: <https://enc.biblioclub.ru/Fund/Viewer.html?file=/Fund/Book/pdf/114379.pdf&embedded=true> (дата обращения 25.06.2023).

Актуальным, на наш взгляд, является исследование вопросов социальной политики и социальной справедливости по отношению к стареющему населению, где неизбежно затрагиваются вопросы осуществления расходов государства на пенсионные выплаты. По мнению Ю.А. Зеликовой, в работе которой проведён обзор современных дискуссий о реформах пенсионных систем в различных странах в контексте социальной справедливости, представители различных возрастных групп по-разному относятся к проводимым реформам. Автором сделан вывод о необходимости поддержки различных возрастных групп, а также социальных инвестиций в политику поддержки занятости женщин, развития детей. Анализ большинства зарубежных исследований, по мнению автора, подтверждает, что межпоколенческие конфликты не нарастают (Зеликова, 2022). Определённый интерес представляет отношение молодёжи к вопросам социальной справедливости, позволяющей реализовать карьерные интересы и жизненные стратегии. На основании анкетного опроса, результаты которого приведены в работе И.Л. Чебиняевой, выявлено, что приоритетами молодёжи «являются материальный достаток, социальный успех, профессиональная реализация, нужность обществу», а социальная справедливость должна выражаться через «обеспечение равного доступа к социальным благам» и равные стартовые возможности, позволяющие получить качественное образование, продвижение в профессии через стажировки, обеспечить безопасность жизни (Чебиняева, 2022).

Несмотря на реализацию государством социальной политики, решить проблему неравенства, несправедливого распределения доходов (в виде заработной платы и доходов от капитала), осуществления форм поддержки беднейшим слоям населения для повышения их уровня жизни невозможно только средствами благотворительности и с помощью реализации социальных программ (Юнус, 2017). Анализируя сложившийся механизм функционирования капиталистической экономики, предложено провести его «перестройку» и создать «новый экономический механизм», основанный на концепции социального бизнеса, учи-

тывающий не только социальные, но и существующие экологические (климатические) проблемы (Квон, 2023).

Согласно В. Ойкену (автору теории экономических порядков, являющейся в методологическом плане основой «социального рыночного хозяйства»), экономическая и социальная политика тесно связаны между собой: экономическая политика обеспечивает реализацию основных направлений социальной политики, а именно «политику социальных гарантий; эффективной работы; самообеспечения и перераспределение доходов и собственности» (Ойкен, 1995).

Понимание роли социального государства в создании условий для обеспечения социальной справедливости отражено в работе И.И. Корчагиной и Л.М. Прокофьевой. Субъективное восприятие справедливости в отношении оплаты труда, дифференциации доходов, уровня жизни, потребления и т. п. показало, что население «допускает существование неравенства», связанного с тем, что различные люди в зависимости от индивидуальных способностей склонны «к более эффективному труду», однако считают, что государство должно обеспечить «регулирование распределительных отношений с целью сокращения дифференциации доходов» (Корчагина, Прокофьева, 2022).

В *таблице* представлены основные направления преобразующего инвестирования, обосновывающие необходимость его осуществления и учитывающие аспекты социальной справедливости при реализации социальной политики.

Таким образом, социальная политика должна учитывать основные положения социальной защиты с учетом гендерных и структурных изменений на рынке труда, с пониманием усиливающейся важности человеческого капитала. Преобразующие инвестиции в контексте данной теории, согласно работам А. Хемерика и Т. Леони, предусматривают увеличение средств на образование на протяжении всей жизни через финансирование социальных фондов, активацию человеческого капитала, расширение возможностей социальной интеграции и участия в решении государственных вопросов.

Основные направления инвестирования при реализации социальной политики с учетом аспектов социальной справедливости

Направления и формы инвестирования	Обоснование инвестиций
<i>1. Способности человека</i>	
1.1. Развитие ребенка в раннем возрасте	Вложение инвестиций в развитие ребенка оказывает существенное влияние на его здоровье, мотивацию к учебе, в будущем приносит более весомую экономическую отдачу. Продуманные государственные мероприятия могут значительно сократить разрыв между возможностями различных слоев общества
1.2. Школьное обучение	Расширение доступа к обучению, стимулирование спроса (стимулирование родителей вкладывать в образование детей, выплата стипендий, увеличение охвата обучением) и предложения (рост зарплаты педагогов, улучшение материально-технической базы, разработка и внедрение инновационных методик преподавания, направленных на повышение успеваемости более слабых учащихся)
1.3. Здравоохранение	Предоставление государственных гарантий оказания услуг, дотаций на стимулирование охраны здоровья, развитие рынка страхования от болезней, приводящих к катастрофическим последствиям (в понимании способности домохозяйств осилить расходы на лечение при потере дохода)
1.4. Управление рисками	Развитие системы социальной защиты, обеспечение «страховочной сеткой», недопущение ограничения инвестиций контингента социальной защиты (работающих бедных, лиц, считающихся нетрудоспособными или лиц, для которых нежелательно осуществлять трудовую деятельность, особые социально уязвимые группы) в результате макроэкономических кризисов, реструктуризации отраслей промышленности, погодных условий, стихийных бедствий
<i>2. Правосудие, земля, инфраструктура</i>	
2.1. Создание справедливых систем правосудия	Обеспечение баланса между укреплением независимости систем правосудия и повышением их подотчетности, использование мер по расширению доступности судебно-правовой системы, выравнивание «правил игры» в политической, социальной и культурной областях; защита политических прав граждан
2.2. Обеспечение более справедливого доступа к земле	Совершенствование функционирования рынка земли и обеспечение малоимущим гражданам гарантий их права на землю
2.3. Обеспечение равного доступа к инфраструктуре	Расширение доступа к услугам инфраструктуры для бедных слоев населения через систему выделения целевых субсидий, стимулирование поставщиков услуг
<i>3. Рынки и макроэкономика</i>	
3.1. Финансовые рынки	Инвестиции в реализацию программ, ориентированных на бедные слои населения, обеспечение более равного доступа компаний к финансированию; углубление и расширение доступа должно дополняться усилением горизонтальной подотчетности, отказ от лоббирования отдельных крупных банков
3.2. Рынки труда	Инвестиции в разработку для регионов (стран) альтернативных мер социальной политики (внедрение программы страхования безработицы и программы занятости); обеспечение защищенности более бедных работников, занятых в нерегулируемой неформальной экономике
3.3. Товарные рынки	Снятие барьеров для прямых иностранных инвестиций с целью либерализации торговли, однако в зависимости от уровня развития страны это может привести к усилению неравенства в доходах в силу роста спроса на квалифицированный труд при проводимой модернизации производственных процессов; необходимо обеспечить работникам возможность свободных переходов на новое место работы
3.4. Макроэкономическая стабильность	Рациональное макроэкономическое управление и регулирование финансового сектора для недопущения усиления несправедливости в процессах преодоления кризисов (когда расходы на реструктуризацию покрываются за счет повышения налогов и сокращения потребления)
<i>4. Мировая арена</i>	
	Сокращение социальной несправедливости, дискриминации в отношении развивающихся стран (например, препятствия при миграции в богатые страны для неквалифицированных рабочих, препятствия для производителей промышленной и сельскохозяйственной продукции из развивающихся стран при их реализации в развитых странах), приводящей к неравной обеспеченности ресурсами с учетом преимуществ участия в глобальной экономике, создания для всех регионов (стран) равных условий в сфере экономики и политики в мировом масштабе
Источник: составлено авторами с учетом работы Hemerijck A. (ed.). (2017). The Uses of Social Investment. Oxford: Oxford University Press. Available at: https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2018/11/The-Uses-of-Social-Investment.pdf	

Обсуждение

Проблемы социальной справедливости и социального равенства являются актуальными и для России. По мнению А.М. Пономарева, для России «отказ от обеспечения свободы социальными благами и резко отрицательное отношение к роли государства в регулировании социально-экономических процессов оказались губительными» (Пономарев, 2015). Со ссылкой на Ф. Хайека (Хайек, 1999) автор утверждает, что «не может быть никакой дистрибутивной справедливости там, где никто не распределяет. Справедливость имеет смысл только как норма человеческого поведения». Важность роли государства с пониманием, «что только оно способно противодействовать стихии нарастающего социального расслоения населения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам», отражена в работах О.Т. Богомолова, который обращает внимание на то, что несправедливое распределение благ приводит к расколу в обществе, росту напряжения, развитие страны идет «неадекватно вызовам постиндустриальной эпохи» (Богомолов, 2001a; Богомолов, 2001b).

Обобщая исследования преобразующих инвестиций в контексте социально ориентированных теорий, выделим ключевые позиции теорий государства всеобщего благосостояния, социальной справедливости и социальной политики:

- государство в рамках социальной справедливости гарантирует соблюдение честной конкуренции, права частной собственности, договоров, а также свободный доступ граждан к здравоохранению, культуре, спорту, социальному обеспечению и др.;

- предусматривается социальная политика превентивной направленности, инвестиции фокусируются на повышении производительности труда, поддержке возможностей трудоустройства, приобретении и сохранении навыков для предотвращения (постоянной) безработицы;

- для снижения риска бедности и нужды реализуются долгосрочные стратегии (на протяжении всей жизни) вложения инвестиций в способности человека начиная с раннего детства;

- перспектива социально-преобразующих инвестиций переносит акцент со стороны денежных переводов (компенсаций) в сферу услуг.

Говоря о перспективах преобразующих инвестиций, направленных на решение социальных проблем, можно отметить, что на данный тренд оказывает влияние общая ситуация в мире в отношении инвестиционных стратегий. Согласно докладу ЮНКТАД «World Investment Report 2023», «глобальные потоки прямых иностранных инвестиций сократились на 12 процентов до 1,3 трлн долларов в 2022 году»¹⁶. Хотя большей частью доклад посвящен вопросам достижения целей устойчивого развития (ЦУР) в области энергетики, отмечается, что по «облигациям социальной устойчивости произошло резкое снижение на 18 процентов». Это связано с «геополитической напряженностью и инфляцией». Тем не менее, согласно докладу, устойчивые стратегии, используемые различными фондами, демонстрируют достаточно большой процент решений, направленных на вопросы ESG (87%), интеграцию социальных аспектов (82%), преобразующие (импакт) инвестиции (77%)¹⁷. Основные направления вложений (согласованных с ЦУР), исходя из опроса преобразующих (импакт) инвесторов, проведенного GIIN в 2020 году¹⁸, формирует реализация цели 8 (достойная работа и экономический рост), цели 1 – ликвидация нищеты, цели 3 – хорошее здоровье и благополучие¹⁹ (рисунок).

В России парадигма преобразующего инвестирования также получила развитие. По данным ТАСС²⁰ указывается, что журналом Forbes в 2021 году составлен рейтинг российских импакт-инвесторов, в который вошел 31 человек. Вложения в «валюту добра» за период 2010–2021 гг. по оценке журнала составили \$31,5 млрд.

¹⁶ World investment report 2023. Available at: https://sun-connect.org/wpcontent/uploads/wir2023_en.pdf (дата обращения 09.08.2023).

¹⁷ В докладе указывается, что данные проценты рассчитаны от количества отчитавшихся фондов, однако эти вопросы раскрывают только треть фондов.

¹⁸ Annual Impact Investor Survey 2020. Available at: <https://thegiin.org/assets/GIIN%20Annual%20Impact%20Investor%20Survey%202020.pdf> (дата обращения 09.08.2023).

¹⁹ Опрошено 294 инвестора, инвесторы могли выбирать несколько направлений.

²⁰ Forbes составил рейтинг импакт-инвесторов России // tass.ru. 26.08.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12222559> (дата обращения 09.08.2023).

Согласованные с ЦУР направления воздействия преобразующих (импакт) инвестиций, %

Источник: Annual Impact Investor Survey (2020). P. 45. URL: <https://thegiin.org/assets/GIIN%20Annual%20Impact%20Investor%20Survey%202020.pdf> (дата обращения 09.08.2023).

В текущих социально-экономических условиях применительно к России для развития преобразующего инвестирования создана Ассоциация импакт-инвесторов, функционируют Фонд «Наше будущее», являющийся членом GIIN, Фонд президентских грантов, отдельные фонды, региональные ассоциации социального предпринимательства, цель которых — оказать поддержку социальных инициатив в регионах страны. Необходимо отметить активное сотрудничество Фонда «Наше будущее» с бизнесом (например, компаниями «Сибур», «Норникель»), банками, правительствами отдельных регионов, Министерством финансов России; фонд осуществляет консультирование предпринимателей и повышение их квалификации, также им заключены отдельные соглашения с ря-

дом российских вузов о поддержке социального бизнеса. На наш взгляд, рост рынка преобразующих инвестиций зависит от продвижения данной идеи, хорошо вписывается в менталитет россиян как инструмент реализации социальных и экологических проектов.

Таким образом, социально ориентированные теории, выступая в качестве теоретической платформы преобразующих инвестиций, направлены на:

- оптимизацию социальной политики государства с целью сохранения баланса между усилением активности в социальной сфере и учетом уже сложившихся институтов, где государство не готово идти на резкие изменения в сфере перераспределения собственности и доходов;

– понимание, что справедливость тесно связана с долгосрочным процветанием, благополучием и важна в борьбе с бедностью; она способствует увеличению мобильности человека, преодолению региональных диспропорций и «ловушек» неравенства;

– обоснование необходимости активного участия более «бедных» слоев населения в процессах развития, где сами процессы развития становятся более устойчивыми к потрясениям, что приводит к совершенствованию институтов, снижению бедности, использованию потенциала общества.

Заключение

Реформы, связанные с сокращением пенсионного обеспечения в разных странах, оплаты больничных, пособий по безработице, привели к необходимости поиска новых форм и методов реализации социальной защиты, так как не все государство уже обеспечивают тот же уровень жизни, поддерживаемый ранее за счет государственных пенсий и льгот. Новая концепция государства социальных инвестиций вместо выплат компенсаций населению, пострадавшему от негативных событий, восстановления системы социальной защиты предусматривает социальную политику превентивной направленности (дать населению инструментарий для предотвращения таких событий или минимизации их последствий). В связи с этим преобра-

зующие инвестиции (с учетом формирования человеческого капитала на всех этапах жизни) фокусируются на повышении производительности труда. Перспектива социальных инвестиций переносит акцент со стороны денежных переводов (компенсаций) в сферу услуг.

Учет аспектов социальной справедливости при осуществлении инвестирования предусматривает выбор оптимальных вариантов политики, которые должны быть направлены на сокращение бедности, снижение неравномерности распределения богатства и перераспределение влияния, преимуществ или дотаций; разработку дополняющих мер при реализации социальной политики, в совокупности обеспечивающих социальную защиту, образование, мобильность рабочей силы.

Развитие теоретического базиса исследования преобразующих инвестиций в контексте выбранных социально ориентированных теорий формирует научную основу, позволяющую обосновать ключевые положения и направления вложения преобразующих инвестиций, предусматривающих развитие социальной сферы, обеспечение равных прав человека в обществе, увеличение его мобильности, получение равного доступа к качественному образованию, стирание гендерных различий и др., оптимизацию проводимой государствами социальной политики.

Литература

- Азизи Е.О., Азизи О., Клевцов В.В. (2022). Импакт-инвестиции: мировой опыт и особенности российского рынка // *Фундаментальные исследования*. № 3. С. 7–12.
- Анимица Е.Г., Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. (2020). Преобразующие инвестиции – мейнстрим развития региона // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. № 4 (83). С. 83–95. DOI: 10.21295/2223-5639-2020-4-83-95
- Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. (2017). Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. М.: Политическая энциклопедия. 271 с.
- Богомолов О.Т. (2011а). Неэкономические грани экономики // *Россия и современный мир*. № 2 (71). С. 6–14.
- Богомолов О.Т. (2011б). Социально-гуманитарные аспекты модернизации России // *ЭКО*. № 7 (445). С. 135–150.
- Бондаренко В.В. (2015). Современное общество и экономика: анализ состояния и перспективы развития в условиях экономической турбулентности. Пенза: Изд-во ПГУ. 516 с.
- Гайнуллина Ф.И., Сабиров Х.Ф. (2011). Феномен социальной справедливости в соответствии с классической теорией элит // *Труд и социальные отношения*. Т. 22. № 12. С. 52–63.
- Гринберг Р.С. (2012). Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М: Инфра-М. 416 с.
- Гринченко Е.А. (2022). Социальная справедливость как фактор оптимизации системы социальных лифтов в межэтническом пространстве // *Гуманитарий Юга России*. Т. 11. № 4. С. 114–127.

- Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. (2020). О сущностно-содержательных характеристиках преобразующих инвестиций // Вестник экономики, права и социологии. № 2. С. 7–10.
- Долгорукова И.В. (2019). Корпоративное социальное инвестирование в современной России: между экономической эффективностью и социальной справедливостью // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 3. С. 402–411. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-402-411
- Зеликова Ю.А. (2022). Социальная справедливость и социальные реформы в условиях старения населения. Систематический обзор публикаций // Управленческое консультирование. № 1. С. 124–138.
- Канарш Г.Ю. (2019). Социальная справедливость: современная история идеи // Горизонты гуманитарного знания. № 1. С. 48–73. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/951>. DOI: 10.17805/ggz.2019.1.3
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. (2022). Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. № 9 (4). С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742>
- Квон Г.М. (2020). Оценка социального воздействия преобразующих инвестиций: проблемы и подходы // Вестник экономики, права и социологии. № 4. С. 24–28.
- Квон Г.М. (2023). Преобразующие инвестиции в контексте реализации социальной политики и обеспечения социальной справедливости: теоретический аспект // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 20–23.
- Лыщикова Ю.В. (2021). Концепция комбинированной стоимости как новый подход к созданию и измерению ценности // Теория и практика общественного развития. № 1 (155). С. 83–87.
- Ойкен В. (1995). Основные принципы экономической политики / пер. с нем. Л.А. Козлова, Ю.И. Куколева; общ. ред. Л.И. Цедилина, К. Херрманн-Пиллата. М.: Прогресс; Универс. 493 с.
- Панкрухина А.М., Лифановская О.В., Петренко М.Т. (2023). Импакт-инвестирование как инструмент повышения эффективности решения задач в социальной сфере // Вестник евразийской науки. Т. 15. № S2.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem Press. 592 с.
- Пономарев А.М. (2015). Социальная справедливость и проблема прав человека // Знание. № 11-1. С. 143–148.
- Попов Е.В. (2018). Экономическая социотроника XXI века // Управленец. Т. 9. № 2. С. 2–5. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-2-1
- Роулз Дж. (1995). Теория справедливости / пер. и науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. 534 с.
- Сидорина Т.Ю. (2012). Welfare State как точка отсчета: место государства всеобщего благосостояния в социальной истории // Вопросы философии. № 11. С. 19–30.
- Сидорина Т.Ю. (2010). Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. № 5. С. 87–100.
- Хайек Ф.А. фон (1999). Познание, конкуренция и свобода: антология соч. / под ред. Д. Антисери, Л. Инфантино. СПб.: Пневма. 287 с.
- Чебиняева И.Л. (2022). Социальная справедливость в оценках молодежи: аксиологические и поведенческие аспекты // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 3. С. 60–74. DOI:10.21685/2072-3016-2022-3-5
- Шамилева Р.К. (2022). Социальная справедливость в условиях кризиса социокультурной ситуации // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 160–164.
- Шуремов Е.Л. (2018). Методология и история экономической науки. Коротко о главном. Издательские решения. 78 с.
- Юнус М. (2017). Мир трех нулей. Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. М.: Альпина Диджитал. 130 с.
- Baines S., Bassi A., Csoba J., Sipos F. (2019). Social investment in welfare: A sub-national perspective. *Implementing Innovative Social Investment*, 1-22. DOI: 10.1332/policy press/9781447347828.001.0001. Available at: <https://policy press.universitypressscholarship.com/view/10.1332/policy press/9781447347828.001.0001/upso-9781447347828-chapter-001> (дата обращения: 05.06.2023)
- Bambra C. (2007). Sifting the wheat from the chaff: A two-dimensional discriminant analysis of welfare state regime theory. *Social Policy and Administration*, 41(1).

- Bonoli G. (1997). Classifying welfare states: A two-dimension approach. *Journal of Social Policy*, 26(3).
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press. Available at: https://www.researchgate.net/publication/243774920_The_Three_Worlds_Of_Welfare_Capitalism (дата обращения: 25.05.2023)
- Jackson E.T. (2013). Interrogating the theory of change: Evaluating impact investing where it matters most. *Journal of Sustainable Finance & Investment*, 3(2), 95–110. DOI: 10.1080/20430795.2013.776257
- Maldonado M., Corbey M. (2016). Social return on investment (SROI): A review of the technique. *Maandblad Voor Accountancy en Bedrijfseconomie*, 90, 79–86. DOI: 10.5117/mab.90.31266

Сведения об авторах

Елена Борисовна Дворядкина – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, директор Института экономики и финансов, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: dvoryadkina@usue.ru)

Гульнара Магсумовна Квон – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: sung2002@mail.ru)

Dvoryadkina E.B., Kvon G.M.

The Paradigm of Transformative Investment in the Context of Socially Oriented Theories

Abstract. The article is devoted to the study of transformative investments in the context of socially oriented theories. The growing inequality of the regions, the lack of equal opportunities in obtaining basic vital goods force society to look for new forms of overcoming social problems, which include transformative investments. The new investment paradigm, which provides for investing in solving social and environmental problems, has become widespread in many countries, the potential of this type of investment is growing every year, meeting the goals of sustainable development. Despite the fact that the investment directions of transformative investments involve investing in various spheres, this article considers only social aspects. In connection with the above, the purpose of the proposed work is to present a paradigmatic justification of transformative investments in the context of socially oriented theories. It should be noted that the phenomenon of transformative investments can theoretically be explained in the context of different theories and concepts, depending on research tasks. In this paper, the theories of social justice and social policy, the theory of the welfare state are considered. To understand the essence of transformative investments, the paper considers their main characteristics, which allowed reflecting the specifics of these investments and the features of their evaluation. Transformative projects are aimed at solving a significant social problem, they must bring financial returns and ensure guaranteed profitability, which distinguishes them from projects provided by charity or state support. The scientific novelty of the work lies in the fact that this group of theories (along with other theories) can serve as a theoretical platform for the study of transformative investments aimed at the development of the social sphere, complementing the works of Russian and foreign scientists. The results of theoretical studies conducted by the authors determine the choice of the main directions and forms of investments that allow optimizing the social policy of the state. The paper concludes that it is necessary to maintain a balance in the social and economic spheres, taking into account the already established institutions and preventing abrupt changes in the redistribution of income; providing the population with appropriate tools and its active participation in development processes.

Key words: socially oriented theories, transforming investments, social sphere, social justice, social policy, welfare state.

Information about the Authors

Elena B. Dvoryadkina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, director of the Institute of Economics and Finance, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnaya Volya Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: dvoryadkina@usue.ru)

Gulnara M. Kvon – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnaya Volya Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: sung2002@mail.ru)

Статья поступила 04.07.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.12

УДК 330.564.2(470+571), ББК 65.9(2Рос)-94

© Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Моисеева И.В.

К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения

**Евгений Данилович
КОРМИШКИН**

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: kormishkined@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7524-4072; ResearcherID: AAK-1819-2021

**Ирина Анатольевна
ИВАНОВА**

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: ivia16@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1113-0858; ResearcherID: CAG-4446-2022

**Ирина Владимировна
МОИСЕЕВА**

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: moira-22@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2034-5703; ResearcherID: AAV-5336-2021

Для цитирования: Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Моисеева И.В. (2023). К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 218–235. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.12

For citation: Kormishkin E.D., Ivanova I.A., Moiseeva I.V. (2023). On the issue of poverty in Russia: Facts, paradoxes, specifics, and alleviation prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 218–235. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.12

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью сокращения бедности в России для повышения качества человеческого капитала в интересах обеспечения длительного и устойчивого роста экономики. Установлен парадокс сложившейся в стране системы благосостояния: существенное превышение реального уровня бедности населения по сравнению с его предельно допустимым значением на фоне высоких показателей совокупного национального богатства и экономического потенциала страны. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании несостоятельности произошедшего в 2021 году перехода России на новую методику определения национальной линии бедности; статистическом тестировании гипотезы о высоком региональном неравенстве по доходам как одной из главных особенностей российской бедности, ограничивающей возможные темпы роста экономики; в формировании минимально необходимого инструментария государственной политики по содействию сокращению бедности в стране. Методология исследования базируется на системном подходе; на применении методов корреляционного, регрессионного, кластерного анализа данных (включая метод k-средних и иерархической кластеризации), методов классификации, сравнения, сопоставления и анализа временных рядов. Идентификация моделей осуществлена с помощью дисперсионного анализа, тестирования статистических гипотез о достоверности моделей и существенности их параметров, коэффициента детерминации. В контексте концепций социального государства, устойчивого развития обоснована неправомерность отказа России от нормативного подхода к определению национальной линии бедности в пользу только относительного подхода (44,2% от Me). Построены регрессионные зависимости между уровнем бедности и душевым ВРП (с учетом его структурных составляющих) для субъектов Федерации; на основе таких зависимостей выделены четыре кластера, в рамках которых идентифицированы прямые и обратные связи разной силы между уровнем бедности и структурными составляющими душевого ВРП. Сформирован минимально необходимый инструментарий государственной политики по содействию сокращению бедности в России с учетом существующих возможностей ее экономики.

Ключевые слова: экономический рост, человеческий капитал, социальное неравенство, бедность, прожиточный минимум, медианный доход, национальная линия бедности, перераспределительная политика.

Введение

Бедность как «результат весьма длинной и опосредованной причинно-следственной цепочки, которая восходит к базисным основам социально-экономической системы, к самому ее ядру» (От редакционной коллегии..., 2015, с. 30), является одной из острейших глобальных проблем XXI века. Без ее решения «создание устойчивого будущего во взаимозависимом мире представляется невозможным» (Бобылев, Соловьева, 2017, с. 27). Такое понимание значимости преодоления бедности в разных ее формах «для достижения лучшего и более устойчивого развития будущего для всех» получило официальное признание в концептуальном документе ООН «Цели устойчивого развития на период 2016–2030 годы для всех стран мира»¹,

пришедшем на смену Целям развития тысячелетия (2000–2015 гг.). Все государства – члены ООН, включая Российскую Федерацию, взяли на себя обязательство содействовать достижению к 2030 году принятых целей и содержащихся в них целевых индикаторов.

Согласно исследованиям Всемирного банка, в целом человечество за 1990–2019 гг. достигло значительного прогресса в снижении показателей крайней бедности (справочно: в 2020 году Всемирный банк поднял ее минимальную глобальную границу с 1,9 до 2,15 долл. США на человека в день по ППС 2017 года). Однако эта положительная динамика фактически прекратилась в 2020 году, когда годовой прирост численности населения с доходами ниже новой глобальной черты крайней бедности составил около 70 млн человек. В качестве главных причин, замедливших борьбу с бедностью, в докладе Всемирного

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / ООН. 45 с. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения 02.06.2023).

банка «Бедность и всеобщее благосостояние» (Вашингтон, 5 октября 2022 г.) наряду с падением глобальных темпов роста определены деструктивные последствия пандемии COVID-19, высокие цены на продовольствие и специальная военная операция. По оценке экспертов Всемирного банка², доля населения мира, оказавшегося за чертой крайней бедности, увеличилась с 8,4% в 2019 году до 9,3% в 2020 году; к 2030 году почти 600 млн человек, или около 7% мирового населения, будут вынуждены жить менее чем на 2,15 долл. США. Росстат оценил уровень бедности в России по итогам 2022 года (с доходом ниже границы бедности в 13688 рублей в месяц на человека) в 15,3 млн человек, или 10,5% от общей численности населения страны, что превышает предельно допустимое значение по этому индикатору в 7% (Сенчагов и др., 2013, с. 305).

В соответствии с основными идеями, содержащимися в упомянутом ранее докладе Всемирного банка (2022 г.), в сложившейся ситуации мир вряд ли сможет достичь цели 1 ЦУР ООН – покончить с крайней бедностью к 2030 году, если в оставшуюся часть десятилетия темпы экономического роста не превысят показатели предыдущих периодов.

Принципиально сказать, что бедность является относительным и многозначным понятием, зависящим от общего стандарта уровня жизни в данном обществе. В таком контексте, к примеру, лауреаты Нобелевской премии по экономике А. Банерjee и Е. Дюфло применительно к современному этапу социально-экономического развития определяют этот феномен не просто как отсутствие денег, а как «неспособность полностью реализовать свой человеческий потенциал» (Banerjee, Duflo, 2019, p. 189, 192). Это означает, по мнению одного из ведущих ученых мировой экономической науки Т. Пикетти, что проблему бедности невозможно ликвидировать; бедность можно сократить, уменьшить или преодолеть (Piketty, 2020, p. 433).

² Справочный материал: Корректировка значений международной черты бедности. URL: <https://www.wsemirnyjbank.org/ru/news/factsheet/2022/05/02/factsheet-an-adjustment-to-global-poverty-lines#18>

Как показывает мировая практика, масштабная бедность населения препятствует стратегическому развитию страны, что, к примеру, нобелевским лауреатом по экономике Дж. Стиглицем объясняется ее так называемыми «накопительными эффектами» (экономическим, политическим и социальным). В своей книге-бестселлере «Великое разделение» Стиглиц подчеркивает: «Высокий уровень бедности ведет к коротким жизненным циклам экономического роста и угрожает не только экономической, но и политической и социальной стабильности, ...влечет за собой меньшую экономическую мобильность и более скудные возможности на протяжении многих поколений» (Стиглиц, 2016, с. 327–328).

Что касается бедности в нынешней России, безусловно, вызывает беспокойство ее распространение на активно работающих граждан и молодежь, на которых общество возлагает миссию по воспроизводству населения и трудового потенциала страны. Иными словами, это означает, что в РФ сформировался фактор самовоспроизводства бедности, обусловленный низким уровнем доходов (прежде всего заработной платы) у преобладающей части граждан и официального прожиточного минимума. Обозначенная ситуация является мощным ограничителем трудовой мотивации и экономической активности населения (Кормишкина, Ермакова, 2021); чревата ростом преступности и риском социальных потрясений; может усиливать неуверенность инвесторов, повышать транзакционные издержки в экономике.

В таком контексте становится очевидным, что сокращение бедности населения и преодоление влекомых ею серьезных внутренних противоречий не может обеспечиваться «разовыми решениями “О помощи малообеспеченным слоям населения”» (Бобков, Одинцова, 2020, с. 10); они должны являться одной из главных миссий современного российского государства как социального государства в полном смысле этого слова (Ильин, 2017, с. 12), политика которого, в соответствии с пунктом 1 Статьи 7 Конституции Российской Федерации, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

На фоне сказанного выше требуют дальнейшего осмысления теоретико-методологические аспекты бедности, связанные с уточнением ее критериев (качественных и количественных), проверкой адекватности и совершенствованием ее измерителей, обоснованием эффективных способов и инструментов сокращения и преодоления феномена новой бедности, которые формируют особую предметную область для ответственных научных поисков и разработок.

Современное состояние исследований по данной проблеме

Бедность — одна из острых и злободневных научных проблем с незавершившейся теоретической дискуссией, несмотря на наличие многочисленных трудов, посвященных исследованию этого феномена в разные временные отрезки. После глобального кризиса 2008–2009 гг. в научном сообществе получили широкую популярность и активно обсуждаются работы Дж. Сакса (Сакс, 2011), А.В. Банерджи и Е. Дуфло (Banerjee, Duflo, 2012; Banerjee, Duflo, 2019), Т. Пикетти (Piketty, 2014), Дж. Ю. Стиглица (Стиглиц, 2015; Стиглиц, 2016), в которых имущественная несправедливость и бедность позиционируются как имманентное свойство не только периферийных, но и индустриально развитых стран (От редакционной коллегии..., 2015, с. 32). При этом особый резонанс у исследователей бедности вызывает новаторство Т. Пикетти, связанное с попыткой иной (перевернутой) интерпретации известной гипотетической кривой S. Kuznets (Kuznets, 1955) и созданием «фундаментального закона» для объяснения взаимосвязи между темпами экономического роста и уровнем неравенства и бедности в стране.

Следует заметить, что в научной литературе однозначного общепринятого определения бедности не существует, поскольку эта дефиниция относительна по своей природе, постоянно конкретизируется и модифицируется (Овчарова, 2009, с. 8). На данный момент в теории определения бедности можно разграничить четыре концептуальных подхода: вэлферистский, депривационный, теорию функциональных возможностей и субъективный. Первый из них опирается на такие показатели благосостояния, как доходы домашних хозяйств или потребительские расходы, и преимущественно

на монетарный инструментарий абсолютной бедности (прожиточный минимум, глобальная линия бедности по ППС). Следует сказать, что такой подход в 1960-е гг. был использован американским экономистом и статистиком М. Оршански (Оршански, 1965) в качестве методологической основы расчета порога бедности для США; созданная при этом формула применяется американским правительством до сих пор.

С позиции депривационного подхода, предложенного британским экономистом Р. Таунсендом (Townsend, 1979), бедность оценивается исходя из недостаточности ресурсов для обеспечения стандартов потребления (базовых потребностей), сложившихся в обществе. Он экспертным путем сформировал список испытываемых индивидом «лишений», свидетельствующий о невозможности для него поддерживать считающийся минимально приемлемым на данном этапе развития образ жизни (Кормишкина, Ермакова, 2021). Заметим, что именно Таунсенд обратил внимание на то, что значительная концентрация испытываемых «лишения» («депривации») индивидов (домашних хозяйств) наблюдается до уровня доходов, равного 50–60% Me. Примечательно, что в 1990-е гг. такой подход к определению бедности получил широкое признание в развитых экономиках.

В теории функциональных возможностей, разработанной лауреатом Нобелевской премии в области экономики А. Сен, бедность рассматривается как крайняя форма проявления экономического неравенства и представляется результатом лишения человека базовых «функциональных возможностей». Причем выбор «набора возможностей», согласно данной теории, зависит от системы ценностей, которую разделяет индивид; он отражает также свободу выбора им одного из множества образов жизни (Sen, 1987). В таком контексте сведение анализа бедности исключительно к изучению различий в доходах признается А. Сен ошибочным.

Относительно субъективного подхода к оценке бедности считаем необходимым заметить, что его наиболее конкретные методы и модели были предложены А.В. Банерджи и Е. Дуфло (Banerjee, Duflo, 2012; Banerjee, Duflo, 2019), М. Лобуе и Ф. Полмисано (Lobue, Polmisano, 2021). В качестве эффективного при-

кладного инструментария политики по снижению бедности здесь предлагается активнее использовать рандомизированный эксперимент. Упомянутые ранее нобелевские лауреаты по экономике А. V. Banerjee и Е. Duflo были в авангарде экспериментальной революции в борьбе с бедностью и создания концепции экономики развития. В контексте последней одним из главных препятствий и реальных ограничителей для возможных темпов роста и экономического развития являются «ловушка низкого уровня доходов» (J. B. DeLong, L. H. Summers, P. Lucas) и «ловушка среднего дохода» (термин введен в научный оборот в 2007 г.), обусловленная неспособностью страны поддерживать переход от отраслей с низкой добавленной стоимостью к отраслям с высокой добавленной стоимостью, недостаточным социальным капиталом и проблемными институтами, ростом неформальной экономики и т. д. (Guriev, Treisman, 2019).

В российской экономической науке феномен бедности обозначился в качестве предмета исследования только в начале 1990-х гг. (в дореформенной России имело место идеологическое отрицание этой проблемы). К настоящему времени наиболее широкую известность и научное признание получили труды Л. Н. Овчаровой (Овчарова, 2009; Овчарова, 2017; Овчарова и др., 2022), В. А. Литвинова (Литвинов, 2021), В. Н. Бобкова и Е. В. Одинцовой (Бобков, Одинцова, 2019; Бобков и др., 2020), в которых представлены критерии идентификации и индикаторы бедности; показаны особенности российской бедности и ее профиля; предлагаются и обосновываются меры по сокращению крайней бедности с учетом существующих сегодня возможностей экономики России.

В последнее время растущее внимание со стороны отечественных ученых и специалистов привлекают вопросы, обусловленные произошедшим в стране в 2021 году изменением методики определения базовой черты бедности. Правительство РФ отказалось от подхода, связанного с применением потребительской корзины, в пользу подхода, при котором черта бедности высчитывается в процентах от Me. По мнению ряда отечественных ученых (Бобков и др., 2022), такая «новация» лишает общество возможности контроля над корректностью расчетов.

Таким образом, можно констатировать незавершенность дискуссии и недостаточную разработанность отдельных принципиальных теоретико-методологических аспектов бедности. Эта ситуация, помимо искажения реальной картины благосостояния России, ограничивает возможность задействовать факторы конкурентоспособности (прежде всего качество человеческого капитала) в интересах обеспечения долговременного и устойчивого экономического роста.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании несостоятельности осуществленного в 2021 году перехода России на новую методику определения национальной линии бедности; статистическом тестировании гипотезы о высоком региональном неравенстве по доходам как одной из основных особенностей российской бедности, ограничивающей возможные темпы роста экономики; в формировании минимально необходимого инструментария государственной политики по содействию сокращению бедности в стране.

Методы исследования

Методология исследования базируется на системном подходе, обладающем высоким исследовательским и объясняющим потенциалом. Он представляет собой особую методологию научного анализа и мышления, которая позволяет всесторонне, комплексно, а значит, более объективно и конструктивно подойти к изучению экономической действительности; дает возможность построить целостную картину исследуемого объекта, рассматривать последний в органической взаимосвязи с факторами его окружения.

В исследовании были использованы следующие специальные методы.

1. Формирование баз данных, необходимых для отображения линий бедности в России и других странах мира за 2000–2022 гг. Информационной базой при этом послужили данные Росстата, Евростата, usa.gov, Всемирного банка, ежегодные отчеты Credit Suisse Institute и др.

2. Интеллектуальный анализ данных с инструментальной поддержкой Microsoft Excel, ППП SPSS, R, включающий:

- регрессионный анализ для проведения группировки субъектов Российской Федерации по характеру взаимосвязи уровня бедности (эн-

догенная переменная Y) с объемом ВРП на душу населения (экзогенная переменная X); идентификация полученных моделей была осуществлена с помощью дисперсионного анализа, тестирования статистических гипотез о достоверности моделей и существенности их параметров (критерии Фишера и Стьюдента), определения коэффициентов корреляции, детерминации и средней ошибки аппроксимации;

– метод k -средних, используемый в рамках кластерного анализа для предварительного разбиения на группы большого набора данных, чтобы спрогнозировать количество кластеров (в нашем случае $k = 4$) и проверить наличие неучтенных данных и связей в наборах. Объектный состав кластеров определяется исходя из минимизации изменчивости выбранных параметров внутри кластера и максимизации их изменчивости между кластерами (евклидовы расстояния наблюдений от так называемых центров (средних значений) по каждому параметру);

– структурно-сравнительный анализ отраслевой структуры ВРП субъектов Федерации в рамках построенных кластеров; сопоставление уровней бедности с изменением средних показателей структурных составляющих душевого ВРП для каждого кластера; построена матрица парных коэффициентов корреляции, анализ которой осуществлен с помощью таблицы Чеддока.

Такой анализ важен для тестирования гипотезы о том, что существенная дифференциация регионов по уровню доходов в рамках одинаковых видов деятельности – одна из особенностей российской бедности.

Результаты и их обсуждение

Парадокс российской системы благосостояния

Проведенный анализ официальных фактологических данных свидетельствует о том, что, несмотря на непростую ситуацию, обусловленную социально-экономическими последствиями пандемии COVID-19 и международных санкций против России, последняя, даже по международным оценкам, представляет собой производительное и богатое государство. Это подтверждается, прежде всего, результатами, полученными в ходе сравнительного анализа стран мира по душевому ВВП (показатель уров-

ня экономической активности и качества жизни населения). По данным Всемирного банка, в 2022 году его значение в РФ превысило 15 тыс. долларов США и приблизилось к рекордному уровню 2013 года; в рейтинге из 145 государств по этому показателю Россия поднялась на 61 место, улучшив свою позицию по сравнению с 2020 годом (65 место).

Кроме того, проведенный анализ подтвердил еще более сильные позиции Российской Федерации в мировом рейтинге по душевому совокупному национальному богатству (45 место из 251 государства по итогам 2022 года). Причем в структуре национального богатства России наибольший удельный вес приходится не на природный (20%) и производственный (33%), а на человеческий капитал (46%); вместе с тем такое значение показателя намного меньше, чем в странах ОЭСР (70%)³.

Определенное представление об экономическом и производственном потенциалах Российской Федерации в сравнении с некоторыми другими странами мира формируют данные, представленные в *таблице 1*. Согласно им национальное богатство РФ, к сожалению, не переходит в благосостояние россиян с низким уровнем доходов (более низкий уровень заработной платы занятых в экономике, без учета максимальных заработков, является тому подтверждением); оно, наоборот, сопровождается усилением социального неравенства вследствие растущей концентрации национального богатства в рамках верхнего дециля населения⁴; существенным превышением фактических значений коэффициента бедности над его предельно допустимым уровнем в 7%. Справочно: коэффициент бедности снизился в 2000–2012 гг. с 24,6 до 10,7%; демонстрировал рост в 2013–2018 гг. (с 10,7 до 13,3%); снижение до 10,5% в 2022 году за счет мер социальной поддержки малообеспеченных слоев населения в период пандемии COVID-19.

³ Всемирный банк. URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/>

⁴ К примеру, по данным Всемирного банка, в 2019 году коэффициент Джини по доходам составлял в РФ около 0,38 и был ниже, чем в США (0,41), но существенно выше, чем во Франции (0,285), Германии (около 0,32), Норвегии (0,286).

Таблица 1. Сравнительные макроэкономические параметры по отдельным странам мира, 2017 год

Показатель	Страна	США	Россия	Китай	Евразона
ВВП, млрд \$		19484	4027	23190	12700
Численность населения, млн человек		324,4	146,3	1410	338
Производственная и сельскохозяйственная часть ВВП* («реальный» ВВП), % от ВВП		20	34	48	27
Легальные и нелегальные мигранты, млн человек		≈20	≈6	н. д.	≈30
Числятся, но не проживают, млн человек		н. д.	12–13	н. д.	н. д.
Итого, млн человек, создающих ВВП		345	140	1410	368
Производство реального ВВП на «реальную» душу населения, долл. США		11295	9780	7900	9318
Заработная плата наемного персонала (средняя с учетом высших заработков) в месяц*, долл. США		5047	1713	1764	н. д.
Заработная плата работающих (без учета максимальных заработков) (95% персонала) в месяц, долл. США		≈4000	≈1000	≈1350	н. д.
*В долларах по ППС. Составлено по: Занин В. (2023). Россия быстро может стать самой развитой страной мира. Увеличение благополучия всех слоев населения, а малообеспеченных не менее чем в 2 раза возможно уже в 2023–2024 годах // Аргументы недели. № 5 (861). С. 18–19.					

Сказанное выше позволяет говорить об особом парадоксе сложившейся в Российской Федерации системы благосостояния, выраженном в существенном превышении реального уровня бедности населения по сравнению с его пороговым значением на фоне высоких показателей душевого совокупного национального богатства и экономического потенциала страны. Иными словами, богатство государства отнюдь не гарантирует отсутствия бедности его населения из-за высокого неравенства в распределении доходов и богатства.

Особенности новой методики определения национальной линии (черты) бедности в Российской Федерации и ее недостатки

Проведенное исследование в очередной раз убеждает в необходимости и значимости постановки вопроса об объективном измерении бедности, который является предметом особой текущей научной дискуссии. Напомним, что начиная с 1990 года для проведения международных сравнений Всемирным банком была установлена единая для всех стран мира методология – так называемая общемировая линия бедности, которая по мере увеличения разрывов в уровнях цен в разных странах периодически обновляется. Последнее обновление общемировой черты бедности произошло в сентябре 2022 года; порог бедности был повышен с 1,90 долл. США на человека в день по ППС 2011 года до 2,15 долл. США на человека в день по ППС 2017 года. Кроме того, Все-

мирный банк установил более высокие пороговые значения крайней бедности для стран с доходами ниже среднего и выше среднего уровня, которые составляют соответственно 3,65 и 6,85 долл. США на человека в день по ППС 2017 года⁵.

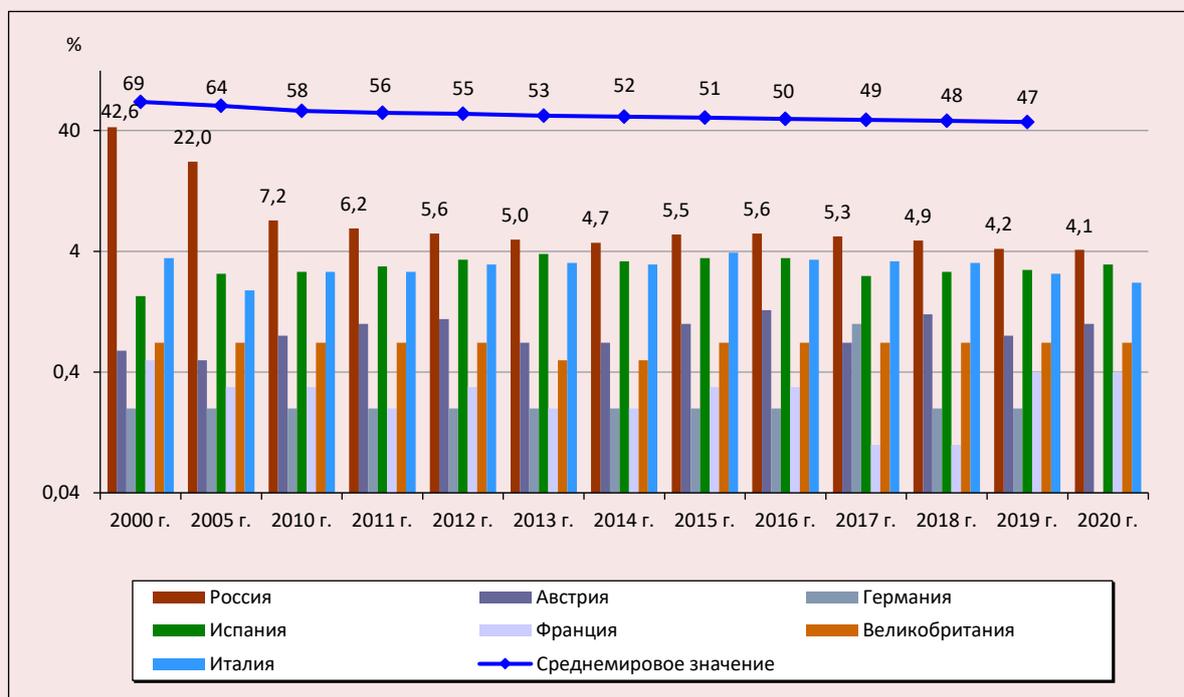
Сравнительный анализ глобального уровня бедности с аналогичным показателем по отдельным странам мира, включая Россию, определяемого на основе общемировой линии бедности в 6,85 долл. США на человека в день, представлен на *рисунке 1*.

Выбор такого показателя крайней бедности для России, в контексте сказанного ранее, обусловлен ее позициями в мировых рейтингах по показателям «ВВП на душу населения» и «совокупное национальное богатство на душу населения».

Согласно данным, приведенным на *рисунке 1*, в 2020 году в состоянии крайней бедности пребывали 4,1% россиян (справочно: в 2018 году – 4,9%; в 2019 году – 4,2%). Необходимо отметить, что из-за последствий пандемии COVID-19 и международных санкций России стало сложнее в рамках созданной институциональной среды преодолевать крайнюю бедность и улучшать условия жизни населения.

⁵ Updating the international poverty line with the 2017 PPPs. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/updates-international-poverty-line-2017-ppps>

Рис. 1. Сравнительный анализ отдельных стран и мира в целом по доле населения, проживающего за чертой бедности, 2000–2020 гг. (в постоянных ценах 2017 года по ППС)

Источник: данные Всемирного Банка. URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/>

Из сказанного выше следует, что главное предназначение общемировой черты бедности состоит в том, чтобы отслеживать динамику глобального уровня крайней бедности и оценивать тенденции в достижении глобальных целей ООН, Всемирного банка и других международных организаций в области устойчивого развития. Для оценки эффективности национальной модели развития и разработки стратегических решений по сокращению многомерной бедности в стране, учитывающей не только монетарные, но и немонетарные критерии этого феномена, необходима национальная линия бедности (абсолютная, относительная, субъективная, комбинированная).

В России со времен СССР и по 2020 год включительно для расчета национальной линии бедности (федерального прожиточного минимума) применялся только абсолютный подход, связанный с потребительской корзиной. Причем, как свидетельствует мировая и отечественная практика, способы формирования такой корзины могут быть различными: нор-

мативным, нормативно-статистическим, статистическим. В РФ с 2014 года и до перехода на новую методику расчета национальной черты бедности потребительская корзина формировалась нормативно-статистическим способом, при котором натуральное наполнение имела только ее продовольственная составляющая (50% от корзины), а две другие (непродовольственные товары и услуги) высчитывались в процентах от нее (по 25% каждая) независимо от уровня инфляции в стране. Главный недостаток упомянутого способа формирования потребительской корзины состоит в том, что он порождает заниженный уровень МРОТ и социальных трансфертов, хотя изначально предназначен для преодоления бедности (Кормишкин, Ермакова, 2021).

Обозначенный недостаток такого определения черты бедности, по мнению специалистов, возможно было устранить за счет перехода к нормативному способу формирования потребительской корзины по всем ее составляющим, который позволяет учитывать потребитель-

ские расходы «в реальной динамике соотношения цен» (Бобков и др., 2020). Вместо этого с 2021 года Правительство РФ отказалось от абсолютного подхода к определению черты бедности, связанного с конкретным потребительским стандартом, то есть с потребительской корзиной, в пользу относительного, при котором национальная граница бедности рассчитывается в процентах от медианного дохода; она была установлена на уровне 44,2% от Ме. Для сравнения: в странах Евросоюза этот индикатор бедности равен 60% от Ме; в государствах средней развитости – 50%, а в наименее развитых – 40% (Кормишкина, Ермакова, 2021). Примечательно, что базовая граница бедности при этом изменилась незначительно – с 11,6 тыс. рублей (Бобков и др., 2020); в 2022 году она была определена Росстатом на уровне 13545 рублей и в 2023 году еще не пересматривалась.

Заметим, что во всех странах ЕС, во всех государствах ОЭСР, на долю которых приходится около 60% мирового объема ВВП, в США, в Казахстане и некоторых других экономиках, используются оба подхода к определению национальной линии бедности (абсолютный и относительный). При этом последний служит для того, чтобы выявить, насколько потребление беднейших слоев общества, соответствующее корзине, отстает от среднего уровня потребления в стране. При значительном отставании либо потребительская корзина пересматривается в сторону увеличения, либо самым уязвимым слоям населения оказывается дополнительная социальная поддержка. В России, как отмечалось выше, в настоящее время официально рассчитывается только относительная линия бедности. При таком подходе граница бедности, по нашему мнению, выглядит сомнительно: она анализирует только доходы и не включает потребительские расходы, являющиеся основой для выявления набора «функциональных возможностей» индивида и его качества жизни.

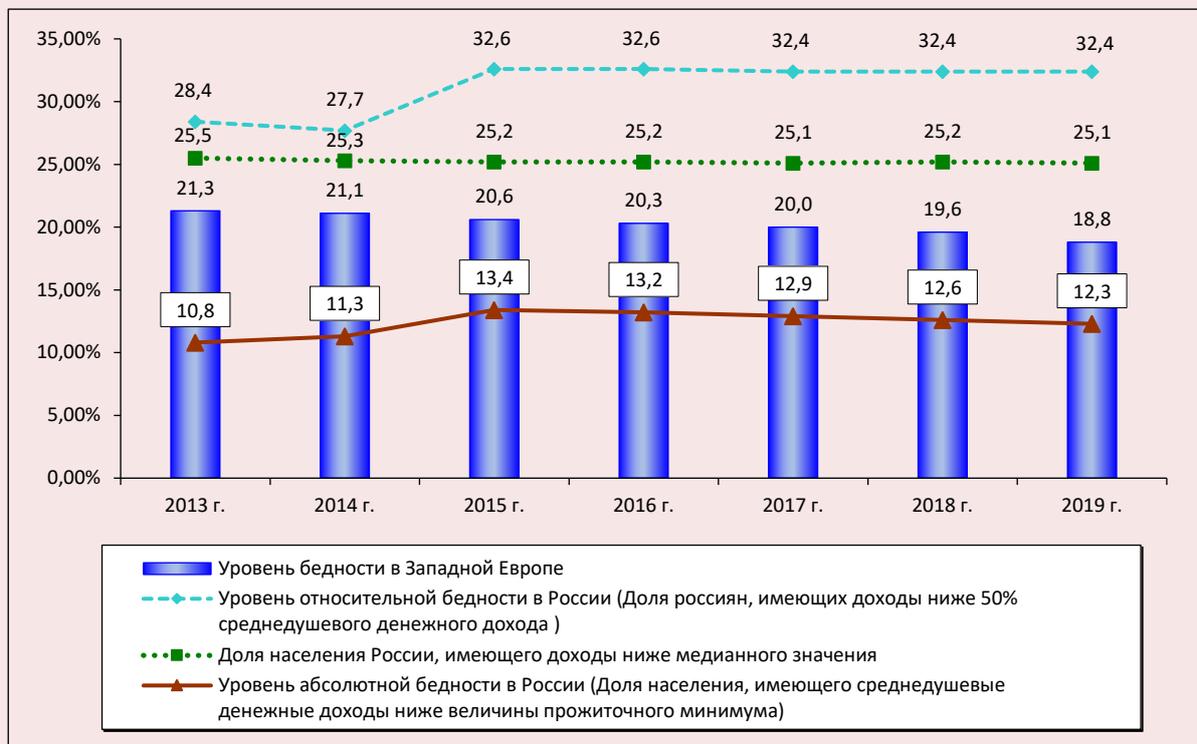
Мы разделяем позицию В.Н. Бобкова, состоящую в том, что отказ от нормативного подхода неправомерен еще и потому, что «медианный доход к низшим слоям населения имеет весьма отдаленное отношение. Разрушается механизм прозрачного определения прожиточного минимума» (Бобков и др., 2022, с. 80). Ины-

ми словами, общество лишается возможности контролировать корректность расчёта прожиточного минимума. Кроме того, принципиально заметить, что нынешняя официальная черта бедности в России не учитывает неденежные аспекты многомерной бедности (показатель Всемирного банка), касающиеся возможности решения жилищной проблемы, доступности качественных образовательных и медицинских услуг, санитарии, водоснабжения и пр., которые не просто дополняют монетарные критерии бедности, но и имеют крайне важное значение для повышения качества жизни беднейших слоев населения. В этом контексте российскими учеными была рассчитана социально приемлемая граница бедности для России, которая составляет не 13,5, а 32 тыс. рублей (Бобков и др., 2020). Таким образом, приходится констатировать расхождение между реальной и официальной чертой бедности, препятствующее сокращению многомерной бедности в РФ, отличающейся значительным человеческим капиталом.

Общее представление об абсолютной и относительной бедности в России (до изменения методики расчета этого феномена в РФ в 2021 году) в сравнении со странами Западной Европы формируют данные, приведённые на *рисунке 2*. Представленные здесь показатели подтверждают наличие не только существенного расхождения между абсолютной и относительной линиями бедности, но и занижение официальной границы бедности в стране, что придает этому феномену в реальной действительности хронический характер.

Как отмечалось выше, по итогам 2021 года, согласно данным Росстата, доля россиян с доходами ниже базовой границы бедности снизилась до 10,5% (наименьшее значение показателя за последние годы; до этого в 2012 году – 10,7%). Росстат объясняет этот факт ростом номинальных доходов населения за счет социальных выплат для разных категорий граждан (например, введением единого пособия, которое выплачивается с 12-й недели беременности до 17-летия детей); целевой адресной поддержкой государства, восстановлением экономической активности после COVID-19 с последующим ростом занятости и увеличением оплаты труда, ростом доходов от предпринимательской дея-

Рис. 2. Сравнительный анализ динамики уровней бедности населения в Российской Федерации и Западной Европе до пандемии COVID-19, %

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики и СПС «КонсультантПлюс».

тельности. В то же время среди факторов снижения бедности Росстат обозначил повышенную смертность пенсионеров из-за COVID-19 (среди этой социально-демографической группы доля малоимущих весьма существенна)⁶.

Относительно профиля российской бедности представляется принципиальным констатировать устойчивость и масштабность в ее структуре так называемой новой бедности. Это, по сути, означает преобладание на рынке труда низкодоходных рабочих мест; низкие заработные платы у группы активно работающих граждан с самосознанием, присущим представителям среднего класса (Стиглиц, 2015, с. 62). Такая ситуация указывает на необходимость радикальной трансформации российской системы благосостояния в контексте политики социального государства.

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>

Высокое региональное неравенство по душевым доходам, детерминирующее сохранение масштабной бедности в России

В ходе исследования была статистически подтверждена еще одна особенность российской бедности – высокое региональное неравенство по душевым доходам, которое при слабости социальных институтов (в их широком смысле) устойчиво воспроизводит низкий уровень доходов и качества жизни населения отдельных территорий. При этом региональное экономическое неравенство в РФ образца 2000-х гг. можно объяснить главным образом агломерационным эффектом крупных городов, усиливающимся за счет имеющихся здесь институциональных преимуществ, а также особым конкурентным преимуществом (предопределяется экспортно-сырьевой (рентной) моделью развития национальной экономики) в виде востребованных мировым рынком углеводородов (нефть, газ) или продуктов первичной переработки (Аганбегян, 2017). Оче-

видно, что высокий показатель душевого ВРП расширяет возможности не только для формирования доходной части бюджета, но и для перераспределительной политики и социальной поддержки нуждающихся граждан.

В рамках проведенного исследования была осуществлена статистическая проверка обозначенной гипотезы. В принципе такой подход вполне согласуется с получившей научное признание идеей о необходимости рассмотрения проблем экономического роста, неравенства доходов и порождаемых им социальных процессов не в отдельности, а в совокупности, во взаимосвязи между ними для определения эффективных инструментов социальной политики. Можно отметить, например, исследование А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты о влиянии избыточного неравенства (абсолютной бедности) на экономический рост, в котором внимание акцентируется, помимо прочего, на необходимости совместного использования эффектов перераспределения доходов и экономического роста для принципиального решения проблемы масштабной бедности в России (Шевяков, Кирута, 2009, с. 148). Однако в рамках анализа упомянутой выше особенности российской бедности – сохранение высокого регионального неравенства по доходам – представляется целесообразным выяснить влияние уровня экономической

активности и отраслевой структуры ВРП на уровень бедности в субъектах Федерации.

Исходя из визуального представления построенных дендрограмм кластеризации с помощью ППП Statistica на основе иерархических процедур: методов одиночной («ближайшего соседа»), полной («дальнего соседа»), средней связи и метода Уорда (Ward's method) – было сделано предположение о том, что субъекты РФ образуют четыре естественных кластера по линейной регрессионной зависимости $Y = a + b \times X + \epsilon$, где Y – уровень бедности населения в регионе, отображающий долю населения с доходом ниже линии (черты) бедности; X – ВРП на душу населения (рублей), как обобщающий показатель, характеризующий уровень экономической активности и качество жизни в конкретном субъекте Федерации и указывающий на происходящие изменения в региональном неравенстве (табл. 2).

Для Кластера I характерны самое высокое среднее значение ВРП на душу населения (1001957,77 руб.) и самое низкое среднее значение уровня бедности (6,94%); Кластеру II присущи самое низкое среднее значение ВРП на душу населения (522283,94 руб.) и умеренно высокое среднее значение уровня бедности (10,23%); Кластер III отличают умеренно среднее значение ВРП на душу населения

Таблица 2. Кластеризация субъектов РФ по линейной регрессионной взаимосвязи $Y = a + b \times X + \epsilon$

Кластер I (всего субъектов 9)	Кластер II (всего субъектов 13)	Кластер III (всего субъектов 47)	Кластер IV (всего субъектов 13)
г. Москва Липецкая область Ленинградская область Нижегородская область Воронежская область Белгородская область г. Санкт-Петербург Республика Татарстан Московская область	Свердловская область Ярославская область Калужская область Курская область Тульская область Краснодарский край г. Севастополь Тамбовская область Тверская область Волгоградская область Удмуртская Республика Республика Башкортостан Республика Адыгея	Сахалинская область Чукотский автономный округ Магаданская область Мурманская область Владимирская область Хабаровский край Самарская область Ростовская область Костромская область Приморский край Челябинская область Пензенская область Орловская область Кемеровская область – Кузбасс Рязанская область Архангельская область Вологодская область Пермский край Омская область Новосибирская область Ивановская область	Тюменская область Республика Коми Красноярский край Республика Хакасия Чеченская Республика Республика Бурятия Республика Саха (Якутия) Карачаево-Черкесская Республика Еврейская автономная область Республика Алтай Республика Калмыкия Республика Тыва Республика Ингушетия

Окончание таблицы 2

Кластер I (всего субъектов 9)	Кластер II (всего субъектов 13)	Кластер III (всего субъектов 47)	Кластер IV (всего субъектов 13)
		Брянская область Ставропольский край Новгородская область Калининградская область Кировская область Томская область Республика Северная Осетия – Алания Оренбургская область Ульяновская область Саратовская область Камчатский край Амурская область Смоленская область Псковская область Республика Карелия Республика Дагестан Астраханская область Чувашская Республика Республика Крым Республика Мордовия Забайкальский край Иркутская область Алтайский край Республика Марий Эл Кабардино-Балкарская Республика Курганская область	
Источник: составлено авторами на основе построенных корреляционных уравнений по данным: https://www.fedstat.ru/indicator/59577?ysclid=lgknjza0j9446756822 (Y); https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FVRP_s_1998.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (X)			

(676616,20 руб.) и заметно высокое среднее значение уровня бедности (13,44%); Кластер IV характеризуется заметно высоким средним значением ВРП на душу населения (747909,70 руб.) и самым высоким средним значением уровня бедности (20,75%).

Кроме того, была осуществлена проверка значимости различий между полученными группами с помощью метода k-средних (в нашем случае $k = 4$).

Качественные характеристики и критерии линейных регрессионных моделей для каждого кластерного образования приведены в *таблице 3*, а на *рисунке 3* представлены линейные регрессионные зависимости уровня бедности от величины душевого ВРП для четырех сформированных кластеров.

Коэффициенты линейной корреляции ($r_1 = -0,814$; $r_2 = -0,729$; $r_3 = -0,716$; $r_4 = -0,721$) свидетельствуют о наличии сильной обратной связи между уровнем бедности и душевым ВРП для каждого из четырех построенных кластеров.

Коэффициенты детерминации ($R_1^2 = 0,662$; $R_2^2 = 0,531$; $R_3^2 = 0,512$; $R_4^2 = 0,52$), характеризующие долю вариации зависящей переменной (Y), обусловленной вариацией объясняющей переменной (X), превышают 0,5.

Это означает, что уровень бедности населения в каждой построенной для региона регрессионной модели (Y) более чем на 50% объясняется изменением ВРП на душу населения (X) и на оставшуюся долю – изменением неучтенных нами факторов. Значение R^2 более 50% позволяет считать построенные регрессионные модели приемлемыми для дальнейшего исследования.

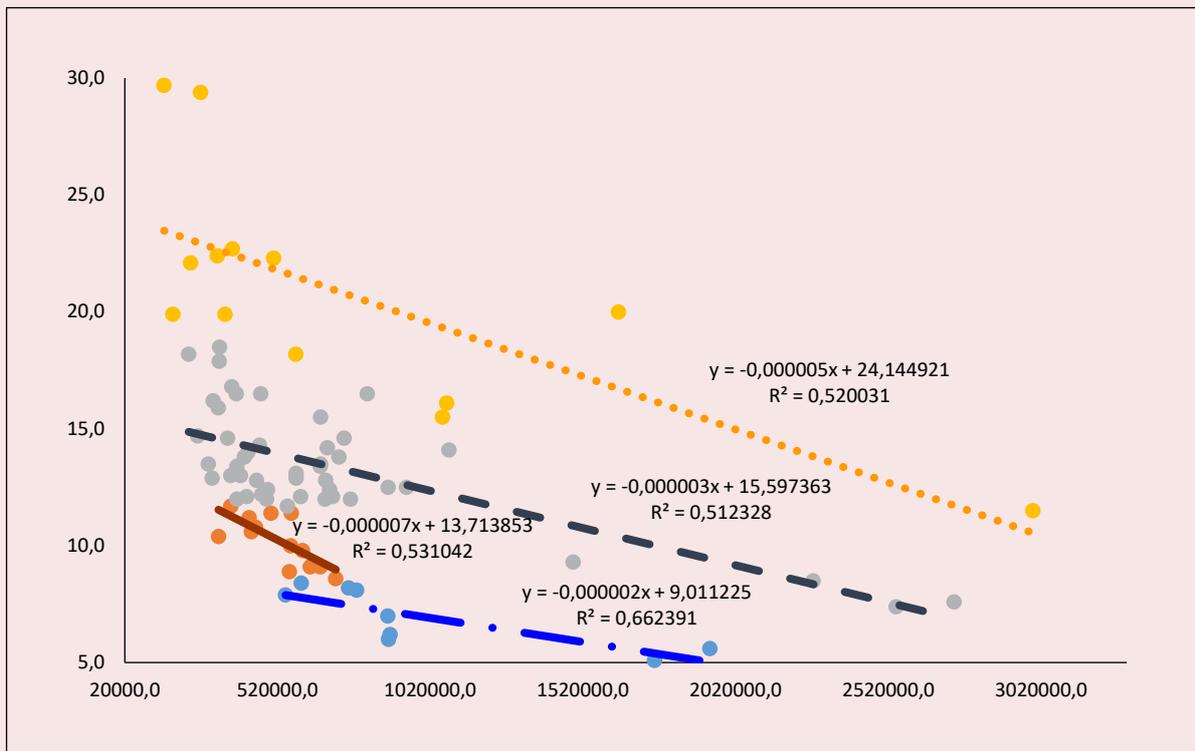
Коэффициенты линейных уравнений регрессии ($Y = 9,011225 - 0,000002 \times X + \varepsilon$; $Y = 13,713853 - 0,000007 \times X + \varepsilon$; $Y = 15,593363 - 0,000003 \times X + \varepsilon$; $Y = 24,144921 - 0,000005 \times X + \varepsilon$) являются статистически значимыми при уровне значимости $\varepsilon = 0,01$, сами регрессии – надежными по критерию Фишера при уровне значимости $\varepsilon = 0,01$ и, следовательно, применимыми для исследования и прогнозирования.

Таблица 3. Качественные характеристики и критерии линейных регрессионных моделей для каждого кластерного образования субъектов РФ

Кластер	I	II	III	IV
Численность кластера N_i	9	13	47	13
Среднее значение уровня бедности, % \bar{Y}_i	6,94	10,23	13,44	20,75
Среднее значение объема ВРП на душу населения, руб. \bar{X}_i	1001957,77	522283,94	676616,20	747909,70
Коэффициент корреляции r_i	-0,814	-0,729	-0,716	-0,721
Коэффициент детерминации R_i^2	0,662	0,531	0,512	0,520
Линейная регрессия	$Y = 9,011225 - 0,000002 \times X + \epsilon$	$Y = 13,713853 - 0,000007 \times X + \epsilon$	$Y = 15,593363 - 0,000003 \times X + \epsilon$	$Y = 24,144921 - 0,000005 \times X + \epsilon$
Критерий Фишера F	13,734 (Значимость F = 0,008)	12,456 (Значимость F = 0,005)	47,275 (Значимость F = 0,000)	11,918 (Значимость F = 0,005)
Средняя относительная ошибка аппроксимации, %	8,86	5,16	9,75	13,06

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Линейные регрессионные зависимости уровня бедности от величины ВРП на душу населения для кластеров субъектов РФ

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Корреляционный анализ влияния составляющих ВРП (X1 – X19) на уровень бедности (Y)

Кластер		I	II	III	IV
Уровень бедности, %	Y	1,00	1,00	1,00	1,00
ВРП на душу населения	X	-0,81	-0,73	-0,72	-0,72
Сельское хозяйство	X ₁	0,52	0,21	0,25	0,47
Добыча	X ₂	-0,14	0,15	-0,36	-0,63
Обработка	X ₃	0,68	-0,42	0	-0,48
Обеспечение электроэнергией	X ₄	0,39	-0,03	-0,17	-0,14
Водоснабжение	X ₅	0,5	-0,43	0,21	-0,15
Строительство	X ₆	0,51	0,03	0,04	0,31
Торговля	X ₇	-0,6	-0,01	0,25	0,3
Транспорт и хранение	X ₈	0,08	-0,16	0,08	-0,01
Гостиницы и общепит	X ₉	-0,45	0,05	0,25	0,03
ИТ и связь	X ₁₀	-0,48	0,08	0,45	0,81
Финансы	X ₁₁	-0,58	-0,33	0,28	-0,34
Недвижимое имущество	X ₁₂	-0,61	0,26	0,37	0,76
Наука	X ₁₃	-0,4	-0,26	0,04	-0,44
Административная деятельность	X ₁₄	-0,62	-0,04	0,05	-0,12
Государственное управление	X ₁₅	0,01	0,22	0,21	0,86
Образование	X ₁₆	0,32	0,55	0,49	0,83
Здравоохранение	X ₁₇	0,11	0,42	0,44	0,87
Культура	X ₁₈	-0,26	0,02	0,07	0,88
Прочие услуги	X ₁₉	-0,46	-0,05	0,29	0,39

Источник: составлено авторами.

Кроме того, был проведен корреляционный анализ зависимости уровня бедности от составляющих ВРП (видов экономической деятельности) для каждого из четырех кластеров; иными словами, от различий в экономическом положении с точки зрения экономической значимости отраслевых групп и их конкурентоспособности (табл. 4).

Анализ данных таблицы 4, предполагающий учет тесноты (силы) корреляционной связи между уровнем бедности и составляющими ВРП с учетом известной таблицы Чеддока в разрезе построенных кластеров (см. табл. 2), позволяет не только сделать вывод о наличии заметной или сильной обратной связи между уровнем бедности с составляющими (видами экономической деятельности) ВРП, свойственными рентной (экспортно-сырьевой) модели роста экономики (добыча, сельское хозяйство, финансы и банковская деятельность, недвижимое имущество, торговля, административная деятельность и др.), но и обнаруживает заметную межрегиональную дифференциацию душевых доходов внутри отраслей (видов эко-

номической деятельности). Иными словами, несмотря на предельную упрощенность, построенная модель дает возможность сделать вполне реалистичный вывод об отсутствии должной распределительной связности российской экономики.

Первоочередные меры государственной политики по оздоровлению российской системы благосостояния и сокращению масштабной бедности населения в РФ с учетом возможностей ее экономики

Бесспорно, радикальное изменение сложившейся в сегодняшней России ситуации с многомерной бедностью, детерминированной высоким социальным неравенством, хотя и зависит от многих объективных и субъективных факторов, но в конечном счете определяется потенциалом устойчивого (в критериях глобальной Повестки – 2030) экономического роста. Совместное использование эффектов последнего и перераспределения доходов может дать принципиальное решение проблемы крайней бедности и увеличения благополучия малообеспеченных слоев населения РФ.

В таком контексте, не дожидаясь завершения специальной военной операции, на наш взгляд, необходимо принципиальное оздоровление сложившейся в России системы благосостояния, включающее радикальные меры по сокращению многомерной бедности населения и опирающееся на существующие сегодня возможности ее экономики.

Учитывая установленные в рамках исследования парадоксы российской системы благосостояния («богатая страна – бедное население»; «бедные – активно работающие граждане») и подтвержденные особенности бедности населения в РФ (заниженная официальная черта бедности, обуславливающая хронический характер крайней бедности; высокое региональное неравенство по доходам, детерминирующее масштабную новую бедность), на основании анализа и обобщения лучших мировых практик, работ ведущих отечественных и зарубежных ученых в исследуемой предметной области научного знания, а также имеющих у авторов статьи наработок по феномену неравенства и бедности (Kormishkina et al., 2021) считаем возможным предложить следующее:

1) необходимо разработать новую модель национального мониторинга бедности, методологической основой которой должна стать национальная согласованная линия бедности, полученная путем комбинирования различных альтернативных линий бедности с соответствующими показателями и индикаторами, что имеет принципиальное значение для объективной оценки уровня и профиля бедности в стране в интересах формирования действенной социальной поддержки бедных и малообеспеченных домохозяйств на различных этапах их жизненного цикла;

2) учитывая преобладание в профиле российской бедности трудоспособного населения и связанного с ним такого парадокса, как «активно работающие, но бедные», для искоренения этого негативного явления крайне важно привести цену труда наемных работников в РФ в соответствие с ее стандартами в развитых странах; принципиальное значение приобретает форсирование неоиндустриальной модернизации отечественной экономики, создающей необходимые условия для преодоления упомянутой ранее «ловушки низкого уровня доходов

и технологии» и повышения производительности общественного труда; расчеты специалистов подтверждают имеющуюся у России возможность установить уже в текущем (2023) году для работающего населения минимальный размер оплаты труда на уровне 1,5 от границы бедности;

3) необходим радикальный пересмотр перераспределительной политики государства посредством увеличения доходов малоимущих в целях решения проблемы усиливающегося разрыва «богатые – бедные», например, отмена НДФЛ для граждан, живущих за чертой бедности, сопровождаемая поэтапным повышением налоговой нагрузки на сверхдоходы (до 30–35% от месячного дохода); кроме того, повышенному налогообложению должны подлежать строительство дорогого жилья, дорогих гостиниц и торговых сетей, недоступных среднему классу;

4) требуется осуществить переход от действующей (преимущественно пассивной) системы социальной защиты к новой ее модели, ориентированной на развитие (меры в рамках «новой семейной политики»; расширение практики заключения контрактов по адаптации трудоспособных незанятых членов домохозяйств и т. п.), что позволит повысить роль адресных программ в снижении глубины бедности и социального неравенства в стране.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что результаты проведенного исследования феномена бедности способствуют определенному приращению научного знания в следующем:

1) выдвижение и теоретическое обоснование идеи о парадоксе сложившейся в России системы благосостояния, который заключается в существенном превышении реального уровня бедности населения по сравнению с его пороговым значением на фоне высоких показателей совокупного национального богатства и экономического потенциала страны («богатая страна малообеспеченных людей») и требует быстрого оздоровления общественных отношений, включая разработку комплекса радикальных мер по сокращению крайней бедности, опираясь на существующие возможности национальной экономики;

2) теоретическое обоснование (с позиции концепций «социального государства» и «экономики развития») неправомочности произошедшего в 2021 году отказа России от нормативного подхода к определению базовой черты бедности (позволяет учитывать, наряду с денежными доходами, потребительские расходы в реальной динамике соотношения цен) в пользу только относительного (44,2 Ме), что разрушает механизм прозрачного измерения прожиточного минимума, занижает реальный уровень бедности, придает ей хронический характер и, в конечном итоге, ограничивает возможные темпы роста экономики;

3) построение пригодных для исследования и прогнозирования регрессионных зависимостей между уровнем бедности и душевым ВРП (с учетом его отраслевой структуры) для субъектов РФ, которые не только подтверждают наличие заметной и сильной обратной связи между уровнем бедности с составляющими (видами экономической деятельности) ВРП, свойственными утвердившейся в России рентной (экспортно-сырьевой) модели роста экономики, но также обнаруживают заметную межрегиональную дифференциацию душевых доходов внутри отраслей (видов экономической деятельности), что указывает на отсутствие должной распре-

лительной связности отечественной экономики; сформированные на основе таких регрессионных зависимостей кластеры подтверждают сохранение высокого регионального неравенства по доходам в качестве одной из ключевых особенностей российской бедности, придающей многомерной бедности в РФ хронический характер;

4) предложены минимально необходимый экономический инструментарий государственной политики в области содействия сокращению бедности населения в ее крайних формах.

И последнее. Авторы данного исследования вполне осознают, что круг затронутых в нем вопросов настолько сложен и масштабен, что оставляет мало шансов на выработку итоговых и окончательных ответов на них. Необходимо учитывать незавершенность дискуссии по отдельным теоретико-методологическим аспектам феномена бедности, например о новой модели его мониторинга, об универсальности и альтернативности линий бедности и др. В связи с этим предстоит более глубоко изучить методологию комбинирования множественных альтернативных линий бедности, которая имеет принципиальное значение по содействию сокращению бедности в России.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2017). Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению // ЭКО (Всероссийский экономический журнал). Т. 47. № 9. С. 66–84. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-9-66-84
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. (2022). Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. № 1. С. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Сафронова А.М. (2021). Социально приемлемая потребительская корзина // Уровень жизни населения регионов России. Т. 15. № 2. С. 8–26. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10060
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020). Низкий уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. (2020). Актуальность разработки национальной Программы повышения доходов, снижения бедности и неравенства // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 2. С. 9–24. DOI: 10.19181/lspr/2020.16.2.1
- Бобылев С.Н., Соловьева С.В. (2017). Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 26–34. URL: <https://ecfor.ru/publication/03-tseli-ustojchivogo-razvitiya/> (дата обращения 20.05.2023).
- Ильин В.А. (2017). «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1

- Сенчагов В.К., Максимов Ю.М., Митяков С.Н. [и др.] (2013). Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / под ред. В.К. Сенчагова. Москва: Анкил. 683 с.
- Кормишкина Л.А., Ермакова Э.Р. (2021). К вопросу об измерении национальной линии бедности // Национальная безопасность / nota bene. № 3. С. 1–15. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.3.35821
- Литвинов В.А. (2021). Прожиточный минимум: история, методика, анализ. Москва: Ленанд. 280 с.
- Овчарова Л.Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Москва: М-Студио. 267 с.
- Овчарова Л.Н. (2017). Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // Вопросы экономики. № 3. С. 5–21. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-3-5-21
- Овчарова Л.Н., Синявская О.В., Бирюкова С.С. [и др.]. (2022). Социальная защита в России: развилки будущего // Вопросы экономики. № 6. С. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-5-31
- Оршански М. (1965). Подсчет бедных: еще один взгляд на профиль бедности // Бюллетень социального обеспечения. Т. 28. № 3. С. 3–29.
- От редакционной коллегии: Институционализм бедности и бедность институционализма (2015) // Экономист. № 9. С. 30–38.
- Сакс Дж. (2011). Конец бедности. Экономические возможности нашего времени: пер. с англ. Москва: Изд-во института Гайдара. 424 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2015). Цена неравенства. Чем рассмотрение общества грозит нашему будущему: пер. с англ. Москва: Эксмо. 512 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99 % населения?: пер. с англ. Москва: Эксмо. 480 с.
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2009). Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. Москва: М-Студио. 192 с.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2012). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. New York: Public Affairs.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public Affairs.
- Guriev S., Treisman D. (2019). Informational autocrats. *Journal of Economic Perspectives*, 33(4), 100–127. Available at: https://econ.ntu.edu.tw/uploads/asset/data/60b469f548b8a1027b023ecc/HKBU_1100602.pdf
- Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Ermakova E.R., Koloskov D.A. (2021). An approach to assessing the national multidimensional poverty line in Russia. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, 8(3), 324–336. DOI: 10.15549/jeecar.v8i3.778
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, 45(1), 1–28. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1811581>
- Lobue M.C., Polmisano F. (2021) The individual poverty. Incidence of growth. *Bulletin of Economics and Statistics*, 82(3), 1295–1321.
- Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press. DOI:10.1017/S0047279415000616
- Piketty T. (2020). *Capital and Ideology*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Sen A. (1987). *The Standard of Living*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/S0266267100001334
- Townsend P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Berkeley: University of California Press.

Сведения об авторах

Евгений Данилович Кормишкин — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Ирина Анатольевна Иванова – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора экономического института, доцент кафедры, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68; e-mail: ivia16@mail.ru)

Ирина Владимировна Моисеева – старший преподаватель, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68; e-mail: moira-22@mail.ru)

Kormishkin E.D., Ivanova I.A., Moiseeva I.V.

On the Issue of Poverty in Russia: Facts, Paradoxes, Specifics, and Alleviation Prospects

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the need to reduce poverty in Russia to improve the quality of human capital in order to ensure long-term and sustainable growth of its economy. The paradox of the current welfare system in the country has been established: a significant excess of the real poverty rate compared to its maximum permissible value against the background of high indicators of total national wealth and economic potential of the country. The aim of the study is to theoretically substantiate the failure of Russia's transition in 2021 to a new methodology for determining the national poverty line; to statistically test the hypothesis of high regional income inequality as one of the main features of Russian poverty, limiting the possible rates of economic growth; to formulate the minimum necessary tools of state policy to promote poverty reduction in the country. The research methodology is based on the system approach; on the application of methods of correlation, regression, cluster analysis of data (including the method of k-means and hierarchical clustering), methods of classification, comparison, contrast and time series analysis. The models were identified by means of analysis of variance, testing of statistical hypotheses about the reliability of models and the significance of their parameters, coefficient of determination. In the context of the concepts of "social state" and "sustainable development" the inappropriateness of Russia's rejection of the normative approach to the definition of the national poverty line in favor of only a relative approach (44.2% of Me) was substantiated. Regression dependencies between the poverty rate and per capita GRP (taking into account its structural components) were constructed for Russia's constituent entities; four clusters were formed on the basis of such dependencies, within which direct and inverse relationships of different strength between the poverty rate and structural components of per capita GRP were identified. The minimum necessary toolkit of state policy to promote poverty reduction in Russia, taking into account the existing capabilities of its economy, was formed.

Key words: economic growth, human capital, social inequality, poverty, cost of living, median income, national poverty line, redistributive policies.

Information about the Authors

Evgenii D. Kormishkin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Irina A. Ivanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, deputy director of the economics institute, associate professor of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: ivia16@mail.ru)

Irina V. Moiseeva – Senior Lecturer, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: moira-22@mail.ru)

Статья поступила 07.06.2023.

Социально-экономическая уязвимость региональных сообществ: опыт социологической интерпретации и измерения

**Юлия Михайловна
ПАСОВЕЦ**

Курский государственный университет
Курск, Российская Федерация

e-mail: yulia_pasovets@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3626-7933; ResearcherID: M-4801-2017

Аннотация. Актуальность исследования социально-экономической уязвимости российских регионов обусловлена необходимостью выявления их внутренних характеристик, свидетельствующих о нерешенных и вновь появляющихся социальных проблемах, ослабляющих возможности их функционирования и продуктивной динамики. В статье поставлена цель уточнить понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества; определить возможности ее социологического измерения на основе сочетания данных объективного и субъективного характера; на примере регионов Центрального Черноземья выявить значимые характеристики уязвимости их социоэкономической сферы в современных условиях. Оригинальность постановки цели и ее достижения связана с трактовкой рассматриваемого феномена через призму ключевых социальных проблем, проявляющихся в объективных характеристиках и субъективных оценках населения, с выдвижением методического подхода к ее социологической диагностике на основе переосмысления эвристических возможностей методического инструментария межрегиональной научной программы, с оценкой важных параметров социально-экономической уязвимости центрально-черноземных регионов. Эмпирическим объектом исследования выступают регионы Центрального Черноземья России – Воронежская, Курская и Липецкая области. Информационную основу исследования составляют данные государственной статистики (Росстата); эмпирическую базу – результаты репрезентативного опроса населения рассматриваемых регионов (N=1200 человек) по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона».

Для цитирования: Пасовец Ю.М. (2023). Социально-экономическая уязвимость региональных сообществ: опыт социологической интерпретации и измерения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 236–253. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.13

For citation: Pasovets Yu.M. (2023). Socio-economic vulnerability of regional communities: Sociological interpretation and assessment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 236–253. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.13

России». Уточнено понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества, понимаемой как его состояние, обусловленное внутренними характеристиками социоэкономической сферы, концентрирующими в себе социальные проблемы объективно-субъективной природы. Определены возможности ее диагностики на основе сочетания измерения объективных фактов и субъективных оценок по ряду показателей вышеуказанных программы и методики. Выявлены ключевые уязвимости социоэкономической сферы центрально-черноземных регионов в современных условиях: распространенность бедности и высокая степень социально-экономической дифференциации населения в субъективном измерении; нисходящая краткосрочная динамика материального положения значительной доли населения. Полученные результаты расширяют научные представления о социально-экономической уязвимости региональных сообществ и могут использоваться для определения имеющих объективно-субъективную природу социальных проблем регионов и поиска способов их решения.

Ключевые слова: социально-экономическая уязвимость, материальное положение, бедность, социально-экономическая поляризованность, региональное сообщество, российское общество.

Введение

В современных условиях российское общество продолжает сталкиваться с новыми вызовами для своего социально-экономического развития, поиск адекватного ответа на которые во многом связан с выявлением и анализом его уязвимостей как «болевых точек», свидетельствующих о нерешенных и вновь появляющихся социальных проблемах и ослабляющих возможности противостояния угрозам и рискам. В ситуации сохранения существенной региональной дифференциации российского социума (Беляева, 2021; Шабунова и др., 2022; Социокультурная эволюция России..., 2022) особенно актуализируется проблематика социально-экономической уязвимости населения отдельных российских макрорегионов и регионов.

В сфере социальных наук возникновение интереса исследователей к изучению уязвимости социальных общностей и ее социально-экономической составляющей во многом связано с появлением теории устойчивого развития. В процессе развития последней ключевое значение приобретают категории устойчивости и резилиентности, осуществляется их противопоставление уязвимости. По замечанию американского ученого В.Л. Турнер, теория устойчивого развития способствовала концентрации внимания современных исследователей на изучении системы «человек — окружающая среда» и дальнейшее развитие этой теории было связано с исследованием обозначенной системы через призму противопоставления резилиент-

ности и уязвимости как двух ее противоположных потенциальных состояний (Turner, 2010).

Следует отметить, что до настоящего времени в научном сообществе не выработано однозначного понимания соотношения между устойчивостью и резилиентностью, которая трактуется по-разному: и как понятие, тождественное устойчивости (Zeng et al., 2022), и как особая характеристика устойчивости — динамическая устойчивость социальных систем (Смординская, Катуков, 2021), и как самостоятельный феномен — шокоустойчивость (Жихаревич и др., 2020). Оставляя за рамками работы анализ этого соотношения и сосредоточив внимание на обзоре последних исследований социально-экономических аспектов уязвимости, подчеркнем, что, несмотря на неясность интерпретаций устойчивости и резилиентности, в современных социально-экономических исследованиях достаточно четко заявляется об их противоположности уязвимости.

В последнее время противопоставление устойчивости и резилиентности, с одной стороны, и уязвимости, с другой, как двух противоположных состояний или характеристик изучаемых объектов находит применение в исследовании различных социальных систем, функционирование и динамика которых в современном мире осуществляются в условиях усиления разнообразных рисков. Среди новейших разработок в этом предметном поле можно назвать исследования зарубежных и российских авторов, посвященные корпоративной устойчи-

ности — уязвимости бизнеса в период пандемии COVID-19 (Ikram et al., 2020); резилентности — уязвимости регионов под воздействием экономических шоков (Bruneckiene et al., 2019); устойчивости — уязвимости развития сельских территорий в условиях глобальной нестабильности (Вяльшина, 2022) и других аспектов.

Наряду с этим наблюдается повышение интереса к исследованию данной проблематики применительно к социально-территориальному измерению общества. Современные иностранные и отечественные авторы уделяют внимание выявлению проблем и ресурсов устойчивого развития макрорегионов и регионов, провинций и других административно-территориальных образований и социально-территориальных общностей макро- и мезоуровня в рамках национальных обществ (Васильев и др., 2019; Рожковская, Гаркавая, 2022; Ren et al., 2018). Отдельным направлением в этом предметном поле выступает изучение развития городских территорий: городов, городских районов и агломераций — через призму их устойчивости или резилентности, с одной стороны, и уязвимости, с другой (Spiliotopoulou, Roseland, 2020; Zeng et al., 2022). Вместе с тем значительно реже эта проблематика разрабатывается применительно к сельским территориям (Вяльшина, 2022; Marsden, 2009).

Анализ последних социально-экономических разработок по этой тематике показывает, что зачастую исследователи используют такое противопоставление как отправную точку в поисках компонентов устойчивости или резилентности изучаемых объектов и их устойчивого развития в современных условиях, уделяя этому значительно больше внимания, чем анализу их уязвимости. В результате наблюдается преобладание индексов для оценки устойчивости и устойчивого развития территорий, их резилентности и недостаток инструментов для оценки их уязвимости. Так, в работах под эгидой Европейской комиссии и ООН предлагается более 20 индексов для такой оценки, среди которых самыми упоминаемыми являются «индекс способности к восстановлению», «индекс экономической резилентности», «индекс социально-экономической резилентности», «индекс распространенной уязвимости», «индекс затрат на устойчивость» (Bruneckiene et al., 2019).

При этом исследователи стремятся сделать оценку устойчивости и резилентности территорий более емкой, комплексной и использовать совокупность показателей, отражающих различные сферы социально-территориальных систем. Венгерские ученые А. Buzási, B.S. Jäger, О. Hortay для диагностики резилентности городов предлагают измерять наряду с показателями состояния окружающей среды и социально-экономические индикаторы (Buzási et al., 2022). Российские исследователи А.А. Шабунова и М.А. Груздева для измерения устойчивости регионов России считают необходимым использовать четыре группы показателей: экономические, социальные, экологические и социокультурные (Шабунова, Груздева, 2016). Американские авторы Р. Van Beunen, F.A. Akiwumi и К. Van Beunen для оценки устойчивости состояния и развития малых островных развивающихся государств применяют около 70 индикаторов, сгруппированных по четырем параметрам устойчивого развития территории: социальному, экономическому, экологическому и климатическому (Van Beunen et al., 2018). Тем самым в новых разработках намечается тенденция к включению социальных и социокультурных показателей в оценку устойчивости территорий.

Вместе с тем в современных исследованиях значительно меньше внимание уделяется разработке проблематики уязвимости территорий и социально-территориальных сообществ. В редких работах предпринимаются попытки раскрыть структуру уязвимости территории и проживающего на ней населения, отдельно выделив ее социально-экономическую компоненту. Так, американские авторы R.A. Johns, В. Dixon и R. Pontes предлагают разграничивать физическую (территориальную) и социально-экономическую уязвимость населения штата в условиях климатических изменений (Johns et al., 2020). При этом социально-экономическая уязвимость территорий и территориальных сообществ в основном рассматривается в контексте изучения неблагоприятного влияния на них стихийных бедствий: наводнений (Tanir et al., 2021), засухи (Sun et al., 2022; Ravichandran et al., 2022), циклонических штормов (Mandal, Dey, 2022), изменения климата (Johns et al., 2020) или ухудшения состояния окружающей

среды, приводящих к экологическим стрессам (Dutta, Chatterjee, 2022).

В ходе анализа современной научной литературы выявлено отсутствие в научном сообществе однозначного понимания сущности и содержания уязвимости и социально-экономической уязвимости (Johns et al., 2020; Mandal, Dey, 2022; Tanir et al., 2021; Sun et al., 2022 и др.). Помимо этого, в ряде работ продолжает использоваться основанная на противопоставлении трактовка уязвимости как состояния, связанного с недостаточным уровнем или отсутствием устойчивости или резилентности. Такая интерпретация оказывается неадекватной современному этапу развития общества, позволяющему обнаруживать в состоянии социальных систем одновременное сосуществование как устойчивых, так и уязвимых характеристик.

Наряду с этим до настоящего момента не дана однозначная трактовка понятия социально-экономической уязвимости применительно к региональным сообществам, не предложена система показателей и индикаторов для ее социологического измерения. Отсутствуют эмпирические исследования по данной проблематике, результаты которых позволяют оценить состояние социально-экономической уязвимости российских регионов как социально-территориальных общностей в современных условиях, не определены возможности для такой диагностики на имеющихся российских материалах.

Необходимость восполнения этих пробелов в социально-экономическом знании обуславливает актуальность настоящей работы и научно-практическую значимость ее результатов.

В статье поставлена цель уточнить понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества; определить возможности ее социологического измерения на основе сочетания данных объективного и субъективного характера; на примере регионов Центрального Черноземья выявить значимые характеристики уязвимости их социоэкономической сферы в современных условиях. Оригинальность постановки цели и ее достижения связана с трактовкой социально-экономической уязвимости региональных сообществ через призму ключевых социальных проблем, проявляющихся в объективных характеристиках и субъективных оцен-

ках населения, с выдвиганием методического подхода к ее диагностике в социологическом исследовании на основе переосмысления эвристических возможностей типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», с оценкой важных параметров социально-экономической уязвимости центрально-черноземных регионов.

Концептуальные основы исследования

Определяя концептуальные рамки исследования, прежде всего отметим необходимость различать подходы к определению сущности и содержания социально-экономической уязвимости применительно к территориям и социально-территориальным сообществам. Анализ современных зарубежных и отечественных исследований по рассматриваемой проблематике показывает, что зачастую именно различные территории (регионы, районы, муниципальные образования, города, поселения, деревни) становятся объектом анализа сквозь призму их уязвимости к определенным опасным явлениям, в том числе социально-экономической уязвимости. В таких работах социально-экономическая уязвимость определяется посредством как параметров территории, так и характеристик ее населения. Например, американские авторы (S.L. Cutter, L. Barnes, M. Berry и др.) наиболее значимыми для уязвимости штатов к стихийным бедствиям считают такие характеристики территории, как неравенство в экономическом развитии, темпах роста; доступность ресурсов для населения; характеристики застроенной среды и ее техническое обслуживание; а среди характеристик населения – доход, уровень образования, этническую принадлежность, занятость, жилье, здравоохранение (Cutter et al., 2008). Отечественными авторами в ходе исследования регионов и муниципальных образований Российской Арктики социально-экономическая уязвимость муниципальной территории рассматривается как сочетание ее восприимчивости к изменениям (понимаемой через социальную незащищенность населения и опасные жилищные условия), недостаточности ликвидационных способностей (зависящих от системы здравоохранения и социальных связей) и адаптивных способностей (выражающихся в уровне образования населения, материальных

ресурсах домохозяйств, инвестициях, экономическом потенциале территории) и оценивается как уровень потерь в результате опасного воздействия (Бабурин и др., 2016). В большинстве подобных исследований эмпирическая оценка социально-экономической уязвимости различных территорий осуществляется с помощью набора соответствующих показателей, отраженных в официальной статистике стран и их регионов.

Вместе с тем концептуализация проблематики социально-экономической уязвимости применительно к региональным сообществам обуславливает целесообразность интерпретировать рассматриваемый феномен на основе характеристик населения. В этом плане вызывают исследовательский интерес подходы к выделению показателей и индикаторов, разработанных предшествующими авторами для измерения социально-экономической уязвимости населения определенной территории как социально-территориального сообщества (табл. 1).

Обращает на себя внимание то, что в современных трактовках социально-экономическая уязвимость населения или территориального сообщества зачастую понимается как многомерный сложный феномен и характеризуется посредством различных показателей экономического и социального положения населения: низкого уровня доходов и бедности населения, отсутствия страховки и социальных выплат, ограниченных материальных ресурсов домохозяйств, дефицита имущества, низкого качества жилья и его аренды и близких к ним индикаторов, а также определенных социально-демографических характеристик (женского пола, детского и пожилого возраста, инвалидности и др.), низкого уровня образования, грамотности. Лишь в единичных работах встречается редукция социально-экономической уязвимости населения к определенному социальному явлению — отсутствию доступа к финансовым услугам, взаимосвязанному с низкой финансовой грамотностью людей (Kandari et al., 2021).

Таблица 1. Подходы к определению показателей и индикаторов социально-экономической уязвимости территориального сообщества / населения территории

Авторы	Показатели и индикаторы
M.P. Kelly, N.W. Adger (Kelly, Adger, 2000)	1. Бедность, связанная с маргинализацией 2. Неравенство, обуславливающее степень коллективной ответственности, неформальное и формальное страхование и лежащую в их основе функцию социального обеспечения 3. Институциональная адаптация, связанная с архитектурой социальных прав, институтами как каналами коллективного восприятия уязвимости, эндогенными институтами, которые ограничивают или обеспечивают адаптацию
C.T. Emrich (Emrich, 2005)	1. Бедность 2. Арендное жилье 3. Отсутствие страхования от наводнений 4. Финансовая неспособность подготовиться к наводнениям
L. Rygel, D. O'Sullivan, B. Yarnal (Rygel et al., 2006)	1. Бедность как ключевая характеристика, взаимосвязанная с остальными ее компонентами 2. Пол (женщины) 3. Раса и этническая принадлежность 4. Возраст (дети и пожилые люди) 5. Инвалидность
K. Arthurson, S. Baum (Arthurson, Baum, 2015)	Дефицит материальных и финансовых ресурсов: – недостаточная поддержка семьи, – социальная изоляция, – плохое состояние здоровья и инвалидность, – отсутствие дома или проживание в небезопасном или неадекватном жилье, – низкий уровень образования, – неспособность найти работу
R.A. Johns, B. Dixon, R. Pontes (Johns et al., 2020)	1. Низкий доход на душу населения 2. Доля лиц, живущих за чертой бедности 3. Статус безработного 4. Этническая принадлежность (афроамериканцы, индейцы, азиаты и испаноязычные) 5. Принадлежность к возрастным группам менее 5 лет, от 5 до 14 лет и старше 65 лет 6. Низкий уровень образования

Окончание таблицы 1

Авторы	Показатели и индикаторы
P. Kandari, U. Bahuguna, A.K. Salgotra (Kandari et al., 2021)	Низкая финансовая доступность: – отсутствие банковских счетов, – неиспользование мобильного банкинга, – неиспользование кредитной линии
T. Tanir, S.J. Sumi, A.D.S. Lima, A.G. de Coelho, S. Uzun, F. Cassalho, C.M. Ferreira (Tanir et al., 2021)	Совокупность показателей социальной уязвимости (SoVI)* и подверженности опасности из 41 переменной, из которых 23 переменные (более половины) отражают материальное положение населения, связанное с уровнем доходов, потребления и дифференциацией по уровню доходов: 1. Низкий доход на душу населения 2. Доля безработных 3. Доля населения, живущего за чертой бедности 4. Доля домохозяйств, находящихся за чертой бедности 5. Доля нетрудоспособного населения, живущего за чертой бедности 6. Доля жилья без транспортного средства 7. Доля населения, заработавшего менее 35 тысяч долларов за последние 12 месяцев 8. Доля населения, заработавшего менее 40 тысяч долларов за последние 12 месяцев 9. Доля населения, не имеющего заработка 10. Низкий средний доход домохозяйства 11. Низкий совокупный доход 12. Доля населения, не имеющего медицинской страховки 13. Доля населения, получающего помощь по продовольственным талонам 14. Доля вакантного жилья 15. Доля передвижного (мобильного) жилья 16. Доля арендуемого жилья 17. Низкая медианная стоимость жилья 18. Низкая средняя стоимость жилья 19. Медианная валовая арендная плата 20. Средняя арендная плата за наличный расчет 21. Процентное отношение доходов населения к уровню бедности менее 1,0 22. Индекс Джини 23. Доля населения, не имеющего дохода по социальному страхованию
M.U. Niaz (Niaz, 2022)	Противоположность социально-экономическому росту населения: 1. Отсутствие устойчивых источников средств к существованию (роста уровня доходов на душу населения; улучшения статуса собственности на жилье, кровельного материала дома, общего состояния дома; увеличения числа детей, посещающих школу; роста активов домохозяйства; роста потребления топлива для приготовления пищи; улучшения качества питьевой воды; увеличения расходов на медицинское обслуживание и одежду) 2. Отсутствие повышения уровня жизни населения (негативные самооценки изменения стандартов жизни) 3. Сохранение многомерной бедности: – уровень жизни (отсутствие электричества в доме, безопасной питьевой воды, плохие санитарные условия, используемые материал пола и топливо для приготовления пищи, отсутствие телевизора, телефона, холодильника или т. п., в т. ч. автомобиля или трактора); – здоровье (детская смертность, неполноценное питание); – образование (отсутствие базового образования (6 лет обучения), непосещение школы детьми школьного возраста) 4. Отсутствие социального развития (нет самооценки повышения воспринимаемого социального статуса)
*Концепция и индекс социальной уязвимости (SoVI) населения разработаны коллективом The Hazards Vulnerability & Resilience Institute (США) для оценки уязвимости территорий к экологическим опасностям на основе 29 социально-экономических переменных (до 2010 года 32 переменных), сгруппированных в 2019 году в 7 значимых компонент: низкий уровень материального благосостояния; раса (афроамериканцы) и социальный статус; зависимость от возраста (пожилые люди); испаноязычная этническая принадлежность; особые потребности (отсутствие медицинской страховки); раса (индейское население); занятость в сфере услуг (Derakhshan et al., 2022; Blackwood, Cutter, 2023). Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы.	

В большинстве подходов в качестве значимых показателей социально-экономической уязвимости населения рассматриваются низкий уровень доходов и связанная с ним бедность людей, обосновывается необходимость оценки их распространенности в сообществе. В ряде случаев они дополняются показателями безработицы, отсутствия заработка или социальных выплат, что имеет значение в контексте формирования доходов населения и, соответственно, его социально-экономического статуса. Некоторые авторы отмечают существенный вклад социально-экономического расслоения сообщества в его социально-экономическую уязвимость и считают неравенство населения одним из значимых показателей такой уязвимости, предлагают использовать для его диагностики как восприятие и оценку своего социального статуса (Kelly, Adger, 2000; Niaz, 2022), так и индекс Джини (Tanir et al., 2021).

На основании предшествующего опыта можно полагать, что содержание социально-экономической уязвимости территориального сообщества связано в основном с характеристиками материального положения (уровня доходов и потребления) и социально-экономической дифференциации населения (бедностью и неравенством), однако не исчерпывается ими и может быть дополнено другими составляющими. При этом ее измерение и оценка могут осуществляться как на основе нескольких взаимосвязанных переменных, так и посредством расширенного их набора, а также с использованием статистических данных и результатов опросов (субъективных оценок). Вместе с тем в каждом исследовании необходимы выбор и обоснование адекватных изучаемому сообществу трактовки социально-экономической уязвимости и ее показателей, поскольку прямое заимствование предшествующих подходов не всегда приемлемо из-за социокультурной специфики территории и ее населения, в частности к условиям российского общества и социально-территориальной организации.

В этом контексте следует обратить внимание на акцентируемую в последних работах значимость проблематики бедности и социально-экономической дифференциации населения в российском обществе и его регионах. В современных социально-экономических исследованиях сохранение масштабов бедности и уси-

ление дифференциации населения по доходам получают трактовку как ключевые угрозы национальной или экономической безопасности России, ее стабильному социально-экономическому развитию (Старовойтов, Старовойтов, 2020; Лев, 2021; Ильин, Морев, 2022). В некоторых из них бедность и малообеспеченность, связанные с дефицитом или ограниченностью материальных ресурсов, рассматриваются не только как характеристики социальной стратификации российского социума и региональных сообществ, но и как показатели социальной и социально-экономической уязвимости населения (Алексеев, Михалев, 2020; Горшков, 2020; Соболева, Соболев, 2021).

С учетом вышеизложенного в рамках нашего исследования считаем важным уточнить понятие социально-экономической уязвимости применительно к региональным сообществам. В данной работе предлагаем понимать социально-экономическую уязвимость как состояние регионального сообщества, обусловленное внутренними характеристиками его социоэкономической сферы, концентрирующими в себе социальные проблемы, которые проявляются в объективных статусных показателях и их субъективной интерпретации людьми. Эти проблемы определяют слабые стороны функционирования и динамики социально-территориальной общности.

При этом в социологическом дискурсе значимым уточнением становится принадлежность социально-экономической уязвимости не региону как административно-территориальной единице, а региональному сообществу как социально-территориальной общности, объединяющей проживающее на его территории население и характеризующейся в социоэкономической сфере наличием разнообразных социальных структур. Последние обуславливаются материальной дифференциацией и социальным неравенством внутри сообщества, сформированными различными критериями, а также идентификацией населения с определенными имущественными и социальными слоями.

Признавая многомерность социально-экономической уязвимости регионального сообщества, на основании переосмысления предшествующего опыта трактовки ее содержания и показателей (см. табл. 1) и значимости проб-

лематики бедности и неравенства населения для российских регионов, считаем возможным выделить три ее ключевых составляющих, которые проявляют слабые, проблемные характеристики социоэкономической сферы региона:

- 1) распространенность бедности внутри социально-территориальной общности;
- 2) высокая степень социально-экономической дифференциации населения региона;
- 3) нисходящая по сравнению с предыдущим годом динамика материального положения значительной части населения.

В современных исследованиях оценка социально-экономической уязвимости территориальных сообществ осуществляется на основе статистических данных по показателям, по которым ведется планомерный статистический учет и обработка которых допускает применение индексного метода оценки (Bruneckiene et al., 2019; Tanir et al., 2021; Kireyeva et al., 2022). Это определяет измерение лишь одной грани социально-экономической уязвимости, представленной объективными статусными характеристиками групп населения в рамках социально-территориальных общностей. Вместе с тем вторая грань рассматриваемого феномена, проявляющаяся в субъективных оценках населением своего статусного положения в социоэкономической сфере и сконструированных на основе социально-экономической самоидентификации людей структурах (Пасовец, 2019), зачастую остается вне внимания исследователей и, соответственно, за рамками такой оценки.

Лишь в единичных исследованиях социально-экономической уязвимости региональных и локальных сообществ посредством социологических опросов населения измеряются субъективные оценки этого феномена. В таких разработках в рамках комбинированной методологии исследования опросные методы применяются в сочетании с другими методами сбора данных: наблюдением и анализом статистических данных. Как показывает опыт оценки уязвимости районов внутри одного из индийских штатов, осуществленный К. Mandal и Р. Deu, применение анкетирования позволяет реализовать ранжирование респондентами совокупности параметров их социально-экономической уязвимости, что дополняет индексную оценку изучаемого феномена, выполненную на основе статистических данных (Mandal, Deu, 2022).

В другом исследовании индийских авторов (Balasubramani et al., 2021) доказывается необходимость сочетания данных официальной статистики (переписи населения и домохозяйств) с результатами опросов общественного мнения, чтобы в итоге получить более обоснованную оценку социально-экономической уязвимости населения на микроуровне территориальной организации (деревень, сел и районов внутри штата). В этом случае данные опроса населения позволяют выявить восприятие людьми своих социально-экономических условий как уязвимых перед воздействием стихийных бедствий и построить субъективную матрицу вероятности такого риска (Balasubramani et al., 2021, p. 606–607).

С учетом этого методический подход, базирующийся на сочетании статистических и опросных данных по относительно сопоставимым друг с другом показателям, является перспективным для характеристики социально-экономической уязвимости региональных сообществ. В рамках каждой из трех выделенных нами составляющих этого феномена целесообразно фиксировать показатели, имеющие разную природу: объективные индикаторы, полученные на основе данных государственной статистики, и субъективные показатели, измеряемые посредством результатов социологических опросов. В таком случае становится достижимым сочетание данных в объективном и субъективном измерении по каждому из параметров социально-экономической уязвимости населения.

Методика и материалы исследования

Теоретическую основу работы составляют выдвинутые Н.И. Лапиным и развитые его последователями в исследованиях социокультурной эволюции российских регионов концептуальные представления о регионе как социально-территориальном и социокультурном сообществе, а также о представленности регионального сообщества тремя сферами: антропо-культурной, социоэкономической, институционно-регулятивной¹. При концептуализации понятия социально-экономической

¹ Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН. С. 12.

уязвимости сообщества происходит обращение к идее социоэкономической сферы региона, ее характеристикам, связанным с материальным положением и социально-экономической дифференциацией населения, проявляющим слабые стороны регионального сообщества. При определении конкретных показателей для оценки социально-экономической уязвимости социально-территориальных общностей используются диагностические возможности и индикаторы типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России»².

В качестве отдельных показателей социально-экономической уязвимости региональных сообществ в данной работе предлагается использовать:

– показатели государственной статистики:

- 1) доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (ВПП), в %;
- 2) коэффициент Джини;
- 3) реальные денежные доходы, в % к предыдущему году;

– показатели опроса населения:

- 4) доля субъективно «бедных», в %;
- 5) коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества;
- 6) доля тех, кто стал жить хуже по сравнению с прошлым годом, в %.

Если показатели государственной статистики являются унифицированными для российской статистической системы и их толкование дается в методических рекомендациях в соответствующих статистических изданиях, то использование обозначенных показателей опроса населения из типовой методики «Социокультурный портрет региона России» требует пояснения.

В субъективном измерении понимание бедности и социально-экономической поляризованности сообщества выстраивается на основе идеи социально-экономической идентификации населения (Пасовец, 2019), измеряемой в опросе посредством самоидентификации респондента с определенным социально-экономическим слоем по уровню своего потребления. С этой целью применяется стратификационная

шкала, предложенная Л.А. Беляевой для оценки материального статуса индивида по уровню потребления («нищие», «бедные», «необеспеченные», «обеспеченные», «зажиточные», «богатые») и включенная в качестве одного из показателей в типовую методику «Социокультурный портрет региона России»³.

Доля субъективно «бедных» измеряется в процентах от общего числа опрошенных и суммирует доли двух низших социально-экономических страт – «нищих» и «бедных». Субъективная бедность может быть сопоставлена с объективной бедностью, граница которой фиксируется официальной статистикой в России на основе доли населения с денежными доходами ниже ВПП.

Принятая для коэффициента социально-экономической поляризованности сообщества методика расчета была предложена и апробирована нами в предшествующих работах на примере коэффициента общей поляризованности общественного мнения (Пасовец, 2011). В настоящей работе он применяется для выявления характера соотношения между общей долей низших страт («нищие», «бедные», «необеспеченные») и общей долей средних и высшей страт («обеспеченные», «зажиточные», «богатые»), трактуется как показатель, противоположный коэффициенту социально-экономической однородности общности.

Коэффициент социально-экономической однородности общности рассчитывается как модуль разности между долями низших страт, с одной стороны, и средних и высших страт, с другой, к общему числу опрошенных:

$$E = | (H - CB) : 100\% |,$$

где H – общая доля низших страт (%);

CB – общая доля средних и высшей страт (%),

и имеет интервал измерения от 0 (максимальное противостояние) до 1 (максимальное единство).

В свою очередь коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества вычисляется по формуле:

$$СЭП = 1 - E$$

и измеряется в интервале от 0 (минимальная степень дифференциации) до 1 (максимальная степень дифференциации, которая характери-

² Лапин Н.И., Беляева Л.А. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН. С. 17–19.

³ Там же. С. 31.

зуется как поляризованность). С определенной долей условности такой интервал измерения этого коэффициента позволяет представить (большую или меньшую) степень социально-экономической дифференциации сообщества в субъективном измерении, исходя из восприятия, оценки и идентификации людей с определенной имущественной стратой, в то время как коэффициент Джини дает представление о степени дифференциации населения по доходам в объективном измерении.

Доля тех, кто стал жить хуже по сравнению с прошлым годом, также представлена в процентном выражении по отношению ко всем опрошенным. Она объединяет доли респондентов, которые отметили в большей или меньшей степени ухудшение своей жизни по сравнению с прошедшим годом. Несмотря на ограниченность прямого сопоставления такой оценки с изменением размера реальных денежных доходов населения, сочетание этих показателей позволяет оценить динамику материального положения населения по сравнению с истекшим годом с разных сторон — исходя из объективных изменений и их восприятия людьми.

Объектом исследования стали регионы Центрального Черноземья как одного из макрорегионов России: Воронежская, Курская и Липецкая области.

Информационную базу исследования образуют данные государственной статистики (Росстата)⁴. Эмпирическая база исследования представлена результатами массового опроса населения, проведенного нами в сентябре — октябре 2020 года в Воронежской, Курской и Липецкой областях (N = 1200 человек) на основе равномерного размещения выборки (в каждом из регионов опрошено по 400 человек) и типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация — 2015 г.)⁵. Выборочная совокупность исследования в достаточной степени репрезентирует генеральную по каждому из рассматриваемых регионов, ошибка выборки по одному

контролируемому признаку не превышает 3%. Опросы осуществлялись среди взрослого населения (от 18 лет и старше) регионов методом полустандартизированного (полустандартизированного) интервью.

Также применялись общенаучные методы исследования и комплекс аналитических процедур, в том числе в процессе анализа эмпирических данных: методы описательной статистики, анализ статистических данных, вторичный анализ данных, сравнительный анализ.

Анализ эмпирических данных

Оценка распространенности бедности в регионах Центрального Черноземья на основе удельного веса населения с доходами ниже ВПМ в общей структуре населения показывает, что ее масштаб не превышает десятой части региональных сообществ и несколько дифференцирован по конкретным регионам. Если в Курской области доля абсолютной бедности достигает 10%, то в Воронежской и Липецкой областях она ниже — 8,5 и 8,4% соответственно. Вместе с тем измерение бедности через призму самоидентификации с социально-экономическими стратами по уровню потребления выявляет значительную распространенность в центрально-черноземных регионах так называемой «субъективной бедности», охватывающей тех жителей, кто считает себя представителями низших имущественных слоев. Масштаб последней значителен: в Воронежской области доля «субъективно бедных» включает около пятой части населения, в Курской области — четвертую часть, в Липецкой области — треть населения. Величина «субъективной бедности» превышает размер бедности в абсолютном измерении в 2,3, 2,5 и 3,9 раза соответственно по регионам (табл. 2).

Оценка уровня социально-экономического расслоения населения центрально-черноземных областей посредством значений коэффициента Джини выявляет невысокую степень такой дифференциации в региональных сообществах, если учитывать диапазон измерения используемого коэффициента от 0 (минимум) до 1 (максимум). В Курской и Липецкой областях дифференциация денежных доходов населения оказывается несколько меньшей (0,362 и 0,378), чем в Воронежской области (0,393). По сравнению со значением данного показателя

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022.

⁵ Социологический опрос проведен в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00739.

Таблица 2. Показатели социально-экономической уязвимости населения регионов Центрального Черноземья

Регион	Объективные показатели	Субъективные показатели
	Доля населения с доходами ниже ВПМ, %	Доля «субъективно бедных» («нищих» и «бедных»), %
Воронежская область	8,5	19,8
Курская область	9,9	25,3
Липецкая область	8,4	32,5
	Коэффициент Джини (дифференциация денежных доходов населения)	Коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества
Воронежская область	0,393	0,73
Курская область	0,362	0,98
Липецкая область	0,378	0,97
	Реальные денежные доходы, % к предыдущему году	Доля тех, кто стал жить хуже по сравнению с прошлым годом, %
Воронежская область	95,5	27,1
Курская область	97,8	23,6
Липецкая область	95,7	34,3

Составлено по: для объективных показателей значения на 2020 г. – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 192, 240; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 232; для субъективных показателей значения на 2020 г. – результаты опроса населения регионов Центрального Черноземья по типовой методике «Социокультурный портрет региона России».

для России в целом (0,406)⁶ его значения для центрально-черноземных регионов несколько ниже, хотя находятся в пределах среднего уровня дифференциации, что позволяет говорить о меньшей степени такого расслоения в этих регионах, чем в российском социуме в целом.

Коэффициент социально-экономической поляризованности сообщества, предложенный как способ измерения степени дифференциации региональных сообществ на основе субъективных оценок, раскрывает высокий уровень социально-экономического расслоения населения в регионах Центрального Черноземья. Если в Воронежской области степень субъективной социально-экономической поляризованности сообщества находится на уровне выше среднего (0,73), то в Курской и Липецкой областях она приближается к максимальной (0,98 и 0,97 соответственно).

В Воронежском регионе такой контраст, менее выраженный по сравнению с другими областями, обусловлен меньшей долей низших имущественных страт («нищих» 7,0% от всех опрошенных в регионе, «бедных» 12,8%, «необеспеченных» 16,8%, в совокупности состав-

ляющих 36,5%) относительно удельного веса средних и высшей страт («обеспеченных» 40,5%, «зажиточных» 18,3%, «богатых» 4,8%, в их совокупности – 63,5%) в структуре населения. В Курской и Липецкой областях более высокий уровень социально-экономической дифференциации населения в субъективном измерении определяется примерно равным соотношением между низшими стратами, с одной стороны, и средними и высшим слоями, с другой. Так, в Курском регионе доля всех низших групп («нищих» 6,3%, «бедных» 19,0%, «необеспеченных» 24,0%) составляет 49,2% от всего населения, в то время как общая доля средних и высшего слоев («обеспеченных» 30,0%, «зажиточных» 16,5%, «богатых» 4,3%) – 50,8%. В Липецкой области это соотношение представлено 51,5%, которые составляют общую долю низших слоев («нищих» 10,5%, «бедных» 22,0%, «необеспеченных» 19,0%), и 48,5%, включающих средние и высший слой («обеспеченных» 31,0%, «зажиточных» 13,5%, «богатых» 4,0%).

Изменение материального положения населения регионов Центрального Черноземья относительно прошедшего года характеризуется сокращением реальных денежных доходов, показатель которых оказывается ниже, чем за предшествующий год – 95,5–97,8% по отдель-

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 232.

ным регионам. Наряду с этим среди жителей областей макрорегиона существенная доля тех, кто в большей или меньшей степени отмечает ухудшение своей жизни, сравнивая ее с прошлым годом. Если в Воронежской и Курской областях эта категория составляет примерно четвертую часть населения (27,1 и 23,6% соответственно), то в Липецкой области она достигает трети жителей (34,3%).

Обсуждение результатов исследования

В силу многогранности социально-экономической уязвимости населения ее интерпретация и методический подход для ее измерения и оценки, предложенные в данной работе, оставляют место для дискуссии и дальнейших научных поисков в трактовке ее содержания и определении эмпирических индикаторов. Предшествующие работы по близкой проблематике также отражают попытки ряда исследователей дать столь сложному феномену адекватную дефиницию и найти подходы и индикаторы для диагностики. На наш взгляд, сложность поставленной задачи и наблюдающаяся вариативность ее решений во многом обусловлены как неоднозначностью понимания самой уязвимости как феномена, так и множественностью его проявления в социоэкономической сфере регионального сообщества.

С одной стороны, сама уязвимость может пониматься по-разному: как недостатки, слабые места какой-либо системы, или ее незащищенность, неспособность выдержать негативное воздействие, чувствительность, восприимчивость к нему, или степень потерь, убытков, ущерба, или способность ослабить систему и т. п. В предложенной нами трактовке социально-экономическая уязвимость понимается как слабость внутренних характеристик регионального сообщества, обусловленная социальными проблемами, имеющими объективно-субъективную природу (во взаимосвязи объективных статусных показателей и их субъективной интерпретации людьми), в социоэкономической сфере региона. Такая интерпретация социально-экономической уязвимости позволяет рассматривать ее как относительно самостоятельный от устойчивости и резилиентности феномен. В то же время понимание этой уязвимости через призму слабых, проблемных сторон ре-

гионального сообщества не отрицает (а даже позволяет конкретизировать) развиваемый в последнее время подход – преодоление уязвимости как условие достижения устойчивости (Niaz, 2022; Вяльшина, 2022) и резилиентности (Сморозинская, Катуков, 2021). В данной трактовке нивелирование уязвимости оказывается непосредственно связано со снижением остроты и решением социальных проблем, возникших по объективным основаниям и имеющих субъективную оценку.

С другой стороны, вероятность уязвимости каждого из многочисленных компонентов социоэкономической сферы регионального сообщества обуславливает ограничения для ее исчерпывающей диагностики в рамках конкретного исследования и, соответственно, необходимость выбора определенного набора индикаторов для ее измерения и оценки.

Многомерность социально-экономической уязвимости регионального сообщества допускает выявление различных ее компонентов в социоэкономической сфере региона, что может стать предметом дальнейших исследований. Однако в данной работе фокус исследования был сосредоточен на внутренних характеристиках региона, связанных с материальным положением и социально-экономической дифференциацией населения, поскольку они наиболее ярко проявляют проблемы через призму объективных показателей и субъективных оценок.

Наряду с этим для эмпирической оценки социально-экономической уязвимости регионов Центрального Черноземья нами были выбраны показатели, характеризующие проблемы как состояния социоэкономической сферы регионального сообщества (распространенность бедности, социально-экономическая дифференциация населения), так и ее динамики (нисходящая по сравнению с предыдущим годом динамика материального положения значительной части населения). Включение последнего индикатора в систему показателей, на наш взгляд, позволяет использовать идею венгерских исследователей о связи уязвимости с изменчивостью (Buzási et al., 2022) и эмпирически подтвердить ее выводами на примере рассмотренных регионов Центрального Черноземья России.

Вместе с тем предпринятая здесь попытка уточнения сущности социально-экономической уязвимости регионального сообщества, установления диагностических возможностей типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» для ее эмпирического измерения представляются необходимыми шагами в процессе поиска концептуальной рамки для новых интерпретаций эмпирического материала и переосмысления опыта, накопленного за многолетние исследования по межрегиональной научной программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Социокультурная эволюция России..., 2022).

Как показывают результаты проведенных нами и другими авторами исследований, к числу наиболее значимых проблем, определяющих социально-экономическую уязвимость населения, относится значительная распространенность «субъективной бедности» и высокая субъективная социально-экономическая поляризованность сообществ. Так, проведя анализ эмпирических данных по восприятию неравенства доходов россиянами, Г.В. Белехова отмечает, что основная часть из них считают это неравенство глубоким, несправедливым, несущим в себе конфликт и социальную неприязнь между крайними группами (Белехова, 2023).

Наряду с этим предшествующие общероссийские и региональные исследования, в том числе реализованные на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», выявляют сохранение в оценке бедности и социально-экономической дифференциации населения значительного разрыва между объективными статусными характеристиками, фиксируемыми данными государственной статистики, и их субъективными оценками людьми (Лапин и др., 2009; Слободенюк, 2019; Социокультурная эволюция России..., 2022). Относительная устойчивость такого разрыва на протяжении длительного времени заставляет искать его причины не только в пандемическом кризисе, начавшемся в 2020 году и негативным образом повлиявшем на уровень доходов и материальное положение населения, а связывать его с механизмом формирования субъективной оценки людьми своего социально-экономического статуса и его изменений.

Формирование таких субъективных оценок осуществляется посредством восприятия, интерпретации и идентификации с определенным статусом в социально-экономической иерархии сообщества. В этом процессе происходит оценивание своего статуса и имеющихся возможностей в сопоставлении с личными представлениями о достаточном и желаемом уровне доходов и потребления, приемлемом для себя стандарте жизни, собственных и семейных материальных ресурсах и др. В силу этого несоответствие между реальным и желаемым социально-экономическим статусом может выступать ключевой причиной самоидентификации людей с более низкими имущественными стратами, что приводит к значимому разрыву между объективной и субъективной картиной бедности и социально-экономической дифференциации населения.

В этом плане также необходимо учитывать существенную роль немонетарных факторов, влияющих на восприятие и субъективную оценку своего социально-экономического положения как в определенный момент, так и в краткосрочной динамике. Как отмечает Е.Д. Слободенюк на примере анализа причин глубокой бедности среди россиян, размежевание групп «объективной» и «субъективной» бедности происходит под воздействием разных факторов. Если в первом случае ключевую роль играют высокая иждивенческая нагрузка и проблемы с занятостью, то во втором – проблемы со здоровьем и доступностью медицинской помощи, трудности в семье и повседневной жизни, низкий уровень образования, precarious характер занятости (Слободенюк, 2019).

Наблюдающаяся устойчивость такого разрыва во многом объясняется появлением новых стандартов жизни и, соответственно, изменением запросов населения, а также сохранением социально-экономических проблем. По мнению В.Д. Миловидова, в современном обществе, отличающемся открытостью и усилением глобализации, постоянно продуцируются новые критерии и стандарты жизни, в то же время возможности людей обеспечить и улучшить свою жизнь и соответствовать этим стандартам ограничены (Миловидов, 2021, с. 71).

Заключение

Подводя итог, можно кратко представить полученные в ходе работы результаты. Во-первых, уточнено понятие социально-экономической уязвимости регионального сообщества, трактуемой как его состояние, обусловленное внутренними характеристиками социоэкономической сферы, концентрирующими в себе социальные проблемы, которые проявляются в объективных статусных показателях и их субъективной интерпретации людьми. Во-вторых, предложен методический подход к социологической диагностике одного из ключевых аспектов социально-экономической уязвимости социально-территориальной общности, связанного с материальным положением и социально-экономической дифференциацией населения, базирующийся на сопоставлении статистических и опросных данных, определении ряда показателей типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», разработке коэффициента социально-экономической поляризованности сообщества. В-третьих, выбранные для оценки социально-экономической уязвимости региональных сообществ показатели позволили выявить ключевые «болевы́е точки» социоэкономической сферы центрально-черноземных регионов в современных условиях:

— значительную распространенность бедности в субъективном измерении, связанную с самоидентификацией жителей с низшими социально-экономическими стратами, и ее заметное превышение (в два и более раза в отдельных областях) над масштабами бедности в объективном измерении, заданном долей населения с доходами ниже ВПМ;

— высокую степень социально-экономической дифференциации населения в субъективном измерении, обусловленную контрастным соотношением между низшими стратами, с одной стороны, и средними и высшим слоями, с другой, выделенными на основе социально-экономической идентификации жителей, и ее большей величиной (в 2 и более раза) по сравнению со степенью дифференциации денежных доходов населения, оцененной посредством коэффициента Джини;

— сокращение реальных денежных доходов населения по отношению к предыдущему году и существенную распространенность среди населения мнения об ухудшении жизни по сравнению с прошлым годом (от четвертой до третьей части жителей в отдельных регионах), что свидетельствует об отражении в общественном мнении нисходящей в краткосрочном периоде динамики материального положения достаточно массовой доли населения.

Научная значимость полученных результатов связана с развитием научных представлений о социально-экономической уязвимости регионального сообщества как многоаспектном и имеющем латентную природу феномене, измерение и оценка которого требуют его концептуализации и построения системы эмпирических показателей. В этом плане результаты проведенного исследования имеют значение для расширения знаний в области экономической социологии, теории социальной структуры и стратификации, региональной социологии.

Предложенные интерпретация социально-экономической уязвимости сообществ и совокупность ее диагностических показателей могут быть скорректированы с учетом последующего уточнения содержания изучаемого явления в условиях новых вызовов и расширения возможностей для его более развернутой характеристики, что определяет основные направления дальнейшего изучения этой тематики. Также они могут быть использованы и развиты в последующих исследованиях близкой проблематики на материалах других российских регионов.

Практическая значимость результатов проведенного исследования заключается в возможностях их применения для определения социальных проблем регионов, проявляющихся в конструировании в общественном сознании значимых социально-экономических контрастов, социально-экономической поляризации региональных сообществ в субъективном измерении, и поиска эффективных решений этих проблем с учетом их объективно-субъективной природы.

Литература

- Алексеенок А.А., Михалев И.В. (2020). Социально-экономическое положение бедных слоев населения в условиях трансформации социальной структуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 15. № 4. С. 29–45. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-29-45
- Бабурин В.Л., Бадина С.В., Горячко М.Д. [и др.] (2016). Оценка уязвимости социально-экономического развития арктической территории России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 6. С. 71–77.
- Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9
- Беляева Л.А. (2021). Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736
- Васильев Ю.С., Диденко Н.И., Черенков В.И. (2019). Некоторые проблемы и перспективные драйверы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 1 (63). С. 4–26. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.1.2019.63.4-26
- Вяльшина А.А. (2022). Изменение приоритетов развития сельских территорий в условиях усиления глобальной нестабильности // Региональные агросистемы: экономика и социология. № 3. С. 91–99.
- Горшков М.К. (2020). Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. Т. 90. № 3. С. 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068
- Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. (2020). Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демографического будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.1
- Лев М.Ю. (2021). Бедность и прожиточный уровень населения в обеспечении социально-экономической безопасности // Экономическая безопасность. Т. 4. № 3. С. 549–570. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.112403
- Миловидов В.Д. (2021). Пандемия неравенства: новые измерения социального диспаритета в условиях коронакризиса // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 228. № 2. С. 59–81. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-59-81
- Пасовец Ю.М. (2019). Социально-экономическая идентификация населения как фактор структуризации городского пространства (на примере городов Курской области) // Primo Aspectu. № 4 (40). С. 7–14. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-7-14
- Пасовец Ю.М. (2011). Качество жизни населения как интегрированный показатель эффективности функционирования региона // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Серия Социальные науки. № 1 (21). С. 66–73.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А., Когай Е.А. [и др.] (2009). Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; ИФ РАН, Центр изуч. социокультурных изменений, Науч.-координац. совет Секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». М.: Academia. 807 с.
- Рожковская Е.А., Гаркавая В.Г. (2022). Риски и источники уязвимости устойчивого развития регионов // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. № 7 (301). С. 23–34.
- Слободенюк Е.Д. (2019). Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 4 (28). С. 26–38. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6797
- Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д. (2021). Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 93–115. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_93_115
- Соболева И.В., Соболев Э.Н. (2021). Доходы населения в условиях пандемии: сдвиг уязвимых зон и механизмы защиты // Экономическая безопасность. Т. 4. № 3. С. 531–548. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.112448

- Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований (2022) / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, А.А. Шабуновой; ФГБУН ВолНЦ РАН. М.: Весь Мир. 190 с.
- Старовойтов В.Г., Старовойтов Н.В. (2020). Современные тенденции динамики имущественного неравенства, бедности, безработицы как источников угроз экономической и национальной безопасности России // Развитие и безопасность. № 3 (7). С. 105–114. DOI: 10.46960/2713-2633_2020_3_105
- Шабунова А.А., Груздева М.А. (2016). Развитие регионов Российской Федерации: интегральная методика как инструмент оценки // Региональная экономика: теория и практика. № 1 (424). С. 100–112.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В. [и др.] (2022). Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы / Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 295 с.
- Arthurson K., Baum S. (2015). Making space for inclusion in conceptualizing climate change vulnerability. *Local Environment*, 20(1), 1–17. DOI: 10.1080/13549839.2013.818951
- Balasubramani K., Sekar L.G., Kanagarajan A. et al. (2021). Revealing the socio-economic vulnerability and multi-hazard risks at micro-administrative units in the coastal plains of Tamil Nadu, India. *Geomatics, Natural Hazards and Risk*, 12(1), 605–630. DOI: 10.1080/19475705.2021.1886183
- Blackwood L., Cutter S.L. (2023). The application of the social vulnerability index (SoVI) for geo-targeting of post-disaster recovery resources. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 92, 103722. DOI: 10.1016/j.ijdr.2023.103722
- Bruneckiene J., Pekarskiene I., Palekiene O., Simanaviciene Z. (2019). An assessment of socio-economic systems' resilience to economic shocks: The case of Lithuanian regions. *Sustainability (Switzerland)*, 11(3), 566. DOI: 10.3390/su11030566
- Buzási A., Jäger B.S., Hortay O. (2022). Mixed approach to assess urban sustainability and resilience – a spatio-temporal perspective. *City and Environment Interactions*, 16, 100088. DOI: 10.1016/j.cacint.2022.100088
- Cutter S.L., Barnes L., Berry M. et al. (2008). A place-based model for understanding community resilience to natural disasters. *Global Environmental Change*, 18(4), 598–606. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2008.07.013
- Derakhshan S., Emrich C.T., Cutter S.L. (2022). Degree and direction of overlap between social vulnerability and community resilience measurements. *PLoS ONE*, 17(10), e0275975. DOI: 10.1371/journal.pone.0275975
- Dutta S., Chatterjee S. (2022). Assessment of socio-economic vulnerability in a forested region: An indicator-based study in Bankura District of West Bengal, India. In: *Geospatial Technology for Environmental Hazards. Advances in Geographic Information Science*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-75197-5_21
- Emrich C.T. (2005). *Social Vulnerability in US Metropolitan Areas: Improvements in Hazard Vulnerability Assessment*. University of South Carolina.
- Ikram M., Zhang Q., Sroufe R., Ferasso M. (2020). The social dimensions of corporate sustainability: An integrative framework including COVID-19 insights. *Sustainability (Switzerland)*, 12(20), 1–29, 8747. DOI: 10.3390/su12208747
- Johns R.A., Dixon B., Pontes R. (2020). Tale of two neighbourhoods: Biophysical and socio-economic vulnerability to climate change in Pinellas County, Florida. *Local Environment*, 25(9), 697–724. DOI: 10.1080/13549839.2020.1825356
- Kandari P., Bahuguna U., Salgotra A.K. (2021). Socio-economic and demographic determinants of financial inclusion in underdeveloped regions: A case study in India. *Journal of Asian Finance, Economics and Business*, 8(3), 1045–1052. DOI: 10.13106/jafeb.2021.vol8.no3.1045
- Kelly M.P., Adger N.W. (2000). Theory and practice in assessing vulnerability to climate change and facilitating adaptation. *Climate Change*, 47(4), 325–352.
- Kireyeva A.A., Nurlanova N.K., Kredina A.A. (2022). Assessment of the socio-economic performance of vulnerable and depressed territories in Kazakhstan. *R-Economy*, 8(1), 21–31. DOI: 10.15826/recon.2022.8.1.002
- Mandal K., Dey P. (2022). Coastal vulnerability analysis and RIDIT scoring of socio-economic vulnerability indicators – a case of Jagatsinghpur, Odisha. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 79, 103143. DOI: 10.1016/j.ijdr.2022.103143
- Marsden T. (2009). Mobilities, vulnerabilities and sustainabilities: Exploring pathways from denial to sustainable rural development. *Sociologia Ruralis*, 49(2), 113–131. DOI: 10.1111/j.1467-9523.2009.00479.x

- Niaz M.U. (2022). Socio-economic development and sustainable development goals: A roadmap from vulnerability to sustainability through financial inclusion. *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*, 35(1), 3243–3275. DOI: 10.1080/1331677X.2021.1989319
- Ravichandran V., Kantamaneni K., Periasamy T. et al. (2022). Monitoring of multi-aspect drought severity and socio-economic status in the semi-arid regions of Eastern Tamil Nadu, India. *Water (Switzerland)*, 14(13), 2049. DOI: 10.3390/w14132049
- Ren C., Zhai G., Zhou S. et al. (2018). A comprehensive assessment and spatial analysis of vulnerability of China's provincial economies. *Sustainability (Switzerland)*, 10(4), 1261. DOI: 10.3390/su10041261
- Rygel L., O'Sullivan D., Yarnal B. (2006). a method for constructing a social vulnerability index: An application to hurricane storm surges in a developed country. *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, 11(3), 741–764. DOI: 10.1007/s11027-006-0265-6
- Spiliotopoulou M., Roseland M. (2020). Urban sustainability: From theory influences to practical agendas. *Sustainability (Switzerland)*, 12(18), 1–19, 7245. DOI: 10.3390/su12187245
- Sun Y., Li Y., Ma R. et al. (2022). Mapping urban socio-economic vulnerability related to heat risk: A grid-based assessment framework by combing the geospatial big Data. *Urban Climate*, 43, 101169. DOI: 10.1016/j.uclim.2022.101169
- Tanir T., Sumi S.J., Lima A. D. S. et al. (2021). Multi-scale comparison of urban socio-economic vulnerability in the Washington, DC metropolitan region resulting from compound flooding. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 61, 102362. DOI: 10.1016/j.ijdr.2021.102362
- Turner B.L. (2010). Vulnerability and resilience: Coalescing or paralleling approaches for sustainability science? *Global Environmental Change*, 20(4), 570–576. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2010.07.003
- Van Beynen P., Akiwumi F.A., Van Beynen K. (2018). A sustainability index for small island developing states. *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, 25(2), 99–116. DOI: 10.1080/13504509.2017.1317673
- Zeng X., Yu Y., Yang S. et al. (2022). Urban resilience for urban sustainability: Concepts, dimensions, and perspectives. *Sustainability (Switzerland)*, 14(5), 2481. DOI: 10.3390/su14052481

Сведения об авторе

Юлия Михайловна Пасовец – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)

Pasovets Yu.M.

Socio-Economic Vulnerability of Regional Communities: Sociological Interpretation and Assessment

Abstract. The relevance of the study of the socio-economic vulnerability of Russian regions is due to the need to reveal their internal characteristics, indicating unresolved and emerging social problems that weaken the possibilities of regions functioning and productive dynamics. The aim of the work is to clarify the concept of socio-economic vulnerability of the regional community; to define the possibilities of its sociological measurement based on a combination of objective and subjective data; to identify significant characteristics of vulnerability of region socio-economic sphere in contemporary conditions by the example of the regions of the Central Chernozem region. The originality of its formulation and solution is associated with the interpretation of the this phenomenon through the prism of key social problems manifested in objective characteristics and subjective assessments of the population, the promotion of a methodic approach to its sociological diagnosis based on rethinking the heuristic capabilities of the methodic tools of the interregional scientific program, the assessment of important parameters of socio-economic vulnerability of the Central Chernozem regions. The empirical object of research is the Central Chernozem regions of Russia – the Voronezh, Kursk and Lipetsk oblasts. The informational basis of

research is the data of state statistics (Rosstat); the empirical base is the results of representative survey (N=1200 people) based on the typical program and methodic tools “Socio-cultural portrait of the Russian region”. The paper clarifies the concept of socio-economic vulnerability of regional community, understood as its condition due to the internal characteristics of the socio-economic sphere, concentrating social problems of an objective-subjective nature. It defines the possibilities of its diagnosis based on a combination of measuring objective facts and subjective assessments on a number of indicators of the typical methodic. It reveals the key vulnerabilities of the socio-economic sphere of the central chernozem regions in contemporary conditions: the prevalence of poverty and a high degree of socio-economic differentiation of the population in a subjective measurement; the downward short-term dynamics of the material status of a population significant part. The results expand the scientific understanding of the socio-economic vulnerability of regional communities and can be used to define their social problems of objective and subjective nature and to find ways to solve them.

Key words: socio-economic vulnerability, material status, poverty, socio-economic polarization, regional community, Russian society.

Information about the Author

Yuliya M. Pasovets – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, Kursk State University (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)

Статья поступила 17.04.2023.

Социальный капитал российского региона: состояние и динамика

Татьяна Анатольевна

ГУЖАВИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0636-7690; ResearcherID: R-4871-2017

Аннотация. Базовой характеристикой системы социальных отношений, возникающих в территориальном сообществе, выступает социальный капитал. В условиях происходящих глобальных трансформаций, проявляющихся как в масштабах страны, так и на региональном уровне, возникает необходимость анализа изменяющейся социальной реальности. В качестве перспективной объяснительной модели при анализе происходящих социальных изменений нами рассматривается концепция социального капитала. Исходя из данного теоретического подхода была поставлена цель проанализировать состояние и динамику социального капитала территориального сообщества Вологодской области. Новизна работы состоит в получении аналитических данных за счет проведения уникального многолетнего мониторингового наблюдения. Использовалась авторская методика определения уровня накопленного социального капитала на основе его интегрального индекса, рассчитываемого для каждого респондента. С помощью этого индекса выделяются группы носителей социального капитала, характеризующиеся различным объемом социальных ресурсов, которые могут служить фактором неэкономического развития. Эмпирической базой исследования являются результаты опросов общественного мнения, проведенных в 2016, 2019, 2020 и 2021 гг. среди населения Вологодской области по многоступенчатой, квотированной по поселенческим и демографическим характеристикам, случайной на этапе отбора респондентов выборке. В ходе исследования выделены достаточно стабильные группы, сохраняющие свои границы в течение всего времени наблюдения. Зафиксированные за период

Для цитирования: Гужавина Т.А. (2023). Социальный капитал российского региона: состояние и динамика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 254–265. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.14

For citation: Guzhavina T.A. (2023). Social capital of the Russian region: State and dynamics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 254–265. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.14

наблюдений изменения индекса социального капитала служат показателем его динамичности. Выявлено влияние факторов внешней среды, например пандемии, которая сказалась на потере социального капитала. Результаты анализа свидетельствуют, что разные локальные сообщества различались как объемом потерь социальных связей, так и способностью к их восстановлению. Наименьшие потери и более быстрое восстановление наблюдались в сельской местности. Результаты работы могут быть использованы в деятельности федеральных, региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, научных и образовательных организаций при анализе социальных процессов в региональных территориальных сообществах, а также служить основой для дальнейших исследований по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: социальный капитал, индикаторная модель, интегральный индекс, территориальное сообщество, динамика социального капитала, территориальность.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Социальная реальность: национальное развитие и региональные тренды» № FMGZ-2022-0013.

Введение

В настоящее время в российском обществе под воздействием целого ряда глобальных по своей сути обстоятельств формируется принципиально новая социально-политическая и экономическая ситуация, требующая понимания и анализа имеющихся в обществе ресурсов, в том числе социальных, к числу которых относится социальный капитал.

В последние годы социальный капитал стал достаточно популярным понятием в академических теориях и исследованиях, приобрел влияние как основа для принятия политических решений, необходимых для формирования повседневных практик в целях достижения социальной интеграции. Широко понимаемый в контексте социальных связей, которые влияют на личные взаимодействия, он также применим для объяснения индивидуальных и групповых различий. Стало возможным использовать данный концепт для объяснения разнообразных явлений практически во всех сферах жизнедеятельности социума. Вместе с тем его нельзя назвать окончательно устоявшимся, что порождает различные подходы к трактовке самого феномена и приводит либо к расширенному его толкованию, либо к сведению к одному из компонентов, т. е. отказу от структурного подхода.

В мировой практике интерес к социальному капиталу достаточно широк. Так, например, социальный капитал включен в качестве субиндекса при расчете Глобального индекса устой-

чивой конкурентоспособности (GSCI)¹, позволяющего измерить конкурентоспособность стран не только с помощью показателя ВВП. В США разработан атлас социального капитала², содержащий данные о социальном капитале в каждом районе, средней школе и колледже. Его создатели считают, что социальный капитал играет важную роль в достижении различных результатов, от дохода до здоровья. Атлас позволяет получить ответы на вопросы, связанные с социальной мобильностью. В Великобритании данные о социальном капитале собираются офисом национальной статистики³ на постоянной основе.

Изучение социального капитала – это исследование форм и характера существующих социальных связей между субъектами. Социальный капитал является характеристикой прежде всего территориального сообщества, поскольку его носителями выступают жители конкретной территории. Подтверждением служит и сам факт возникновения концепции на основе исследования поведенческих практик в тер-

¹ Индекс социального капитала: карта мира. URL: <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index/social-capital> (дата обращения 09.03.2023).

² Social capital atlas. URL: <https://www.socialcapital.org> (дата обращения 12.03.2023).

³ Office of National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk> (дата обращения 12.03.2023).

риториальных сообществах (Putnam, Helliwell, 1995; Callois, Schmitt, 2009; Panebianco, 2013). Данная характеристика территориального сообщества позволяет получить информацию о его структурных свойствах, о наличии социальных ресурсов и их распределении между различными социальными группами, о существующих практиках его возникновения и использования, о влиянии институциональной среды, политического строя, религиозных, культурных и других факторов на его состояние.

Теоретические основы исследования

В условиях современности под влиянием трендов перехода от индустриального общества к постиндустриальным структурным характеристикам общества претерпевают изменения (Черныш, 2019). Социальные объекты начинают восприниматься не как вещи, а как процессы, не как существующие, а как становящиеся. По словам П. Штомпки, в науке утверждается положение о том, что социум представляет собой не просто динамический процесс, а непрерывный процесс изменений. Общество, по мнению ученого, «скорее формируется, нежели существует, и при этом оно складывается скорее из событий, нежели из объектов» (Sztompka, 1991).

Разработка концепции социального капитала стала ответом на ряд накопившихся проблем и вызовов прежде всего экономической теории. В ней очевидно проявляется установка на интеграцию традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими построениями. Ее включение в концептуальный арсенал исследований может способствовать более адекватному пониманию характера социально-экономического и политического развития России по инновационному пути (Рожков, 2009).

Расширение использования категории «капитал» в социологии стало возможным во многом благодаря концепции человеческого капитала Г. Беккера (Becker, 1964). Значимым шагом в становлении концепта послужил также выполненный П. Бурдьё систематический анализ социального капитала. Он определил эту форму как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, которые связаны с включением в прочные сетевые или более-менее

институализированные отношения взаимных обязательств или признаний» (Bourdieu, 1985). Подход П. Бурдьё можно назвать инструментальным, поскольку ученый акцентировал внимание на пользе, получаемой индивидами вследствие постоянного участия в группах с целью получения некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможных солидарностей» (Bourdieu, 1985). П. Бурдьё определил социальный капитал и как фактор социального поведения. Говоря о полях социальных отношений и связывая их с формами капитала, он идентифицировал экономический, культурный, социальный и символический капиталы, утверждая, что распределение капиталов в пространстве социальных отношений детерминирует социальное поведение людей через формирующийся соответствующий габитус. Габитус, представляя собой установку, применительно к социальному капиталу – это прежде всего доверие. На наш взгляд, такая трактовка доверия позволяет понять, как доверие генерирует практики и представления индивидов. Поскольку в габитусе сохраняется постоянство в изменении, то доверие как габитус является механизмом практик взаимодействия акторов в различных структурах. Доверие дает возможность акторам, занимающим схожие социальные позиции, идентифицировать друг друга, взаимодействовать между собой, выстроить отношения (Гужавина, 2018). Важнейшим условием формирования социального капитала принято считать ассоциативную деятельность, на роль которой в жизни социума обратил внимание еще А. де Токвиль (Токвиль, 1992). Современные исследователи сравнивают его с клеем, соединяющим индивидов в единое сообщество (Бузгалин, 2011).

В настоящее время существует целый ряд трактовок социального капитала, отличающихся методологическим разнообразием. В процессе становления концепции теоретики опирались на наиболее значимые с их точки зрения характеристики феномена. Так, Дж. Коулман связал социальный капитал с организацией общества, считая, что именно социальная организация образует социальный капитал (Coleman, 1993). Р. Патнэм утверждал, что социальный

капитал обозначает функции социальной организации (Putnam et al., 1993). Именно этот подход позволил ему описать различные типы социальных связей и отношений, на них базирующихся. Кроме того, ученый обратил внимание на особые формы социальной организации, такие как доверие, нормы и сети. Подчеркивая значение сетей, Р. Патнем писал, что социальный капитал – это «связи между индивидами, социальными сетями и нормами взаимности и доверия, которые вытекают из них» (Putnam et al., 1993).

Э. Остром связывает свою трактовку социального капитала с нормами и правилами взаимодействия между индивидами (Ostrom, 2000). Именно они, вписываясь в повторяющуюся деятельность, образуют коллективные действия.

Достаточно часто в публицистике социальный капитал сравнивают со смазкой в механизме социальных взаимодействий. И авторы недалеки от истины, поскольку благодаря социальному капиталу облегчаются взаимодействия сторон. По мнению исследователей, это происходит потому, что включаются персонифицированные механизмы, например персонифицированное доверие (Афанасьев и др., 2016).

Разнообразие социальных связей, составляющих саму сущность социального капитала, нашло отражение в типологизации его видов. Так, Р. Патнем выделил бриджинговый социальный капитал, ориентированный на создание акторами достаточно широких связей, расширяющих границы группы. В этом случае люди создают широкие сети контактов с разными по статусным позициям людьми, что обеспечивает им доступ к широким ресурсным возможностям. Второй тип Р. Патнем обозначил как бондинговый, ориентированный на прочные групповые связи, цель которых заключается в укреплении идентичности группы за счет ее однородности (Putnam et al., 1993). Выделение этих типов имеет важное смысловое значение, поскольку каждый из них порождает совершенно разные внешние эффекты. Ф. Пичлер и К. Уоллес предложили иную структуру видов социального капитала в зависимости от источника формирования последнего, выделив формальный, неформальный и семейный типы (Pichler, Wallace, 2007).

Еще одна интересная классификация была предложена российскими исследователями. При изучении социального капитала он был типологизирован как «открытый» и «закрытый», либо как «группы Патнема» и «группы Олсона» (Полищук, Меняшев, 2011). Объединяет все классификации один общий признак – степень прочности и устойчивости связей. При этом сильные связи создают определенные барьеры для контактов, тогда как слабые расширяют такие возможности. Именно слабые связи обеспечивают циркулирование информации в сетях, условия для коллективных действий акторов, их фасилитацию.

Понятие социального капитала основано на идее о том, что социальные отношения и социальные нормы могут предоставить доступ к ценным ресурсам, позволяющим улучшить благосостояние людей.

Методы и методология исследования

Социальный капитал рассматривается нами как неотъемлемая характеристика сформировавшейся социальной реальности. Данная категория представляет собой понятие, аналитически вычлененное из совокупности явлений жизнедеятельности людей. Социальный капитал – это совокупность отношений, формируемых на основе норм и ценностей, в первую очередь на основе доверия. Собственно, социальный капитал сосредоточен в том многообразии социальных связей, которыми обладает индивид (Афанасьев и др., 2016). В нашем исследовании под социальным капиталом понимаются сети социальных отношений, основанные на доверии и характеризующиеся общими нормами, ценностями и уровнем вовлеченности в них людей; полезные для общества, социальных групп внешние эффекты и результаты, генерируемые социальным взаимодействием в рамках этих сетей и ассоциаций (Гужавина и др., 2018, с. 35). Такой подход позволяет провести оценку состояния и динамики социального капитала сообщества с использованием количественных методов. В исследовании применялась авторская методика определения уровня накопленного социального капитала на основе его интегрального индекса, рассчитываемого для каждого респондента, что дает возможность выделять

группы его носителей, характеризующиеся различным объемом имеющихся социальных ресурсов. Аналитические данные получены в ходе проведения уникального многолетнего наблюдения, ставшего, по сути, мониторинговым. Используются результаты нескольких опросов, осуществленных на территории Вологодской области по сопоставимой методике и идентичному инструментарию⁴.

Индикаторная модель измерения социального капитала строилась для количественной оценки феномена социального капитала (Афанасьев и др., 2016). Она позволяет рассчитать интегральный индекс социального капитала $I_{ск}$:

$$I_{ск} = (I_{доверие} + I_{сети} + I_{ценности и установки}) / 3.$$

На основании индикаторной модели рассчитывается интегральный индекс социального капитала для каждого респондента, что позволяет выявить группы его носителей, оценить уровень накопленных социальных ресурсов. Респонденты, в основном выбиравшие позицию типа «не доверяю» / «не участвовал» / «никак не могу повлиять» и т. п., вошли в первую группу, которая была обозначена как обладатели минимального социального капитала ($I_{ск} < 2$; условно – Тип 1). Во вторую группу были включены респонденты с более высоким индексом, они обозначены как обладатели социального капитала низкого уровня ($I_{ск} \geq 2$ и $< 2,5$; условно – Тип 2). Третья группа объединила респондентов с социальным капиталом среднего уровня ($I_{ск} \geq 2,5$ и < 3 ; условно – Тип 3). В четвертую группу вошли носители относительно высокого уровня социального капитала ($I_{ск} \geq 3$ и $< 3,5$; условно – Тип 4). Респонденты с социальным капиталом высокого уровня

были отнесены к пятой группе ($I_{ск} > 3,5$; условно – Тип 5) (Гужавина и др., 2022).

Выделяемые группы включают в себя респондентов, демонстрирующих достаточно близкие жизненные позиции, имеющих в определенной степени схожие ценности и установки. Проводимые исследования показали, что по своему количественному составу группы достаточно стабильны, хотя и подвержены воздействию внешних факторов. Анализ говорит о разнообразии социально-демографических характеристик. Носителями социального капитала разного уровня оказываются люди независимо от образовательной, возрастной или гендерной принадлежности. Отсутствует и четкая зависимость от материального положения. Оговоримся, что исследование не охватило крайние по своим доходным позициям группы в силу сложности их достижимости. Таким образом, можно утверждать, что социальный капитал не имеет жесткой привязки к социально-демографическим и экономическим характеристикам респондента.

Новизна работы состоит в получении аналитических данных за счет проведения уникального многолетнего наблюдения, ставшего, по сути, мониторинговым. Ценность полученных аналитических данных заключается в возможности, во-первых, наблюдения за процессами формирования и концентрации социального капитала у носителей; во-вторых, выявления различий в объеме накопления ресурсов, источниками которых служат социальные связи и контакты индивида; в-третьих, оценки динамики названных процессов под воздействием внешних факторов, в частности пандемии коронавируса. Диагностика состояния социального капитала в территориальном сообществе позволила оценить характер его распределения среди населения. Учитывая зафиксированные колебания, предполагаем, что целенаправленное управленческое воздействие будет позитивно влиять на процесс восстановления и накопления социального капитала, что может иметь определённые социальные последствия в виде роста доверия в сообществе как между индивидами, так и по отношению к управляющим структурам, активизации структур гражданского общества, в частности через активизацию различных форм гражданского участия.

⁴ Опрос 2016 года, проведенный при реализации гранта РФФФИ № 16-03-00188-ОГН «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса», объем выборки – 1500 человек; опрос, проведенный в 2019 году в рамках гранта РФФФИ № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне», объем выборки – 1900 человек; опросы, проведенные в 2020 и 2021 гг. в рамках гранта РФФФИ № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», объем выборки 2020 года – 1900 человек, 2021 года – 1550 человек. Выборка многоступенчатая, квотная, случайная на этапе отбора респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Результаты и обсуждение

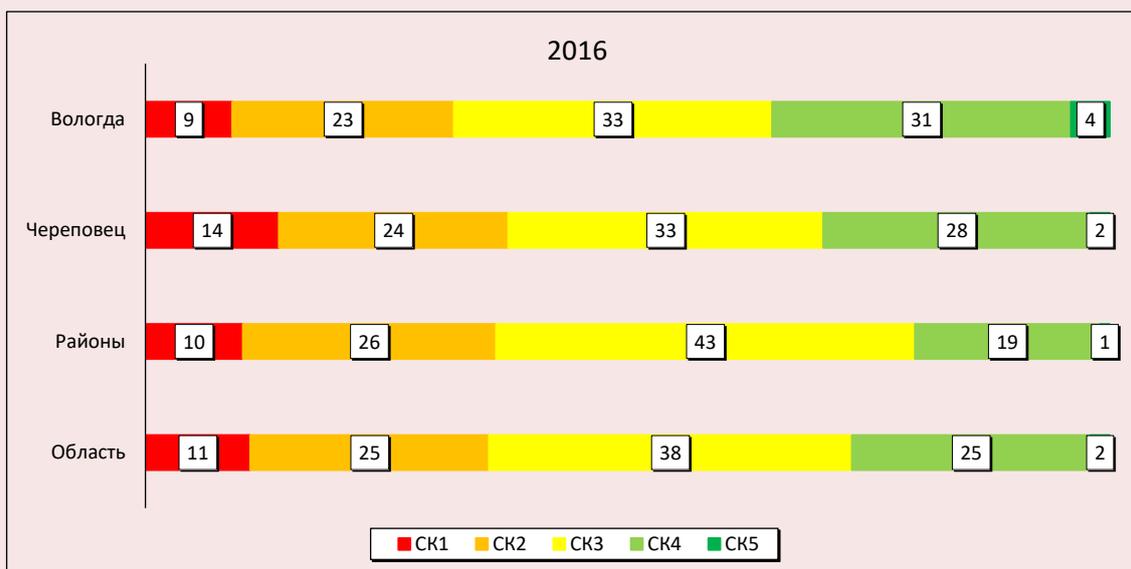
Вологодская область считается одной из самых развитых среди регионов Северо-Западного федерального округа⁵. Для полноценной оценки ситуации в региональном сообществе важно иметь представление не только об экономических показателях, но и о нематериальных ресурсах, к числу которых относится социальный капитал (Гужавина, 2016). Для изучения социального капитала населения Вологодской области обратимся к пятилетнему опыту наблюдений, во время которых регулярно высчитывался уровень накопленного социального капитала респондентов. С учетом исследовательской модели проанализировано распределение социального капитала в зависимости от территориальной принадлежности его носителей (внутри региона).

Территориальность как характеристика социального капитала основана на том, что люди как физические существа в большинстве своем имеют определённую привязку к территории проживания и месту работы. Каждый населен-

ный пункт — это локальное сообщество. Именно в таких локальных сообществах, где индивиды проходят свою социализацию, включаются в уже существующие системы контактов и связей, обогащают их новыми или освобождаются от невостребованных, и происходит формирование социального капитала.

Результаты исследования, проведенного впервые в 2016 году, выявили сравнительно высокие показатели социального капитала. В крупных городах Вологодской области (Вологда и Череповец) порядка трети респондентов обладали социальным капиталом высокого или выше среднего уровня, однако в сельских территориях данная категория включает около одной пятой жителей, из-за чего в среднем по области доля людей с социальным капиталом высокого или выше среднего уровня составила лишь четверть населения. Общее количество обладателей социального капитала минимального и ниже среднего уровня примерно одинаково во всех районах Вологодской области (рис. 1). Несколько хуже ситуация в крупном промыш-

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2016 году, % от числа опрошенных

Источник: данные опроса ВолНЦ РАН, 2016 г., N = 1500.

⁵ Рейтинг социально-экономического положения регионов. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html>

ленном центре – г. Череповце. Доля его жителей, обладающих минимальным социальным капиталом, составила 14%, что превысило значения этого показателя, характерные для других территориальных сообществ региона.

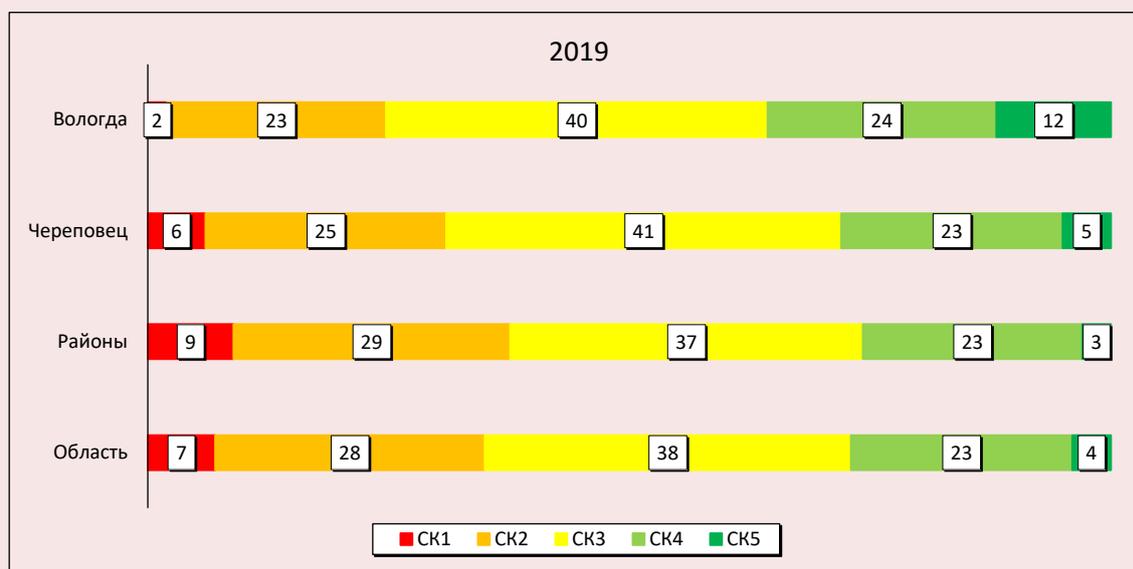
Замеры 2019 года выявили позитивную тенденцию к увеличению доли носителей социального капитала высокого и относительно высокого уровня. В Вологодской области доля носителей социального капитала первого (низшего) уровня уменьшилась на 4%, при этом количество обладателей социального капитала пятого (высокого) уровня стало больше на 2% (рис. 2). Следовательно, в регионе есть потенциал дальнейшего улучшения ситуации. Позитивные изменения произошли и в Череповце, где значительно снизилась доля респондентов, относящихся к группе с минимальным социальным капиталом.

Как и в 2016 году, в 2019 году Вологда продемонстрировала наилучшие показатели, описывающие состояние социального капитала. Одна из причин этого, на наш взгляд, заклю-

чается в возможностях, существующих в городе для формирования новых связей и отношений, которые выступают своего рода средой для образования социального капитала. Вологда, являясь административным, культурным, образовательным центром области, создает больше возможностей для формирования широкой сети отношений. Здесь сосредоточены управленческие центры областного, городского и районного уровней, находятся штаб-квартиры политических партий и общественных организаций, таких как профсоюзы, региональное отделение Красного креста, Областная организация Всероссийского общества инвалидов и т. д. Кроме областных штабов подобных структур в городе действуют их городские отделения. Для примера отметим, что в Вологде в реестре СНКО зарегистрировано почти в три раза больше организаций, чем в Череповце⁶.

Череповец, как промышленный центр, не требует от своих жителей столь высокого уровня активности и не предоставляет для этого подобных возможностей. Меньше возмож-

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2019 году, % от числа опрошенных

Источник: данные опроса ВолНЦ РАН, 2019 г., N = 1900.

⁶ Вологдастат. Реестр СНКО. URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/pravitelstvo_oblasti/strukturnye_podrazdeleniya_pravitelstva/ (дата обращения 23.06.2023).

ностей для социальной активности у жителей малых городов и сельской местности. Кроме того, для сельских территорий большее значение имеют неформальные контакты и родственные связи. Именно по этим каналам идут информационные потоки, многие вопросы решаются в рамках сложившихся практик, носящих традиционно неформальный характер.

В ходе исследования выявлена такая отличительная черта социального капитала, как его неравномерное распределение между обладателями. В качестве факторов влияния в данном случае мы выделяем территорию проживания и масштаб поселения.

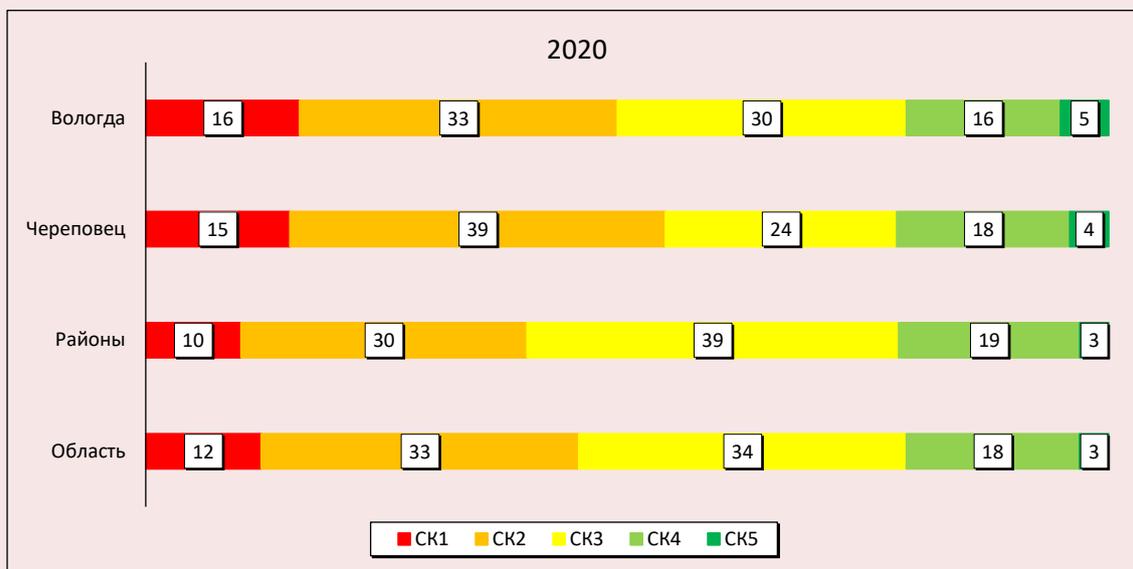
В 2020 году в рамках анализа зафиксировано некоторое падение уровня социального капитала населения Вологодской области в сравнении с докоронавирусным 2019 годом. Прежде всего произошло снижение доли носителей относительно высокого (4 группа) и максимального (5 группа) уровня социального капитала. Соответственно, доли носителей низкого и ми-

нимального уровня социального капитала возросли, включив почти половину опрошенных (45%). Очевидно, что пандемический год нанес социальному капиталу серьезный ущерб. Самоизоляция, ограничения контактов, дистанцирование привели к ощутимым потерям в социальных отношениях. Усилились настороженность, психологическая напряженность, что отразилось в значительном росте негативных суждений (рис. 3).

Полученные данные позволяют сделать еще один вывод, характеризующий социальный капитал. Ограничение связей и контактов ведет к значительному падению уровня социального капитала и демонстрирует роль социальных связей и отношений для его производства. Пандемия помогла получить веские доказательства общественной природы социального капитала.

В 2021 году зафиксирована тенденция к восстановлению социального капитала, однако «допандемийный» уровень не был достигнут. Число носителей социального капитала мини-

Рис. 3. Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2020 году, % от числа опрошенных

Источник: данные опроса ВолНЦ РАН, 2020 г., N = 1918.

мального и низкого уровня хотя и существенно сократилось, но всё ещё превышало показатели 2019 года (рис. 4). Почти десятая часть жителей Вологодской области обладала минимальным уровнем социального капитала. В ответах респондентов данной категории преобладал выбор альтернатив, содержащих отрицание, т. е. утверждения о том, что они не могут никому доверять (ни людям, ни институтам), не могут никуда обратиться за помощью, не готовы объединяться с другими людьми, не считают себя способными повлиять на собственную жизнь в значимых масштабах и т. п. Чуть больше четверти опрошенных продемонстрировали обладание социальным капиталом высокого и относительно высокого уровня. Представителям данной категории присущи достаточно высокая готовность к объединению, уверенность в возможности оказать влияние на свою жизнь, наличие положительного опыта в вопросе межличностного и институционального доверия.

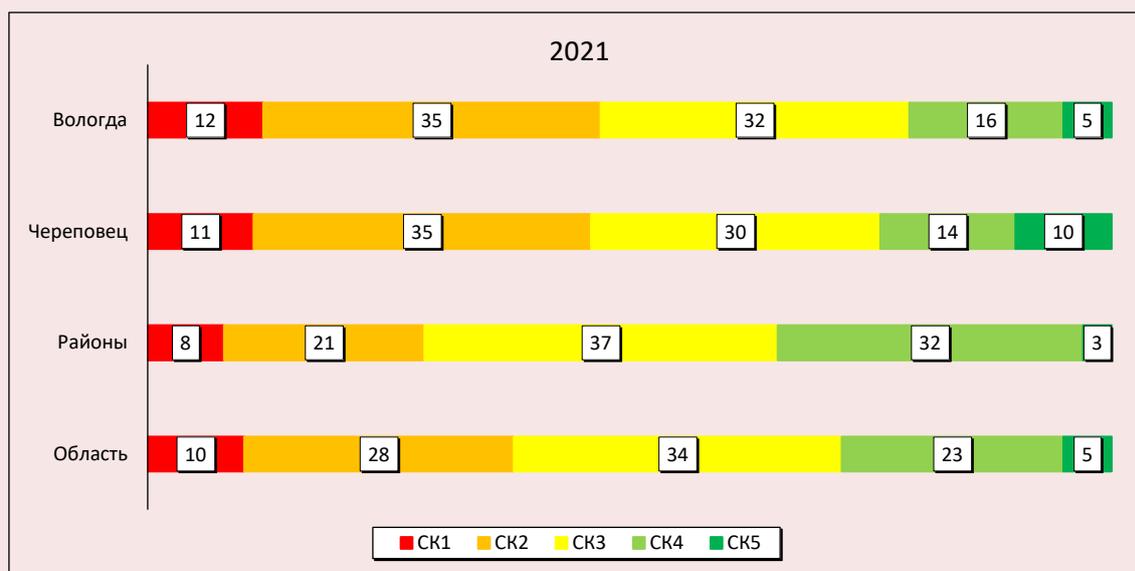
Позитивная динамика в сравнении с кризисным 2020 годом позволила сделать оптимистический прогноз относительно будущего социального капитала жителей региона. Пережив первый год пандемии, в 2021 году население Вологодской области начало постепенно вос-

становливать утраченные связи, но на момент проведения нового исследования ещё не смогло выйти на доковидные показатели. Следует отметить, что сказанное в большей степени относится к жителям крупных городов.

В районах ситуация, напротив, изменилась в лучшую сторону за счет как более низкого уровня падения социального капитала во время пандемии (в сравнении с крупными городами), так и более высоких темпов его восстановления в постковидный период. В 2021 году жители районов Вологодской области смогли улучшить показатели социального капитала, превзойдя даже уровень доковидного 2019 года (см. рис. 4).

Возможность восстановления отношений с прекращением ситуации локдауна привела к росту социального капитала (см. рис. 3). Как оказалось, инвестиции в виде поддержки личных связей и отношений имеют значение и не могут быть полностью заменены на контакты через информационные каналы. Позитивная динамика, выявленная в показателях за 2021 год в сравнении с кризисным 2020-м, позволяет делать оптимистические прогнозы относительно будущего состояния социального капитала, которым обладают жители региона.

Рис. 4. Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области в 2021 году, % от числа опрошенных

Источник: данные опроса ВолНЦ РАН, 2021 г., N = 1550.

Выводы

Полученные результаты дают возможность сделать несколько выводов относительно как методологии исследования, так и его итогов. Прежде всего следует отметить, что концепт социального капитала обладает значительным эвристическим потенциалом и помогает построить объяснительные модели. Разработанная авторская методика построения интегрального индекса, положенная в основу его измерения, была неоднократно апробирована в ходе ряда исследований и подтвердила свою валидность. Интегральный индекс социального капитала раскрывает широкие возможности не только по измерению социального капитала как латентной переменной, но и по выявлению её взаимосвязей с другими объектами социального континуума. Важно понимать, что помимо интерпретации полученного значения индекса происходит анализ его изменений во времени, колебаний в зависимости от происходящих в обществе социально-политических и экономических событий. Это открывает возможности построения различных прогнозов, что и выступает одной из важнейших функций науки.

Полученные на основе методики построения интегрального индекса аналитические данные позволяют оценить состояние социального капитала регионального сообщества, определить его характерные черты. В полной мере проявляют себя такие характеристики, как территориальность, неравномерность распределения и зависимость от типа поселения. Каждый населенный пункт — это локальное сообщество, и именно в таких локальных сообществах, где вначале формируется, а затем реализуется социальный капитал в виде связей и отношений, обнаруживаются различия в структуре населения по уровню накопления социального капитала. Во многом это связано с имеющимися в месте проживания возможностями для включения акторов в сети отношений, а также в деятельность различных общественных организаций, т. е. с

развитием на конкретной территории структур гражданского общества.

Собранные за время наблюдений данные обуславливают вывод о наличии в территориальном сообществе достаточно стабильных групп, отличающихся по уровню накопленного социального капитала. Это говорит о формировании определенной структурной организации локального сообщества. Различия между группами, обладающими разным по объему социальным капиталом, — это прежде всего различия в имеющихся связях и отношениях, которые позволяют индивиду обратиться к ресурсам группы при решении своих задач или задач группы либо стать источником ресурсов для участников своей сети. Мы видим различия в доступе к благам, однако социальный капитал не является частным благом, он отнесен к общественным благам, что делает его достаточно гибким критерием.

Структурная характеристика территориального сообщества, выявленная на основе индекса социального капитала, является динамичным образованием. Границы выделенных групп слабо структурированы и подвержены изменениям под влиянием факторов внешней среды. Тем не менее наблюдение, охватившее период с 2016 по 2020 год, показывает наличие достаточно стабильных по доле входящих в них респондентов групп носителей социального капитала. Фиксируемые изменения не приводят к исчезновению группы как таковой. Колебания имеют место как в сторону увеличения количества выявленных групп, так и в сторону их уменьшения, при сохранении определенной численности состава. Особенно ярко динамизм обнаружил себя в период пандемии. Наблюдаемая динамика служит свидетельством как определенной устойчивости групп, так и их изменчивости под влиянием значимых внешних факторов. Сам фактор динамики показателей позволяет говорить о возможном управленческом воздействии на процесс формирования социального капитала.

Литература

- Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. (2016). Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6. С. 110–125. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.6
- Бузгалин А.В. (2011). Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? // Общественные науки и современность. № 3. С. 147–161.

- Гужавина Т.А. (2016). Социальный капитал региона как фактор модернизации // Проблемы развития территории. № 1 (81). С. 130–144.
- Гужавина Т.А. (2018). Габитус доверия и идентичность // Вестник Ереванского университета. Социология, экономика. № 1 (25). С. 39–46.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е. [и др.]. (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с.
- Полищук Л., Меняшев Р. (2011). Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. № 12. С. 46–65.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н. [и др.]. (2018). Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография. Череповец. гос. ун-т. Череповец: ЧГУ. 220 с.
- Рожков Г.В. (2009). Генезис инновационной экономики в России / под ред. С.Г. Ерошенкова. М.: МАКС Пресс. 888 с.
- Токвиль А. де (1992). Демократия в Америке: пер. с франц. М.: Прогресс. 554 с.
- Черныш М.Ф. (2019). Проблематизация социального: исследования социальной структуры и российская социология // Россия реформирующаяся. № 17. С. 48–60.
- Becker G.S. (1964). *Human Capital*. New York: Columbia University Press.
- Bourdieu P. (1985). The forms of capital. In: Richardson J.G. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood.
- Callois J.-M., Schmitt B. (2009). The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas. *Review of Agricultural and Environmental Studies*, 90(3), 257–286.
- Coleman J. (1993). *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP.
- Ostrom E. (2000). Social capital: Fad or a fundamental concept? In: Dasgupta P., Serageldin I. (Eds.). *Social Capital, a Multifaceted Perspective*. Washington, DC: The World Bank.
- Panebianco S. (2013). The impact of social capital on regional economic development. In: *ACSP Congress – Lovanio*. Germany: Universität Kassel Publ.
- Pichler F., Wallace C. (2007). Patterns of formal and informal social capital in Europe. *European Sociological Review*, 23(4), 423–435.
- Putnam R., Helliwell J. (1995). Economic growth and social capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 21(3), 295–307.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993). *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
- Sztompka P. (1991). *Society and Action: The Theory of Social Becoming*. Cambridge: Polity Press.

Сведения об авторе

Татьяна Анатольевна Гужавина – кандидат философских наук, доцент, заведующий лабораторией, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Guzhavina T.A.

Social Capital of the Russian Region: State and Dynamics

Abstract. Social capital is the basic characteristic of the system of social relations arising in a territorial community. In the context of ongoing global transformations, manifested both on a national scale and at the regional level, there is a need to analyze the changing social reality. We consider the concept of social capital as a promising explanatory model in the analysis of ongoing social changes. Based on this theoretical approach, the goal was set to analyze the state and dynamics of the social capital of the territorial community. The object of the study is the territorial community of the Vologda Oblast, the subject is the state and dynamics of social capital. The novelty of the work consists in obtaining analytical

data by conducting a unique long-term observation, which has become, in fact, monitoring. The study used the author's methodology for determining the level of accumulated social capital based on its integral index calculated for each respondent, which allows us to identify groups of its carriers characterized by different amounts of social resources that can serve as a factor of noneconomic development. The empirical basis of the study is the results of public opinion polls conducted in 2016, 2019, 2020 and 2021 among the population of the Vologda Oblast on a multi-stage, quota-based settlement and demographic characteristics, a random sample at the stage of selecting respondents. In the course of the study, fairly stable groups were identified that maintain their boundaries throughout the observation period. The changes in the social capital index recorded during the observation period serve as an indicator of its dynamism. The influence of environmental factors, for example, the pandemic, which affected the loss of social capital, was revealed. The analysis showed that various local communities differed both in the volume of losses and in the ability to restore social ties. The least losses and faster recovery were observed in rural areas. The results of the study can be used in the activities of federal, regional public authorities, local governments, scientific and educational organizations in the analysis of social processes in regional territorial communities, as well as serve as a basis for further research on the subject under consideration.

Key words: social capital, indicator model, integral index, territorial community, dynamics of social capital, territoriality.

Information about the Author

Tatyana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Статья поступила 31.05.2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.15

УДК 332, ББК 65.9

© Теребова С.В., Иванов С.Л., Щербин В.К.

Актуальные проблемы сотрудничества предприятий России и Белоруссии: взгляд из региона

Светлана Викторовна

ТЕРЕБОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: svetlana-ter@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2044-9521

Семен Леонидович

ИВАНОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: slivanov2020@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4647-5824

Вячеслав Константинович

ЩЕРБИН

Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси

Минск, Беларусь

e-mail: Shcherbin5353@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6217-1265

Для цитирования: Теребова С.В., Иванов С.Л., Щербин В.К. (2023). Актуальные проблемы сотрудничества предприятий России и Белоруссии: взгляд из региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 266–284. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.15

For citation: Terebova S.V., Ivanov S.L., Shcherbin V.K. (2023). Current problems of cooperation between Russian and Belarusian enterprises: Region's view. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 266–284. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.15

Аннотация. В условиях неблагоприятной геополитической обстановки особую актуальность приобретает укрепление двустороннего сотрудничества России и Республики Беларусь. На текущий момент Россия является ключевым торговым партнером Белоруссии. Несмотря на серьезные вызовы, санкции и рестрикции, предприятия России и Белоруссии продолжают развивать сотрудничество практически во всех отраслях народного хозяйства и добиваются при этом результата. По итогам 11 месяцев 2022 года достигнут исторически максимальный объем взаимного оборота товаров и услуг – 45 млрд долларов США. Аналитические данные и экспертные оценки показывают, что текущая обстановка позволяет активизировать двустороннее сотрудничество между предприятиями двух стран и вывести его на новый уровень. С другой стороны, как отмечают специалисты, сложившаяся ситуация может стать источником проблем, сдерживающих потенциал такого сотрудничества. Это условие определило актуальность темы и цель работы. Исследование нацелено на выявление барьеров сотрудничества предприятий России и Республики Беларусь, а также разработку предложений по их устранению. Для достижения поставленной цели разработан инструментарий, с помощью которого проводился экспертный опрос (методом глубинного интервью) руководителей предприятий региона России (Вологодской области), сотрудничающих с контрагентами из Республики Беларусь. Отбор экспертной группы осуществлялся при помощи документального метода. В опросе приняли участие руководители шести предприятий региона, деятельность которых соотносится со структурой объема внешнеторгового оборота между Вологодской областью и Республикой Беларусь. Апробация разработанного инструментария позволила выявить отдельные проблемы, возникающие в ходе двустороннего сотрудничества: проблему возврата налога на добавленную стоимость в рамках внешнеторговых операций, наличие таможенных ограничений, в том числе на продукцию особого назначения, негативные эффекты воздействия экономических санкций и др.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, предпринимательский сектор, предприятие, проблемы, перспективы, развитие, инновации, научно-технологический потенциал, интервью.

Введение

С момента распада Советского Союза входившие в его состав республики начали производить поиск различных форм партнерства на взаимовыгодных условиях. Это позволило основать Содружество независимых государств (СНГ), зону свободной торговли. Началась также деятельность по созданию интеграционных проектов в социально-экономической сфере¹.

Особое место среди взаимодействий в формате СНГ стали занимать отношения между Россией и Белоруссией. Важнейшим событием в рамках усиления двустороннего партнерства стало подписание Договора о создании Союзного государства (8 декабря 1999 г.)². Основные

задачи создания Союзного государства заключались в обеспечении демократического развития, укреплении дружбы, повышении качества жизни населения. Более того, появилась потребность в создании единого экономического пространства на базе интеграции материального и интеллектуального потенциалов стран-участников³.

Развитие научных и производственных связей становится одной из наиболее значимых компонент стратегического партнерства России и Республики Беларусь (РБ). Базисом формирования общего научно-технологического пространства Союзного государства выступают Союзные программы (СП)⁴ (Витязь, 2017).

¹ Союзное государство: история совместного развития. URL: https://xn--c1anggbpdf.xn--plai/history/20years_of_union_state/page726227.html (дата обращения 27.03.2023).

² Беларусь и Россия: Будущее Строим Вместе // ЛОЕУСКИ КРАЙ. Региональный портал. URL: <http://www.loevkraj.by/> (дата обращения 27.03.2023).

³ Союзное государство: история совместного развития URL: https://xn--c1anggbpdf.xn--plai/history/20years_of_union_state/page726227.html (дата обращения 27.03.2023).

⁴ Заседание Бюро Межакадемического совета РАН и НАН Беларуси // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VoYK79D64X0>

Первые СП разработаны более двадцати лет назад. Регулируемые рядом соглашений между Россией и Беларусью, они появились еще до формирования Союзного государства как такового⁵ (Ваганова, 2017; Дугова, 2017; Давыденко, Литвинюк, 2022; Сотников, 2022). По мере развития отношений в рамках надгосударственного образования создавались новые программы (Шурубович, 2019; Rauter et al., 2019). Начиная с 2000 года реализовано 57 программ Союзного государства по разработке новых технологий и созданию инновационной продукции. Кроме того, осенью 2021 года опубликовано 28 СП, касающихся дальнейшего углубления интеграционных процессов⁶.

Вопросы и направления экономической интеграции России и Республики Беларусь не ограничиваются одними Союзными программами. Председатель Постоянной комиссии Совета Республики по экономике, бюджету и финансам Татьяна Рунец отметила: «В условиях санкционного давления ключевым условием для интеграции наших стран становится расширение промышленной кооперации и реализация совместных проектов в реальном секторе экономики. Торговое сотрудничество порой уязвимо, а совместный бизнес сделает процесс интеграции необратимым»⁷.

Наряду с созданием Союзного государства важнейшими инструментами усиления интеграционных процессов, стимулирующих кооперацию между белорусскими и российскими субъектами хозяйственной деятельности, явились Таможенный союз, Евразийский

экономический союз⁸. Развитие интеграционных процессов в различных форматах привело к значительному увеличению объемов взаимной торговли, показатели которой за последние 20 лет возросли более чем в три раза. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), товарооборот двух стран в 2021 году вырос примерно на 35% по сравнению с предыдущим годом. По итогам 11 месяцев 2022 года достигнут исторически максимальный объем взаимного оборота товарами и услугами в размере 45 млрд долларов США⁹.

На фоне изменения геополитических условий Россия и Беларусь объединяют усилия по противостоянию сложившимся ограничениям и ведут активную работу по минимизации их последствий. Реализуются двусторонние проекты в области импортозамещения, обеспечения бесперебойной работы финансовых и товарных рынков, формирования новых производственных цепочек¹⁰.

Поскольку предприятия и организации выступают ключевыми субъектами в рамках международного экономического сотрудничества, настоящее исследование нацелено на выявление актуальных проблем и определение перспектив, возникающих в ходе сотрудничества предприятий Российской Федерации и Республики Беларусь. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач.

1. Произвести характеристику факторов, методов и инструментов внешней торговли; выделить особенности их реализации в рамках двустороннего сотрудничества России и Белоруссии.

⁵ Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства. URL: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения 27.01.2023).

⁶ Там же.

⁷ Татьяна Рунец: Время требует оперативных решений для укрепления экономики Союзного государства // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/05/04/tatiana-runec-vremia-trebu-et-operativnyh-reshenij-dlia-ukrepleniia-ekonomiki-soiuznogo-gosudarstva.html> (дата обращения 30.01.2023).

⁸ Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России (2019): докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т.В. Бордачев, К.О. Вишневецкий, М.К. Глазатова [и др.]; отв. ред. Т.А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 123 с.

⁹ Белоруссия впервые вышла на профицит в торговле с Россией // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/880473> (дата обращения 30.01.2023).

¹⁰ Импортозамещение в Белоруссии за счет кредита РФ начнут в 2022 году // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16498395> (дата обращения 30.01.2023).

2. Выполнить анализ динамики статистических показателей, характеризующих торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь.

3. Разработать инструментарий, позволяющий выявить проблемы взаимодействия российских и белорусских предприятий.

4. Произвести апробацию разработанного инструментария (на примере предприятий Вологодской области, осуществляющих взаимодействие с контрагентами из Беларуси).

5. Предложить варианты решения выявленных проблем с учетом позиций руководителей предприятий.

Научная новизна исследования состоит в разработке и апробации инструментария, позволяющего на региональном уровне выявить проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества предприятий России и Республики Беларусь. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты (выявленные проблемы двустороннего сотрудничества и направления их решения) могут быть полезны не только представителям органов федеральной, региональной и местной власти, в компетенции которых находятся вопросы международного сотрудничества, но и руководителям предприятий, которые в рамках своей деятельности взаимодействуют (либо планируют начать взаимодействие) с партнерами из Белоруссии.

Обзор литературы

История развития российско-белорусских государственных отношений является предметом рассмотрения целого ряда научных работ. Например, в исследовании (Неменский, 2016) затронут аспект экономических отношений двух стран и внутриполитических дискуссий в Белоруссии по внешней политике на восточном направлении. Особое внимание уделено проекту Союзного государства, проблемам участия Республики Беларусь в интеграционных проектах с Россией.

Анализ становления российско-белорусского сотрудничества демонстрирует, что обе страны из партнерства всегда извлекали пользу и взаимную выгоду, а «процесс интеграции, который уже распространен на экономическую сферу, можно считать закономерным» (Куракина, Баршова, 2020).

Ф. Юсубов (Юсубов, 2013) считает, что на региональном уровне экономическое партнерство организовано в формате международных интеграционных блоков. На пространстве СНГ с учетом развития процессов международного экономического взаимодействия также начали формироваться субрегиональные блоки. Яркий тому пример – Союзное государство.

По мнению С.В. Молевой (Молева, 2012), одним из наиболее важных направлений экономического сотрудничества в рамках Союзного государства можно считать развитие сотрудничества России и Беларуси в торгово-экономической сфере. В рамках исследования (Колода и др., 2019) более детально анализируются вопросы, касающиеся внешнеэкономических связей двух государств. Отмечено, что Белоруссия является стратегическим торговым партнером Российской Федерации.

На сегодняшний день в Союзном государстве присутствует комплекс совместных организаций и предприятий, реализуются экономические и научно-технические программы (Куракина, Баршова, 2020). Тем не менее наиболее развитой формой экономических отношений между Россией и Белоруссией по праву считается внешняя торговля.

По некоторым оценкам, на долю торговли приходится порядка 80% всего объема международных экономических отношений (МЭО). Международная торговля определяет большинство видов международного сотрудничества¹¹ (Bems et al., 2013; Boddewyn, 2016; Evenett, 2019; Gumbrell-McCormick, 2013; Mutz et al., 2017).

Следует обратить внимание, что как в зарубежной, так и в отечественной экономической литературе на данный момент не сформировался единый подход к сущности международной торгово-экономической деятельности. Большая часть исследователей определяет такую деятельность на страновом уровне, а ее характеристики объединяет общая тенденция реализации МЭО через государственные границы. Международная торгово-экономическая деятельность на региональном уровне представляет собой

¹¹ Международная торговля и ее выгоды // Библиофонд. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=512277> (дата обращения 01.06.2023).

экономические связи субъектов хозяйствования отдельного региона страны с субъектами хозяйствования других регионов мира (Сюй, 2021).

Успех в достижении ориентиров взаимодействия во многом зависит от эффективности использования теоретических основ и мировой практики международного торгово-экономического сотрудничества (факторов, обуславливающих его развитие, условий, форм и методов). Вопросам исследования факторов международного торгово-экономического сотрудничества посвятили свои работы как отечественные (Малахова, 2021; Родыгина, Бессонова, 2018; Умгаев и др., 2019), так и зарубежные ученые (Gumbrell-McCormick, 2013).

С. Сюй (Сюй, 2021) выделяет следующие факторы развития международного торгово-экономического сотрудничества: научно-технический прогресс, глобальные проблемы (например, продовольственная, экологическая и пр.), а также неоднородность развития регионов мира. Как справедливо отмечает автор, совершенствование производственных технологий стимулирует обмен ресурсами, а наличие глобальных проблем практически всегда бывает сосредоточено в рамках международной среды.

Вместе с тем, кроме факторов, способствующих развитию международного торгово-экономического сотрудничества, следует выделять и негативные факторы торможения этого процесса: экономические и политические конфликты между странами и регионами мира, неразвитость рыночной инфраструктуры в отдельных странах и пр. (Малахова, 2021; Сюй, 2021).

Факторы международного торгово-экономического сотрудничества определяют формы и методы международной торговли (Evenett, 2019; Ефименко, 2020). Среди ключевых форм международной торговли можно указать торговлю готовой продукцией, торговлю сырьевыми товарами, торговлю интеллектуальной собственностью, встречную и биржевую торговлю. Характеристика каждой формы МЭО позволит выявить их специфику и подвиды (табл. 1).

Таким образом, выделяют различные формы международной торговли. В основном они зависят от предмета и характера осуществления внешнеторговых операций. Чаще всего их классифицируют по двум признакам: предмету торговли и способу организации взаимоотношений между партнерами. При анализе форм международной торговли можно подробно охарактеризовать объемы и структуру торговли отдельной страны или же группы стран, а также мира в целом. Так как каждая из них имеет свои преимущества и недостатки, можно выявить, какая из них наиболее выгодна для импортера или экспортера при определенных торговых взаимоотношениях.

На сегодняшний день существуют разнообразные методы международной торговли. Главная их цель остается неизменной — обмен товарами на взаимовыгодных условиях. Наиболее известными методами международной торговли выступают экспортно-импортные операции (Mutz, 2017; Ковалева, 2020).

Теоретические основы и мировая практика международного торгово-экономического сотрудничества в контексте настоящего исследования будут рассматриваться с учетом потребностей и возможностей Российской Федерации и Республики Беларусь.

На развитие торгово-экономического сотрудничества России и Белоруссии особое влияние, помимо политических и экономических, оказали факторы географические, языковые и культурные. Россия и Беларусь — приграничные страны. Более того, их объединяет общность традиций, культуры, языка, ориентированная друг на друга экономика (Ковалева, 2020).

Необходимо отметить, что в формате Союзного государства развиты все рассмотренные выше формы международной торговли, однако присутствует территориальная специфика: при экспорте из России в Республику Беларусь наиболее распространенной формой является торговля сырьевыми товарами, в то время как при импорте из Белоруссии в Россию — торговля готовой продукцией и изделиями в разобранном виде. «Привилегированный» торговый режим дает возможность Российской Федерации получать от Республики Беларусь по приемле-

Таблица 1. Характеристика форм международной торговли

Форма международной торговли	Характеристика
Торговля готовой продукцией	Осуществляется непосредственно между экспортерами и импортерами, а также через посредников: консигнаторов, дистрибьюторов и пр. Важно подчеркнуть, что готовая продукция предназначена для конечного потребления. К готовой продукции относится часть номенклатуры машиностроительного производства, электроники, электроэнергия и т. д. Чем выше степень обработки готовой продукции, тем выше ее конкурентные качества.
Торговля сырьевыми товарами	Считается традиционной формой международной торговли и составляет более 20% в товарной структуре мирового экспорта. При этом минеральное сырье составляет более 12%, а сельскохозяйственное сырье и продовольствие – практически 9%. Необходимо отметить, что между производителями и потребителями наблюдается существенный разрыв, что обуславливает возрастающую роль мировых рынков в перераспределении ресурсов.
Торговля интеллектуальной собственностью	В данном случае в качестве товара будут выступать объекты интеллектуальной собственности в виде патентов, товарных знаков, ноу-хау и пр., а права на их использование будут являться предметом международных сделок. Результаты интеллектуальной деятельности приравниваются к числу дорогостоящих активов в коммерческих операциях. Цена некоторых известных брендов способна достигать нескольких млрд долларов. Например, в 2017 г. в десятку самых лучших и дорогих брендов вошли Apple – 184,154 млрд долл., Google – 141,703 млрд долл., Microsoft – 79,999 млрд долл., Samsung – 56,249 млрд долл., IBM – 46,829 млрд долл.
Встречная торговля	Подразумевает совершение сделок, в ходе которых одна сторона поставляет другой изделия или услуги, а контрагент, в свою очередь, реализует в адрес партнера свои продукты или технологии. Таким образом, происходит взаимная увязка движения товара в обоих направлениях.
Биржевая торговля	Представляет организованную торговлю товарами, валютой, ценными бумагами и пр. при посредничестве бирж. Сделки на бирже выполняются без предварительного осмотра, обычно на партии товаров определенного (базисного) сорта. На биржевой торговле предметом купли-продажи лишь приблизительно 10% выступает реальный товар, оставшиеся 90% – фьючерсы.
Источник: составлено авторами с применением метода контент-анализа по: Регулирование международной торговли сырьевыми товарами // Международная жизнь. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/546 (дата обращения 29.03.2023); Международная торговля объектами интеллектуальной собственности. URL: https://scienceforum.ru/2018/article/2018007416#:~:text= (дата обращения 29.03.2023); Встречная торговля и ее особенности // Компания VVS. URL: https://vvs-info.ru/helpful_information/poleznaya-informatsiya/vstrechnaya-torgovlya/ (дата обращения 29.03.2023); Что такое биржевая торговля? Описание и определение понятия // Бизнес Прост. URL: https://biznes-prost.ru/birzhevaya-torgovlya.html (дата обращения 29.03.2023).	

мым ценам необходимые товары: грузовую автомобильную технику, сельскохозяйственные машины (в том числе тракторы), бытовую технику и пр. Важное значение для Беларуси имеет возможность покупать по льготным ценам российские энергоносители (в первую очередь природный газ)¹².

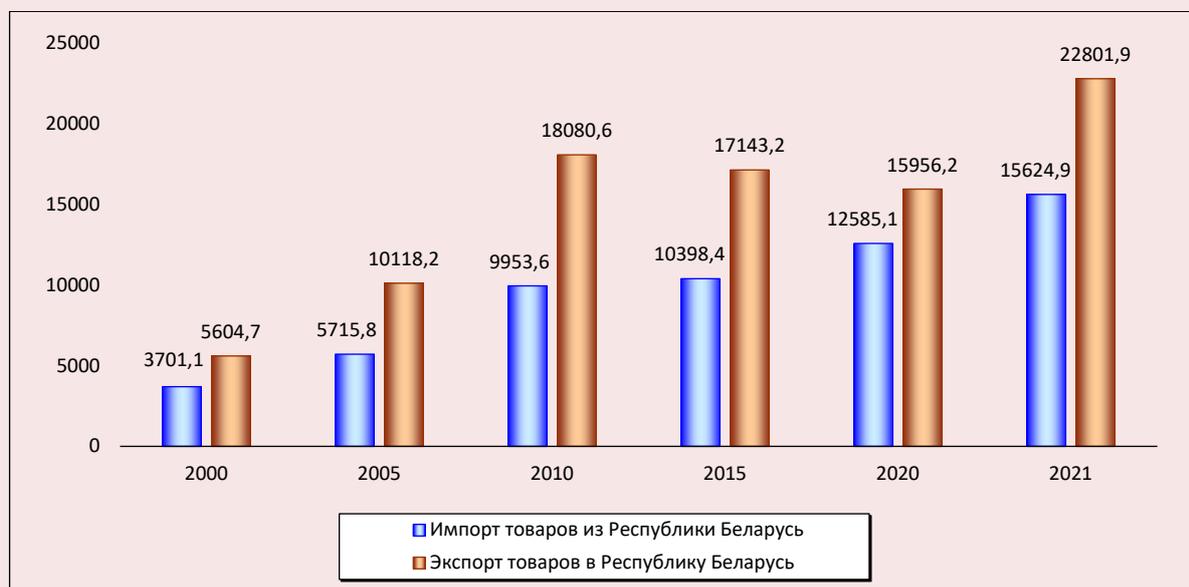
Стоит также отметить, что в рамках взаимодействия России и Белоруссии реализуются основные методы международной торговли (экспортно-импортные операции). Традиционно Российская Федерация является основным

торговым партнером Республики Беларусь, а также крупнейшим экспортным рынком для белорусских производителей (Ибраева, Джуношева, 2020; Филькевич, 2018). Доля России в товарообороте Белоруссии стабильно составляет порядка 50%. Республика Беларусь остается важным торговым партнером Российской Федерации, занимая 4 место по объему товарооборота России со странами мира и 1 место – на пространстве СНГ. Этим обусловлена необходимость поддержания тесной взаимосвязи и сотрудничества между двумя стратегическими партнерами¹³.

¹² Региональное сотрудничество России и Белоруссии в рамках ЕАЭС // Российский Совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/regionalnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-belorussii-v-ramkakh-eaes/> (дата обращения 13.04.2023).

¹³ Россия – Белоруссия 2022. Экономика: что завтра? // Международный центр торговли. URL: <https://corp.wtmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/rossiya-belorussiya-2022-ekonomika-chto-zavtra/> (дата обращения 29.03.2023).

Рис. 1. Динамика внешнеторгового оборота Российской Федерации и Республики Беларусь за период с 2000 по 2020 год, млн долл. США

Источники: Внешняя торговля Республики Беларусь – 2021: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/c4c/n6k9xzdxbumpg61f8whfybttkcvl4t5t.pdf> (дата обращения 25.01.2023); Внешняя торговля Республики Беларусь – 2018: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b5e/b5eeb063dcad3c19ec3f27d642270471.pdf> (дата обращения 25.01.2023); Таможенная статистика 2020, 2021 / ФТС. URL: <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (дата обращения 25.01.2023).

С момента образования Союзного государства внешнеторговый оборот РФ и Республики Беларусь характеризуется ростом (рис. 1). Экспорт российских товаров в Белоруссию за период с 2010 по 2021 год вырос более чем в 4 раза. На протяжении всего периода наблюдений также отмечается устойчивый рост импорта товаров из Республики Беларусь в Россию. Величина торгового сальдо за каждый представленный год наблюдения имеет положительные значения: в 2021 году она составила 7177 млн долларов США, что на 73,5% больше, чем в 2000 году.

Отдельно хотелось бы акцентировать внимание на показателях внешней торговли России и Беларуси в 2021 и 2022 гг. Это особенно важно с позиции неблагоприятной экономической конъюнктуры и высоких геополитических рисков, вызванных последствиями пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, а также

введением экономических санкций со стороны ряда зарубежных стран.

По официальным данным Федеральной таможенной службы РФ, в 2021 году импорт белорусских товаров на российский рынок составил 15624,9 млн долларов США, что почти на 20% выше, чем это было годом ранее¹⁴. Более того, по данным Министерства иностранных дел Республики Беларусь, в 2021 году в структуре импорта товаров появилась 31 новая товарная позиция на сумму 0,6 млн долларов США, по которым в 2020 году поставки в Россию не осуществлялись¹⁵.

¹⁴ Таможенная статистика 2020, 2021. URL: <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (дата обращения 25.01.2023).

¹⁵ Об итогах внешней торговли Беларуси с Россией в 2021 году // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade/ (дата обращения 25.01.2023).

Вероятно, рост внешнеторгового оборота в 2021 году в рамках Союзного государства обеспечен тем, что предприятия России и Белоруссии успешно сотрудничали в ходе реализации проектов по борьбе с пандемией COVID-19¹⁶.

Важно также отметить, что на фоне введенных санкций Россия и Белоруссия объединяют усилия по минимизации их последствий. В январе – феврале 2022 года странам удалось сохранить положительную динамику в сфере торгово-экономического сотрудничества. Двусторонний товарооборот увеличился на 29,2% и достиг 6500 млн долларов США. Российский экспорт составил 3900 млн долларов США, белорусский импорт – 2600 млн долларов США¹⁷.

Тем не менее при всех беспорных достижениях в развитии Союзного государства имеются серьезные недостатки. Как отмечено в тексте аналитического доклада «Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений», подготовленного экспертами ассоциации внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко в 2021 году, требуется модернизация экономических и политических институтов для повышения устойчивости и конкурентоспособности Союзного государства, укрепления российско-белорусских связей. Союзное государство остро нуждается в общей промышленной стратегии и промышленной политике¹⁸.

Кроме того, важнейшей проблемой Союзного государства является отсутствие единого правового пространства (Зайтов, 2021). По мнению исследователя, необходимо уделять особое внимание формированию единого правового поля и унификации законодательства.

¹⁶ Совместное заявление министров иностранных дел Беларуси и России по случаю 30-й годовщины дипломатических отношений двух стран / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b4996791161153f5.html (дата обращения 25.01.2023).

¹⁷ Россия – Белоруссия 2022. Экономика: что завтра? // Центр международной торговли. Москва. URL: <https://corp.wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/rossiya-belorusiya-2022-ekonomika-cto-zavtra/> (дата обращения 25.01.2023).

¹⁸ Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений: аналитический доклад // Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/news/092021/gromyko2021-2.pdf> (дата обращения 27.01.2023).

Эти и некоторые другие проблемы могут стать причиной возникновения барьеров в развитии кооперации предприятий России и Республики Беларусь.

Методология исследования

В работе используется методология системного анализа с применением количественных и качественных методов социально-экономического исследования. Отдельно хотелось бы отметить использование социологического метода (интервьюирования). С его помощью был проведен опрос руководителей предприятий Вологодской области, сотрудничающих с партнерами из Республики Беларусь.

Информационной базой послужили научные статьи, монографии, нормативно-правовые документы, а также информационно-аналитические материалы, опубликованные на интернет-ресурсах. В целях обоснования актуальности и более полного раскрытия проблематики исследования в качестве информационных источников применялись сведения следующих организаций: Российский экспортный центр, Федеральная таможенная служба, Росстат, Белстат.

Характеристика инструментария исследования. С целью выявления особенностей и проблем в рамках двустороннего сотрудничества проведено экспертное интервью с представителями организаций Вологодской области, осуществляющими сотрудничество с партнерами из Республики Беларусь. Для интервьюирования был разработан гайд. Условно все вопросы, входящие в состав гайда, можно разделить на три блока (*табл. 2*):

- отдельные аспекты сотрудничества российских предприятий с организациями из РБ: особенности, направления, преимущества, планы и т. д. (вопросы 1–5, 7, 8, 10);
- сотрудничество в области реализации инновационных проектов (вопрос 9);
- проблемы сотрудничества (вопросы 6, 11).

Отбор экспертной группы осуществлялся при помощи документального метода в соответствии со структурой экспорта товаров, производимых на территории Вологодской области, в Республику Беларусь, а также импорта товаров из Белоруссии в Вологодскую область.

Таблица 2. Список вопросов, входящих в состав гайда

№ п/п	Формулировка вопроса
1	С какого года Ваша компания сотрудничает с белорусскими партнерами?
2	По каким направлениям Вы сотрудничаете с коллегами из Республики Беларусь?
3	Что стало причиной того, что Вы начали с ними сотрудничать?
4	Каковы основные особенности взаимодействия с белорусскими предприятиями?
5	Какие преимущества Вам дает это сотрудничество?
6	Какие проблемы возникают в рамках сотрудничества? С чем они связаны?
7	Как изменились условия сотрудничества за последние 3 года (улучшились, ухудшились, не изменились)?
8	Какие у Вас планы на будущее по взаимодействию с белорусскими партнерами? Какие проекты Вы бы хотели реализовать?
9	Готовы ли вы развивать сотрудничество с Республикой Беларусь в области инноваций? Что Вам для этого потребуется и какие возможности у Вас для этого существуют?
10	Можете ли Вы сказать, на сколько лет (1–3–5) вперед Вы видите перспективу развития своего предприятия? В чем состоят Ваши главные преимущества, которые могут помочь реализовать стратегические задачи на обозначенный срок?
11	Если есть возможность, назовите три главные проблемы лично для Вашего предприятия, решение которых позволит Вам значительно повысить эффективность работы и зависит от: местных органов власти; региональных органов власти; федеральных органов власти.

Таблица 3. Список предприятий Вологодской области для проведения интервью

Название организации	Основной вид деятельности (в соответствии с ОКВЭД)	Город, адрес	ФИО эксперта
АО «Череповецкий литейно-механический завод»	Производство машин и оборудования для металлургии (28.91)	г. Череповец, ул. Стройиндустрии, 12	Боглаев Владимир Николаевич
АО «Вологодский оптико-механический завод»	Производство оружия и боеприпасов (25.40)	г. Вологда, ул. Мальцева, 54	Григорьев Алексей Владимирович
АО «Череповецлес»	Деятельность холдинговых компаний (64.20)	г. Череповец, ул. Ленина, 80	Писарев Валерий Николаевич
ООО «Волтри»	Производство изделий народных художественных промыслов (32.99.8)	г. Вологда, ул. Козленская, 45а	Чашникова Ольга Валентиновна
АО «Русский бисквит»	Производство сухарей, печенья и прочих сухарных хлебобулочных изделий, производство мучных кондитерских изделий, тортов, пирожных, пирогов и бисквитов, предназначенных для длительного хранения (10.72)	г. Череповец, ул. К. Маркса, 25	Губарев Андрей Юрьевич
ООО «ТД «Русский чай»	Производство чая и кофе (10.83)	г. Череповец, ул. Белинского, 4, помещение 3	Богданов Игорь Олегович

Источник: Облачная система для автоматизации бизнес-процессов «СБИС». URL: <https://sbis.ru/> (дата обращения 01.11.2022).

Более детальная характеристика предприятий приведена в *таблице 3*.

Результаты и дискуссия

Особое место во внешней торговле с Республикой Беларусь занимают регионы, входящие в состав Северо-Западного федерального округа. Отчасти это обусловлено их экономико-географическим положением (наличием общей границы). Кроме того, специфика и хозяй-

ственное назначение поставляемых товаров из СЗФО в Республику Беларусь важны с позиции укрепления внешнеэкономических связей.

Регионы СЗФО являются важнейшими поставщиками в Республику Беларусь легированной стали и изделий из нее (Вологодская область), а также легковых автомобилей, сборка которых осуществляется на предприятиях «Автотор» (Калининградская область),

«Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус» (г. Санкт-Петербург) и ряда других. Кроме того, экспортируются подшипники и оптическое оборудование (Вологодская область, г. Санкт-Петербург), текстиль (Вологодская, Псковская, Новгородская области), фосфорные и азотные удобрения (Вологодская область), нефть и нефтепродукты (Республика Коми) и пр.

Среди позиций импорта регионов СЗФО из Белоруссии преобладают молочные продукты, мясо, рыба, сахар, тракторы и седельные тягачи, грузовые автомобили, легковые автомо-

били, шины автомобильные, мебель, холодильники, морозильные камеры, газовые и электрические плиты.

Динамика показателей, характеризующих внешнеторговый оборот регионов СЗФО и Республики Беларусь, за период с 2000 по 2021 год демонстрирует существенный рост (импорт товаров из Республики Беларусь в регионы СЗФО вырос в 4,2 раза, а экспорт товаров в Республику Беларусь из регионов СЗФО – практически в 4,1 раза; табл. 4). Однако следует обратить внимание, что за большинство рассматривае-

Таблица 4. Динамика экспорта и импорта товаров между регионами СЗФО и Республикой Беларусь за период с 2000 по 2021 год

	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2021/ 2000 (раз)
Импорт товаров из Республики Беларусь в регионы СЗФО (млн долл. США)							
Российская Федерация	3701,1	5715,8	9953,6	10398,4	12585,07	15624,92	4,22
СЗФО	433,7	804,3	1289,2	1442,1	1474,96	1870,37	4,31
Архангельская область	4,5	12,2	26,1	26,7	10,83	8,08	1,80
Вологодская область	9,9	72,9	56	104,7	87,27	123,42	12,47
г. Санкт-Петербург	258,6	470,5	828,2	854,5	825,65	1025,19	3,96
Калининградская область	58,2	71	75,5	93,1	342,78	474,35	8,15
Ленинградская область	25,1	54,4	134,7	195,5	95,01	128,85	5,13
Мурманская область	17,4	9,9	32,8	19,3	5,59	4,73	0,27
Новгородская область	13	49,6	45,1	56,2	23,66	21,43	1,65
Псковская область	16,9	35,2	60,6	66	64,44	38,98	2,31
Республика Карелия	9	16,8	19,8	15,8	17,78	40,98	4,55
Республика Коми	21,1	11,8	10,4	10,3	1,96	4,36	0,21
Экспорт товаров в Республику Беларусь из регионов СЗФО (млн долл. США)							
Российская Федерация	5604,7	10118,2	18080,6	17143,2	15956,22	22801,93	4,07
СЗФО	390,4	766,7	1571,5	1336,8	1909,95	2679,64	6,86
Архангельская область	8,6	6,5	64,9	20,9	17,46	24,60	2,86
Вологодская область	36,7	184,9	323,9	165,2	280,38	402,42	10,97
г. Санкт-Петербург	192,4	266	440,8	546,6	1130,08	1555,35	8,08
Калининградская область	44,1	56,7	40,5	117,5	146,18	259,03	5,87
Ленинградская область	24	100,7	188	235,5	193,82	270,28	11,26
Мурманская область	24	30,8	97,4	35,4	0,60	0,73	0,03
Новгородская область	19,7	39,2	65	41,2	33,45	40,77	2,07
Псковская область	21,1	29,3	73,1	35,9	88,41	89,83	4,26
Республика Карелия	5,6	10,9	13,5	4,6	5,01	19,24	3,44
Республика Коми	14,2	41,7	264,4	134	14,56	17,39	1,22
Источники: Внешняя торговля Республики Беларусь – 2021: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/c4c/n6k9xzdxbumpg61f8whfybttkcvl4t5t.pdf (дата обращения 25.04.2023); Внешняя торговля Республики Беларусь – 2018: статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b5e/b5eeb063dcad3c19ec3f27d642270471.pdf (дата обращения 25.04.2023); Таможенная статистика 2020, 2021. URL: http://stat.customs.gov.ru/analysis (дата обращения 01.05.2023); Торговля между Россией и Беларусью в 2021 г. // Внешняя торговля России. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-belarusyu-v-2021-g/ (дата обращения 01.05.2023); Торговля между Россией и Беларусью в 2020 г. // Внешняя торговля России. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-belarusyu-v-2020-g/ (дата обращения 01.05.2023).							

мых лет торговое сальдо для СЗФО в целом является отрицательным. Очевидно, это связано с «сырьевой» спецификой экспорта из СЗФО в Белоруссию (в основном транспортируется так называемая продукция «первых переделов»). В то же время из Белоруссии в РФ импортируется продукция с высокой добавленной стоимостью.

Проанализируем более подробно развитие сотрудничества хозяйствующих субъектов с контрагентами из Республики Беларусь на примере Вологодской области. Совместная работа Вологодской области и Республики Беларусь в отношении вопросов внешней торговли проводится в рамках Соглашения между Правительством Вологодской области и Правительством Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 2006 года¹⁹.

Вологодская область и Республика Беларусь схожи по структуре промышленного производства. Как в Вологодской области, так и в Белоруссии развита черная металлургия, химическое производство (в первую очередь минеральных удобрений), животноводство, лесное хозяйство и пр. А это свидетельствует, что и проблемы, являющиеся следствием деятельности промышленных предприятий, можно считать общими для Вологодской области и Республики Беларусь.

Среди предприятий Вологодской области, которые активно поставляют свою продукцию в Белоруссию, можно отметить ПАО «Северсталь», АО «Апатит», АО «ЧЛМЗ», АО «ВПЗ», АО «ВОМЗ» и ряд других. В то же время основными поставщиками из Белоруссии в Вологодскую область выступают предприятия «МАЗ», «МТЗ».

Динамика структуры экспорта из Вологодской области в Республику Беларусь и импорта представлена на *рисунке 2*.

Объемы внешнеторгового оборота Вологодской области с Республикой Беларусь увеличились с начала 2021 года на 40,5%. Кроме того, импорт белорусской продукции в Вологодскую

¹⁹ Вологодская область намерена укреплять торгово-экономические связи с Республикой Беларусь // Красный Север. URL: <https://www.krassever.ru/news/vologodskaya-oblast-namerena-ukrepyat-torgovo-ekonomicheskiye-svyazi-s-respublikoy-belarus> (дата обращения 27.01.2023).

область показал рост на 53,4%. Республика Беларусь занимает первое место по итогам внешней торговли Вологодской области за 2020 год и третье место по итогам третьего квартала 2021 года. Более того, стороны провели большую работу по согласованию Программы развития сотрудничества между Правительством Вологодской области и Правительством Республики Беларусь на 2021–2025 годы²⁰. В рамках программы значительное внимание уделено созданию благоприятных условий для сотрудничества предприятий России и Республики Беларусь.

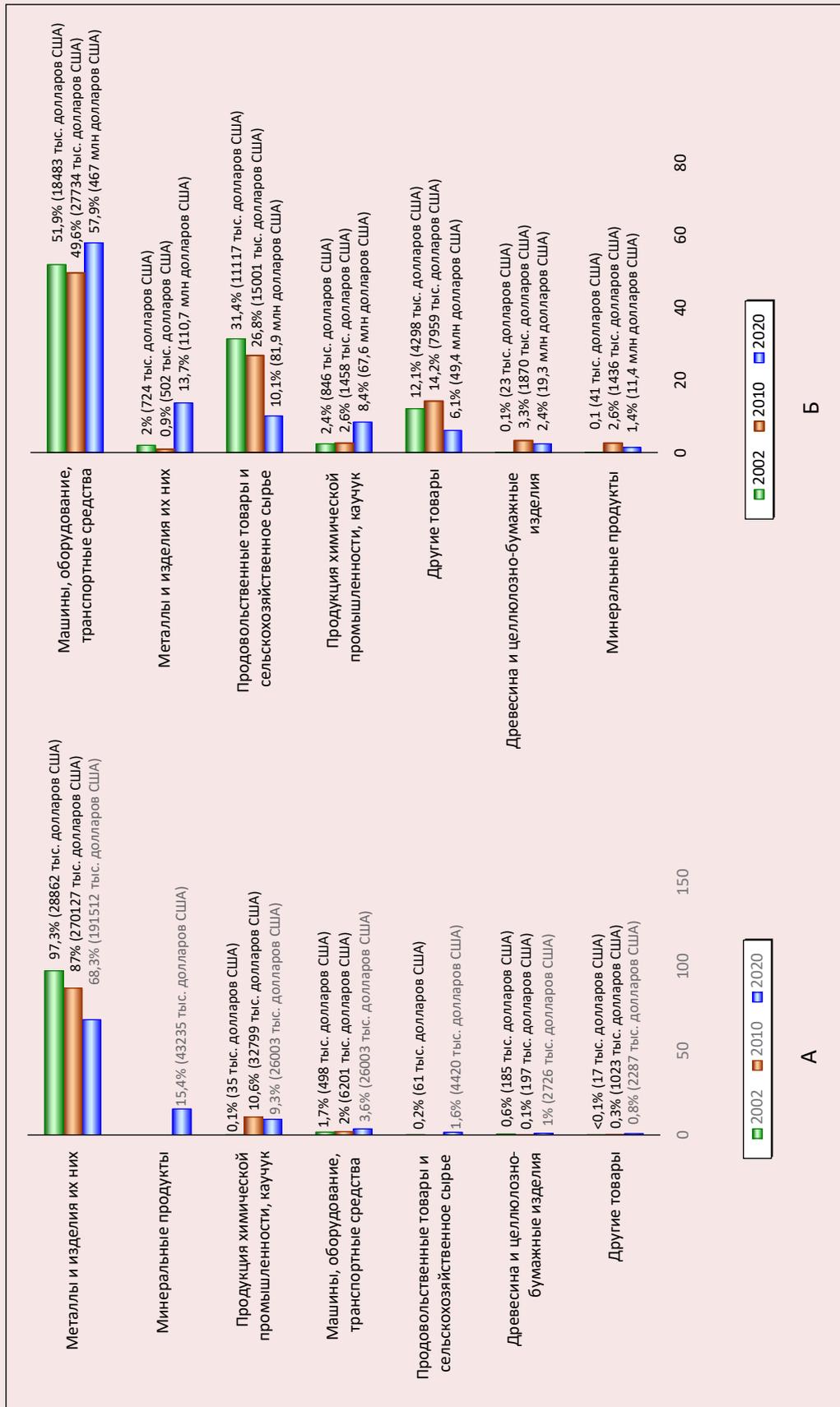
В то же время следует обратить внимание, что предприятия региона производят для экспорта в Республику Беларусь в основном продукцию первых переделов. Однако наиболее перспективным направлением для экспорта должна стать продукция верхних переделов, которой Беларусь не обеспечена в полной мере. Это, в свою очередь, потребует наращивания инновационного потенциала предприятий, повышения уровня их инновационной активности, а также снятия барьеров, препятствующих двустороннему сотрудничеству в области развития инноваций.

Для исследования перспектив, направлений и проблем взаимодействия предприятий Вологодской области с организациями из Республики Беларусь было проведено глубинное интервью с руководителями предприятий региона.

Период сотрудничества организаций, руководители которых приняли участие в экспертном интервью, с партнерами из Республики Беларусь является значительным. Большая часть предприятий осуществляет двустороннее сотрудничество на протяжении более 10 лет (АО «ЛКХ «Череповецлес», ООО «Волтри», АО «Русский Бисквит», АО «Череповецкий литейно-механический завод», АО «ВОМЗ»). В то же время генеральный директор ООО «Торговый дом «Русский чай» И.О. Богданов отметил, что

²⁰ Объемы внешнеторгового оборота Вологодской области с Республикой Беларусь увеличились с начала 2021 года на 40,5% // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/novosti_organov_vlasti/obemy_vneshnetorgovogo_oborota_vologodskoy_oblasti_s_respublikoy_belarus_uzvelichilis_s_nachala_2021_goda_na_40_5/ (дата обращения 23.11.2022).

Рис. 2. А – Динамика структуры экспорта товаров из Вологодской области в Республику Беларусь (2002–2020 гг.);
 Б – Динамика структуры импорта товаров в Вологодскую область из Республики Беларусь (2002–2020 гг.)

Источник: Развитие внешнеэкономической деятельности в Вологодской области // Вологдастат. URL: <https://vologdatast.gks.ru/> (дата обращения 25.01.2023).

его предприятие начало осуществлять сотрудничество с белорусскими коллегами с 2020 года. Причина, вероятно, заключается в том, что указанное предприятие осуществляет деятельность на рынке лишь с 2015 года.

Причины начала сотрудничества в каждом конкретном случае различны. Например, как отметил генеральный директор АО «ЧЛМЗ» В.Н. Боглаев, основной причиной, побудившей к сотрудничеству с Белоруссией, стала потребность в специалистах, обладающих необходимыми знаниями и компетенциями. Для некоторых предприятий поводом к сотрудничеству послужила необходимость в материалах и сырье для нужд собственного предприятия (ООО «Волтри», АО «ЛХК «Череповецлес»). Запрос со стороны белорусских контрагентов на продукцию предприятий региона также можно указать в качестве причины сотрудничества (АО «Русский Бисквит», ООО «Торговый дом «Русский чай»).

Спектр направлений сотрудничества организаций Вологодской области и Республики Беларусь широк и определяется спецификой деятельности конкретного предприятия. Среди направлений, по которым осуществляется двустороннее сотрудничество, можно указать совместное производство продукции (АО «Вологодский оптико-механический завод», АО «Череповецкий литейно-механический завод»), обмен техническими решениями (АО «Вологодский оптико-механический завод»), а также экспорт (импорт) продукции и сырья (АО «ЛХК «Череповецлес», ООО «Волтри», АО «Русский Бисквит», АО «Череповецкий литейно-механический завод», ООО «Торговый дом «Русский чай»).

Руководители опрошенных предприятий отмечают: важная особенность во взаимодействии заключается в том, что белорусские партнеры особое внимание уделяют качеству продукции (ООО «Волтри», АО «Русский Бисквит»). Например, по словам директора по продажам АО «Русский Бисквит» А.Ю. Губарева, только качественная продукция российских поставщиков может быть реализована белорусскому потребителю.

Однако есть и другие особенности: по мнению генерального директора АО «ЧЛМЗ» В.Н. Боглаева, правила ведения бизнеса, усто-

явшиеся в России, зачастую некорректно воспринимаются белорусской стороной вследствие разного социально-политического устройства государства и совершенно разного отношения к собственности на средства производства.

В целом опрошенные руководители отмечают, что белорусским партнерам в рамках двустороннего взаимодействия присущи такие качества, как честность, пунктуальность, ответственность (АО «ЛХК «Череповецлес», АО «ВОМЗ», ООО «ТД «Русский чай»).

Важно подчеркнуть, что для большинства предприятий сотрудничество с белорусскими партнерами обеспечивает преимущества как в технико-технологическом плане, так и в отношении обеспечения кадрами (АО «ЧЛМЗ», АО «ВОМЗ», ООО «Волтри»). Директор по науке и инновациям АО «ВОМЗ» А.В. Григорьев отметил, что двустороннее сотрудничество дает возможность позаимствовать часть белорусской инженерной школы, которая сохранила тот самый «советский» вид». Более того, такое сотрудничество обеспечивает возможность расширить горизонт экспортных поставок и тем самым расширить рынки сбыта собственной продукции (АО «Русский Бисквит», АО «ЛХК «Череповецлес», ООО «ТД «Русский чай»).

Изменение условий сотрудничества компаний с контрагентами из Республики Беларусь за последние три года происходило по-разному. В отношении некоторых предприятий условия взаимодействия никаких изменений не претерпели (АО «ЧЛМЗ», АО «ВОМЗ»). У ООО «Волтри», АО «ЛХК «Череповецлес», а также АО «Русский Бисквит» условия сотрудничества с белорусскими партнерами ухудшились по разным причинам, как связанным с влиянием международных экономических санкций в отношении Союзного государства, так и чисто экономическим. По словам директора по продажам АО «Русский бисквит» А.Ю. Губарева, объемы экспорта в Республику Беларусь сократились с 40% (в 2019 г.) до 30% (в 2022 г.) ввиду пандемии и международных экономических санкций. Однако отношения компании ООО «ТД «Русский чай» с белорусскими партнерами за последние три года улучшились, ввиду того что популярность продукции компании на белорусском рынке возросла: о ней узнают новые контрагенты и рядовые потребители.

Что касается планов на будущее по взаимодействию с белорусскими партнерами, то все опрошенные руководители предприятий готовы наращивать потенциал двустороннего сотрудничества. Например, О.В. Чашникова (ООО «Волтри») отметила: «Мы планируем продолжать сотрудничество с Оршанским комбинатом и хотим делать это напрямую, поскольку альтернативы их продукции мы не наблюдаем». А.Ю. Губарев и И.О. Богданов планируют наращивать объемы товарооборота между своими компаниями и белорусскими контрагентами. Потребность в продукции компании «Амкодор» для нужд АО «ЛХК «Череповецлес» является поводом для расширения линейки импортируемой продукции. АО «ВОМЗ» планирует расширить сотрудничество в области гражданской продукции, инноваций. Что касается проектов, которые могут быть реализованы совместно с белорусской стороной, то здесь особую роль играет специфика деятельности той или иной компании. В.Н. Боглаев (АО «ЧЛМЗ») по этому поводу отметил: «Перспективных проектов достаточно много: начиная от производства лесной техники и заканчивая предприятием с объемом чугунного литья до 300–400 тыс. тонн и 100–150 тыс. тонн стального литья, которое должно закрывать потребность в корпусном литье всего машиностроительного комплекса Белоруссии и России».

Особую важность имеет вопрос, касающийся двустороннего сотрудничества предприятий в области инноваций. «Развивать сотрудничество в области инноваций мы готовы всегда! На данный момент мы уже реализуем инновации в области переработки углеводородов. У нас есть конкурентное преимущество: мы являемся единственным в России и Белоруссии предприятием, которое обладает критическими технологиями оргсинтеза и пиролиза. Рынок такого рода продукции только в РФ составляет порядка 7 млрд долларов США. Мы хоть и не единственный игрок на этом рынке, но один из самых главных его элементов» (В.Н. Боглаев, АО «ЧЛМЗ»). «Наше предприятие является инновационным. Оно выпускает высокотехнологическую наукоемкую продукцию. Хотим развивать инновации в области оптического производства для гражданских нужд (прицелы, бинокли, телескопы)» (А.В. Григорьев,

АО «ВОМЗ»). Стоит отметить, что каждое предприятие, руководители которых приняли участие в опросе, готово развивать сотрудничество с партнерами из Белоруссии в области инноваций.

Сложившаяся геополитическая обстановка вносит свои коррективы в отношении видения перспектив двустороннего сотрудничества. Большинство предпринимателей отмечают, что горизонт планирования у компаний заметно снизился. Однако директор по науке и инновациям АО «ВОМЗ» А.В. Григорьев заявляет о том, что сложившаяся обстановка на фоне проведения специальной военной операции не оказала отрицательного влияния на деятельность предприятия и, соответственно, на перспективы планирования его двустороннего сотрудничества с партнерами из Республики Беларусь. По мнению эксперта, этому способствует совместное производство продукции в рамках государственного оборонного заказа. В текущей обстановке особо важна совместная координация усилий, поскольку экономические санкции оказывают воздействие не только на Россию, но и на все Союзное государство.

К конкурентным преимуществам большинства компаний, способным помочь реализовать стратегические задачи на обозначенный срок, можно отнести профессионализм сотрудников, первоклассное оборудование и многолетний опыт. Однако «молодые» предприятия также обладают сравнительными преимуществами. Директор ООО «ТД «Русский чай» И.О. Богданов отметил: «Видим перспективы развития предприятия на пять лет вперед. Основное наше преимущество — высокая вертикальная интеграция в компании (от заготовки сырья до выпуска готовой продукции). Более того, автоматизация производства позволила значительно снизить себестоимость продукции (сократился фонд оплаты труда). Тем самым уже на протяжении четырех лет мы не повышаем цены на свою продукцию».

Однако двустороннее сотрудничество российских и белорусских предприятий не лишено отдельных проблем. «Основной проблемой является то, что в России и Белоруссии действуют разные технические регламенты. Более того, также хотелось бы отметить и то, что преференции (субсидии), которые действуют для российских предприятий на территории РФ,

на белорусские предприятия не распространяются (и наоборот). Кроме того, у многих российских предприятий возникали (и по сей день возникают) проблемы с получением расчёта из Беларуси за ранее поставленную продукцию» (В.Н. Боглаев, АО «ЧЛМЗ»). «Основная проблема связана с таможенными пошлинами и с оформлением разрешительных документов. Хотелось бы упразднить излишнюю бюрократию: отменить разрешения на перемещение товара, людей и пр.» (А.В. Григорьев, АО «ВОМЗ»). Еще одной важной проблемой является возврат налога на добавленную стоимость при осуществлении внешнеторговых операций (АО «ЛХК «Череповецлес», ООО «ТД «Русский чай»). Также нельзя обойти стороной проблему международных экономических санкций, которая оказала существенное влияние на двустороннее сотрудничество предприятий РФ и Республики Беларусь. Например, директор по продажам АО «Русский Бисквит» А.Ю. Губарев отмечает: «Основная проблема связана с влиянием международных экономических санкций, вызвавших рост цен на сахар в марте 2022 года. Льгота, распространяемая на пищевые предприятия Республики Беларусь, в соответствии с которой они имеют возможность компенсации 50% стоимости закупаемого сахара, не распространяется на российские предприятия, которые экспортируют свою продукцию в Белоруссию. Следовательно, продукция российских производителей на белорусском рынке стала дороже и, как следствие, менее конкурентоспособной (рост цен составил примерно 30%)».

Решение выявленных проблем может значительно повысить эффективность двустороннего сотрудничества. Однако для этого потребуется помощь представителей органов региональной и федеральной власти. По словам А.В. Григорьева, для наращивания потенциала сотрудничества, в том числе в области гражданского машиностроения, потребуется снятие таможенных ограничений на продукцию специального назначения, а также приведение законодательства (в том числе финансового) двух стран к «общему знаменателю» (необходима единая система отчетности). И.О. Богданов отметил, что важны помощь органов государственной власти в решении проблемы возврата НДС и доступные кредиты, поскольку про-

граммы не могут быть эффективными для всех. В.Н. Боглаев и О.В. Чашникова добавили, что испытывают потребность в кадрах соответствующей квалификации.

Заключение

Подводя итоги экспертных интервью с руководителями обследованных предприятий, можно выделить особенности, проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества.

Следует отметить, что спектр направлений сотрудничества предприятий Вологодской области и Республики Беларусь обширен и определяется спецификой деятельности конкретной компании.

Для большинства предприятий региона сотрудничество с белорусскими партнерами обеспечивает преимущества как в технико-технологическом плане, так и в отношении обеспечения кадрами. Более того, оно помогает расширить горизонт экспортных поставок и, тем самым, рынки сбыта собственной продукции.

Особую важность имеет вопрос, касающийся двустороннего взаимодействия предприятий в сфере инноваций. Стоит отметить, что все компании Вологодской области, представители которых приняли участие в опросе, готовы развивать кооперационные связи с партнерами из Белоруссии в данной сфере.

Однако двустороннее сотрудничество не лишено проблем: разрозненность нормативно-правовой базы, в том числе технических регламентов, «разнонаправленность» преференций (субсидий), которые, действуя, например, для российских предприятий на территории РФ, на белорусские предприятия не распространяются (и наоборот). Кроме того, у многих российских предприятий возникали (и по сей день возникают) проблемы с получением расчёта из Беларуси за ранее поставленную продукцию. Еще одной важной проблемой является возврат налога на добавленную стоимость при осуществлении внешнеторговых операций. Также нельзя обойти стороной проблему международных экономических санкций, которая оказала существенное влияние на двустороннее сотрудничество предприятий РФ и Республики Беларусь.

Таким образом, по функциональной направленности основные барьеры для развития сотрудничества предприятий России и Респуб-

лики Беларусь, в том числе в инновационной сфере, можно систематизировать в следующие группы: организационно-экономические, институциональные и технические. К организационно-экономическим барьерам можно отнести проблему международных экономических санкций, бюрократию при оформлении разрешительных документов, недостаточность инвестиций. К институциональным – «разнонаправленность» преференций (субсидий), разрозненность нормативно-правовой базы. Среди технических барьеров особое место занимают проблемы с получением расчёта из Беларуси за ранее поставленную продукцию, а также с возвратом налога на добавленную стоимость при осуществлении внешнеторговых операций.

Результаты интервью позволили выявить, что систематический характер в большей степени свойствен институциональным барьерам. В частности, эксперты В.Н. Боглаев и А.Ю. Губарев отметили, что льготы и преференции, которые распространяются на белорусских производителей в Белоруссии, не имеют отношения к российским контрагентам, которые непосредственно с ними сотрудничают.

В то же время наличие организационно-экономических барьеров определяется внешнеполитической ситуацией и рядом других факторов, например глобальных «вызовов», одним из которых стала пандемия коронавирусной инфекции. Техническим барьерам систематический характер свойствен в меньшей степени: несмотря на частое проявление, они, как правило, возникают по причине несовершенства технологического оборудования, средств связи и передачи данных, проблем с сетью Интернет, электронного документооборота и пр. Таким образом, при принятии управленческих решений важно учитывать особенности каждой группы барьеров для развития сотрудничества с контрагентами.

Еще одна особенность двустороннего сотрудничества предприятий обусловлена номенклатурой торговли стран: структура внешней торговли демонстрирует, что Вологодская область является «поставщиком» в Беларусь продукции первых переделов. В то же время перспективными нишами для производства в России в контексте развития торговли с сосед-

ними государствами будут товары даже не средних, а верхних переделов (которыми Беларусь не обеспечена в полной мере). Таким образом, развитие внешней торговли по инновационному направлению является приоритетом в рамках Союзного государства.

Важно подчеркнуть, что для реализации указанной задачи у региональных предприятий имеется определенный потенциал. Например, рядом предприятий проводятся научные исследования и разработки (АО «Русский Бисквит», АО «ЛХК «Череповецлес», АО «ВОМЗ» и др.). Кроме того, можно развивать совместное производство инновационной продукции, в частности с использованием отечественных производственных фондов.

Приняв во внимание мнения экспертов, выявленные в ходе интервью, мы сформулировали предложения, направленные на преодоление барьеров сотрудничества предприятий России и Республики Беларусь, в том числе в инновационной сфере:

1) упразднение излишней бюрократии при оформлении разрешительных документов на перемещение товаров, людей и пр., что имеет особую значимость в новых экономических условиях, вызванных введением санкций;

2) создание в регионах условий для привлечения инвесторов, обеспечение работы инновационной инфраструктуры по упаковке инновационных проектов для представления их инвесторам;

3) устранение противоречий в рамках законодательных актов, регламентирующих инновационную деятельность в рамках Союзного государства;

4) решение проблемы, связанной с возвратом налога на добавленную стоимость при осуществлении экспортно-импортных операций; в частности, эксперты предлагают упразднить процедуру регистрации договоров и сделать их свободными (свободные закупки без конвертации из валюты в валюту).

Практическая реализация разработанных направлений должна не только оказать содействие в повышении качества проводимой в рамках двустороннего сотрудничества политики, но и положительно отразиться на решении проблем, возникающих при взаимодействии предприятий России и Республики Беларусь.

Литература

- Ваганова О.Е. (2017). Аудит эффективности в ходе реализации приоритетных программ Союзного государства // Факторы успеха. № 2 (9). С. 9–13.
- Витязь П.А. (2017). Союзные программы – основа формирования единого научно-технологического и информационного пространства по всем направлениям сотрудничества // Экономика. Право. Общество. № 2 (10). С. 6–10.
- Давыденко Л.Н., Литвинюк А.И. (2022). Белорусско-российское трансграничное сотрудничество: опыт и перспективы развития в контексте союзных программ // Экономика, моделирование, прогнозирование. № 16. С. 14–25.
- Дугова И.В. (2017). Инновационные программы Союзного государства // Экономика и региональное управление: сборник статей международной научно-практической конференции. С. 124–127.
- Ефименко С.В. (2020). Научно-техническое взаимодействие Беларуси и России // Интеграция и развитие научно-технического и образовательного сотрудничества – взгляд в будущее: сборник статей II Международной научно-технической конференции «Минские научные чтения – 2019». В 3-х томах. Т. 1. С. 185–189.
- Зайтов Ф.Р. (2021). Проблемы развития Союзного государства Беларуси и России // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск, 23–25 сентября 2021 г. С. 335–343.
- Ибраева В.Ш., Джунушева Ж.Б. (2020). Торгово-экономическое сотрудничество стран-членов ЕАЭС // Экономический вестник. № 1 (2). С. 48–55.
- Ковалева Е.Н. (2020). Развитие экспорта в России и Беларуси: структурные особенности и реализация возможностей инфраструктурной поддержки // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. № 1. С. 11–18.
- Колода С.А., Эпштейн В.А., Вильчинский А.С. (2019). Двусторонние отношения России и Белоруссии на современном этапе // Мир русскоговорящих стран. № 2 (2). С. 44–53.
- Куракина С.И., Баршова О.А. (2020). К 20-летию создания Союзного государства России и Беларуси: итоги, проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 47. С. 137–159. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-137-159
- Малахова Т.С. (2021). Внешнеторговые и экономические отношения России и Белоруссии в условиях внешних вызовов и угроз // Вестник научных конференций. № 1-2 (65). С. 98–99.
- Молева С.В. (2012). Развитие торгово-экономического сотрудничества Беларуси и России – важная составляющая успешного функционирования Союзного государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (24). С. 60–66.
- Неменский О.Б. (2016). Последний союзник: российско-белорусские отношения на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций. Т. 9. Вып. 5. С. 24–40.
- Родыгина Н.Ю., Бессонова Д.К. (2018). Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество России и Франции в период действия международных санкций // Экономика и предпринимательство. № 3 (92). С. 203–208.
- Сотников А.В. (2022). Программы Союзного государства: новый комплексный шаг к интеграции // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 33–37.
- Сюй С. (2021). Понятие и факторы развития торгово-экономического сотрудничества // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы III Международной научной конференции / редколлегия: А.А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 770–773.
- Умгаев С.А., Цакугинова Г.А., Юсупов Т.С. (2019). Российско-китайское международное торгово-экономическое сотрудничество // Научная мысль Кавказа. № 4 (100). С. 48–51.
- Филькевич И.А. (2018). Развитие новых моделей сотрудничества в рамках ЕАЭС и ШОС на основе создания зон торгово-экономического сотрудничества // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. С. 351–352.
- Шурубович А.В. (2019). Белоруссия в ЕАЭС: тенденции, проблемы, перспективы // Россия и современный мир. № 4 (105). С. 91–110. DOI: 10.31249/rsm/2019.04.06
- Юсубов Ф. (2013). Двустороннее межгосударственное экономическое сотрудничество: понятие, формы и сущность // Журнал международного права и международных отношений. № 1. С. 81–87.

- Bems R., Johnson R.C., Yi K.M. (2013). The great trade collapse. *Annual Review of Economics*, 5, 375–400. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-082912-110201>
- Boddedyn J. (2016). International business-government relations research 1945–2015: Concepts, typologies, theories and methodologies. *Journal of World Business*, 51(1), 10–22. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2015.08.009>
- Buckley P.J., Doh J.P., Benischke M.H. (2017). Towards a renaissance in international business research? Big questions, grand challenges, and the future of IB scholarship. *Journal of International Business Studies*, 48, 1045–1064.
- Evenett S.J. (2019). Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the Global Financial Crisis. *Journal of International Business Policy*, 2, 9–36. DOI: <https://doi.org/10.1057/s42214-019-00021-0>
- Gumbrell-McCormick R. (2013). The international trade union confederation: From two (or more?) identities to one. *British Journal of Industrial Relations*, 51(2), 240–263. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2012.00897.x>
- Mutz D., Mansfield E.D., Kim E. (2017). The racialization of international trade. *Political Psychology*, 42(4), 555–573.
- Rauter R., Globocnik D., Perl-Vorbach E., Baumgartner R.J. (2019). Open innovation and its effects on economic and sustainability innovation performance. *Journal of Innovation & Knowledge*, 4(4), 226–233. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jik.2018.03.004>

Сведения об авторах

Светлана Викторовна Теребова – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

Семен Леонидович Иванов – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси (220072, Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, д. 1; e-mail: Shcherbin5353@mail.ru)

Terebova S.V., Ivanov S.L., Shcherbin V.K.

Current Problems of Cooperation between Russian and Belarusian Enterprises: Region's View

Abstract. Under the unfavorable geopolitical situation, strengthening bilateral cooperation between Russia and the Republic of Belarus is of particular relevance. Currently, Russia is Belarus' key trade partner. Despite serious challenges, sanctions and restrictions, Russian and Belarusian enterprises continue developing cooperation in almost all sectors of the national economy and achieving results. According to the results of the first 11 months of 2022, the historically maximum volume of mutual turnover of goods and services – 45 billion U.S. dollars – has been achieved. Analytical data and expert assessments show that the current environment makes it possible to intensify bilateral cooperation between enterprises of the two countries and bring it to a new level. On the other hand, as experts note, the existing situation may become a source of problems that hinder the potential of such cooperation. This condition determines the topic relevance and the purpose of the work. The research aims to identify the barriers to cooperation between the enterprises of Russia and the Republic of Belarus and develop proposals for their elimination. In order to achieve this goal, we have developed a toolkit, which was used to conduct an expert survey (in-depth interview method) of managers of enterprises of Russia's region (the Vologda Oblast), cooperating with counterparties from the Republic of Belarus. We carried

out the selection of the expert group by means of the documentary method. The heads of six enterprises of the region, whose activities correlate with the structure of the volume of foreign trade turnover between the Vologda Oblast and the Republic of Belarus, took part in the survey. Approbation of the developed toolkit allows identifying certain problems arising in the course of bilateral cooperation: the problem of value added tax refund in the framework of foreign trade operations, the presence of customs restrictions, including on special-purpose products, the negative effects of economic sanctions and others.

Key words: Russia, Belarus, entrepreneurial sector, enterprise, problems, prospects, development, innovations, scientific and technological potential, interview.

Information about the Authors

Svetlana V. Terebova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

Semen L. Ivanov – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Vyacheslav K. Shcherbin – Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Center for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus (1, Akademicheskaya Street, Minsk, 220072, Belarus; e-mail: Shcherbin5353@mail.ru)

Статья поступила 06.06.2023.

Анализ тенденций деиндустриализации в Турции в рамках международного сравнения

Айсу УЗСАЙЫЛЫР

Стамбульский технический университет
Стамбул, Турция
e-mail: aysukara@itu.edu.tr
ORCID: 0000-0003-3920-4062

Тюзин БАЙДЖАН

Стамбульский технический университет
Стамбул, Турция
e-mail: tbaycan@itu.edu.tr
ORCID: 0000-0001-6073-1188; ResearcherID: O-5347-2015

Аннотация. В работе деиндустриализация рассматривается в рамках межстранового сравнительного анализа, который позволяет объяснить тенденции деиндустриализации в отдельных странах, в частности в Турции. Согласно полученным результатам, деиндустриализация как явление, характерное для развитых стран, начавшееся на пике производительности труда в промышленности и вызвавшее рост сектора услуг, распространилась на развивающиеся страны после 1990-х годов, когда произошла глобальная реструктуризация труда на основе неолиберализма, что привело к индустриализации в одних развивающихся экономиках и деиндустриализации в других. Можно утверждать, что глобальные последствия деиндустриализации в развивающихся странах тесно связаны с экономической политикой, проводимой этими государствами до начала данного процесса. Например, отличительной особенностью Турции является быстрый переход от политики импортозамещения к свободной рыночной экономике при продолжающемся про-

Для цитирования: Узсайылыр А., Байджан Т. (2023). Анализ тенденций деиндустриализации в Турции в рамках международного сравнения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 285–308. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.16

For citation: Uzsayılır A., Baycan T. Analysis of deindustrialization trends in Türkiye from an international comparative perspective. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 285–308. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.16

мышленном развитии. Можно утверждать, что Турция вступила в процесс преждевременной деиндустриализации в сфере занятости вследствие прямого перехода от сельского хозяйства к сектору услуг и неспособности последнего предоставить рабочие места тем, кто ранее был занят в сельском хозяйстве и промышленности. Однако деиндустриализация может быть преодолена с помощью альтернативного социально-экономического и территориального планирования.

Ключевые слова: деиндустриализация, глобализация, политическая экономия, сравнительный анализ.

Введение

Цель исследования – проанализировать региональный характер деиндустриализации и выявить международные политико-экономические причинно-следственные связи, различные формы деиндустриализации в мире и тенденции деиндустриализации в Турции. Отправной точкой исследования послужил научный интерес к динамике феномена деиндустриализации, наблюдаемого в городах и часто понимаемого как трансформация городов. Каковы политико-экономические условия деиндустриализации, которая чаще всего оценивается в рамках конкретной территории, региона или сектора? Предполагается, что целостное исследование, включающее теоретические и эмпирические изыскания, сформирует базу для разработки мер по борьбе с деиндустриализацией. С этой целью в статье проведен обзор литературы и сформирован понятийный аппарат. Далее осуществлен сравнительный анализ занятости, изменений показателей ВВП и безработицы в отдельных странах.

Предполагается, что результаты исследования могут быть полезны специалистам в сфере социально-экономического и территориального планирования, особенно в развивающихся странах, и станут основой для разработки альтернативных моделей развития.

Деиндустриализация – это не только явление, связанное с переходом рабочей силы из промышленности в сферу услуг, но и глобальная реструктуризация рабочей силы в разных регионах. В ходе исследования раскрываются сильные и слабые стороны регионов в рамках реструктуризации, а также обращается внимание на главную проблему, заключающуюся в том, что при продолжающемся процессе индустриализации страны сталкиваются со свободной рыночной экономикой и международной конкуренцией. Эмпирический вклад исследования заключается в анализе международной

выборки с помощью показателей занятости и доходов, в классификации стран и объяснении полученных результатов на основе политико-экономических причинно-следственных связей и обзора литературы.

В работе использованы данные социальной и региональной науки, а деиндустриализация рассматривается с помощью теоретического и эмпирического анализа. Методология исследования включает качественные (теоретический анализ, изучение литературы, аналитический подход, анализ информации и данных) и количественные (эмпирический анализ, формирование международной выборки, сравнение, классификация и визуализация отраслевых данных о занятости и доходах) методы.

В некоторых работах деиндустриализация рассматривается с помощью различных показателей и шкал. Тем не менее для понимания исторических и международных политико-экономических условий деиндустриализации в целом, а также для объяснения специфики Турции по сравнению с другими странами необходимо целостное исследование.

В рамках классического подхода деиндустриализация считается неизбежным явлением, позитивным процессом, связанным с производительностью труда. Данная точка зрения отражает модернизационный подход, основанный на том, что все общества будут следовать одним и тем же линейным путем развития, а неравенство будет сбалансировано позже. В противовес ему критическая теория показала, что капиталистическое развитие зависит от взаимоотношений между центром и периферией, и выявила возможности независимого экономического развития.

Изменения исторического процесса охватывают длительные исторические периоды (Braudel, 2017 [1949]). Теория «центр – периферия», ставшая в 1960-х гг. основной научной

разработкой в исследованиях представителей Школы зависимости (Prebisch, 1950; Amin, 2018 [1988], Amin, 1991; Frank, 2010 [1998]), уходит на второй план перед лицом технологического развития и разнообразия современного глобализованного мира. В условиях сложности труда и трудовой деятельности научные парадигмы отходят от лежащей в их основе структурной динамики и контекста на феноменологическом уровне. Таким образом, главная задача исследования заключается в объяснении деиндустриализации в контексте исторического развития отношений «центр – периферия» и создании альтернативной основы для развития.

Как подчеркивается в работе, деиндустриализация – это не обычный процесс развития, а политически регулируемая глобальная экономическая трансформация. Для большинства развивающихся стран он подразумевает отказ от собственных динамических преимуществ. С другой стороны, можно утверждать, что деиндустриализация влечет за собой развитие и появление нового уровня организации труда для передовых западных экономик (Ryazanov, 2018).

Промышленный сектор рассматривается нами в качестве динамического сектора, как и в (Kaldor, 1966). П. Кругман (Krugman, 1991) исследует соотношение центра и периферии и ставит вопрос о том, почему промышленное развитие сосредоточено в нескольких регионах, относительно опережающих другие; Şenses (Şenses, 2004) изучает приостановку промышленного развития в Турции; Ryazanov (Ryazanov, 2018) называет «постиндустриальным нигилизмом» иллюзию о том, что сфера услуг заменит промышленное производство в усложняющейся структуре современного индустриального общества.

Мы ссылаемся на выводы исследований (Lorenzi, Verrebi, 2016) и (Ryazanov, 2018), посвященных изучению промышленного развития в развитых и развивающихся странах. Кроме того, учтены результаты исследований (Dasgupta, Singh, 2006) и (Rodrik, 2016) о «ранней деиндустриализации» в развивающихся странах, (Bakir et al., 2019) о тенденциях в Турции и (Doğruel, Doğruel, 2019) об изменениях в экономической политике после 1990 года.

Результаты международных сопоставлений, в соответствии с данными, представленными в литературе, выявляют взаимосвязь

деиндустриализации с глобальной реструктуризацией производства и труда; формируют представление о мобильности внутреннего капитала как о временном решении, порожденном новым регионализмом и трансформацией городов. В связи с этим в работе рассматриваются аргументы, выдвинутые (Baucan-Levent, 2005), (Keyder, 2014), (Doğruel, Doğruel, 2018) о перемещении промышленности из центра в периферию в рамках Концепции глобального города для г. Стамбула.

Концептуальная основа исследования

Определения деиндустриализации основаны на ранних исследованиях, отражающих неоклассическую экономическую мысль и объясняющих деиндустриализацию как обычный процесс развития. Согласно трехсекторной модели Кларка – Фишера (Clark, 1940; Fischer, 1939), структурные изменения и развитие экономики объясняются расширением от первичного сектора (сельское хозяйство) к вторичному (промышленность) и третичному (услуги) секторам. В этом случае деиндустриализация в самом общем виде означает резкое сокращение рабочей силы в промышленном секторе и быстрый рост рабочей силы в секторе услуг.

В 1960-х гг. исследователи также рассматривали деиндустриализацию в контексте экономического роста. Некоторые авторы разделяли новаторские взгляды 1940-х гг. и описывали ее как нормальный процесс (Rostow, 1959; Kuznets, 1973). С другой стороны, хотя промышленное производство является основным фактором экономического развития и роста сектора услуг, высказывались мнения о том, что спад производства замедлит экономическое развитие (Kaldor, 1966).

В период активной глобализации после 1980-х гг., когда выявились негативные последствия деиндустриализации в развитых странах и ее распространение в развивающихся странах, исследователи обратили внимание на связь деиндустриализации с международной торговлей и мобильностью капитала, ее региональный характер, положительные и отрицательные аспекты (Bluestone, 1984; Krugman, 1988; Krugman, 1991; Rowthorn, Ramaswamy, 1997; Kollmeyer, 2009a; Kollmeyer, 2009b; Lorenzi, Verrebi, 2016; Alderson, 1999; Rowthorn, Wells, 1987; Dasgupta, Singh, 2006; Rodrik, 2016; Ryazanov, 2018; Kornev, 2022).

Большое число исследований в Турции посвящено неолиберальной экономической политике, лежащей в основе деиндустриализации, различиям процесса деиндустриализации на международном уровне и ее влиянию на экономику (Kepenek, 1999; Şenses, 2004; Yeldan, 2006; Yeldan, 2011; Kolsuz, Yeldan, 2014; Yeldan, Yıldırım, 2015; Doğruel, Doğruel, 2019).

В работах, изучающих тенденции деиндустриализации, в основном внимание уделяется отраслевым и периодическим изменениям в соответствии с экономическими показателями. Некоторые исследователи утверждают, что в Турции началась ранняя деиндустриализация (Bakır et al., 2019; Köse, Dineri, 2020), другие — что тенденция деиндустриализации существует, но о ранней деиндустриализации говорить еще рано (Şıklar, Tonus, 2007; Öz, 2018; Yanıkkaya et al., 2019).

В работах, посвященных тенденциям деиндустриализации на региональном уровне, внимание акцентируется на изменении характеристик деиндустриализации в зависимости от регионов и периодов (Doğruel, Doğruel, 2018; Meçik, Aytun, 2018). В пространственных исследованиях на теоретическом уровне трансформация городов и деиндустриализация рассматриваются как параллельные процессы (Keyder, 2014). В работах, касающихся деиндустриализации на конкретных территориях, изучается мобильность промышленных объектов в масштабах города (Yücebaş, 2014; Kurşuncu, 2016; Ayık, 2018; Ayık, Avcı, 2018).

Как показывают результаты анализа замедления темпов экономического роста в Великобритании по сравнению с другими развитыми странами, проведенного Kaldor, существует положительная связь между темпами роста промышленного производства и темпами роста национального продукта. Например, фиксируется положительная связь между ростом производства и производительностью труда в обрабатывающей промышленности и других отраслях. Поэтому Kaldor определяет промышленный сектор как двигатель экономического роста и утверждает, что проблема Великобритании заключается в ее «ранней зрелости» по сравнению с другими развитыми экономиками, а ее промышленный сектор достиг пика развития, в связи с чем экономический рост замедлился (Kaldor, 1966). Kaldor объясняет деиндустриализацию

эффективностью промышленного производства, но, в отличие от Clark и его последователей, утверждает, что промышленный сектор продолжает оставаться динамичным.

П. Кругман, получивший Нобелевскую премию по экономике за работу над моделями торговли и локализации экономической деятельности, предложил новый взгляд на причины концентрации (агломерации) промышленной деятельности, основанный на неоклассической экономике и главным образом на работах (Marshall, 1890). Идеи Кругмана открыли для обсуждения проблемы соотношения центра и периферии, поставив вопрос о том, почему промышленное развитие концентрируется в нескольких регионах, оставляя другие регионы позади (Krugman, 1991).

В работе, проведенной в Турции (Şenses, 2004), подчеркивается, что наиболее острыми последствиями неолиберальной глобализации в слаборазвитых странах являются постепенное ослабление государства всеобщего благосостояния и выпадение индустриализации из повестки дня. Şenses утверждает, что формы деиндустриализации в странах ядра и периферии различны и будет ошибкой проводить аналогию между деиндустриализацией в развитых и развивающихся странах. Он также отметил уникальную ситуацию, когда индустриальные страны Восточной Азии развивались за счет государственного регулирования, а не свободного рынка (Şenses, 2004).

Lorenzi и Verrebi, исследуя тенденции международной деиндустриализации, обратили внимание на действие механизма переноса производства из развитых стран в развивающиеся и обнаружили, что во второй период глобализации после 1990-х гг. промышленная активность смещается в отдельные регионы гораздо более заметно, чем в 1970-е гг. Согласно полученным результатам, произошло быстрое перемещение страновой промышленной добавленной стоимости между развитыми и развивающимися странами по отношению к мировой промышленной добавленной стоимости. Резкое изменение мировой промышленной добавленной стоимости произошло в период с 1995 по 2005 год. По мнению Lorenzi и Verrebi, изменение промышленной активности в 1990-е гг. было исключительным. Все западные страны оказались вовлечены в процесс международного переноса

активности по отношению к развивающимся странам. Хотя центральное место занимал Китай, данный процесс затронул весь мир, включая страны, где перенос активности вообще не осуществлялся (Lorenzi, Bergebi, 2016).

Форма и последствия деиндустриализации различаются в развитых и развивающихся экономиках. Основным объяснением, определяющим деиндустриализацию в развивающихся странах, является тезис о «преждевременной деиндустриализации».

Dasgupta и Singh провели анализ преждевременной деиндустриализации по методике Калдора и выявили долгосрочные структурные тенденции в развивающихся странах. Так, в некоторых из них деиндустриализация началась при более низком уровне дохода на душу населения по сравнению с развитыми странами. Кроме того, в государствах как с медленными (например, Латинская Америка), так и с быстрыми темпами роста (например, Индия) наблюдается феномен «роста без рабочих мест» в формальном производственном секторе, т. е. роста, который не создает рабочих мест. Dasgupta и Singh утверждают, что в качестве исключительного случая сектор услуг в индийской экономике, особенно в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и смежных областях, может стать динамичной отраслью для экономического роста. В других развивающихся странах промышленное производство остается доминирующим сектором развития, поэтому деиндустриализация в них является негативным явлением (Dasgupta, Singh, 2006).

Rodrik определяет деиндустриализацию в развивающихся странах как «преждевременную». В отличие от исторической нормы, она происходит до того, как промышленное производство и доходы населения достигают достаточного и высокого уровня. В противовес индустриализации с ее положительными эффектами, такими как производство технологий и создание рабочих мест, преждевременная деиндустриализация оказывает негативное влияние на экономический рост. По мнению Rodrik, закономерности индустриализации-деиндустриализации в странах с развитой экономикой определяются ростом производительности труда, а в развивающихся странах более выражено влияние глобализации. Согласно двум важным

выводам автора происходит значительное перераспределение производства из богатых стран мира (особенно США и Европы) в Азию, особенно в Китай; также доля обрабатывающей промышленности в ВВП в различных регионах изменилась по-разному. Более того, как утверждает Rodrik, несмотря на положительные черты деиндустриализации в странах с развитой экономикой, эти страны (например, США) разрабатывают политику защиты от спада в промышленном секторе. С другой стороны, в менее развитых (например, в странах Африки южнее Сахары) и развивающихся (например, в государствах Латинской Америки) странах наблюдается ухудшение промышленной политики и деиндустриализация со всеми сопутствующими негативными аспектами (Rodrik, 2016).

Среди исследований, посвященных тенденциям деиндустриализации в Турции, можно выделить работу (Bakır et al., 2019). Анализируя материалы за 1998–2014 гг., авторы утверждают, что Турция вступила в процесс деиндустриализации, а сокращение объемов производства в текстильном и швейном секторах является основным отраслевым фактором. В исследовании обращается внимание как на триггерный, так и на ускоряющий эффект деиндустриализации, связанный с сокращением внутренней добавленной стоимости в результате быстрой интеграции Турции в глобальные цепочки добавленной стоимости. В этом процессе резко возрастает зависимость производства и экспорта от импорта. Такая зависимость также влияет на снижение коэффициента внутренней добавленной стоимости и требует принятия эффективных мер. Bakır et al. отмечают, что в этом случае для Турции деиндустриализация не только преждевременна, но и может углубиться. Деиндустриализация Турции объясняется ее быстрым и ранним присоединением к инициативе «нового» международного разделения труда (Bakır et al., 2019).

Рассматривая периодические изменения, Doğruel и Doğruel исследовали экономическую политику после 1990 года и смену парадигмы после 2008 года. Соответственно, если раньше под деиндустриализацией понимались структурные изменения в развитых странах, обусловленные эндогенными факторами, то после 1990-х гг. на первый план стало выходить влияние глобализации. Финансовый кризис, воз-

никший в результате этого процесса, привел к смене парадигмы экономической политики государств в сторону протекционизма во внешней торговле после 2008 года и придал неопределенность процессу деиндустриализации как для развитых, так и для развивающихся стран (Doğruel, Doğruel, 2019).

В нашем исследовании рассматривается промышленная трансформация на международном уровне, однако результаты обзора литературы и анализа также дают представление о динамике этого процесса и на страновом уровне. Можно сказать, что деиндустриализация на национальном и международном уровне и возникновение глобальных городов, региональных кластеров и городов-регионов — это параллельные процессы.

Например, Baycan-Levent на примере Стамбула подчеркивает, что мегаполисы создают предпосылки для функционирования глобальной экономики, конкурируя с другими глобальными городами, при этом определяют условия и процессы развития окружающих регионов (Baycan-Levent, 2005). Аналогичным образом Keyder обращает внимание на взаимосвязь между глобальными городами и деиндустриализацией и подчеркивает, что использование концепции глобального города-региона может потребовать выхода за пределы провинциальных границ. Keyder говорит о том, что, когда в 1980-х гг. в Стамбуле начался процесс деиндустриализации, производство перемещалось не только в пределах провинциальных границ, но и в Чорлу, Гёзтепе, Измит и даже Бурсу (Keyder, 2014).

В связи с этим Doğruel и Doğruel говорят о деиндустриализации и периодически дифференцированной промышленной политике в Стамбуле, подчеркивая, что до 2000 года проводилась политика, ориентированная на децентрализацию промышленности из городской зоны, а после — на рост финансового сектора и сектора недвижимости в городе (Doğruel, Doğruel, 2018).

Другой важной темой, затрагиваемой в научной литературе, выступает реиндустриализация. П. Кругман (Krugman, 1988; Krugman, 1991) подчеркивает мобильность капитала и смену технологий при реиндустриализации, а также появление новых техноёмких направлений бизнеса, замещающих старые отрасли. Од-

нако он утверждает, что новые отрасли и сектор услуг не в состоянии поглотить рабочую силу, появляющуюся в результате деиндустриализации. Что касается России, Kornev (Kornev, 2022) отмечает, что новые отрасли должны поддерживаться государственными субсидиями в условиях деиндустриализации, возникшей при переходе к открытой экономике после советской эпохи.

Ryazanov критикует утверждение о том, что промышленность будет заменена сферой услуг. Вспоминая исторические условия, он подчеркивает, что как промышленность не заменила сельское хозяйство, а развила его, так и сфера услуг не заменит промышленность. По мнению автора, деиндустриализация приводит к негативным последствиям не только для западных, но и для западных капиталистических экономик, потому что после первоначального спада в текстильном и швейном секторах на более поздних этапах деиндустриализации началось снижение занятости в технологическом производстве. Ryazanov утверждает, что для реиндустриализации необходимо мобилизовать динамический потенциал. Специализация и развитие технологий будут зависеть от развития промышленного сектора для всех стран и их вовлечения в новые отрасли в рамках международного разделения труда (Ryazanov, 2018).

Как показывает обзор литературы, деиндустриализация тесно связана с глобализацией, международной мобильностью капитала и глобальной реструктуризацией труда. В разных регионах процесс и динамика деиндустриализации различаются. Если в развитых странах деиндустриализация — это процесс, связанный с производительностью труда, то в развивающихся странах на первый план выходит влияние глобализации. Международный перенос промышленной деятельности, который является одной из основных тенденций деиндустриализации, приводит к деиндустриализации в развитых странах. В результате в одних развивающихся странах происходит индустриализация, в других — деиндустриализация (по аналогии с развитыми странами). Таким образом, деиндустриализация как процесс требует рассмотрения в контексте регионов на международном уровне и демонстрирует различные тенденции в зависимости от регионов.

Сравнительный анализ тенденций деиндустриализации в Турции и других странах

Обзор литературы показал, что деиндустриализация является одним из этапов современного промышленного производства и связана с мобильностью капитала и международной торговлей. При деиндустриализации происходит реструктуризация производства и рабочей силы в международном и региональном масштабе на уровне страны. В связи с этим был проведен сравнительный анализ отраслевых изменений в отдельных странах с целью выявления международных тенденций деиндустриализации.

Принимая во внимание результаты исследований (Lorenzi, Verrebi, 2016; Ryazanov, 2018; Doğruel, Doğruel, 2019), мы анализировали период после 1990 года, когда в развивающихся странах стали наблюдаться кардинальные изменения. Временные рамки ограничены периодом до пандемии 2019 года. Сначала анализируются изменения в занятости и, соответственно, данные по ВВП и безработице.

При проведении сравнительного анализа страны были выбраны с учетом работ (Lorenzi,

Verrebi, 2016) и (Ryazanov, 2018), а также добавлены Турция и некоторые другие государства, входящие в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. В целом исследование охватывает 18 стран: 7 развитых (США, Япония, Франция, Германия, Великобритания, Канада, Италия) и 11 развивающихся (Китай, Индия, Бразилия, Южная Корея, Мексика, Индонезия, Австралия, Турция, Гонконг, Сингапур и Россия).

Занятость по отраслям

Согласно изменениям отраслевой занятости за период 1991–2019 гг. (рис. 1) доля сельскохозяйственного сектора во всех рассматриваемых странах снизилась, а доля сектора услуг увеличилась. Доля занятости в промышленном секторе, напротив, различается по регионам. Это наглядно демонстрирует региональный характер деиндустриализации. Еще один момент, который следует подчеркнуть: хотя доля занятости в сельскохозяйственном секторе сократилась во всех странах, больше всего пострадали те, которые в начале деиндустриализации были преимущественно аграрными и все еще находятся в процессе индустриализации.

Рис. 1. Динамика занятости по отраслям в период 1991–2019 гг.

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Радикальных изменений в развитых странах не происходило с 1990-х гг. За этот период занятость в промышленности в них постепенно снизилась с 35–25% до 25–20%. Сельскохозяйственный сектор невелик, а промышленная рабочая сила поглощается в основном сферой услуг. Можно сказать, что деиндустриализация как явление развитых стран представляет собой структурную трансформацию, обусловленную капиталистической экономической политикой и международным переносом деятельности.

Согласно проведенному анализу, можно выделить три типа развивающихся стран. (1) Китай, Индонезия и Индия, относящиеся к первой группе, являются основными участниками международной торговли и переноса активности с Запада на Восток, процесс их индустриализации продолжается. (2) Вторая группа стран – Южная Корея, Россия, Гонконг, Сингапур и Австралия – имеет тенденцию к деиндустриализации. Эти государства, близкие к развитым скорее по глобальному влиянию, чем по эндогенно-структурным факторам, вступили в стадию деиндустриализации, демонстрируя при этом определенную степень промышленного развития; объемы сельскохозяйственного производства сокращаются меньше, чем промышленность, происходит отраслевой сдвиг от промышленности к сфере услуг. (3) В третьей группе – Турция, Бразилия и Мексика – наблюдается серьезный спад в сельскохозяйственном секторе и незначительное снижение занятости в промышленности, что можно назвать стагнацией. Несмотря на то, что эти страны были аграрными и находились в процессе индустриализации, они столкнулись с деиндустриализацией. Следовательно, сектор услуг должен был непосредственно поглощать рабочую силу, уходящую из сельского хозяйства.

Опять же, по аналогии с развитыми странами, в этих государствах не происходит радикального снижения занятости в промышленности, поскольку они вступили в процесс деиндустриализации в результате глобального воздействия, когда их промышленное развитие находилось на низком уровне.

В странах первой группы – Индии, Индонезии и Китае – деиндустриализация оказала эффект индустриализации, наблюдающийся в основном в период 2000–2012 гг. (табл. 1).

Среди них выделяется Китай, где в 2012 году доля занятых в промышленности и сфере услуг составляла около 30%. Затем занятость в промышленности стала снижаться, а занятость в сфере услуг – быстро расти вследствие снижения внешнего спроса с 2012 года, роста заработной платы на внутреннем рынке и замедления экономического роста из-за инфляции. Важным фактором является то, что высокая добавленная стоимость в промышленности привела к расширению сферы услуг за счет увеличения инвестиций в конкретные секторы. Можно сказать, что историко-политическая специфика Китая выступает важнейшим фактором, отличающим его от других стран своей группы на данном этапе трансформации.

Ко второй группе относятся деиндустриализованные Южная Корея, Россия, Гонконг, Сингапур и Австралия. В этих странах произошло резкое сокращение занятости в промышленности в целом. Когда в них началась деиндустриализация, промышленность была хорошо развита, а занятость в сельском хозяйстве была низкой, поэтому отраслевой переход происходит от промышленности к сфере услуг. Здесь доля занятости в промышленности значительно снизилась, особенно в период с 1990 по 2000 год (табл. 2).

Таблица 1. Доля занятых по отраслям экономики в странах первой группы, %

Год	Индия			Индонезия			Китай		
	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У
1991	63,32	15,18	21,50	55,51	15,19	29,31	59,70	21,40	18,90
2000	59,65	16,32	24,04	45,28	17,44	37,29	50,01	22,50	27,49
2012	47,00	24,36	28,64	35,93	21,07	43,00	33,60	30,30	36,10
2019	42,60	25,12	32,28	28,50	22,36	49,14	25,33	27,42	47,25

Примечание: С/Х – сельское хозяйство, П – промышленность, У – сфера услуг.
Составлено по: ILO (<https://ilostat.ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Таблица 2. Доля занятых по отраслям экономики в странах второй группы, %

Год	Южная Корея			Россия			Гонконг			Сингапур			Австралия		
	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У
1991	14,61	36,82	48,57	14,24	39,96	45,80	0,81	34,89	64,30	0,28	35,16	64,56	5,36	23,51	71,14
2000	10,60	28,15	61,25	14,49	29,24	56,27	0,29	20,33	79,38	0,16	27,95	71,89	4,86	21,62	73,53
2012	6,13	24,58	69,29	7,33	27,81	64,86	0,21	12,36	87,43	0,10	20,54	79,36	2,80	20,71	76,49
2019	5,14	24,58	70,28	5,83	26,79	67,38	0,17	11,08	88,75	0,03	15,55	84,41	2,56	19,06	78,38

Примечание: С/Х – сельское хозяйство, П – промышленность, У – сфера услуг.
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Гонконг и Сингапур, пережившие в 1960-х гг. стремительную индустриализацию и получившие название «азиатские тигры», а также Австралия с 1990-х гг. стали превращаться в глобальные финансовые и транспортные центры Азиатско-Тихоокеанского региона. Они имеют схожие исторические и политические характеристики и, находясь долгое время в тесных отношениях с развитыми экономиками Запада, испытали влияние процессов индустриализации-деиндустриализации.

После Второй мировой войны Южная Корея быстро индустриализировалась, используя модель роста, ориентированную на экспорт. Смена правительства в 1987 году и азиатский кризис 1997 года послужили факторами перехода страны от планового развития к краткосрочным программам.

Среди стран второй группы Россия представляет собой особый случай; ее отличает исторический и политический характер индустриального развития. После распада Советского Союза в 1991 году Россия экспериментировала с моделями свободного рыночного и централизованного развития, стабилизировалась после крупного финансового кризиса 1998 года и стала ведущим экспортером сырья в 2000-х гг. На этом этапе китайско-российское сотрудничество приобрело особую актуальность (Zuenko, 2020). Историческая и полити-

ческая специфика двух стран, их приграничное соседство, а также сотрудничество в сфере спроса и предложения сырьевой и промышленной продукции стали главными движущими силами в развитии незападного вектора их отношений.

К третьей группе относятся страны, в которых наблюдается постепенный спад промышленного производства и значительное снижение занятости в сельском хозяйстве, откуда рабочая сила переходит в основном в сферу услуг. В период с 1991 по 2019 год в этих государствах не произошло существенных изменений, наблюдалось постепенное сокращение сельского хозяйства и промышленности и рост сферы услуг (табл. 3).

Относительно медленное снижение занятости в промышленности в этих государствах напоминает медленное снижение в развитых странах Запада, однако сходство обманчиво. Страны третьей группы вступили в стадию деиндустриализации, будучи еще недостаточно индустриализированными. Они представляют собой аграрные общества, еще не завершившие свое промышленное развитие, происшедшее до деиндустриализации за счет политики импортозамещения; они осуществили быстрый переход к свободной рыночной экономике, реализовав программы международных валютных институтов. С 1990 года в этих странах

Таблица 3. Доля занятых по отраслям экономики в странах третьей группы, %

Год	Турция			Бразилия			Мексика		
	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У
1991	29,76	29,66	40,58	19,64	23,42	56,94	21,09	25,47	53,44
2000	27,30	27,62	45,08	16,49	21,84	61,68	17,41	27,07	55,53
2012	23,56	26,03	50,42	11,47	23,02	65,51	13,72	24,06	62,22
2019	18,11	25,32	56,57	9,08	19,99	70,94	12,48	25,55	61,97

Примечание: С/Х – сельское хозяйство, П – промышленность, У – сфера услуг.
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

наблюдается спад промышленности и относительный рост сферы услуг при радикальном сокращении сельскохозяйственного сектора. Следствием является, во-первых, проблема прямого перехода от сельского хозяйства к сфере услуг, во-вторых, невозможность достичь достаточного прироста из-за того, что развитие сферы услуг зависит от производительности труда в промышленности, что увеличивает разрыв между рабочей силой, высвобождаемой из сельского хозяйства, и рабочей силой, поглощаемой сферой услуг, т. е. приводит к росту безработицы.

Анализ глобальных изменений в сфере занятости показывает, что начиная с 1990-х гг. наблюдается значительный переток рабочей силы и специалистов из развитых стран Севера в страны Азии с формирующейся экономикой. Можно сказать, что государства, не входящие в эту биполярную систему, такие как Турция и страны Латинской Америки, подверглись деиндустриализации вследствие глобальной реструктуризации труда.

Турция вследствие влияния исторических и политических факторов отличается от других стран, входящих в третью группу. До деиндустриализации Турция имела опыт развития на основе экономической политики импортозамещения. Еще находясь на стадии индустриализации,

в 1980 году она быстро и резко перешла к свободной рыночной экономике, приняв ряд нормативных актов, известных как «Решения 24 января», и в условиях международной конкуренции промышленное производство Турции стало сокращаться.

В результате в первой и второй группе стран наблюдается взаимодействие между индустриализацией и деиндустриализацией, тогда как в третьей группе скорее фиксируется стагнация промышленного развития. Таким образом, не существует единой формы деиндустриализации, она выявляет различные причинно-следственные связи на региональном уровне, принимает различные формы, происходит в рамках планов развития и, соответственно, трансформируется. Можно сказать, что на формы деиндустриализации влияют такие факторы, как исторический контекст и экономическая политика, проводимая странами до деиндустриализации.

На основе обзора литературы период анализа в нашем исследовании был определен как период после 1990 года и до пандемии 2019 года, когда наблюдались радикальные изменения (рис. 2–7). В таблице 4 представлена информация о доле занятых в промышленности исследуемых стран, согласно последним доступным данным.

Таблица 4. Доля занятых в промышленности в период после пандемии COVID-19, %

Страна	2019	2022	2021
Австралия	19,06	18,70	
Бразилия	19,99	20,04	
Канада	19,25	19,20	
Китай	27,42		28,00*
Германия	27,18	26,90	
Франция	20,43	19,00	
Великобритания	18,12		18,00*
Индонезия	22,36	21,90	
Индия	25,12	26,10	
Италия	25,87	26,90	
Япония	24,22	23,20	
Южная Корея	24,58	24,30	
Мексика	25,55	24,60	
Турция	25,32		27,50
США	19,91	19,30	
Гонконг	11,08	12,40	
Сингапур	15,55		14,40
Россия	26,79		26,60

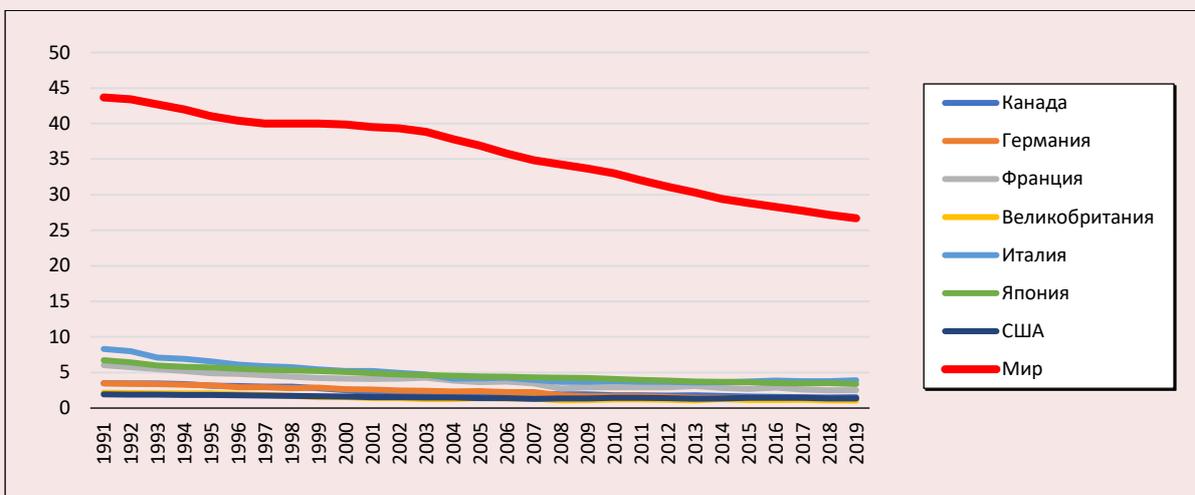
*Оценка.

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Можно отметить, что существенных изменений в показателях занятости по отраслям экономики после пандемии не произошло. Однако занятость в промышленности имеет тенденцию к росту среди развитых стран – в Италии, среди развивающихся стран в первой группе – в Китае и Индии, во второй группе – в Гонконге, в третьей группе – в Турции и Бразилии. За исключением Индии и Турции, все остальные исследуемые государства достигли

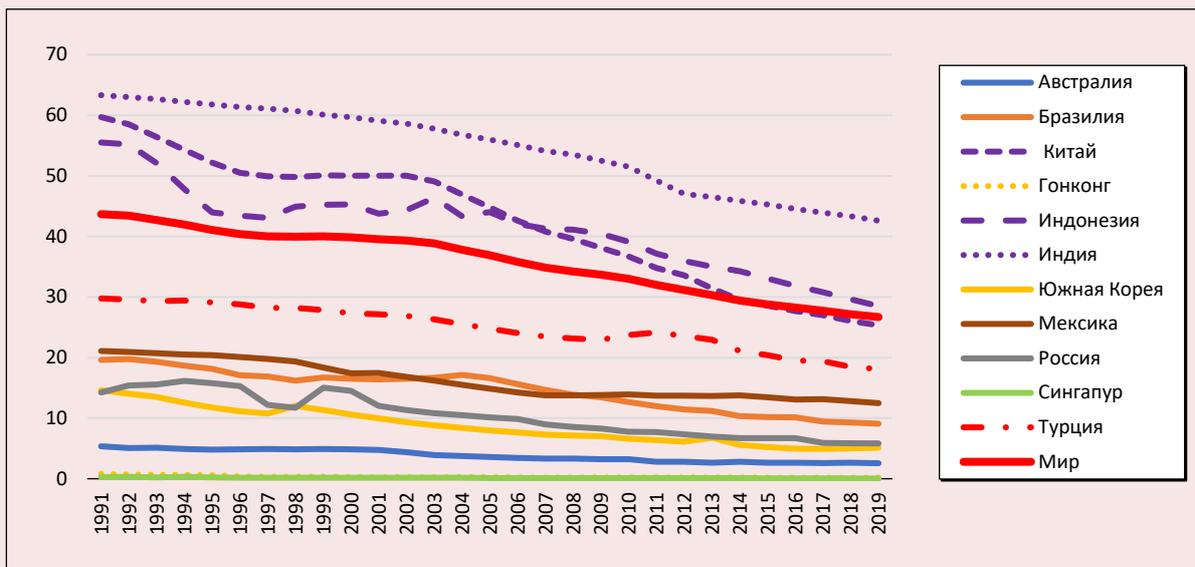
этих показателей до 2019 года. Для Индии показатель 26,10% в 2022 году является самым высоким с 1991 года. Турция же достигла показателя 27,50% и выше в период до 2000 года. Можно сказать, что объем промышленного производства в Турции увеличился в период пандемии, однако эти эффекты носят периодический характер, и при развитии производства следует оценивать региональный динамический потенциал.

Рис. 2. Доля занятых в сельском хозяйстве в развитых странах

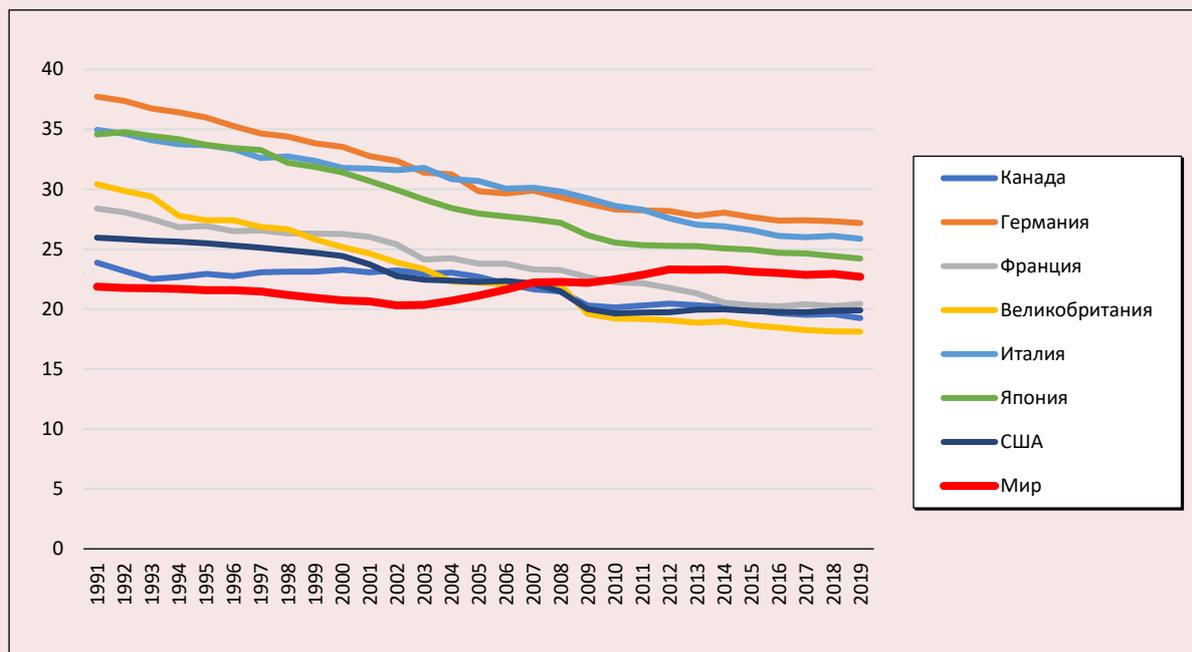
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 3. Доля занятых в сельском хозяйстве в развивающихся странах

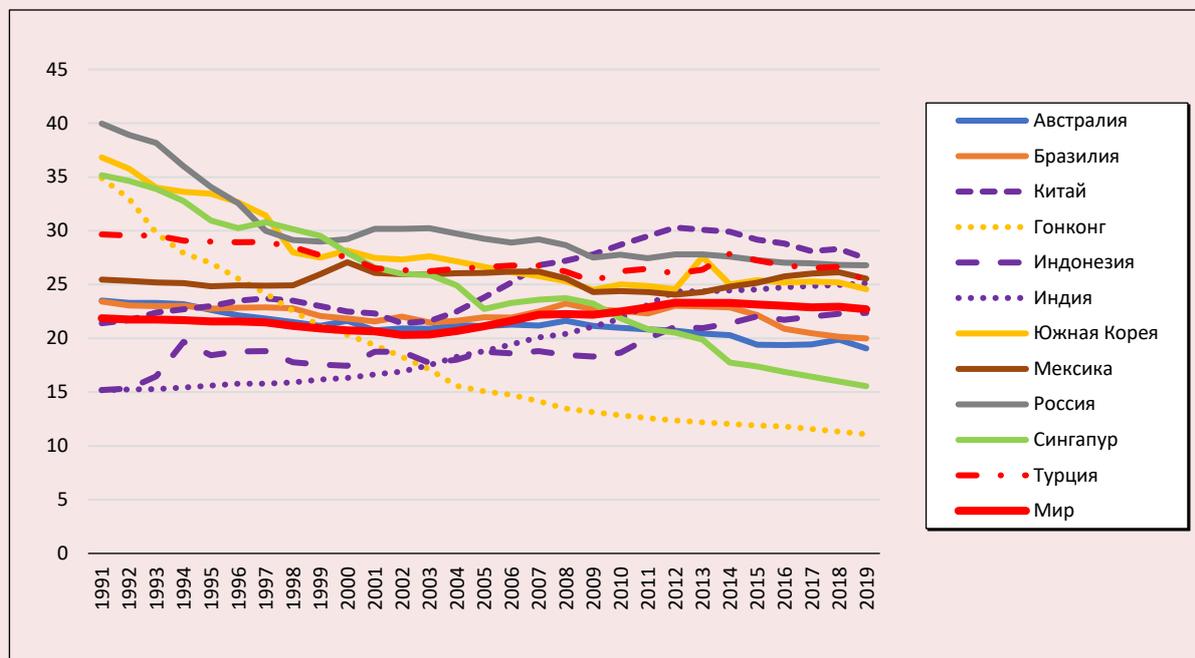
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 4. Доля занятых в промышленности в развитых странах

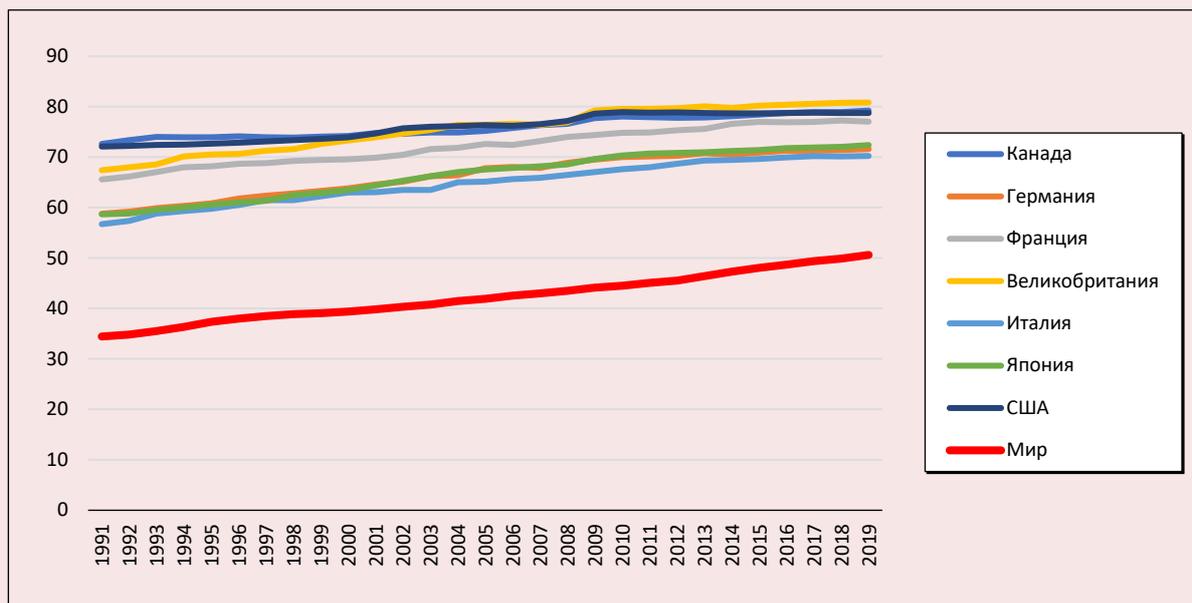
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 5. Доля занятых в промышленности в развивающихся странах

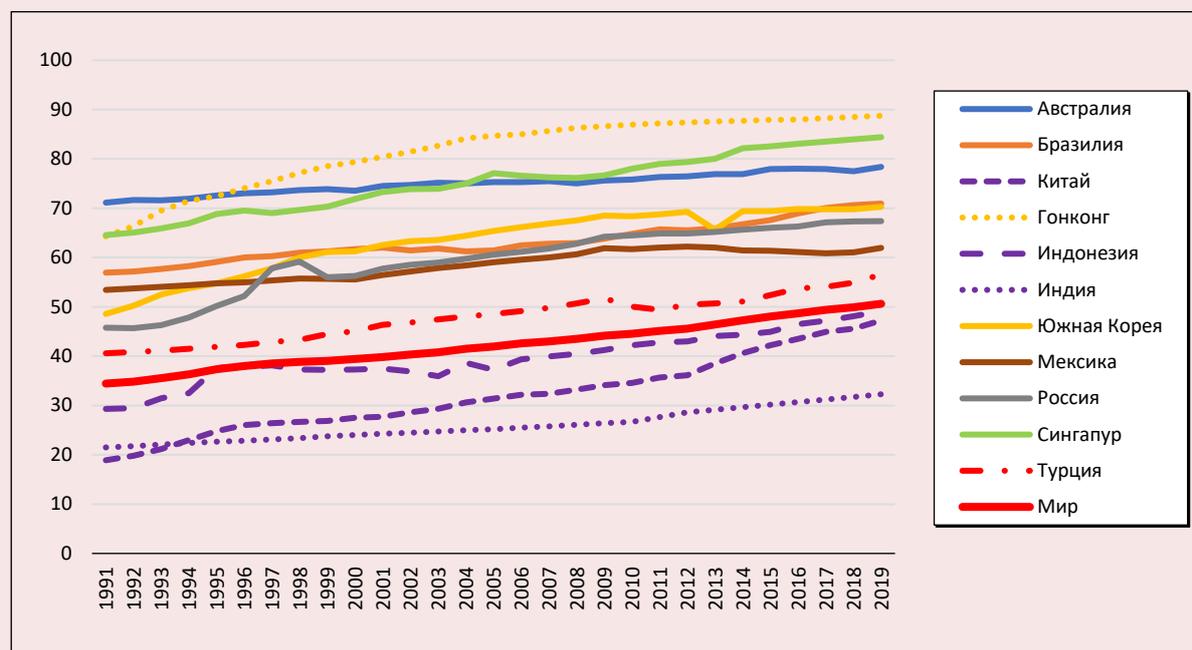
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 6. Доля занятых в сфере услуг в развитых странах

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 7. Доля занятых в сфере услуг в развивающихся странах

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

ВВП

Для более эффективного сравнения занятости по отраслям, в работе также рассматриваются показатели ВВП и безработицы. Согласно результатам анализа, доли совокупного мирового ВВП развитых и развивающихся стран изменились с 2010 года (рис. 8). Это согласуется с выводами, представленными в (Lorenzi, Verrebi, 2016), о том, что радикальные изменения в сфере занятости произошли в период с 1995 по 2005 год. Вместе с изменением доли занятых в промышленности менялись и доли совокупного ВВП. Примечательно, что доходы в промышленности начали трансформироваться в 1990-е гг. и сместились в 2010 году. Такой результат в группе развивающихся стран обусловлен переносом активности в экономики Китая, Индонезии и Индии и их быстрой индустриализацией.

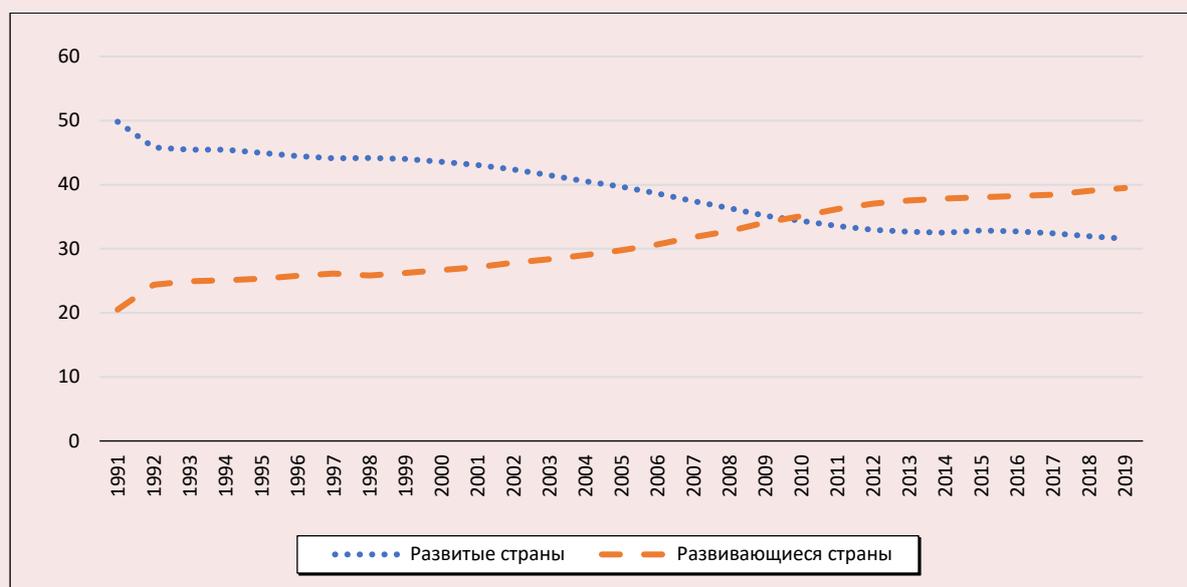
Что касается изменений по отраслям, можно отметить, что переход долей ВВП между отраслями в развитых странах осуществлялся до 1990-х гг. С другой стороны, значительные изменения в развивающихся странах произошли после 1990-х гг. (рис. 9–14).

Во всех развитых и деиндустриализованных странах доля сельского хозяйства в ВВП ниже

среднемирового уровня, а доля сферы услуг в ВВП – средняя или выше. Если в Германии доля промышленности в ВВП стабильно находится на среднемировом уровне, то в Японии и Канаде доходы промышленности, которые до 2010-х гг. были выше среднего уровня, в эти годы начали уменьшаться. Можно сказать, что Япония избежала снижения промышленного дохода, в то время как в Канаде оно продолжилось. Среди стран с развитой экономикой, где промышленный доход ниже среднемирового и продолжает падать, отметим США, Великобританию, Италию и Францию.

В развивающихся странах доля сельского хозяйства в ВВП в совокупном доходе резко сократилась в 1991–2000 гг. и продолжает уменьшаться. В Китае она снижалась на протяжении всего периода, а в Индии и Индонезии темпы роста сельскохозяйственных доходов замедлились после 2000-х гг. После 2008 года в этих странах наблюдалась стагнация доходов в промышленности и росли доходы в сфере услуг. Однако среди исследуемых государств они имеют самую высокую долю промышленности в ВВП и самую низкую долю сферы услуг в ВВП, превышающую среднемировой уровень.

Рис. 8. Доли мирового ВВП

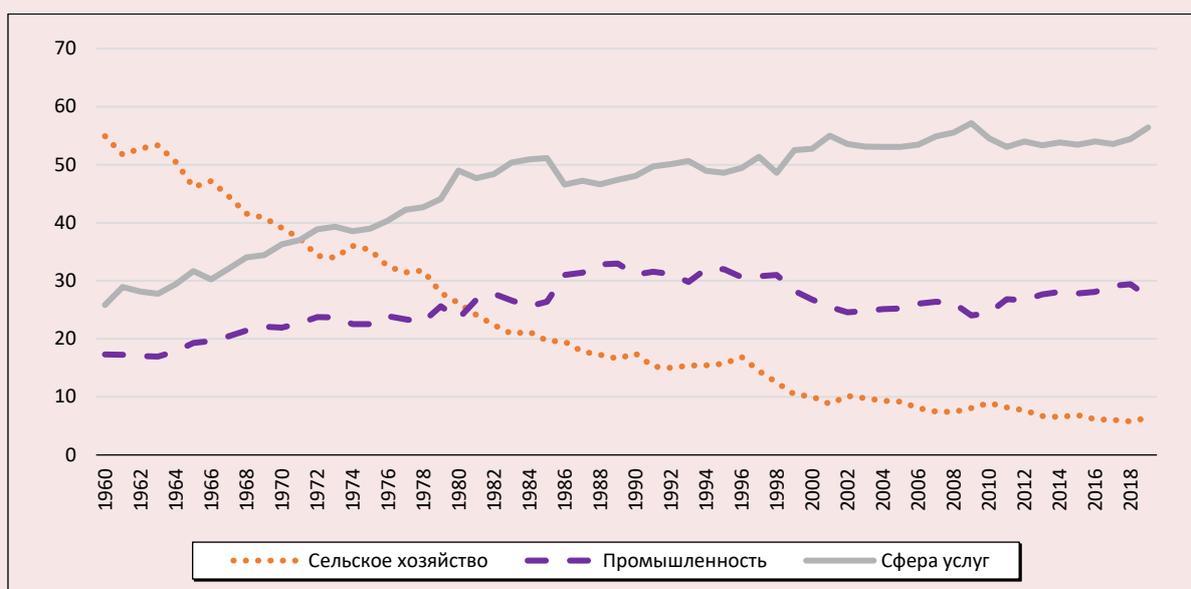

Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

В 1991 году Россия характеризовалась самой высокой долей доходов от промышленности среди незападных деиндустриализованных стран – 45,86%, которая затем резко снизилась до 34,53% в 1995 году. Второй резкий спад в России произошел в конце 1990-х – начале 2000-х гг. во время так называемого российско-го экономического кризиса или кризиса рубля. В Бразилии в 1991–1994 гг. наблюдалась тенденция роста доходов от промышленности, а в 1994–1995 гг. произошло их серьезное снижение. Доля промышленного дохода уменьшилась с 35,42% в 1994 году до 23,38% в 1995 году. До 2014 года доля доходов от промышленности оставалась относительно стабильной и составляла около 20%, но после этого наметилась тенденция к ее снижению. Доля доходов от сферы услуг в Бразилии достигла максимума в 1993 году, составив 73,33%, но в 1994 году резко снизилась до 56,89%. После открытия экономики для мировых рынков в 1989 году Бразилия столкнулась с гиперинфляцией. Хотя на некоторое время стране удалось решить проблему с помощью внутренней валютной политики, Бразилия не смогла продолжить ее из-за азиатского кризиса и кризиса рубля в России и в 1999 году приступила к реализации программы МВФ.

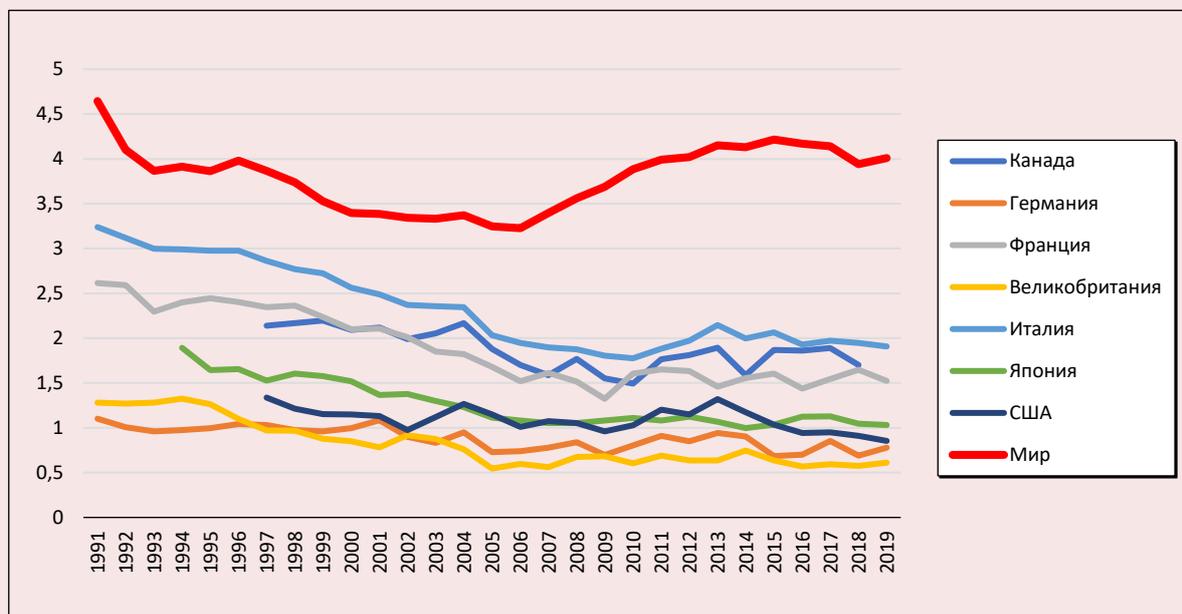
В 1989 году доля промышленности в ВВП Турции достигла самого высокого уровня с 1960 года – 32,97%. В период с 1986 по 1998 год доходы от промышленности колебались около 30%, в 1999 году снизились до 28,28%, а с 2000 года стабилизировались в диапазоне 28–26%. Можно сказать, что реализация Турцией программы МВФ в 1999 году и политика развития, основанная на трансформации промышленности в городских районах, являются неструктурной защитой от кризисов. Более резкое снижение доли доходов по сравнению с промышленностью произошло в аграрном секторе. Если в 1960 году доля сельскохозяйственного ВВП в общем объеме ВВП составляла 54,91%, то в период с 1960 по 1980 год она снизилась до 26,14%. Еще одно значительное снижение наблюдалось в период 1996–2000 гг.: доля сельскохозяйственного ВВП уменьшилась с 16,85% до 10,03%, а затем снизилась до 6,4% в 2019 году (рис. 15). Таким образом, можно говорить о деиндустриализации в сфере занятости в Турции, а также о стагнации по доходам в промышленности. Фактором, вызывающим негативные последствия, является радикальный спад в сельскохозяйственном секторе, а также перемещение рабочей силы из сельского хозяйства в сферу услуг.

Рис. 9. Доли отраслей в ВВП Турции

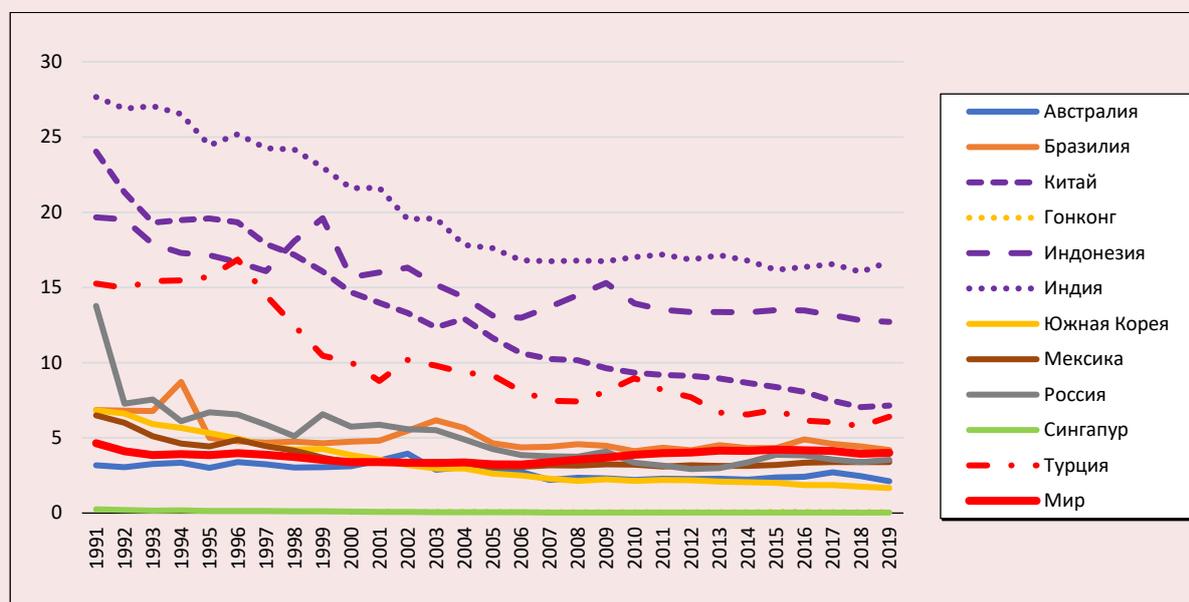
Составлено по: TURKSTAT (<https://data.tuik.gov.tr/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 10. Доля сельского хозяйства в ВВП развитых стран

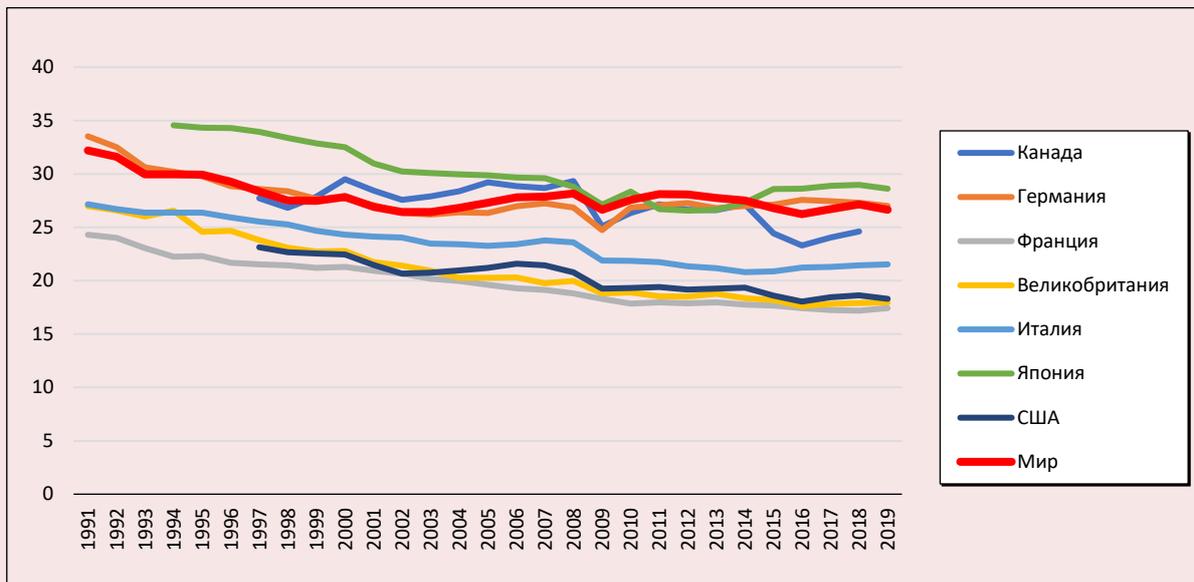
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 11. Доля сельского хозяйства в ВВП развивающихся стран

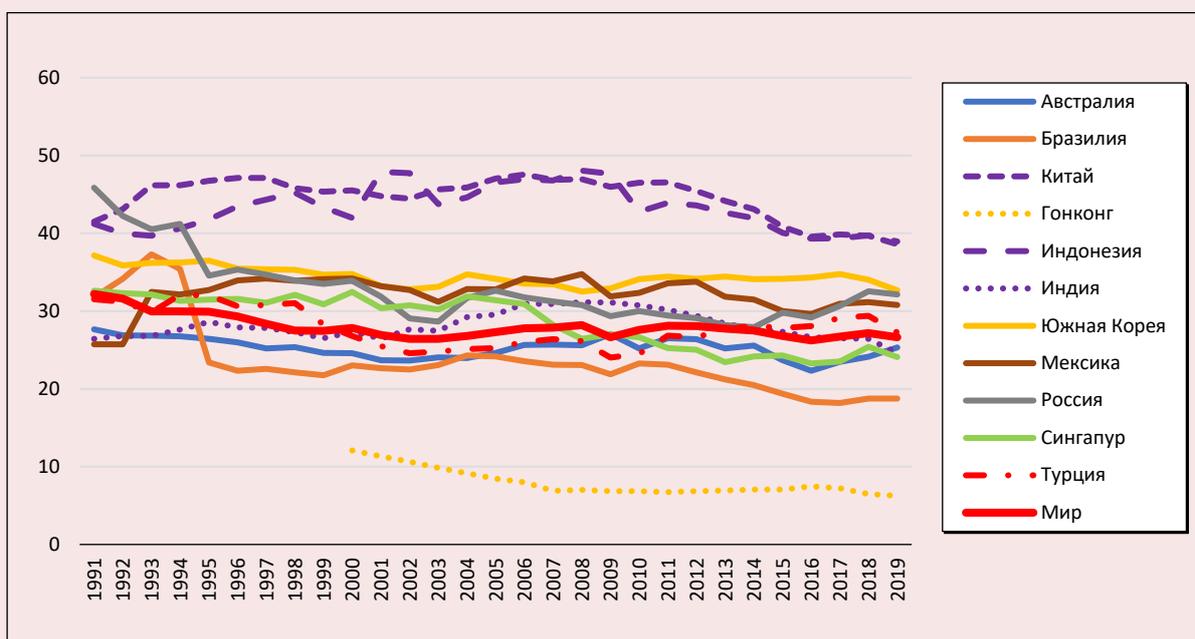
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 12. Доля промышленности в ВВП развитых стран

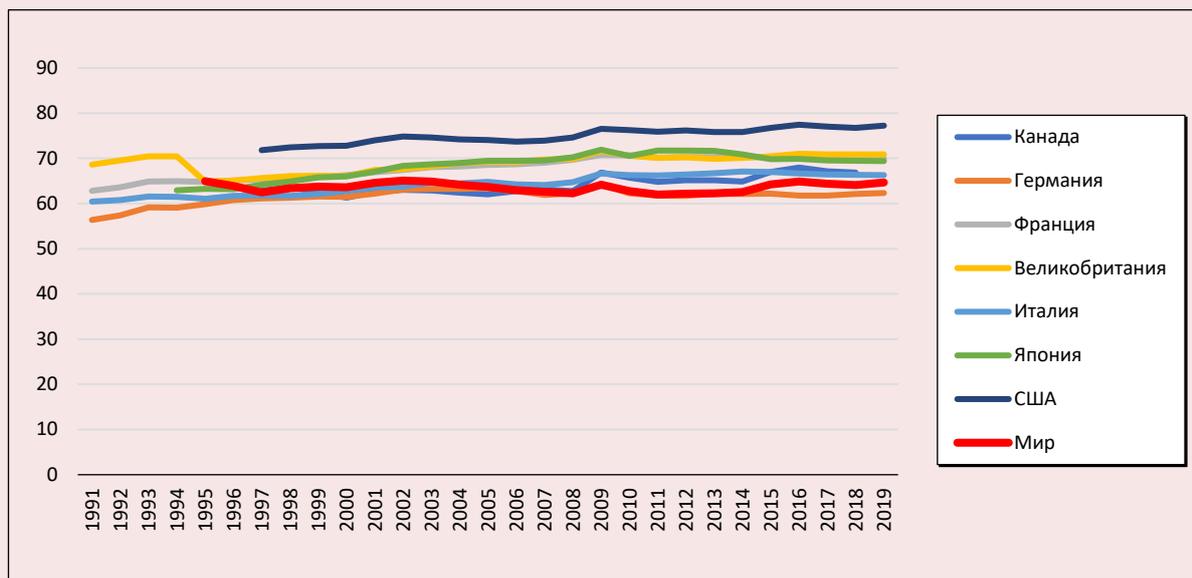
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 13. Доля промышленности в ВВП развивающихся стран

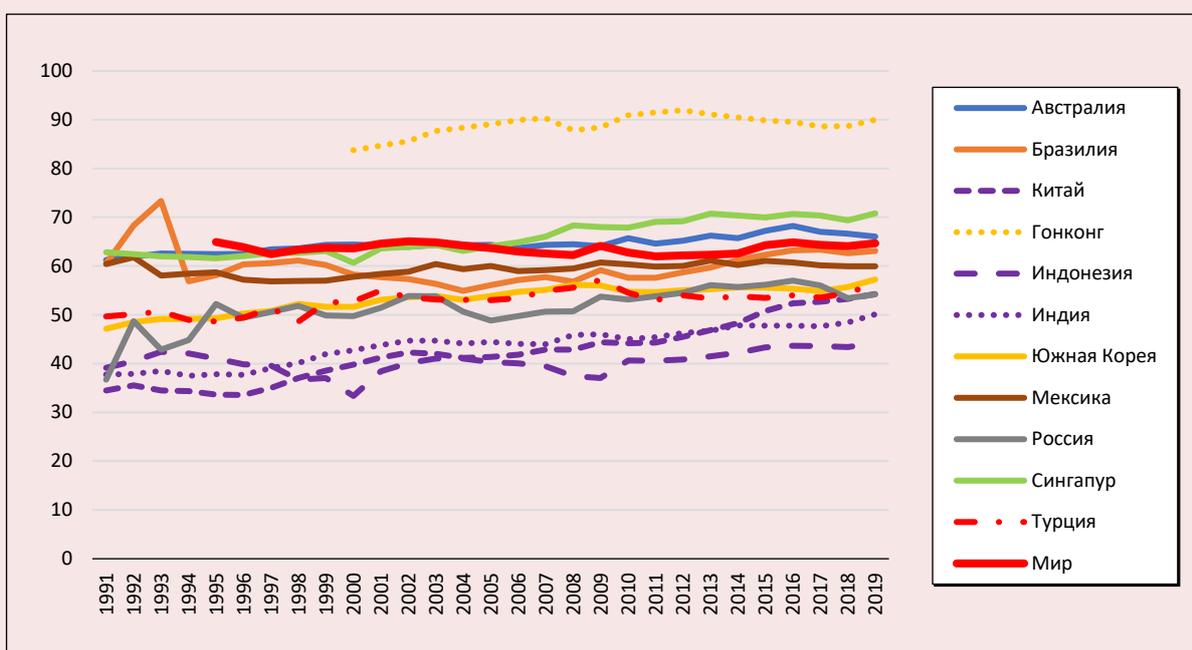
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 14. Доля сферы услуг в ВВП развитых стран

Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 15. Доля сферы услуг в ВВП развивающихся стран

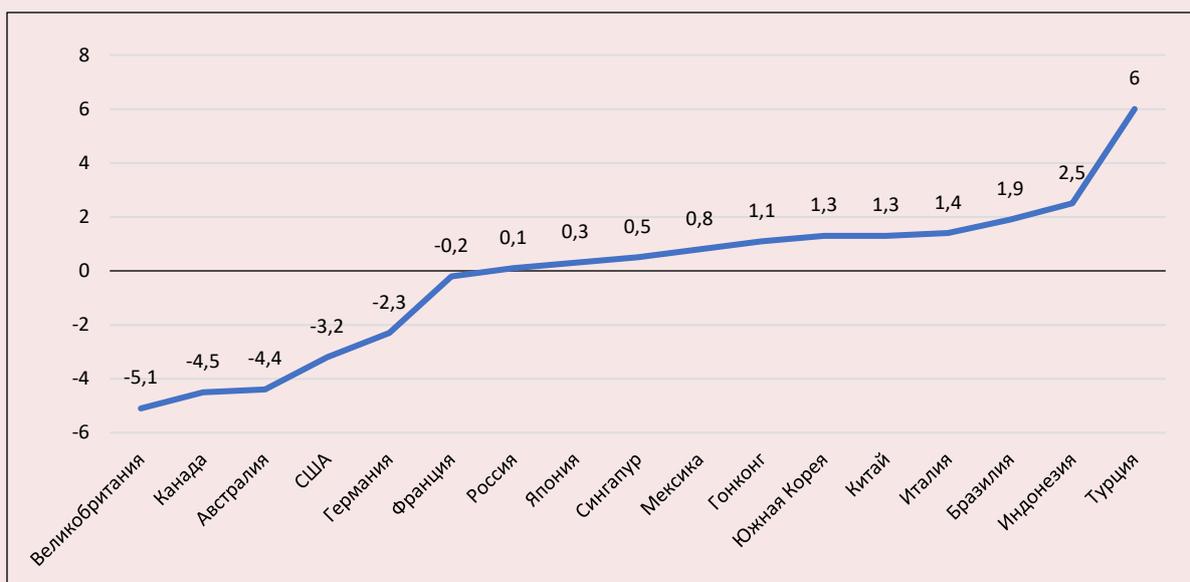
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Безработица

Согласно данным об уровне безработицы в отдельных странах, в период с 1991 по 2019 год показатель безработицы в Турции увеличился на 6 пунктов, поднявшись с 7,7 до 13,7% (рис. 16).

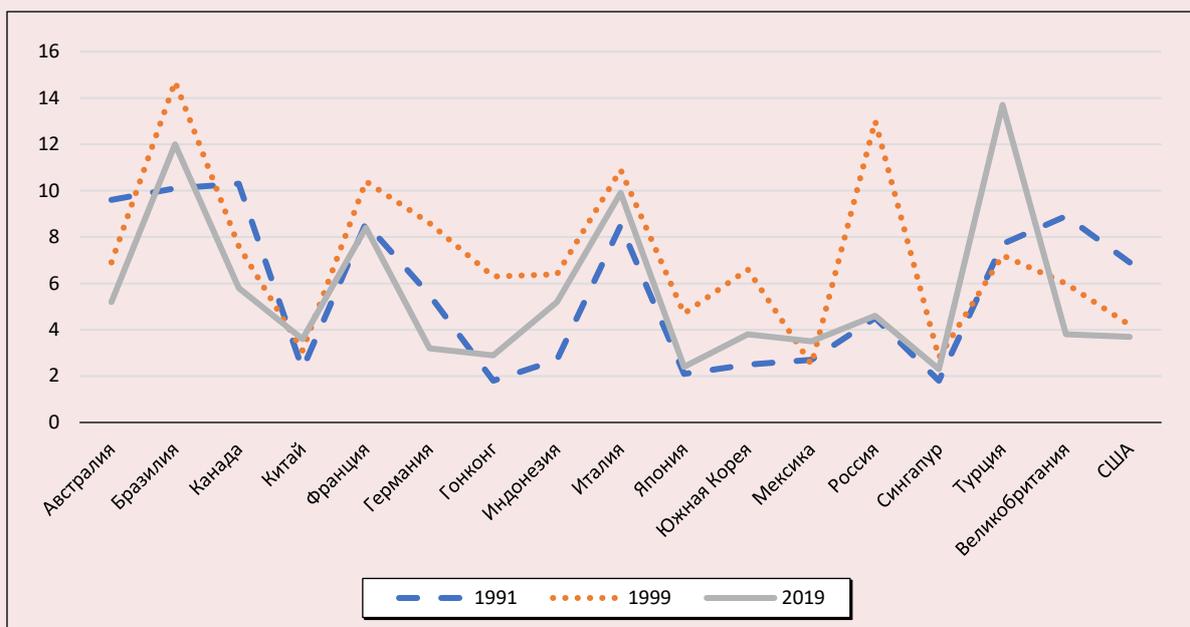
В мире в целом уровень безработицы увеличился с 1991 по 1999 год и стабилизировался после 2000-х гг. Исключение составляет Турция, уровень безработицы в которой с этого времени начал расти (рис. 17, 18).

Рис. 16. Динамика уровня безработицы в исследуемых странах в 1991 и 2019 гг.

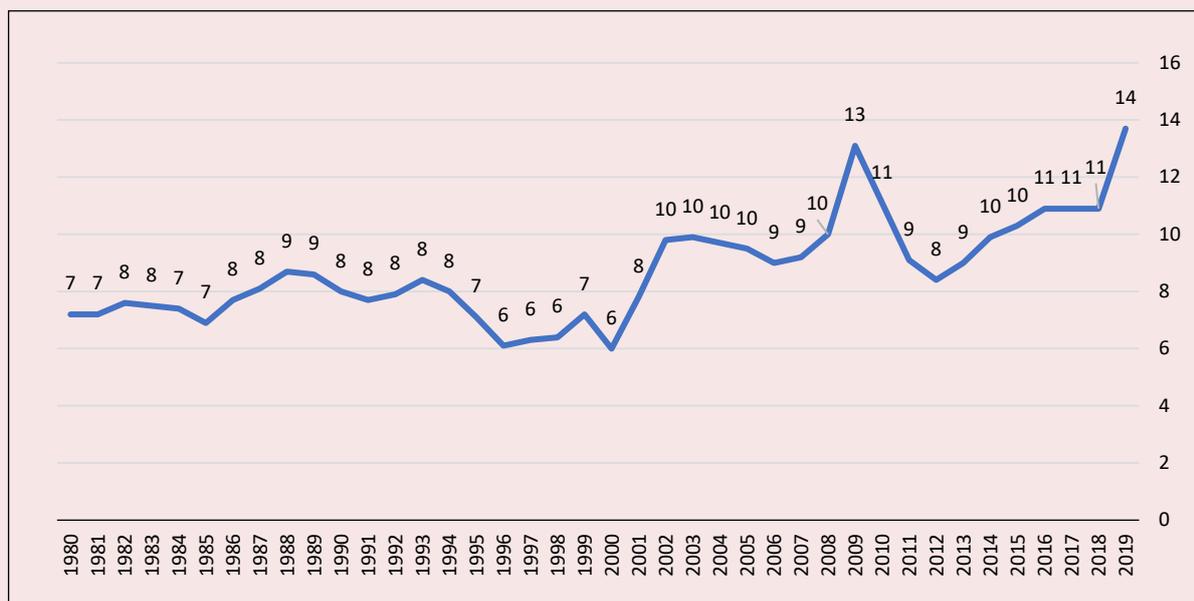
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); IMF (<https://www imf.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 17. Динамика уровня безработицы в исследуемых странах в отдельные периоды

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); IMF (<https://www imf.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 18. Динамика уровня безработицы в Турции

Составлено по: TURKSTAT (<https://data.tuik.gov.tr/>); ILO (<https://ilostat.ilo.org/>); IMF (<https://www.imf.org/>); данные на 2023 год.

Можно сказать, что деиндустриализация в Турции была преждевременной и негативной, поскольку привела к значительному сокращению занятости в сельском хозяйстве, снижению занятости в промышленности, стагнации доходов промышленности и прямому переходу от сельского хозяйства к сфере услуг, что вызвало не только экономические проблемы, но и серьезные последствия для городов и общества в целом. Можно утверждать, что предпосылки наметились еще в 1960-е гг., в период индустриализации. Турция пережила две крупные волны миграции из села в город в 1960-е и 1990-е гг. Хотя в 1960-е гг. уже начался период индустриализации, промышленное производство не смогло обеспечить достаточную занятость населения, вынужденного покинуть сельскую местность и мигрировать в города. На заводах была занята лишь часть мигрировавшего населения, основная же его доля распределилась по рабочим местам в сфере услуг, мелком производстве, ремесленничестве или в неформальном секторе, который диверсифицировался по географии производства. Если в 1960 году доля сферы услуг составляла

25,84%, то в начале 1980-х гг. достигла 50%, а в 2019 году — 56,40%. К 1980-м гг. доля сферы услуг уже приблизилась к показателю 2019 года. Таким образом, в период деиндустриализации после 2000 года не произошло расширения сферы услуг для поглощения рабочей силы, ранее задействованной в сельском хозяйстве и промышленности. Поэтому показатели безработицы после 2000 года стали более высокими и она имела более затяжной характер, чем в 1960-е—1980-е гг.

Заключение

Согласно результатам межстрановых сопоставлений можно утверждать, что деиндустриализация имеет различные тенденции в зависимости от политэкономических и геополитико-геоэкономических условий. В ходе работы выявлено, что тенденции деиндустриализации, рассматриваемые с точки зрения их регионального характера в рамках глобальной реструктуризации производства, не демонстрируют радикальных изменений в развитых странах в 1991—2019 гг., в то время как среди развивающихся стран можно выделить три группы с различными тенденциями.

В первой группе стран, к которой относятся Индия, Индонезия и Китай как важные участники процесса переноса деятельности с Запада на Восток, индустриализация шла быстрыми темпами. Ко второй группе относятся Россия, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Австралия, где деиндустриализация осуществлялась в период высокого уровня промышленного развития. В третью группу входят Турция, Бразилия и Мексика, деиндустриализация которых началась в период их промышленного развития.

Турция и страны Латинской Америки отличаются от других развивающихся индустриальных стран тем, что они вступили в процесс деиндустриализации будучи аграрными. В этих государствах тенденции деиндустриализации начали проявляться еще на этапе перехода от аграрного к индустриальному сектору. Иными словами, промышленное производство было прервано. В научных работах эта ситуация коррелирует с утверждениями о преждевременной деиндустриализации и негативной деиндустриализации. Можно сказать, что Турция и Бразилия демонстрируют схожие тенденции в отраслевых переходах, что основано на сходстве модели импортозамещающей индустриализации и проводимой после этого международной валютной политики.

Начиная с 1970-х гг. при проводимой Р. Рейганом и М. Тэтчер политике развитые страны перешли к новой стратегии накопления капитала в слаборазвитых государствах, используя неолиберальную идеологию в условиях кризиса. Это привело к серьезным экономическим и политическим проблемам в Турции и схожих с ней странах, где продолжались поиски путей создания государства всеобщего благосостояния и демократизации, а процесс индустриализации замедлился. Впоследствии быстро начался процесс либерализации и приватизации во внешней торговле и финансах, включая программы международных валютных институтов (Şenses, 2004).

Можно сказать, что условия для деиндустриализации в Турции сформировались в период с 1960-х гг. по 1998 год, но решающую роль в начале деиндустриализации сыграла экономическая политика, проводимая после 2000 года. В условиях давления глобальной торговли и политики экономического роста, основанной на преобразовании городов, характеризующейся принятием краткосрочных, централизованных решений на местном уровне, существует риск, что деиндустриализация станет постоянной, структурной проблемой.

Стагнация добавленной стоимости промышленности без достижения высокого уровня, характерного для развитых экономик, и без начала технологического развития также препятствует появлению новых отраслей и продуктов с высокой добавленной стоимостью. Следует подчеркнуть, что инновации, творчество, развитие технологий, а также необходимые для этого знания и опыт могут развиваться только вместе с производством. Этот порочный круг правительство пыталось разорвать с помощью краткосрочных решений начиная с 1990-х гг. и особенно после 2000 года. Наиболее важными из таких решений стали преобразование городов и увеличение добавленной стоимости в строительстве и смежных отраслях. С другой стороны, в последующие периоды были осуществлены значительные инвестиции в оборонную промышленность и достигнут прогресс в разработке ее продукции. Однако в условиях пандемии и международной политической обстановки после ее окончания относительный рост характеризуется периодичностью. В долгосрочной перспективе реальное структурное экономическое развитие Турции может быть достигнуто только за счет мер экономической политики, которая позволит реализовать существующие динамические преимущества в сельском хозяйстве и в районах промышленного производства с высоким потенциалом.

Литература

- Alderson A.S. (1999). Explaining deindustrialization: Globalization, failure, or success? *American Sociological Review*, 64(5), 701–721. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/2657372.pdf?refreqid=excelsior%3A6b172838fd63edcb812f558ef104b761>
- Amin S. (1991). The ancient world-systems versus the modern capitalist world-system, *Review (Fernand Braudel Center)*, 14(3), 349–385. Available at: https://www.jstor.org/stable/40241188?seq=5#metadata_info_tab_contents

- Amin S. (2018 [1988]). *Avrupa-Merkezcilik, Bir İdeolojinin Eleştirisi*. Yordam Kitap, İstanbul. İlk basım: 1988, Paris.
- Ayık U. (2018). *Ekonomi politikalarının Bir Yansıması Olarak Sanayisizleşme ve Mekânsal Değişim*. Doktora Tezi. İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Coğrafya Anabilim Dalı, Tez Danışmanı: Prof.Dr. Sedat Avcı. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/332268649>
- Ayık U., Avcı S. (2018). Ekonomik ve Mekânsal Boyutlarıyla Sanayisizleşme, *TÜCAUM 30. Yıl Uluslararası Coğrafya Sempozyumu Kitabı*, 1276–1288. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/330688312>
- Bakır E., Özçelik E., Özmen E., Taşiran A.C. (2019). Türkiye’de Erken Sanayisizleşme. *Geçmişten Geleceğe Türkiye Ekonomisi; Fikret Şenses’e Armağan* içinde, Derleyenler: Murat Koyuncu, Hakan Mihçı, A. Erinç Yeldan, İletişim Yayınları, İstanbul. İlk basım.
- Baycan-Levent T. (2005). Globalization and development strategies for Istanbul: Regional policies and great urban transformation projects. In: la Greca P. (Ed.). *Planning in a More Globalized and Competitive World*. ISOCARP.
- Bluestone B. (1984). Is deindustrialization a myth? Capital mobility versus absorptive capacity in the U.S. economy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Deindustrialization: Restructuring the Economy*, 475, 39–51. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/1043546.pdf?refreqid=excelsior%3A0e6ef85328737ab66d75fdebc8d03b75>
- Braudel F. (2017[1949]). *AKDENİZ; II. Felipe Döneminde Akdeniz ve Akdeniz Dünyası I*. Çeviren: Mehmet Ali Kılıçbay, Doğubay Yayınları, 2017 Ankara. İlk basım 1949, Paris.
- Clark C. (1940). *The Conditions of Economic Progress*. London: Macmillan. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.223779>
- Dasgupta S., Singh A. (2006). *Manufacturing, Services and Premature Deindustrialization in Developing Countries; A Kaldorian Analysis*. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/rp2006-49.pdf>
- Doğruel A.S, Doğruel F. (2018). Two phases of deindustrialization policies in Istanbul “İstanbul’da Sanayisizleşme Politikalarının İki Safhası”, *Marmara İktisat Dergisi. Journal of Research in Economics*, 2(2), 186–201. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/594432>
- Doğruel A.S., Doğruel F. (2019). Küreselleşme, Unutulan Sanayi Politikaları ve Sanayisizleşme. *Çalışma ve Toplum Dergisi*, 1, 209–230. Available at: <https://www.calismatoplum.org/makale/kuresellesme-unutulan-sanayi-politikalarive-sanayisizlesme>
- Ficher A.G.B. (1939). *Production, Primary, Secondary and Tertiary*. Available at: [HTTPS://ONLINELIBRARY.WILEY.COM/DOI/FULL/10.1111/J.1475-4932.1939.TB01015.X](https://ONLINELIBRARY.WILEY.COM/DOI/FULL/10.1111/J.1475-4932.1939.TB01015.X)
- Frank A.G. (2010 [1998]). *Yeniden Doğuş; Asya Çağında Küresel Ekonomi*. Çeviren: Kâmil Kurtul, İmge Kitabevi, İstanbul. İlk basım: 1998, University of California Press.
- Kaldor N. (1966). *Causes of the Slow Rate of Economic Growth of the United Kingdom*. Cambridge University Press. Available at: <https://dokumen.pub/causes-of-the-slow-rate-of-economic-growth-of-the-united-kingdom-an-inaugural-lecture.html>
- Kepenek Y. (1999). *Türkiye’nin 1980 Sonrası Sanayileşme Süreci*. 75 yılda Çarklardan ‘Chip’lere içinde. Tarih Vakf Yayınları, İstanbul, Sf. 229-240.
- Keyder Ç. (2014). İkinci bölüm; İstanbul’da Emek ve Ekonomi Sunuş yazısı. *Yeni İstanbul Çalışmaları; Sınırlar, Mücadeleler, Açılımlar*. Hazırlayanlar: Ayfer Bartu Candan, Cenk Özbay, Metis Yayınları, 1. Basım, İstanbul.
- Kollmeyer C. (2009a). Explaining deindustrialization: How affluence, productivity growth, and globalization diminish manufacturing employment, *American Journal of Sociology*, 114(6), May, 1644–1674. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/10.1086/597176.pdf?refreqid=excelsior%3A376542acf3937ffb3ad08737029db525>
- Kollmeyer C. (2009b). Consequences of North-South trade for affluent countries: A new application of unequal exchange theory. *Review of International Political Economy*, 16(5), December, 803–826. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/27756195.pdf?refreqid=excelsior%3A7f14ae982a99664bdc020f19b26fde40>
- Kolsuz G., Yeldan A.E. (2014). 1980 Sonrası Türkiye Ekonomisinde Büyümenin Kaynaklarının Ayrıştırılması. *Çalışma ve Toplum*, 1, 49–66. Available at: <http://calismatoplum.org/sayi40/kolsuz.pdf>
- Kornev A. (2022). How the Russian economy can grow based on its reindustrialization. *Russian Social Science Review*, 63(1–3), 80–97. Available at: <https://doi.org/10.1080/10611428.2022.2111174>
- Köse Z., Dineri E. (2020). Sanayisizleşmeyi Etkileyen Faktörler Üzerine Bir İnceleme: Türkiye Örneği. *Dicle Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 10(20), 579–597. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/346563131>

- Krugman P. (1988). *Deindustrialization, Reindustrialization, and the Real Exchange Rate, Working Paper No. 2586*. Cambridge, MA. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w2586/w2586.pdf
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *The Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499. Available at: https://pr.princeton.edu/pictures/g-k/krugman/krugman-increasing_returns_1991.pdf (accessed: November 2, 2022).
- Kurşuncu H. (2016). *Türkiye’de Sanayi Sektöründe Yaşanan Dönüşümlerin İstanbul Kentinde Farklı Ortaya Çıkış Biçimleri*. İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Siyaset Bilimi ve Kamu Yönetimi Anabilim Dalı, Tez Danışmanı: Prof.Dr. Hatice Kurtuluş. Available at: <https://www.eskop.com/images/UserFiles/Documents/Editor/sanayisizles%CC%A7me.pdf>
- Kuznets S.S. (1973). Modern economic growth: Findings and reflections. *The American Economic Review*, 63(3), 247–258. Available at: <http://www.piketty.pse.ens.fr/files/Kuznets1973.pdf>
- Lorenzi J.H., Berrebi M. (2016). Chapter 4: The impact of deindustrialization. In: *A Violent World. Modern Threats to Economic Stability*. Palgrave Macmillan. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-137-58993-4.pdf>
- Marshall A. (1890). *Principles of Economics*. Available at: <https://eet.pixel-online.org/files/etranslation/original/Marshall,%20Principles%20of%20Economics.pdf>
- Meçik O., Aytun U. (2018). Türkiye ekonomisinde erken sanayisizleşmeye bölgesel bir yaklaşım. *ODTÜ Gelişme Dergisi*, 45, 59–81. Available at: <https://open.metu.edu.tr/bitstream/handle/11511/58152/980-6118-1-PB.pdf>
- Öz S. (2018). Dünyada ve Türkiye’de Sanayisizleşme. *EAF Ekonomik Araştırma Forumu*, Araştırma Notu 18–03. Available at: https://eaf.ku.edu.tr/wp-content/uploads/2019/06/eaf_an1803.pdf
- Prebisch R. (1950). *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. Available at: <http://archivo.cepal.org/pdfs/cdPrebisch/002.pdf>
- Rodrik D. (2016). Premature deindustrialization. *Journal of Economic Growth*, 21, 1–33. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10887-015-9122-3.pdf>
- Rostow W.W. (1959). The stages of economic growth. *The Economic History Review*, 12(1), 1–16. Available at: https://www.ufjf.br/oliveira_junior/files/2009/06/rostow.pdf
- Rowthorn R. Wells J. (1987). *De-Industrialization and Foreign Trade*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rowthorn R., Ramaswamy R. (1997). Deindustrialization – its causes and implications. *International Monetary Fund, Economic Issues*, 10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228288050_Deindustrialization_Its_Causes_and_Implications
- Ryazanov V. (2018). Turn to new industrialization: The world economy and Russia. In: *Proceedings of the Third International Economic Symposium*. DOI: 10.2991/ies-18.2019.5. Available at: <https://www.atlantispress.com/proceedings/ies-18/125924746>
- Şenses F. (2004). Neoliberal Küreselleşme Kalkınma için Bir Fırsat mı, Engel mi? *Middle East Technical University ERC Working Paper in Economic*, 4(9), 1–27. Available at: <https://erc.metu.edu.tr/en/system/files/menu/series04/0409.pdf>
- Şıklar I., Tonus O. (2007). Is it possible to deindustrialize before industrialization? The Turkish case. *Economicky Caposis*, 55(6), 594–611. Available at: <https://earsiv.anadolu.edu.tr/xmlui/handle/11421/18860>
- Yanıkaya H., Altun A., Tat P. (2019). Openness and deindustrialization: A Turkish case. *Bogazici Journal*, 33(2), 140–164. Available at: http://www.bujournal.boun.edu.tr/_uploads/33_2_4.pdf
- Yeldan E. (2006). *Küreselleşme Sürecinde Türkiye Ekonomisi; Bölüşüm, Birikim ve Büyüme*. İletişim Yayınları, İstanbul. İlk basım 2001.
- Yeldan E. (2011). Neoliberalizmin İdeolojik Bir Söylemi Olarak Küreselleşme. *İktisat Üzerine Yazılar I Küresel Düzen: Birikim, Devlet ve Sınıflar, Korkut Boratav’a Armağan içinde*, Derleyenler: A.H. Köse, F. Şenses, E. Yeldan, İletişim Yayınları, 429–453. İlk basım 2003.
- Yeldan E., Yıldırım D. (2015). Küreselleşme ve Sanayisizleşme Bağlamında Türkiye’de ve Dünyada Demokrasi Açığı. *Çalışma ve Toplum Dergisi*, 2, 65–87.
- Yücebaşı E. (2014). *Yeni Bölgeselleşme Paradigması ve Sanayisizleşme: İzmir Örneği*. Doktora Tezi. Dokuz Eylül Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Kamu Yönetimi Anabilim Dalı, Kamu Yönetimi Programı, Tez Danışmanı: Yrd. Doç. Dr. Şermin Atak. Available at: https://tez.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/tezDetay.jsp?id=BLdcFtILoyc4-uo3Xe_leA&no=S4xDYm8FpZpHu9UrAkuz8g
- Zuenko I. (2020). Russia–China cooperation: A view from the region. *Russian Politics & Law*. Available at: <https://doi.org/10.1080/10611940.2020.1835069>

Сведения об авторах

Айсу Узсайылыр – соискатель степени PhD, социолог, научный сотрудник, Стамбульский технический университет (Турция, 34437, г. Стамбул, Таксим, район Шишли, кампус Ташкышла; e-mail: aysukara@itu.edu.tr)

Тюзин Байджан – PhD, профессор, Стамбульский технический университет (Турция, 34437, г. Стамбул, Таксим, район Шишли, кампус Ташкышла; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Uzsayılır A., Baycan T.

Analysis of Deindustrialization Trends in Türkiye from an International Comparative Perspective

Abstract. In this study, deindustrialization was examined within the international political economy approach, and comparative analyzes were made to explain the deindustrialization trends in selected countries, especially in Türkiye. According to the results, deindustrialization, as a developed country phenomenon that started to decline at the peak of industrial productivity and caused an increase in the service sector, spread to developing countries mainly after the 1990s, with the global restructuring of labor through the neoliberalism. It has created an effect of industrialization in some of the developing economies and deindustrialization in others. It can be argued that the global effects of deindustrialization in developing countries are closely related to the economic policies of the nations before they entered the deindustrialization process. For example, Türkiye's main distinguishing aspect is the rapid transition from import substitution policies to a free market economy, while industrial development is still ongoing. As a result, it can be argued that Türkiye entered the process of premature deindustrialization in employment in terms of a direct transition from agriculture to the service sector and the inability of the service sector to absorb the labor force emerging from agriculture and industry, but this is a non-structural phase that can be overcome with alternative socioeconomic and spatial planning.

Key words: deindustrialization, globalization, political economy, comparative analyzes.

Information about the Authors

Aysu Uzsayılır – PhD student in Urban and Regional Planning, Sociologist/Academician, Istanbul Technical University (34437, Taskisla, Taksim, Sisli, Istanbul, Türkiye; e-mail: aysukara@itu.edu.tr)

Tüzin Baycan – PhD in Urban and Regional Planning, Professor, Istanbul Technical University (34437, Taskisla, Taksim, Sisli, Istanbul, Türkiye; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Статья поступила 27.04.2023.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (август 2023 г.), а также за период с августа 2022 по август 2023 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2022 гг.²

В июне – августе 2023 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ существенно не изменилась (60–61%). Удельный вес отрицательных суждений о работе главы государства составил 22–23%³.

За период с августа 2022 по август 2023 г. удельный вес позитивных характеристик деятельности Президента РФ составил 60%. Доля негативных оценок 22%⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются позитивные изменения, **красной заливкой** – негативные, **синей** – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 2 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в августе 2023 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в августе 2022 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022		Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	авг. 2022	июнь 2023
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0		60,9	59,0	59,5	61,1	60,5	61,3	60,3	-1	-1
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7		21,8	23,5	25,1	22,5	23,7	23,3	22,3	+1	-1
Председатель Правительства РФ*																		
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4		47,5	48,1	50,1	49,3	48,3	49,2	50,8	+3	+2
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0		29,4	31,3	29,9	27,9	28,1	27,1	26,1	-3	-1
Губернатор области																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9		43,3	43,0	45,5	47,1	48,3	48,7	48,1	+5	-1
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8		32,5	33,9	35,2	33,0	32,3	30,7	29,7	-3	-1

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»
*Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Одобрю	-1	-1
Не одобряю	+1	-1

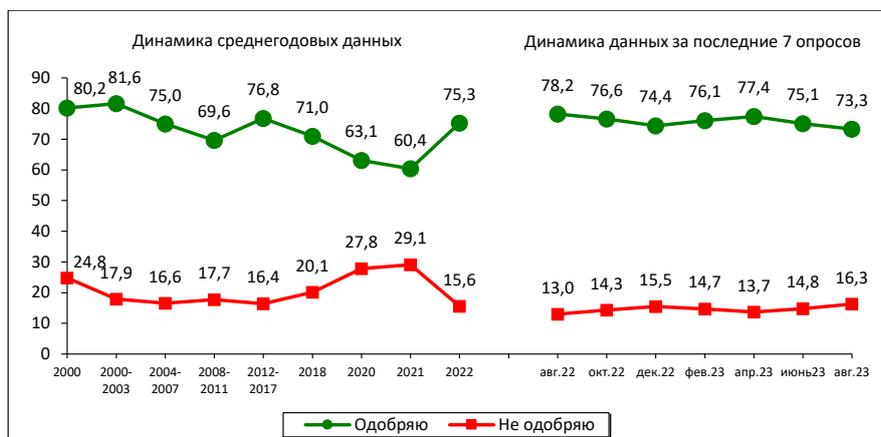
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с июня по первую половину августа 2023 г. снизился на 2 п. п. (с 75 до 73%). Доля негативных характеристик существенно не изменилась и составила 15–16%.

С августа 2022 по первую половину августа 2023 г. доля положительных оценок деятельности главы государства уменьшилась на 5 п. п. (с 78 до 73%). Удельный вес отрицательных характеристик возрос на 3 п. п. (с 13 до 16%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Одобрению	-5	-2
Не одобряю	+3	+2

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

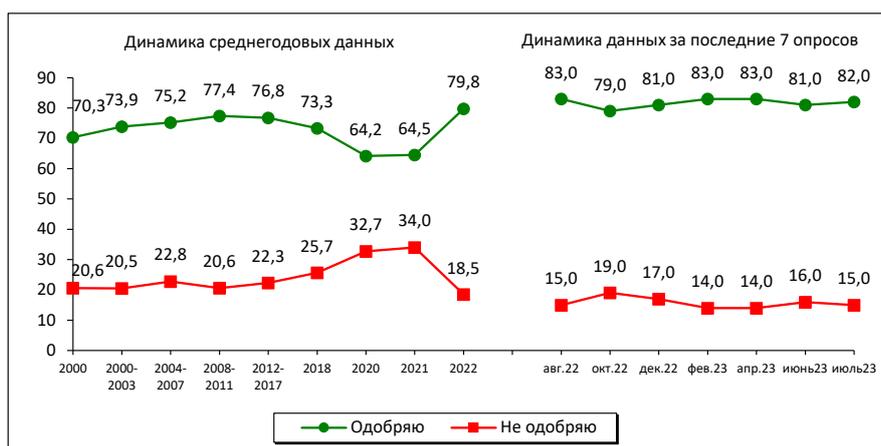
Данные за август 2023 г. – среднее за два опроса (от 06.08.2023 и 13.08.2023).

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра, доля позитивных оценок деятельности Президента РФ в июне – июле 2023 г. составила 81–82%; удельный вес отрицательных характеристик – 15–16%.*

За последние 12 месяцев значительных изменений также не наблюдается: доля положительных характеристик составляет 82–83%, отрицательных – 15%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), июль 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июль 2023
Одобрению	-1	+1
Не одобряю	0	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, не изменился и составил 48%. Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, также сохранилась на уровне июня 2023 г. (34%).

За последние 12 месяцев (с августа 2022 по август 2023 г.) доля положительных оценок работы президента по укреплению международных позиций России незначительно снизилась (на 3 п. п., с 50 до 47%), при этом удельный вес негативных характеристик возрос на 5 п. п. (с 29 до 34%).

Укрепление международных позиций России

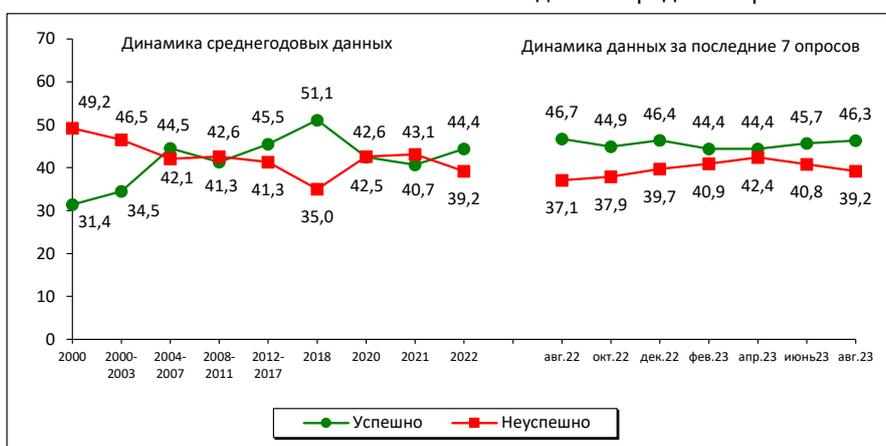

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Успешно	-3	0
Неуспешно	+5	0

Доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, в июне – августе 2023 г. составила 46%; удельный вес негативных характеристик незначительно снизился (на 2 п. п., с 41 до 39%).

За последние 12 месяцев доля позитивных оценок успешности решения главой государства проблемы наведения порядка в стране не изменилась (46–47%). Удельный вес отрицательных отзывов возрос на 2 п. п. (с 37 до 39%).

Наведение порядка в стране

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Успешно	0	+1
Неуспешно	+2	-2

В июне – августе 2023 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан составила 41%, отрицательных – 40%.

С августа 2022 по август 2023 г. наблюдается незначительное увеличение доли позитивных характеристик (на 3 п. п., с 38 до 41%). Удельный вес негативных суждений не изменился и составил 40–41%.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Успешно	+3	0
Неудачно	-1	-1

Доля положительных суждений о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан за последние два месяца составила 36–37%. Удельный вес отрицательных характеристик – 50–51%.

За последние 12 месяцев доля позитивных суждений увеличилась на 4 п. п. (с 32 до 36%), отрицательных – уменьшилась на 3 п. п. (с 53 до 50%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Успешно	+4	-1
Неудачно	-3	-1

Остается стабильной структура партийно-политических предпочтений жителей области. В июне – августе 2023 г. доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 39%, КПРФ – 10%, ЛДПР – 7–8%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 2%.

С августа 2022 по август 2023 г. отмечается рост поддержки «Единой России» (на 3 п. п., с 36 до 39%), а также незначительное снижение доли людей, считающих, что ни одна из парламентских партий не выражает их интересы (на 4 п. п., с 29 до 25%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2023 к	
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	авг. 2022	июнь 2023
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	36,2	36,7	38,3	39,1	37,6	39,3	39,0	+3	0
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	10,4	9,9	9,3	9,5	9,3	9,5	9,8	-1	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	6,8	6,0	6,3	5,9	6,9	6,7	7,8	+1	+1
«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»	–	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,9	4,5	4,7	4,6	4,7	4,7	4,5	0	0
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	1,1	1,5	1,3	2,1	2,1	2,3	0	0
Другая	0,9	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,5	0,0	0,1	0,1	0,0	0,2	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	29,3	30,6	29,9	28,0	28,0	26,5	25,2	-4	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	10,5	10,8	9,9	11,4	11,4	11,4	11,2	+1	0

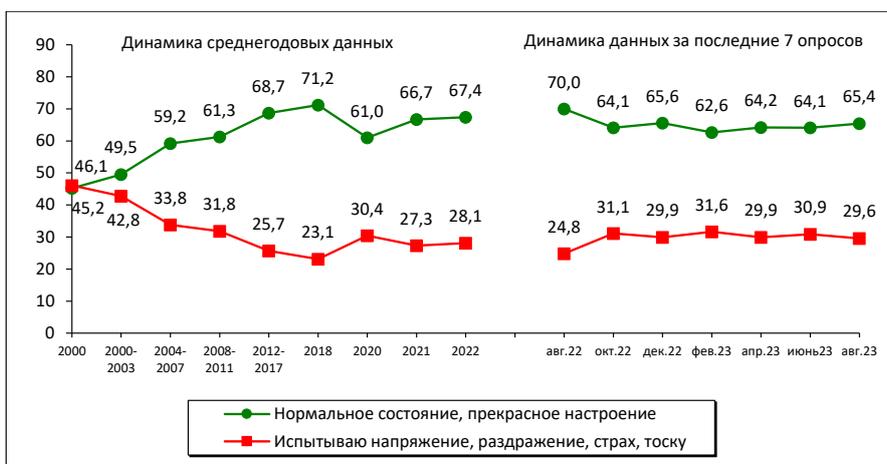
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

С июня по август 2023 г. доля положительных оценок социального настроения сохранилась на уровне 64–65%. Удельный вес людей, испытывающих преимущественно негативные эмоции, также не изменился и составил 30–31%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 5 п. п. (с 70 до 65%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», возрос также на 5 п. п. (с 25 до 30%).

Социальное настроение

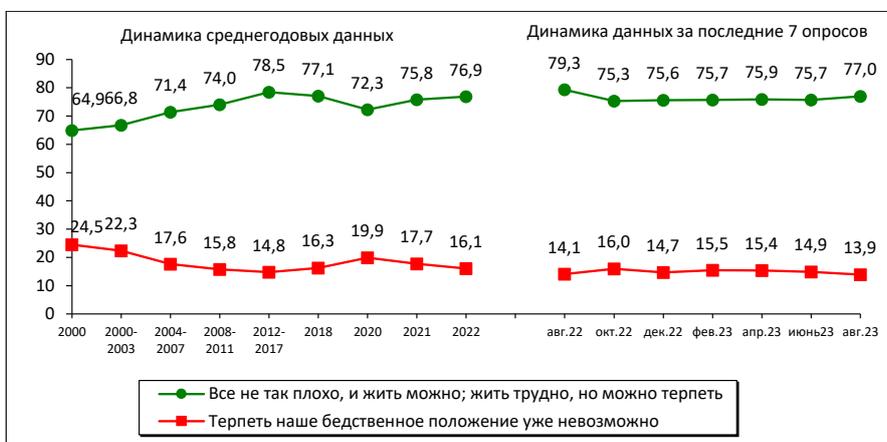

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-5	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+5	-1

В июне – августе 2023 г. остается стабильной доля людей, которые считают, что «все не так плохо и можно жить» (76–77%), и тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно» (14–15%).

С августа 2022 по август 2023 г. удельный вес позитивных характеристик запаса терпения незначительно снизился (на 2 п. п., с 79 до 77%), при этом доля отрицательных суждений существенно не изменилась (14%).

Запас терпения

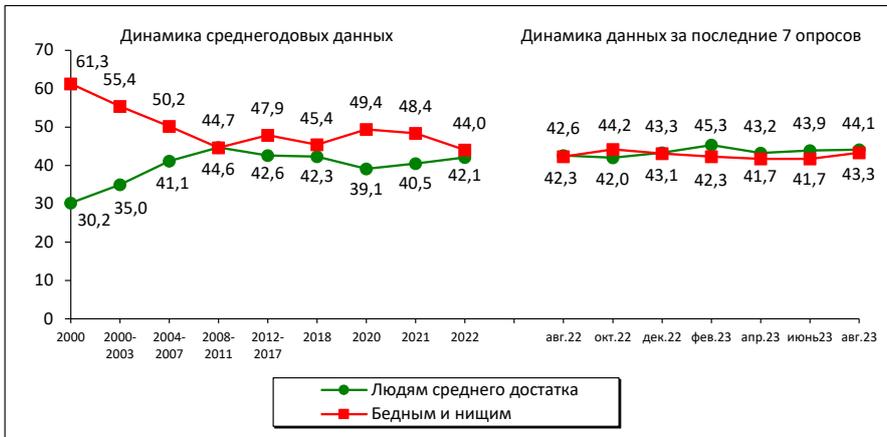

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-2	+1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	0	-1

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», в июне – августе 2023 г. составил 42–43%. Доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка» – 44%.

Ощутимых изменений не наблюдается также в годовой динамике. За последние 12 месяцев доля «бедных и нищих» жителей области составила 42–43%, «людей среднего достатка» – 43–44%.

Социальная самоидентификация

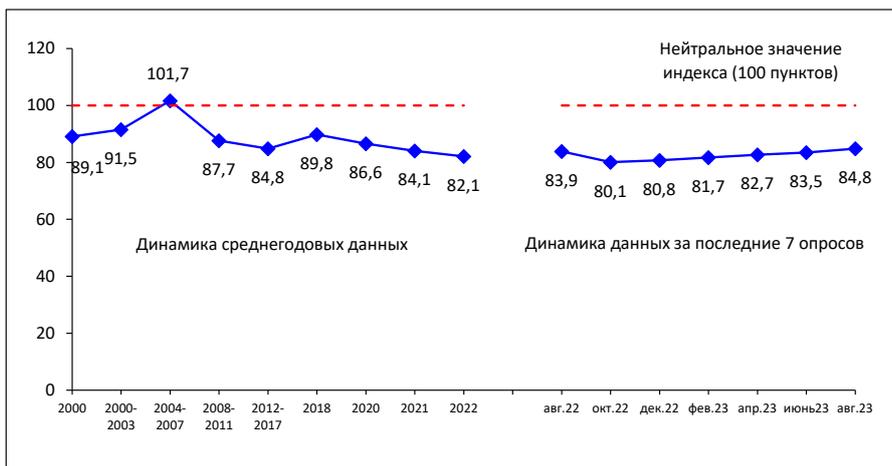
Изменение (+/-), август 2023 г. к		
Вариант ответа	авг. 2022	июнь 2023
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+2	0
Доля считающих себя бедными и нищими	+1	+2

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

За последние два месяца индекс потребительских настроений (ИПН) не изменился и составил 84–85 пунктов.

По сравнению с августом 2022 г. существенных изменений в динамике ИПН также не наблюдается (84–85 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

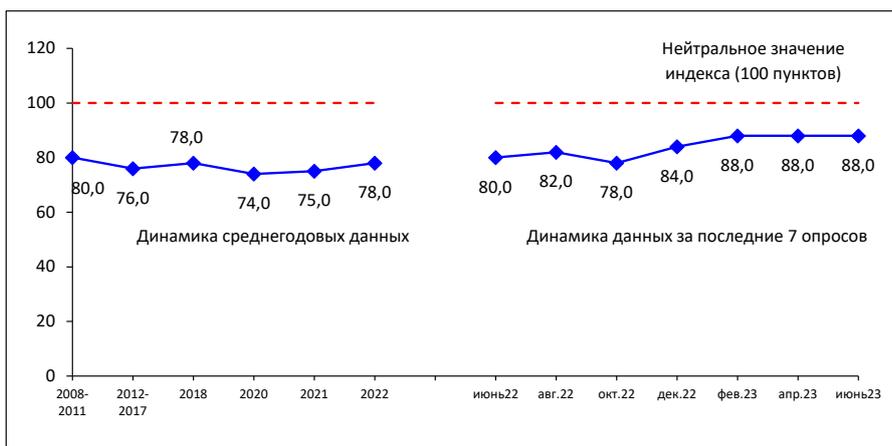
Изменение (+/-), август 2023 г. к		
ИПН	авг. 2022	июнь 2023
Значение индекса, в пунктах	+1	+1

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра*, индекс потребительских настроений за период с апреля по июнь 2023 г. не изменился и составил 88 пунктов.

С июня 2022 по июнь 2023 г. в динамике ИПН наблюдаются позитивные изменения (индекс вырос на 8 пунктов, с 80 до 88 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), июнь 2023 г. к		
ИПН	июнь 2022	апр. 2023
Значение индекса, в пунктах	+8	0

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за июнь 2023 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

С апреля по июнь 2023 г. в большинстве основных социально-демографических категорий населения (в 12 из 14) оценки социального настроения существенно не изменились. Незначительные позитивные изменения отмечаются только среди людей в возрасте до 30 лет (доля позитивных оценок социального настроения увеличилась на 3 п. п., с 73 до 76%) и жителей г. Вологды (также на 3 п. п., с 58 до 61%).

В динамике общественных настроений за последние 12 месяцев (с августа 2022 по август 2023 г.) отмечаются преимущественно негативные тенденции. Удельный вес людей, характеризующих свое настроение как «прекрасное, нормальное, ровное», снизился в 10 из 14 основных социально-демографических групп, особенно среди людей старше 55 лет (на 8 п. п., с 64 до 56%), жителей Череповца (на 8 п. п., с 74 до 66%) и людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 7 п. п., с 77 до 70%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), авг. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	авг. 2022	июнь 2023
Пол																	
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	69,9	65,0	64,7	62,5	65,4	63,4	65,4	-4	+2
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	70,2	63,3	66,5	62,7	63,4	64,7	65,3	-5	+1
Возраст																	
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	77,8	74,5	78,7	70,6	72,9	72,9	76,2	-2	+3
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	72,0	65,2	68,5	63,9	67,7	68,6	69,2	-3	+1
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	64,6	58,7	57,2	58,1	56,9	55,4	56,3	-8	+1
Образование																	
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	68,5	58,9	62,7	57,2	60,2	61,6	63,2	-5	+2
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	71,0	65,8	64,3	63,7	65,1	63,7	65,1	-6	+1
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	70,8	67,5	70,6	67,3	67,3	68,2	67,4	-3	-1
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	55,4	50,7	55,4	46,2	47,8	50,4	49,6	-6	-1
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	73,2	65,9	66,1	62,2	64,4	65,7	67,9	-5	+2
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	77,0	78,7	74,9	73,8	78,2	72,1	70,3	-7	-2
Территории																	
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	61,5	55,7	57,2	54,5	56,0	57,8	60,8	-1	+3
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	74,6	67,9	69,1	65,9	68,4	67,9	66,4	-8	-2
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	72,3	66,6	68,5	65,3	66,6	65,6	67,3	-5	+2
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	70,1	64,1	65,7	62,6	64,3	64,1	65,3	-5	+1

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты очередной «волны» мониторинга общественного мнения, за период с июня по август 2023 г. существенных изменений в динамике общественных настроений не произошло:

- ✓ стабильными остаются оценки деятельности органов власти (уровень одобрения Президента РФ – 60–61%; Председателя Правительства – 49–50%; губернатора области – 49–50%);
- ✓ на прежнем уровне сохраняется субъективное восприятие людьми динамики своего материального положения (доля «бедных и нищих» – 42–43%; «людей среднего достатка» – 44%);
- ✓ как и в июне 2023 г., большинство жителей области характеризуют свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное» (67%) и считают, что «все не так плохо» или «жить трудно, но можно терпеть» (77%).

Пожалуй, в сегодняшних условиях, когда продолжаются боевые действия по достижению целей СВО и происходят хотя и безуспешные, но все-таки теракты на территории России, сохранение стабильности общественных настроений следует трактовать в позитивном ключе.

Отдельно отметим тот факт, что на период проведения опроса пришлось крайне резонансные события 23–24 июня, когда частной военной компанией «Вагнер», возглавляемой бизнесменом Е. Пригожиным, был совершен вооруженный мятеж и страна, как отметил Президент, фактически оказалась на грани «гражданской войны»⁵. Многие эксперты⁶ обратили внимание на то, что это могло стать следствием внутренних противоречий в системе государственного управления; результатом борьбы кланов и групп во властвующих элитах страны, и это, конечно, говорит не в пользу действующей системы государственного управления, поскольку показывает её уязвимость.

Однако (по крайней мере, по прошествии двух месяцев после мятежа) можно констатировать, что данный факт не оказывает существенного влияния на динамику общественного мнения относительно деятельности органов власти и, в частности, Президента РФ – «главного арбитра» этой системы.

Также очень важно подчеркнуть, что, несмотря на продолжающиеся экономические санкции со стороны стран коллективного Запада и объективную необходимость в условиях СВО уделять повышенное внимание развитию военно-промышленного комплекса, органам власти удается поддерживать тренд на развитие экономики в целом и поддержание благосостояния населения в частности. Как отметил В.В. Путин на прошедшем в августе заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, «Россия по итогам 2022 года, несмотря на все пессимистические прогнозы, вошла в пятерку крупнейших экономик мира... Если в прошлом году реальные располагаемые доходы, к сожалению, снизились на 1%, то за первое полугодие текущего года они уже выросли на 4,7%... в реальном выражении, то есть с учётом инфляции... Сопоставимыми темпами – на 4,2% – увеличилась и средняя заработная плата по экономике»⁷.

Данные статистики по Вологодской области также указывают на поддержание хотя и незначительных, но позитивных изменений в динамике уровня жизни граждан: так, в январе – мае 2023 г. среднемесячная заработная плата по региону возросла на 7,9% по сравнению с аналогичным периодом 2022 г.; реальная заработная плата увеличилась на 1,6%; индекс потребительских цен на продовольственные товары во 2 квартале 2023 г. составил 99,6% по отношению к 1 кварталу (хотя

⁵ Выступление В.В. Путина перед подразделениями Минобороны, Росгвардии, ФСБ, МВД, ФСО, обеспечившими порядок и законность во время мятежа // Официальный сайт Президента РФ. 26.06.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71533>

⁶ См., например: Месяц мятежу Пригожина // Независимая газета. 23.07.2023. URL: https://www.ng.ru/editorial/2023-07-23/2_8780_red.html?ysclid=1kct0xzc7b221294017; Скоробогатый П. (заместитель главного редактора, редактор отдела политики журнала «Эксперт», эксперт Центра прикладных исследований и программ). Видеоинтервью в программе «Нейтральная зона» (видеоблог израильского журналиста А. Вальдмана). 26.06.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vt2qH1Sk4dc>

⁷ Выступление В.В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента РФ. 22.08.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72084>

нельзя не отметить рост потребительских цен на непродовольственные товары и услуги: на 1,5 и 3,1% соответственно во 2 квартале по отношению к 1 кварталу)⁸.

В целом можно констатировать, что динамика самооценок материального положения остается стабильной, причем это касается как текущей характеристики уровня жизни, так и оценки перспектив будущего российской экономики (о чем свидетельствует индекс потребительских настроений, который в июне – августе 2023 г. не изменился и составил 84–85 пунктов). И это очень важно в сегодняшних непростых для страны условиях.

Однако, характеризуя динамику социальных настроений, было бы неправильно и недальновидно игнорировать ряд настораживающих моментов, которые также отражаются в результатах мониторинга общественного мнения. В частности:

✓ в августе 2023 г. впервые за последние 11 месяцев (с октября 2022 г.) незначительно увеличилась доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих» жителей области (с октября 2022 по июнь 2023 г. она уменьшилась на 3 п. п. (с 44 до 41%), с июня по август 2023 г. – составила 42–43%);

✓ с февраля 2023 г. стабильной остается доля людей, считающих успешными действия главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан (35–36%); однако при этом за предыдущие 5 месяцев (с августа по декабрь 2022 г.) отмечалась позитивная динамика – их удельный вес возрос на 3 п. п. (с 32 до 35%);

✓ кроме того, за последние 12 месяцев (с августа 2022 по август 2023 г.) фактически ни в одной из основных социально-демографических групп населения не произошло улучшения показателей социального настроения. Напротив, в 10 из 14 анализируемых категорий доля людей, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, снизилась, причем в некоторых – весьма существенно (среди людей старше 55 лет – на 8 п. п. (с 64 до 56%), среди жителей Череповца – на 8 п. п. (с 74 до 66%), людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наиболее обеспеченных жителей области, – на 7 п. п. (с 77 до 70%).

Таким образом, по итогам очередной «волны» исследования можно констатировать, что в динамике общественных настроений наблюдается ряд настораживающих тенденций, хотя в целом по ключевым показателям мониторинга оценки населения остаются стабильными.

При этом следует отметить тот факт, что приближающийся осенне-зимний период (который традиционно сопровождается ростом тарифов ЖКХ, окончанием отпусков и ухудшением климатических условий) создает определенный риск ухудшения общественных настроений, и это указывает на необходимость повышенного внимания органов власти всех уровней в ходе реализации мер по поддержанию уровня и качества жизни граждан.

И, конечно, ключевым фактором, влияющим на характер общественных настроений последние уже почти 20 месяцев (с февраля 2022 по август 2023 г.), по-прежнему остается развитие ситуации на поле боя; эффективность вооруженных сил России в достижении целей СВО. Как отметил глава государства, «сейчас нет дела важнее» и от него зависит «безопасность страны и будущее государственности»⁹.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁸ Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – июне 2023 года: доклад (2023) / Вологдастат. Вологда. 98 с.

⁹ Выступление В.В. Путина на Параде Победы // Официальный сайт Президента РФ. 09.05.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71104>

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.08.2023.
Дата выхода в свет 31.08.2023.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 37,6. Тираж 500 экз. Заказ № 35.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru